VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

Академия наук СССР

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ НАУКИ

SIGMUND FREUD

Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse Und Neue Folge

Frankfurt am Main
S. Fischer Verlag 1976

ЗИГМУНД ФРЕЙД

Введение в психоанализ

•

Лекции

Издание подготовил
М. Г. ЯРОШЕВСКИЙ

Издание второе, стереотипное

МОСКВА «НАУКА» 1991

ББК 88.5
Ф86

СЕРИЯ «КЛАССИКИ НАУКИ»

Основана академиком *С. И. Вавиловым*

ПОДСЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ НАУКИ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А. А. Баев (председатель), *И. Е. Дзялошинский, А. Ю. Ишлинский, С. П. Капица, И. Л. Кнунянц, А. Н. Колмогоров, С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин* (ученый секретарь), *Л. С. Полак, Я. А. Смородинский, А. С. Спирин, И. Т. Фролов* (заместитель председателя), *А. Н. Шамин, А. Л. Яншин*

Перевод с немецкого *Г. В. Барышниковой*

Литературная редакция
Е. Е. Соколовой и Т. В. Родионовой

Ответственные редакторы
И. Т. Фролов, М. Г. Ярошевский

Фрейд З.
Ф86 Введение в психоанализ: Лекции / Авторы очерка о Фрейде Ф. В. Бассин и М. Г. Ярошевский.— М.: Наука. 1991.— 456 с.— (Серия «Классики науки»)
ISBN 5–02–013357–4

Излагаются основные положения и принципы психоаналитической теории личности, предложенной и разработанной всемирно известным психиатром и психологом Зигмундом Фрейдом.
Для психологов, философов, социологов, медиков.

Ф $\frac{0303040000-054}{042(02)-91}$ Без объявл. ББК 88.5

ISBN 5–02–13357–4

© Перевод на русский язык, статья о З. Фрейде и комментарии. Издательство «Наука», 1989

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОШИБОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

(1916 [1915])

Предисловие

Предлагаемое вниманию читателя «Введение в психоанализ» ни в коей мере не претендует на соперничество с уже имеющимися сочинениями в этой области науки (*Hitschmann.* Freuds Neurosenlehre. 2 Aufl., 1913; *Pfister.* Die psychoanalytische Methode, 1913; *Leo Kaplan.* Grundzüge der Psychoanalyse, 1914; *Régis et Hesnard.* La psychoanalyse des névroses et des psychoses, Paris, 1914; *Adolf F. Meijer.* De Behandeling van Zenuwzieken door Psycho-Analyse. Amsterdam, 1915). Это точное изложение лекций, которые я читал в течение двух зимних семестров 1915/16 г. и 1916/17 г. врачам и неспециалистам обоего пола.

Все своеобразие этого труда, на которое обратит внимание читатель, объясняется условиями его возникновения. В лекции нет возможности сохранить бесстрастность научного трактата. Более того, перед лектором стоит задача удержать внимание слушателей в течение почти двух часов. Необходимость вызвать немедленную реакцию привела к тому, что один и тот же предмет обсуждался неоднократно, например в первый раз в связи с толкованием сновидений, а затем в связи с проблемами неврозов. Вследствие такой подачи материала некоторые важные темы, как, например, бессознательное, нельзя было исчерпывающе представить в каком-то одном месте, к ним приходилось неоднократно возвращаться и снова их оставлять, пока не представлялась новая возможность что-то прибавить к уже имеющимся знаниям о них.

Тот, кто знаком с психоаналитической литературой, найдет в этом «Введении» немногое из того, что было бы ему неизвестно из других, более подробных публикаций. Однако потребность дать материал в целостном, завершенном виде вынудила автора привлечь в отдельных разделах (об этиологии страха, истерических фантазиях) ранее не использованные данные.

Вена, весна 1917 г. *Фрейд*

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Введение

Уважаемые дамы и господа! Мне неизвестно, насколько каждый из вас из литературы или понаслышке знаком с психоанализом. Однако само название моих лекций — «Элементарное введение в психоанализ» — предполагает, что вы ничего не знаете об этом и готовы получить от меня первые сведения. Смею все же предположить, что вам известно следующее: психоанализ является одним из методов лечения нервнобольных; и тут я сразу могу привести вам пример, показывающий, что в этой области кое-что делается по-иному или даже наоборот, чем принято в медицине. Обычно, когда больного начинают лечить новым для него методом, ему стараются внушить, что опасность не так велика, и уверить его в успехе лечения. Я думаю, это совершенно оправданно, так как тем самым мы повышаем шансы на успех. Когда же мы начинаем лечить невротика методом психоанализа, мы действуем иначе. Мы говорим ему о трудностях лечения, его продолжительности, усилиях и жертвах, связанных с ним. Что же касается успеха, то мы говорим, что не можем его гарантировать, поскольку он зависит от поведения больного, его понятливости, сговорчивости и выдержки. Естественно, у нас есть веские основания для такого как будто бы неправильного подхода к больному, в чем вы, видимо, позднее сможете убедиться сами.

Не сердитесь, если я на первых порах буду обращаться с вами так же, как с этими нервнобольными. Собственно говоря, я советую вам отказаться от мысли прийти сюда во второй раз. Для этого сразу же хочу показать вам, какие несовершенства неизбежно присущи обучению психоанализу и какие трудности возникают в процессе выработки собственного суждения о нем. Я покажу вам, как вся направленность вашего предыдущего образования и все привычное ваше мышление будут неизбежно делать вас противниками психоанализа и сколько нужно будет вам преодолеть, чтобы совладать с этим инстинктивным сопротивлением. Что вы поймете в психоанализе из моих лекций, заранее сказать, естественно, трудно, однако могу твердо обещать, что, прослушав их, вы не научитесь проводить психоаналитическое исследование и лечение. Если же среди вас найдется кто-то, кто не удовлетворится беглым знакомством с психоанализом, а захочет прочно связать себя с ним, я не только не посоветую это сделать, но всячески стану его предостерегать от этого шага. Обстоятельства таковы, что подобный выбор профессии исключает для него всякую возможность продвижения в университете. Если же такой врач займется практикой, то окажется в обществе, не понимающем его устремлений, относящемся к нему с недоверием и враждебностью и ополчившем против него все скрытые темные силы. Возможно, кое-ка-

кие моменты, сопутствующие войне, свирепствующей ныне в Европе, дадут вам некоторое представление о том, что сил этих — легионы.

Правда, всегда найдутся люди, для которых новое в познании имеет свою привлекательность, несмотря на все связанные с этим неудобства. И если кто-то из вас из их числа и, несмотря на мои предостережения, придет сюда снова, я буду рад приветствовать его. Однако вы все вправе знать, какие трудности связаны с психоанализом.

Во-первых, следует указать на сложность преподавания психоанализа и обучения ему. На занятиях по медицине вы привыкли к наглядности. Вы видите анатомический препарат, осадок при химической реакции, сокращение мышцы при раздражении нервов. Позднее вам показывают больного, симптомы его недуга, последствия болезненного процесса, а во многих случаях и возбудителей болезни в чистом виде. Изучая хирургию, вы присутствуете при хирургических вмешательствах для оказания помощи больному и можете сами провести операцию. В той же психиатрии осмотр больного дает вам множество фактов, свидетельствующих об изменениях в мимике, о характере речи и поведении, которые весьма впечатляют. Таким образом, преподаватель в медицине играет роль гида-экскурсовода, сопровождающего вас по музею, в то время как вы сами вступаете в непосредственный контакт с объектами и благодаря собственному восприятию убеждаетесь в существовании новых для нас явлений.

В психоанализе, к сожалению, все обстоит совсем по-другому. При аналитическом лечении не происходит ничего, кроме обмена словами между пациентом и врачом. Пациент говорит, рассказывает о прошлых переживаниях и нынешних впечатлениях, жалуется, признается в своих желаниях и чувствах. Врач же слушает, стараясь управлять ходом мыслей больного, кое о чем напоминает ему, удерживает его внимание в определенном направлении, дает объяснения и наблюдает за реакциями приятия или неприятия, которые он таким образом вызывает у больного. Необразованные родственники наших больных, которым импонирует лишь явное и ощутимое, а больше всего действия, какие можно увидеть разве что в кинематографе, никогда не упустят случая усомниться: «Как это можно вылечить болезнь одними разговорами?». Это, конечно, столь же недальновидно, сколь и непоследовательно. Ведь те же самые люди убеждены, что больные «только выдумывают» свои симптомы. Когда-то слова были колдовством, слово и теперь во многом сохранило свою прежнюю чудодейственную силу. Словами один человек может осчастливить другого или повергнуть его в отчаяние, словами учитель передает свои знания ученикам, словами оратор увлекает слушателей и способствует определению их суждений и решений. Слова вызывают аффекты и являются общепризнанным средством воздействия людей друг на друга. Не будем же недооценивать использование слова в психотерапии и будем довольны, если сможем услышать слова, которыми обмениваются аналитик и его пациент.

Но даже и этого нам не дано. Беседа, в которой и заключается психоаналитическое лечение, не допускает присутствия посторонних; ее нельзя продемонстрировать. Можно, конечно, на лекции по психиатрии

показать учащимся неврастеника или истерика. Тот, пожалуй, расскажет о своих жалобах и симптомах, но не больше того. Сведения, нужные психоаналитику, он может дать лишь при условии особого расположения к врачу; однако он тут же замолчит, как только заметит хоть одного свидетеля, индифферентного к нему. Ведь эти сведения имеют отношение к самому интимному в его душевной жизни, ко всему тому, что он, как лицо социально самостоятельное, вынужден скрывать от других, а также к тому, в чем он как цельная личность не хочет признаться даже самому себе.

Таким образом, беседу врача, лечащего методом психоанализа, нельзя услышать непосредственно. Вы можете только узнать о ней и познакомитесь с психоанализом в буквальном смысле слова лишь понаслышке. К собственному взгляду на психоанализ вам придется прийти в необычных условиях, поскольку сведения о нем вы получаете как бы из вторых рук. Во многом это зависит от того доверия, с которым вы относитесь к посреднику.

Представьте себе теперь, что вы присутствуете на лекции не по психиатрии, а по истории, и лектор рассказывает вам о жизни и военных подвигах Александра Македонского. На каком основании вы верите в достоверность его сообщений? Сначала кажется, что здесь еще сложнее, чем в психоанализе, ведь профессор истории не был участником походов Александра так же, как и вы; психоаналитик, по крайней мере, сообщает вам о том, в чем он сам играл какую-то роль. Но тут наступает черед тому, что заставляет нас поверить историку. Он может сослаться на свидетельства древних писателей, которые или сами были современниками Александра, или по времени жили ближе к этим событиям, т. е. на книги Диодора, Плутарха, Арриана и др.; он покажет вам изображения сохранившихся монет и статуй царя, фотографию помпейской мозаики битвы при Иссе. Однако, строго говоря, все эти документы доказывают только то, что уже более ранние поколения верили в существование Александра и в реальность его подвигов, и вот с этого и могла бы начаться ваша критика. Тогда вы обнаружите, что не все сведения об Александре достоверны и не все подробности можно проверить, но я не могу предположить, чтобы вы покинули лекционный зал, сомневаясь в реальности личности Александра Македонского. Ваша позиция определится главным образом двумя соображениями: во-первых, вряд ли у лектора есть какие-то мыслимые мотивы, побудившие выдавать за реальное то, что он сам не считает таковым, и, во-вторых, все доступные исторические книги рисуют события примерно одинаково. Если вы затем обратитесь к изучению древних источников, вы обратите внимание на те же обстоятельства, на возможные побудительные мотивы посредников и на сходство различных свидетельств. Результаты вашего исследования наверняка успокоят вас насчет Александра, однако они, вероятно, будут другими, если речь зайдет о таких личностях, как Моисей или Нимрод *. О том, какие со-

* Нимрод или Немврод – по библейской легенде, основатель Вавилонского царства.– *Примеч. ред. перевода.*

мнения могут возникнуть у вас относительно доверия к лектору-психоаналитику, вы узнаете позже.

Теперь вы вправе задать вопрос: если у психоанализа нет никаких объективных подтверждений и нет возможности его продемонстрировать, то как же его вообще можно изучить и убедиться в правоте его положений? Действительно, изучение психоанализа дело нелегкое, и лишь немногие по-настоящему овладевают им, однако приемлемый путь, естественно, существует. Психоанализом овладевают прежде всего на самом себе, при изучении своей личности. Это не совсем то, что называется самонаблюдением, но в крайнем случае психоанализ можно рассматривать как один из его видов. Есть целый ряд распространенных и общеизвестных психических явлений, которые при некотором овладении техникой изучения самого себя могут стать предметами анализа. Это дает возможность убедиться в реальности процессов, описываемых в психоанализе, и в правильности их понимания. Правда, успешность продвижения по этому пути имеет свои пределы. Гораздо большего можно достичь, если тебя обследует опытный психоаналитик, если на собственном Я испытываешь действие анализа и можешь от другого перенять тончайшую технику этого метода. Конечно, этот прекрасный путь доступен лишь каждому отдельно, а не всем сразу.

Другое затруднение в понимании психоанализа лежит не в нем, а в вас самих, поскольку вы до сих пор занимались изучением медицины. Стиль вашего мышления, сформированный предшествующим образованием, далек от психоаналитического. Вы привыкли обосновывать функции организма и их нарушения анатомически, объяснять их химически и физически и понимать биологически, но никогда ваши интересы не обращались к психической жизни, которая как раз и является венцом нашего удивительно сложного организма. А посему психологический подход вам чужд, и вы привыкли относиться к нему с недоверием, отказывая ему в научности и отдавая его на откуп непрофессионалам, писателям, натурфилософам и мистикам. Такая ограниченность, безусловно, только вредит вашей врачебной деятельности, так как больной предстает перед вами прежде всего своей душевной стороной, как это и происходит во всех человеческих отношениях, и я боюсь, что в наказание за то вам придется поделиться терапевтической помощью, которую вы стремитесь оказать, с самоучками, знахарями и мистиками, столь презираемыми вами.

Мне ясно, чем оправдывается этот недостаток в вашем образовании. Вам не хватает философских знаний, которыми вы могли бы пользоваться в вашей врачебной практике. Ни спекулятивная философия, ни описательная психология, ни так называемая экспериментальная психология, смежная с физиологией чувств, как они преподносятся в учебных заведениях, не в состоянии сказать вам что-нибудь вразумительное об отношении между телом и душой, дать ключ к пониманию возможного нарушения психических функций [1]. Правда, в рамках медицины описанием наблюдаемых психических расстройств и составлением клинической картины болезней занимается психиатрия, но ведь в часы откровенности

психиатры сами высказывают сомнения в том, заслуживают ли их описания названия науки. Симптомы, составляющие эти картины болезней, не распознаны по своему происхождению, механизму и взаимной связи; им соответствуют либо неопределенные изменения анатомического органа души, либо такие изменения, которые ничего не объясняют. Терапевтическому воздействию эти психические расстройства доступны только тогда, когда их можно обнаружить по побочным проявлениям какого-то иного органического изменения.

Психоанализ как раз и стремится восполнить этот пробел. Он предлагает психиатрии недостающую ей психологическую основу, надеясь найти ту общую базу, благодаря которой становится понятным сочетание соматического нарушения с психическим. Для этого психоанализ должен избегать любой чуждой ему посылки анатомического, химического или физиологического характера и пользоваться чисто психологическими вспомогательными понятиями — вот почему я опасаюсь, что он покажется вам сначала столь необычным.

В следующем затруднении я не хочу обвинять ни вас, ни ваше образование, ни вашу установку. Двумя своими положениями анализ оскорбляет весь мир и вызывает к себе его неприязнь; одно из них наталкивается на интеллектуальные, другое — на морально-эстетические предрассудки.

Не следует, однако, недооценивать эти предрассудки; это властные силы, побочный продукт полезных и даже необходимых изменений в ходе развития человечества. Они поддерживаются нашими аффективными силами, и бороться с ними трудно.

Согласно первому коробящему утверждению психоанализа, психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни. Вспомните, что мы, наоборот, привыкли идентифицировать психическое и сознательное. Именно сознание считается у нас основной характерной чертой психического, а психология — наукой о содержании сознания. Да, это тождество кажется настолько само собой разумеющимся, что возражение против него представляется нам очевидной бессмыслицей, и все же психоанализ не может не возражать, он не может признать идентичность сознательного и психического [2]. Согласно его определению, психическое представляет собой процессы чувствования, мышления, желания, и это определение допускает существование бессознательного мышления и бессознательного желания. Но данное утверждение сразу же роняет его в глазах всех приверженцев трезвой научности и заставляет подозревать, что психоанализ — фантастическое тайное учение, которое бродит в потемках, желая ловить рыбу в мутной воде. Вам же, уважаемые слушатели, пока еще непонятно, по какому праву столь абстрактное положение, как «психическое есть сознательное», я считаю предрассудком, вы, может быть, также не догадываетесь, что могло привести к отрицанию бессознательного, если таковое существует, и какие преимущества давало такое отрицание. Вопрос о том, тождественно ли психическое сознательному или же оно гораздо шире, может показаться пустой игрой слов, но смею вас заверить, что

признание существования бессознательных психических процессов ведет к совершенно новой ориентации в мире и науке.

Вы даже не подозреваете, какая тесная связь существует между этим первым смелым утверждением психоанализа и вторым, о котором речь пойдет ниже. Это второе положение, которое психоанализ считает одним из своих достижений, утверждает, что влечения, которые можно назвать сексуальными в узком и широком смыслах слова, играют невероятно большую и до сих пор непризнанную роль в возникновении нервных и психических заболеваний. Более того, эти же сексуальные влечения участвуют в создании высших культурных, художественных и социальных ценностей человеческого духа, и их вклад нельзя недооценивать.

По собственному опыту знаю, что неприятие этого результата психоаналитического исследования является главным источником сопротивления, с которым оно сталкивается. Хотите знать, как мы это себе объясняем? Мы считаем, что культура была создана под влиянием жизненной необходимости за счет удовлетворения влечений, и она по большей части постоянно воссоздается благодаря тому, что отдельная личность, вступая в человеческое общество, снова жертвует удовлетворением своих влечений в пользу общества. Среди этих влечений значительную роль играют сексуальные; при этом они сублимируются, т. е. отклоняются от своих сексуальных целей и направляются на цели, социально более высокие, уже не сексуальные [3]. Эта конструкция, однако, весьма неустойчива, сексуальные влечения подавляются с трудом, и каждому, кому предстоит включиться в создании культурных ценностей, грозит опасность, что его сексуальные влечения не допустят такого их применения. Общество не знает более страшной угрозы для своей культуры, чем высвобождение сексуальных влечений и их возврат к изначальным целям. Итак, общество не любит напоминаний об этом слабом месте в его основании, оно не заинтересовано в признании силы сексуальных влечений и в выяснении значения сексуальной жизни для каждого, больше того, из воспитательных соображений оно старается отвлечь внимание от всей этой области. Поэтому оно столь нетерпимо к вышеупомянутому результату исследований психоанализа и охотнее всего стремится представить его отвратительным с эстетической точки зрения и непристойным или даже опасным с точки зрения морали. Но такими выпадами нельзя опровергнуть объективные результаты научной работы. Если уж выдвигать возражения, то они должны быть обоснованы интеллектуально. Ведь человеку свойственно считать неправильным то, что ему не нравится, и тогда легко находятся аргументы для возражений. Итак, общество выдает нежелательное за неправильное, оспаривая истинность психоанализа логическими и фактическими аргументами, подсказанными, однако, аффектами, и держится за эти возражения-предрассудки, несмотря на все попытки их опровергнуть.

Смею вас заверить, уважаемые дамы и господа, что, выдвигая это спорное положение, мы вообще не стремились к тенденциозности. Мы хотели лишь показать фактическое положение вещей, которое, надеемся, мы познали в процессе упорной работы. Мы и теперь считаем себя впра-

ве отклонить всякое вторжение подобных практических соображений в научную работу, хотя мы еще не успели убедиться в обоснованности тех опасений, которые имеют следствием эти соображения.

Таковы лишь некоторые из тех затруднений, с которыми вам предстоит столкнуться в процессе занятий психоанализом. Для начала, пожалуй, более чем достаточно. Если вы сумеете преодолеть негативное впечатление от них, мы продолжим наши беседы.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Ошибочные действия

Уважаемые дамы и господа! Мы начнем не с предположений, а с исследования. Его объектом будут весьма известные, часто встречающиеся и мало привлекавшие к себе внимание явления, которые, не имея ничего общего с болезнью, наблюдаются у любого здорового человека. Это так называемые *ошибочные действия*[4] (Fehlleistungen) человека: *оговорки* (Versprechen) — когда, желая что-либо сказать, кто-то вместо одного слова употребляет другое; *описки* — когда то же самое происходит при письме, что может быть замечено или остаться незамеченным; *очитки* (Verlesen) — когда читают не то, что напечатано или написано; *ослышки* (Verhören) — когда человек слышит не то, что ему говорят, нарушения слуха по органическим причинам сюда, конечно, не относятся. В основе другой группы таких явлений лежит *забывание* (Vergessen), но не длительное, а временное, когда человек не может вспомнить, например, *имени* (Name), которое он наверняка знает и обычно затем вспоминает, или забывает выполнить *намерение* (Vorsatz), о котором позднее вспоминает, а забывает лишь на определенный момент. В третьей группе явлений этот временной аспект отсутствует, как, например, при *запрятывании* (Verlegen), когда какой-либо предмет куда-то убираешь, так что не можешь его больше найти, или при совершенно аналогичном *затеривании* (Verlieren). Здесь перед нами забывание, к которому относишься иначе, чем к забыванию другого рода; оно вызывает удивление или досаду, вместо того чтобы мы считали его естественным. Сюда же относятся определенные *ошибки-заблуждения* (Irrtümer) *, которые также имеют временной аспект, когда на какое-то время веришь чему-то, о чем до и после знаешь, что это не соответствует действительности, и целый ряд подобных явлений, имеющих различные названия.

Внутреннее сходство всех этих случаев выражается приставкой «о-» или «за-» (ver-) в их названиях. Почти все они весьма несущественны, в большинстве своем скоропреходящи и не играют важной роли в жизни

* Слово «Irrtum» переводится буквально как «ошибка», «заблуждение». В настоящем издании оно в зависимости от контекста переводится либо как «ошибка», либо как «ошибка-заблуждение».— *Примеч. ред. перевода.*

человека. Только изредка какой-нибудь из них, например затеривание предметов, приобретает известную практическую значимость. Именно поэтому на них не обращают особого внимания, вызывают они лишь слабые эмоции и т. д.

Именно к этим явлениям я и хочу привлечь теперь ваше внимание. Но вы недовольно возразите мне: «В мире, как и в душевной жизни, более частной его области, есть столько великих тайн, в области психических расстройств так много удивительного, которое нуждается в объяснении и заслуживает его, что, право, жаль тратить время на такие мелочи. Если бы вы могли объяснить нам, каким образом человек с хорошим зрением и слухом среди бела дня может увидеть и услышать то, чего нет, а другой вдруг считает, что его преследуют именно те, кого он до сих пор больше всех любил, или самым остроумным образом защищает химеры, которые любому ребенку покажутся бессмыслицей, мы еще как-нибудь признали бы психоанализ. Но если он предлагает нам лишь разбираться в том, почему оратор вместо одного слова говорит другое или почему домохозяйка куда-то запрятала свои ключи, да и в других подобных пустяках, то мы сумеем найти лучшее применение своему времени и интересам». Я бы вам ответил: «Терпение, уважаемые дамы и господа!» Я считаю, что ваша критика бьет мимо цели. Действительно, психоанализ не может похвастаться тем, что никогда не занимался мелочами. Напротив, материалом для его наблюдений как раз и служат те незаметные явления, которые в других науках отвергаются как недостойные внимания, считаются, так сказать, отбросами мира явлений. Но не подменяете ли вы в вашей критике значимость проблем их внешней яркостью? Разве нет весьма существенных явлений, которые могут при определенных обстоятельствах и в определенное время выдать себя самыми незначительными признаками? Я с легкостью могу привести много примеров таких ситуаций. По каким ничтожным признакам вы, сидящие здесь молодые люди, замечаете, что завоевали благосклонность дамы? Разве для этого вы ждете объяснений в любви, пылких объятий, а недостаточно ли вам едва заметного взгляда, беглого движения, чуть затянувшегося рукопожатия? И если вы, будучи криминалистом, участвуете в расследовании убийства, разве рассчитываете вы в самом деле. что убийца оставил вам на месте преступления свою фотографию с адресом, и не вынуждены ли вы довольствоваться более слабыми и не столь явными следами присутствия личности, которую ищете? Так что не будем недооценивать незначительные признаки, может быть, они наведут нас на след чего-нибудь более важного. А впрочем, я, как и вы, полагаю, что великие проблемы мира и науки должны интересовать нас прежде всего. Но обычно очень мало пользы от того, что кто-то во всеуслышание заявил о намерении сразу же приступить к исследованию той или иной великой проблемы. Часто в таких случаях не знают, с чего начать. В научной работе перспективнее обратиться к изучению того, что тебя окружает и что более доступно для исследования. Если это делать достаточно основательно, непредвзято и терпеливо, то, если посчастливится, даже такая весьма непритязательная работа может открыть путь к изучению

великих проблем, поскольку, как все связано со всем, так и малое соединяется с великим.

Вот так бы я рассуждал, чтобы пробудить ваш интерес к анализу кажущихся такими ничтожными ошибочных действий здоровых людей. А теперь поговорим с кем-нибудь, кто совсем не знаком с психоанализом, и спросим, как он объясняет происхождение этих явлений.

Прежде всего он, видимо, ответит: «О, это не заслуживает каких-либо объяснений; это просто маленькие случайности». Что же он хочет этим сказать? Выходит, существуют настолько ничтожные события, выпадающие из цепи мировых событий, которые с таким же успехом могут как произойти, так и не произойти? Если кто-то нарушит, таким образом, естественный детерминизм в одном-единственном месте, то рухнет все научное мировоззрение. Тогда можно поставить ему в упрек, что религиозное мировоззрение куда последовательнее, когда настойчиво заверяет, что ни один волос не упадет с головы без божьей воли [букв.: ни один воробей не упадет с крыши без божьей воли]. Думаю, что наш друг не будет делать выводы из своего первого ответа, он внесет поправку и скажет, что если эти явления изучать, то, естественно, найдутся и для них объяснения. Они могут быть вызваны небольшими отклонениями функций, неточностями в психической деятельности при определенных условиях. Человек, который обычно говорит правильно, может оговориться: 1) если ему нездоровится и он устал; 2) если он взволнован; 3) если он слишком занят другими вещами. Эти предположения легко подтвердить. Действительно, оговорки встречаются особенно часто, когда человек устал, если у него болит голова или начинается мигрень. В этих же условиях легко происходит забывание имен собственных. Для некоторых лиц такое забывание имен собственных является признаком приближающейся мигрени. В волнении также часто путаешь слова; захватываешь «по ошибке» не те предметы, забываешь о намерениях, да и производишь массу других непредвиденных действий по рассеянности, т. е. если внимание сконцентрировано на чем-то другом. Известным примером такой рассеянности может служить профессор из *Fliegende Blätter*, который забывает зонт и надевает чужую шляпу, потому что думает о проблемах своей будущей книги. По собственному опыту все мы знаем о намерениях и обещаниях, забытых из-за того, что нас слишком захватило какое-то другое переживание.

Это так понятно, что, по-видимому, не может вызвать возражений. Правда, может быть, и не так интересно, как мы ожидали. Посмотрим же на эти ошибочные действия повнимательнее. Условия, которые, по предположению, необходимы для возникновения этих феноменов, различны. Недомогание и нарушение кровообращения являются физиологическими причинами нарушений нормальной деятельности; волнение, усталость, рассеянность — причины другого характера, которые можно назвать психофизиологическими. Теоретически их легко можно объяснить. При усталости, как и при рассеянности и даже при общем волнении внимание распределяется таким образом, что для соответствующего действия его остается слишком мало. Тогда это действие выполняется непра-

вильно или неточно. Легкое недомогание и изменения притока крови к головному мозгу могут вызвать такой же эффект, т. е. повлиять на распределение внимания. Таким образом, во всех случаях дело сводится к результатам расстройства внимания органической или психической этиологии.

Из всего этого для психоанализа как будто немного можно извлечь. У нас может опять возникнуть искушение оставить эту тему. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что не все ошибочные действия можно объяснить данной теорией внимания или, во всяком случае, они объясняются не только ею. Опыт показывает, что ошибочные действия и забывание проявляются и у лиц, которые *не* устали, *не* рассеяны и *не* взволнованы, разве что им припишут это волнение после сделанного ошибочного действия, но сами они его не испытывали. Да и вряд ли можно свести все к простому объяснению, что усиление внимания обеспечивает правильность действия, ослабление же нарушает его выполнение. Существует большое количество действий, чисто автоматических и требующих минимального внимания, которые выполняются при этом абсолютно уверенно. На прогулке часто не думаешь, куда идешь, однако *не сбиваешься с пути* и приходишь, куда хотел. Во всяком случае, обычно бывает так. Хороший пианист не думает о том, какие клавиши ему нажимать. Он, конечно, может ошибиться, но если бы автоматическая игра способствовала увеличению числа ошибок, то именно виртуозы, игра которых совершенно автоматизирована благодаря упражнениям, ошибались бы чаще всех. Мы видим как раз обратное: многие действия совершаются особенно уверенно, если на них не обращать внимания, а ошибочное действие возникает именно тогда, когда правильности его выполнения придается особое значение и отвлечение внимания никак не предполагается. Можно отнести это на счет «волнения», но непонятно, почему оно не усиливает внимания к тому, что так хочется выполнить. Когда в важной речи или в разговоре из-за оговорки высказываешь противоположное тому, что хотел сказать, вряд ли это можно объяснить психофизиологической теорией или теорией внимания [5].

В ошибочных действиях есть также много незначительных побочных явлений, которые не поняты и не объяснены до сих пор существующими теориями. Например, когда на время забудется слово, то чувствуешь досаду, хочешь во что бы то ни стало вспомнить его и никак не можешь отделаться от этого желания. Почему же рассердившемуся не удается, как он ни старается, направить внимание на слово, которое, как он утверждает, «вертится на языке», но это слово тут же вспоминается, если его скажет кто-то другой? Или бывают случаи, когда ошибочные действия множатся, переплетаются друг с другом, заменяют друг друга. В первый раз забываешь о свидании, другой раз с твердым намерением не забыть о нем оказывается, что перепутал час. Хочешь окольным путем вспомнить забытое слово, в результате забываешь второе, которое должно было помочь вспомнить первое. Стараешься припомнить теперь второе, ускользает третье и т. д. То же самое происходит и с опечатками, которые следует понимать как ошибочные действия наборщика. Говорят,

такая устойчивая опечатка пробралась как-то в одну социал-демократическую газету. В сообщении об одном известном торжестве можно было прочесть: «Среди присутствующих был его величество *корнпринц*». На следующий день появилось опровержение: «Конечно, следует читать *кнорпринц*». В таких случаях любят говорить о нечистой силе, злом духе наборного ящика и тому подобных вещах, выходящих за рамки психофизиологической теории опечатки.

Я не знаю, известно ли вам, что оговорку можно спровоцировать, так сказать, вызвать внушением. По этому поводу рассказывают анекдот: как-то новичку поручили важную роль на сцене; в *Орлеанской деве* он должен был доложить королю, что коннетабль отсылает свой меч (der Connétable schickt sein Schwert zurück). Игравший главную роль подшутил над робким новичком и во время репетиции несколько раз подсказал ему вместо нужных слов: комфортабль отсылает свою лошадь (der Komfortabel schickt sein Pferd zurück) и добился своего. На представлении несчастный дебютант оговорился, хотя его предупреждали об этом, а может быть, именно потому так и случилось.

Все эти маленькие особенности ошибочных действий нельзя объяснить только теорией отвлечения внимания. Но это еще не значит, что эта теория неправильна. Ей, пожалуй, чего-то не хватает, какого-то дополнительного утверждения для того, чтобы она полностью нас удовлетворяла. Но некоторые ошибочные действия можно рассмотреть также и с другой стороны.

Начнем с *оговорки*, она больше всего подходит нам из ошибочных действий. Хотя с таким же успехом мы могли бы выбрать описку или очитку. Сразу же следует сказать, что до сих пор мы спрашивали только о том, когда, при каких условиях происходит оговорка, и только на этот вопрос мы и получали ответ. Но можно также заинтересоваться другим и попытаться узнать: почему человек оговорился именно так, а не иначе; следует обратить внимание на то, что происходит при оговорке. Вы понимаете, что, пока мы не ответим на этот вопрос, пока мы не объясним результат оговорки с психологической точки зрения, это явление останется случайностью, хотя физиологическое объяснение ему и можно будет найти. Если мне случится оговориться, я могу это сделать в бесконечно многих вариантах, вместо нужного слова можно сказать тысячу других, нужное слово может получить бесчисленное множество искажений. Существует ли что-то, что заставляет меня из всех возможных оговорок сделать именно такую, или это случайность, произвол и тогда, может быть, на этот вопрос нельзя ответить ничего разумного?

Два автора, Мерингер и Майер (один — филолог, другой — психиатр), попытались в 1895 г. именно с этой стороны подойти к вопросу об оговорках. Они собрали много примеров и просто описали их. Это, конечно, еще не дает никакого объяснения оговоркам, но позволяет найти путь к нему. Авторы различают следующие искажения, возникающие из-за оговорок: перемещения (Vertauschungen), предвосхищения (Vorklänge), отзвуки (Nachklänge), смешения, или контаминации (Vermengungen, oder Kontaminationen), и замещения, или субституции (Ersetzungen, oder

Substitutionen). Я приведу вам примеры, предложенные авторами для этих основных групп. Случай перемещения: *Die Milo von Venus* вместо die Venus von Milo [перемещение в последовательности слов — Милос из Венеры вместо Венеры из Милоса]; предвосхищение: Es war mir *auf der Schwest...* auf der Brust so schwer [Мне было на душе (досл.: в груди) так тяжело, но вначале вместо слова «Brust» — грудь — была сделана оговорка «Schwest», в которой отразилось предвосхищаемое слово «schwer» — тяжело]. Примером отзвука может служить неудачный тост: Ich fordere Sie *auf*, *auf* das Wohl unseres Chefs aufzustoßen [Предлагаю Вам выпить (досл.: чокнуться) за здоровье нашего шефа; но вместо anstoßen — чокнуться — сказано: aufstoßen — отрыгнуть]. Эти три вида оговорок довольно редки. Чаще встречаются оговорки из-за стяжения или смешения, например, когда молодой человек заговаривает с дамой: Wenn Sie gestatten mein Fräulein, möchte ich Sie gerne *begleit-digen* [Если Вы разрешите, барышня, я Вас провожу, но в слово «begleiten» — проводить — вставлены еще три буквы «dig»]. В слове begleit-digen кроется, кроме слова *begleiten* [проводить], очевидно, еще слово *beleidigen* [оскорбить]. (Молодой человек, видимо, не имел большого успеха у дамы.) На замещение авторы приводят пример: Ich gebe die Präparate in den *Brief*kasten anstatt *Brüt*kasten [Я ставлю препараты в почтовый ящик вместо термостата].

Объяснение, которое оба автора пытаются вывести из своего собрания примеров, совершенно недостаточно. Они считают, что звуки и слоги в слове имеют различную значимость и иннервация более значимого элемента влияет на иннервацию менее значимого. При этом авторы ссылаются на редкие случаи предвосхищения и отзвука; в случаях же оговорок другого типа эти звуковые предпочтения, если они вообще существуют, не играют никакой роли. Чаще всего при оговорке употребляют похожее по звучанию слово, этим сходством и объясняют оговорку. Например, в своей вступительной речи профессор заявляет: Ich bin nicht *geneigt* (geeignet), die Verdienste meines sehr geschätzten Vorgängers zu würdigen [Я не склонен (вместо неспособен) оценить заслуги своего уважаемого предшественника]. Или другой профессор: Beim weiblichen Genitale hat man trotz vieler *Versuchungen...* Pardon: Versuche... [В женских гениталиях, несмотря на много искушений, простите, попыток...].

Но самой обычной и в то же время самой поразительной оговоркой является та, когда произносится как раз противоположное тому, что собирался сказать. При этом соотношение звуков и влияние сходства, конечно, не имеют значения, а замену можно объяснить тем, что противоположности имеют понятийное родство и в психологической ассоциации особенно сближаются. Можно привести исторические примеры такого рода: президент нашей палаты депутатов открыл как-то заседание следующими словами: «Господа, я признаю число присутствующих достаточным и объявляю заседание *закрытым*». Так же предательски, как соотношение противоположностей, могут подвести другие привычные ассоциации, которые иногда возникают совсем некстати. Так, например, рассказывают, что на торжественном бракосочетании детей Г. Гельмголь-

ца и знаменитого изобретателя и крупного промышленника В. Сименса известный физиолог Дюбуа-Реймон произнес приветственную речь[6]. Он закончил свой вполне блестящий тост словами: «Итак, да здравствует новая фирма Сименс и Галске». Это было, естественно, название старой фирмы. Сочетание этих двух имен так же обычно для жителя Берлина, как «Ридель и Бойтель» для жителя Вены.

Таким образом, мы должны к соотношению звуков и сходству слов прибавить влияние словесных ассоциаций. Но и этого еще недостаточно. В целом ряде случаев оговорку едва ли можно объяснить без учета того, что было сказано в предшествующем предложении или же что предполагалось сказать. Итак, можно считать, что это опять случай отзвука, как по Мерингеру, но только более отдаленно связанный по смыслу. Должен признаться, что после всех этих объяснений может сложиться впечатление, что мы теперь еще более далеки от понимания оговорок, чем когда-либо!

Но надеюсь, что не ошибусь, высказав предположение, что во время проведенного исследования у всех у нас возникло иное впечатление от примеров оговорок, которое стоило бы проанализировать. Мы исследовали условия, при которых оговорки вообще возникают, определили, что влияет на особенности искажений при оговорках, но совсем не рассмотрели эффекта оговорки самого по себе, безотносительно к ее возникновению. Если мы решимся на это, то необходима известная смелость, чтобы сказать: да, в некоторых случаях оговорка имеет смысл (Sinn). Что значит «имеет смысл»? Это значит, что оговорку, возможно, следует считать полноценным психическим актом, имеющим свою цель, определенную форму выражения и значение. До сих пор мы все время говорили об ошибочных действиях, а теперь оказывается, что иногда ошибочное действие является совершенно правильным, только оно возникло вместо другого ожидаемого или предполагаемого действия.

Этот действительный смысл ошибочного действия в отдельных случаях совершенно очевиден и несомненен. Если председатель палаты депутатов в первых же своих словах закрывает заседание вместо того, чтобы его открыть, то, зная обстоятельства, в которых произошла оговорка, мы склонны считать это ошибочное действие не лишенным смысла. Он не ожидает от заседания ничего хорошего и рад был бы сразу его закрыть. Показать этот смысл, т. е. истолковать эту оговорку, не составляет никакого труда. Или если одна дама с кажущимся одобрением говорит другой: Diesen reizenden neuen Hut haben Sie sich wohl selbst *aufgepatzt*? [Эту прелестную новую шляпу Вы, вероятно, сами обделали? — вместо aufgeputzt — отделали], то никакая научность в мире не помешает нам услышать в этой оговорке выражение: Dieser Hut ist eine *Patzerei* [Эта шляпа безнадежно испорчена]. Или если известная своей энергичностью дама рассказывает: «Мой муж спросил доктора, какой диеты ему придерживаться, на это доктор ответил — ему не нужна никакая диета, он может есть и пить все, что *я* хочу», то ведь за этой оговоркой стоит ясно выраженная последовательная программа поведения.

Уважаемые дамы и господа, если выяснилось, что не только некото-

рые оговорки и ошибочные действия имеют *смысл*, но и их значительное большинство, то, несомненно, этот смысл ошибочных действий, о котором до сих пор никто не говорил, и станет для нас наиболее интересным, а все остальные точки зрения по праву отойдут на задний план. Мы можем оставить физиологические и психофизиологические процессы и посвятить себя чисто психологическим исследованиям о смысле, т. е. значении и намерениях ошибочных действий. И в связи с этим мы не упустим возможности привлечь более широкий материал для проверки этих предположений.

Но прежде чем мы выполним это намерение, я просил бы вас последовать по другому пути. Часто случается, что поэт пользуется оговоркой или другим ошибочным действием как выразительным средством. Этот факт сам по себе должен нам доказать, что он считает ошибочное действие, например оговорку, чем-то осмысленным, потому что ведь он делает ее намеренно. Конечно, это происходит не так, что свою случайно сделанную описку поэт оставляет затем своему персонажу в качестве оговорки. Он хочет нам что-то объяснить оговоркой, и мы должны поразмыслить, что это может означать: хочет ли он намекнуть, будто известное лицо рассеянно или устало, или его ждет приступ мигрени. Конечно, не следует преувеличивать того, что поэт всегда употребляет оговорку как имеющую определенный смысл. В действительности она могла быть бессмысленной психической случайностью и только в крайне редких случаях иметь смысл, но поэт вправе придать ей смысл, чтобы использовать его для своих целей. И поэтому нас бы не удивило, если бы от поэта мы узнали об оговорке больше, чем от филолога и психиатра.

Пример оговорки мы находим в *Валленштейне* (*Пикколомини*, 1-й акт, 5-е явление). Макс Пикколомини в предыдущей сцене страстно выступает на стороне герцога и мечтает о благах мира, раскрывшихся перед ним, когда он сопровождал дочь Валленштейна в лагерь. Его отец и посланник двора Квестенберг в полном недоумении. А дальше в 5-м явлении происходит следующее:

Квестенберг

Вот до чего дошло!
(*Настойчиво и нетерпеливо.*)
А мы ему в подобном ослепленье
Позволили уйти, мой друг,
И не зовем его тотчас обратно –
Открыть ему глаза?

Октавио

(*опомнившись после глубокого раздумья*)
Мне самому
Открыл глаза он шире, чем хотелось.

Квестенберг

Что с вами, друг?

Октавио

Проклятая поездка!

Квестенберг

Как? Что такое?

Октавио
Поскорей! Мне надо
Взглянуть на этот злополучный след
И самому увидеть все. Пойдемте.
(*Хочет его увести.*)

Квестенберг
Зачем? Куда вы?

Октавио
(*все еще торопит его*)
К ней!
Квестенберг
К кому?

Октавио
(*спохватываясь*)
Да к герцогу! Пойдем!

(Перевод Н. Славятинского)

Октавио хотел сказать «к нему», герцогу, но оговорился и выдал словами «*к ней*» причину, почему молодой герой мечтает о мире.

О. Ранк (1910a) [7] указал на еще более поразительный пример у Шекспира в *Венецианском купце*, в знаменитой сцене выбора счастливым возлюбленным одного из трех ларцов; я, пожалуй, лучше процитирую самого Ранка.

«Чрезвычайно тонко художественно мотивированная и технически блестяще использованная *оговорка*, которую приводит Фрейд из *Валленштейна*, доказывает, что поэты хорошо знают механизм и смысл ошибочных действий и предполагают их понимание и у слушателя. В *Венецианском купце* Шекспира (3-й акт, 2-я сцена) мы находим тому еще один пример. Порция, которая по воле своего отца может выйти замуж только за того, кто вытянет счастливый жребий, лишь благодаря счастливой случайности избавляется от немилых ей женихов. Но когда она находит наконец Бассанио, достойного претендента, который ей нравится, она боится, как бы и он не вытянул несчастливый жребий. Ей хочется ему сказать, что и в этом случае он может быть уверен в ее любви, но она связана данной отцу клятвой. В этой внутренней двойственности она говорит желанному жениху:

Помедлите, день-два хоть подождите
Вы рисковать; ведь если ошибетесь –
Я потеряю Вас; так потерпите.
Мне что-то говорит (*хоть не любовь*),
Что не хочу терять Вас; Вам же ясно,
Что ненависть не даст подобной мысли.
Но, если Вам не все еще понятно
(Хоть девушке пристойней мысль, чем слово),–
Я б месяц-два хотела задержать Вас,
Пока рискнете. Я б Вас научила,
Как выбрать... Но тогда нарушу клятву.
Нет, ни за что. Итак, возможен промах.
Тогда жалеть я буду, что греха
Не совершила! О, проклятье взорам,
Меня околдовавшим, разделившим!

Две половины у меня: *одна*
Вся Вам принадлежит; другая — Вам...
Мне — я сказать хотела; значит, Вам же,—
Так Ваше все!..
(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Поэт с удивительным психологическим проникновением заставляет Порцию в оговорке сказать то, на что она хотела только намекнуть, так как она должна была скрывать, что до исхода выбора она *вся* его и его любит, и этим искусным приемом поэт выводит любящего, так же как и сочувствующего ему зрителя, из состояния мучительной неизвестности, успокаивая насчет исхода выбора».

Обратите внимание на то, как ловко Порция выходит из создавшегося вследствие ее оговорки противоречия, подтверждая в конце концов правильность оговорки:

Мне — я сказать хотела; значит, Вам же,—
Так Ваше все!..

Так мыслитель, далекий от медицины, иногда может раскрыть смысл ошибочного действия одним своим замечанием, избавив нас от выслушивания разъяснений. Вы все, конечно, знаете остроумного сатирика Лихтенберга (1742—1799) [8], о котором Гёте сказал: «Там, где у него шутка, может скрываться проблема. Но ведь благодаря шутке иногда решается проблема». В своих остроумных сатирических заметках (1853) Лихтенберг пишет: «Он всегда читал *Agamemnon* [Агамемнон] вместо *angenommen* [принято], настолько он зачитывался Гомером». Вот настоящая теория очитки.

В следующий раз мы обсудим, насколько мы можем согласиться с точкой зрения поэтов на ошибочные действия.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Ошибочные действия

(продолжение)

Уважаемые дамы и господа! В прошлый раз нам пришла в голову мысль рассматривать ошибочное действие само по себе, безотносительно к нарушенному им действию, которое предполагали совершить; у нас сложилось впечатление, будто в отдельных случаях оно выдает свой собственный смысл, и если бы это подтвердилось еще в большем числе случаев, то этот смысл был бы для нас интереснее, чем исследование условий, при которых возникает ошибочное действие.

Договоримся еще раз о том, что мы понимаем под «смыслом» (Sinn) какого-то психического процесса не что иное, как намерение, которому он служит, и его место в ряду других психических проявлений. В большинстве наших исследований слово «смысл» мы можем заменить словом

«намерение» (Absicht), «тенденция» (Tendenz). Однако не является ли самообманом или поэтической вольностью с нашей стороны, что мы усматриваем в ошибочном действии намерение?

Будем же по-прежнему заниматься оговорками и рассмотрим большее количество наблюдений. Мы увидим, что в целом ряде случаев намерение, смысл оговорки совершенно очевиден. Это прежде всего те случаи, когда говорится противоположное тому, что намеревались сказать. Президент в речи на открытии заседания говорит: «Объявляю заседание закрытым». Смысл и намерение его ошибки в том, что он хочет закрыть заседание. Так и хочется процитировать: «Да ведь он сам об этом говорит»; остается только поймать его на слове. Не возражайте мне, что это невозможно, ведь председатель, как мы знаем, хотел не закрыть, а открыть заседание, и он сам подтвердит это, а его мнение является для нас высшей инстанцией. При этом вы забываете, что мы условились рассматривать ошибочное действие само по себе; о его отношении к намерению, которое из-за него нарушается, мы будем говорить позже. Иначе вы допустите логическую ошибку и просто устраните проблему, то, что в английском языке называется *begging the question* *.

В других случаях, когда при оговорке прямо не высказывается противоположное утверждение, в ней все же выражается противоположный смысл. «Я *не склонен* (вместо неспособен) оценить заслуги своего уважаемого предшественника». «Geneigt» (склонен) не является противоположным «geeignet» (способен), однако это явное признание противоречит ситуации, о которой говорит оратор.

Встречаются случаи, когда оговорка просто прибавляет к смыслу намерения какой-то второй смысл. Тогда предложение звучит так, как будто оно представляет собой стяжение, сокращение, сгущение нескольких предложений. Таково заявление энергичной дамы: он (муж) может есть и пить все, что *я* захочу. Ведь она тем самым как бы говорит: он может есть и пить, что он хочет, но разве он смеет хотеть? Вместо него я хочу. Оговорки часто производят впечатление таких сокращений. Например, профессор анатомии после лекции о носовой полости спрашивает, все ли было понятно слушателям, и, получив утвердительный ответ, продолжает: «Сомневаюсь, потому что даже в городе с миллионным населением людей, понимающих анатомию носовой полости, можно сосчитать *по одному пальцу*, простите, по пальцам одной руки». Это сокращение имеет свой смысл: есть только один человек, который это понимает.

Данной группе случаев, в которых ошибочные действия сами указывают на свой смысл, противостоят другие, в которых оговорки не имеют явного смысла и как бы противоречат нашим предположениям. Если кто-то при оговорке коверкает имя собственное или произносит неупотребительный набор звуков, то уже из-за таких часто встречающихся случаев вопрос об осмысленности ошибочных действий как будто может быть решен отрицательно. И лишь при ближайшем рассмотрении этих примеров обнаруживается, что в этих случаях тоже возможно понимание иска-

* Свести вопрос на нет (англ).– *Примеч. пер.*

жений, а разница между этими неясными и вышеописанными очевидными случаями не так уж велика.

Одного господина спросили о состоянии здоровья его лошади, он ответил: Ja, das *draut*... Das *dauert* vielleicht noch einen Monat [Да, это *продлится*, вероятно, еще месяц, но вместо слова «продлится» — dauert — вначале было сказано странное «draut»]. На вопрос, что он этим хотел сказать, он, подумав, ответил: Das ist eine *traurige* Geschichte [Это *печальная* история]. Из столкновения слов «dauert» [дауерт] и «traurige» [траурите] получилось «драут» (Meringer, Mayer, 1895).

Другой рассказывает о происшествиях, которые он осуждает, и продолжает: Dann aber sind die Tatsachen zum Vorschwein [форшвайн] gekommen... [И тогда обнаружились факты, но в слово Vorschein — элемент выражения «обнаружились» — вставлена лишняя буква w]. На расспросы рассказчик ответил, что он считает эти факты свинством — Schweinerei. Два слова — Vorschein [форшайн] и Schweinerei [швайнерай] — вместе образовали странное «форшвайн» (Мерингер, Майер). Вспомним случай, когда молодой человек хотел *begleitdigen* даму. Мы имели смелость разделить эту словесную конструкцию на *begleiten* [проводить] и *beleidigen* [оскорбить] и были уверены в таком толковании, не требуя тому подтверждения. Из данных примеров вам понятно, что и такие неясные случаи оговорок можно объяснить столкновением, *интерференцией* двух различных намерений [9]. Разница состоит в том, что в первом случае одно намерение полностью замещается (субституируется) другим, и тогда возникают оговорки с противоположным смыслом, в другом случае намерение только искажается или модифицируется, так что образуются комбинации, которые кажутся более или менее осмысленными.

Теперь мы, кажется, объяснили значительное число оговорок. Если мы будем твердо придерживаться нашего подхода, то сможем понять и другие бывшие до сих пор загадочными оговорки. Например, вряд ли можно предположить, что при искажении имен всегда имеет место конкуренция между двумя похожими, но разными именами. Нетрудно, впрочем, угадать и другую тенденцию. Ведь искажение имени часто происходит не только в оговорках; имя пытаются произнести неблагозвучно и внести в него что-то унизительное — это является своего рода оскорблением, которого культурный человек, хотя и не всегда охотно, старается избегать. Он еще часто позволяет это себе в качестве «шутки», правда, невысокого свойства. В качестве примера приведу отвратительное искажение имени президента Французской республики Пуанкаре, которое в настоящее время переделали в «Швайнкаре». Нетрудно предположить, что и при оговорке может проявиться намерение оскорбить, как и при искажении имени. Подобные объяснения, подтверждающие наши представления, напрашиваются и в случае оговорок с комическим и абсурдным эффектом. «Я прошу Вас отрыгнуть (вместо чокнуться) за здоровье нашего шефа». Праздничный настрой неожиданно нарушается словом, вызывающим неприятное представление, и по примеру бранных и насмешливых речей нетрудно предположить, что именно таким образом вы-

разилось намерение, противоречащее преувеличенному почтению, что хотели сказать примерно следующее: «Не верьте этому, все это несерьезно, плевать мне на этого малого и т. п.» То же самое относится к тем оговоркам, в которых безобидные слова превращаются в неприличные, как например *apopos* [по заду] вместо *apropos* [кстати] или *Eischeißweibchen* [~гнусная бабенка] вместо *Eiweißscheibchen* [белковая пластинка] (Мерингер, Майер). Мы знаем многих людей, которые ради удовольствия намеренно искажают безобидные слова, превращая их в неприличные; это считается остроумным, и в действительности часто приходится спрашивать человека, от которого слышишь подобное, пошутил ли он намеренно или оговорился.

Ну, вот мы без особого труда и решили загадку ошибочных действий! Они не являются случайностями, а представляют собой серьезные психические акты, имеющие свой смысл, они возникают благодаря взаимодействию, а лучше сказать, противодействию двух различных намерений. А теперь могу себе представить, какой град вопросов и сомнений вы готовы на меня обрушить и я должен ответить на них и разрешить ваши сомнения, прежде чем мы порадуемся первому результату нашей работы. Я, конечно, не хочу подталкивать вас к поспешным выводам. Давайте же подвергнем беспристрастному анализу все по порядку, одно за другим.

О чем вы хотели бы меня спросить? Считаю ли я, что это объясняет все случаи оговорок или только определенное их число? Можно ли такое объяснение перенести и на многие другие виды ошибочных действий: на очитки, описки, забывание, захватывание вещей «по ошибке» (Vergreifen) *, их затеривание и т. д.? Имеют ли какое-то значение для психической природы ошибочных действий факторы усталости, возбуждения, рассеянности, нарушения внимания? Можно, далее, заметить, что из двух конкурирующих намерений одно всегда проявляется в ошибочном действии, другое же не всегда очевидно. Что же необходимо сделать, чтобы узнать это скрытое намерение, и, если предположить, что мы догадались о нем, какие есть доказательства, что наша догадка не только вероятна, но единственно верна? Может быть, у вас есть еще вопросы? Если нет, то я продолжу. Напомню вам, что сами по себе ошибочные действия интересуют нас лишь постольку, поскольку они дают ценный материал, который изучается психоанализом. Отсюда возникает вопрос: что это за намерения или тенденции, которые мешают проявиться другим, и каковы взаимоотношения между ними? Мы продолжим нашу работу только после решения этой проблемы.

Итак, подходит ли наше объяснение для всех случаев оговорок? Я очень склонен этому верить и именно потому, что, когда разбираешь

* Перевод этого слова на русский язык представляет значительные трудности. Vergreifen означает буквально «ошибка», «ошибочный захват» какого-либо предмета. Точный перевод слова зависит от контекста. Поэтому в одном случае мы переводим это слово как «захватывание (по ошибке)», в другом – как «действие по ошибке» (не путать с «ошибочным действием» – Fehlleistung, которое является родовым понятием к *Vergreifen*), в третьем – просто как «ошибка» (не путать со словом «Irrtum», которое также переводится как «ошибка»).– *Примеч. ред. перевода.*

каждый случай оговорки, такое объяснение находится. Но это еще не доказывает, что нет оговорок другого характера. Пусть будет так; для нашей теории это безразлично, так как выводы, которые мы хотим сделать для введения в психоанализ, останутся в силе даже в том случае, если бы нашему объяснению поддавалось лишь небольшое количество оговорок, что, впрочем, не так. На следующий вопрос — можно ли полученные данные об оговорках распространить на другие виды ошибочных действий? — я хотел бы заранее ответить положительно. Вы сами убедитесь в этом, когда мы перейдем к рассмотрению примеров описок, захватывания «по ошибке» предметов и т. д. Но по методическим соображениям я предлагаю отложить эту работу, пока мы основательнее не разберемся с оговорками.

Вопрос о том, имеют ли для нас значение выдвигаемые другими авторами на первый план факторы нарушения кровообращения, утомления, возбуждения, рассеянности и теория расстройства внимания, заслуживает более внимательного рассмотрения, если мы признаем описанный выше психический механизм оговорки. Заметьте, мы не оспариваем этих моментов. Психоанализ вообще редко оспаривает то, что утверждают другие; как правило, он добавляет что-то новое, правда, часто получается так, что это ранее не замеченное и вновь добавленное и является как раз существенным. Нами безоговорочно признается влияние на возникновение оговорки физиологических условий легкого нездоровья, нарушений кровообращения, состояния истощения, об этом свидетельствует наш повседневный личный опыт. Но как мало этим объясняется! Прежде всего, это не обязательные условия для ошибочного действия. Оговорка возможна при абсолютном здоровье и в нормальном состоянии. Эти соматические условия могут только облегчить и ускорить проявление своеобразного психического механизма оговорки. Для объяснения этого отношения я приводил когда-то сравнение, которое сейчас повторю за неимением лучшего. Предположим, что я иду темной ночью по безлюдному месту, на меня нападает грабитель, отнимает часы и кошелек. Так как я не разглядел лица грабителя, то в ближайшем полицейском участке я заявляю: «Безлюдное место и темнота только что отняли у меня ценные вещи». На что полицейский комиссар мне может сказать: «Вы напрасно придерживаетесь чисто механистической точки зрения. Представим себе дело лучше так: под защитой темноты в безлюдном месте неизвестный грабитель отнял у Вас ценные вещи. Самым важным в Вашем случае является, как мне кажется, то, чтобы мы нашли грабителя. Тогда, может быть, мы сможем забрать у него похищенное».

Такие психофизиологические условия, как возбуждение, рассеянность, нарушение внимания дают очень мало для объяснения ошибочных действий. Это только фразы, ширмы, за которые мы не должны бояться заглянуть. Лучше спросим, чем вызвано это волнение, особое отвлечение внимания. Влияние созвучий, сходств слов и употребительных словесных ассоциаций тоже следует признать важными. Они тоже облегчают появление оговорки, указывая ей пути, по которым она может пойти. Но если передо мной лежит какой-то путь, предрешено ли, что я пойду

именно по нему? Необходим еще какой-то мотив, чтобы я решился на него, и, кроме того, сила, которая бы меня продвигала по этому пути. Таким образом, как соотношение звуков и слов, так и соматические условия только способствуют появлению оговорки и не могут ее объяснить. Подумайте, однако, о том огромном числе случаев, когда речь не нарушается из-за схожести звучания употребленного слова с другим, из-за противоположности их значений или употребительности словесных ассоциаций. Мы могли бы согласиться с философом Вундтом в том, что оговорка появляется, когда вследствие физического истощения ассоциативные наклонности начинают преобладать над другими побуждениями в речи. С этим можно было бы легко согласиться, если бы это не противоречило фактам возникновения оговорки в случаях, когда отсутствуют либо физические, либо ассоциативные условия для ее появления [10].

Но особенно интересным кажется мне ваш следующий вопрос — каким образом можно убедиться в существовании двух соперничающих намерений? Вы и не подозреваете, к каким серьезным выводам ведет нас этот вопрос. Не правда ли, одно из двух намерений, а именно нарушенное (gestörte), обычно не вызывает сомнений: человек, совершивший ошибочное действие, знает о нем и признает его. Сомнения и размышления вызывает второе, нарушающее (störende) намерение. Мы уже слышали, а вы, конечно, не забыли, что в ряде случаев это намерение тоже достаточно ясно выражено. Оно обнаруживается в эффекте оговорки, если только взять на себя смелость считать этот эффект доказательством, Президент, который допускает оговорку с обратным смыслом, конечно, хочет открыть заседание, но не менее ясно, что он хочет его и закрыть. Это настолько очевидно, что тут и толковать нечего. А как догадаться о нарушающем намерении по искажению в тех случаях, когда нарушающее намерение только искажает первоначальное, не выражая себя полностью?

В первом ряде случаев это точно так же просто и делается таким же образом, как и при определении нарушенного намерения. О нем сообщает сам допустивший оговорку, он сразу может восстановить то, что намеревался сказать первоначально: «Das *draut*, nein, das *dauert* vielleicht noch einen Monat» [Это драут, нет, это продлится, вероятно, еще месяц]. Искажающее намерение он тут же выразил, когда его спросили, что он хотел сказать словом «драут»: «Das ist eine *traurige* Geschichte» [Это печальная история]. Во втором случае, при оговорке «Vorschwein», он сразу же подтверждает, что хотел сначала сказать: «Das ist *Schweinerei*» [Это свинство], но сдержался и выразился по-другому. Искажающее намерение здесь так же легко установить, как и искаженное. Я намеренно остановился здесь на таких примерах, которые приводил и толковал не я или кто-нибудь из моих последователей. Однако в обоих этих примерах для решения проблемы нужен был один небольшой прием. Надо было спросить говорившего, почему он сделал именно такую оговорку и что он может о ней сказать. В противном случае, не желая ее объяснять, он прошел бы мимо нее. На поставленный же вопрос он дал первое пришедшее ему в голову объяснение. А теперь вы видите, что этот прием

и его результат и есть психоанализ и образец любого психоаналитического исследования, которым мы займемся впоследствии.

Не слишком ли я недоверчив, полагая, что в тот самый момент, когда у вас только складывается представление о психоанализе, против него же поднимается и протест? Не возникает ли у вас желания возразить мне, что сведения, полученные от человека, допустившего оговорку, не вполне доказательны? Отвечая на вопросы, он, конечно, старался, полагаете вы, объяснить свою оговорку, вот и сказал первое, что пришло ему в голову и показалось хоть сколь-нибудь пригодным для объяснения. Но это еще не доказательство того, что оговорка возникла именно таким образом. Конечно, могло быть и так, но с таким же успехом и иначе. Ему в голову могло прийти и другое объяснение, такое же подходящее, а может быть, даже лучшее.

Удивительно, как мало у вас, в сущности, уважения к психическому факту! Представьте себе, что кто-то произвел химический анализ вещества и обнаружил в его составе другое, весом в столько-то миллиграммов. Данный вес дает возможность сделать определенные выводы. А теперь представьте, что какому-то химику пришло в голову усомниться в этих выводах, мотивируя это тем, что выделенное вещество могло иметь и другой вес. Каждый считается с фактом, что вес именно такой, а не другой, и уверенно строит на этом дальнейшие выводы. Если же налицо психический факт, когда человеку приходит в голову определенная мысль, вы с этим почему-то не считаетесь и говорите, что ему могла прийти в голову и другая мысль! У вас есть иллюзия личной психической свободы, и вы не хотите от нее отказаться. Мне очень жаль, но в этом я самым серьезным образом расхожусь с вами во мнениях.

Теперь вы не станете больше возражать, но только до тех пор, пока не найдете другого противоречия. Вы продолжите: мы понимаем, что особенность техники психоанализа состоит в том, чтобы заставить человека самого решить свои проблемы. Возьмем другой пример: оратор приглашает собравшихся чокнуться (*отрыгнуть*) за здоровье шефа. По нашим словам нарушающее намерение в этом случае — унизить, оно и не дает оратору выразить почтение. Но это всего лишь наше толкование, основанное на наблюдениях *за пределами* оговорки. Если мы в этом случае будем расспрашивать оговорившегося, он не подтвердит, что намеревался нанести оскорбление, более того, он будет энергично это отрицать. Почему же мы все же не отказываемся от нашего недоказуемого толкования и после такого четкого возражения?

Да, на этот раз вы нашли серьезный аргумент. Я представляю себе незнакомого оратора, возможно, ассистента того шефа, а возможно, уже приват-доцента, молодого человека с блестящим будущим. Я настойчиво стану его выспрашивать, не чувствовал ли он при чествовании шефа противоположного намерения? Но вот я и попался. Терпение его истощается, и он вдруг набрасывается на меня: «Кончайте Вы свои расспросы, иначе я не поручусь за себя. Своими подозрениями Вы портите мне всю карьеру. Я просто оговорился, сказал *auf*stoßen вместо anstoßen, потому что в этом предложении уже два раза употребил „*auf*“. У Мерин-

гера такая оговорка называется отзвуком, и нечего тут толковать вкривь и вкось. Вы меня поняли? Хватит». Гм, какая удивительная реакция; весьма энергичное отрицание. С молодым человеком ничего не поделаешь, но я про себя думаю, что его выдает сильная личная заинтересованность в том, чтобы его ошибочному действию не придавали смысла. Может быть, и вам покажется, что неправильно с его стороны вести себя так грубо во время чисто теоретического обследования, но, в конце концов, подумаете вы, он сам должен знать, что он хотел сказать, а чего нет. Должен ли? Пожалуй, это еще вопрос.

Ну, теперь вы точно считаете, что я у вас в руках. Так вот какова ваша техника исследования, я слышу, говорите вы. Если сделавший оговорку говорит о ней то, что вам подходит, то вы оставляете за ним право последней решающей инстанции. «Он ведь сам это сказал!» Если же то, что он говорит, вам не годится, вы тут же заявляете: нечего с ним считаться, ему нельзя верить.

Все это так. Я могу привести вам аналогичный случай, где дело обстоит столь же невероятно. Если обвиняемый признается судье в своем проступке, судья верит его признанию; но если обвиняемый отрицает свою вину, судья не верит ему. Если бы было по-другому, то не было бы правосудия, а вы ведь признаете эту систему, несмотря на имеющиеся в ней недостатки.

Да, но разве вы судья, а сделавший оговорку подсудимый? Разве оговорка — преступление?

Может быть, и не следует отказываться от этого сравнения. Но посмотрите только, к каким серьезным разногласиям мы пришли, углубившись в такую, казалось бы, невинную проблему, как ошибочные действия. Пока мы еще не в состоянии сгладить все эти противоречия. Я все-таки предлагаю временно сохранить сравнение с судьей и подсудимым. Согласитесь, что смысл ошибочного действия не вызывает сомнения, если анализируемый сам признает его. Зато и я должен согласиться с вами, что нельзя представить прямого доказательства предполагаемого смысла ошибочного действия, если анализируемый отказывается сообщить какие-либо сведения или же он просто отсутствует. В таких случаях так же, как и в судопроизводстве, прибегают к косвенным уликам, которые позволяют сделать более или менее вероятное заключение. На основании косвенных улик суд иногда признает подсудимого виновным. У нас нет такой необходимости, но и нам не следует отказываться от использования таких улик. Было бы ошибкой предполагать, что наука состоит только из строго доказанных положений, да и неправильно от нее этого требовать. Такие требования к науке может предъявлять только тот, кто ищет авторитетов и ощущает потребность заменить свой религиозный катехизис на другой, хотя бы и научный. Наука насчитывает в своем катехизисе мало аподиктических положений, в ней больше утверждений, имеющих определенную степень вероятности. Признаком научного мышления как раз и является способность довольствоваться лишь приближением к истине и продолжать творческую работу, несмотря на отсутствие окончательных подтверждений.

На что же нам опереться в своем толковании, где найти косвенные улики, если показания анализируемого не раскрывают смысла ошибочного действия? В разных местах. Сначала будем исходить из аналогии с явлениями, не связанными с ошибочными действиями, например, когда мы утверждаем, что искажение имен при оговорке имеет тот же унижающий смысл, как и при намеренном коверкании имени. Далее мы будем исходить из психической ситуации, в которой совершается ошибочное действие, из знания характера человека, совершившего ошибочное действие, из тех впечатлений, которые он получил до ошибочного действия, возможно, что именно на них он и реагировал этим ошибочным действием. Обычно мы толкуем ошибочное действие, исходя из общих соображений, и высказываем сначала только предположение, гипотезу для толкования, а затем, исследуя психическую ситуацию допустившего ошибку, находим ему подтверждение. Иногда приходится ждать событий, как бы предсказанных ошибочным действием, чтобы найти подтверждение нашему предположению.

Если я ограничусь одной только областью оговорок, я едва ли сумею столь же легко найти нужные доказательства, хотя и здесь есть отдельные впечатляющие примеры. Молодой человек, который хотел бы *begleitdigen* даму, наверняка робкий; даму, муж которой ест и пьет то, что *она* хочет, я знаю как одну из тех энергичных женщин, которые умеют командовать всем в доме. Или возьмем такой пример: на общем собрании «Конкордии» молодой член этого общества произносит горячую оппозиционную речь, во время которой он обращается к членам правления, называя их «*Vorschuß*mitglieder» [члены ссуды], словом, которое может получиться из слияния слов *Vor*stand [правление] и Aus*schuß* [комиссия]. Мы предполагаем, что у него возникло нарушающее намерение, противоречащее его оппозиционным высказываниям и которое могло быть связано со ссудой. Действительно, вскоре мы узнаем, что оратор постоянно нуждался в деньгах и незадолго до того подал прошение о ссуде. Нарушающее намерение действительно могло выразиться в такой мысли: сдержись в своей оппозиции, это ведь люди, которые разрешат тебе выдачу ссуды.

Я смогу привести вам целый ряд таких уличающих доказательств, когда перейду к другим ошибочным действиям.

Если кто-то забывает хорошо известное ему имя и с трудом его запоминает, то можно предположить, что против носителя этого имени он что-то имеет и не хочет о нем думать. Рассмотрим психическую ситуацию, в которой происходит это ошибочное действие. «Господин *Y* был безнадежно влюблен в даму, которая вскоре выходит замуж за господина *X*. Хотя господин *Y* давно знает господина *X* и даже имеет с ним деловые связи, он все время забывает его фамилию и всякий раз, когда должен писать ему по делу, справляется о его фамилии у других» *. Очевидно, господин *Y* не хочет ничего знать о счастливом сопернике. «И думать о нем не хочу».

* По К. Г. Юнгу (1907, 52).

Или другой пример: дама справляется у врача о здоровье общей знакомой, называя ее по девичьей фамилии. Ее фамилию по мужу она забыла. Затем она признается, что очень недовольна этим замужеством и не выносит мужа своей подруги *.

Мы еще вернемся к забыванию имен и обсудим это с разных сторон, сейчас же нас интересует преимущественно психическая ситуация, в которой происходит забывание.

Забывание намерений в общем можно объяснить потоком противоположных намерений, которые не позволяют выполнить первоначальное намерение. Так думаем не только мы, занимающиеся психоанализом, это общепринятое мнение людей, которые придерживаются его в жизни, но почему-то отрицают в теории. Покровитель, извиняющийся перед просителем за то, что забыл выполнить его просьбу, едва ли будет оправдан в его глазах. Проситель сразу же подумает: ему ведь совершенно все равно; хотя он обещал, он ничего не сделал. И в жизни забывание тоже считается в известном отношении предосудительным, различий между житейской и психоаналитической точкой зрения на эти ошибочные действия, по-видимому, нет. Представьте себе хозяйку, которая встречает гостя словами: «Как, Вы пришли сегодня? А я и забыла, что пригласила Вас на сегодня». Или молодого человека, который признался бы возлюбленной, что он забыл о назначенном свидании. Конечно, он в этом не признается, а скорее придумает самые невероятные обстоятельства, которые не позволили ему прийти на свидание и даже не дали возможности предупредить об этом. На военной службе, как все знают и считают справедливым, забычивость не является оправданием и не освобождает от наказания. Здесь почему-то все согласны, что определенное ошибочное действиие имеет смысл, причем все знают какой. Почему же нельзя быть до конца последовательным и не признать, что и к другим ошибочным действиям должно быть такое же отношение? Напрашивается естественный ответ.

Если смысл этого забывания намерений столь очевиден даже для неспециалиста, то вы не будете удивляться тому, что и писатели используют это ошибочное действие в том же смысле. Кто из вас читал или видел пьесу Б. Шоу *Цезарь и Клеопатра*, тот помнит, что в последней сцене перед отъездом Цезаря преследует мысль, будто он намеревался что-то сделать, о чем теперь забыл. В конце концов оказывается, что он забыл попрощаться с Клеопатрой. Этой маленькой сценой писатель хочет приписать великому Цезарю преимущество, которым он не обладал и к которому совсем не стремился. Из исторических источников вы можете узнать, что Цезарь заставил Клеопатру последовать за ним в Рим, и она жила там с маленьким Цезарионом, пока Цезарь не был убит, после чего ей пришлось бежать из города.

Случаи забывания намерений в общем настолько ясны, что мало подходят для нашей цели получить косвенные улики для объяснения смысла ошибочного действия из психической ситуации. Поэтому обратимся к

---

* По А. А. Бриллу (1912, 191).

особенно многозначным и малопонятным ошибочным действиям — к затериванию и запрятыванию вещей. Вам, конечно, покажется невероятным, что в затеривании, которое мы часто воспринимаем как досадную случайность, участвует какое-то наше намерение. Но можно привести множество наблюдений вроде следующего. Молодой человек потерял дорогой для него карандаш. За день до этого он получил письмо от шурина, которое заканчивалось словами: «У меня нет желания потворствовать твоему легкомыслию и лени» *. Карандаш был подарком этого шурина. Без такого совпадения мы, конечно, не могли бы утверждать, что в затеривании карандаша участвует намерение избавиться от вещи. Аналогичные случаи очень часты. Затериваются предметы, когда поссоришься с тем, кто их дал и о ком неприятно вспоминать, или когда сами вещи перестают нравиться и ищешь предлога заменить их другими, лучшими. Проявлением такого же намерения по отношению к предмету выступает и то, что его роняют, разбивают, ломают. Можно ли считать случайностью, что как раз накануне своего дня рождения школьник теряет, портит, ломает нужные ему вещи, например ранец или карманные часы?

Тот, кто пережил много неприятного из-за того, что не мог найти вещь, которую сам же куда-то заложил, вряд ли поверит, что он сделал это намеренно. И все-таки нередки случаи, когда обстоятельства, сопровождающие запрятывание, свидетельствуют о намерении избавиться от предмета на короткое или долгое время. Вот лучший пример такого рода.

Молодой человек рассказывает мне: «Несколько лет тому назад у меня были семейные неурядицы, я считал свою жену слишком холодной, и, хотя я признавал ее прекрасные качества, мы жили без нежных чувств друг к другу. Однажды она подарила мне книгу, которую купила во время прогулки и считала интересной для меня. Я поблагодарил за этот знак „внимания", обещал прочесть книгу, спрятал ее и не мог потом найти. Так прошли месяцы, иногда я вспоминал об исчезнувшей книге и напрасно пытался найти ее. Полгода спустя заболела моя любимая мать, которая жила отдельно от нас. Моя жена уехала, чтобы ухаживать за свекровью. Состояние больной было тяжелое, жена показала себя с самой лучшей стороны. Однажды вечером, охваченный благодарными чувствами к жене, я вернулся домой, открыл без определенного намерения, но как бы с сомнамбулической уверенностью определенный ящик письменного стола и сверху нашел давно исчезнувшую запрятанную книгу». Исчезла причина, и пропажа нашлась.

Уважаемые дамы и господа! Я мог бы продолжить этот ряд примеров. Но я не буду этого делать. В моей книге «*Психопатология обыденной жизни*» (впервые вышла в 1901 г.) вы найдете богатый материал для изучения ошибочных действий **. Все эти примеры свидетельствуют об одном, а именно о том, что ошибочные действия имеют свой смысл и показывают, как этот смысл можно узнать или подтвердить по сопут-

* По Б. Даттнеру.

** Также в сочинениях А. Медера (1906–1908), А. А. Брилла (1912), Э. Джонса (1911), И. Штерке (1916) и др.

ствующим обстоятельствам. Сегодня я буду краток, поскольку мы должны при изучении этих явлений получить необходимые сведения для подготовки к психоанализу. Я намерен остановиться только на двух группах ошибочных действий, повторяющихся и комбинированных, и на подтверждении нашего толкования последующими событиями.

Повторяющиеся и комбинированные ошибочные действия являются своего рода вершиной этого вида действий. Если бы нам пришлось доказывать, что ошибочные действия имеют смысл, мы бы именно ими и ограничились, так как их смысл очевиден даже ограниченному уму и самому придирчивому критику. Повторяемость проявлений обнаруживает устойчивость, которую почти никогда нельзя приписать случайности, но можно объяснить преднамеренностью. Наконец, замена отдельных видов ошибочных действий друг другом свидетельствует о том, что самым важным и существенным в ошибочном действии является не форма или средства, которыми оно пользуется, а намерение, которому оно служит и которое должно быть реализовано самыми различными путями. Хочу привести вам пример повторяющегося забывания. Э. Джонс (1911, 483) рассказывает, что однажды по неизвестным причинам в течение нескольких дней он забывал письмо на письменном столе. Наконец, решился его отправить, но получил от *«Dead letter office»* обратно, так как забыл написать адрес. Написав адрес, он принес письмо на почту, но оказалось, что забыл наклеить марку. Тут уж он был вынужден признать, что вообще не хотел отправлять это письмо.

В другом случае захватывание вещей «по ошибке» (Vergreifen) комбинируется с запрятыванием. Одна дама совершает со своим шурином, известным артистом, путешествие в Рим. Ему оказывается самый торжественный прием живущими в Риме немцами, и среди прочего он получает в подарок золотую античную медаль. Дама была задета тем, что шурин не может оценить прекрасную вещь по достоинству. После того как ее сменила сестра и она вернулась домой, распаковывая вещи, она обнаружила, что взяла медаль с собой, сама не зная как. Она тут же написала об этом шурину и заверила его, что на следующий же день отправит нечаянно попавшую к ней медаль в Рим. Но на следующий день медаль была куда-то так запрятана, что ее нельзя было найти и отправить, и тогда дама начала догадываться, что значит ее «рассеянность»,— просто ей хотелось оставить медаль у себя *.

Я уже приводил вам пример комбинации забывания с ошибкой (Irrtum), когда кто-то сначала забывает о свидании, а потом с твердым намерением не забыть о нем является не к условленному часу, а в другое время. Совершенно аналогичный случай из собственной жизни рассказывал мне мой друг, который занимался не только наукой, но и литературой. «Несколько лет тому назад я согласился вступить в комиссию одного литературного общества, предполагая, что оно поможет мне поставить мою драму. Каждую пятницу я появлялся на заседании, хотя и без особого интереса. Несколько месяцев тому назад я получил уве-

* По Р. Рейтлеру.

домление о постановке моей пьесы в театре в Ф., и с тех пор я постоянно *забываю* о заседаниях этого общества. Когда я прочитал Вашу книгу об этих явлениях, мне стало стыдно моей забывчивости, я упрекал себя, что это подлость — не являться на заседания после того, как люди перестали быть нужны, и решил ни в коем случе не забыть про ближайшую пятницу. Я все время напоминал себе об этом намерении, пока, наконец, не выполнил его и не очутился перед дверью зала заседаний. Но, к моему удивлению, она оказалась закрытой, а заседание завершенным, потому что я ошибся в дне: была уже суббота!»

Весьма соблазнительно собирать подобные наблюдения, но нужно идти дальше. Я хочу показать вам примеры, в которых наше толкование подтверждается в будущем.

Основной характерной особенностью этих случаев является то, что настоящая психическая ситуация нам неизвестна или недоступна нашему анализу. Тогда наше толкование приобретает характер только предположения, которому мы и сами не хотим придавать большого значения. Но позднее происходят события, показывающие, насколько справедливо было наше первоначальное толкование. Как-то раз я был в гостях у новобрачных и слышал, как молодая жена со смехом рассказывала о недавно происшедшем с ней случае: на следующий день после возвращения из свадебного путешествия она пригласила свою незамужнюю сестру, чтобы пойти с ней, как и раньше, за покупками, в то время как муж ушел по своим делам. Вдруг на другой стороне улицы она замечает мужчину и, подталкивая сестру, говорит: «Смотри, вон идет господин Л.». Она забыла, что этот господин уже несколько недель был ее мужем. Мне стало не по себе от такого рассказа, но я не решился сделать должный вывод. Я вспомнил этот маленький эпизод спустя годы, после того как этот брак закончился самым печальным образом.

А. Медер рассказывает об одной даме, которая за день до свадьбы забыла померить свадебное платье и, к ужасу своей модистки, вспомнила об этом только поздно вечером. Он приводит этот пример забывания в связи с тем, что вскоре после этого она развелась со своим мужем. Я знаю одну теперь уже разведенную даму, которая, управляя своим состоянием, часто подписывала документы своей девичьей фамилией за несколько лет до того, как она ее действительно приняла. Я знаю других женщин, потерявших обручальное кольцо во время свадебного путешествия, и знаю также, что их супружеская жизнь придала этой случайности свой смысл. А вот яркий пример с более приятным исходом. Об одном известном немецком химике рассказывают, что его брак не состоялся потому, что он забыл о часе венчания и вместо церкви пошел в лабораторию. Он был так умен, что ограничился этой одной попыткой и умер холостяком в глубокой старости.

Может быть, вам тоже пришло в голову, что в этих примерах ошибочные действия играют роль какого-то знака или предзнаменования древних. И действительно, часть этих знаков была не чем иным, как ошибочным действием, когда, например, кто-то спотыкался или падал. Другая же часть носила характер объективного события, а не субъективного дея-

ния. Но вы не поверите, как трудно иногда в каждом конкретном случае определить, к какой группе его отнести. Деяние так часто умеет маскироваться под пассивное переживание.

Каждый из нас, оглядываясь на долгий жизненный путь, может, вероятно, сказать, что он избежал бы многих разочарований и болезненных потрясений, если бы нашел в себе смелость толковать мелкие ошибочные действия в общении с людьми как предзнаменование и оценивать их как знак еще скрытых намерений. Чаще всего на это не отваживаются: возникает впечатление, что снова становишься суеверным — теперь уже окольным путем, через науку. Но ведь не все предзнаменования сбываются, а из нашей теории вы поймете, что не все они и должны сбываться.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Ошибочные действия

(окончание)

Уважаемые дамы и господа! В результате наших прошлых бесед мы пришли к выводу, что ошибочные действия имеют смысл — это мы и возьмем за основу наших дальнейших исследований. Следует еще раз подчеркнуть, что мы не утверждаем — да и для наших целей нет в этом никакой необходимости,— что любое ошибочное действие имеет смысл, хотя это кажется мне весьма вероятным. Нам достаточно того, что такой смысл обнаруживается относительно часто в различных формах ошибочных действий. В этом отношении эти различные формы предполагают и различные объяснения: при оговорке, описке и т. д. могут встречаться случаи чисто физиологического характера, в случаях же забывания имен, намерений, запрятывания предметов и т. д. я едва ли соглашусь с таким объяснением. Затеривание, по всей вероятности, может произойти и нечаянно. Встречающиеся в жизни ошибки (Irrtümer) вообще только отчасти подлежат нашему рассмотрению. Все это следует иметь в виду также и в том случае, когда мы исходим из положения, что ошибочные действия являются психическими актами и возникают вследствие интерференции двух различных намерений.

Таков первый результат психоанализа. О существовании таких интерференций и об их возможных следствиях, описанных выше, психология до сих пор не знала. Мы значительно расширили мир психических явлений и включили в область рассмотрения психологии феномены, которыми она раньше не занималась.

Остановимся теперь кратко на утверждении, что ошибочные действия являются «психическими актами». Является ли оно более содержательным, чем первое наше положение, что они имеют смысл? Я думаю,

нет; это второе положение еще более неопределенно и может привести к недоразумениям. Иногда все, что можно наблюдать в душевной жизни, называют психическим феноменом. Важно выяснить, вызвано ли отдельное психическое явление непосредственно физическими, органическими, материальными воздействиями, и тогда оно не относится к области психологии, или оно обусловлено прежде всего другими психическими процессами, за которыми скрывается, в свою очередь, ряд органических причин. Именно в этом последнем смысле мы и понимаем явление, называя его психическим процессом, поэтому целесообразнее выражаться так: явление имеет содержание, смысл. Под смыслом мы понимаем значение, намерение, тенденцию и место в ряду психических связей.

Есть целый ряд других явлений, очень близких к ошибочным действиям, к которым это название, однако, уже не подходит. Мы называем их *случайными и симптоматическими действиями* [Zufalls- und Symptomhandlungen]. Они тоже носят характер не только немотивированных, незаметных и незначительных, но и излишних действий. От ошибочных действий их отличает отсутствие второго намерения, с которым сталкивалось бы первое и благодаря которому оно бы нарушалось. С другой стороны, эти действия легко переходят в жесты и движения, которые, по нашему мнению, выражают эмоции. К этим случайным действиям относятся все кажущиеся бесцельными, выполняемые как бы играя манипуляции с одеждой, частями тела, предметами, которые мы то берем, то оставляем, а также мелодии, которые мы напеваем про себя. Я убежден, что все эти явления полны смысла и их можно толковать так же, как и ошибочные действия, что они являются некоторым знаком других, более важных душевных процессов и сами относятся к полноценным психическим актам. Но я не собираюсь останавливаться на этой новой области психических явлений, а вернусь к ошибочным действиям, так как они позволяют с большей точностью поставить важные для психоанализа вопросы.

В области ошибочных действий самыми интересными вопросами, которые мы поставили, но пока оставили без ответа, являются следующие: мы сказали, что ошибочные действия возникают в результате наложения друг на друга двух различных намерений, из которых одно можно назвать нарушенным (gestörte), а другое нарушающим (störende). Нарушенные намерения не представляют собой проблему, а вот о другой группе мы хотели бы знать, во-первых, что это за намерения, выступающие как помеха для другой группы, и, во-вторых, каковы их отношения друг к другу.

Разрешите мне опять взять в качестве примера для всех видов ошибочных действий оговорку и ответить сначала на второй вопрос, прежде чем я отвечу на первый.

При оговорке нарушающее намерение может иметь отношение к содержанию нарушенного намерения, тогда оговорка содержит противоречие, поправку или дополнение к нему. В менее же ясных и более интересных случаях нарушающее намерение по содержанию не имеет с нарушенным ничего общего.

Подтверждения отношениям первого рода мы без труда найдем в уже знакомых и им подобных примерах. Почти во всех случаях оговорок нарушающее намерение выражает противоположное содержание по отношению к нарушенному, ошибочное действие представляет собой конфликт между двумя несогласованными стремлениями. Я объявляю заседание открытым, но хотел бы его закрыть — таков смысл оговорки президента. Политическая газета, которую обвиняли в продажности, защищается в статье, которая должна заканчиваться словами: «Наши читатели могут засвидетельствовать, как мы всегда *совершенно бескорыстно* выступали на благо общества». Но редактор, составлявший эту статью, ошибся и написал «*корыстно*». Он, видимо, думал: хотя я и должен написать так, но я знаю, что это ложь. Народный представитель, призванный говорить кайзеру *беспощадную* (rückhaltlos) правду, прислушавшись к внутреннему голосу, который как бы говорит: а не слишком ли ты смел? — делает оговорку — слово rückhaltlos [беспощадный] превращается в *rückgratlos* [бесхребетный] *.

В уже известных вам примерах, когда оговорка производит впечатление стяжения и сокращения слов, появляются поправки, дополнения и продолжения высказывания, в которых, наряду с первой, находит свое проявление и вторая тенденция. «Тут обнаружились (zum Vorschein kommen) факты, а лучше уж прямо сказать: свинства (*Schweinereien*)», — итак, возникает оговорка: es sind Dinge zum Vorschwein gekommen. «Людей, которые это понимают, можно сосчитать *по пальцам одной руки*», но в действительности есть только один человек, который это понимает, в результате получается: сосчитать *по одному пальцу*. Или «мой муж может есть и пить, что *он* хочет». Но разве *я* потерплю, чтобы он что-то хотел, вот и выходит: он может есть и пить все, что *я* хочу.

Во всех этих случаях оговорка либо возникает из содержания нарушенного намерения, либо она связана с этим содержанием.

Другой вид отношения между двумя борющимися намерениями производит весьма странное впечатление. Если нарушающее намерение не имеет ничего общего с содержанием нарушенного, то откуда же оно берется и почему появляется в определенном месте как помеха? Наблюдения, которые только и могут дать на это ответ, показывают, что помеха вызывается тем ходом мыслей, которые незадолго до того занимали человека и проявились теперь таким образом независимо от того, выразились ли они в речи или нет. Эту помеху действительно можно назвать отзвуком, однако не обязательно отзвуком произнесенных слов. Здесь тоже существует ассоциативная связь между нарушающим и нарушенным намерением, но она не скрывается в содержании, а устанавливается искусственно, часто весьма окольными путями.

Приведу простой пример из собственных наблюдений. Однажды я встретился у нас в горах у доломитовых пещер с двумя одетыми по-туристски дамами. Я прошел с ними немного, и мы поговорили о пре-

* В немецком рейхстаге, ноябрь 1908 г.

лестях и трудностях туристского образа жизни. Одна из дам согласилась, что такое времяпрепровождение имеет свои неудобства. «Действительно,— говорит она,— очень неприятно целый день шагать по солнцепеку, когда кофта и рубашка совершенно мокры от пота». В этом предложении она делает маленькую заминку и продолжает: «Когда приходишь nach *Hose* [домой, но вместо Hause употреблено слово Hose — панталоны] и есть возможность переодеться...» Мы эту оговорку не анализировали, но я думаю, вы ее легко поймете. Дама имела намерение продолжить перечисление и сказать: кофту, рубашку и панталоны. Из соображений благопристойности слово панталоны не было употреблено, но в следующем предложении, совершенно независимом по содержанию, непроизнесенное слово появляется в виде искажения, сходного по звучанию со словом *Hause*.

Ну, а теперь, наконец, мы можем перейти к вопросу, который все откладывали: что это за намерения, которые таким необычным образом проявляются в качестве помех? Разумеется, они весьма различны, но мы найдем в них и общее. Изучив целый ряд примеров, мы можем выделить три группы. К первой группе относятся случаи, в которых говорящему известно нарушающее намерение, и он чувствовал его перед оговоркой. Так, в оговорке «Vorschwein» говорящий не только не отрицает осуждения определенных фактов, но признается в намерении, от которого он потом отказался, произнести слово «Schweinereien» [свинства]. Вторую группу составляют случаи, когда говорящий тоже признает нарушающее намерение, но не подозревает, что оно стало активным непосредственно перед оговоркой. Он соглашается с нашим толкованием, но в известной степени удивлен им. Примеры такого рода легче найти в других ошибочных действиях, чем в оговорках. К третьей группе относятся случаи, когда сделавший оговорку энергично отвергает наше толкование нарушающего намерения; он не только оспаривает тот факт, что данное намерение побудило его к оговорке, но утверждает, что оно ему совершенно чуждо. Вспомним случай с «aufstoßen» (отрыгнуть вместо чокнуться), и тот прямо-таки невежливый отпор, который я получил от оратора, когда хотел истолковать нарушающее намерение. Как вы помните, мы не пришли к единому мнению в понимании этих случаев. Я бы пропустил мимо ушей возражения оратора, произносившего тост, продолжая придерживаться своего толкования, в то время как вы, полагаю, остаетесь под впечатлением его отповеди и подумаете, не лучше ли отказаться от такого толкования ошибочных действий и считать их чисто физиологическими актами, как это было принято до психоанализа. Могу понять, что вас пугает. Мое толкование предполагает, что у говорящего могут проявиться намерения, о которых он сам ничего не знает, но о которых я могу узнать на основании косвенных улик. Вас останавливает новизна и серьезность моего предположения. Понимаю и признаю пока вашу правоту. Но вот что мы можем установить: если вы хотите последовательно придерживаться определенного воззрения на ошибочные действия, правильность которого доказана таким большим количеством примеров, то вам придется согласиться и с этим странным предположе-

нием. Если же вы не можете решиться на это, то вам нужно отказаться от всего, что вы уже знаете об ошибочных действиях.

Но остановимся пока на том, что объединяет все три группы, что общего в механизме этих оговорок. К счастью, это не вызывает сомнений. В первых двух группах нарушающее намерение признается самим говорящим; в первом случае к этому прибавляется еще то, что это намерение проявляется непосредственно перед оговоркой. Но в обоих случаях *это намерение оттесняется. Говорящий решил не допустить его выражения в речи, и тогда произошла оговорка, т. е. оттесненное намерение все-таки проявилось против его воли, изменив выражение допущенного им намерения, смешавшись с ним или даже полностью заменив его.* Таков механизм оговорки.

С этой точки зрения мне так же нетрудно полностью согласовать процесс оговорок, относящихся к третьей группе, с вышеописанным механизмом. Для этого мне нужно только предположить, что эти три группы отличаются друг от друга разной степенью оттеснения нарушающего намерения. В первой группе это намерение очевидно, оно дает о себе знать говорящему еще до высказывания; только после того, как оно отвергнуто, оно возмещает себя в оговорке. Во второй группе нарушающее намерение оттесняется еще дальше, перед высказыванием говорящий его уже не замечает. Удивительно то, что это никоим образом не мешает ему быть причиной оговорки! Но тем легче нам объяснить происхождение оговорок третьей группы. Я беру на себя смелость предположить, что в ошибочном действии может проявиться еще одна тенденция, которая давно, может быть, очень давно оттеснена, говорящий не замечает ее и как раз поэтому отрицает. Но оставим пока эту последнюю проблему; из других случаев вы должны сделать вывод, что *подавление имеющегося намерения что-либо сказать является непременным условием возникновения оговорки.*

Теперь мы можем утверждать, что продвинулись еще дальше в понимании ошибочных действий. Мы не только знаем, что они являются психическими актами, в которых можно усмотреть смысл и намерение, что они возникают благодаря наложению друг на друга двух различных намерений, но, кроме того, что одно из этих намерений подвергается оттеснению, его выполнение не допускается и в результате оно проявляется в нарушении другого намерения. Нужно сначала помешать ему самому, чтобы оно могло стать помехой. Полное объяснение феноменов, называемых ошибочными действиями, этим, конечно, еще не достигается. Сразу же встают другие вопросы, и вообще кажется, чем дальше мы продвигаемся в понимании ошибочных действий, тем больше поводов для новых вопросов. Мы можем, например, спросить: почему все это не происходит намного проще? Если есть тенденция оттеснить определенное намерение вместо того, чтобы его выполнить, то это оттеснение должно происходить таким образом, чтобы это намерение вообще не получило выражения или же оттеснение могло бы не удаться вовсе и оттесненное намерение выразилось бы полностью. Ошибочные действия, однако, представляют собой компромиссы, они означают полуудачу и

полунеудачу для каждого из двух намерений; поставленное под угрозу намерение не может быть ни полностью подавлено, ни всецело проявлено, за исключением отдельных случаев. Мы можем предполагать, что для осуществления таких интерференций или компромиссов необходимы особые условия, но мы не можем даже представить себе их характер. Я также не думаю, что мы могли бы обнаружить эти неизвестные нам отношения при дальнейших более глубоких исследованиях ошибочных действий. Гораздо более необходимым мы считаем изучение других темных областей душевной жизни; и только аналогии с теми явлениями, которые мы найдем в этих исследованиях, позволят нам сделать те предположения, которые необходимы для лучшего понимания ошибочных действий. И еще одно! Есть определенная опасность в работе с малозначительными психическими проявлениями, какими приходится заниматься нам. Существует душевное заболевание, комбинаторная паранойя, при которой [больные] бесконечно долго могут заниматься оценкой таких малозначительных признаков, но я не поручусь, что при этом [они] делают правильные выводы. От такой опасности нас может уберечь только широкая база наблюдений, повторяемость сходных заключений из самых различных областей психической жизни.

На этом мы прервем анализ ошибочных действий. Но я хотел бы предупредить вас об одном: запомните, пожалуйста, метод анализа этих феноменов. На их примере вы можете увидеть, каковы цели наших психологических исследований. Мы хотим не просто описывать и классифицировать явления, а стремимся понять их как проявление борьбы душевных сил, как выражение целенаправленных тенденций, которые работают согласно друг с другом или друг против друга. Мы придерживаемся *динамического понимания* психических явлений [11]. С нашей точки зрения, воспринимаемые феномены должны уступить место только предполагаемым стремлениям.

Итак, мы будем углубляться в проблему ошибочных действий, но бросим беглый взгляд на эту область во всей ее широте, здесь мы встретим и уже знакомое, и кое-что новое. Мы по-прежнему будем придерживаться уже принятого вначале деления на три группы оговорок, а также описок, очиток, ослышек, забывания с его подвидами в зависимости от забытого объекта (имени собственного, чужих слов, намерений, впечатлений) и захватывания «по ошибке», запрятывания, затеривания вещей. Ошибки-заблуждения (Irrtümer), насколько они попадают в поле нашего внимания, относятся частично к забыванию, частично к действию «по ошибке» (Vergreifen).

Об *оговорке* мы уже говорили довольно подробно, и все-таки кое-что можно добавить. К оговорке присоединяются менее значительные аффективные явления, которые небезынтересны для нас. Никто не любит оговариваться, часто оговорившийся не слышит собственной оговорки, но никогда не пропустит чужой. Оговорки даже в известном смысле заразительны, довольно трудно обсуждать оговорки и не сделать ее самому. Самые незначительные формы оговорок, которые не могут дать никакого особого объяснения стоящих за ними психических процессов, не-

трудно разгадать в отношении их мотивации. Если кто-то произносит кратко долгий гласный вследствие чем-то мотивированного нарушения, проявившегося в произношении данного слова, то следующую за ней краткую гласную он произносит долго и делает новую оговорку, компенсируя этим предыдущую. То же самое происходит, когда нечисто и небрежно произносится дифтонг, например, *eu* или *oi* как *ei*; желая исправить ошибку, человек меняет в следующем месте *ei* на *eu* или *oi*. При этом, по-видимому, имеет значение мнение собеседника, который не должен подумать, что говорящему безразлично, как он пользуется родным языком. Второе компенсирующее искажение как раз направлено на то, чтобы обратить внимание слушателя на первую ошибку и показать ему, что говоривший сам ее заметил. Самыми частыми, простыми и малозначительными случаями оговорок являются стяжения и предвосхищения, которые проявляются в несущественных частях речи. В более длинном предложении оговариваются, например, таким образом, что последнее слово предполагаемого высказывания звучит раньше времени. Это производит впечатление определенного нетерпения, желания поскорее закончить предложение и свидетельствует об известном противоборствующем стремлении по отношению к этому предложению или против всей речи вообще. Таким образом, мы приближаемся к пограничным случаям, в которых различия между психоаналитическим и обычным физиологическим пониманием оговорки стираются. Мы предполагаем, что в этих случаях имеется нарушающая речевое намерение тенденция, но она может только намекнуть на свое существование, не выразив собственного намерения. Нарушение, которое она вызывает, является следствием каких-то звуковых или ассоциативных влияний, которые можно понимать как отвлечение внимания от речевого намерения. Но ни это отвлечение внимания, ни ставшие действенными ассоциативные влияния не объясняют сущности процесса. Они только указывают на существование нарушающей речевое намерение тенденции, природу которой, однако, нельзя определить по ее проявлениям, как это удается сделать во всех более ярко выраженных случаях оговорки.

Описка (Verschreiben), к которой я теперь перехожу, настолько аналогична оговорке, что ничего принципиально нового от ее изучения ждать не приходится. Хотя, может быть, некоторые дополнения мы и внесем. Столь распространенные описки, стяжения, появление впереди дальше стоящих, особенно последних слов свидетельствуют опять-таки об общем нежелании писать и о нетерпении; более ярко выраженные случаи описки позволяют обнаружить характер и намерение нарушающей тенденции. Когда в письме обнаруживается описка, можно признать, что у пишущего не все было в порядке, но не всегда определишь, что именно его волновало. Сделавший описку, так же как и оговорку, часто не замечает ее. Примечательно следующее наблюдение: есть люди, которые обычно перед отправлением перечитывают написанное письмо. У других такой привычки нет; но если они, однако, сделают это в виде исключения, то всегда получают возможность найти описку и исправить ее. Как это объяснить? Складывается впечатление, будто эти

люди все же знают, что они сделали описку. Можно ли это в действительности предположить?

С практическим значением описки связана одна интересная проблема. Вы, может быть, знаете случай убийцы Х., который, выдавая себя за бактериолога, доставал из научно-исследовательского института по разведению культур чрезвычайно опасных для жизни возбудителей болезней и употреблял их для устранения таким «современным» способом близких людей со своего пути. Однажды он пожаловался руководству одного из таких институтов на недейственность присланных ему культур, но при этом допустил ошибку и вместо слов «при моих опытах с мышами или морскими свинками» написал «при моих опытах с людьми». Эта описка бросилась в глаза врачам института, но они, насколько я знаю, не сделали из этого никаких выводов. Ну, а как вы думаете? Могли бы врачи признать описку за признание и возбудить следствие, благодаря чему можно было бы своевременно предупредить преступление? Не послужило ли в данном случае незнание нашего толкования ошибочных действий причиной такого практически важного упущения? Полагаю, однако, что какой бы подозрительной не показалась мне такая описка, использовать ее в качестве прямой улики мешает одно важное обстоятельство. Все ведь не так-то просто. Описка — это, конечно, улика, но самой по себе ее еще недостаточно для начала следствия. Описка действительно указывает на то, что человека могла занимать мысль о заражении людей, но она не позволяет утверждать, носит ли эта мысль характер явного злого умысла или практически безобидной фантазии. Вполне возможно, что человек, допустивший такую описку, будет отрицать эту фантазию с полным субъективным правом и считать ее совершенно чуждой для себя. Когда мы в дальнейшем будем разбирать различие между психической и материальной реальностью, вы еще лучше сможете понять эту возможность. В данном же случае ошибочное действие приобрело впоследствии непредвиденное значение.

При *очитке* мы имеем дело с психической ситуацией, явно отличной от ситуации, в которой происходят оговорки и описки. Одна из двух конкурирующих тенденций заменяется здесь сенсорным возбуждением и, возможно, поэтому менее устойчива. То, что следует прочитать, в отличие от того, что намереваешься написать, не является ведь собственным продуктом психической жизни читающего. В большинстве случаев очитка заключается в полной замене одного слова другим. Слово, которое нужно прочесть, заменяется другим, причем не требуется, чтобы текст был связан с результатом очитки по содержанию, как правило, замена происходит на основе словесной аналогии. Пример Лихтенберга — Агамемнон вместо angenommen — самый лучший из этой группы. Если мы хотим узнать нарушающую тенденцию, вызывающую очитку, следует оставить в стороне неправильно прочитанный текст, а подвергнуть аналитическому исследованию два момента: какая мысль пришла в голову читавшему непосредственно перед очиткой и в какой ситуации она происходит. Иногда знания этой ситуации достаточно для объяснения очитки. Например, некто бродит по незнакомому городу, испытывая

естественную нужду, и на большой вывеске первого этажа читает *клозет* (Klosetthaus). Не успев удивиться тому, что вывеска висит слишком высоко, он убеждается, что следует читать *корсеты* (Korsetthaus). В других случаях очиток, независимых от содержания текста, наоборот, необходим тщательный анализ, который нельзя провести, не зная технических приемов психоанализа и не доверяя им. Но в большинстве случаев объяснить очитку нетрудно. По замененному слову в примере с *Агамемноном* ясен круг мыслей, из-за которых возникло нарушение. Во время этой войны, например, названия городов, имена полководцов и военные выражения весьма часто вычитывают везде, где только встречается хоть какое-нибудь похожее слово. То, что занимательно и интересно, заменяет чуждое и неинтересное. Остатки [предшествующих] мыслей затрудняют новое восприятие.

При очитке достаточно часто встречаются случаи другого рода, в которых сам текст вызывает нарушающую тенденцию, из-за которой он затем и превращается в свою противоположность. Человек вынужден читать что-то для него нежелательное, и анализ убеждает нас, что интенсивное желание отвергнуть читаемое вызывает его изменение.

В ранее упомянутых более частых случаях очиток отсутствуют два фактора, которые, по нашему мнению, играют важную роль в механизме ошибочных действий: нет конфликта двух тенденций и оттеснения одной из них, которая возмещает себя в ошибочном действии. Не то чтобы при очитке обнаруживалось бы что-то совершенно противоположное, но важность содержания мысли, приводящего к очитке, намного очевиднее, чем оттеснение, которому оно до того подверглось. Именно оба этих фактора нагляднее всего выступают в различных случаях ошибочных действий, выражающихся в забывании.

Забывание намерений как раз однозначно, его толкование, как мы уже знаем, не оспаривается даже неспециалистами. Нарушающая намерение тенденция всякий раз является противоположным намерением, нежеланием выполнить первое, и нам остается только узнать, почему оно не выражается по-другому и менее замаскированно. Но наличие этой противоположной воли несомненно. Иногда даже удается узнать коечто о мотивах, вынуждающих скрываться эту противоположную волю, и всякий раз она достигает своей цели в ошибочном действии, оставаясь скрытой, потому что была бы наверняка отклонена, если бы выступила в виде открытого возражения. Если между намерением и его выполнением происходит существенное изменение психической ситуации, вследствие которого о выполнении намерения не может быть и речи, тогда забывание намерения выходит за рамки ошибочного действия. Такое забывание не удивляет; понятно, что было бы излишне вспоминать о намерении, оно выпало из памяти на более или менее длительное время. Забывание намерения только тогда можно считать ошибочным действием, если такое нарушение исключено.

Случаи забывания намерений в общем настолько однообразны и прозрачны, что именно поэтому они не представляют никакого интереса для нашего исследования. Однако кое-что новое в двух отношениях мы мо-

жем узнать, изучая и это ошибочное действие. Мы отметили, что забывание, т. е. невыполнение намерения, указывает на противоположную волю, враждебную этому намерению. Это положение остается в силе, но противоположная воля, как показывают наши исследования, может быть двух видов — прямая и опосредованная. Что мы понимаем под последней, лучше всего показать на некоторых примерах. Когда покровитель забывает замолвить словечко за своего протеже, то это может произойти потому, что он не очень интересуется своим протеже и у него нет большой охоты просить за него. Именно в этом смысле протеже и понимает забывчивость покровителя. Но ситуация может быть и сложнее. Противоположная выполнению намерения воля может появиться у покровителя по другой причине и проявить свое действие совсем в другом месте. Она может не иметь к протеже никакого отношения, а быть направлена против третьего лица, которое нужно просить. Вы видите теперь, какие сомнения возникают и здесь в связи с практическим использованием нашего толкования. Несмотря на правильное толкование забывания, протеже может проявить излишнюю недоверчивость и несправедливость по отношению к своему покровителю. Или если кто-нибудь забывает про свидание, назначенное другому, хотя сам и намерен был явиться, то чаще всего это объясняется прямым отказом от встречи с этим лицом. Но иногда анализ может обнаружить, что нарушающая тенденция имеет отношение не к данному лицу, а направлена против места, где должно состояться свидание, и связана с неприятным воспоминанием, которого забывший хочет избежать. Или в случае, когда кто-то забывает отправить письмо, противоположная тенденция может быть связана с содержанием самого письма; но ведь совсем не исключено, что само по себе безобидное письмо вызывает противоположную тенденцию только потому, что оно напоминает о другом, ранее написанном письме, которое явилось поводом для прямого проявления противоположной воли. Тогда можно сказать, что противоположная воля здесь переносится с того прежнего письма, где она была оправданна, на данное, в котором ей, собственно, нечему противоречить. Таким образом, вы видите, что, пользуясь нашим хотя и правильным толкованием, следует проявлять сдержанность и осторожность; то, что психологически тождественно, может быть практически очень даже многозначно.

Подобные явления могут показаться вам очень необычными. Возможно, вы склонны даже предположить, что эта «опосредованная» противоположная воля характеризует уже какой-то патологический процесс. Но смею вас заверить, что она проявляется у нормальных и здоровых людей. Впрочем, прошу понять меня правильно. Я сам ни в коей мере не хочу признавать наши аналитические толкования ненадежными. Вышеупомянутая многозначность забывания намерения существует только до тех пор, пока мы не подвергли случай анализу, а толкуем его только на основании наших общих предположений. Если же мы проведем с соответствующим лицом анализ, то мы узнаем с полной определенностью, была ли в данном случае прямая противоположная воля или откуда она возникла.

Второй момент заключается в следующем: если мы в большинстве случаев убеждаемся, что забывание намерений объясняется противоположной волей, то попробуем распространить это положение на другой ряд случаев, когда анализируемое лицо не признает, а отрицает открытую нами противоположную волю. Возьмем в качестве примеров очень часто встречающиеся случаи, когда забывают вернуть взятые на время книги, оплатить счета или долги. Мы будем настолько смелы, что скажем забывшему, как бы он это ни отрицал, что у него было намерение оставить книги себе и не оплатить долги, иначе его поведение объяснить нельзя, он имел намерение, но только ничего не знал о нем; нам, однако, достаточно того, что его выдало забывание. Он может, конечно, возразить, что это была всего лишь забывчивость. Теперь вы узнаете ситуацию, в которой мы уже однажды оказались. Если мы хотим последовательно проводить наши толкования ошибочных действий, которые оправдали себя на разнообразных примерах, то мы неизбежно придем к предположению, что у человека есть намерения, которые могут действовать независимо от того, знает он о них или нет. Но, утверждая это, мы вступаем в противоречие со всеми господствующими и в жизни, и в психологии взглядами.

Забывание имен собственных и иностранных названий, а также иностранных слов тоже можно свести к противоположному намерению, которое прямо или косвенно направлено против соответствующего названия. Некоторые примеры такой прямой неприязни я уже приводил ранее. Но косвенные причины здесь особенно часты и требуют, как правило, для их установления тщательного анализа. Так, например, сейчас, во время войны, которая вынудила нас отказаться от многих прежних симпатий, в силу каких-то очень странных связей пострадала также память на имена собственные. Недавно со мной произошел случай, когда я не мог вспомнить название безобидного моравского города Бизенц, и анализ показал, что причиной была не прямая враждебность, а созвучие с названием палаццо Бизенци в Орвието, где я раньше неоднократно жил. Мотивом тенденции, направленной против восстановления названия в памяти, здесь впервые выступает принцип, который впоследствии обнаружит свое чрезвычайно большое значение для определения причин невротических симптомов: отказ памяти вспоминать то, что связано с неприятными ощущениями, и вновь переживать это неудовольствие при воспоминании. Намерение избежать неудовольствия, источником которого служат память или другие психические акты, психическое бегство от неудовольствия мы признаем как конечный мотив не только для забывания имен и названий, но и для многих других ошибочных действий, таких, как неисполнение обещанного, ошибки-заблуждения (Irrtümer) и др.[12]

Однако забывание имен, по-видимому, особенно легко объяснить психофизиологическими причинами, и поэтому есть много случаев, в которых мотив неприятного чувства не подтверждается. Если кто-то бывает склонен к забыванию имен, то путем аналитического исследования можно установить, что они выпадают из памяти не только потому, что

сами вызывают неприятное чувство или как-то напоминают о нем, а потому, что определенное имя относится к другому ассоциативному кругу, с которым забывающий состоит в более интимных отношениях. Имя в нем как бы задерживается и не допускает других действующих в данный момент ассоциаций. Если вы вспомните искусственные приемы мнемотехники, то с удивлением заметите, что имена забываются вследствие тех же связей, которые намеренно устанавливают, чтобы избежать забывания. Самым ярким примером тому являются имена людей, которые для разных лиц могут иметь разное психическое значение. Возьмем, например, имя Теодор. Для кого-то оно ничего особенного не значит, для другого же это может быть имя отца, брата, друга или его собственное. Опыт аналитических исследований показывает, что в первом случае нет оснований забывать это имя, если оно принадлежит постороннему лицу, тогда как во втором будет постоянно проявляться склонность лишить постороннего имени, с которым, по-видимому, ассоциируются интимные отношения. Предположите, что это ассоциативное торможение может сочетаться с действием принципа неудовольствия (Unlustprinzip) и, кроме того, с механизмом косвенной причинности, и вы получите правильное представление о том, насколько сложны причины временного забывания имен: Но только тщательный анализ окончательно раскроет перед вами все сложности.

В *забывании впечатлений и переживаний* еще отчетливее и сильнее, чем в забывании имен, обнаруживается действие тенденции устранения неприятного из воспоминания. Полностью это забывание, конечно, нельзя отнести к ошибочным действиям, оно относится к ним только в той мере, в какой это забывание выходит за рамки обычного опыта, т. е., например, когда забываются слишком свежие или слишком важные впечатления или такие, забывание которых прерывает связь событий, в остальном хорошо сохранившихся в памяти. Почему и как мы вообще забываем, в том числе и те переживания, которые оставили в нас несомненно глубочайший след, такие, как событий первых детских лет,— это совершенно другая проблема, в которой защита от неприятных ощущений играет определенную роль, но объясняет далеко не все. То, что неприятные впечатления легко забываются,— факт, не подлежащий сомнению. Это заметили различные психологи, а на великого Дарвина этот факт произвел такое сильное впечатление, что он ввел для себя «золотое правило» с особой тщательностью записывать наблюдения, которые противоречили его теории, так как он убедился, что именно они не удерживаются в его памяти.

Тот, кто впервые слышит об этом принципе защиты от нежелательных воспоминаний путем забывания, не упустит случая возразить, призывая опыт, что как раз неприятное трудно забыть, именно оно против нашей воли все время возвращается, чтобы нас мучить, как, например, воспоминания об обидах и унижениях. Даже если этот факт верен, он не годится в качестве аргумента против нашего утверждения. Важно вовремя понять то обстоятельство, что душевная жизнь — это арена борьбы противоположных тенденций и что, выражаясь не динамически,

она состоит из противоречий и противоположных пар. Наличие определенной тенденции не исключает и противоположной ей — места хватит для обеих. Дело только в том, как эти противоположные тенденции относятся друг к другу, какие действия вытекают из одной и какие из другой.

Затеривание и запрятывание вещей нам особенно интересны своей многозначностью, разнообразием тенденций, вследствие которых могут произойти эти ошибочные действия. Общим для всех случаев является то, что какой-то предмет хотели потерять, но причины и цели этого действия разные. Вещь теряют, если она испортилась, если намерены заменить ее лучшей, если она разонравилась, если напоминает о человеке, с которым испортились отношения, или если она была приобретена при обстоятельствах, о которых не хочется вспоминать. С этой же целью вещи роняют, портят и ломают. В общественной жизни были сделаны наблюдения, что нежеланные и внебрачные дети намного болезненнее, чем законные. Для доказательства нет необходимости ссылаться на грубые приемы так называемых «производительниц ангелов» *; вполне достаточно указать на известную небрежность в уходе за детьми. В бережном отношении к вещам проявляется то же самое, что и в отношении к детям.

Далее, на потерю могут быть обречены вещи, не утратившие своей ценности, в том случае, если имеется намерение что-то пожертвовать судьбе, защитив себя этим от другой внушающей страх потери. Подобные заклинания судьбы, по данным психоанализа, еще очень часты, так что наши потери являются добровольной жертвой. Потери могут быть также проявлением упрямства и наказания самого себя; короче, более отдаленные мотивации намерения потерять вещь необозримы.

Действия «по ошибке» (Vergreifen), как и другие ошибки (Irrtümer) часто используют для того, чтобы выполнить желания, в которых следовало бы себе отказать. Намерение маскируется при этом под счастливую случайность. Так, например, с одним моим другом произошел такой случай: он должен был явно против своей воли сделать визит за город по железной дороге, при пересадке он по ошибке сел в поезд, который доставил его обратно в город. Или бывает так, что во время путешествия хочется задержаться на полпути, но из-за определенных обязательств нельзя этого делать, и тогда пропускаешь нужный поезд, так что вынужден сделать желанную остановку. Или как случилось с моим пациентом, которому я запретил звонить любимой женщине, но он, желая позвонить мне, «по ошибке», «в задумчивости» назвал неправильный номер и все-таки был соединен с ней. Прекрасный практический пример прямого неправильного действия, связанного с повреждением предмета, приводит один инженер:

«Недавно я с моими коллегами работал в лаборатории института над

* Engelmacherinnen (эвфемизм, производительницы ангелов) – народное выражение, обозначающее женщин, так плохо присматривающих за данными им на воспитание детьми, что те из-за недостатка питания вскоре умирают, т. е. «преждевременно становятся ангелами».– *Примеч. ред. перевода.*

серией сложных экспериментов по упругости; работа, за которую мы взялись добровольно, затянулась, однако, дольше, чем мы предполагали. Однажды я с коллегой Ф. опять пошли в лабораторию, он жаловался, что именно сегодня ему не хотелось бы терять так много времени, у него много дел дома; я мог только согласиться с ним и в шутку сказал, вспомнив случай на прошлой неделе: „Будем надеяться, что и сегодня машина опять испортится, так что оставим работу и пораньше уйдем".

Во время работы случилось так, что коллега Ф. должен был управлять краном пресса, осторожно открывая кран и медленно впуская жидкость под давлением из аккумулятора в цилиндр гидравлического пресса. Руководитель опыта стоит у манометра и, когда давление достигает нужного уровня, кричит: „Стоп!" На эту команду Ф. со всей силой поворачивает кран влево (все краны без исключения закрываются поворотом вправо!). Из-за этого в прессе начинает действовать полное давление аккумулятора, подводящая трубка не выдерживает и лопается — совсем невинная поломка машины, но мы вынуждены прервать на сегодня работу и пойти домой.

Характерно, впрочем, что некоторое время спустя, когда мы обсуждали этот случай, приятель Ф. абсолютно не помнил моих слов о поломке машины, которые я помню совершенно отчетливо».

Этот случай может навести на предположение, что не всегда безобидная случайность делает руки вашей прислуги такими опасными врагами вашего дома. Здесь же встает вопрос, всегда ли случайно наносишь себе вред и подвергаешь опасности собственное существование. Все это положения, значимость которых вы при случае можете проверить на основании анализа наблюдений.

Уважаемые слушатели! Это далеко не все, что можно было бы сказать об ошибочных действиях. Есть еще много такого, что нужно исследовать и обсудить. Но я доволен, если в результате наших бесед вы пересмотрели прежние взгляды и готовы принять новые. Впрочем, я ограничусь тем, что некоторые стороны дела останутся невыясненными. Изучая ошибочные действия, мы можем доказать далеко не все наши положения, но для их доказательства мы будем привлекать не только этот материал. Большая ценность ошибочных действий для нас состоит в том, что это очень часто встречающиеся явления, которые можно легко наблюдать на самом себе, и их появление совершенно не связано с каким-либо болезненным состоянием. В заключение я хотел бы остановиться только на одном вопросе, на который еще не ответил: если люди, как мы это видели во многих примерах, так близко подходят к пониманию ошибочных действий и часто ведут себя так, как будто они догадываются об их смысле, то как же можно считать эти явления случайными, лишенными смысла и значения и так энергично сопротивляться психоаналитическому их объяснению?

Вы правы — это удивительно и требует своего объяснения. Но я вам его не дам, а постепенно подведу к пониманию взаимосвязей, из которого объяснение откроется вам само по себе без моего непосредственного участия.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СНОВИДЕНИЯ

(1916 [1915—16])

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Трудности и первые попытки понимания

Уважаемые дамы и господа! Когда-то было сделано открытие, что симптомы болезни некоторых нервнобольных имеют смысл *. На этом был основан психоаналитический метод лечения. Во время этого лечения обнаружилось, что взамен симптомов у больных также появлялись сновидения. Так возникло предположение, что и эти сновидения имеют смысл.

Но мы не пойдем этим историческим путем, а совершим обратный ход. Мы хотим показать смысл сновидений и таким образом подойти к изучению неврозов [13]. Этот ход оправдан, так как изучение сновидений не только лучший способ подготовки к исследованию неврозов, само сновидение тоже невротический симптом, который к тому же, что имеет для нас неоценимое преимущество, проявляется у всех здоровых. Даже если бы все люди были здоровы и только видели сновидения, мы могли бы по их сновидениям сделать все те выводы, к которым нас привело изучение неврозов.

Итак, сделаем сновидение объектом психоаналитического исследования. Вновь обычный, недостаточно оцененный феномен, как будто лишенный практической значимости, как и ошибочные действия, с которыми он имеет то общее, что проявляется и у здоровых. Но в остальном условия нашей работы менее благоприятны. Ошибочные действия всего лишь недооценивались наукой, их мало изучали; но, в конце концов, нет ничего постыдного заниматься ими. Правда, говорили, что есть вещи поважнее, но можно и из них кое-что извлечь. Заниматься же сновидениями не только непрактично и излишне, но просто стыдно; это влечет за собой упреки в ненаучности, вызывает подозрение в личной склонности к мистицизму. Чтобы врач занимался сновидениями, когда даже в невропатологии и психиатрии столько более серьезных вещей: опухоли величиной с яблоко, которые давят на мозг, орган душевной жизни, кровоизлияния, хронические воспаления, при которых изменения тканей можно показать под микроскопом! Нет, сновидение — это слишком ничтожный и недостойный исследования объект.

И еще одна особенность, противоречащая всем требованиям точного исследования. Ведь при исследовании сновидения нет уверенности даже в объекте. Бредовая идея, например, проявляется ясно и определенно. «Я — китайский император»,— заявляет больной во всеуслышание. А сновидение? Его часто вообще нельзя рассказать. Разве есть у рас-

---

* Йозеф Брейер в 1880–1882 гг. Ср. также мои лекции *«О психоанализе»* (1910a), прочитанные в Америке, и «К истории психоаналитического движения» (1914d).

сказчика гарантия, что он передает сновидение правильно, а не изменяет многое в процессе пересказа, что-то придумывает, вследствие неопределенности воспоминаний? Большинство сновидений вообще нельзя вспомнить, они забываются целиком, вплоть до мельчайших фрагментов. И на толковании этого материала и должна основываться научная психология или метод лечения больных?

Определенное преувеличение в этой оценке может нас насторожить. Возражения против сновидения как объекта исследования, очевидно, заходят слишком далеко. С утверждением о незначительности изучаемого объекта мы уже имели дело, разбирая ошибочные действия. Мы говорили себе, что великое может проявляться и в малом. Что касается неопределенности сновидения, то именно она является характерной его особенностью наряду с другими; явлениям нельзя предписывать их свойства. А кроме того, есть ведь ясные и вполне определенные сновидения. В психиатрии существуют и другие объекты, которые имеют тот же неопределенный характер, например, многие случаи навязчивых представлений, которыми, однако, занимаются респектабельные, признанные психиатры[14]. Мне вспоминается случай из моей врачебной практики. Больная обратилась ко мне со словами: «У меня такое чувство, как будто я причинила вред или хотела это сделать живому существу — ребенку? — или нет, скорее собаке,— может быть, сбросила с моста или сделала что-то другое». Мы можем устранить неточность воспоминания о сновидении, если будем считать сновидением то, что рассказывает видевший сон, не обращая внимания на то, что он мог забыть или изменить при воспоминании. В конце концов, нельзя же так безоговорочно утверждать, что сновидение является чем-то незначительным. Нам известно из собственного опыта, что настроение, с которым пробуждаешься от сна, может длиться весь день; врачи наблюдают случаи, когда со сновидения начинается душевная болезнь и бредовая идея берется из этого сновидения; известны исторические личности, которых побудили к важным делам сновидения. Поэтому и задаешься вопросом, откуда, собственно, в научных кругах возникает презрение к сновидению?

Я думаю, что оно является реакцией на слишком высокую оценку сновидений в древние времена. Известно, что восстановить прошлое — дело нелегкое, но с уверенностью можно предположить — позвольте мне эту шутку,— что наши предки 3000 лет тому назад и раньше точно так же видели сны, как и мы. Насколько мы знаем, древние народы придавали всем сновидениям большое значение и считали их практически значимыми. Они видели в них знаки будущего, искали в них предзнаменования. Для древних греков и других народов Ближнего и Среднего Востока военный поход без толкователя сновидений был подчас так же невозможен, как сегодня без воздушной разведки. Когда Александр Македонский предпринимал свой завоевательный поход, в его свите были самые знаменитые толкователи сновидений. Город Тир, расположенный тогда еще на острове, оказал царю такое яростное сопротивление, что он подумывал уже об отказе от его осады. Но вот однажды ночью он увидел во сне танцующих в триумфе сатиров и,

когда рассказал это сновидение толкователю, узнал, что ему предвещается победа над городом. Он приказал войскам наступать и взял Тир. Чтобы узнать будущее, этруски и римляне пользовались другими методами, но в течение всего эллинско-римского периода толкование сновидений культивировалось и высоко ценилось. Из литературы, занимавшейся этими вопросами, до нас дошло, по крайней мере, главное произведение, книга Артемидора из Далдиса, которого относят ко времени императора Адриана. Как потом случилось, что искусство толкования сновидений пришло в упадок и сновидению перестали доверять, я не могу вам сказать. Просвещение не могло сыграть тут большую роль, ведь темное средневековье сохранило в том же виде гораздо более абсурдные вещи, чем античное толкование сновидений. Остается констатировать, что интерес к сновидению постепенно опустился до суеверия и мог остаться только среди необразованных людей. Последнее злоупотребление толкованием сновидений находит себя в наши дни в попытке узнать из снов числа, которые следует вытащить при игре в лото. Напротив, современная точная наука снова вернулась к сновидениям, но только с намерением проверить на них свои физиологические теории. У врачей сновидение, конечно, считается не психическим актом, а проявлением в душевной жизни соматических раздражений. Бинц в 1878 г. объявил сновидение «физическим процессом, во всех случаях бесполезным, во многих же прямо-таки болезненным, от которого мировая душа и бессмертие отстоят так же далеко, как голубой эфир от заросшей сорняками песчаной поверхности в самой глубокой долине» (Binz, 1878, 35). Мори (Maury, 1878, 50) сравнивает его с беспорядочными подергиваниями пляски св. Витта в противоположность координированным движениям нормального человека; старое сравнение проводит параллель между содержанием сновидения и звуками, которые произвели бы «десять пальцев несведущего в музыке человека, касающегося инструмента» (Strümpell, 1877, 84).

Толковать — значит найти скрытый смысл; при такой же оценке сновидения об этом, конечно, не может быть и речи. Посмотрите описание сновидения у Вундта (1874), Йодля (1896) и других более поздних философов; с целью принизить сновидение они довольствуются перечислением отклонений происходящих во сне процессов от мышления в состоянии бодрствования, отмечают распад ассоциаций, отказ от критики, исключение всего знания и другие признаки пониженной работоспособности психики. Единственно ценные факты для понимания сновидения, которыми мы обязаны точной науке, дали исследования влияния физических раздражений, действующих во время сна, на содержание сновидения. Мы располагаем двумя толстыми томами экспериментальных исследований сновидений недавно умершего норвежского автора, Дж. Моурли Вольда (в 1910 и 1912 гг. переведены на немецкий язык), в которых излагаются почти исключительно результаты изучения изменений положения конечностей. Их нам расхваливают как образец исследования сновидений. Можете себе теперь представить, что бы сказали представители точной науки, если бы они узнали, что мы хотим попы-

таться найти *смысл* сновидений? Возможно, они уже это и сказали. Но мы не дадим себя запугать. Если ошибочные действия могут иметь смысл, то и сновидения тоже, а ошибочные действия в очень многих случаях имеют смысл, который ускользает от исследования точными методами. Признаем же себя только сторонниками предрассудков древних и простого народа и пойдем по стопам античных толкователей сновидений.

Для решения проблемы мы прежде всего должны сориентироваться, обозреть в общем всю область сновидений. Ведь что такое сновидение (Traum)? Его трудно определить в одном предложении. Но мы и не пытаемся давать определение там, где достаточно указания на общеизвестный материал. Однако нам следовало бы выделить в сновидении существенное. Где же его можно найти? В этой области имеют место такие невероятные различия, различия по всем линиям. Существенным будет, пожалуй, то, что мы можем считать общим для всех сновидений.

Во всяком случае, первое, что объединяет все сновидения,— это то, что мы при этом спим. Очевидно, видеть сновидения (Träume) во время сна (Schlaf) является душевной жизнью, которая имеет известные аналогии с таковой в состоянии бодрствования и в то же время обнаруживает резкие отличия от нее. Это определение было уже дано Аристотелем. Возможно, что между сновидением и сном существуют еще более близкие отношения. От сновидения можно проснуться, очень часто сновидение возникает при спонтанном пробуждении, при насильственном нарушении засыпания. Таким образом, сновидение, по-видимому, является промежуточным состоянием между сном и бодрствованием. В таком случае нам приходится обратиться ко сну. Что же такое сон?

Это физиологическая и биологическая проблема, в которой еще много спорного. Мы не можем здесь ничего сказать окончательно, но я полагаю, можно попытаться дать психологическую характеристику сна. Сон — это состояние, в котором я ничего не хочу знать о внешнем мире, мой интерес к нему угасает. Я погружаюсь в сон, отходя от внешнего мира, задерживая его раздражения. Я засыпаю также, если я от него устал. Засыпая, я как бы говорю внешнему миру: «Оставь меня в покое, я хочу спать». Ребенок заявляет противоположное: «Я не пойду спать, я еще не устал, я хочу еще что-нибудь пережить». Таким образом, биологической целью сна, по-видимому, является отдых, его психологическим признаком — потеря интереса к миру. Наше отношение к миру, в который мы так неохотно пришли, кажется, несет с собой то, что мы не можем его выносить непрерывно. Поэтому мы время от времени возвращаемся в состояние, в котором находились до появления на свет, т. е. во внутриутробное существование [15]. Мы создаем, по крайней мере, совершенно аналогичные условия, которые были тогда: тепло, темно и ничто не раздражает. Некоторые еще сворачиваются в клубочек и принимают во сне такое же положение тела, как в утробе матери. Мы выглядим так, как будто от нас, взрослых, в мире остается только две трети, а одна треть вообще еще не родилась. Каждое пробуждение утром является как бы новым рождением. О состоянии после сна мы

даже говорим: я как будто вновь родился, хотя при этом мы, вероятно, делаем весьма неправильное предположение об общем самочувствии новорожденного. Есть основания предполагать, что он чувствует себя, скорее всего, очень неуютно. О рождении мы также говорим: увидеть свет.

Если сон понимать именно так, то сновидение вообще не входит в его программу, а кажется скорее какой-то нежелательной примесью. Мы даже считаем, что сон без сновидений — лучший и единственно правильный. Во сне не должно быть никакой душевной деятельности; если же она все-таки происходит, то мы не достигаем состояния абсолютного покоя; от остатков душевной деятельности нельзя полностью освободиться. Эти остатки и есть сновидения. Но тогда действительно кажется, что сновидению не нужен смысл. При ошибочных действиях дело обстояло иначе; это были все-таки действия во время бодрствования. Но если я сплю, совсем остановил душевную деятельность и только определенные ее остатки не смог подавить, это еще не значит, что эти остатки имеют смысл. Да мне и не нужен этот смысл, так как ведь все остальное в моей душевной жизни спит. Тут действительно речь может идти только о судорожных реакциях, только о таких психических феноменах, которые прямо следуют за соматическим раздражением. Итак, сновидения как будто являются мешающими сну остатками душевной жизни при бодрствовании, и мы можем вновь прийти к заключению, что следует оставить эту неподходящую для психоанализа тему.

И в то же время, как бы сновидение ни казалось излишним, оно все-таки существует, и мы можем попытаться понять причины его существования. Почему душевная жизнь не прекращается совсем? Вероятно, потому, что что-то не дает душе покоя. На нее действуют раздражители, и она на них реагирует. Таким образом, сновидение — это способ реагирования души на действующие во сне раздражители. Теперь у нас есть определенный подход к пониманию сновидения. Рассматривая различные сновидения, мы можем искать эти мешающие сну раздражители, на которые человек реагирует сновидением. Вот мы и отметили первое, что объединяет все сновидения.

Есть ли у них еще что-нибудь общее? Да, несомненно, но его труднее понять и описать. Душевные процессы во время сна носят совсем другой характер, чем при бодрствовании. В сновидении многое переживаешь и в это веришь, хотя на самом деле ничего не переживаешь, кроме, пожалуй, какого-то мешающего раздражения. Сновидение переживается преимущественно в зрительных образах; при этом могут возникать и чувства, и даже мысли, другие органы чувств могут тоже что-то испытывать, но преобладают все-таки зрительные образы. Затруднения при передаче сновидения происходят отчасти потому, что эти образы нужно перевести в слова. Я мог бы это нарисовать, часто говорит видевший сон, но я не знаю, как это выразить словами. Собственно говоря, это не является снижением психической деятельности, как у слабоумных по сравнению с гениальными людьми; это что-то качественно другое, но трудно сказать, в чем заключается различие.

Г. Т. Фехнер[16] высказал как-то предположение, что место (в душе), где разыгрываются сновидения, иное, чем место существования представлений при бодрствовании. Правда, мы этого не понимаем, не знаем, что по этому поводу думать, но впечатление чуждости, которое производят большинство сновидений, здесь действительно передается. Сравнение деятельности сновидения с действиями немузыкальной руки также не помогает. Ведь пианино в любом случае ответит теми же звуками, пусть и не мелодиями, как только кто-нибудь случайно коснется его клавиш. Эту вторую общую черту всех сновидений, как бы она ни была непонятна, давайте не будем упускать из виду.

Есть ли еще другие общие черты? Я не нахожу больше ни одной, всюду вижу только различия, причем во всех отношениях,— как в отношении кажущейся длительности, так и того, что касается четкости, участия аффектов, сохранения в памяти и т. п. Все происходит, собственно говоря, совсем не так, как мы могли бы ожидать при вынужденном, бедном, конвульсивном отражении раздражения. Что касается длительности сновидений, то есть очень короткие, содержащие одну или несколько картин, одну мысль или даже только одно слово; другие, невероятно богатые содержанием, представляют собой целые романы и, по-видимому, длятся долго. Есть сновидения отчетливые, как переживания [при бодрствовании], настолько отчетливые, что мы какое-то время после пробуждения не признаем их за сновидения, другие же невероятно слабые, расплывчатые, как тени; в одном и том же сновидении очень яркие места могут сменяться едва уловимыми и неясными. Сновидения могут быть осмысленными или по крайней мере связными, даже остроумными, фантастически прекрасными; другие же спутанными, как бы слабоумными, абсурдными, часто даже безумными. Бывают сновидения, которые оставляют нас равнодушными, другие полны всяких аффектов, болью до слез, страхом вплоть до пробуждения, удивлением, восторгом и т. д. Большинство сновидений после пробуждения забывается, или же они сохраняются целый день, но к вечеру вспоминаются все слабее и с пробелами; другие, например детские, сновидения, сохраняются настолько хорошо, что и спустя 30 лет еще свежи в памяти. Сновидения, как индивиды, могут явиться один-единственный раз и никогда больше не появляться, или они повторяются у одного и того же лица без изменений или с небольшими отступлениями. Короче говоря, эта ночная деятельность души имеет огромный репертуар, может, собственно, проделать все, что душа творит днем, но это все-таки не то же самое.

Можно было бы попытаться объяснить это многообразие сновидений, предположив, что они соответствуют различным промежуточным стадиям между сном и бодрствованием, различным степеням неглубокого сна. Да, но тогда вместе с повышением значимости, содержательности и отчетливости сновидения должно было бы усиливаться понимание того, что это — сновидение, так как при таких сновидениях душа близка к пробуждению, и не могло быть так, что вслед за ясной и разумной частью сновидения шла бы бессмысленная или неясная, а за ней — опять хорошо разработанная часть. Так быстро душа не могла бы, ко-

нечно, изменять глубину сна. Итак, это объяснение ничего не дает; все не так просто.

Откажемся пока от [проблемы] «смысла» сновидения и попытаемся лучше понять сновидения, исходя из их общих черт. Из отношения сновидений к состоянию сна мы заключили, что сновидение является реакцией на мешающее сну раздражение. Как мы уже знаем, это единственный момент, где нам на помощь может прийти точная экспериментальная психология; она приводит доказательства того, что раздражения, произведенные во время сна, проявляются в сновидении. Много таких опытов было поставлено уже упомянутым Моурли Вольдом; каждый из нас в состоянии подтвердить этот результат на основании личного наблюдения. Для сообщения я выберу некоторые более старые эксперименты. Мори (1878) производил такие опыты над самим собой. Ему давали понюхать во сне одеколон. Он видел во сне, что он в Каире в лавке Иоганна Мария Фарина, и далее следовали невероятные приключения. Или его ущипнули слегка за затылок: ему снится наложенный нарывной пластырь и врач, лечивший его в детстве. Или ему налили на лоб каплю воды. Тогда он оказался в Италии, сильно потел и пил белое вино Орвието.

То, что нам бросается в глаза в этих экспериментально вызванных сновидениях, будет, может быть, яснее из других примеров сновидений, вызванных внешним раздражителем. Это три сновидения, о которых сообщил остроумный наблюдатель Гильдебрандт (1875); все они являются реакциями на звон будильника.

«Итак, весенним утром я иду гулять и бреду зеленеющими полями в соседнюю деревню, там я вижу жителей деревни в праздничных платьях с молитвенниками в руках, большой толпой направляющихся в церковь. Ну да, ведь сегодня воскресенье, и скоро начнется ранняя обедня. Я решаю принять в ней участие, но сначала отдохнуть на окружающем церковь кладбище, так как я немного разгорячен. Читая здесь различные надгробные надписи, я слышу, как звонарь поднимается на колокольню и вижу наверху маленький деревенский колокол, который должен возвестить начало богослужения. Некоторое время он висит неподвижно, затем начинает колебаться — и вдруг раздаются его громкие пронзительные звуки, такие громкие и пронзительные, что я просыпаюсь. Звуки, однако, исходят от будильника».

«Вторая комбинация. Ясный зимний день; на улицах сугробы. Я согласился принять участие в прогулке на санях, но вынужден долго ждать, пока мне сообщат, что сани у ворот. Затем следуют приготовления к тому, чтобы усесться,— надевается шуба, достается ножной мешок; наконец я сижу на своем месте. Но отъезд еще задерживается, пока вожжами не дается знак нетерпеливым лошадям. Вот они трогаются с места; сильно трясущиеся колокольчики начинают свою знаменитую янычарскую музыку с такой силой, что паутина сна моментально рвется. Опять это не что иное, как резкий звон будильника».

«И третий пример! Я вижу судомойку, проходящую по коридору в столовую с несколькими дюжинами тарелок, поставленных одна на дру-

гую. Мне кажется, что колонна фарфора в ее руках вот-вот потеряет равновесие. Смотри, говорю я, весь груз полетит на землю. Разумеется, следует неизбежное возражение: я уже привыкла к подобному и т. д., между тем я все еще не спускаю беспокойного взгляда с идущей. И в самом деле, на пороге она спотыкается, и хрупкая посуда с треском и звоном разлетается по полу. Но это бесконечно продолжающийся звон, как я скоро замечаю, не треск, а настоящий звон, и виновником его, как уже понимает просыпающийся, является будильник».

Эти сновидения довольно выразительны, совершенно осмысленны, вовсе не так бессвязны, как это обычно свойственно сновидениям. Мы не будем поэтому что-либо возражать по их поводу. Общее в них то, что все они кончаются шумом, который при пробуждении оказывается звоном будильника. Мы видим здесь, как производится сновидение, но узнаем также кое-что другое. Сновидение не узнает будильника — он и не появляется в сновидении,— но оно заменяет звон будильника другим, оно толкует раздражение, которое нарушает сон, но толкует его каждый раз по-разному. Почему так? На этот вопрос нет ответа, это кажется произвольным. Но понять сновидение означало бы указать, почему именно этот шум, а не никакой другой выбирается для обозначения раздражения от будильника. Совершенно аналогичным образом можно возразить против экспериментов Мори: произведенное раздражение появляется во сне, но почему именно в этой форме, этого нельзя узнать и это, по-видимому, совсем не вытекает из природы нарушающего сон раздражения. К тому же в опытах Мори к непосредственному действию раздражения присоединяется огромное количество другого материала сновидения, например безумные приключения в сновидении с одеколоном, для которых нет объяснения.

Но примите во внимание, что изучение сновидения с пробуждением даст наилучшие шансы для установления влияния внешних раздражений, нарушающих сон. В большинстве других случаев это труднее. Просыпаются не от всех сновидений, и если утром вспомнить ночное сновидение, то как можно найти то нарушающее раздражение, которое действовало ночью? Однажды мне удалось позже установить такой раздражающий шум, но, конечно, только благодаря особым обстоятельствам. Как-то утром я проснулся в горном тирольском местечке с уверенностью, что я видел во сне, будто умер римский папа. Я не мог объяснить себе сновидения, но затем моя жена спросила меня: «Ты слышал сегодня ближе к утру ужасный колокольный звон, раздававшийся во всех церквах и капеллах?» Нет, я ничего не слышал, мой сон был более крепким, но я понял благодаря этому сообщению свое сновидение. Как часто такие раздражения могут вызывать у спящего сновидения, в то время как он о них ничего не знает? Может быть очень часто, может быть и нет. Если нет возможности доказать наличие раздражения, то нельзя и убедиться в нем. Но ведь мы и без этого отказались от оценки нарушающих сон внешних раздражений с тех пор, как мы узнали, что они могут объяснить только часть сновидения, а не все его целиком.

Поэтому нам не следует совсем отказываться от этой теории. Более того, она может найти свое дальнейшее развитие. Совершенно безразлично, чем нарушается сон, а душа побуждается к сновидению. Не всегда это может быть чувственное раздражение, исходящее извне, иногда это раздражение, исходящее из внутренних органов, так называемое органическое раздражение. Последнее предположение напрашивается само собой, оно соответствует также самым распространенным взглядам на возникновение сновидений. Часто приходится слышать, что сновидения возникают в связи с состоянием желудка. К сожалению, и в этом случае приходится только предполагать, было ли ночью какое-либо внутреннее раздражение, которое после пробуждения невозможно определить, и потому действие такого раздражения остается недоказуемым. Но не будем оставлять без внимания тот факт, что многие достоверные наблюдения подтверждают возникновение сновидений от раздражений внутренних органов. В общем, несомненно, что состояние внутренних органов может влиять на сновидения. Связь между некоторым содержанием сновидения и переполнением мочевого пузыря или возбужденным состоянием половых органов до того очевидна, что ее невозможно отрицать. От этих ясных случаев можно перейти к другим, в которых содержание сновидения, по крайней мере, позволяет определенно предположить, что такие раздражения внутренних органов оказали свое действие, так как в этом содержании есть что-то, что можно понять как переработку, отображение, толкование этих раздражений. Исследователь сновидений Шернер (Scherner, 1861) особенно настойчиво отстаивал точку зрения на происхождение сновидений от раздражений внутренних органов и привел тому несколько прекрасных примеров. Так, например, в сновидении «два ряда красивых мальчиков с белокурыми волосами и нежным цветом лица стоят друг против друга с желанием бороться, бросаются друг на друга, одна сторона нападает на другую, обе стороны опять расходятся, занимают прежнее положение, и все повторяется сначала», он толкует эти ряды мальчиков как зубы, соответствующие друг другу, и оно находит полное подтверждение, когда после этой сцены видящий сон «вытягивает из челюсти длинный зуб». Толкование о «длинных, узких, извилистых ходах», по-видимому, тоже верно указывает на кишечное раздражение и подтверждает положение Шернера о том, что сновидение прежде всего старается изобразить вызывающий раздражение орган похожими на него предметами.

Итак, мы, должно быть, готовы уже признать, что внутренние раздражения могут играть в сновидении такую же роль, как и внешние. К сожалению, их оценивание вызывает те же возражения. В большом числе случаев толкование раздражения внутренних органов ненадежно или бездоказательно, не все сновидения, но только определенная их часть возникает при участии раздражения внутренних органов, и наконец, раздражение внутренних органов, так же как и внешнее чувственное раздражение, в состоянии объяснить из сновидения не больше, чем непосредственную реакцию на раздражение. Откуда берется остальная часть сновидения, остается неясным.

Отметим себе, однако, своеобразие жизни сновидений, которое выявляется при изучении раздражающих воздействий. Сновидение не просто передает раздражение, оно перерабатывает его, намекает на него, ставит его в определенную связь, заменяет чем-то другим. Это одна сторона работы сновидения, которая должна нас заинтересовать, потому что она, возможно, ближе подведет нас к сущности сновидения: если кто-то делает что-нибудь по побуждению, то этим побуждением дело не ограничивается. Драма *Макбет* Шекспира, например, возникла как пьеса по случаю того, что на престол взошел король, впервые объединивший три страны под своей короной. Но разве этот исторический повод исчерпывает все содержание драмы, объясняет нам ее величие и загадки? Возможно, действующие на спящего внешние и внутренние раздражения тоже только побудители сновидения, ничего не говорящие нам о его сущности.

Другое общее сновидениям качество — его психическая особенность, с одной стороны, трудно уловима, а с другой — не дает отправной точки для дальнейшего исследования. В сновидении мы в большинстве случаев что-то переживаем в визуальных формах. Могут ли раздражения дать этому объяснение? Действительно ли это то раздражение, которое мы переживаем? Почему же тогда переживание визуально, если раздражение глаз происходит только в самых редких случаях? Или следует допустить, что когда нам снятся речи, то во время сна мы слышим разговор или подобный ему шум? Эту возможность я позволю себе со всей решительностью отвергнуть.

Если изучение общих черт сновидений не может помочь нам в дальнейших исследованиях, то, возможно, стоит обратиться к изучению их различий. Правда, сновидения часто бессмысленны, запутанны, абсурдны; но есть и осмысленные, трезвые (nüchterne), разумные. Посмотрим, не смогут ли последние, осмысленные, разъяснить нам первые, бессмысленные. Сообщу вам разумное сновидение, рассказанное мне одним молодым человеком. «Я гулял по Кертнерштрассе, встретил господина X., к которому присоединился на какое-то время, потом пошел в ресторан. За моим столиком сидели две дамы и один господин. Я сначала очень рассердился на это и не хотел на них смотреть. Потом взглянул и нашел, что они весьма милы». Видевший сон замечает при этом, что вечером перед сном действительно гулял по Кертнерштрассе, это его обычный путь, и встретил господина X. Другая часть сновидения не является прямым воспоминанием, но имеет определенное сходство с недавним переживанием. Или другое «трезвое» сновидение одной дамы. «Ее муж спрашивает: не настроить ли пианино? Она отвечает: не стоит, для него все равно нужно сделать новый чехол». Это сновидение повторяет почти без изменений разговор, происшедший за день до сновидения между мужем и ею. Чему же учат нас эти два «трезвых» сновидения? Только тому, что в них можно найти повторения из дневной жизни или из связей с ней. Это было бы значимо, если бы относилось ко всем сновидениям. Но об этом не может быть и речи; это относится только к небольшому числу сновидений, в большинстве же их нель-

зя найти связей с предыдущим днем, а бессмысленные и абсурдные сновидения этим вообще никак не объясняются. Мы знаем только, что сталкиваемся с новыми проблемами. Мы не только хотим знать, о чем говорит сновидение, но даже в тех случаях, когда оно, как в вышеприведенных примерах, ясно выражено, мы хотим знать также, почему и зачем повторяется это знакомое, только что пережитое.

Я полагаю, что вы, как и я, только устанем, продолжая подобные эксперименты. Мы видим, что недостаточно одного интереса к проблеме, если не знать пути, который привел бы к ее решению. Пока у нас этого пути нет. Экспериментальная психология не дала нам ничего, кроме некоторых очень ценных данных о значении раздражений как побудителей сновидений. От философии нам нечего ждать, кроме высокомерных упреков в интеллектуальной малоценности нашего объекта; у оккультных наук мы и сами не хотим ничего заимствовать [17]. История и народная молва говорят нам, что сновидение полно смысла и значения, оно предвидит будущее; это, однако, трудно предположить и, конечно, невозможно доказать. Таким образом, при первой же попытке мы оказались полностью беспомощны.

Неожиданно помощь приходит к нам оттуда, откуда мы и не подозревали. В нашем словоупотреблении, которое далеко не случайно, а является выражением древнего познания, хотя его и надо оценивать с осторожностью,— в нашем языке есть примечательное выражение «сны наяву» (Tagträume). Сны наяву являются фантазиями (продуктами фантазии); это очень распространенные феномены, наблюдаемые как у здоровых, так и у больных и легко доступные для изучения на себе. Самое удивительное в этих фантастических образованиях то, что они сохранили название «снов наяву», не имея двух общих для всех сновидений черт. Уже их название противоречит отношению к состоянию сна, а что касается второй общей черты, то в них ничего не переживается, не галлюцинируется, а что-то представляется: сознаешь, что фантазируешь, не видишь, но думаешь. Эти сны наяву появляются в возрасте, предшествующем половой зрелости, часто уже в позднем детстве, сохраняются в годы зрелости, затем от них либо отказываются, либо они остаются до престарелого возраста. Содержание этих фантазий обусловлено вполне ясной мотивацией. Это сцены и происшествия, в которых находят свое удовлетворение эгоистические, честолюбивые и властолюбивые потребности или эротические желания личности. У молодых мужчин обычно преобладают честолюбивые фантазии, у женщин, честолюбие которых ограничивается любовными успехами,— эротические. Но довольно часто и у мужчин обнаруживается эротическая подкладка; все геройские поступки и успехи должны способствовать восхищению и благосклонности женщин [18]. Впрочем, сны наяву очень разнообразны, и их судьба различна. Каждый из них через короткое время или обрывается и заменяется новым, или они сохраняются, сплетаются в длинные истории и приспосабливаются к изменяющимся жизненным обстоятельствам. Они идут, так сказать, в ногу со временем и получают «печать времени» под влиянием новой ситуации. Они являются сырым материа-

лом для поэтического творчества, потому что из снов наяву поэт создает путем преобразований, переделок и исключений ситуации, которые он использует в своих новеллах, романах, пьесах[19]. Но героем снов наяву всегда является сама фантазирующая личность или непосредственно, или в какой-либо очевидной идентификации с другим лицом.

Может быть, сны наяву носят это название из-за такого же отношения к действительности, подчеркивая, что их содержание так же мало реально, как и содержание сновидений. Но может быть, эта общность названий обусловлена еще неизвестным нам психическим характером сновидения, тем, который мы ищем. Возможно также, что мы вообще не правы, когда придаем определенное значение общности названий. Но это выяснится лишь позднее.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Предположения и техника толкования

Уважаемые дамы и господа! Итак, нам нужен новый подход, определенный метод, чтобы сдвинуться с места в изучении сновидения. Сделаю одно простое предложение: давайте будем придерживаться в дальнейшем предположения, *что сновидение является не соматическим, а психическим феноменом.* Что это означает, вы знаете, но что дает нам право на это предположение? Ничего, но ничто не мешает нам его сделать. Вопрос ставится так: если сновидение является соматическим феноменом, то нам нет до него дела; оно интересует нас только при условии, что является психическим феноменом. Таким образом, мы будем работать при условии, что это действительно так, чтобы посмотреть, что из этого следует. Результаты нашей работы покажут, останемся ли мы при этом предположении и сможем ли считать его, в свою очередь, определенным результатом. Чего мы, собственно, хотим достичь, для чего работаем? Мы хотим того, к чему вообще стремятся в науке, т. е. понимания феноменов, установления связей между ними и в конечном счете там, где это возможно, усиления нашей власти над ними.

Итак, мы продолжаем работу, предполагая, что сновидение есть психический феномен. В этом случае оно является продуктом и проявлением видевшего сон, который, однако, нам ничего не говорит, который мы не понимаем. Но что вы будете делать в случае, если я скажу вам что-то непонятное? Спросите меня, не так ли? Почему нам не сделать то же самое, *не расспросить видевшего сон, что означает его сновидение*?

Вспомните, мы уже были однажды в данной ситуации. Это было при исследовании ошибочных действий, в случае оговорки. Некто сказал: Da sind Dinge zum Vorschwein gekommen, и по этому поводу его спросили — нет, к счастью, не мы, а другие, совершенно непричастные к психоанализу люди,— эти другие спросили, что он хотел сказать данны-

ми непонятными словами. Спрошенный тотчас же ответил, что он имел намерение сказать: das waren Schweinereien (это были свинства), но подавил это намерение для другого, выраженного более мягко. Уже тогда я вам заявил, что этот расспрос является прообразом любого психоаналитического исследования, и теперь вы понимаете, что техника психоанализа заключается в том, чтобы получить решение загадок, насколько это возможно, от самого обследуемого. Таким образом, видевший сон сам должен нам сказать, что значит его сновидение.

Но, как известно, при сновидении все не так просто. При ошибочных действиях это удавалось в целом ряде случаев, но были и случаи, когда спрашиваемый ничего не хотел говорить и даже возмущенно отклонял предложенный нами вариант ответа. При сновидении же случаев первого рода вообще нет; видевший сон всегда отвечает, что он ничего не знает. Отрицать наше толкование он не может, потому что мы ему ничего не можем предложить. Может быть, нам все же отказаться от своей попытки? Ни он, ни мы ничего не знаем, а кто-то третий уж наверняка ничего не может знать, так что у нас, пожалуй, нет никакой надежды что-либо узнать. Тогда, если хотите, оставьте эту попытку. Если нет, можете следовать за мной. Я скажу вам, что весьма возможно и даже очень вероятно, что видевший сон все-таки знает, что означает его сновидение, *он только не знает о своем знании и полагает поэтому, что не знает этого.*

Вы можете мне заметить, что я опять ввожу новое предположение, уже второе в этом коротком изложении, и тем самым в значительной степени ставлю под сомнение достоверность своего метода. Итак, первое предположение заключается в том, что сновидение есть психический феномен, второе — в том, что в душе человека существует что-то, о чем он знает, не зная, что он о нем знает, и т. д. Стоит только принять во внимание внутреннюю неправдоподобность каждого из этих двух предположений, чтобы вообще утратить всякий интерес к вытекающим из них выводам.

Но, уважаемые дамы и господа, я пригласил вас сюда не для того, чтобы подурачить или что-то скрывать. Я, правда, заявил об «элементарном курсе лекций по введению в психоанализ», но я не намерен был излагать вам материал in usum delphini *, изображая все сглаженным, тщательно скрывая от вас все трудности, заполняя все пробелы, затушевывая сомнения, чтобы вы с легким сердцем могли подумать, что научились чему-то новому. Нет, именно потому, что вы начинающие, я хотел показать вам нашу науку как она есть, с ее шероховатостями и трудностями, претензиями и сомнениями. Я знаю, что ни в одной науке не может быть иначе, особенно вначале. Я знаю также, что при преподавании сначала стараются скрыть от учащихся эти трудности и несовершенства. Но к психоанализу это не подходит. Я действительно сделал два предположения, одно в пределах другого, и кому все это кажется слишком трудным и неопределенным, кто привык к большей достоверности и

* In usum delphini – «для дофина» (надпись, сделанная на издании классиков, которое по приказу Людовика XIV было составлено для его сына).– *Примеч. нем. изд.*

изяществу выводов, тому не следует идти с нами дальше. Я только думаю, что ему вообще следовало бы оставить психологические проблемы, потому что, боюсь, точных и достоверных путей, которыми он готов идти, здесь он, скорее всего, не найдет. Да и совершенно излишне, чтобы наука, которая может что-то предложить, беспокоилась о том, чтобы ее услышали, и вербовала бы себе сторонников. Ее результаты должны говорить за нее сами, а сама она может подождать, пока они привлекут внимание.

Но тех из вас, кто хочет продолжать занятия, я должен предупредить, что оба мои предположения не равноценны. Первое предположение, что сновидение является психическим феноменом, мы хотим доказать результатами нашей работы; второе уже доказано в другой области науки, и я только беру на себя смелость приложить его к решению наших проблем.

Так где же, в какой области науки было доказано, что есть такое знание, о котором человеку ничего не известно (как это имеет место, по нашему предположению, у видевшего сон)? Это был бы замечательный, поразительный факт, меняющий наше представление о душевной жизни, который нет надобности скрывать. Между прочим, это факт, который сам отрицает то, что утверждает, и все-таки является чем-то действительным, contradictio in adjecto*. Так он и не скрывается. И не его вина, если о нем ничего не знают или недостаточно в него вдумываются. Точно так же не наша вина, что обо всех этих психологических проблемах судят люди, которые далеки от всех наблюдений и опытов, имеющих в данном вопросе решающее значение.

Доказательство было дано в области гипнотических явлений. Когда я в 1889 г. наблюдал чрезвычайно убедительные демонстрации Льебо и Бернгейма в Нанси, я был свидетелем и следующего эксперимента. Когда человека привели в сомнамбулическое состояние, заставили в этом состоянии галлюцинаторно пережить всевозможные ситуации, а затем разбудили, то сначала ему казалось, что он ничего не знает о происходившем во время гипнотического сна. Бернгейм потребовал рассказать, что с ним происходило во время гипноза. Человек утверждал, что ничего не может вспомнить. Но Бергейм настаивал, требовал, уверял его, что он знает, должен вспомнить, и вот человек заколебался, начал собираться с мыслями, вспомнил сначала смутно одно из внушенных ему переживаний, затем другое, воспоминание становилось все отчетливей, все полнее и наконец было восстановлено без пробелов. Но так как он все это знал, как затем и оказалось, хотя никто посторонний не мог ему ничего сообщить, то напрашивается вывод, что он знал об этих переживаниях ранее. Только они были ему недоступны, он не знал, что они у него есть, он полагал, что ничего о них не знает. Итак, это совершенно та же самая ситуация, в которой, как мы предполагаем, находится видевший сон.

Надеюсь, вас поразит этот факт, и вы спросите меня: почему же вы не сослались на это доказательство уже раньше, рассматривая ошибочные действия, когда мы пришли к заключению, что приписывали огово-

* Противоречие в определении (*лат.*).– *Примеч. пер.*

рившемуся человеку намерения, о которых он не знал и которые отрицал? Если кто-нибудь думает, что ничего не знает о переживаниях, воспоминания о которых у него все-таки есть, то тем более вероятно, что он ничего не знает и о других внутренних душевных процессах. Этот довод, конечно, произвел бы впечатление и помог бы нам понять ошибочные действия. Разумеется, я мог бы сослаться на него и тогда, но я приберег его для другого случая, где он был более необходим. Ошибочные действия частично разъяснились сами собой; с другой стороны, они напомнили нам, что вследствие общей связи явлений все-таки следует предположить существование таких душевных процессов, о которых ничего не известно. Изучая сновидения, мы вынуждены пользоваться сведениями из других областей и, кроме того, я учитываю тот факт, что здесь вы скорее согласитесь на привлечение сведений из области гипноза. Состояние, в котором совершаются ошибочные действия, должно быть, кажется вам нормальным, оно не похоже на гипнотическое. Напротив, между гипнотическим состоянием и сном, при котором возникают сновидения, имеется значительное сходство. Ведь гипнозом называется искусственный сон; мы говорим лицу, которое гипнотизируем: спите, и внушения, которые мы ему делаем, можно сравнить со сновидениями во время естественного сна. Психические ситуации в обоих случаях действительно аналогичны. При естественном сне мы гасим интерес к внешнему миру, при гипнотическом — опять-таки ко всему миру, за исключением лица, которое нас гипнотизирует, с которым мы остаемся в связи. Впрочем, так называемый сон кормилицы, при котором она имеет связь с ребенком и только им может быть разбужена, является нормальной аналогией гипнотического сна. Перенесение особенностей гипноза на естественный сон не кажется поэтому таким уж смелым. Предположение, что видевший сон также знает о своем сновидении, которое ему только недоступно, так что он и сам этому не верит, не совсем беспочвенно. Кстати, заметим себе, что здесь перед нами открывается третий путь к изучению сновидений: от нарушающих сон раздражений, от снов наяву, а теперь еще от сновидений, внушенных в гипнотическом состоянии.

А теперь, когда наша уверенность в себе возросла, вернемся к нашей проблеме. Итак, очень вероятно, что видевший сон знает о своем сновидении, и задача состоит в том, чтобы дать ему возможность обнаружить это знание и сообщить его нам. Мы не требуем, чтобы он сразу сказал о смысле своего сновидения, но он может открыть происхождение сновидения, круг мыслей и интересов, которые его определили. Вспомните случай ошибочного действия, когда у кого-то спросили, откуда произошла оговорка «Vorschwein», и первое, что пришло ему в голову, дало нам разъяснение. Наша техника исследования сновидений очень проста, весьма похожа на только что упомянутый прием. Мы вновь спросим видевшего сон, откуда у него это сновидение, и первое его высказывание будем считать объяснением. Мы не будем обращать внимание на то, думает ли он, что что-то знает, или не думает, и в обоих случаях поступим одинаково.

Эта техника, конечно, очень проста, но, боюсь, она вызовет у вас

самый резкий отпор. Вы скажете: новое предположение, третье! И самое невероятное из всех! Если я спрошу у видевшего сон, что ему приходит в голову по поводу сновидения, то первое же, что ему придет в голову, и должно дать желаемое объяснение? Но ему вообще может ничего не прийти или придет бог знает что. Мы не понимаем, на что тут можно рассчитывать. Вот уж, действительно, что значит проявить слишком много доверия там, где уместнее было бы побольше критики. К тому же сновидение состоит ведь не из одного неправильного слова, а из многих элементов. Какой же мысли, случайно пришедшей в голову, нужно придерживаться?

Вы правы во всем, что касается второстепенного. Сновидение отличается от оговорки также и большим количеством элементов. С этим условием технике необходимо считаться. Но я предлагаю вам разбить сновидение на элементы и исследовать каждый элемент в отдельности, и тогда вновь возникнет аналогия с оговоркой. Вы правы и в том, что по отношению к отдельным элементам спрашиваемый может ответить, что ему ничего не приходит в голову. Есть случаи, в которых мы удовлетворимся этим ответом, и позднее вы узнаете, каковы они. Примечательно, что это такие случаи, о которых мы сами можем составить определенное суждение. Но в общем, если видевший сон будет утверждать, что ему ничего не приходит в голову, мы возразим ему, будем настаивать на своем, уверять его, что хоть что-то должно ему прийти в голову, и окажемся правы. Какая-нибудь мысль придет ему в голову, нам безразлично какая. Особенно легко ему будет дать сведения, которые можно назвать историческими. Он скажет: вот это случилось вчера (как в обоих известных нам «трезвых» сновидениях) или: это напоминает что-то недавно случившееся; таким образом, мы замечаем, что связи сновидений с впечатлениями последних дней встречаются намного чаще, чем мы сначала предполагали. Исходя из сновидения, видевший сон припомнит, наконец, более отдаленные, возможно даже совсем далекие события.

Но в главном вы не правы. Если вы считаете слишком произвольным предположение о том, что первая же мысль видевшего сон как раз и даст искомое или должна привести к нему, если вы думаете, что эта первая пришедшая в голову мысль может быть, скорее всего, совершенно случайной и не связанной с искомым, что я просто лишь верю в то, что можно ожидать от нее другого, то вы глубоко заблуждаетесь. Я уже позволил себе однажды предупредить вас, что в вас коренится вера в психическую свободу и произвольность, но она совершенно ненаучна и должна уступить требованию необходимого детерминизма и в душевной жизни. Я прошу вас считаться с фактом, что спрошенному придет в голову именно это и ничто другое. Но я не хочу противопоставлять одну веру другой. Можно доказать, что пришедшая в голову спрошенному мысль не произвольна, а вполне определенна и связана с искомым нами [20]. Да, я недавно узнал, не придавая, впрочем, этому большого значения, что и экспериментальная психология располагает такими доказательствами.

В связи с важностью обсуждаемого предмета прошу вашего особого

внимания. Если я прошу кого-то сказать, что ему пришло в голову по поводу определенного элемента сновидения, то я требую от него, чтобы он отдался свободной ассоциации, *придерживаясь исходного представления.* Это требует особой установки внимания, которая совершенно иная, чем установка при размышлении, и исключает последнее. Некоторым легко дается такая установка, другие обнаруживают при таком опыте почти полную неспособность. Существует и более высокая степень свободы ассоциации, когда опускается также и это исходное представление и определяется только вид и род возникающей мысли, например, определяется свободно возникающее имя собственное или число. Эта возникающая мысль может быть еще произвольнее, еще более непредвиденной, чем возникающая при использовании нашей техники. Но можно доказать, что она каждый раз строго детерминируется важными внутренними установками, неизвестными нам в момент их действия и так же мало известными, как нарушающие тенденции при ошибочных действиях и тенденции, провоцирующие случайные действия.

Я и многие другие после меня неоднократно проводили такие исследования с именами и числами, самопроизвольно возникающими в мыслях; некоторые из них были также опубликованы. При этом поступают следующим образом: к пришедшему в голову имени вызывают ряд ассоциаций, которые уже не совсем свободны, а связаны, как и мысли по поводу элементов сновидения, и это продолжают до тех пор, пока связь не исчерпается. Но затем выяснялись и мотивировка, и значение свободно возникающего имени. Результаты опытов все время повторяются, сообщение о них часто требует изложения большого фактического материала и необходимых подробных разъяснений. Возможно, самыми доказательными являются ассоциации свободно возникающих чисел; они протекают так быстро и направляются к скрытой цели с такой уверенностью, что просто ошеломляют. Я хочу привести вам только один пример с таким анализом имени, так как его, к счастью, можно изложить кратко.

Во время лечения одного молодого человека я заговариваю с ним на эту тему и упоминаю положение о том, что, несмотря на кажущуюся произвольность, не может прийти в голову имя, которое не оказалось бы обусловленным ближайшими отношениями, особенностями испытуемого и его настоящим положением. Так как он сомневается в этом, я предлагаю ему, не откладывая, самому провести такой опыт. Я знаю, что у него особенно много разного рода отношений с женщинами и девушками и полагаю поэтому, что у него будет особенно большой выбор, если ему предложить назвать первое попавшееся женское имя. Он соглашается. Но к моему или, вернее, к его удивлению, на меня не катится лавина женских имен, а, помолчав, он признается, что ему пришло на ум всего лишь одно имя: *Альбина.* Странно, что же вы связываете с этим именем? Сколько Альбин вы знаете? Поразительно, но он не знает ни одной Альбины, и больше ему ничего не приходит в голову по поводу этого имени. Итак, можно было предположить, что анализ не удался; но нет, он был уже закончен, и не потребовалось никаких других мыслей. У молодого

человека был необычно светлый цвет волос, во время бесед при лечении я часто в шутку называл его *Альбино*; мы как раз занимались выяснением доли женского начала в его конституции. Таким образом, он сам был этой Альбиной, самой интересной для него в это время женщиной.

То же самое относится к непосредственно всплывающим мелодиям, которые определенным образом обусловлены кругом мыслей человека, занимающими его, хотя он этого и не замечает. Легко показать, что отношение к мелодии связано с ее текстом или происхождением; но следует быть осторожным, это утверждение не распространяется на действительно музыкальных людей, относительно которых у меня просто нет данных. У таких людей ее появление может объясняться музыкальным содержанием мелодии. Но чаще встречается, конечно, первый случай. Так, я знаю одного молодого человека, которого долгое время преследовала прелестная песня Париса из *Прекрасной Елены* [Оффенбаха], пока анализ не обратил его внимания на конкуренцию «Иды» и «Елены», занимавшую его в то время.

Итак, если совершенно свободно возникающие мысли обусловлены таким образом и подчинены определенной связи, то тем более мы можем заключить, что мысли с единственной связью, с исходным представлением, могут быть не менее обусловленными. Исследование действительно показывает, что, кроме предполагаемой нами связи с исходным представлением, следует признать их вторую зависимость от богатых аффектами мыслей и интересов, *комплексов*, воздействие которых в настоящий момент неизвестно, т. е. бессознательно.

Свободно возникающие мысли с такой связью были предметом очень поучительных экспериментальных исследований, сыгравших в истории психоанализа достойную внимания роль [21]. Школа Вундта предложила так называемый ассоциативный эксперимент, при котором испытуемому предлагалось как можно быстрее ответить любой *реакцией* на *слово-раздражитель*. Затем изучались интервал между раздражением и реакцией, характер ответной реакции, ошибки при повторении того же эксперимента и подобное. Цюрихская школа под руководством Блейлера и Юнга дала объяснение происходящим при ассоциативном эксперименте реакциям, предложив испытуемому разъяснять полученные реакции дополнительными ассоциациями, если они сами по себе привлекали внимание своей необычностью. Затем оказалось, что эти необычные реакции самым тесным образом связаны с комплексами испытуемого. Тем самым Блейлер и Юнг перебросили мост от экспериментальной психологии к психоанализу.

На основании этих данных вы можете сказать: «Теперь мы признаем, что свободно возникающие мысли детерминированы, не произвольны, как мы полагали. То же самое мы допускаем и по отношению к мыслям, возникающим по поводу элементов сновидения. Но ведь это не то, что нам нужно. Ведь вы утверждаете, что мысли, пришедшие по поводу элемента сновидения, детерминированы какой-то неизвестной психической основой именно этого элемента. А нам это не кажется очевидным. Мы уже предполагаем, что мысль по поводу элемента сновидения предопределена

комплексами видевшего сон, но какая нам от этого польза? Это приведет нас не к пониманию сновидения, но только к знанию этих так называемых комплексов, как это было в ассоциативном эксперименте. Но что у них общего со сновидением?»

Вы правы, но упускаете один момент. Кстати, именно тот, из-за которого я не избрал ассоциативный эксперимент исходной точкой этого изложения. В этом эксперименте одна детерминанта реакции, а именно слово-раздражитель, выбирается нами произвольно. Реакция является посредником между этим словом-раздражителем и затронутым им комплексом испытуемого. При сновидении слово-раздражитель заменяется чем-то, что само исходит из душевной жизни видевшего сон, из неизвестных ему источников, т. е. из того, что само легко могло бы стать «производным от комплекса». Поэтому напрашивается предположение, что и связанные с элементами сновидения дальнейшие мысли будут определены не другим комплексом, а именно комплексом самого элемента и приведут также к его раскрытию.

Позвольте мне на другом примере показать, что дело обстоит именно так, как мы предполагаем в нашем случае. Забывание имен собственных является, собственно говоря, прекрасным примером для анализа сновидения; только здесь в одном лице сливается то, что при толковании сновидения распределяется между двумя. Если я временно забыл имя, то у меня есть уверенность, что я это имя знаю; та уверенность, которую мы можем внушить видевшему сон только обходным путем при помощи эксперимента Бернгейма. Но забытое, хотя и знакомое имя мне недоступно. Все усилия вспомнить его ни к чему не приводят, это я знаю по опыту. Но вместо забытого имени я могу придумать одно или несколько замещающих имен. И если такое имя-заместитель (Ersatz) придет мне в голову спонтанно, только тогда ситуация будет похожа на анализ сновидения. Элемент сновидения ведь тоже не то, что нужно, только заместитель того другого, нужного, чего я не знаю и что нужно найти при помощи анализа сновидения. Различие опять-таки только в том, что при забывании имен я не признаю заместитель собственным [содержанием] (Eigentliche), а для элемента сновидения нам трудно стать на эту точку зрения. Но и при забывании имен есть путь от заместителя к собственному бессознательному [содержанию], к забытому имени. Если я направлю свое внимание на имена-заместители и буду следить за приходящими мне в голову мыслями по их поводу, то рано или поздно я найду забытое имя и при этом обнаружится, что имена-заместители, как и пришедшие мне в голову, были связаны с забытым, были детерминированы им.

Я хочу привести вам пример анализа такого рода: однажды я заметил, что забыл название маленькой страны на Ривьере, главный город которой Монте-Карло. Это было досадно, но так. Я вспоминаю все, что знаю об этой стране, думаю о князе Альберте из дома Лузиньян, о его браках, о его любви к исследованию морских глубин и обо всем, что мне удается вспомнить, но ничего не помогает. Поэтому я прекращаю размышление и стараюсь заменить забытое название. Другие названия быстро всплывают. Само *Монте-Карло*, затем *Пьемонт, Албания, Монтевидео, Колико.*

Сначала в этом ряду мне бросается в глаза Албания, она быстро сменяется Монтенегро, возможно, как противоположность белого и черного. Затем я замечаю, что в этих четырех названиях-заместителях содержится слог *мон*; вдруг я вспоминаю забытое название и громко произношу: *Монако*. Заместители действительно исходили из забытого, первые четыре из первого слога, последнее воспроизводит последовательность слогов и весь конечный слог. Между прочим, я могу восстановить, почему я на время забыл название. Монако имеет отношение к Мюнхену, это его итальянское название; название этого города и оказало тормозящее влияние.

Пример, конечно, хорош, но слишком прост. В других случаях к первым замещающим названиям следовало бы прибавить более длинный ряд возникающих мыслей, тогда аналогия с анализом сновидения была бы яснее. У меня и в этом есть опыт. Когда однажды незнакомец пригласил меня выпить итальянского вина, в ресторане оказалось, что он забыл название вина, которое хотел заказать, только потому, что о нем остались лучшие воспоминания. Из большого числа замещающих названий, которые пришли ему в голову вместо забытого, я сделал вывод, что название забыто из-за какой-то Гедвиги, и действительно, он не только подтвердил, что пробовал его в обществе одной Гедвиги, но и вспомнил благодаря этому его название. К этому времени он был счастливо женат, а та Гедвига относилась к более раннему времени, о котором он неохотно вспоминал.

То, что оказалось возможным при забывании имен, должно удасться и при толковании сновидений; идя от заместителя через связывающие ассоциации, можно сделать доступным скрытое собственное [содержание]. По примеру забывания имен мы можем сказать об ассоциациях с элементом сновидения, что они детерминированы как самим элементом сновидения, так и собственным бессознательным [содержанием]. Тем самым мы привели некоторые доказательства правомерности нашей техники.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Явное содержание сновидения и скрытые его мысли

Уважаемые дамы и господа! Вы видите, что мы не без пользы изучали ошибочные действия. Благодаря этим усилиям мы — исходя из известных вам предположений — усвоили два момента: понимание элемента сновидения и технику толкования сновидения. Понимание элемента сновидения заключается в том, что он не является собственным [содержанием], а заместителем чего-то другого, неизвестного видевшему сон, подобно намерению ошибочного действия, заместителем чего-то, о чем видевший сон знает, но это знание ему недоступно. Надеемся, что это же

понимание можно распространить и на все сновидение, состоящее из таких элементов. Наша техника состоит в том, чтобы благодаря свободным ассоциациям вызвать к этим элементам другие замещающие представления, из которых можно узнать скрытое.

Теперь я предлагаю вам внести изменения в терминологию, которые должны упростить наше изложение. Вместо «скрытое, недоступное, не собственное * [содержание]» мы, выражаясь точнее, скажем «недоступное сознанию видевшего сон, или бессознательное» (unbewußt). Под этим мы подразумеваем (как это было и в отношении к забытому слову или нарушающей тенденции ошибочного действия) не что иное, как *бессознательное в данный момент*. В противоположность этому мы, конечно, можем назвать сами элементы сновидения и вновь полученные благодаря ассоциациям замещающие представления *сознательными*. С этим названием не связана какая-то новая теоретическая конструкция. Употребление слова «бессознательное», как легко понятного и подходящего, не может вызвать возражений.

Если мы распространим наше понимание отдельного элемента на все сновидение, то получится, что сновидение как целое является искаженным заместителем чего-то другого, бессознательного, и задача толкования сновидения — найти это бессознательное. Отсюда сразу выводятся три важных правила, которых мы должны придерживаться во время работы над толкованием сновидения: 1) не нужно обращать внимание на то, что являет собой сновидение, будь оно понятным или абсурдным, ясным или спутанным, так как оно все равно ни в коем случае не является искомым бессознательным (естественное ограничение этого правила напрашивается само собой); 2) работу ограничивать тем, что к каждому элементу вызывать замещающие представления, не задумываясь о них, не проверяя, содержат ли они что-то подходящее, не обращать внимания, насколько они отклоняются от элемента сновидения; 3) нужно выждать, пока скрытое, искомое бессознательное возникнет само, точно так же, как забытое слово Монако в описанном примере.

Теперь нам также понятно, насколько безразлично, хорошо или плохо, верно или неверно восстановлено в памяти сновидение. Ведь восстановленное в памяти сновидение не является собственным содержанием, но только искаженным заместителем того, что должно нам помочь путем вызывания других замещающих представлений приблизиться к собственному содержанию, сделать бессознательное сознательным. Если воспоминание было неточным, то просто в заместителе произошло дальнейшее искажение, которое, однако, не может быть немотивированным.

Работу толкования можно провести как на собственных сновидениях, так и на сновидениях других. На собственных даже большему научишься, процесс толкования здесь более убедителен. Итак, если попытаешься это сделать, то замечаешь, что что-то противится работе. Мысли хотя и возникают, но не всем им придаешь значение. Производится проверка, и делается выбор. Об одной мысли говоришь себе: нет, это здесь не под-

* По смыслу должно быть «собственное».— *Примеч. ред. перевода.*

ходит, не относится сюда, о другой — это слишком бессмысленно, о третьей — это уж совсем второстепенно, и вскоре замечаешь, что при таких возражениях мысли задерживаются прежде, чем станут совершенно ясными, и наконец прогоняются. Таким образом, с одной стороны, слишком сильно зависишь от исходного представления, от самого элемента сновидения, с другой — выбор мешает результату свободной ассоциации. Если толкование сновидения проводишь не наедине, а просишь когонибудь толковать свое сновидение, то ясно чувствуешь еще один мотив, которым оправдываешь такой недопустимый выбор. Тогда говоришь себе по поводу отдельных мыслей: нет, эта мысль слишком неприятна, я не хочу или не могу ее высказать.

Эти возражения явно угрожают успешности нашей работы. Против них нужно защититься, и при анализе собственного сновидения делаешь это с твердым намерением не поддаваться им; если анализируешь сновидение другого, то ставишь ему как непреложное условие не исключать ни одной мысли, даже если против нее возникает одно из четырех возражений: что она слишком незначительна, слишком бессмысленна, не относится к делу или ее неприятно сказать. Он обещает следовать этому правилу, но затем с огорчением замечаешь, как плохо подчас он сдерживает это обещание. Сначала объясняешь это тем, что он не уяснил себе смысл свободной ассоциации, несмотря на убедительное заверение, и думаешь, что, может быть, следует подготовить его сначала теоретически, давая ему литературу или послав его на лекции, благодаря чему он мог бы стать сторонником наших воззрений на свободную ассоциацию. Но от этих приемов воздерживаешься, замечая, что и сам, будучи твердо уверен в собственных убеждениях, подвержен этим же критическим возражениям против определенных мыслей, которые впоследствии устраняются, в известной мере, во второй инстанции.

Вместо того чтобы сердиться на непослушание видевшего сон, попробуем оценить этот опыт, чтобы научиться из него чему-то новому, чему-то, что может быть тем важнее, чем меньше мы к нему подготовлены. Понятно, что работа по толкованию сновидения происходит вопреки *сопротивлению* (Widerstand), которое поднимается против него и выражением которого являются те критические возражения. Это сопротивление независимо от теоретических убеждений видевшего сон. Больше того. Опыт показывает, что такое критическое возражение никогда не бывает правильным. Напротив, мысли, которые хотелось бы подавить таким образом, оказываются все *без исключения* самыми важными, решающими для раскрытия бессознательного. Если мысль сопровождается таким возражением, то это как раз очень показательно.

Это сопротивление является каким-то совершенно новым феноменом, который мы нашли исходя из наших предположений, хотя он как будто и не содержится в них. Этому новому фактору мы не так уж приятно удивлены. Мы уже предчувствуем, что он не облегчит нашей работы. Он мог бы нас привести к тому, чтобы вовсе оставить наши старания понять сновидение. Такое незначительное явление, как сновидение, и такие трудности вместо безукоризненной техники! Но, с другой стороны, имен-

но эти трудности заставляют нас предполагать, что работа стоит усилий. Мы постоянно наталкиваемся на сопротивление, когда хотим от заместителя, являющегося элементом сновидения, проникнуть в его скрытое бессознательное. Таким образом, мы можем предположить, что за заместителем скрывается что-то значительное. Иначе к чему все препятствия, стремящиеся сохранить скрываемое? Если ребенок не хочет открыть руку, чтобы показать, что в ней, значит, там что-то, чего ему не разрешается иметь.

Сейчас, когда мы вводим в ход наших рассуждений динамическое представление сопротивления, мы должны подумать о том, что это сопротивление может количественно изменяться. Оно может быть большим и меньшим, и мы готовы к тому, что данные различия и обнаружатся во время нашей работы. Может быть, благодаря этому мы приобретем другой опыт, который тоже пригодится в работе по толкованию сновидений. Иногда необходима одна-единственная или всего несколько мыслей, чтобы перейти от элемента сновидения к его бессознательному, в то время как в других случаях для этого требуется длинная цепь ассоциаций и преодоление многих критических возражений.

Мы скажем себе, что эти различия связаны с изменением величины сопротивления, и будем, вероятно, правы. Если сопротивление незначительно, то и заместитель не столь отличен от бессознательного; но большое сопротивление приводит к большим искажениям бессознательного, а с ними удлиняется обратный путь от заместителя к бессознательному.

Теперь, может быть, настало время взять какое-нибудь сновидение и попробовать применить к нему нашу технику, чтобы оправдать связываемые с ней надежды. Да, но какое для этого выбрать сновидение? Вы не представляете себе, как мне трудно сделать выбор, и я даже не могу вам еще разъяснить, в чем трудность. Очевидно, имеются сновидения, которые в общем мало искажены, и самое лучшее было бы начать с них. Но какие сновидения меньше всего искажены? Понятные и не спутанные, два примера которых я уже приводил? Но тут-то вы глубоко ошибаетесь. Исследование показывает, что эти сновидения претерпели чрезвычайно высокую степень искажения. Но если я, отказавшись от каких-либо ограничений, возьму первое попавшееся сновидение, вы, вероятно, будете очень разочарованы. Может случиться, что нам нужно будет выделить и записать такое обилие мыслей к отдельным элементам сновидения, что работа станет совершенно необозримой. Если мы запишем сновидение, а напротив составим список всех пришедших по его поводу мыслей, то он может быть больше текста сновидения. Самым целесообразным кажется, таким образом, выбрать для анализа несколько коротких сновидений, из которых каждое сможет нам что-нибудь сказать или что-либо подтвердить. На это мы и решимся, если опыт нам не подскажет, где действительно можно найти мало искаженные сновидения.

Кроме того, я знаю еще другой путь для облегчения нашей задачи. Вместо толкования целых сновидений давайте ограничимся отдельными элементами и на ряде примеров проследим, как их можно объяснить, используя нашу технику.

а) Одна дама рассказывает, что ребенком очень часто видела сон, будто у *бога на голове остроконечный бумажный колпак.* Как вы это поймете, не прибегнув к помощи видевшей сон? Ведь это совершенно бессмысленно. Но это перестает быть бессмыслицей, когда дама сообщает, что ей ребенком за столом имели обыкновение надевать такой колпак, потому что она не могла отвыкнуть от того, чтобы не коситься в тарелки братьев и сестер и не смотреть, не получил ли кто-нибудь из них больше нее. Таким образом, колпак должен был действовать, как шоры. Кстати, историческое сообщение было дано без всякой задержки. Толкование этого элемента, а с ним и всего короткого сновидения легко осуществляется благодаря следующей мысли видевшей сон. «Так как я слышала, что бог всеведущ и все видит,— говорит она,— то сновидение означает только, что я все знаю и все вижу, как бог, даже если мне хотят помешать». Этот пример, возможно, слишком прост.

б) Одна скептически настроенная пациентка видит длинный сон, в котором известные лица рассказывают ей о моей книге «Остроумие» (1905с) и очень ее хвалят. Затем что-то упоминается о «*Канале*», *возможно, о другой книге, в которой фигурирует канал, или еще что-то, связанное с каналом... она не знает... это совершенно неясно.*

Вы склонны будете предположить, что элемент «канал» не поддается толкованию, потому что он сам так неопределенен. Вы правы относительно предполагаемого затруднения, но толкование трудно не потому, что этот элемент неясен, наоборот, он неясен по той же причине, по которой затруднено толкование: видевшей сон не приходит по поводу канала никаких мыслей; я, конечно, тоже ничего не могу сказать. Некоторое время спустя, вернее, на следующий день она говорит, что ей пришло в голову, что, *может быть*, относится к делу. А именно острóта, которую она слышала. На пароходе между Дувром и Кале известный писатель беседует с одним англичанином, который в определенной связи цитирует: Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas [От великого до смешного только один [шаг]. Писатель отвечает: Qui, le pas de Calais [Да, Па-де-Кале]; (шаг по-французски «па».— *Примеч. пер.*] — этим он хочет сказать, что Франция великая страна, а Англия — смешная. Но *Pas de Calais* ведь канал, именно рукав канала, *Canal la manche.* Не думаю ли я, что эта мысль имеет отношение к сновидению? Конечно, говорю я, она действительно объясняет загадочный элемент сновидения. Или вы сомневаетесь, что эта шутка уже до сновидения была бессознательным для элемента «канал», и предполагаете, что она появилась позднее? Пришедшая ей в голову мысль свидетельствует о скепсисе, который скрывается у нее за искусственным восхищением, а сопротивление является общей причиной как задержки мысли, так и того, что соответствующий элемент сновидения был таким неопределенным. Вдумайтесь в этом случае в отношение элемента сновидения к его бессознательному... Он как бы кусочек бессознательного, как бы намек на него; изолировав его, мы бы его совершенно не поняли.

в) Один пациент видит длинный сон: *вокруг стола особой формы сидит несколько членов его семьи* и т. д. По поводу стола ему приходит

в голову мысль, что он видел такой стол при посещении определенной семьи. Затем его мысль развивается: в этой семье были особые отношения между отцом и сыном, и он тут же добавляет, что такие же отношения существуют между ним и его отцом. Таким образом, стол взят в сновидение, чтобы показать эту параллель.

Этот пациент был давно знаком с требованиями толкования сновидения. Другой, может быть, был бы поражен, что такая незначительная деталь, как форма стола, является объектом исследования. Мы считаем, что в сновидении нет ничего случайного или безразличного и ждем разгадки именно от объяснения таких незначительных, немотивированных деталей. Вы, может быть, еще удивитесь, что работа сновидения выразила мысль «у нас все происходит так, как у них» именно выбором стола. Но все легко объяснится, если вы узнаете, что эта семья носит фамилию *Тишлер* [Tisch — стол.— *Примеч. пер.*]. Усаживая своих родных за этот стол, он как бы говорит, что они тоже Тишлеры. Заметьте, впрочем, как в сообщениях о таких толкованиях сновидений поневоле становишься нескромным. Теперь и вы увидели упомянутые выше трудности в выборе примеров. Этот пример я мог бы легко заменить другим, но тогда, вероятно, избежал бы этой нескромности за счет какой-то другой.

Мне кажется, что теперь самое время ввести два термина, которыми мы могли бы уже давно пользоваться. Мы хотим назвать то, что рассказывается в сновидении, *явным содержанием сновидения* (manifester Trauminhalt), а скрытое, к которому мы приходим, следуя за возникающими мыслями, *скрытыми мыслями сновидения* (latente Traumgedanken). Обратим внимание на отношения между явным содержанием сновидения и скрытыми его мыслями в наших примерах. Эти отношения могут быть весьма различными. В примерах а) и б) явный элемент является составной частью скрытых мыслей, но только незначительной их частью. Из всей большой и сложной психической структуры бессознательных мыслей в явное сновидение проникает лишь частица как их фрагмент или в других случаях как намек на них, как лозунг или сокращение в телеграфном стиле. Толкование должно восстановить целое по этой части или намеку, как это прекрасно удалось в примере б). Один из видов искажения, в котором заключается работа сновидения, есть, таким образом, замещение обрывком или намеком. В примере в), кроме того, можно предположить другое отношение, более ясно выраженное в следующих примерах.

г) Видевший сон *извлекает* (hervorzieht) (определенную, знакомую ему) *даму из-под кровати*. Он сам открывает смысл этого элемента сновидения первой пришедшей ему в голову мыслью. Это означает: он отдает этой даме *предпочтение* (Vorzug).

д) Другому снится, что *его брат застрял в ящике*. Первая мысль заменяет слово ящик *шкафом* (Schrank), а вторая дает этому толкование: брат *ограничивает себя* (schränkt sich ein).

е) Видевший сон *поднимается на гору, откуда открывается необыкновенно далекий вид*. Это звучит совершенно рационально, и, может быть, тут нечего толковать, а следует только узнать, какие воспоминания затронуты сновидением и чем оно мотивировано. Но вы ошибаетесь,— ока-

зывается, именно это сновидение нуждается в толковании, как никакое другое спутанное.

Видевшему сон вовсе не приходят в голову собственные восхождения на горы, а он вспоминает, что один его знакомый издает *«Обозрение»* (Rundschau), в котором обсуждаются наши отношения к дальним странам. Таким образом, скрытая мысль сновидения здесь — отождествление видевшего сон с издателем «Обозрения».

Здесь вы видите новый тип отношения между явным и скрытым элементами сновидения. Первый является не столько искажением последнего, сколько его изображением, наглядным, конкретным выражением в образе, которое имеет своим источником созвучие слов. Однако благодаря этому получается опять искажение, потому что мы давно забыли, из какого конкретного образа выходит слово, и не узнаем его в замещении образом. Если вы подумаете о том, что явное сновидение состоит преимущественно из зрительных образов, реже из мыслей и слов, то можете догадаться, что этому виду отношения принадлежит особое значение в образовании сновидения. Вы видите также, что этим путем можно создать в явном сновидении для целого ряда абстрактных мыслей замещающие образы, которые служат намерению скрыть их. Это та же техника ребуса. Откуда такие изображения приобретают остроумный характер, это особый вопрос, которого мы здесь можем не касаться.

О четвертом виде отношения между явным и скрытым элементами сновидения я умолчу, пока наша техника не откроет нам его особенность. Но и тогда я не дал бы полного перечисления этих отношений, для наших же целей достаточно и этого.

Есть у вас теперь мужество решиться на толкование целого сновидения? Сделаем попытку и посмотрим, достаточно ли мы подготовлены для решения этой задачи. Разумеется, я выберу не самое непонятное сновидение, а остановлюсь на таком, которое хорошо отражает его свойства.

Итак, молодая, но уже давно вышедшая замуж дама видит сон: *она сидит с мужем в театре, одна половина партера совершенно пуста. Ее муж рассказывает ей, что Элиза Л. и ее жених тоже хотели пойти, но смогли достать только плохие места, три за 1 фл. 50 кр.*, а ведь такие места они не могли взять. Она считает, что это не беда.*

Первое, что сообщает нам видевшая сон,— это то, что повод к сновидению указан в явном сновидении. Муж действительно рассказал ей, что Элиза Л., знакомая, примерно тех же лет, обручилась. Сновидение является реакцией на это сообщение. Мы уже знаем, что подобный повод в переживаниях дня накануне сновидения нетрудно доказать во многих сновидениях, и видевшие сон часто без затруднений дают такие указания. Такие же сведения видевшая сон дает и по поводу других элементов явного сновидения. Откуда взялась деталь, что половина партера не занята? Это намек на реальное событие прошлой недели. Она решила пойти на известное театральное представление и *заблаговременно* купила билеты, но так рано, что должна была доплатить за это, когда же они

* 1 флорин 50 крейцеров.— *Примеч. ред. перевода.*

пришли в театр, оказалось, что ее заботы были напрасны, потому что *одна половина партера была почти пуста*. Она бы не опоздала, если бы купила билеты даже в день представления. Ее муж не преминул подразнить ее за эту *поспешность*. Откуда 1 фл. 50 кр.? Это относится к совсем другому и не имеет ничего общего с предыдущим, но и тут есть намек на известие последнего дня. Ее невестка получила от своего мужа в подарок 150 фл., и эта дура не нашла ничего лучшего, как побежать к ювелиру и истратить деньги на украшения. А откуда три? Об этом она ничего не знает, если только не считать той мысли, что невеста Элиза Л. всего лишь на три месяца моложе нее, а она почти десять лет замужем. А что это за нелепость брать три билета, когда идешь в театр вдвоем? На это она ничего не отвечает и вообще отказывается от дальнейших объяснений.

Но эти пришедшие ей в голову мысли и так дали нам достаточно материала, чтобы можно было узнать скрытые мысли сновидения. Обращает на себя внимание то, что в ее сообщениях к сновидению в нескольких местах подчеркиваются разные сроки, благодаря чему между отдельными частями устанавливается нечто общее: она *слишком рано* купила билеты в театр, *поспешила*, так что должна была переплатить; невестка подобным же образом *поспешила* снести деньги ювелиру, чтобы купить украшения, как будто она могла это *упустить*. Если эти так подчеркнутые «слишком рано», «поспешно» сопоставить с поводом сновидения, известием, что приятельница, которая *моложе* нее всего на три месяца, теперь все-таки нашла себе хорошего мужа, и с критикой, выразившейся в осуждении невестки: *нелепо* так торопиться, то само собой напрашивается следующий ход скрытых мыслей сновидения, искаженным заместителем которых является явное сновидение: «*Нелепо* было с моей стороны так торопиться с замужеством. На примере Элизы я вижу, что и позже могла бы найти мужа». (Поспешность изображена в ее поведении при покупке билетов и в поведении невестки при покупке украшений. Замужество замещено посещением театра.) Это — главная мысль; может быть, мы могли бы продолжать, но с меньшей уверенностью, потому что в этом месте анализу незачем было бы отказываться от заявлений видевшей сон: «За эти деньги я могла бы приобрести в 100 раз лучшее!» (150 фл. в 100 раз больше 1 фл. 50 кр.). Если бы мы могли деньги заменить приданым, то это означало бы, что мужа покупают за приданое; муж заменен украшениями и плохими билетами. Еще лучше было бы, если бы элемент «три билета» имел какое-либо отношение к мужу. Но наше понимание не идет так далеко. Мы только угадали, что сновидение выражает *пренебрежение* к мужу и сожаление о *слишком раннем замужестве*.

По моему мнению, результат этого первого толкования сновидения нас больше поражает и смущает, чем удовлетворяет. Слишком уж много на нас сразу свалилось, больше, с чем мы в состоянии справиться. Мы уже замечаем, что не сможем разобраться в том, что может быть поучительного в этом толковании сновидения. Поспешим же извлечь то, что мы узнали несомненно нового.

Во-первых, замечательно, что в скрытых мыслях главный акцент падает на элемент поспешности; в явном сновидении именно об этом ничего нет. Без анализа мы бы не могли предположить, что этот момент играет какую-то роль. Значит возможно, что как раз самое главное, то, что является центром бессознательных мыслей, в явном сновидении отсутствует. Благодаря этому совершенно меняется впечатление от всего сновидения. Во-вторых, в сновидении имеется абсурдное сопоставление три за 1 фл. 50 кр., в мыслях сновидения мы угадываем фразу: нелепо было (так рано выходить замуж). Можно ли отрицать, что эта мысль «нелепо было» выражена в явном сновидении именно абсурдным элементом? В-третьих, сравнение показывает, что отношение между явными и скрытыми элементами не просто, оно состоит не в том, что один явный элемент всегда замещает один скрытый. Это скорее групповое отношение между обоими лагерями, внутри которого один явный элемент представляется несколькими скрытыми или один скрытый может замещаться несколькими явными.

Что касается смысла сновидения и отношения к нему видевшей сон, то об этом можно было бы тоже сказать много удивительного. Правда, она признает толкование, но поражается ему. Она не знала, что пренебрежительно относится к своему мужу, она также не знает, почему она к нему так относится. Итак, в этом еще много непонятного. Я действительно думаю, что мы еще не готовы к толкованию сновидений и нам надо сначала еще поучиться и подготовиться.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Детские сновидения

Уважаемые дамы и господа! У нас возникло впечатление, что мы слишком ушли вперед. Вернемся немного назад. Прежде чем мы предприняли последнюю попытку преодолеть с помощью нашей техники трудности искажения сновидения, мы поняли, что лучше было бы ее обойти, взяв такие сновидения, если они имеются, в которых искажение отсутствует или оно очень незначительно. При этом мы опять отойдем от истории развития наших знаний, потому что в действительности на существование таких свободных от искажения сновидений обратили внимание только после последовательного применения техники толкования и проведения анализа искаженных сновидений.

Сновидения, которые нам нужны, встречаются у детей. Они кратки, ясны, не бессвязны, не двусмысленны, их легко понять, и все-таки это сновидения. Но не думайте, что все сновидения детей такого рода. И в детском возрасте очень рано наступает искажение сновидений, записаны сновидения пяти — восьмилетних детей, которые имеют все признаки более поздних. Но если вы ограничитесь возрастом с начала известной душев-

ной деятельности до четвертого или пятого года, то встретитесь с рядом сновидений, которые имеют так называемый инфантильный характер, а затем отдельные сновидения такого рода можно найти и в более поздние детские годы. Даже у взрослых при определенных условиях бывают сновидения, похожие на типично инфантильные.

Используя эти детские сновидения, мы с легкостью и уверенностью сделаем выводы о сущности сновидения, которые, хотим надеяться, будут существенными и общими [для всех сновидений] [22].

1. Для понимания этих сновидений не требуется анализ и использование нашей техники. Не надо и расспрашивать ребенка, рассказывающего свое сновидение. Достаточно немного дополнить сновидение сведениями из жизни ребенка. Всегда имеется какое-нибудь переживание предыдущего дня, объясняющее нам сновидение. Сновидение является реакцией душевной жизни во сне на это впечатление дня.

Мы хотим предложить вам несколько примеров, чтобы сделать еще некоторые выводы.

а) 22-месячный мальчик как поздравитель должен преподнести корзину вишен. Он делает это с явной неохотой, хотя ему обещают, что он сам получит несколько вишен. Утром он рассказывает свой сон: *Ге(р)ман съел все вишни.*

б) Девочка 3 1/4 лет впервые катается на лодке по озеру. Когда надо было выходить из лодки, она не хотела этого сделать и горько расплакалась. Ей показалось, что время прогулки прошло слишком быстро. На следующее утро она сказала: *Сегодня ночью я каталась по озеру.* Мы могли бы прибавить, что эта прогулка длилась дольше.

в) 5 1/4-летнего мальчика взяли с собой на прогулку в Эшерталь близ Галлштатта. Он слышал, что Галлштатт расположен у подножия Дахштейна. К этой горе он проявлял большой интерес. Из своего дома в Аусзее он мог хорошо видеть Дахштейн, а в подзорную трубу можно было разглядеть на нем Симонигютте. Ребенок не раз пытался увидеть ее в подзорную трубу, неизвестно, с каким успехом. Прогулка началась в настроении радостного ожидания. Как только появлялась какая-нибудь новая гора, мальчик спрашивал: это Дахштейн? Чем чаще он получал отрицательный ответ, тем больше расстраивался, потом совсем замолчал и не захотел даже немного пройти к водопаду. Думали, что он устал, но на следующее утро он радостно рассказал: сегодня ночью я видел во сне, *что мы были на Симонигютте.* Он участвовал в прогулке, ожидая этого момента. О подробностях он только сказал, что уже слышал раньше: поднимаются шесть часов вверх по ступенькам.

Этих трех сновидений достаточно, чтобы получить нужные нам сведения.

2. Мы видим, что эти детские сновидения не бессмысленны; это *понятные, полноценные душевные акты.* Вспомните, что я говорил вам по поводу медицинского суждения о сновидении: это то, что получается, когда не знающий музыки беспорядочно перебирает клавиши пианино. Вы не можете не заметить, как резко эти детские сновидения противоречат такому пониманию. Но не слишком ли странно, что ребенок в со-

стоянии во сне переживать полноценные душевные акты, тогда как взрослый довольствуется в том же случае судорожными реакциями. У нас есть также все основания предполагать, что сон ребенка лучше и глубже.

3. Эти сновидения лишены искажения, поэтому они не нуждаются в толковании. Явное и скрытое сновидение совпадают. *Итак, искажение сновидения не есть проявление его сущности.* Смею предположить, что у вас при этом камень свалился с души. Но частицу искажения сновидения, определенное различие между явным содержанием сновидения и его скрытыми мыслями мы после некоторого размышления признаем и за этими сновидениями.

4. Детское сновидение является реакцией на переживание дня, которое оставило сожаление, тоску, неисполненное желание. *Сновидение дает прямое, неприкрытое исполнение этого желания.* Вспомните теперь наши рассуждения о роли физических раздражений, внешних и внутренних, как нарушителей сна и побудителей сновидений. Мы узнали совершенно достоверные факты по этому поводу, но таким образом могли объяснить лишь небольшое число сновидений. В этих детских сновидениях ничто не свидетельствует о действии таких соматических раздражений; в этом мы не можем ошибиться, так как сновидения совершенно понятны и в них трудно чего-нибудь не заметить. Однако это не заставляет нас отрицать происхождение сновидений от раздражений. Мы только можем спросить, почему мы с самого начала забыли, что, кроме физических, есть еще и душевные раздражения, нарушающие сон? Мы ведь знаем, что эти волнения больше всего вызывают нарушение сна у взрослого человека, мешая установить душевное состояние засыпания, падения интереса к миру. Человеку не хочется прерывать жизнь, он продолжает работу над занимающими его вещами и поэтому не спит. Для ребенка таким мешающим спать раздражением является неисполненное желание, на которое он реагирует сновидением.

5. Отсюда мы кратчайшим путем приходим к объяснению функции сновидения. Сновидение, будучи реакцией на психическое раздражение, должно быть равнозначно освобождению от этого раздражения, так что оно устраняется, а сон может продолжаться. Как динамически осуществляется это освобождение благодаря сновидению, мы еще не знаем, но уже замечаем, что *сновидение является не нарушителем сна,* как это ему приписывается, а *оберегает его, устраняет нарушения сна.* Правда, нам кажется, что мы лучше спали бы, если бы не было сновидения, но мы не правы; в действительности без помощи сновидения мы вообще бы не спали. Ему мы обязаны, что проспали хотя бы и так. Оно не могло немного не помешать нам, подобно ночному сторожу, который не может совсем не шуметь, прогоняя нарушителей покоя, которые хотят разбудить нас шумом.

6. Главной характерной чертой сновидения является то, что оно побуждается желанием, исполнение этого желания становится содержанием сновидения. Другой такой же постоянной чертой является то, что сновидение не просто выражает мысль, а представляет собой галлюцинаторное переживание исполнения желания. *Я желала бы кататься по озеру,*

гласит желание, вызывающее сновидение, содержание сновидения: *я катаюсь по озеру*. Различие между скрытым и явным сновидением, искажение скрытой мысли сновидения остается и в этих простых детских сновидениях, и это — *превращение мысли в переживание*. При толковании сновидения надо прежде всего обнаружить именно это частичное изменение. Если бы эта характерная черта оказалась общей всем сновидениям, то приведенный выше фрагмент сновидения: *я вижу своего брата в ящике*,— надо было бы понимать не как «мой брат ограничивается», а как «я хотел бы, чтобы мой брат ограничился, *мой брат должен ограничиться»*. Очевидно, что из двух приведенных характерных черт сновидения у второй больше шансов быть признанной без возражений, чем у первой. Только многочисленные исследования могут установить, что возбудителем сновидения должно быть всегда желание, а не опасение, намерение или упрек, но другая характерная черта, которая заключается в том, что сновидение не просто передает это раздражение, а прекращает, устраняет, уничтожает его при помощи особого рода переживания, остается непоколебимой.

7. Исходя из этих характерных черт сновидения, мы можем опять вернуться к сравнению сновидения с ошибочным действием. В последнем мы различали нарушающую и нарушенную тенденцию, а ошибочное действие было компромиссом между обеими. Та же самая схема подходит и для сновидения. Нарушенной тенденцией в ней может быть желание спать. Нарушающую тенденцию мы заменяем психическим раздражением, то есть желанием, которое стремится к своему исполнению, так как до сих пор мы не видели никакого другого психического раздражения, нарушающего сон. И здесь сновидение является результатом компромисса. Спишь, но переживаешь устранение желания; удовлетворяешь желание и продолжаешь спать. И то, и другое отчасти осуществляется, отчасти нет.

8. Вспомните, как мы пытались однажды найти путь к пониманию сновидений исходя из очень понятных образований фантазии, так называемых «*снов наяву*». Эти сны наяву действительно являются исполнением желаний, честолюбивых и эротических, которые нам хорошо известны, но они мысленные, и хотя живо представляются, но никогда не переживаются галлюцинаторно. Таким образом, из двух характерных черт сновидения здесь остается менее достоверная, в то время как вторая, зависящая от состояния сна и не реализуемая в бодрствовании, совершенно отпадает. И в языке есть также намек на то, что исполнение желания является основной характерной чертой сновидения. Между прочим, если переживание в сновидении является только превращенным представлением, т. е. «ночным сном наяву», возможным благодаря состоянию сна, то мы уже понимаем, что процесс образования сновидения может устранить ночное раздражение и принести удовлетворение, потому что и сны наяву являются деятельностью, связанной с удовлетворением, и ведь только из-за этого им и отдаются.

Не только это, но и другие общеупотребительные выражения имеют тот же смысл. Известные поговорки утверждают: свинье снится желудь,

гусю — кукуруза; или спрашивают: что видит во сне курица? Просо. Поговорка идет, следовательно, дальше, чем мы,— от ребенка к животному — и утверждает, что содержание сна является удовлетворением потребности. Многие выражения, по-видимому, подтверждают это, например: «прекрасно, как во сне», «этого и во сне не увидишь», «я бы не мог себе это представить даже в самом необычайном сне». Употребление в языке таких выражений, очевидно, говорит в нашу пользу. Правда, есть страшные сновидения и сновидения с неприятным или безразличным содержанием, но их словоупотребление и не коснулось. Хотя мы и говорим о «дурных» снах, но для нашего языка сновидение все равно остается только исполнением желания. Нет ни одной поговорки, которая бы утверждала, что свинья или гусь видели во сне, как их закалывают.

Конечно, немыслимо, чтобы столь характерная черта сновидения, выражающаяся в исполнении желания, не была бы замечена авторами, писавшими о сновидениях. Это происходило очень часто, но ни одному из них не пришло в голову признать ее общей характерной чертой и считать это ключевым моментом в объяснении сновидений. Мы можем себе хорошо представить, что их могло от этого удерживать, и еще коснемся этого вопроса.

Но посмотрите, сколько сведений мы получили из высоко оцененных нами детских сновидений и почти без труда. Функция сновидения как стража сна, его возникновение из двух конкурирующих тенденций, из которых одна остается постоянной — желание сна, а другая стремится удовлетворить психическое раздражение; доказательство, что сновидение является осмысленным психическим актом; обе его характерные черты: исполнение желания и галлюцинаторное переживание. И при этом мы почти забыли, что занимаемся психоанализом. Кроме связи с ошибочными действиями в нашей работе не было ничего специфического. Любой психолог, ничего не знающий об исходных предположениях психоанализа, мог бы дать это объяснение детских сновидений. Почему же никто этого не сделал?

Если бы все сновидения были такими же, как детские, то проблема была бы решена, наша задача выполнена, и не нужно было бы расспрашивать видевшего сон, привлекать бессознательное и пользоваться свободной ассоциацией. Но в этом-то, очевидно, и состоит наша дальнейшая задача. Наш опыт уже не раз показывал, что характерные черты, которые считаются общими, подтверждаются затем только для определенного вида и числа сновидений. Речь, следовательно, идет о том, остаются ли в силе открытые благодаря детским сновидениям общие характерные черты, годятся ли они для тех неясных сновидений, явное содержание которых не обнаруживает отношения к какому-то оставшемуся желанию. Мы придерживаемся мнения, что эти другие сновидения претерпели глубокое искажение и поэтому о них нельзя судить сразу. Мы также предполагаем, что для их объяснения необходима психоаналитическая техника, которая не была нам нужна для понимания детских сновидений.

Имеется, впрочем, еще один класс неискаженных сновидений, в которых, как и в детских, легко узнать исполнение желания. Это те, кото-

рые вызываются в течение всей жизни императивными потребностями тела: голодом, жаждой, сексуальной потребностью, т. е. являются исполнением желаний как реакции на внутренние соматические раздражения. Так, я записал сновидение 19-месячной девочки, которое состояло из меню с прибавлением ее имени (*Анна Ф., земляника, малина, яичница, каша*). Сновидение явилось реакцией на день голодовки из-за расстройства пищеварения, вызванного как раз двумя упомянутыми ягодами. В то же время и бабушка, возраст которой вместе с возрастом внучки составил семьдесят лет, вследствие беспокойства из-за блуждающей почки должна была целый день голодать, и в ту же ночь ей снилось, что ее пригласили в гости и угощают самыми лучшими лакомствами. Наблюдения за заключенными, которых заставляют голодать, и за лицами, терпящими лишения в путешествиях и экспедициях, свидетельствуют о том, что в этих условиях они постоянно видят во сне удовлетворение этих потребностей. Так Отто Норденшельд в своей книге *Антарктика* (1904) сообщает о зимовавшей с ним команде (т. 1, с. 366 и сл.): «О направленности наших сокровеннейших мыслей очень ясно говорили наши сновидения, которые никогда прежде не были столь ярки и многочисленны. Даже те наши товарищи, которые видели сны в исключительных случаях, теперь по утрам, когда мы обменивались своими переживаниями из этого фантастического мира, могли рассказывать длинные истории. Во всех них речь шла о том внешнем мире, который был теперь так далек от нас, но часто они имели отношение и к нашим тогдашним условиям... Еда и питье были центром, вокруг которого чаще всего вращались наши сновидения. Один из нас, который особенно часто наслаждался грандиозными ночными пирами, был от души рад, если утром мог сообщить, «что съел обед из трех блюд»; другой видел во сне табак, целые горы табаку; третьи — корабль, на всех парусах приближающийся из открытого моря. Заслуживает упоминания еще одно сновидение: является почтальон с почтой и длинно объясняет, почему ее пришлось так долго ждать, он неправильно ее сдал и ему с большим трудом удалось получить ее обратно. Конечно, во время сна нас занимали еще более невозможные вещи, но почти во всех сновидениях, которые видел я сам или о которых слышал, поражает бедность фантазии. Если бы все эти сновидения были записаны, это, несомненно, представило бы большой психологический интерес. Но легко понять, каким желанным был для нас сон, потому что он мог дать нам все, чего каждый больше всего желал». Цитирую еще по Дю Прелю (1885, 231): «Мунго Парк, погибавший от жажды во время путешествия по Африке, беспрерывно видел во сне многоводные долины и луга своей родины. Так и мучимый голодом Тренк видел себя во сне в Sternschanze в Магдебурге, окруженным роскошными обедами, а Георг Бакк, участник первой экспедиции Франклина, когда вследствие невыносимых лишений был близок к голодной смерти, постоянно видел во сне обильные обеды».

Тому, кто за ужином ест острую пищу, вызывающую жажду, легко может присниться, что он пьет. Разумеется, невозможно удовлетворить сильную потребность в еде или питье при помощи сновидения; от та-

ких сновидений просыпаешься с чувством жажды и напиваешься воды по-настоящему. Достижение сновидения в этом случае практически незначительно, но не менее очевидно, что оно возникло с целью не допустить раздражение, заставляющее проснуться и действовать. При незначительной силе этих потребностей сны, приносящие удовлетворение, часто вполне помогают.

Точно так же сновидение дает удовлетворение сексуальных раздражений, но оно имеет особенности, о которых стоит упомянуть. Вследствие особого свойства сексуального влечения в меньшей степени зависеть от объекта, чем при голоде и жажде, удовлетворение в сновидении с поллюциями может быть реальным, а из-за определенных трудностей в отношениях с объектом, о чем мы скажем позже, очень часто реальное удовлетворение связано с неясным или искаженным содержанием сновидения. Эта особенность сновидения с поллюциями делает их, как заметил О. Ранк (1912а), удобными объектами для изучения искажения сновидения. Впрочем, все сновидения взрослых, связанные с удовлетворением потребности, кроме удовлетворения, содержат многое другое, что происходит из чисто психических источников раздражения и для своего понимания нуждается в толковании.

Впрочем, мы не хотим утверждать, что образуемые по типу детских сновидения взрослых с исполнением желания являются только реакциями на так называемые императивные потребности. Нам известны также короткие и ясные сновидения такого типа под воздействием определенных доминирующих ситуаций, источниками которых являются, несомненно, психические раздражения. Таковы, например, сновидения, [выражающие] нетерпение, когда кто-то готовится к путешествию, важной для него выставке, докладу, визиту и видит заранее во сне исполнение ожидаемого, т. е. ночью еще до настоящего события достигает цели, видит себя в театре, беседует в гостях. Или так называемые «удобные» сновидения, когда кто-то, желая продлить сон, видит, что он уже встал, умывается или находится в школе, в то время как в действительности продолжает спать, т. е. предпочитает вставать во сне, а не в действительности. Желание спать, по нашему мнению, постоянно принимающее участие в образовании сновидения, явно проявляется в этих сновидениях как существенный фактор образования сновидения. Потребность во сне с полным правом занимает место в ряду других физических потребностей.

На примере репродукции картины Швинда из Шаккгалереи в Мюнхене я покажу вам, как правильно понял художник возникновение сновидения по доминирующей ситуации. Это «Сновидение узника», содержание которого не что иное, как его освобождение. Примечательно, что освобождение должно осуществиться через окно, потому что через окно проникает световое раздражение, от которого узник просыпается. Стоящие друг за другом гномы представляют его собственные последовательные положения при попытке вылезти вверх к окну и, если я не ошибаюсь и не приписываю намерению художника слишком многого, стоящий выше всех гном, который перепиливает решетку, т. е. делает то, что хотел бы сделать сам узник, имеет его черты лица.

Во всех других сновидениях, кроме детских и указанных, инфантильных по своему типу, как сказано, искажение воздвигает на нашем пути преграды. Мы пока еще не можем сказать, являются ли и они исполнением желания, как мы предполагаем; из их явного содержания мы не знаем, какому психическому раздражению они обязаны своим происхождением, и мы не можем доказать, что они также стремятся устранить это раздражение. Они, вероятно, должны быть истолкованы, т. е. переведены, их искажение надо устранить, явное содержание заменить скрытым, прежде чем сделать вывод, что открытое нами в детских сновидениях подтверждается для всех сновидений.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Цензура сновидения

Уважаемые дамы и господа! Мы познакомились с возникновением, сущностью и функцией сновидения, изучая сновидения детей. *Сновидения являются устранением нарушающих сон (психических) раздражений путем галлюцинаторного удовлетворения.* Правда, из сновидений взрослых мы смогли объяснить только одну группу, которую мы назвали сновидениями инфантильного типа. Как обстоит дело с другими сновидениями, мы пока не знаем, мы также и не понимаем их. Пока мы получили результат, значение которого не хотим недооценивать. Всякий раз, когда сновидение нам абсолютно понятно, оно является галлюцинаторным исполнением желания. Такое совпадение не может быть случайным и незначительным.

Исходя из некоторых соображений и по аналогии с пониманием ошибочных действий мы предполагаем, что сновидение другого рода является искаженным заместителем для неизвестного содержания и только им должно объясняться. Исследование, понимание этого *искажения сновидения* и является нашей ближайшей задачей.

Искажение сновидения — это то, что нам кажется в нем странным и непонятным. Мы хотим многое узнать о нем: во-первых, откуда оно берется, его динамизм, во-вторых, что оно делает и, наконец, как оно это делает. Мы можем также сказать, что искажение сновидения — это продукт работы сновидения. Мы хотим описать работу сновидения и указать на действующие при этом силы.

А теперь выслушайте пример сновидения. Его записала дама нашего круга *, по ее словам, оно принадлежит одной почтенной высокообразованной престарелой даме. Анализ этого сновидения не был произведен. Наша референтка замечает, что для психоаналитика оно не нуждается в толковáнии. Сама видевшая сон его не толковала, но она высказала о

* Госпожа д-р фон Гуг-Гелльмут (1915).

нем свое суждение, как будто она сумела бы его истолковать. Вот как она высказалась о нем: и такая отвратительная глупость снится женщине 50 лет, которая день и ночь не имеет других мыслей, кроме заботы о своем ребенке.

А вот и сновидение о «любовной службе». *«Она отправляется в гарнизонный госпиталь № 1 и говорит часовому у ворот, что ей нужно поговорить с главным врачом (она называет незнакомое ей имя), так как она хочет поступить на службу в госпиталь. При этом она так подчеркивает слово „служба", что унтер-офицер тотчас догадывается, что речь идет о „любовной службе". Так как она старая женщина, то он пропускает ее после некоторого колебания. Но вместо того, чтобы пройти к главному врачу, она попадает в большую темную комнату, где вокруг длинного стола сидит и стоит много офицеров и военных врачей. Она обращается со своим предложением к какому-то штабному врачу, который понимает ее с нескольких слов. Дословно ее речь во сне следующая: „Я и многие другие женщины и молодые девушки Вены готовы солдатам, рядовым и офицерам без различия..." Здесь в сновидении следует какое-то бормотание. Но то, что ее правильно поняли, видно по отчасти смущенному, отчасти лукавому выражению лиц офицеров. Дама продолжает: „Я знаю, что наше решение несколько странно, но оно для нас чрезвычайно серьезно. Солдата на поле боя тоже не спрашивают, хочет он умирать или нет". Следует минутное мучительное молчание. Штабной врач обнимает ее за талию и говорит: „Милостивая государыня, представьте себе, что дело действительно дошло бы до ... (бормотание)". Она освобождается от его объятий с мыслью: „Все они одинаковы" — и возражает: „Господи, я старая женщина и, может быть, не окажусь в таком положении. Впрочем, одно условие должно быть соблюдено: учет возраста; чтобы немолодая дама совсем молодому парню... (бормотание); это было бы ужасно". Штабной врач: „Я прекрасно понимаю". Некоторые офицеры, и среди них тот, кто сделал ей в молодости предложение, громко смеются, и дама желает, чтобы ее проводили к знакомому главному врачу для окончательного выяснения. При этом, к великому смущению, ей приходит в голову, что она не знает его имени. Штабной врач тем временем очень вежливо предлагает ей подняться на верхний этаж по узкой железной винтовой лестнице, которая ведет прямо из комнаты на верхние этажи. Поднимаясь, она слышит, как один офицер говорит: „Это колоссальное решение, безразлично, молодая или старая; нужно отдать должное". С чувством, что просто выполняет свой долг, она поднимается по бесконечной лестнице».*

Это сновидение повторяется на протяжении нескольких недель еще два раза с совершенно незначительными и довольно бессмысленными изменениями, как замечает дама.

В своем течении сновидение соответствует дневной фантазии: в нем мало перерывов, некоторые частности в его содержании могли бы быть разъяснены расспросами, чего, как вы знаете, не было. Но самое замечательное и интересное для нас то, что в сновидении есть несколько пропусков, пропусков не в воспоминании, а в содержании. В трех местах

содержание как бы стерто; речи, в которых имеются пропуски, прерываются бормотанием. Так как мы не проводили анализа, то, строго говоря, не имеем права что-либо говорить о смысле сновидения. Правда, в нем есть намеки, из которых можно кое-что заключить, например, выражение «любовная служба», но части речи, непосредственно предшествующие бормотанию, требуют прежде всего дополнений, которые могут иметь один смысл. Если мы их используем, то получится фантазия такого содержания, что видевшая сон готова, исполняя патриотический долг, предоставить себя для удовлетворения любовных потребностей военных, как офицеров, так и рядовых. Это, безусловно, совершенно неприлично, образец дерзкой либидозной фантазии, но в сновидении этого вовсе нет. Как раз там, где ход мыслей привел бы к этому признанию, в явном сновидении неясное бормотание, что-то утрачено или подавлено.

Вы согласитесь, надеюсь, что именно неприличие этих мест было мотивом для их подавления. Где, однако, найти аналогию этому случаю? В наши дни вам не придется ее долго искать. Возьмите какую-нибудь политическую газету, и вы найдете, что в нескольких местах текст изъят, на его месте светится белая бумага. Вы знаете, что это дело газетной цензуры. На этих пустых местах было что-то, что не понравилось высоким цензурным властям и поэтому было удалено. Вы думаете, как жаль, это было, может быть, самое интересное, «самое лучшее место».

В других случаях цензура оказывает свое действие не на готовый текст. Автор предвидел, какие высказывания могут вызвать возражения цензуры, и предусмотрительно смягчил их, слегка изменил или удовольствовался намеками и неполным изложением того, что хотел сказать. Тогда в газете нет пустых мест, а по некоторым намекам и неясностям выражения вы можете догадаться, что требования цензуры уже заранее приняты во внимание.

Будем придерживаться этого сравнения. Мы утверждаем, что пропущенные, скрытые за бормотанием слова сновидения принесены в жертву цензуре. Мы прямо говорим о *цензуре сновидения,* которой следует приписать известное участие в искажении сновидения. Везде, где в явном сновидении есть пропуски, в них виновата цензура сновидения. Нам следовало бы пойти еще дальше и считать, что действие цензуры сказывается каждый раз там, где элемент сновидения вспоминается особенно слабо, неопределенно и с сомнением по сравнению с другими, более ясными элементами. Но цензура редко проявляется так откровенно, так, хотелось бы сказать, наивно, как в примере сновидения о «любовной службе». Гораздо чаще цензура проявляется по второму типу, подставляя на место того, что должно быть, смягченное, приблизительное, намекающее.

Третий способ действия цензуры нельзя сравнить с приемами газетной цензуры; но я могу продемонстрировать его на уже проанализированном примере сновидения. Вспомните сновидение с «тремя плохими билетами в театр за 1 фл. 50 кр.». В скрытых мыслях этого сновидения на первом месте был элемент «поспешно, слишком рано». Это означало: нелепо было так *рано* выходить замуж, также бессмысленно было покупать так *рано* билеты в театр, смешно было со стороны невестки так

поспешно истратить деньги на украшения. От этого центрального элемента сновидения ничего не осталось в явном сновидении; в нем центр тяжести переместился на посещение театра и покупку билетов. Благодаря этому смещению акцента, этой перегруппировке элементов содержания явное сновидение становится настолько непохожим на скрытые мысли сновидения, что мы и не подозреваем о наличии этих последних за первым. Это смещение акцента является главным средством искажения сновидения и придает сновидению ту странность, из-за которой видевший сон сам не хотел бы признать его за собственный продукт.

Пропуск, модификация, перегруппировка материала — таковы действия цензуры сновидения и средства его искажения. Сама цензура сновидения является причиной или одной из причин искажения сновидения, изучением которого мы теперь займемся. Модификацию и перегруппировку мы привыкли называть «*смещением*» (Verschiebung).

После этих замечаний о действии цензуры сновидения обратимся к вопросу о ее динамизме. Надеюсь, вы не воспринимаете выражение слишком антропоморфно и не представляете себе цензора сновидения маленьким строгим человечком или духом, поселившимся в мозговом желудочке и оттуда управляющим делами, но не связываете его также и с пространственным представлением о каком-то «мозговом центре», оказывающем такое цензурирующее влияние, которое прекратилось бы с нарушением или удалением этого центра. Пока это не более чем весьма удобный термин для обозначения динамического отношения. Это слово не мешает нам задать вопрос, какие тенденции и на какие элементы сновидения оказывают это влияние, мы не удивимся также, узнав, что раньше уже сталкивались с цензурой сновидения, может быть, не узнав ее.

А это было действительно так. Вспомните, с каким поразительным фактом мы встретились, когда начали применять нашу технику свободной ассоциации. Мы почувствовали тогда, что наши усилия перейти от элемента сновидения к его бессознательному, заместителем которого он является, натолкнулись на *сопротивление*. Мы говорили, что это сопротивление различается по своей величине, в одних случаях оно огромно, в других незначительно. В последнем случае для работы толкования нужно было только несколько промежуточных звеньев, но если оно было велико, тогда мы должны были анализировать длинные цепочки ассоциаций от элемента, далеко уходили бы от него и вынуждены были бы преодолевать много трудностей в виде критических возражений против этих ассоциаций. То, что при толковании проявляется как сопротивление, теперь в работе сновидения выступает его цензурой. Сопротивление толкованию — это только объективация цензуры сновидения. Оно доказывает нам, что сила цензуры не исчерпывается внесением в сновидение искажения и после этого не угасает, но что она как постоянно действующая сила продолжает существовать, стремясь сохранить искажение. Кстати, как и сопротивление при толковании каждого элемента меняется по своей силе, так и внесенное цензурой искажение в одном и том же сновидении различно для каждого элемента. Если сравнить явное и скрытое сновидения, то обнаружится, что отдельные скрытые элементы

полностью отсутствуют, другие более или менее модифицированы, а третьи остались без изменений и даже, может быть, усилены в явном содержании сновидения.

Но мы собирались исследовать, какие тенденции осуществляют цензуру и против чего она направлена. На этот вопрос, имеющий важнейшее значение для понимания сновидения и даже, может быть, всей жизни человека, легко ответить, если просмотреть ряд истолкованных сновидений. Тенденции, осуществляющие цензуру,— те, которые признаются видевшим сон в бодрствующем состоянии, с которыми он согласен. Будьте уверены, что если вы отказываетесь от вполне правильного толкования собственного сновидения, то вы поступаете по тем же мотивам, по которым действовала цензура сновидения, произошло искажение и стало необходимо толкование. Вспомните о сновидении нашей 50-летней дамы. Без толкования она считает его отвратительным, была бы еще больше возмущена, если бы д-р фон Гуг-Гелльмут сообщила ей что-то необходимое для толкования, и именно из-за этого осуждения в ее сновидении самые неприличные места заменены бормотанием.

Однако тенденции, *против* которых направлена цензура сновидения, следует сначала описать по отношению к этой последней. Тогда можно только сказать, что они по своей природе безусловно достойны осуждения, неприличны в этическом, эстетическом, социальном отношении, это явления, о которых не смеют думать или думают только с отвращением. Эти отвергнутые цензурой и нашедшие в сновидении искаженное выражение желания являются прежде всего проявлением безграничного и беспощадного эгоизма. И действительно, собственное Я появляется в любом сновидении и играет в нем главную роль, даже если это умело скрыто в явном содержании. Этот «*sacro egoismo* *» сновидения, конечно, связан с установкой на сон, которая состоит в падении интереса ко всему внешнему миру.

Свободное от всех этических уз Я идет навстречу всем притязаниям сексуального влечения, в том числе и таким, которые давно осуждены нашим эстетическим воспитанием и противоречат всем этическим ограничительным требованиям. Стремление к удовольствию — либидо (Libido), как мы говорим,— беспрепятственно выбирает свои объекты и охотнее всего именно запретные. Не только жену другого, но прежде всего инцестуозные, свято охраняемые человеческим обществом объекты, мать и сестру со стороны мужчины, отца и брата со стороны женщины. (Сновидение нашей 50-летней дамы тоже инцестуозно, ее либидо, несомненно, направлено на сына). Вожделения, которые кажутся нам чуждыми человеческой природе, оказываются достаточно сильными, чтобы вызвать сновидения. Безудержно может проявляться также ненависть. Желания мести и смерти самым близким и любимым в жизни — родителям, братьям и сестрам, супругу или супруге, собственным детям — не являются ничем необычным. Эти отвергнутые цензурой желания как будто бы поднимаются из настоящего ада; в бодрствующем состоянии после

* Священный эгоизм.— *Примеч. пер.*

толкования никакая цензура против них не кажется нам достаточно строгой.

Но не ставьте это страшное содержание в вину самому сновидению. Не забывайте, что оно имеет безобидную, даже полезную функцию оградить сон от нарушения. Такая низость не имеет отношения к сущности сновидения. Вы ведь знаете также, что есть сновидения, которые, следует признать, удовлетворяют оправданные желания и насущные физические потребности. Но в этих сновидениях нет искажения; они в нем не нуждаются, они могут выполнять свою функцию, не оскорбляя этических и эстетических тенденций Я. Примите также во внимание, что искажение сновидения зависит от двух факторов. С одной стороны, оно тем больше, чем хуже отвергаемое цензурой желание, но с другой — чем строже в это время требования цензуры. Поэтому у молодой, строго воспитанной, щепетильной девушки неумолимая цензура исказит побуждения сновидения, которые, например, мы, врачи, считаем дозволенными, безобидными либидозными желаниями и которые она сама десять лет спустя сочтет такими же.

Впрочем, мы еще далеки от того, чтобы возмущаться этим результатом нашего толкования. Я полагаю, что мы его еще недостаточно хорошо понимаем; но прежде всего перед нами стоит задача защитить его от известных нападок. Совсем нетрудно найти для этого зацепку. Наши толкования сновидений производились с учетом объявленных заранее предположений, что сновидение вообще имеет смысл, что бессознательные в какое-то время душевные процессы существуют не только при гипнотическом, но и при нормальном сне и что все возникающие по поводу сновидения мысли детерминированы. Если бы на основании этих предположений мы пришли к приемлемым результатам толкования сновидений, то по праву могли бы заключить, что эти предположения правильны. Но как быть, если эти результаты выглядят так, как только что описанные? Тогда можно было бы сказать: это невозможные, бессмысленные результаты, по меньшей мере, они весьма невероятны, так что в предположениях было что-то неправильно. Или сновидение не психический феномен, или в нормальном состоянии нет ничего бессознательного, или наша техника в чем-то несовершенна. Не проще и не приятнее ли предположить это, чем признать все те мерзости, которые мы будто бы открыли на основании наших предположений?

И то, и другое! И проще, и приятнее, но из-за этого не обязательно правильнее. Не будем спешить, вопрос еще не решен. Прежде всего, мы можем усилить критику наших толкований сновидений. То, что их результаты так неприятны и неаппетитны, может быть, еще не самое худшее. Более сильным аргументом является то, что видевшие сон решительнейшим образом и с полным основанием отвергают желания, которые мы им приписываем благодаря нашему толкованию. «Что? — говорит один.— Основываясь на сновидении, вы хотите доказать, что мне жаль денег на приданое сестры и воспитание брата? Но ведь этого не может быть; я только для них и работаю, у меня нет других интересов в жизни, кроме выполнения моего долга перед ними,— как старший, я обещал

это покойной матери». Или дама, видевшая сон, говорит: «Я желаю смерти своему мужу. Да ведь это возмутительная нелепость! Вы мне, вероятно, не поверите, что у нас не только самый счастливый брак, но его смерть отняла бы у меня все, что я имею в жизни». Или третий возразит нам: «Я должен испытывать чувственные желания к своей сестре? Это смешно; я на нее не обращаю никакого внимания, у нас плохие отношения друг с другом, и я в течение многих лет не обменялся с ней ни словом». Мы могли бы с легкостью отнестись к тому, что видевшие сон не подтверждают или отрицают приписываемые им намерения; мы могли бы сказать, что именно об этих вещах они и не знают. Но то, что они чувствуют в себе как раз противоположное тому желанию, которое приписывает им толкование, и могут доказать нам преобладание этого противоположного своим образом жизни, это нас наконец озадачивает. Не бросить ли теперь всю эту работу по толкованию сновидений, поскольку ее результаты вроде бы и привели *к абсурду*?

Нет, все еще нет. И этот более сильный аргумент окажется несостоятельным, если к нему подойти критически. Предположение, что в душевной жизни есть бессознательные тенденции, еще не доказательство, что противоположные им являются господствующими в сознательной жизни. Возможно, что в душевной жизни есть место для противоположных тенденций, для противоречий, которые существуют рядом друг с другом; возможно даже, что как раз преобладание одного побуждения является условием бессознательного существования его противоположности. Итак, выдвинутые вначале возражения, что результаты толкования сновидений не просты и очень неприятны, остаются в силе. На первое можно возразить, что, мечтая о простоте, вы не сможете решить ни одной проблемы сновидения; вы должны примириться с предполагаемой сложностью отношений. А на второе — что вы явно не правы, используя в качестве обоснования для научного суждения испытываемое вами чувство удовольствия или отвращения. Что нам за дело до того, что результаты толкования кажутся вам неприятными, даже позорными и противными? *Ca n'empêche pas d'exister* *,— слышал я в таких случаях молодым врачом от своего учителя Шарко. Приходится смириться со своими симпатиями и антипатиями, если хочешь знать, что в этом мире реально. Если какой-нибудь физик докажет вам, что в скором будущем органическая жизнь на земле прекратится, посмеете ли вы ему возразить: этого не может быть, эта перспектива слишком неприятна? Я думаю, что вы промолчите или подождете, пока явится другой физик и укажет на ошибку в его предположениях или расчетах. Если вы отстраняете от себя то, что вам неприятно, то вы, по меньшей мере, действуете, как механизм образования сновидения, вместо того чтобы понять его и овладеть им.

Может быть, вы согласитесь тогда не обращать внимания на отвратительный характер отвергнутых цензурой желаний, а выдвинете довод, что просто невероятно, чтобы в конституции человека столько места занимало зло. Но дает ли вам ваш опыт право так говорить? Я не хочу го-

* Это не мешает тому, чтобы было так (*франц.*).— *Примеч. пер.*

ворить о том, какими вы кажетесь сами себе, но много ли вы нашли благосклонности у своего начальства и конкурентов, много ли рыцарства у своих врагов и мало ли зависти в своем обществе, чтобы чувствовать себя обязанным выступать против эгоистически злого в человеческой природе? Разве вам неизвестно, как плохо владеет собой и как мало заслуживает доверия средний человек во всех областях сексуальной жизни? Или вы не знаете, что все злоупотребления и бесчинства, которые нам снятся ночью, ежедневно совершаются бодрствующими людьми как действительные преступления? В данном случае психоанализ только подтверждает старое изречение Платона, что добрыми являются те, которые довольствуются сновидениями о том, что злые делают в действительности.

А теперь отвлекитесь от индивидуального и перенесите свой взор на великую войну, которая все еще опустошает Европу, подумайте о безграничной жестокости, свирепости и лживости, которые сейчас широко распространились в культурном мире. Вы действительно думаете, что кучке бессовестных карьеристов и соблазнителей удалось бы сделать столько зла, если бы миллионы идущих за вожаками не были соучастниками преступления? Решитесь ли вы и при этих условиях ломать копья за исключение злого из душевной конституции человека? [23]

Вы мне возразите, что я односторонне сужу о войне; она обнаружила самое прекрасное и благородное в людях, их геройство, самоотверженность, социальное чувство. Конечно, но не будьте столь же несправедливы к психоанализу, как те, кто упрекает его в том, что он отрицает одно, чтобы утверждать другое. Мы не собирались отрицать благородные стремления человеческой природы и ничего никогда не делали, чтобы умалить их значимость. Напротив, я показываю вам не только отвергнутые цензурой злые желания сновидения, но и цензуру, которая их подавляет и делает неузнаваемыми. Мы подчеркиваем злое в человеке только потому, что другие отрицают его, отчего душевная жизнь человека становится хотя не лучше, но непонятнее. Если мы откажемся от односторонней этической оценки, то, конечно, можем найти более правильную форму соотношения злого и доброго в человеческой природе.

Итак, все остается по-прежнему. Нам не нужно отказываться от результатов нашей работы по толкованию сновидений, хотя они и кажутся нам странными. А пока запомним: искажение сновидения является следствием цензуры, которая осуществляется признанными тенденциями Я против неприличных побуждений, шевелящихся в нас ночью во время сна. Правда, почему ночью и откуда берутся эти недостойные желания, в этом еще много непонятного, что предстоит исследовать.

Но с нашей стороны было бы несправедливо, если бы мы не выделили в достаточной мере другой результат этих исследований. Желания сновидения, которые нарушают наш сон, нам неизвестны, мы узнаем о них только из толкования сновидений; их можно поэтому назвать бессознательными в данное время в указанном выше смысле. Видевший сон отвергает их, как мы видели во многих случаях, после того как узнал о них благодаря толкованию. Повторяется случай, с которым мы

встретились при толковании оговорки «aufstoßen», когда оратор возмущенно уверял, что ни тогда, ни когда-либо раньше он не испытывал непочтительного чувства к своему шефу. Уже тогда мы сомневались в таком заверении и выдвинули вместо него предположение, что оратор долго ничего не знал об имеющемся чувстве. Теперь это повторяется при всяком толковании сильно искаженного сновидения и тем самым приобретает большое значение для подтверждения нашей точки зрения. Мы готовы предположить, что в душевной жизни есть процессы, тенденции, о которых человек вообще ничего не знает, очень давно ничего не знает, возможно, никогда ничего не знал. Благодаря этому бессознательное получает для нас новый смысл; понятие «в данное время» или «временно» исчезает из его сущности, оно может также означать *длительно* бессознательное, а не только «скрытое на данное время». Об этом нам, конечно, тоже придется поговорить в другой раз.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Символика сновидения

Уважаемые дамы и господа! Мы убедились, что искажение, которое мешает нам понять сновидение, является следствием деятельности цензуры, направленной против неприемлемых, бессознательных желаний. Но мы, конечно, не утверждаем, что цензура является единственным фактором, вызывающим искажение сновидения, и в дальнейшем мы действительно можем установить, что в этом искажении участвуют и другие моменты. Этим мы хотим сказать, что если цензуру сновидения можно было бы исключить, мы все равно были бы не в состоянии понять сновидения, явное сновидение не было бы идентично скрытым его мыслям.

Этот другой момент, затемняющий сновидение, этот новый фактор его искажения мы откроем, если обратим внимание на изъян нашей техники. Я уже признавался вам, что анализируемым иногда действительно ничего не приходит в голову по поводу отдельных элементов сновидения. Правда, это происходит не так часто, как они утверждают; в очень многих случаях при настойчивости мысль все-таки можно заставить появиться. Но бывают, однако, случаи, в которых ассоциация не получается или, если ее вынудить, она не дает того, что мы от нее ожидаем. Если это происходит во время психоаналитического лечения, то приобретает особое значение, о чем мы не будем здесь говорить. Но это случается и при толковании сновидений у нормальных людей или при толковании своих собственных сновидений. Когда видишь, что никакая настойчивость не помогает, то в конце концов убеждаешься, что нежелательная случайность регулярно повторяется при определенных элементах сновидения, и тогда начинаешь видеть новую закономерность там, где сначала предполагал только несостоятельность техники.

В таких случаях возникает соблазн самому истолковать эти «немые» элементы сновидения, предпринимаешь их перевод (Übersetzung) собственными средствами. Само собой получается, что если довериться такому замещению, каждый раз находишь для сновидения вполне удовлетворяющий смысл; а до тех пор, пока не решишься на этот прием, сновидение остается бессмысленным и его связность нарушается. Повторение многих чрезвычайно похожих случаев придает нашей вначале робкой попытке необходимую уверенность.

Я излагаю все несколько схематично, но это вполне допустимо в дидактических целях, и мое изложение не фальсификация, а некоторое упрощение.

Таким образом для целого ряда элементов сновидений получаешь одни и те же переводы, подобно тем, какие можно найти в наших популярных сонниках для всевозможных приснившихся вещей. Однако не забывайте, что при нашей ассоциативной технике постоянные замещения элементов сновидения никогда не встречались.

Вы сразу же возразите, что этот путь толкования кажется вам еще более ненадежным и спорным, чем прежний посредством свободных ассоциаций. Но здесь следует кое-что добавить. Когда благодаря опыту накапливается достаточно таких постоянных замещений, начинаешь понимать, что это частичное толкование действительно возможно исходя из собственных знаний, что элементы сновидения действительно можно понять без [использования] ассоциации видевшего сон. Каким образом можно узнать их значение, об этом будет сказано во второй части нашего изложения.

Это постоянное отношение между элементом сновидения и его переводом мы называем *символическим* (symbolische), сам элемент сновидения *символом* (Symbol) бессознательной мысли сновидения. Вы помните, что раньше при исследовании отношений между элементами сновидения и его собственным [содержанием] я выделил три вида таких отношений: части от целого, намека и образного представления. О четвертом я тогда упомянул, но не назвал его. Введенное здесь символическое отношение является этим четвертым. По поводу него имеются очень интересные соображения, к которым мы обратимся, прежде чем приступим к изложению наших специальных наблюдений над символикой. Символика, может быть, самая примечательная часть в теории сновидения.

Прежде всего: ввиду того что символы имеют устоявшиеся переводы, они в известной мере реализуют идеал античного и популярного толкования сновидений, от которого мы при нашей технике так далеко ушли. Они позволяют нам иногда толковать сновидения, не расспрашивая видевшего сон, ведь он все равно ничего не сможет сказать по поводу символа. Если знать принятые символы сновидений и к тому же личность видевшего сон, условия, в которых он живет, и полученные им до сновидения впечатления, то часто мы оказываемся в состоянии без затруднений истолковать сновидение, перевести его сразу же. Такой фокус льстит толкователю и импонирует видевшему сон; это выгодно отличается от утомительной работы при расспросах видевшего сон. Но пусть это

не введет вас в заблуждение. Мы не ставим перед собой задачу показывать фокусы. Толкование, основанное на знании символов, не является техникой, которая может заменить ассоциативную или равняться с ней. Символическое толкование является только дополнением к ней и дает ценные результаты лишь в сочетании с ассоциативной техникой. А что касается знания психической ситуации видевшего сон, то прошу принять во внимание, что вам придется толковать сновидения не только хорошо знакомых людей, что обычно вы не будете знать событий дня, которые являются побудителями сновидений, и что мысли, приходящие в голову анализируемого, как раз и дадут вам знание того, что называется психической ситуацией.

В связи с обстоятельствами, о которых будет идти речь ниже, достойно особого внимания то, что признание существования символического отношения между сновидением и бессознательным вызывало опять-таки самые энергичные возражения. Даже люди, обладающие смелостью суждения и пользующиеся признанием, прошедшие с психоанализом значительный путь, отказались в этом следовать за ним. Такое отношение тем более удивительно, что, во-первых, символика свойственна и характерна не только для сновидения, а, во-вторых, символику в сновидении, как ни богат он ошеломляющими открытиями, открыл не психоанализ. Если уж вообще приписывать открытие символики сновидения современникам, то следует назвать философа К. А. Шернера (Scherner, 1861). Психоанализ только подтвердил открытия Шернера, хотя и основательно видоизменил их.

Теперь вам хочется услышать что-нибудь о сущности символики сновидения и познакомиться с ее примерами. Я охотно сообщу вам, что знаю, но сознаюсь, что наши знания не соответствуют тому, чего бы нам хотелось.

Сущностью символического отношения является сравнение, хотя и не любое. Предполагается, что это сравнение особым образом обусловлено, хотя эта обусловленность нам не совсем ясна. Не все то, с чем мы можем сравнить какой-то предмет или процесс, выступает в сновидении как символ. С другой стороны, сновидение выражает в символах не все, а только определенные элементы скрытых мыслей сновидения. Итак, ограничения имеются с обеих сторон. Следует также согласиться с тем, что пока понятие символа нельзя строго определить, оно сливается с замещением, изображением и т. п., приближается к намеку. Лежащее в основе сравнения в ряде символов осмысленно. Наряду с этими символами есть другие, при которых возникает вопрос, где искать общее, *Tertium comparationis* * этого предполагаемого сравнения. При ближайшем рассмотрении мы либо найдем его, либо действительно оно останется скрытым от нас. Удивительно, далее, то, что если символ и является сравнением, то оно

* Tertium comparationis – «третье в сравнении», т. е. общее в двух сравниваемых между собой явлениях, служащее основанием для сравнения.– *Примеч. ред. перевода.*

не обнаруживается при помощи ассоциации, что видевший сон тоже не знает сравнения, пользуется им, не зная о нем. Даже больше того, видевший сон не желает признавать это сравнение, когда ему на него указывают. Итак, вы видите, что символическое отношение является сравнением совершенно особого рода, обусловленность которого нам еще не совсем ясна. Может быть, указания для его выяснения обнаружатся в дальнейшем.

Число предметов, изображаемых в сновидении символически, невелико. Человеческое тело в целом, родители, дети, братья и сестры, рождение, смерть, нагота и еще немногое. Единственно типичное, т. е. постоянное изображение человека в целом, представляет собой *дом*, как признал Шернер, который даже хотел придать этому символу первостепенное значение, которое ему не свойственно. В сновидении случается спускаться по фасаду домов то с удовольствием, то со страхом. Дома с совершенно гладкими стенами изображают мужчин; дома с выступами и балконами, за которые можно держаться — женщин. Родители появляются во сне в виде *императора* и *императрицы*, короля и королевы или других представительных лиц, при этом сновидение преисполнено чувства почтения. Менее нежно сновидение относится к детям, братьям и сестрам, они символизируются *маленькими зверюшками*, *паразитами*. Рождение почти всегда изображается посредством какого-либо отношения к *воде*, в воду или бросаются, или выходят из нее, из воды кого-нибудь спасают или тебя спасают из нее, что означает материнское отношение к спасаемому. Умирание заменяется во сне *отъездом*, *поездкой по железной дороге*, смерть — различными неясными, как бы нерешительными намеками, нагота — *одеждой* и *форменной одеждой*. Вы видите, как тут стираются границы между символическим и намекающим изображением.

Бросается в глаза, что по сравнению с перечисленными объектами объекты из другой области представлены чрезвычайно богатой символикой. Такова область сексуальной жизни, гениталий, половых процессов, половых сношений. Чрезвычайно большое количество символов в сновидении являются сексуальными символами. При этом выясняется удивительное несоответствие. Обозначаемых содержаний немного, символы же для них чрезвычайно многочисленны, так что каждое из этих содержаний может быть выражено большим числом почти равнозначных символов. При толковании получается картина, вызывающая всеобщее возмущение. Толкования символов в противоположность многообразию изображений сновидения очень однообразны. Это не нравится каждому, кто об этом узнает, но что же поделаешь?

Так как в этой лекции мы впервые говорим о вопросах половой жизни, я считаю своим долгом сообщить вам, как я собираюсь излагать эту тему. Психоанализ не видит причин для скрывания и намеков, не считает нужным стыдиться обсуждения этого важного материала, полагает, что корректно и пристойно все называть своими настоящими именами, и надеется таким образом скорее всего устранить мешающие посторонние мысли. То обстоятельство, что мне приходится говорить перед смешанной аудиторией, представляющей оба пола, ничего не может изме-

нить. Как нет науки *in usum delphini* *, так нет ее и для девочек-подростков, а дамы своим появлением в этой аудитории дают понять, что они хотят поставить себя наравне с мужчинами.

Итак, сновидение изображает мужские гениталии несколькими символами, в которых по большей части вполне очевидно общее основание для сравнения. Прежде всего для мужских гениталий в целом символически важно священное число 3. Привлекающая большее внимание и интересная для обоих полов часть гениталий, мужской член, символически заменяется, во-первых, похожими на него по форме, то есть длинными и торчащими вверх предметами, такими, например, как *палки, зонты, шесты, деревья* и т. п. Затем предметами, имеющими с обозначаемым сходство проникать внутрь и ранить, т. е. всякого рода острым оружием, *ножами, кинжалами, копьями, саблями*, а также огнестрельным оружием: *ружьями, пистолетами* и очень похожим по своей форме *револьвером*. В страшных снах девушек большую роль играет преследование мужчины с ножом или огнестрельным оружием. Это, может быть, самый частый случай символики сновидения, который вы теперь легко можете понять. Также вполне понятна замена мужского члена предметами, из которых льется вода: *водопроводными кранами, лейками, фонтанами* и другими предметами, обладающими способностью вытягиваться в длину, например *висячими лампами, выдвигающимися карандашами* и т. д. Вполне понятное представление об этом органе обусловливает точно так же то, что *карандаши, ручки, пилочки для ногтей, молотки* и другие *инструменты* являются несомненными мужскими половыми символами.

Благодаря примечательному свойству члена подниматься в направлении, противоположном силе притяжения (одно из проявлений эрекции), он изображается символически в виде *воздушного шара, аэропланов*, а в последнее время в виде *воздушного корабля цеппелина*. Но сновидение может символически изобразить эрекцию еще иным, гораздо более выразительным способом. Оно делает половой орган самой сутью личности и заставляет ее *летать*. Не огорчайтесь, что часто такие прекрасные сны с полетами, которые мы все знаем, должны быть истолкованы как сновидения общего сексуального возбуждения, как эрекционные сновидения. Среди исследователей-психоаналитиков П. Федерн (1914) доказал, что такое толкование не подлежит никакому сомнению, но и почитаемый за свою педантичность Моурли Вольд, экспериментировавший над сновидениями, придавая искусственное положение рукам и ногам, и стоявший в стороне от психоанализа, может быть даже ничего не знавший о нем, пришел в своих исследованиях к тому же выводу (1910—1912, т. 2, 791). Не возражайте, что женщинам тоже может присниться, что они летают. Вспомните лучше, что наши сновидения хотят исполнить наши желания и что очень часто у женщин бывает сознательное или бессознательное желание быть мужчиной. А всякому знающему анатомию понятно, что и женщина может реализовать это желание теми же ощущениями, что и мужчина. В своих гениталиях женщина тоже имеет маленький орган,

* Для дофина.

аналогичный мужскому, и этот маленький орган, клитор, играет в детском возрасте и в возрасте перед началом половой жизни ту же роль, что и большой мужской половой член.

К числу менее понятных мужских сексуальных символов относятся определенные *пресмыкающиеся* и *рыбы*, прежде всего известный символ *змеи*. Почему *шляпа* и *пальто* приобрели такое же символическое значение, конечно, нелегко узнать, но оно несомненно. Наконец, возникает еще вопрос, можно ли считать символическим замещение мужского органа каким-нибудь другим, ногой или рукой. Я думаю, что общий ход сновидения и соответствующие аналогии у женщин заставляют нас это сделать.

Женские половые органы изображаются символически при помощи всех предметов, обладающих свойством ограничивать полое пространство, что-то принять в себя. Т. е. при помощи *шахт*, *копей* и *пещер*, при помощи *сосудов* и *бутылок*, *коробок*, *табакерок*, *чемоданов*, *банок*, *ящиков*, *карманов* и т. д. *Судно* тоже относится к их разряду. Многие символы имеют больше отношения к матке, чем к гениталиям женщины, таковы *шкафы*, *печи* и прежде всего *комната*. Символика комнаты соприкасается здесь с символикой дома, *двери* и *ворота* становятся символами полового отверстия. Материалы тоже могут быть символами женщины, *дерево*, *бумага* и предметы, сделанные из этих материалов, например, *стол* и *книга*. Из животных несомненными женскими символами являются *улитка* и *раковина*; из частей тела *рот* как образ полового отверстия, из строений *церковь* и *капелла*. Как видите, не все символы одинаково понятны.

К гениталиям следует отнести также и груди, которые, как и ягодицы женского тела, изображаются при помощи *яблок*, *персиков*, вообще *фруктов*. Волосы на гениталиях обоих полов сновидение описывает как *лес* и *кустарник*. Сложностью топографии женских половых органов объясняется то, что они часто изображаются *ландшафтом* со скалами, лесом и водой, между тем как внушительный механизм мужского полового аппарата приводит к тому, что его символами становятся трудно поддающиеся описанию в виде сложных *машин*.

Как символ женских гениталий следует упомянуть еще *шкатулку для украшений*; *драгоценностью* и *сокровищем* называются любимые лица и во сне; *сладости* часто изображают половое наслаждение. Самоудовлетворение обозначается часто как всякого рода *игра*, так же как *игра на фортепиано*. Типичным изображением онанизма является *скольжение* и *скатывание*, а также *срывание ветки*. Особенно примечателен символ *выпадения* или *вырывания зуба*. Прежде всего он означает кастрацию в наказание за онанизм. Особые символы для изображения в сновидении полового акта менее многочисленны, чем можно было бы ожидать на основании вышеизложенного. Здесь следует упомянуть ритмическую деятельность, например, *танцы*, *верховую езду*, *подъемы*, а также переживания, связанные с насилием, как, например, *быть задавленным*. Сюда же относятся определенные *ремесленные работы* и, конечно, *угроза оружием*.

Вы не должны представлять себе употребление и перевод этих символов чем-то очень простым. При этом возможны всякие случайности, противоречащие нашим ожиданиям. Так, например, кажется маловероятным, что половые различия в этих символических изображениях проявляются не резко. Некоторые символы означают гениталии вообще, безразлично, мужские или женские, например, *маленький* ребенок, *маленький* сын или *маленькая* дочь. Иной раз преимущественно мужской символ может употребляться для женских гениталий или наоборот. Это нельзя понять без более близкого знакомства с развитием сексуальных представлений человека. В некоторых случаях эта двойственность только кажущаяся; самые яркие из символов, такие, как *оружие*, *карман*, *ящик*, не могут употребляться в бисексуальном значении.

Теперь я буду исходить не из изображаемого, а из символа, рассмотрю те области, из которых по большей части берутся сексуальные символы, и прибавлю некоторые дополнения, принимая во внимание символы, в которых неясна общая основа. Таким темным символом является *шляпа*, может быть, вообще головной убор обычно с мужским значением, но иногда и с женским. Точно так же *пальто* означает мужчину, но не всегда в половом отношении. Вы можете сколько угодно спрашивать почему. Свисающий *галстук*, который женщина не носит, является явно мужским символом. *Белое белье*, вообще *полотно* символизирует женское; *платье*, *форменная одежда*, как мы уже знаем, является заместителями наготы, форм тела, а *башмак*, *туфля* — женских гениталий; *стол* и *дерево* как загадочные, но определенно женские символы уже упоминались. *Всякого рода лестницы*, *стремянки* и подъем по ним — несомненный символ полового акта. Вдумавшись, мы обратим внимание на ритмичность этого подъема, которая, как и, возможно, возрастание возбуждения, одышка по мере подъема, является общей основой.

Мы уже упоминали о *ландшафте* как изображении женских гениталий. *Гора* и *скала* — символы мужского члена; *сад* — часто встречающийся символ женских гениталий. *Плод* имеет значение не ребенка, а грудей. *Дикие звери* означают чувственно возбужденных людей, кроме того, другие грубые желания, страсти. Цветение и цветы обозначают гениталии женщин или, в более специальном случае,—девственность. Не забывайте, что цветы действительно являются гениталиями растений.

Комната нам уже известна как символ. Здесь можно продолжить детализацию: окна, входы и выходы комнаты получают значение отверстий тела. К этой символике относится также и то, *открыта* комната или *закрыта*, а *ключ*, который открывает, является несомненным мужским символом.

Таков материал символики сновидений. Он еще не полон и его можно было бы углубить и расширить. Но я думаю, вам и этого более чем достаточно, а может быть, уже и надоело. Вы спросите: неужели я действительно живу среди сексуальных символов? Неужели все предметы, которые меня окружают, платья, которые я надеваю, вещи, которые беру в руки, всегда сексуальные символы и ничто другое? Повод для недоуменных вопросов действительно есть, и первый из них: откуда нам,

собственно, известны значения этих символов сновидения, о которых сам видевший сон не говорит нам ничего или сообщает очень мало?

Я отвечу: из очень различных источников, из сказок и мифов, шуток и острот, из фольклора, т. е. из сведений о нравах, обычаях, поговорках и народных песнях, из поэтического и обыденного языка. Здесь всюду встречается та же символика, и в некоторых случаях мы понимаем ее без всяких указаний. Если мы станем подробно изучать эти источники, то найдем символике сновидений так много параллелей, что уверимся в правильности наших толкований [24].

Человеческое тело, как мы сказали, по Шернеру часто изображается в сновидении символом дома. При детальном рассмотрении этого изображения окна, двери и ворота являются входами во внутренние полости тела, фасады бывают гладкие или имеют балконы и выступы, чтобы держаться. Но такая же символика встречается в нашей речи, когда мы фамильярно приветствуем хорошо знакомого «*altes Haus*» [старина], когда говорим, чтобы дать кому-нибудь хорошенько *aufs Dachl* [по куполу] или о другом, что у него не все в порядке *in Oberstübchen* [чердак не в порядке]. В анатомии отверстия тела прямо называются *Leibespforten* [ворота тела].

То, что родители в сновидении появляются в виде императорской или королевской четы, сначала кажется удивительным. Но это находит свою параллель в сказках. Разве не возникает у нас мысль, что в начале многих сказок вместо: «жили-были *король* с *королевой*» должно было бы быть: «жили-были отец с матерью»? В семье детей в шутку называют принцами, а старшего наследником (Kronprinz). Король сам называет себя *отцом страны* [Landeswater, по-русски — царь-батюшка]. Маленьких детей в шутку мы называем *червяками* [по-русски — клопами] и сострадательно говорим: *бедный червяк* [das arme Wurm; по-русски — бедный клоп].

Вернемся к символике дома. Когда мы во сне пользуемся выступами домов, чтобы ухватиться, не напоминает ли это известное народное выражение для сильно развитого бюста: у этой есть за что *подержаться*? Народ выражается в таких случаях и иначе, он говорит: Sie hat viel Holz vor dem Haus [у этой много *дров* перед домом], как будто желая прийти нам на помощь в нашем истолковании дерева как женского, материнского символа.

И еще о дереве. Нам неясно, как этот материал стал символически представлять материнское, женское. Обратимся за помощью к сравнительной филологии. Наше немецкое слово Holz [дерево] одного корня с греческим ʼυλη, что означает «материал», «сырье». Тут мы имеем дело с довольно частым случаем, когда общее название материала в конце концов сохранилось за одним частным. В океане есть остров под названием Мадейра. Так как он весь был покрыт лесом, португальцы дали ему это название, когда открыли его. *Madeira* на португальском языке значит «лес». Но легко узнать, что *madeira* не что иное, как слегка измененное латинское слово *materia*, что опять-таки обозначает материю вообще. А materia происходит от слова mater — мать. Материал, из ко-

торого что-либо состоит, является как бы материнской частью. Таким образом, это древнее понимание в символическом употреблении продолжает существовать.

Рождение в сновидении постоянно выражается отношением к воде; бросаться в воду или выходить из нее означает: рождать или рождаться. Не следует забывать, что этот символ вдвойне оправдан ссылкой на историю развития. Не только тем, что все наземные млекопитающие, включая предков человека, произошли от водяных животных — это весьма отдаленная аналогия,— но и тем, что каждое млекопитающее, каждый человек проходит первую фазу своего существования в воде, а именно как эмбрион в околоплодной жидкости в чреве матери, а при рождении выходит из воды. Я не хочу утверждать, что видевший сон знает это, напротив, я считаю, что ему и не нужно этого знать. Он, вероятно, знает что-нибудь другое, что ему рассказывали в детстве, но и здесь я буду утверждать, что это знание не способствовало образованию символа. В детской ему говорили, что детей приносит аист, но откуда он их берет? Из пруда, из колодца, т. е. опять-таки из воды. Один из моих пациентов, которому это сказали, когда он был маленьким, исчез после этого на все послеобеденное время. Наконец его нашли на берегу пруда у замка, он лежал, приникнув личиком к поверхности воды и усердно искал на дне маленьких детей.

В мифах о рождении героя, подвергнутых сравнительному исследованию О. Ранком (1909), самый древний из которых о царе Саргоне из Агаде, около 2800 лет до Р. Х., преобладающую роль играет бросание в воду и спасание из воды. Ранк открыл, что это — изображения рождения, аналогичные таким же в сновидении. Если во сне спасают из воды какое-нибудь лицо, то считают себя его матерью или просто матерью; в мифе лицо, спасающее ребенка из воды, считается его настоящей матерью. В известном анекдоте умного еврейского мальчика спрашивают, кто был матерью Моисея. Он не задумываясь отвечает: принцесса. Но как же, возражают ему, она ведь только вытащила его из воды. Так говорит она, отвечает мальчик, показывая, что правильно истолковал миф.

Отъезд означает в сновидении смерть, умирание. Принято так же отвечать детям на вопрос, куда девалось умершее лицо, отсутствие которого они чувствуют, что оно *уехало*. Я опять хотел бы возразить тем, кто считает, что символ сновидения происходит от этого способа отделаться от ребенка. Поэт пользуется такой же символикой, говоря о загробной жизни как о неоткрытой стране, откуда не возвращался ни один *путник* (*no traveller*). В обыденной жизни мы тоже часто говорим о последнем пути. Всякий знаток древнего ритуала знает, как серьезно относились к представлению о путешествии в страну мертвых, например, в древнеегипетской религии. До нас дошла во многих экземплярах Книга мертвых, которой, как бедекером, снабжали в это путешествие мумию. С тех пор как кладбища были отделены от жилищ, последнее путешествие умершего стало реальностью.

Символика гениталий тоже не является чем-то присущим только сно-

видению. Каждому из вас случается быть невежливым и назвать женщину *«alte Schachtel»* [старая колода], не зная, что вы пользуетесь при этом символом гениталий. В Новом завете сказано: женщина — *сосуд* скудельный. Священное писание евреев, так приближающееся по стилю к поэтическому, полно сексуально-символических выражений, которые не всегда правильно понимались и толкование которых, например, Песни Песней, привело к некоторым недоразумениям. В более поздней еврейской литературе очень распространено изображение женщины в виде дома, в котором дверь считается половым отверстием. Муж жалуется, например, в случае отсутствия девственности, что нашел *дверь открытой.* Символ стола для женщины также известен в этой литературе. Женщина говорит о своем муже: я приготовила ему стол, *но он его перевернул.* Хромые дети появляются из-за того, что *муж перевернул стол.* Эти факты я беру из статьи Л. Леви из Брюнна: «Сексуальная символика библии и талмуда» (1914).

То, что и корабли в сновидении означают женщин, поясняют нам этимологи, которые утверждают, что первоначально кораблем (Schiff) назывался глиняный сосуд и это было то же слово, что овца (Schaff). Греческое сказание о Периандре из Коринфа и его жене Мелиссе подтверждает, что печь означает женщину и чрево матери. Когда, по Геродоту, тиран вызвал тень своей горячо любимой, но убитой из ревности супруги, чтобы получить от нее некоторые сведения, умершая удостоверила себя напоминанием, что он, Периандр, *поставил свой хлеб в холодную печь*, намекая на событие, о котором никто другой не мог знать. В изданной Ф. С. Крауссом *Anthropophyteia*, незаменимом источнике всего, что касается половой жизни народов, мы читаем, что в одной немецкой местности о женщине, разрешившейся от бремени, говорят, что *у нее обвалилась печь.* Приготовление огня, все, что с ним связано, до глубины проникнуто сексуальной символикой. Пламя всегда является мужскими гениталиями, а место огня, очаг — женским лоном.

Если, быть может, вы удивлялись тому, как часто ландшафты в сновидении используются для изображения женских гениталий, то от мифологов вы можете узнать, какую роль *мать-земля* играла в представлениях и культах древности и как понимание земледелия определялось этой символикой. То, что в сновидении комната (Zimmer) представляет женщину (Frauenzimmer), вы склонны будете объяснить употреблением в нашем языке слова Frauenzimmer [баба] вместо Frau, т. е. замены человеческой личности предназначенным для нее помещением. Подобным же образом мы говорим о Высокой Порте и подразумеваем под этим султана и его правительство; название древнеегипетского властителя *фараона* также означало не что иное, как «большой двор». (В Древнем Востоке дворы между двойными воротами города являются местом сборища, как рыночные площади в классическом мире.) Я, правда, думаю, что это объяснение слишком поверхностно. Мне кажется более вероятным, что комната как пространство, включающее в себя человека, стала символом женщины. Мы уже ведь знаем, что слово «дом» употребляется в этом значении; из мифологии и поэтических выражений мы можем добавить

в качестве других символов женщины еще *город*, *замок*, *дворец*, *крепость*. Вопрос было бы легче решить, используя сновидения лиц, не знающих и не понимающих немецкого языка. В последние годы я лечил преимущественно иностранцев и, насколько помню, в их языках не было аналогичного словоупотребления. Есть и другие доказательства тому, что символическое отношение может перейти языковые границы, что, впрочем, уже утверждал старый исследователь сновидений Шуберт (1814). Впрочем, ни один из моих пациентов не был абсолютно незнаком с немецким языком, так что я предоставляю решить этот вопрос тем психоаналитикам, которые могут собрать опыт в других странах, исследуя лиц, владеющих одним языком.

Среди символов, изображающих мужские гениталии, едва ли найдется хоть один, который не употреблялся бы в шуточных, простонародных или поэтических выражениях, особенно у классических поэтов древности. К ним относятся не только символы, встречающиеся в сновидениях, но и новые, например, различные инструменты, в первую очередь плуг. Впрочем, касаясь символического изображения мужского, мы затрагиваем очень широкую и горячо оспариваемую область, от углубления в которую из соображений экономии мы хотим воздержаться. Лишь по поводу одного, как бы выпадающего из ряда символа «три» мне хотелось бы сделать несколько замечаний. Еще неясно, не обусловлена ли отчасти святость этого числа данным символическим отношением. Но несомненным кажется то, что вследствие такого символического отношения некоторые встречающиеся в природе трехчастные предметы, например трилистник, используются в качестве гербов и эмблем. Так называемая французская лилия, тоже трехчастная, и странный герб двух так далеко расположенных друг от друга островов, как Сицилия и остров Мен, *Triskeles* (три полусогнутые ноги, исходящие из одного центра), по-видимому, только стилизация мужских гениталий. В древности подобия мужского члена считались самыми сильными защитными средствами (*Apotropaea*) против дурных влияний, и с этим связано то, что в приносящих счастье амулетах нашего времени всегда легко узнать генитальные или сексуальные символы. Рассмотрим такой набор, который носится в виде маленьких серебряных брелоков: четырехлистный клевер, свинья, гриб, подкова, лестница и трубочист. Четырехлистный клевер, собственно говоря, заменяет трехлистный; свинья — древний символ плодородия; гриб — несомненно, символ пениса, есть грибы, которые из-за своего несомненного сходства с мужским членом получили при классификации название *Phallus impudicus*; подкова повторяет очертание женского полового отверстия, а трубочист, несущий лестницу, имеет отношение к этой компании потому, что делает такие движения, с которыми в простонародье сравнивается половой акт (см. *Anthropophyteia*). С его лестницей как сексуальным символом мы познакомились в сновидении; нам на помощь приходит употребление в немецком языке слова «steigen» [подниматься], применяемого в специфически сексуальном смысле. Говорят: «*Den Frauen nachsteigen*» [приставать к женщинам] и «ein alter *Steiger*» [старый волокита]. По-французски ступенька называется *la marche*, мы

находим совершенно аналогичное выражение для старого бонвивана «*un vieux marcheur*». С этим, вероятно, связано то, что при половом акте многих крупных животных самец взбирается, *поднимается* (steigen, besteigen) на самку.

Срывание ветки как символическое изображение онанизма не только совпадает с простонародным изображением онанистического акта, но имеет и далеко идущие мифологические параллели. Но особенно замечательно изображение онанизма или, лучше сказать, наказания за него, кастрации, посредством выпадения и вырывания зубов, потому что этому есть аналогия в фольклоре, которая, должно быть, известна очень немногим лицам, видящим их во сне. Мне кажется несомненным, что распространенное у столь многих народов обрезание является эквивалентом и заменой кастрации. И вот нам сообщают, что в Австралии известные примитивные племена вводят обрезание в качестве ритуала при наступлении половой зрелости (во время празднеств по случаю наступления совершеннолетия), в то время как другие, живущие совсем рядом, вместо этого акта вышибают один зуб.

Этими примерами я закончу свое изложение. Это всего лишь примеры; мы больше знаем об этом, а вы можете себе представить, насколько содержательнее и интереснее получилось бы подобное собрание примеров, если бы оно было составлено не дилетантами, как мы, а настоящими специалистами в области мифологии, антропологии, языкознания, фольклора. Напрашиваются некоторые выводы, которые не могут быть исчерпывающими, но дают нам пищу для размышлений.

Во-первых, мы поставлены перед фактом, что в распоряжении видящего сон находится символический способ выражения, которого он не знает и не узнает в состоянии бодрствования. Это настолько же поразительно, как если бы вы сделали открытие, что ваша прислуга понимает санскрит, хотя вы знаете, что она родилась в богемской деревне и никогда его не изучала. При наших психологических воззрениях нелегко объяснить этот факт. Мы можем только сказать, что знание символики не осознается видевшим сон, оно относится к его бессознательной духовной жизни. Но и этим предположением мы ничего не достигаем. До сих пор нам необходимо было предполагать только бессознательные стремления, такие, о которых нам временно или постоянно ничего не известно. Теперь же речь идет о бессознательных знаниях, о логических отношениях, отношениях сравнения между различными объектами, вследствие которых одно постоянно может замещаться другим. Эти сравнения не возникают каждый раз заново, они уже заложены готовыми, завершены раз и навсегда; это вытекает из их сходства у различных лиц, сходства даже, по-видимому, несмотря на различие языков.

Откуда же берется знание этих символических отношений? Только небольшая их часть объясняется словоупотреблением. Разнообразные параллели из других областей по большей части неизвестны видевшему сон; да и мы лишь с трудом отыскивали их.

Во-вторых, эти символические отношения не являются чем-то таким, что было бы характерно только для видевшего сон или для работы

сновидения, благодаря которой они выражаются. Ведь мы узнали, что такая же символика используется в мифах и сказках, в народных поговорках и песнях, в общепринятом словоупотреблении и поэтической фантазии[25]. Область символики чрезвычайно обширна, символика сновидений является ее малой частью, даже нецелесообразно приступать к рассмотрению всей этой проблемы исходя из сновидения. Многие употребительные в других областях символы в сновидениях не встречаются или встречаются лишь очень редко, некоторые из символов сновидений встречаются не во всех других областях, а только в той или иной. Возникает впечатление, что перед нами какой-то древний, но утраченный способ выражения, от которого в разных областях сохранилось разное, одно только здесь, другое только там, третье в слегка измененной форме в нескольких областях. Я хочу вспомнить здесь фантазию одного интересного душевнобольного, воображавшего себе какой-то *«основной язык»*, от которого во всех этих символических отношениях будто бы имелись остатки.

В-третьих, вам должно было броситься в глаза, что символика в других указанных областях не только сексуальная, в то время как в сновидении символы используются почти исключительно для выражения сексуальных объектов и отношений. И это нелегко объяснить. Не нашли ли исходно сексуально значимые символы позднее другое применение и не связан ли с этим известный переход от символического изображения к другому его виду? На этот вопрос, очевидно, нельзя ответить, если иметь дело только с символикой сновидений. Можно лишь предположить, что существует особенно тесное отношение между истинными символами и сексуальностью.

По этому поводу нам было дано в последние годы одно важное указание. Филолог Г. Шпербер (Упсала), работающий независимо от психоанализа, выдвинул (1912) утверждение, что сексуальные потребности принимали самое непосредственное участие в возникновении и дальнейшем развитии языка. Начальные звуки речи служили сообщению и подзывали сексуального партнера; дальнейшее развитие корней слов сопровождало трудовые операции первобытного человека. Эти работы были совместными и проходили в сопровождении ритмически повторяемых языковых выражений. При этом сексуальный интерес переносился на работу. Одновременно первобытный человек делал труд приятным для себя, принимая его за эквивалент и замену половой деятельности. Таким образом, произносимое при общей работе слово имело два значения, обозначая как половой акт, так и приравненную к нему трудовую деятельность. Со временем слово освободилось от сексуального значения и зафиксировалось на этой работе. Следующие поколения поступали точно так же с новым словом, которое имело сексуальное значение и применялось к новому виду труда. Таким образом возникало какое-то число корней слов, которые все были сексуального происхождения, а затем лишились своего сексуального значения. Если вышеизложенная точка зрения правильна, то перед нами, во всяком случае, открывается возможность понимания символики сновидений. Мы могли бы понять,

почему в сновидении, сохраняющем кое-что из этих самых древних отношений, имеется такое огромное множество символов для сексуального, почему в общем оружие и орудия символизируют мужское, материалы и то, что обрабатывается,— женское. Символическое отношение было бы остатком древней принадлежности слова; вещи, которые когда-то назывались так же, как и гениталии, могли теперь в сновидении выступить для того же в качестве символов.

Но благодаря этим параллелям к символике сновидений вы можете также оценить характерную особенность психоанализа, благодаря которой он становится предметом всеобщего интереса, чего не могут добиться ни психология, ни психиатрия. При психоаналитической работе завязываются отношения с очень многими другими гуманитарными науками, с мифологией, а также с языкознанием, фольклором, психологией народов и религиоведением, изучение которых обещает ценнейшие результаты. Вам будет понятно, почему на почве психоанализа вырос журнал *Imago*, основанный в 1912 г. под редакцией Ганса Сакса и Отто Ранка, поставивший себе исключительную задачу поддерживать эти отношения. Во всех этих отношениях психоанализ сначала больше давал, чем получал. Хотя и он извлекает выгоду из того, что его своеобразные результаты подтверждаются в других областях и тем самым становятся более достоверными, но в целом именно психоанализ предложил те технические приемы и подходы, применение которых оказалось плодотворным в этих других областях [26]. Душевная жизнь отдельного человеческого существа дает при психоаналитическом исследовании сведения, с помощью которых мы можем разрешить или по крайней мере правильно осветить некоторые тайны из жизни человеческих масс.

Впрочем, я вам еще не сказал, при каких обстоятельствах мы можем глубже всего заглянуть в тот предполагаемый «основной язык», из какой области узнать о нем больше всего. Пока вы этого не знаете, вы не можете оценить всего значения предмета. Областью этой является невротика, материалом — симптомы и другие невротические проявления, для объяснения и лечения которых и был создан психоанализ.

Рассматривая вопрос с четвертой точки зрения, мы опять возвращаемся к началу и направляемся по намеченному пути. Мы сказали, что даже если бы цензуры сновидения не было, нам все равно было бы нелегко понять сновидение, потому что перед нами встала бы задача перевести язык символов на язык нашего мышления в состоянии бодрствования. Таким образом, символика является вторым и независимым фактором искажения сновидения наряду с цензурой. Напрашивается предположение, что цензуре удобно пользоваться символикой, так как она тоже стремится к той же цели — сделать сновидение странным и непонятным.

Скоро станет ясно, не натолкнемся ли мы при дальнейшем изучении сновидения на новый фактор, способствующий искажению сновидения. Я не хотел бы оставлять тему символики сновидения, не коснувшись еще раз того загадочного обстоятельства, что она может встретить весьма энергичное сопротивление образованных людей, тогда как распрост-

ранение символики в мифах, религии, искусстве и языке совершенно несомненно. Уж не определяется ли это вновь отношением к сексуальности?

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Работа сновидения

Уважаемые дамы и господа! Если вы усвоили сущность цензуры сновидения и символического изображения, хотя еще и не совсем разрешили вопрос об искажении сновидения, вы все-таки в состоянии понять большинство сновидений. При этом вы можете пользоваться обеими дополняющими друг друга техниками, вызывая у видевшего сон ассоциативные мысли до тех пор, пока не проникнете от заместителя к собственному [содержанию], подставляя для символов их значение, исходя из своих собственных знаний. Об определенных возникающих при этом сомнениях речь будет идти ниже.

Теперь мы можем опять взяться за работу, которую в свое время пытались сделать, не имея для этого достаточно средств, когда мы изучали отношения между элементами сновидения и его собственным [содержанием] и установили при этом четыре таких основных отношения: части к целому; приближения, или намека; символического отношения и наглядного изображения слова. То же самое мы хотим предпринять в большем масштабе, сравнивая явное содержание сновидения в целом со скрытым сновидением, найденным путем толкования.

Надеюсь, вы никогда не перепутаете их друг с другом. Если вы добьетесь этого, то достигнете в понимании сновидения большего, чем, вероятно, большинство читателей моей книги *Толкование сновидений*. Позвольте еще раз напомнить, что та работа, которая переводит скрытое сновидение в явное, называется *работой сновидения* (Traumarbeit). Работа, проделываемая в обратном направлении, которая имеет целью от явного сновидения добраться до скрытого, является нашей *работой толкования* (Deutungsarbeit). Работа толкования стремится устранить работу сновидения. Признанные очевидным исполнением желания сновидения детского типа все-таки испытали на себе частичную работу сновидения, а именно перевод желания в реальность и по большей части также перевод мыслей в визуальные образы. Здесь не требуется никакого толкования, только обратный ход этих двух превращений. То, что прибавляется к работе сновидения в других сновидениях, мы называем *искажением сновидения* (Traumentstellung); именно его и нужно устранить посредством нашей работы толкования.

Сравнивая большое количество толкований сновидений, я в состоянии последовательно показать вам, что проделывает работа сновидения с материалом скрытых его мыслей. Но я прошу вас не требовать от

этого слишком многого. Это всего лишь описание, которое нужно выслушать со спокойным вниманием.

Первым достижением работы сновидения является *сгущение* (Verdichtung). Под этим мы подразумеваем тот факт, что явное сновидение содержит меньше, чем скрытое, т. е. является своего рода сокращенным переводом последнего. Иногда сгущение может отсутствовать, однако, как правило, оно имеется и очень часто даже чрезмерное. Но никогда не бывает обратного, т. е. чтобы явное сновидение было больше скрытого по объему и содержанию. Сгущение происходит благодаря тому, что: 1) определенные скрытые элементы вообще опускаются; 2) в явное сновидение переходит только часть некоторых комплексов скрытого сновидения; 3) скрытые элементы, имеющие что-то общее, в явном сновидении соединяются, сливаются в одно целое.

Если хотите, то можете сохранить название «сгущение» только для этого последнего процесса. Его результаты можно особенно легко продемонстрировать. Из своих собственных сновидений вы без труда вспомните о сгущении различных лиц в одно. Такое смешанное лицо выглядит как А, но одето как Б, совершает какое-то действие, какое, помнится, делал В, а при этом знаешь, что это лицо — Г. Конечно, благодаря такому смешиванию особенно подчеркивается что-то общее для всех четырех лиц. Так же как и из лиц, можно составить смесь из предметов или из местностей, если соблюдается условие, что отдельные предметы и местности имеют что-то общее между собой, выделяемое скрытым сновидением. Это что-то вроде образования нового и мимолетного понятия с этим общим в качестве ядра. Благодаря накладыванию друг на друга отдельных сгущаемых единиц возникает, как правило, неясная, расплывчатая картина, подобно той, которая получается, если на одной фотопластинке сделать несколько снимков.

Для работы сновидения образование таких смесей очень важно, потому что мы можем доказать, что необходимые для этого общие признаки нарочно создаются там, где их раньше не было, например, благодаря выбору словесного выражения какой-либо мысли. Мы уже познакомились с такими сгущениями и смешениями; они играли роль в возникновении некоторых случаев оговорок. Вспомните молодого человека, который хотел *begleitdigen* даму. Кроме того, имеются остроты, механизм возникновения которых объясняется таким сгущением. Однако независимо от этого можно утверждать, что данный процесс является чем-то необычным и странным. Правда, образование смешанных лиц в сновидении имеет аналогии в некоторых творениях нашей фантазии, которая легко соединяет в одно целое составные части, в действительности не связанные между собой,— например, кентавры и сказочные животные в древней мифологии или на картинах Беклина. Ведь «творческая фантазия» вообще не может изобрести ничего нового, а только соединяет чуждые друг другу составные части. Но странным в способе работы сновидения является следующее: материал, которым располагает работа сновидения, состоит ведь из мыслей, мыслей, некоторые из которых могут быть неприличными и неприемлемыми, однако они правильно образованы и выражены. Эти мыс-

ли переводятся благодаря работе сновидения в другую форму, и странно и непонятно, что при этом переводе, перенесении как бы на другой шрифт или язык находят свое применение средства слияния и комбинации. Ведь обычно перевод старается принять во внимание имеющиеся в тексте различия, а сходства не смешивать между собой. Работа сновидения стремится к совершенно противоположному: сгустить две различные мысли таким образом, чтобы найти многозначное слово, в котором обе мысли могут соединиться, подобно тому, как это делается в остроте. Этот переход нельзя понять сразу, но для понимания работы сновидения он может иметь большое значение.

Хотя сгущение делает сновидение непонятным, все-таки не возникает впечатления, что оно является результатом действия цензуры сновидения. Скорее, хочется объяснить его механическими и экономическими факторами; однако приходится принимать в расчет и цензуру.

Результаты сгущения могут быть совершенно исключительными. С его помощью иногда возможно объединить две совершенно различные скрытые мысли в одном явном сновидении, так что можно получить одно вроде бы удовлетворяющее толкование сновидения и все же при этом упустить возможность другого.

Следствием сгущения является также отношение между скрытым и явным сновидением, заключающееся в том, что между различными элементами и не сохраняется простого соответствия. Один явный элемент соответствует одновременно нескольким скрытым, и наоборот, один скрытый элемент может участвовать в нескольких явных как бы в виде перекреста. При толковании сновидения оказывается также, что [ассоциативные] мысли к отдельному явному элементу не всегда приходят по порядку. Часто приходится ждать, пока все сновидение не будет истолковано.

Итак, работа сновидения совершает очень необычную по форме транскрипцию мыслей сновидения — не перевод слова за словом или знака за знаком и не выбор по определенному правилу, когда передаются только согласные какого-нибудь слова, а гласные опускаются, что можно было бы назвать представительством, т. е. один элемент всегда извлекается вместо нескольких,— но это нечто другое и гораздо более сложное.

Вторым результатом работы сновидения является *смещение* (Verschiebung). Для его понимания мы, к счастью, провели подготовительную работу; ведь мы знаем, что оно целиком является делом цензуры сновидения. Оно проявляется двояким образом, во-первых, в том, что какой-то скрытый элемент замещается не собственной составной частью, а чем-то отдаленным, т. е. намеком, а во-вторых, в том, что психический акцент смещается с какого-то важного элемента на другой, не важный, так что в сновидении возникает иной центр и оно кажется странным.

Замещение намеком известно нам и по нашему мышлению в бодрствующем состоянии, однако здесь есть различие. При мышлении в бодрствующем состоянии намек должен быть легко понятным, а заместитель иметь смысловое отношение к собственному [содержанию] (Eigentliche).

И острота часто пользуется намеком, она отказывается от ассоциации по содержанию и заменяет ее необычными внешними ассоциациями, такими, как созвучие и многозначность слова и др. Но она сохраняет понятность; острота лишилась бы всего своего действия, если бы нельзя было без труда проделать обратный путь от намека к собственному содержанию. Но намек смещения в сновидении свободен от обоих ограничений. Он связан с замещаемым элементом самыми внешними и отдаленными отношениями и поэтому непонятен, а если его разъяснить, то толкование производит впечатление неудачной остроты или насильственно притянутой за волосы, принужденной интерпретации. Цензура только тогда достигает своей цели, когда ей удается полностью затемнить обратный путь от намека к собственному [содержанию].

Смещение акцента как средство выражения мысли не встречается. При мышлении в бодрствующем состоянии мы иногда допускаем его для достижения комического эффекта. Впечатление ошибки, которое оно производит, я могу у вас вызвать, напомнив один анекдот: в деревне был кузнец, который совершил преступление, достойное смертной казни. Суд постановил, что он должен понести наказание за свое преступление, но так как в деревне был только один кузнец и он был необходим, портных же в деревне жило трое, то один из этих трех был повешен вместо него.

Третий результат работы сновидения психологически самый интересный. Он состоит в превращении мыслей в зрительные образы. Запомним, что не все в мыслях сновидения подлежит этому превращению, кое-что сохраняет свою форму и появляется в явном сновидении как мысль или знание; зрительные образы являются также не единственной формой, в которую превращаются мысли. Однако они все-таки являются существенным фактором в образовании сновидения; эта сторона работы сновидения, как мы знаем, является второй постоянной чертой сновидения, а для выражения отдельных элементов сновидения существует, как мы видели, наглядное изображение слова.

Ясно, что это нелегкая работа. Чтобы составить понятие о ее трудностях, представьте себе, что вы взяли на себя задачу заменить политическую передовицу какой-то газеты рядом иллюстраций, т. е. вернуться от буквенного шрифта к письму рисунками. То, что в этой статье говорится о лицах и конкретных предметах, вы легко и, может быть, удачно замените иллюстрациями, но при изображении абстрактных слов и всех частей речи, выражающих логические отношения, таких, как частицы, союзы и т. п., вас ожидают трудности. При изображении абстрактных слов вы сможете себе помочь всевозможными искусственными приемами. Вы попытаетесь, например, передать текст статьи другими словами, которые звучат, может быть, необычно, но содержат больше конкретных и подходящих для изображения понятий. Затем вы вспомните, что большинство абстрактных слов являются потускневшими конкретными и поэтому по возможности воспользуетесь первоначальным конкретным значением этих слов. Итак, вы будете рады, если сможете изобразить обладание (Besitzen) объектом как действительное физиче-

ское сидение (Daraufsitzen). Так же поступает и работа сновидения. При таких обстоятельствах вы едва ли будете предъявлять большие претензии к точности изображения. Таким образом, и работе сновидения вы простите, что она, например, такой трудный для изображения элемент, как нарушение брачной верности (Ehebruch), заменяет другим каким-либо разрывом (Bruch), перелом ноги (Beinbruch) *. Надеюсь, вы сумеете до некоторой степени простить беспомощность языка рисунков, когда он замещает собой буквенный.

Для изображения частей речи, показывающих логические отношения, вроде «потому что, поэтому, но» и т. д. нет подобных вспомогательных средств; таким образом, эти части текста пропадут при переводе в рисунки. Точно так же благодаря работе сновидения содержание мыслей сновидения растворяется в его сыром материале объектов и деятельностей. И вы можете быть довольны, если вам предоставится возможность каким-то образом намекнуть в более тонком образном выражении на определенные недоступные изображению отношения. Точно так же работе сновидения удается выразить что-то из содержания скрытых мыслей сновидения в формальных особенностях явного сновидения, в его ясности или неясности, в его разделении на несколько фрагментов и т. п. Количество частей сновидения, на которые оно распадается, как правило, сочетается с числом основных тем, ходом мыслей в скрытом сновидении; короткое вступительное сновидение часто относится к последующему подробному основному сновидению, как введение или моти-

---

* При исправлении корректуры этого листа мне случайно попалась газетная заметка, которую я здесь привожу как неожиданное пояснение вышеизложенных положений.

«НАКАЗАНИЕ БОЖИЕ (*перелом руки за нарушение супружеской верности*) (Armbruch durch Ehebruch).

Анна М., супруга одного ополченца, обвинила Клементину К. *в нарушении супружеской верности*. В обвинении говорится, что К. находится с Карлом М. в преступной связи, в то время как ее собственный муж на войне, откуда он даже присылает ей ежемесячно семьдесят крон. К. получила от мужа пострадавшей уже довольно *много денег*, в то время как она сама с ребенком вынуждена *жить в нужде и терпеть голод*. Товарищи мужа рассказывали ей, что К. посещает с М. рестораны и кутит там до поздней ночи. Однажды обвиняемая даже спросила мужа пострадавшей в присутствии многих солдат, скоро ли он разведется со своей „старухой", чтобы переехать к ней. Жена привратника дома, где живет К., тоже неоднократно видела мужа пострадавшей в полном неглиже на квартире К.

Вчера перед судом в Леопольдштатте К. *отрицала*, что знает М., а об интимных отношениях уж не может быть и речи. Однако свидетельница Альбертина М. показала, что неожиданно застала К., когда она целовала мужа пострадавшей.

Допрошенный при первом разборе дела в качестве свидетеля М. отрицал тогда интимные отношения с обвиняемой. Вчера судье было представлено *письмо*, в котором свидетель отказывается от своего показания на первом разбирательстве дела и *сознается*, что до июня месяца поддерживал любовную связь с К. При первом разборе он только потому отрицал свои отношения с обвиняемой, что она перед разбором дела явилась к нему и *на коленях умоляла* спасти ее и ничего не говорить. „Теперь же,— пишет свидетель,— я чувствую потребность откровенно сознаться перед судом, так как я *сломал левую руку*, и это кажется мне *наказанием божьим* за мое преступление".

Судья установил, что срок преступления *прошел*, после чего пострадавшая взяла *жалобу обратно*, а обвиняемая была оправдана».

вировка; придаточное предложение в мыслях сновидения замещается в явном сновидении сменой включенных в него сцен и т. д. Таким образом, форма сновидений ни в коем случае не является незначительной, и сама требует толкования. Несколько сновидений одной ночи часто имеют одно и то же значение и указывают на усилия как-нибудь получше справиться с нарастающим раздражением. Даже в одном сновидении особенно трудный элемент может быть изображен «дублетами», несколькими символами.

При дальнейшем сравнении мыслей сновидения с замещающими их явными сновидениями мы узнаем такие вещи, к которым еще не подготовлены, например, что бессмыслица и абсурдность сновидений также имеют свое значение. Да, в этом пункте противоречие между медицинским и психоаналитическим пониманием сновидения обостряется до последней степени. С медицинской точки зрения сновидение бессмысленно, потому что душевная деятельность спящего лишена всякой критики; с нашей же, напротив, сновидение бессмысленно тогда, когда содержащаяся в мыслях сновидения критика, суждение «это бессмысленно» должны найти свое изображение. Известное вам сновидение с посещением театра (три билета за 1 фл. 50 кр.) — хороший тому пример. Выраженное в нем суждение означает: *бессмысленно* было так рано выходить замуж.

Точно так же при работе над толкованием мы узнаем о часто высказываемых сомнениях и неуверенности видевшего сон по поводу того, встречался ли в сновидении определенный элемент, был ли это данный элемент или какой-то другой. Как правило, этим сомнениям и неуверенности ничего не соответствует в скрытых мыслях сновидения; они возникают исключительно под действием цензуры сновидения и должны быть приравнены к не вполне удавшимся попыткам уничтожения этих элементов.

К самым поразительным открытиям относится способ, каким работа сновидения разрешает противоречия скрытого сновидения. Мы уже знаем, что совпадения в скрытом материале замещаются сгущениями в явном сновидении. И вот с противоположностями работа сновидения поступает точно так же, как с совпадениями, выражая их с особым предпочтением одним и тем же явным элементом. Один элемент в явном сновидении, который способен быть противоположностью, может, таким образом, означать себя самого, а также свою противоположность или иметь оба значения; только по общему смыслу можно решить, какой перевод выбрать. С этим связан тот факт, что в сновидении нельзя найти изображения «нет», по крайней мере, недвусмысленного.

Пример желанной аналогии этому странному поведению работы сновидения дает нам развитие языка. Некоторые лингвисты утверждают, что в самых древних языках противоположности, например сильный — слабый, светлый — темный, большой — маленький, выражались одним и тем же корневым словом. («Противоположный смысл первоначальных слов».) Так, на древнеегипетском языке *k en* первоначально означало «сильный» и «слабый». Во избежание недоразумений при употреблении

таких амбивалентных слов в речи ориентировались на интонацию и сопроводительный жест, при письме прибавляли так называемый детерминатив, т. е. рисунок, не произносившийся при чтении. *Ken* в значении «сильный» писалось, таким образом, с прибавлением после буквенных знаков рисунка прямо сидящего человечка; если *ken* означало «слабый», то следовал рисунок небрежно сидящего на корточках человечка. Только позже благодаря легким изменениям одинаково звучащего первоначального слова получилось два обозначения для содержащихся в нем противопоставлений. Так из *ken* — «сильный — слабый» возникло *ken* — «сильный» и *kan* — «слабый». Не только древнейшие языки в своем позднейшем развитии, но и гораздо более молодые и даже живые ныне языки сохранили в большом количестве остатки этого древнего противоположного смысла. Хочу привести вам в этой связи несколько примеров по К. Абелю (1884).

В латинском языке такими все еще амбивалентными словами являются: *altus* (высокий — низкий) и *sacer* (святой — нечестивый). В качестве примеров модификации одного и того же корня я упомяну: *clamare* — кричать, *clam* — слабый, тихий тайный; *siccus* — сухой, *succus* — сок. Сюда же из немецкого языка можно отнести: *Stimme* — голос, *stumm* — немой. Если сравнить родственные языки, то можно найти много примеров. По-английски *lock* — закрывать; по-немецки *Loch* — дыра, *Lücke* — люк. В английском *cleave* — раскалывать, в немецком *kleben* — клеить.

Английское слово *without*, означающее, собственно, «с — без», теперь употребляется в значении «без»; то, что *with*, кроме прибавления, имеет также значение отнимания, следует из сложных слов *withdraw* — отдергивать, брать назад, *withhold* — отказывать, останавливать. Подобное же значение имеет немецкое *wieder*.

В развитии языка находит свою параллель еще одна особенность работы сновидения. В древнеегипетском, как и в других более поздних языках, встречается обратный порядок звуков в словах с одним значением. Такими примерами в английском и немецком языках являются: *Topf* — *pot* [горшок]; *boat* — *tub* [лодка]; *hurry* [спешить] — *Ruhe* [покой, неподвижность]; *Balken* [бревно, брус] — *Kloben* [полено, чурбан].

В латинском и немецком: *capere* — *packen* [хватать]; *ren* — *Niere* [почка].

Такие инверсии, какие здесь происходят с отдельными словами, совершаются работой сновидения различным способом. Переворачивание смысла, замену противоположностью мы уже знаем. Кроме того, в сновидениях встречаются инверсии ситуации, взаимоотношения между двумя лицами, как в «перевернутом мире». В сновидении заяц нередко стреляет в охотника. Далее, встречаются изменения в порядке следования событий, так что то, что является предшествующей причиной, в сновидении ставится после вытекающего из нее следствия. Все происходит, как при постановке пьесы плохой труппой, когда сначала падает герой, а потом из-за кулис раздается выстрел, который его убивает. Или есть сновидения, в которых весь порядок элементов обратный, так что при толковании, чтобы понять его смысл, последний элемент нужно поста-

вить на первое место, а первый — на последнее. Вы помните также из нашего изучения символики сновидения, что входить или падать в воду означало то же самое, что и выходить из воды, а именно рождать или рождаться, и что подниматься по лестнице означает то же самое, что и спускаться по ней. Несомненно, что искажение сновидения может извлечь из такой свободы изображения определенную выгоду.

Эти черты работы сновидения можно назвать *архаическими*. Они присущи также древним системам выражения, языкам и письменностям, и несут с собой те же трудности, о которых речь будет ниже в критическом обзоре.

А теперь еще о некоторых других взглядах. При работе сновидения дело, очевидно, заключается в том, чтобы выраженные в словах скрытые мысли перевести в чувственные образы по большей части зрительного характера. Наши мысли как раз и произошли из таких чувственных образов; их первым материалом и предварительными этапами были чувственные впечатления, правильнее сказать, образы воспоминания о таковых. Только позднее с ними связываются слова, а затем и мысли. Таким образом, работа сновидения заставляет мысли пройти *регрессивный* путь, лишает их достигнутого развития, и при этой регрессии должно исчезнуть все то, что было приобретено в ходе развития от образов воспоминаний к мыслям.

Такова работа сновидения. По сравнению с процессами, о которых мы узнали при ее изучении, интерес к явному сновидению должен отойти на задний план. Но этому последнему, которое является все-таки единственным, что нам непосредственно известно, я хочу посвятить еще несколько замечаний.

Естественно, что явное сновидение теряет для нас свою значимость. Нам безразлично, хорошо оно составлено или распадается на ряд отдельных бессвязных образов. Даже если оно имеет кажущуюся осмысленной внешнюю сторону, то мы все равно знаем, что она возникла благодаря искажению сновидения и может иметь к внутреннему его содержанию так же мало отношения, как фасад итальянской церкви к ее конструкции и силуэту. В некоторых случаях и этот фасад сновидения имеет свое значение, когда он передает в мало или даже совсем не искаженном виде какую-то важную составную часть скрытых мыслей сновидения. Но мы не можем узнать этого, не подвергнув сновидение толкованию и не составив благодаря нему суждения о том, в какой мере имело место искажение. Подобное же сомнение вызывает тот случай, когда два элемента сновидения, по-видимому, находятся в тесной связи. В этом может содержаться ценный намек на то, что соответствующие этим элементам скрытые мысли сновидения тоже должны быть приведены в связь, но в других случаях убеждаешься, что то, что связано в мыслях, разъединено в сновидении.

В общем, следует избегать того, чтобы объяснять одну часть явного сновидения другой, как будто сновидение связно составлено и является прагматическим изложением. Его, скорее, можно сравнить с искусственным мрамором брекчией, составленным из различных кусков камня при

помощи цементирующего средства так, что получающиеся узоры не соответствуют первоначальным составным частям. Действительно, есть некая часть работы сновидения, так называемая *вторичная обработка* (sekundäre Bearbeitung), которая старается составить из ближайших результатов работы сновидения более или менее гармоничное целое. При этом материал располагается зачастую совершенно не в соответствии со смыслом, а там, где кажется необходимым, делаются вставки.

С другой стороны, нельзя переоценивать работу сновидения, слишком ей доверять. Ее деятельность исчерпывается перечисленными результатами; больше, чем сгустить, сместить, наглядно изобразить и подвергнуть целое вторичной обработке, она не может сделать. То, что в сновидении появляются выражения суждений, критики, удивления, заключения,— это не результаты работы сновидения и только очень редко это проявления размышления о сновидении, но это по большей части — фрагменты скрытых мыслей сновидения, более или менее модифицированных и приспособленных к контексту, перенесенных в явное сновидение. Работа сновидения также не может создавать и речей. За малыми исключениями речи в сновидении являются подражаниями и составлены из речей, которые видевший сон слышал или сам произносил в тот день, когда видел сон, и которые включены в скрытые мысли как материал или как побудители сновидения. Точно так же работа сновидения не может производить вычисления; все вычисления, которые встречаются в явном сновидении,— это по большей части набор чисел, кажущиеся вычисления, как вычисления они совершенно бессмысленны, и истоки вычислений опять-таки находятся в скрытых мыслях сновидения. При этих отношениях неудивительно также, что интерес, который вызывает работа сновидения, скоро устремляется от нее к скрытым мыслям сновидения, проявляющимся благодаря явному сновидению в более или менее искаженном виде. Но нельзя оправдывать то, чтобы это изменение отношения заходило так далеко, что с теоретической точки зрения скрытые мысли вообще ставятся на место самого сновидения и о последнем высказывается то, что может относиться только к первым. Странно, что для такого смешивания могли злоупотребить результатами психоанализа. «Сновидением» можно назвать не что иное, как результат работы сновидения, т. е. *форму*, в которую скрытые мысли переводятся благодаря работе сновидения.

Работа сновидения — процесс совершенно своеобразного характера, до сих пор в душевной жизни не было известно ничего подобного. Такие сгущения, смещения, регрессивные превращения мыслей в образы являются новыми объектами, познание которых уже достаточно вознаграждает усилия психоанализа. Из приведенных параллелей к работе сновидения вы можете также понять, какие связи открываются между психоаналитическими исследованиями и другими областями, в частности между развитием языка и мышления. О другом значении этих взглядов вы можете догадаться только тогда, когда узнаете, что механизмы образования сновидений являются прототипом способа возникновения невротических симптомов.

Я знаю также, что мы еще не можем полностью понять значения для психологии всех новых данных, заключающихся в этих работах. Мы хотим указать лишь на то, какие новые доказательства имеются для существования бессознательных душевных актов — а ведь скрытые мысли являются ими — и какой неожиданно широкий доступ к знанию бессознательной душевной жизни обещает нам толкование сновидений.

Ну, а теперь, пожалуй, самое время привести вам различные примеры отдельных сновидений, к этому вы подготовлены всем вышеизложенным.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Анализ отдельных сновидений

Уважаемые дамы и господа! Не разочаровывайтесь, если я опять предложу вам фрагменты толкований сновидений, вместо того чтобы пригласить вас участвовать в толковании большого хорошего сновидения. Вы скажете, что имеете на это право после стольких приготовлений, и выскажете убеждение, что после удачного толкования стольких тысяч сновидений давно должна была бы возникнуть возможность составить набор отличных сновидений, которые позволяли бы продемонстрировать все наши утверждения о работе и мыслях сновидения. Да, но существует слишком много трудностей, препятствующих выполнению вашего желания.

Прежде всего должен вам признаться, что нет никого, кто занимался бы толкованием сновидений в качестве своего основного занятия. Ведь как приходят к толкованию сновидений? Случайно, без особого намерения можно заняться сновидениями друга или работать какое-то время над своими собственными сновидениями, чтобы поупражняться в психоаналитической работе; но по большей части приходится иметь дело со сновидениями лиц, страдающих неврозами, подвергающихся аналитическому лечению. Сновидения этих последних представляют собой отличный материал и никоим образом не уступают сновидениям здоровых, но техника лечения вынуждает нас подчинять толкование сновидения терапевтическим задачам и оставлять без внимания большое число сновидений после того, как из них было взято что-то нужное для лечения. Некоторые сновидения, встречающиеся во время лечения, вообще недоступны полному толкованию. Так как они возникают из всей совокупности неизвестного нам психического материала, то их понимание возможно только после окончания лечения. Сообщение о таких сновидениях сделало бы неизбежным раскрытие всех тайн невроза; это нам не нужно, так как мы взялись за сновидение с целью подготовиться к изучению неврозов.

Вы охотно отказались бы от этого материала и скорее предпочли бы

услышать толкования сновидений здоровых людей или своих собственных. Но из-за содержания сновидений это недопустимо. Ни самого себя, ни другого, чьим доверием пользуешься, нельзя так беспощадно обнажать, как этого требует подробное толкование его сновидений, которые, как вы уже знаете, имеют отношение к самому интимному в его личности. Кроме этого затруднения в получении материала, для сообщения принимается во внимание и другое. Вы знаете, что сновидение кажется странным даже самому видевшему сон, не говоря уже о другом человеке, которому личность видевшего сон незнакома. В нашей литературе нет недостатка в хороших и подробных анализах сновидений, я сам опубликовал некоторые из них в рамках историй болезни; может быть, самый лучший пример толкования сновидений представляют собой опубликованные О. Ранком (1910b) два связанных между собой сновидения одной молодой девушки, запись которых занимает около двух печатных страниц, тогда как их анализ — 76 страниц. Мне понадобился бы примерно целый семестр, чтобы показать вам эту работу. Если берешься за какое-нибудь более длинное и еще более искаженное сновидение, то приходится давать столько объяснений, привлекать такое обилие ассоциативных мыслей и воспоминаний, делать так много отступлений, что лекция о нем оказалась бы совершенно запутанной и неудовлетворительной. Поэтому я должен просить вас довольствоваться тем, что легче получить,— сообщением о небольших фрагментах сновидений лиц, страдающих неврозом, по которым по отдельности можно узнать то или иное. Легче всего продемонстрировать символы сновидения, затем — определенные особенности регрессивного изображения сновидений. О каждом из ниже следующих сновидений я скажу вам, почему я счел нужным сообщить о нем.

1. Сновидение состоит только из двух простых картин: *его дядя курит папиросу, хотя сегодня суббота; какая-то женщина гладит и ласкает его (видевшего сон), как своего ребенка.*

По поводу первой картины видевший сон (еврей) замечает, что его дядя — набожный человек, который никогда не совершал и не совершил бы подобного греха. Относительно женщины во второй картине ему ничего не приходит в голову, кроме того, что это его мать. Обе эти картины или мысли, очевидно, следует привести в соответствие друг с другом. Но каким образом? Так как он решительно оспаривает действие дяди, то естественно прибавить «если». «*Если* мой дядя, святой человек, стал бы курить в субботу папиросу, то я мог бы допустить ласки матери». Очевидно, что ласка матери — такое же недопустимое действие, как курение в субботу для набожного еврея. Вспомните, что я говорил вам о том, что при работе сновидения отпадают все отношения между мыслями сновидения; они растворяются в своем сыром материале, и задачей толкования является вновь восстановить опущенные отношения.

2. Благодаря своим публикациям о сновидении я стал в известном смысле общественным консультантом по вопросам сновидений и в течение многих лет получаю с самых разных сторон письма, в которых мне сообщаются сновидения или предлагается их толкование. Я, конечно, благодарен всем тем, кто прибавляет к сновидению достаточно материа-

ла, чтобы толкование стало возможным, или кто сам дает такое толкование. К этой категории относится следующее сновидение одного врача из Мюнхена, относящееся к 1910 г. Я привожу его, потому что оно может вам доказать, насколько сновидение в общем недоступно пониманию, пока видевший сон не даст нам дополнительно своих сведений. Я ведь предполагаю, что вы, в сущности, считаете идеальным толкование сновидений с помощью использования значения символов, ассоциативную же технику хотели бы устранить, а мне хочется освободить вас от этого вредного заблуждения.

«13 июля 1910 г. мне снится: *я еду на велосипеде вниз по улице Тюбингена, как вдруг коричневая такса пускается за мной в погоню и хватает меня за пятку. Проехав немного дальше, я слезаю с велосипеда, сажусь на ступеньку и начинаю колотить животное, крепко уцепившееся зубами* (от укуса и всей сцены у меня нет неприятных чувств). *Напротив сидят несколько престарелых дам, которые смотрят на меня улыбаясь. Затем я просыпаюсь, и, как уже часто бывало, в этот момент перехода к бодрствованию все сновидение становится мне ясным*».

Символами здесь мало поможешь. Но видевший сон сообщает нам: «В последнее время я был влюблен в одну девушку, видел ее только на улице, но не имел никакой возможности завести знакомство. Самым приятным для меня поводом для знакомства могла быть такса, так как я большой любитель животных и это же качество с симпатией заметил у девушки». Он добавляет также, что неоднократно с большой ловкостью и зачастую к удивлению зрителей вмешивался в борьбу грызущихся между собой собак. Итак, мы узнаем, что понравившаяся ему девушка постоянно появлялась в сопровождении этой особенной собаки. Но из явного сновидения эта девушка устранена, осталась только ассоциируемая с ней собака. Может быть, престарелые дамы, которые ему улыбаются, заняли место девушки. Того, что он еще сообщает, недостаточно для объяснения этого момента. То, что в сновидении он едет на велосипеде, является прямым повторением припоминаемой ситуации. Он всегда встречал девушку с собакой только тогда, когда был на велосипеде.

3. Если кто-нибудь потерял своего дорогого родственника, то ему долгое время после этого снятся сны особого рода, в которых знание о смерти заключает самые странные компромиссы с потребностью воскресить мертвого. То умерший, будучи мертвым, продолжает все-таки жить, потому что он не знает, что умер, и если бы он это узнал, то лишь тогда умер бы окончательно; то он наполовину мертв, а наполовину жив, и каждое из этих состояний имеет свои особые признаки. Эти сновидения нельзя назвать бессмысленными, так как воскресение для сновидения не является неприемлемым, как, например, и для сказки, где это совершенно обычное событие. Насколько я смог проанализировать такие сновидения, они способны на разумное решение, но достойное уважения желание возвратить к жизни мертвого умеет добиваться этого самыми странными средствами. Я предлагаю вам здесь такое сновидение, которое звучит достаточно странно и бессмысленно и анализ которого покажет вам многое из того, к чему вы подготовлены нашими теоретическими

рассуждениями. Сновидение одного мужчины, который несколько лет тому назад потерял отца.

Отец умер, но был выкопан и плохо выглядит. С тех пор он живет, и видевший сон делает все, чтобы он ничего не заметил. (Затем сновидение переходит на другие явления, не имеющие с этим, по-видимому, ничего общего).

Отец умер, это мы знаем. Что он был выкопан, не соответствует действительности, да и все последующее не принимает ее во внимание. Но видевший сон рассказывает: когда он вернулся с похорон отца, у него разболелся зуб. Он хотел поступить с ним по предписанию еврейского учения: если твой зуб тебе досаждает, вырви его,— и отправился к зубному врачу. Но тот сказал: зуб не следует вырывать, нужно потерпеть. Я кое-что положу, чтобы его убить, приходите через три дня опять, я это выну.

Это «вынимание», говорит вдруг видевший сон, и есть эксгумация.

Неужели видевший сон прав? Не совсем, потому что ведь вынимался не сам зуб, а только то, что в нем омертвело. Но подобные неточности, судя по другим примерам, вполне можно ожидать от работы сновидения. Видевший сон сгустил, слил в одно умершего отца и мертвый, но сохраненный зуб. Неудивительно, что в явном сновидении получилось что-то бессмысленное, потому что не все, что можно сказать о зубе, подходит к отцу. Где же вообще *Tertium comparationis* * между зубом и отцом, что сделало возможным это сгущение?

И все-таки это, должно быть, именно так, потому что видевший сон продолжает рассказывать, что ему известно, если увидишь во сне выпавший зуб, то это значит, что потеряешь кого-нибудь из членов семьи.

Мы знаем, что это популярное толкование неверно или верно, по крайней мере, только в шуточном смысле. Тем более нас поражает то обстоятельство, что начатую таким образом тему можно проследить и в других фрагментах содержания сновидения.

Без дальнейших требований видевший сон начинает теперь рассказывать о болезни и смерти отца, и также о своем отношении к нему. Отец долго болел, уход и лечение стоили ему, сыну, много денег. И тем не менее ему ничего не было жаль, он никогда не терял терпения, никогда не испытывал желания, чтобы скорее наступил конец. Он хвастает чисто еврейской почтительностью к отцу, строгим выполнением еврейского закона. Но не бросается ли нам в глаза противоречие в относящихся к сновидению мыслях? Он идентифицировал зуб с отцом. По отношению к зубу он хотел поступить по еврейскому закону, приговор которого гласил: вырвать его, если он причиняет боль и досаду. И по отношению к отцу он хотел поступить по предписанию закона, который на этот раз означал, несмотря на затраты и беспокойство, взять всю тяжесть на себя и не допускать никакого враждебного намерения против причиняющего горе объекта. Разве сходство не было бы гораздо более несомненным,

* Третье в сравнении.

если бы он действительно проявил по отношению к больному отцу те же чувства, что и к больному зубу, т. е. пожелал бы, чтобы скорая смерть положила конец его излишнему, страдальческому и дорогостоящему существованию?

Я не сомневаюсь в том, что таково было его действительное отношение к отцу во время его длительной болезни, а хвастливые уверения в его набожной почтительности предназначены для того, чтобы отвлечь внимание от этих воспоминаний. При таких условиях обыкновенно возникает желание смерти тому, кто причиняет беспокойство, и он скрывается под маской сострадания, когда, например, думают: это было бы для него только избавлением. Но заметьте, что в данном случае даже в скрытых мыслях сновидения мы перешагнули какую-то черту. Первая их часть, несомненно, только временно, т. е. во время образования сновидения, бессознательна, но враждебные чувства против отца могли быть длительное время бессознательными, может быть, возникли еще в детские годы, а во время болезни отца постепенно робко и замаскированно проскальзывали в сознание. С еще большей уверенностью мы можем утверждать это о других скрытых мыслях, которые, без сомнения, были представлены в содержании сновидения. Из самого сновидения о враждебных чувствах к отцу ничего нельзя узнать. Но, исследуя истоки такой враждебности к отцу в детстве, мы вспомним, что страх перед отцом существует, потому что уже в самые ранние годы он противится сексуальной деятельности мальчика, как правило, он повторяет это из социальных соображений и после достижения им возраста половой зрелости. Это отношение к отцу свойственно и нашему видевшему сон лицу; к его любви к отцу было прибавлено достаточно уважения и страха, имевших своим источником раннее сексуальное запугивание.

Дальнейшие утверждения явного сновидения объясняются комплексом онанизма. «*Он плохо выглядит*» хотя и относится к словам зубного врача, что будет некрасиво, если вырвать зуб на этом месте, но одновременно это имеет отношение к неважному виду, которым молодой человек в период половой зрелости выдает или боится выдать свою чрезмерную половую деятельность. То, что видевший сон не без облегчения перенес в явном сновидении неважный вид с себя на отца, есть одна из известных вам инверсий в работе сновидения. *С тех пор он продолжает жить* покрывается как желанием воскресить, так и обещанием зубного врача, что зуб сохранится. Но особенно хитроумно предложение «видевший сон делает все, *чтобы он* (*отец*) *этого не заметил*», направленное на то, чтобы склонить нас к дополнению, что он умер. Но единственно разумное дополнение вытекает опять-таки из комплекса онанизма, когда, само собой разумеется, молодой человек делает все, чтобы скрыть от отца свою сексуальную жизнь. Вспомните, наконец, что так называемые сновидения с вырыванием зуба мы должны всегда толковать как онанистические и выражающие страх перед наказанием за онанизм.

Теперь вы видите, как составилось это непонятное сновидение. Произошло странное и вводящее в заблуждение сгущение, в котором все мысли происходят из среды скрытых мыслей и в котором для самых глубо-

ких и отдаленных по времени из этих мыслей создаются ее многозначные замещающие образования.

4. Мы уже неоднократно пытались взяться за те «трезвые» и банальные сновидения, в которых нет ничего бессмысленного или странного, но по отношению к которым встает вопрос: зачем видишь во сне такую чепуху? Я хочу привести еще один пример такого рода, три составляющие одно целое сновидения, приснившиеся в одну ночь молодой даме.

а) *Она идет через залу своего дома и разбивает голову о низко висящую люстру.*

Никаких воспоминаний, ничего, что действительно произошло бы. Ее комментарии ведут совсем по другому пути. «Вы знаете, как сильно у меня выпадают волосы. Дитя, сказала мне вчера мать, если так будет продолжаться, то у тебя голова станет как задняя часть (Роро)». Итак, голова выступает здесь вместо другого конца тела. Люстру мы и сами можем понять символически; все предметы, способные вытягиваться в длину, являются символами мужского члена. Таким образом, речь идет о кровотечении из нижней части тела, которое возникает от столкновения с пенисом. Это могло бы иметь еще несколько значений; ее ассоциативные мысли показывают, что дело заключается в предположении, будто менструация возникает в результате полового акта с мужчиной,— часть сексуальной теории, распространенной среди многих незрелых девушек.

б) *Она видит в винограднике глубокую яму, о которой она знает, что та образовалась благодаря вырванному дереву.* Она замечает при этом, что дерева *у нее нет.* Она имеет в виду, что не видела дерева во сне, но эта фраза служит выражением другой мысли, которая полностью подтверждает символическое толкование. Сновидение относится к другой части детских сексуальных теорий — к убеждению, что первоначально девочки имели такие же гениталии, как и мальчики, и теперешняя их форма образовалась в результате кастрации (вырывания дерева).

в) *Она стоит перед ящиком своего письменного стола, в котором ей все так хорошо знакомо, что она сразу же узнает, если кто-нибудь в нем рылся.* Ящик письменного стола, как всякий ящик, сундук, коробка — женские гениталии. Она знает, что по гениталиям можно узнать об имевшем место половом сношении (как она думает, и прикосновении), и давно боится такого разоблачения. Я думаю, что во всех этих трех сновидениях акцент следует сделать на *познании.* Она вспоминает время своего детского сексуального исследования, результатами которого тогда очень гордилась.

5. Опять немного символики. Но на этот раз в коротком предварительном сообщении я заранее представлю психическую ситуацию. Один господин, который провел любовную ночь с женщиной, описывает свою партнершу как одну из тех материнских натур, у которых при половых сношениях с мужчиной неотвратимо появляется желание иметь ребенка. Но условия той встречи требуют осторожности, из-за которой оплодотворяющее семяизвержение удаляется из женского лона. Проснувшись после этой ночи, женщина рассказывает следующий сон:

На улице ее преследует офицер в красной фуражке. Она убегает от

него, бежит вверх по лестнице, он все за ней. Задыхаясь, она достигает своей квартиры и захлопывает за собой дверь. Он остается снаружи и, как она видит в глазок, сидит снаружи и плачет.

В преследовании офицера в красной фуражке и в том, как она задыхаясь поднимается по лестнице, вы, видимо, узнали изображение полового акта. То, что видевшая сон запирается перед преследователем, может служить примером так часто используемых в сновидении инверсий, потому что ведь в действительности мужчина воздержался от окончания любовного акта. Точно так же она перенесла свою грусть на партнера, так как он плачет в сновидении; одновременно этим делается намек на семяизвержение.

Вы, конечно, когда-нибудь слышали, будто психоанализ утверждает, что все сновидения имеют сексуальное значение. Теперь вы сами в состоянии судить о корректности этого упрека. Вы познакомились со сновидениями, выражающими желания, в которых речь идет об удовлетворении самых ясных потребностей: голода, жажды, тоски по свободе, со сновидениями, выражающими удобство и нетерпение, а также чисто корыстолюбивыми и эгоистическими. Но во всяком случае вы должны запомнить как результат психоаналитического исследования, что сильно искаженные сновидения преимущественно, но опять-таки не исключительно, выражают сексуальные желания.

6. У меня особая причина привести побольше примеров использования символов в сновидении. При нашей первой встрече я жаловался на то, как трудна при преподавании психоанализа демонстрация и как сложно сформировать таким путем убеждения, и вы со мной, несомненно, согласны. Однако отдельные утверждения психоанализа настолько тесно связаны между собой, что убеждение легко может распространиться с одного пункта на большую часть всей теории. О психоанализе можно было бы сказать: кто дает ему палец, того он держит уже за всю руку. Кому ясно объяснение ошибочных действий, тот, по логике вещей, не может не поверить всему остальному. Вторым таким же доступным моментом является символика сновидений. Сообщу вам уже опубликованное сновидение женщины из простонародья, муж которой полицейский и которая, конечно, никогда ничего не слышала о символике сновидений и психоанализе. Судите сами, можно ли назвать произвольным и искусственным его толкование с помощью сексуальных символов.

«...*Затем кто-то ворвался в квартиру, и она в испуге позвала полицейского. Но тот с двумя „бродягами“ спокойно пошел в церковь, к которой вело несколько ступеней. За церковью была гора, а наверху густой лес. На полицейском был шлем, круглый воротник и плащ, у него была темная борода. Оба бродяги, которые мирно шли вместе с полицейским, имели повязанные на бедрах мешкообразные передники. От церкви к горе вела дорога. Она с обеих сторон поросла травой и кустарником, который становился все гуще, а на вершине превращался в настоящий лес*».

Вы без труда узнаете использованные символы. Мужские гениталии изображены тремя лицами, женские — ландшафтом с капеллой, горой и лесом. Вы опять встречаетесь со ступенями в качестве символа полового

акта. То, что в сновидении называется горой, и в анатомии имеет то же название, а именно Mons Veneris, бугор Венеры.

7. Еще одно сновидение, которое можно разъяснить при помощи символов, замечательное и убедительное тем, что сам видевший сон перевел все символы, хотя у него не было никаких предварительных теоретических знаний для толкования сновидений. Такой образ действий весьма необычен, и условия его точно неизвестны.

«*Он гуляет с отцом в каком-то месте, наверное, на Пратере, потому что видна ротонда, перед ней маленькая пристройка, к ней привязан воздушный шар, который кажется довольно плохо надутым. Отец спрашивает его, к чему все это; он удивляется этому, но объясняет ему. Затем они приходят на двор, на котором разложен большой лист жести. Отец хочет оторвать себе от него большой кусок, но сначала оглядывается, не может ли его кто-нибудь заметить. Он говорит ему, что нужно только сказать смотрителю, и тогда он может взять себе без всяких колебаний. Из этого двора вниз ведет лестница в шахту, стены которой обиты мягким, вроде как кожаное кресло. В конце этой шахты длинная платформа, а дальше начинается новая шахта...*»

Сам видевший сон толкует его: ротонда — мои гениталии, воздушный шар перед ней — мой пенис, на мягкость которого я вынужден жаловаться. Следует перевести более детально: ротонда — задняя часть, постоянно причисляемая ребенком к гениталиям, маленькая пристройка — мошонка. В сновидении отец его спрашивает, что все это значит, т. е. о цели и функции гениталий. Вполне естественно обернуть это положение вещей так, чтобы спрашивал он. Так как он никогда не спрашивал отца об этом, мысль сновидения следует понимать как желание принять его условно вроде: «если бы я попросил отца разъяснить сексуальное». Продолжение этой мысли мы скоро найдем в другом месте.

Двор, где разложена жесть, не следует сразу понимать символически, он представляет собой торговое помещение отца. По причине соблюдения тайны я заменил жестью тот материал, которым торгует отец, не изменив ни в чем остальном дословную передачу сновидения. Видевший сон вступил в дело отца и был чрезвычайно поражен той скорее некорректной практикой, на которой по большей части основывается получение прибыли. Поэтому продолжение вышеупомянутой мысли сновидения могло бы гласить: «(если бы я его спросил), он обманул бы меня, как обманывает своих клиентов». По поводу ломки жести, которая служит для изображения деловой нечестности, видевший сон сам дает второе объяснение: она означает онанизм. Это нам не только давно знакомо, но также очень хорошо согласуется с тем, что тайна онанизма выражена посредством противоположности (ведь это можно делать открыто). Далее, как и следовало ожидать, онанистическая деятельность приписывается опять-таки отцу, как и расспросы в первой сцене сновидения. Шахту он сразу же толкует как влагалище, ссылаясь на мягкую обивку стен. То, что спуском, как и подъемом, обычно изображается половой акт во влагалище, я добавлю по собственной инициативе.

Те детали, что за первой шахтой следует длинная платформа, а затем

новая шахта, он сам объясняет биографически. Он долгое время вел половую жизнь, затем отказался от половых сношений вследствие затруднений и теперь надеется опять возобновить их с помощью лечения.

8. Оба следующих сновидения одного иностранца с предрасположенностью к полигамии я приведу вам в доказательство утверждения, что собственное Я проявляется в каждом сновидении, даже если оно скрыто в явном содержании. Чемоданы в сновидении являются женскими символами.

а) *Он уезжает, его багаж доставляется в экипаже на вокзал, много чемоданов один на другом, среди них два больших черных «образцовых» чемодана. В утешение он кому-то говорит: так ведь эти едут только до вокзала.*

В действительности он путешествует с очень большим багажом, во время лечения рассказывает также очень много историй с женщинами. Два черных чемодана соответствуют двум брюнеткам, которые в настоящее время играют в его жизни главную роль. Одна из них хотела приехать вслед за ним в Вену; но по моему совету он отказал ей по телеграфу.

б) Сцена в таможне: *один пассажир открывает свой чемодан и говорит, равнодушно закуривая папиросу: тут ничего нет. Таможенный чиновник, кажется, верит ему, но опускает еще раз руку и находит что-то особенно запрещенное. Тогда пассажир разочарованно говорит: тут ничего не поделаешь.* Он сам — пассажир, я — таможенный чиновник. Обычно он очень искренен в своих признаниях, но решил утаить от меня новую связь с дамой, потому что правильно полагал, что она мне небезызвестна. Неприятное положение быть уличенным он перенес на чужое лицо, так что сам он как будто не появляется в этом сновидении.

9. Вот пример использования символа, о котором я еще не упоминал: *Он встречает свою сестру в сопровождении двух подруг, которые сами сестры. Он подает руку обеим, а сестер нет.*

Никакой связи с действительными событиями. Его мысли уносятся к тому времени, когда он размышлял над своим наблюдением, что грудь девочек развивается так поздно. Итак, обе сестры — это груди, он с удовольствием бы их потрогал, но только чтобы это не были груди его сестры.

10. А вот пример символики смерти в сновидении:

Он идет по очень высокому крутому железному мостику с двумя лицами, имена которых знает, но при пробуждении забывает. Вдруг те двое исчезают, а он видит человека, похожего на привидение, в колпаке и полотняном костюме. Он спрашивает у него, не телеграфист ли он... Нет. Не извозчик ли? Нет. Тогда он идет дальше, еще во сне испытывает сильный страх и, проснувшись, продолжает сновидение фантазией, что железный мост вдруг ломается, и он падает в пропасть.

Лица, о которых подчеркивается, что они неизвестны, что их имена забыты, по большей части очень близкие люди. Видевший сон имеет двух сестер; если бы он хотел им обеим смерти, то было бы вполне справедливо, что за это его постиг бы страх смерти. О телеграфисте он замечает,

что такие люди всегда приносят плохие вести, судя по форменной одежде, это мог быть и фонарщик, который так же тушит фонари, как гений смерти гасит факел жизни. С извозчиком он ассоциирует стихотворение Уланда о морской поездке короля Карла и вспоминает опасное морское путешествие с двумя товарищами, во время которого он играл роль короля из стихотворения. По поводу железного моста ему приходит в голову один несчастный случай последнего времени и глупое выражение: «жизнь есть мост из цепей».

11. Другим примером изображения смерти может служить сновидение:

Неизвестный господин подает за него визитную карточку с черной каймой.

12. Во многих отношениях вас заинтересует следующее сновидение, к предпосылкам которого, правда, относится невротическое состояние.

Он едет по железной дороге. Поезд останавливается в открытом поле. Он полагает, что грозит катастрофа, и надо подумать о том, чтобы спастись бегством, проходит по всем отделениям поезда и убивает всех, кого встречает: кондукторов, машиниста и т. д.

По этому поводу — воспоминание о рассказе друга. На какой-то линии в Италии в полукупе перевозили душевнобольного, но по недосмотру впустили к нему пассажира. Душевнобольной убил спутника. Таким образом, он идентифицирует себя с этим душевнобольным и обосновывает свое право навязчивым представлением, которое его временами мучает, что он должен «устранить всех соучастников». Но затем он сам находит лучшую мотивировку, которая дает повод для сновидения. Вчера в театре он снова увидел девушку, на которой хотел жениться, но оставил, так как она дала ему основание для ревности. При той интенсивности, до которой у него доходит ревность, он действительно сошел бы с ума, если бы женился на ней. Это значит: он считает ее настолько ненадежной, что из ревности должен был бы убивать всех людей, которые попадались ему на пути. Хождение через ряд комнат, в данном случае отделений, как символ состояния в браке (Verheiratetsein) (противоположность единобрачию — Einehe) мы уже знаем.

Об остановке поезда в открытом поле и страхе перед катастрофой он рассказывает: когда однажды во время поездки по железной дороге произошла неожиданная остановка не на станции, одна едущая вместе с ним молодая дама заявила, что, возможно, предстоит столкновение и тогда самым целесообразным было бы убежать [die Beine hoch zu heben — поднять вверх ноги]. Но это «ноги вверх» (die Beine hoch) играло также свою роль во многих прогулках и экскурсиях на лоно природы, которые он предпринимал с той девушкой в первое счастливое время любви. Новый аргумент для того, что он должен был сойти с ума, чтобы теперь жениться на ней. Я мог считать несомненным, зная ситуацию, что у него все еще имелось это желание быть таким сумасшедшим.

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Архаические черты и инфантилизм сновидения

Уважаемые дамы и господа! Позвольте мне опять начать с полученного нами результата, что работа сновидения под влиянием цензуры переводит скрытые мысли в другую форму выражения. Скрытые мысли — это не что иное, как известные нам сознательные мысли нашей жизни в состоянии бодрствования; новый способ их выражения непонятен нам из-за своих многообразных черт. Мы сказали, что он возвращается к тем состояниям нашего интеллектуального развития, которые мы давно преодолели, к образному языку, символическому отношению, может быть, к отношениям, существовавшим до развития языка нашего мышления. Способ выражения работы сновидения мы назвали поэтому *архаическим* или *регрессивным*.

Отсюда вы можете сделать заключение, что благодаря углубленному изучению работы сновидения нам, должно быть, удастся добыть ценные сведения о малоизвестных началах нашего интеллектуального развития. Я надеюсь, что та́к оно и будет, но до сих пор к этой работе еще никто не приступал. Доисторическое время, к которому нас возвращает работа сновидения, двоякого рода: во-первых, это индивидуальное доисторическое время, детство, с другой стороны, поскольку каждый индивидуум в своем детстве каким-то образом вкратце повторяет все развитие человеческого вида, то это доисторическое время также филогенетическое. Возможно, нам удастся различить, какая часть скрытых душевных процессов происходит из индивидуальной, а какая — из филогенетической эпохи. Так, например, мне кажется, что символическое отношение, которому никогда не учился отдельный человек, имеет основание считаться филогенетическим наследием.

Однако это не единственная архаическая черта сновидения. Вы все, вероятно, знаете из собственного опыта о странной амнезии детства. Я имею в виду тот факт, что первые годы жизни до пятого, шестого или восьмого года не оставляют в памяти следов, как более поздние переживания. Правда, встречаются отдельные люди, которые могут похвастаться непрерывными воспоминаниями от раннего детства до настоящего времени, но другие, с провалами памяти,— несравненно более частое явление. Я полагаю, что этот факт не вызывал удивления, которого он заслуживает. В два года ребенок может хорошо говорить, скоро он обнаруживает, что разбирается в сложных душевных ситуациях, и сам высказывает такие суждения, которые многие годы спустя ему пересказывают, так как сам он их забыл. И при этом память в ранние годы более продуктивна, потому что загружена меньше, чем в более поздние годы. Нет также никакого основания считать функцию памяти особенно высокой и трудной деятельностью души; напротив, хорошую память можно встретить у лиц, стоящих на очень низкой ступени интеллектуального развития.

В качестве второй странной особенности, которая дополняет первую, следует выделить то, что из пустоты воспоминаний, охватывающей первые детские годы, всплывают отдельные хорошо сохранившиеся, по большей части наглядные воспоминания, сохранять которые нет никаких оснований. С материалом впечатлений, встречающихся нам в последующей жизни, память распоряжается таким образом, что делает из него выбор. Она сохраняет что-то важное, а от неважного отказывается. С сохранившимися детскими воспоминаниями дело обстоит иначе. Они соответствуют не самым важным переживаниям детских лет, и даже не тем, которые должны бы казаться важными с точки зрения ребенка. Часто они настолько банальны и сами по себе незначительны, что мы только удивляемся, почему именно эта деталь избежала забвения. В свое время я пытался с помощью анализа исследовать загадку детской амнезии и прорывающих ее остатков воспоминаний и пришел к выводу, что все-таки в воспоминаниях у ребенка остается только важное. Лишь благодаря уже знакомым вам процессам сгущения и особенно смещения это важное в воспоминании представляется другим, что кажется неважным. Эти детские воспоминания я назвал поэтому *покрывающими воспоминаниями* (Deckerrinerungen), путем основательного анализа из них можно извлечь все забытое.

При психоаналитическом лечении совершенно закономерно возникает задача заполнить пробел в детских воспоминаниях, и поскольку лечение вообще в какой-то степени удается, и это случается весьма часто, мы в состоянии опять восстановить содержание тех забытых детских лет. Эти впечатления никогда по-настоящему не забываются, они были только недоступными, скрытыми, принадлежали к бессознательному. Но само по себе случается и так, что они всплывают из бессознательного, и происходит это в связи со сновидениями. Оказывается, что жизнь во сне умеет находить доступ к этим скрытым инфантильным переживаниям. В литературе имеются прекрасные тому примеры, и я сам имел возможность опубликовать сообщение о подобном случае. Однажды я видел во сне в определенной связи одно лицо, которое, по всей вероятности, оказало мне услугу и которое я ясно увидел перед собой. Это был одноглазый мужчина маленького роста, толстый, с глубоко сидящей между плечами головой. Из общего контекста я заключил, что он был врач. К счастью, я мог расспросить свою тогда бывшую еще в живых мать, как выглядел врач той местности, где я родился и которую я покинул в три года, и узнал от нее, что он был одноглазый, короткий, толстый, с глубоко сидящей между плечами головой, получил также сведения о том, при каком забытом мной несчастном случае он оказал мне помощь. Таким образом, эта возможность распоряжаться забытым материалом детских лет является другой архаической чертой сновидения.

То же самое относится и к другой из тех загадок, с которыми мы уже до этого столкнулись. Вы помните, с каким удивлением вы все приняли результаты нашего исследования, которые показали, что побудителями сновидений являются злобно-энергичные и безудержные сексуальные желания, сделавшие необходимыми цензуру и искажение

сновидений. Когда мы толковали такое сновидение видевшему сон, он в лучшем случае не оспаривал само толкование, но все-таки постоянно задавал вопрос, откуда у него берется такое желание, так как он воспринимает его как чуждое и осознает противоположное ему. Нам нечего стесняться указаний на их происхождение. Эти злобные желания происходят из прошлого, часто из очень недалекого. Можно показать, что когда-то они были известны и осознанны, хотя теперь этого уже нет. Женщина, сновидение которой означает, что она хотела бы видеть мертвой свою единственную 17-летнюю дочь, под нашим руководством признает, что она когда-то почти желала этой смерти. Ребенок является плодом несчастного, вскоре расторгнутого брака. Когда она носила дочь еще во чреве, однажды после бурной сцены с мужем в припадке ярости она начала колотить кулаками по животу, чтобы убить в нем ребенка. Сколько есть матерей, которые в настоящее время нежно, может быть, чересчур нежно любят своих детей, которые, однако, неохотно встретили их появление на свет и когда-то желали, чтобы жизнь в них прекратилась; да они и переводили это желание в различные, к счастью, безвредные действия. Такое позднее кажущееся загадочным желание смерти любимому лицу происходит, таким образом, из более раннего отношения к нему.

Отец, сновидение которого подтверждает толкование, что он желает смерти своему любимому старшему ребенку, тоже вынужден вспомнить о том, что когда-то это желание было ему не чуждо. Когда этот ребенок был еще грудным младенцем, недовольный своим браком муж часто думал, что если бы маленькое существо, ничего для него не значащее, умерло, он опять был бы свободен и лучше использовал бы эту свободу. Можно обнаружить, что большое число подобных чувств ненависти имеют такое же происхождение; они являются напоминаниями о том, что относилось к прошлому, когда-то было сознательным и играло свою роль в душевной жизни. Отсюда вы захотите сделать вывод, что таких желаний и таких сновидений не должно быть, когда подобные перемены отношения к какому-то лицу не имели места, когда это отношение было ровным с самого начала. Я готов согласиться с этим вашим выводом, хочу только предупредить вас о том, чтобы вы имели в виду не буквальный текст сновидения, а его смысл после толкования. Может случиться, что явное сновидение о смерти любимого лица только надело страшную маску, а означает оно совершенно другое, или любимое лицо выступает обманчивым заместителем другого лица.

Но те же факты вызовут у вас другой, более серьезный вопрос. Вы скажете: если это желание смерти даже имелось когда-то и подтверждается воспоминанием, то это все-таки еще не объяснение, это желание ведь давно преодолено, сегодня оно может существовать в бессознательном только как лишенное аффектов воспоминание, а не как сильное проявление чувства. В пользу последнего ведь ничего не говорит. Зачем же сновидение вообще о нем напоминает? Этот вопрос действительно оправдан; попытка ответить на него завела бы нас слишком далеко и заставила бы определить свои позиции по отношению к одному

из самых значительных моментов теории сновидений. Но я вынужден оставаться в рамках нашего разбора и воздерживаться от лишнего. Смиритесь с этим временным отказом. Будем довольствоваться фактическим указанием на то, что это преодоленное желание, как доказано, является побудителем сновидения, и продолжим исследование относительно того, не выводятся ли и другие злобные желания из прошлого.

Остановимся на желаниях устранения, которые мы в большинстве случаев можем объяснить неограниченным эгоизмом видевшего сон. Можно доказать, что такое желание очень часто является причиной образования сновидения. Всякий раз, когда кто-нибудь встает у нас на пути — а как часто это случается в сложных жизненных отношениях,— сновидение тут же готово его убить, будь то отец, мать, кто-то из братьев и сестер, партнер по браку и т. п. Мы уже достаточно удивлялись этой испорченности человеческой натуры и, конечно, не склонны безоговорочно считать правильным этот результат толкования сновидений. Но если нам указывают на то, что истоки таких желаний надо искать в прошлом, то вскоре мы открываем период индивидуального прошлого, когда такой эгоизм и такие желания даже против самых близких совсем не удивительны. Именно таков ребенок в те первые годы, которые позднее окутываются амнезией, он часто обнаруживает эти резкие проявления эгоизма, постоянно дает почувствовать явную предрасположенность к нему или, вернее, его остатки. Ребенок прежде всего любит самого себя и только позднее учится любить других, жертвовать частицей своего Я ради других. Даже лиц, которых он, кажется, любит с самого начала, он любит только потому, что нуждается в них, не может без них обойтись, так что опять-таки из эгоистических мотивов. Только позднее чувство любви делается независимым от этого эгоизма. Он фактически *на эгоизме научился любви.*

В этой связи будет поучительно сравнить установку ребенка к его братьям и сестрам с установкой к его родителям. Своих братьев и сестер маленький ребенок не всегда любит, часто же явно не любит. Несомненно, что он ненавидит в них конкурентов, и известно, как часто эта установка существует непрерывно в течение долгих лет вплоть до времени зрелости, даже еще дольше. Правда, она достаточно часто сменяется или, лучше сказать, покрывается более нежной, но враждебная, по-видимому вполне закономерно, появляется раньше. Легче всего ее наблюдать у ребенка от 2,5 до 4 и 5 лет, если появляется новый братик или сестренка. В большинстве случаев это встречает очень недружелюбный прием. Выражения вроде: «Я его не люблю, пусть аист опять возьмет его с собой» весьма обычны. Впоследствии используется любая возможность унизить пришельца и даже попытки искалечить его, прямые покушения на него не являются неслыханными происшествиями. Если разница лет менее значительна, то при пробуждении более интенсивной душевной деятельности ребенок находит конкурента уже на месте и приспосабливается к нему. Если разница больше, то новый ребенок с самого начала может вызвать определенные симпатии как интересный объект, как живая кукла, а при разнице в во-

семь лет и более, особенно у девочек, уже могут проявиться заботливые, материнские чувства. Но, откровенно говоря, если за сновидением открываешь желание смерти братьям и сестрам, не нужно считать его необъяснимым, его прототип без труда находишь в раннем детском возрасте, довольно часто — также и в более поздние годы совместной жизни.

Вероятно, нет ни одной детской без ожесточенных конфликтов между ее обитателями. Мотивами являются борьба за любовь родителей, за обладание общими вещами, за место в комнате. Враждебные чувства направляются как против более старших, так и против более младших братьев и сестер. Кажется, Бернард Шоу высказал мысль: «Если есть кто-то, кого молодая английская дама ненавидит больше, чем свою мать, то это ее старшая сестра». Но в этом изречении есть нечто удивительное для нас. Ненависть братьев и сестер и соперничество мы можем в крайнем случае понять, но как может возникнуть ненависть в отношениях между дочерью и матерью, родителями и детьми?

Это отношение и детьми оценивается несомненно как более благоприятное. Оно соответствует также нашим ожиданиям; мы считаем значительно более предосудительным, если не хватает любви между родителями и детьми, чем между братьями и сестрами. В первом случае мы, так сказать, считаем святым то, что в другом является обычным. Однако повседневное наблюдение показывает, как часто чувства между родителями и взрослыми детьми не соответствуют поставленному обществом идеалу, сколько в них накопилось враждебности, готовой прорваться, если бы ее не сдерживало немного почтительности и нежных чувств. Мотивы этого общеизвестны и обнаруживают тенденцию отделить лиц того же пола, дочь от матери, отца от сына. Дочь находит в матери силу, которая ограничивает ее волю и на которую возложена миссия провести в жизнь требуемый обществом отказ от сексуальной свободы, в отдельных случаях еще и конкурентку, которая противится вытеснению. То же самое, но в еще более резкой форме повторяется между отцом и сыном. Для сына в отце воплощается любое насильственное социальное принуждение; отец закрывает ему доступ к проявлению собственной воли, к преждевременному сексуальному наслаждению и к пользованию общесемейным достоянием там, где оно имеется. У престолонаследника желание смерти отца вырастает до размеров, граничащих с трагедией. Менее опасным представляется отношение между отцом и дочерью, матерью и сыном. Последнее дает чистейшие образцы ненарушенной никакими эгоистическими соображениями неизменной нежности [27].

Для чего я говорю об этих банальных и общеизвестных вещах? Потому что имеется очевидное стремление отрицать их значение в жизни и выдавать социально обусловленный идеал за осуществленный гораздо чаще, чем он в действительности осуществляется. Но лучше, если правду скажет психолог, чем циник. Во всяком случае, это отрицание относится только к реальной жизни. Но литературе и драматической поэзии предоставляется свободно пользоваться мотивами, вытекающими из нарушения этого идеала.

Итак, нам не следует удивляться тому, что у большого числа людей сновидение обнаруживает желание устранить родителей, а именно того из них, кто одного пола с видевшим сон. Смеем предположить, что это желание имеется в состоянии бодрствования и даже иногда осознается, если оно может замаскироваться под другой мотив, например, под сострадание к ненужным мучениям отца, как это было у видевшего сон в примере 3. Редко одна только враждебность определяет отношение, гораздо чаще за ней выступают более нежные побуждения, которыми она подавляется и должна выжидать до тех пор, пока сновидение ее как бы изолирует. То, что сновидение с помощью такой изоляции изображает преувеличенным, затем опять уменьшается, когда после нашего толкования включается в общую жизненную связь (Sachs, 1912, 569). Но мы находим это желание сновидения даже там, где оно не имеет связи с жизнью и где взрослый никогда не признался бы в нем в бодрствующем состоянии. Причина этого в том, что самый глубокий и постоянный мотив отчуждения, особенно между лицами одного пола, появляется уже в раннем детском возрасте.

Я имею в виду соперничество в любви явно полового характера. Сын уже маленьким ребенком начинает испытывать особую нежность к матери, которую он считает своей собственностью, а отца воспринимает как конкурента, который оспаривает у него это исключительное обладание, и точно так же маленькая дочь видит в матери лицо, мешающее ее нежному отношению к отцу и занимающее место, которое она сама с удовольствием бы заняла. Из наблюдений следует узнать, до какого раннего возраста доходит эта установка, которую мы называем *Эдиповым комплексом*[28], потому что в легенде об Эдипе реализуются с совершенно незначительным ослаблением оба крайних желания, вытекающие из положения сына,— убить отца и взять в жены мать. Я не хочу утверждать, что Эдипов комплекс исчерпывает отношение детей к родителям, оно может быть намного сложнее. Эдипов комплекс может быть также более или менее сильно выражен, может сам претерпеть противоположное выражение, но он постоянный и очень значительный фактор душевной жизни ребенка, и возникает опасность скорее недооценить его влияние и обусловленное им развитие, чем переоценить его. Во всяком случае, дети часто реагируют эдиповой установкой на чувство родителей, которые довольно часто руководствуются половым различием в своем любовном выборе, так что отец предпочитает дочь, мать — сына, а в случае охлаждения в браке заменяют ими обесцененный объект любви.

Нельзя сказать, чтобы мир был очень благодарен психоаналитическому исследованию за открытие Эдипова комплекса. Наоборот, оно вызвало самый яростный протест взрослых, и лица, которые упустили возможность принять участие в отрицании этого предосудительного или запретного чувственного отношения, исправили впоследствии свою ошибку посредством перетолкований, лишив комплекс его значения. По моему твердому убеждению, здесь нечего отрицать и нечего приукрашивать. Следует примириться с фактом, который даже греческим сказанием

признается как неумолимый рок. Интересно, что исключенный из жизни Эдипов комплекс предоставляется поэзии, как бы передается в ее полное распоряжение. О. Ранк в тщательно проведенном исследовании (1912в) показал, что именно Эдипов комплекс дал драматической поэзии богатые мотивы в бесконечных измененных, смягченных и замаскированных формах, т. е. в таких искажениях, в каких мы узнаем результат действия цензуры. Этот Эдипов комплекс мы можем, таким образом, приписать также тем лицам, которым посчастливилось избежать в дальнейшей жизни конфликтов с родителями, и в тесной связи с ним мы находим то, что называем *комплексом кастрации*, реакцию на приписываемое отцу сексуальное запугивание или подавление ранней детской сексуальной деятельности.

Ссылаясь на уже проведенные исследования детской душевной жизни, мы смеем также надеяться, что подобным же образом будет найдено объяснение происхождения другой части запретных желаний сновидений, чрезмерных сексуальных чувств. Таким образом, у нас возникает стремление изучать развитие детской сексуальной жизни, и мы узнаем при этом из многочисленных источников следующее: недопустимой ошибкой является, прежде всего, отрицание у ребенка сексуальной жизни и предположение, что сексуальность начинается только ко времени полового созревания вместе с созреванием гениталий. Напротив, у ребенка с самого начала имеется богатая сексуальная жизнь, которая во многом отличается от той, которую позднее принято считать нормальной. То, что в жизни взрослых мы называем «извращением», отличается от нормы следующими свойствами: во-первых, выходом за пределы вида (пропасть между животным и человеком), во-вторых, выходом за границы отвращения, в-третьих, выходом за пределы инцеста (запрет сексуального удовлетворения с близкими по крови родственниками), в-четвертых, гомосексуальными отношениями и, в-пятых, перенесением функций гениталий на другие органы и участки тела. Все эти ограничения не существуют с самого начала, а создаются лишь постепенно в ходе развития и воспитания. Маленький ребенок свободен от них. Он еще не знает страшной пропасти между человеком и животным; высокомерие, отличающее человека от животного, возникает у него лишь позднее. Сначала у него нет отвращения к экскрементам, он узнает о нем постепенно под давлением воспитания; он не придает особого значения различию полов, скорее, предполагает у обоих одинаковую форму гениталий; он направляет свои первые сексуальные влечения и свое любопытство на самых близких и по разным причинам самых любимых лиц — родителей, братьев и сестер, ухаживающих за ним людей и, наконец, у него обнаруживается то, что вновь прорывается позже при наибольшей силе любовного отношения, а именно то, что он получает удовольствие не только от половых органов, но что многие другие участки тела обладают той же чувствительностью, доставляют аналогичные ощущения наслаждения и могут, таким образом, играть роль гениталий. Таким образом, ребенок может быть назван «полиморфно извращенным», и если у него проявляются лишь следы всех

этих чувств, то это происходит, с одной стороны, из-за незначительной их интенсивности по сравнению с более поздними годами жизни, с другой стороны, из-за того, что воспитание сразу же энергично подавляет все сексуальные проявления ребенка. Это подавление переходит, так сказать, в теорию, когда взрослые стараются не замечать какую-то часть детских сексуальных проявлений и лишить сексуальной природы путем перетолкования другую ее часть, пока они затем не начинают отрицать все. Часто это те же люди, которые только в детской негодуют из-за всех сексуальных дурных привычек детей, а затем за письменным столом защищают сексуальную чистоту тех же детей. Там, где дети предоставлены самим себе или были соблазнены, они часто обнаруживают довольно значительные извращения. Разумеется, взрослые правы, относясь к этому несерьезно как к «ребячеству» и «забавам», потому что ребенка нельзя судить ни судом нравственности, ни по закону, но ведь эти вещи существуют, они имеют значение как признаки врожденной конституции, а также как благоприятствующие причины дальнейшего развития, они многое нам открывают в детской сексуальной жизни, а вместе с тем и в сексуальной жизни человека вообще. Итак, когда за своими искаженными сновидениями мы опять находим все эти извращенные желания, то это только означает, что сновидение и в этой области сделало шаг назад к инфантильному состоянию.

Среди этих запретных желаний особого упоминания заслуживают еще инцестуозные, т. е. направленные на половой акт с родителями, братьями и сестрами. Вы знаете, какое отвращение чувствует или, по крайней мере, проявляет человеческое общество против половых отношений такого рода и какое внимание обращается на запреты, направленные против этого. Прилагались самые невероятные усилия, чтобы объяснить этот страх перед инцестом. Одни предполагали, что это соображения улучшения вида в природе, психически представленные в этом запрете, потому что инцухт ухудшил бы характерные признаки рас, другие утверждали, что благодаря совместной жизни с раннего детства сексуальное вожделение к указанным лицам ослабевает. В обоих случаях, впрочем, избегание инцеста было бы обеспечено автоматически, и непонятно, зачем нужны строгие запреты, которые свидетельствуют скорее о наличии сильного вожделения. Психоаналитические исследования недвусмысленно показали, что инцестуозный выбор объекта любви является, напротив, первым и обычным, и только впоследствии против него возникает сопротивление, происхождение которого из индивидуальной психологии следует, видимо, отрицать.

Сопоставим теперь, что же нам дало углубление в изучение детской психологии для понимания сновидения. Мы обнаружили не только то, что для сновидения доступен материал забытых детских переживаний, но увидели также, что душевная жизнь детей со всеми своими особенностями, эгоизмом, инцестуозным выбором объекта любви и т. д. еще продолжает существовать для сновидения, т. е. в бессознательном, и что сновидение каждую ночь возвращает нас на эту инфантильную

ступень. Таким образом, подтверждается, что *бессознательное душевной жизни есть инфантильное.* Странно-неприятное впечатление, что в человеке так много злого, начинает ослабевать. Это страшно злое — просто первоначальное, примитивное инфантильное в душевной жизни, открытое проявление которого мы можем найти у ребенка, но чего мы отчасти не замечаем из-за его незначительности, потому что не требуем от ребенка этического совершенства. Сновидение, спустившись на эту ступень, создает впечатление, будто оно раскрывает в нас это злое. Но это всего лишь заблуждение, которое нас так пугало. Мы не так уж злы, как можно было предположить после толкования сновидений.

Если эти злые проявления в сновидениях всего лишь инфантилизмы, возвращающие нас к истокам нашего этического развития, делающие нас во сне опять просто детьми по мыслям и чувствам, то благоразумно было бы не стыдиться этих злых сновидений. Но благоразумие является только частью душевной жизни, кроме того в душе происходит еще много такого, что не разумно, и поэтому случается так, что мы неблагоразумно стыдимся таких сновидений. Мы подвергаем их цензуре, стыдимся и сердимся, если в исключительных случаях одному из этих желаний удается проникнуть в сознание в настолько неискаженной форме, что нам приходится его узнать; правда, искаженных сновидений мы точно так же стыдимся, как будто мы их понимаем. Вспомните хотя бы негодование той славной старой дамы по поводу ее неистолкованного сновидения о «любовных услугах». Так что проблема еще не решена, и возможно, что при дальнейшем изучении злого в сновидении мы придем к другому суждению и к другой оценке человеческой природы.

В результате исследования мы приходим к двум положениям, которые, однако, ведут за собой лишь новые загадки, новые сомнения. Во-первых, регрессия работы сновидения не только формальна, но и материальна. Она не только переводит в примитивную форму выражения наши мысли, но и вновь оживляет все характерные черты нашей примитивной душевной жизни, прежнее всемогущество Я, первоначальные проявления сексуальной жизни, даже древнее достояние нашего интеллекта, если символическое отношение можно признать за таковое. И во-вторых, все это давнее инфантильное, что когда-то самодержавно господствовало, мы должны теперь причислить к бессознательному, представления о котором теперь меняются и расширяются. Бессознательное — это не только название временно скрытого, бессознательное — это особая душевная область со своими собственными желаниями, собственным способом выражения и свойственными ему душевными механизмами, которые иначе не действуют. Но скрытые мысли, о которых мы узнали благодаря толкованию сновидений, все-таки не из этой области; они, скорее, такие, какими могли бы быть и в состоянии бодрствования. И все же они бессознательны; как разрешается это противоречие? Мы начинаем подозревать, что здесь следует произвести подразделение. Нечто, что происходит из нашей сознательной жизни и имеет ее признаки — мы называем это остатками дневных впечатлений,— соединяется для образования сновидения с чем-то другим из области бессоз-

нательного. Между этими двумя частями и развертывается работа сновидения. Влияние остатков дневных впечатлений благодаря присоединяющемуся бессознательному является, по-видимому, условием регрессии. В этом заключается самое глубокое понимание сущности сновидения, которого мы можем достичь, прежде чем изучим другие области душевной жизни. Но скоро настанет время дать бессознательному характеру скрытых мыслей сновидения другое название с целью отличить их от бессознательного из области инфантильного.

Мы, естественно, можем также поставить вопрос: что вынуждает психическую деятельность во время сна на такую регрессию? Почему она не справляется с нарушающими сон психическими раздражениями без последней? И если из-за цензуры сновидения она вынуждена пользоваться для маскировки архаичной, теперь непонятной формой выражения, то для чего ей служит возрождение давних, теперь преодоленных душевных движений, желаний и характерных черт, т. е. материальная регрессия, которая присоединяется к формальной? Единственный удовлетворяющий нас ответ заключался бы в том, что только таким образом может образоваться сновидение, что иначе невозможно динамически снять раздражение во сне. Но пока мы не вправе давать такой ответ.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Исполнение желания

Уважаемые дамы и господа! Не стоит ли мне еще раз показать вам пройденный нами путь? Как мы, применяя нашу технику, натолкнулись на искажение сновидения, раздумывали сначала, как бы его обойти, и получили важнейшие сведения о сущности сновидения из инфантильных сновидений? Как мы затем, вооруженные результатами этого исследования, занялись непосредственно искажением сновидения и, надеюсь, шаг за шагом преодолели его? Но теперь мы должны признать, что найденное тем и другим путем не совсем совпадает. Перед нами встает задача сопоставить оба результата и соотнести их между собой.

С обеих сторон мы пришли к выводу, что работа сновидения, в сущности, состоит в переводе мыслей в какое-то галлюцинаторное переживание. Как это происходит, представляется весьма загадочным, но это является проблемой общей психологии, которая не должна нас здесь занимать. Из детских сновидений мы узнали, что работа сновидения стремится к устранению нарушающего сон душевного раздражения при помощи исполнения желания. Об искаженных сновидениях мы не могли сказать ничего подобного, пока не научились их толковать. Но с самого начала мы предположили, что сможем рассматривать искаженные сновидения с тех же позиций, что и инфантильные. Первым же подтверждением этого предположения стало сделанное нами открытие, что,

собственно говоря, все сновидения являются детскими сновидениями, работают с детским материалом, с детскими душевными движениями и при помощи детских механизмов. Считая искажение сновидения снятым, мы должны приступить к исследованию того, может ли быть распространено положение об исполнении желания на искаженные сновидения.

Недавно мы подвергли толкованию ряд сновидений, но совсем упустили из виду исполнение желания. Убежден, что при этом у вас неоднократно напрашивался вопрос: куда же делось исполнение желания, которое, видимо, является целью сновидения? Это важный вопрос, именно его и стали задавать наши доморощенные критики. Как вы знаете, человечество обладает инстинктивной оборонительной реакцией на интеллектуальные новшества [29]. Она выражается в том, что такое новшество сразу же низводится до самой незначительной величины, по возможности сводится к лозунгу. Этим лозунгом для новой теории сновидения стало исполнение желания. Дилетант задает вопрос: где же исполнение желания? Сразу же после того, как он услышал, что сновидение должно быть исполнением желания, он, задавая этот вопрос, отвечает на него отрицательно. Ему сразу же приходят в голову многочисленные собственные сновидения, с которыми было связано неприятное чувство вплоть до гнетущего страха, так что данное утверждение психоаналитической теории сновидения кажется ему совершенно невероятным. Нам нетрудно ответить ему, что при искаженных сновидениях исполнение желания не может быть очевидным, а его необходимо поискать, так что без толкования сновидения указать на него нельзя. Мы также знаем, что желания этих искаженных сновидений — запрещенные, отвергнутые цензурой желания, существование которых как раз и стало причиной искажения, мотивом для вмешательства цензуры. Но критику-дилетанту трудно доказать, что до толкования сновидения нельзя спрашивать об исполнении его желания. Однако он об этом постоянно забывает. Его отрицательная позиция по отношению к теории исполнения желания является, собственно, не чем иным, как следствием цензуры сновидения, замещением и результатом отрицания этих прошедших цензуру желаний сновидения.

Разумеется, и у нас возникает потребность найти объяснение тому, что есть много мучительных и, в частности, страшных сновидений. При этом мы впервые сталкиваемся с проблемой аффектов в сновидении, которая заслуживает изучения сама по себе, но к сожалению, мы не можем ею заняться. Если сновидение является исполнением желания, то во сне невозможны мучительные ощущения, в этом критики-дилетанты, по-видимому, правы. Но нужно принять во внимание три вида осложнений, о которых они не подумали.

Во-первых, может быть, что работе сновидения не вполне удалось осуществить исполнение желания, так что часть мучительного аффекта мыслей сновидения остается в явном сновидении. Тогда анализ должен был бы показать, что эти мысли были еще более мучительными, чем получившееся из них сновидение. Каждый раз это и удается доказать. Тогда мы соглашаемся, что работа сновидения не достигла своей цели,

так же как сновидение, в котором пьешь под влиянием жажды, мало достигает цели утолить жажду. Ее продолжаешь испытывать, и нужно проснуться, чтобы попить. И все-таки это было настоящее сновидение, в его сущности ничего не изменилось. Мы должны сказать: Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas *. По крайней мере, заслуживает похвалы ясно выраженное намерение. Такие случаи неудачи нередки. Этому содействует то, что работе сновидения намного труднее изменить в нужном смысле аффекты, чем содержание; аффекты иногда очень устойчивы. Вот и получается, что работа сновидения превратила мучительное содержание мыслей сновидения в исполнение какого-то желания, в то время как мучительный аффект прорывается в еще неизмененном виде. В таких сновидениях аффект совершенно не соответствует содержанию, и наши критики могут сказать, что сновидение настолько далеко от исполнения желания, что в нем даже безобидное содержание может ощущаться как мучительное. На это неразумное замечание мы ответим, что именно в таких сновидениях стремление работы сновидения исполнить желание вследствие его [стремления] изолированности проявляется яснее всего. Ошибка происходит от того, что тот, кто не знает неврозов, представляет себе связь между содержанием и аффектом слишком тесной и поэтому не может понять, что содержание может меняться, не изменяя относящееся к нему аффективное проявление.

Второй, гораздо более важный и глубокий момент, который также недооценивается дилетантом, следующий. Исполнение желания, конечно, должно было бы доставить наслаждение, но, спрашивается, кому? Разумеется, тому, кто имеет желание. Но о видевшем сон нам известно, что он относится к своим желаниям совершенно особо. Он отвергает их, подвергает цензуре, одним словом, не терпит их. Таким образом, их исполнение может доставить ему не наслаждение, а только противоположное чувство. Далее опыт показывает, что это противоположное чувство, которое следует еще объяснить, выступает в форме страха. Видевшего сон в отношении к его желаниям во сне можно сравнить только с существом, состоящим из двух лиц, очень тесно связанных, однако, между собой. Взамен дальнейших рассуждений предлагаю вам послушать известную сказку, в которой вы найдете те же отношения. Добрая фея обещает бедной супружеской паре, мужу и жене, исполнение их первых трех желаний. Они счастливы и собираются тщательно выбрать эти три желания. Но жена соблазняется запахом жареных сосисок из соседней хижины и желает получить пару таких сосисок. Через мгновение они уже здесь — и первое желание исполнено. Тогда муж сердится и в горькой обиде желает, чтобы сосиски повисли у жены на носу. Это тоже исполняется, и сосиски нельзя удалить с их нового места пребывания — вот исполнилось и второе желание, но уже желание мужа; жене исполнение этого желания очень неприятно. Вы знаете, что происходит дальше в сказке. Так как оба, в сущности, составляют

---

* Пусть недостало сил, похвалы достойно усердие (Публий Овидий Назон).– *Примеч. ред. перевода.*

все-таки одно, мужа и жену, то третье желание заключается в том, чтобы сосиски оставили нос жены. Мы можем использовать эту сказку еще много раз в другой связи; здесь она служит только иллюстрацией того, что исполнение желания одного может вызвать неприятное чувство у другого, если оба не согласны между собой.

Теперь нам будет нетрудно еще лучше понять страшные сновидения. Мы только привлечем еще одно наблюдение и тогда решимся высказать предположение, в защиту которого можно привести много доводов. Наблюдение состоит в том, что страшные сновидения часто имеют содержание, совершенно свободное от искажения, так сказать, избежавшее цензуры. Страшное сновидение часто является неприкрытым исполнением желания, естественно, не приятного, а отвергаемого желания. Вместо цензуры появляется страх. Если о детском сновидении можно сказать, что оно является исполнением дозволенного желания, об обыкновенном искаженном сновидении — что оно замаскированное исполнение вытесненного желания, то для страшного сновидения подходит только формула, что оно представляет собой неприкрытое исполнение вытесненного желания. Страх является признаком того, что вытесненное желание оказалось сильнее цензуры, что, несмотря на нее, оно все-таки пробилось к исполнению или было готово пробиться. Мы понимаем, что то, что для него является исполнением желания, для нас, поскольку мы находимся на стороне цензуры сновидения, может быть только поводом для мучительных ощущений и отпора. Появляющийся при этом в сновидении страх, если хотите, есть страх перед силой этих обычно сдерживаемых желаний. Почему этот отпор проявляется в форме страха, нельзя понять, изучая только сновидения; очевидно, нужно изучать страх по другим источникам.

Все, что справедливо для неискаженных страшных сновидений, мы можем предположить также для таких сновидений, которые претерпели частичное искажение, и для прочих неприятных сновидений, мучительные ощущения которых, вероятно, близки к страху. Страшное сновидение обычно ведет к пробуждению; мы имеем обыкновение прерывать сон, прежде чем вытесненное желание сновидения пробьется через цензуру к своему полному исполнению. В этом случае результат сновидения оказывается негативным, но его сущность от этого не меняется. Мы сравнивали сновидение с ночным сторожем, охраняющим наш сон, чтобы ему не помешали. И ночной сторож попадает в такое положение, когда он будит спящих, а именно тогда, когда чувствует себя слишком слабым, чтобы устранить помеху или опасность. И все-таки нам иногда удается продолжать спать, даже если сновидение становится тревожным и начинает зарождаться страх. Мы говорим себе во сне: ведь это только сон — и продолжаем спать.

Когда же случается так, что желание сновидения оказывается в состоянии преодолеть цензуру? Условие для этого может возникнуть как со стороны желания сновидения, так и со стороны цензуры. По непонятным причинам желание может стать иной раз чересчур сильным; но у нас складывается впечатление, что чаще вина за это смещение соотно-

шения действующих сил лежит на цензуре сновидения. Мы уже знаем, что цензура работает в каждом отдельном случае с разной интенсивностью, к каждому элементу относится с разной степенью строгости; здесь нам хотелось бы высказать еще одно предположение, что она вообще весьма вариабельна и не всегда одинаково строга к одному и тому же неприличному элементу. Если случится так, что она на какой-то момент почувствует себя бессильной перед каким-либо желанием сновидения, угрожающим захватить ее врасплох, то вместо искажения она прибегает к последнему оставшемуся ей средству — отказаться от состояния сна под влиянием нарастающего страха.

При этом нам бросается в глаза, что мы ведь вообще не знаем, почему эти скверные, отвергнутые желания дают о себе знать именно в ночное время, чтобы нарушить наш сон. Ответ может дать только предположение, учитывающее природу состояния сна. Днем на эти желания тяжело давит цензура, не дающая им, как правило, возможности проявиться в каком-то действии. В ночное время эта цензура, вероятно, как все другие интересы душевной жизни, сводится к единственному желанию спать или же, по крайней мере, сильно ослабляется. Этому ослаблению цензуры в ночное время запретные желания и обязаны тем, что могут снова оживать. Есть нервные больные, страдающие бессонницей, которые признавались нам, что сначала они сами хотели своей бессонницы. Они не решались уснуть, потому что боялись своих сновидений, т. е. последствий этого ослабления цензуры. Вы, правда, легко заметите, что эту приостановку деятельности цензуры все же не следует оценивать как большую неосторожность. Состояние сна лишает нас способности двигаться; наши дурные намерения, если они и начинают шевелиться, не могут привести ни к чему иному, как к практически безвредному сновидению, и на это успокоительное состояние указывает в высшей степени благоразумное замечание спящего, относящееся, правда, к ночи, но не к жизни во сне: ведь это только сон, поэтому предоставим ему свободу действия и будем продолжать спать.

Если, в-третьих, вы вспомните о том, что мы представили видевшего сон борющимся со своими желаниями, состоящим из двух отдельных, но каким-то образом очень тесно связанных лиц, то признаете и другую возможность: как благодаря исполнению желания может осуществиться то, что в высшей степени неприятно,— а именно наказание. Здесь нам опять может помочь сказка о трех желаниях: жареные сосиски на тарелке были прямым исполнением желания первого лица, жены; сосиски на ее носу были исполнением желания второго лица, мужа, но одновременно и наказанием за глупое желание жены. При неврозах мы находим затем мотивацию третьего желания, которое еще осталось в сказке. В душевной жизни человека много таких наказуемых тенденций; они очень сильны, и их можно считать ответственными за некоторую часть мучительных сновидений. Теперь вы, может быть, скажете, что при этих условиях от хваленого исполнения желания остается немногое. Но при более пристальном рассмотрении придете к заключению, что не правы. По сравнению с более поздними указаниями на многообразие

того, чем могло бы быть сновидение,— а по мнению многих авторов, чем оно и является на самом деле,— представление о сновидении как исполнении желания — переживании страха — исполнении наказания — оказывается все-таки весьма ограниченным. К этому нужно прибавить то, что страх есть прямая противоположность желания, что противоположности в ассоциации особенно близки друг другу, а в бессознательном, как мы узнали, совпадают, далее то, что наказание тоже является исполнением желания, но другого — цензурирующего лица.

Итак, я в общем не сделал никаких уступок вашему возражению против теории исполнения желания. Но мы обязаны доказать исполнение желания в любом искаженном сновидении и, конечно, не собираемся отказываться от этой задачи. Вернемся к уже истолкованному сновидению о трех плохих театральных билетах за 1 гульден 50 кр., на примере которого мы уже многому научились. Надеюсь, вы его еще помните. Дама, муж которой сообщил ей днем, что ее подруга Элиза, которая моложе нее на три месяца, обручилась, видит во сне, что она сидит в театре со своим мужем. Одна сторона партера почти пуста. Ее муж говорит ей, что Элиза с женихом тоже хотели пойти в театр, но не смогли, так как достали только плохие места, три за один гульден пятьдесят. Она полагает, что в этом нет никакого несчастья. Мы догадались, что мысли сновидения выражали досаду на раннее замужество и недовольство своим мужем. Любопытно, как эти мрачные мысли были переработаны в исполнение желания и где кроется его след в явном сновидении. Мы уже знаем, что элемент «слишком рано, поспешно» устранен из сновидения цензурой. Намеком на него является пустой партер. Загадочное «три за один гульден пятьдесят» становится теперь более понятным с помощью символики, с которой мы за это время познакомились. Эта тройка в действительности означает мужчину, и явный элемент легко можно перевести: купить себе мужа за приданое («за мое приданое я могла бы себе купить в десять раз лучшего»). Замужество явно замещено посещением театра *. «Слишком ранняя покупка билетов» прямо замещает слишком раннее замужество. Но это замещение является делом исполнения желания. Наша дама не всегда была так недовольна своим ранним замужеством, как в тот день, когда она получила известие о помолвке своей подруги. В свое время она гордилась им и чувствовала свое превосходство перед подругой. Наивные девушки часто после помолвки выражают радость, что теперь скоро пойдут в театр на все до сих пор запрещенные пьесы и все увидят. Доля страсти к подглядыванию или любопытства, которая здесь проявляется, была сначала определенно сексуальной страстью к подглядыванию, направленной на половую жизнь, особенно родителей, и затем стала сильным мотивом, побуждавшим девушку к раннему замужеству. Таким образом, посещение театра становится понятным намекающим заместителем для замужества. Так что в своей теперешней досаде на свое раннее заму-

* О другом напрашивающемся толковании этой тройки у бездетной женщины я не упоминаю, так как настоящий анализ не дал этого материала.

жество она возвращается к тому времени, когда оно было исполнением желания, потому что удовлетворяло страсть к подглядыванию, а под влиянием этого прежнего желания замужество замещается посещением театра.

Мы можем сказать, что выбрали не самый удачный пример для доказательства исполнения скрытого желания. Аналогичным образом мы должны были бы поступить и с другими искаженными сновидениями. Я не могу этого сделать и хочу только выразить убеждение, что это всюду удастся. Но на этом моменте теории мне хочется еще задержаться. Опыт показал мне, что во всей теории сновидения этот момент самый уязвимый и что многие возражения и недоразумения связаны с ним. Кроме того, у вас, может быть, сложится впечатление, что я уже отчасти отказался от своего утверждения, сказав, что сновидение является выполненным желанием или его противоположностью — осуществленным страхом или наказанием, и подумаете, что это удобный случай для того, чтобы вынудить меня на дальнейшие уступки. Я слышал также упрек в том, что излагаю вещи, кажущиеся мне очевидными, слишком сжато и потому недостаточно убедительно.

Если кто-нибудь следовал за нами в толковании сновидений до этого места и принял все, что оно нам до сих пор дало, то нередко перед вопросом об исполнении желания он останавливается и спрашивает: допустим, что каждое сновидение имеет смысл, и этот смысл можно вскрыть при помощи психоаналитической техники, почему же этот смысл, вопреки всякой очевидности, обязательно должен быть втиснут в формулу исполнения желания? Почему смысл этого ночного мышления не может быть настолько же разнообразным, как и смысл дневного мышления, т. е. сновидение может соответствовать один раз одному исполненному желанию, в другой раз, как вы сами говорите, его противоположности, какому-то действительному опасению, а затем выражать и какое-то намерение, предостережение, рассуждение за и против или упрек, укор совести, попытку подготовиться к предстоящему действию и т. д.? Почему же всегда одно желание или в лучшем случае еще его противоположность?

Можно было бы подумать, что разногласие в этом вопросе не так важно, если во всем остальном с нами согласны. Достаточно того, что мы нашли смысл сновидения и пути, чтобы его узнать; в сравнении с этим не имеет большого значения то, что мы вынуждены ограничить этот смысл, однако это не так. Недоразумение в этом пункте затрагивает самую суть наших представлений о сновидении и ставит под сомнение их значение для понимания невроза. Кроме того, та уступчивость, которая в коммерческом мире ценится как «предупредительность», в науке неуместна и, скорее всего, вредна.

Мой первый ответ на вопрос, почему сновидение не должно быть в указанном смысле многозначным, гласит, как обычно в таких случаях: я не знаю, почему так не должно быть. Я бы не имел ничего против. Пусть будет так. Лишь одна мелочь противоречит этому более широкому и более удобному пониманию сновидения, а именно то, что в дейст-

вительности это не так. Второй мой ответ подчеркивает, что мне самому не чуждо предположение о соответствии сновидения многообразным формам мышления и интеллектуальных операций. Я как-то сообщал в одной истории болезни о сновидении, являвшемся три ночи подряд и больше не повторявшемся, и объяснил этот случай тем, что сновидение соответствовало *намерению*, которому незачем было повторяться после того, как оно было выполнено. Позднее я опубликовал пример одного сновидения, соответствовавшего признанию. Как же я все-таки могу утверждать, что сновидение представляет собой всегда только исполненное желание?

Я делаю это потому, что не хочу допускать глупого недоразумения, которое может лишить нас результатов всех наших усилий в анализе сновидений, недоразумения, при котором сновидение путают со скрытыми его мыслями и высказывают о нем то, что относится к этим последним и только к ним. Абсолютно правильно, что сновидение может представлять все это и быть заменено тем, что мы уже перечислили: намерением, предостережением, рассуждением, приготовлением, попыткой решения какой-то задачи и т. д. Но если вы присмотритесь, то увидите, что все это относится только к скрытым мыслям сновидения, превратившимся в сновидение. Из толкований сновидений вы знаете, что бессознательное мышление людей занято такими намерениями, приготовлениями, размышлениями и т. д., из которых затем работа сновидения делает сновидения. Если вас пока не интересует работа сновидения, но очень интересует бессознательная работа мышления человека, то исключите работу сновидения и скажите о сновидении правильно, что оно соответствует предостережению, намерению и т. п. В психоаналитической деятельности это часто встречается: по большей части стремятся только к тому, чтобы вновь разрушить форму сновидения и вместо него восстановить общую связь скрытых мыслей, из которых оно составлено.

Так, совершенно между прочим мы узнаем из оценки скрытых мыслей сновидения, что все эти названные чрезвычайно сложные душевные процессы могут проходить бессознательно,— столь же грандиозный, сколь и ошеломляющий результат!

Но вернемся назад. Вы будете правы, если уясните себе, что пользовались сокращенными выражениями, и если не будете думать, что должны отнести упомянутое разнообразие к сущности сновидения. Если вы говорите о сновидении, то вы должны иметь в виду или явное сновидение, т. е. продукт работы сновидения, или в лучшем случае саму работу сновидения, т. е. тот психический процесс, который образует явное сновидение из скрытых мыслей. Любое другое употребление слова будет путаницей в понятиях, которая может быть только причиной недоразумения. Если в своих утверждениях вы имеете в виду скрытые мысли, стоящие за сновидением, то скажите об этом прямо и не облекайте проблему сновидения в неясные выражения, которыми вы пользуетесь. Скрытые мысли — это материал, который работа сновидения преобразует в явное сновидение. Почему же вы непременно хотите

смешивать материал с работой, которая его формообразует? Какие же у вас тогда преимущества по сравнению с теми, кто видит только продукт и не может объяснить, откуда он происходит и как он сделан?

Единственно существенным в сновидении является работа сновидения, которая воздействует на материал мыслей. Мы не имеем права игнорировать ее в теории, если и можем себе позволить пренебречь ею в определенных практических ситуациях. Кроме того, аналитическое наблюдение показывает, что работа сновидения никогда не ограничивается тем, чтобы перевести эти мысли в известную вам архаическую или регрессивную форму выражения. Но она постоянно прибавляет кое-что, не имеющее отношения к дневным скрытым мыслям, являющееся, собственно говоря, движущей силой образования сновидения. Это неизбежное добавление и есть бессознательное желание, для исполнения которого преобразуется содержание сновидения. Таким образом, сновидение может быть чем угодно — предостережением, намерением, приготовлением и т. д., если вы будете принимать во внимание только представленные им мысли; оно всегда будет также исполнением бессознательного желания и только им, если вы будете рассматривать его как результат работы сновидения. Сновидение, таким образом, никогда не будет просто намерением, предупреждением, а всегда намерением и т. п., переведенным с помощью бессознательного желания в архаическую форму выражения и преобразованным для исполнения этих желаний. Один признак — исполнение желания — постоянен, другой может изменяться; он может, в свою очередь, тоже быть желанием, так что дневное скрытое желание сновидение представляет исполненным с помощью бессознательного желания.

Я все это очень хорошо понимаю, но не знаю, удалось ли мне сделать это понятным для вас. Затрудняюсь также доказать вам это. С одной стороны, это невозможно без тщательного анализа многих сновидений, а с другой, нельзя убедительно изложить этот самый щекотливый и самый значительный пункт нашего понимания сновидения, не приводя его в связь с тем, о чем будет речь ниже. Можете ли вы вообще представить себе, что при тесной связи всех вещей можно глубоко проникнуть в природу одной, не вмешавшись в другие, сходной с ней природы? Так как мы еще ничего не знаем о ближайших родственниках сновидения, о невротических симптомах, то и здесь мы вынуждены ограничиться достигнутым. Я только хочу разъяснить вам еще один пример и привести новые соображения.

Возьмем опять то самое сновидение о трех театральных билетах за 1 гульден 50 кр., к которому мы неоднократно возвращались. Могу вас заверить, что сначала я взял его в качестве примера без особых намерений. Скрытые мысли сновидения вы знаете. Досада, что дама поспешила с замужеством, после того как узнала, что ее подруга только теперь обручилась; пренебрежение к своему мужу, мысль, что она могла бы иметь лучшего, если бы только подождала. Желание, создавшее сновидение из этих мыслей, вы тоже знаете — это страсть к подглядыванию, возможность ходить в театр, происходящая, по всей вероятности,

из прежнего любопытства узнать наконец, что же происходит, когда выходишь замуж. Это любопытство, как известно, у детей постоянно направлено на сексуальную жизнь родителей, так что оно инфантильно, а поскольку присутствует и дальше, является влечением, уходящим корнями в инфантильное. Но для пробуждения этой страсти к подглядыванию дневное известие не было поводом, а вызвало только досаду и сожаление. Сначала это желание не относилось к скрытым мыслям сновидения, и мы могли включить результат толкования сновидения в анализ, не обращая на него внимания. Досада сама по себе не способна вызвать сновидение; из мыслей «бессмысленно было так рано выходить замуж» сновидение не могло образоваться ранее, чем они пробудили прежнее желание узнать наконец, что происходит при замужестве. Затем это желание образовало содержание сновидения, заменив замужество посещением театра и придав ему форму исполнения прежнего желания: вот, я могу идти в театр и смотреть все запрещенное, а ты не можешь; я замужем, а ты должна ждать. Таким образом, настоящая ситуация превратилась в свою противоположность, прежний триумф был поставлен на место нового поражения. Между прочим, удовлетворение страсти к подглядыванию сливается с эгоистическим удовлетворением от победы в конкуренции. Это удовлетворение определяет явное содержание сновидения, в котором она действительно сидит в театре, а подруга не смогла попасть. К этой ситуации удовлетворения в виде неподходящей и непонятной модификации прибавлены те элементы содержания сновидения, за которыми еще спрятаны скрытые мысли сновидения. При толковании сновидения не нужно обращать внимания на все, что служит изображению исполнения желания, а восстановить мучительные скрытые мысли сновидения [30].

Одно соображение, которое я хочу привести, должно обратить ваше внимание на вставшие теперь на первый план скрытые мысли. Прошу вас не забывать, что, во-первых, они бессознательны [31] для видевшего сон, во-вторых, совершенно разумны и связны, так что их вполне можно принять за понятные реакции на повод сновидения, в-третьих, что они могут иметь значимость любого душевного движения или интеллектуальной операции. Эти мысли я назову теперь строже, чем до сих пор, *«остатками дневных впечатлений»* независимо от того, признается в них видевший сон или нет. Теперь я разделяю остатки дневных впечатлений и скрытые мысли сновидения, называя скрытыми мыслями в соответствии с нашим прежним употреблением все то, что мы узнаем из толкования сновидения, в то время как остатки дневных впечатлений — это только часть скрытых мыслей сновидения. Далее, согласно нашему пониманию, к остаткам дневных впечатлений что-то прибавляется, что-то относившееся также к бессознательному, сильное, но вытесненное желание, и только оно делает возможным образование сновидения. Влияние этого желания на остатки дневных впечатлений вызывает другую часть скрытых мыслей сновидения, ту, которая уже не кажется рациональной и понятной из жизни в бодрствовании.

Для отношения остатков дневных впечатлений к бессознательному

желанию я воспользовался сравнением, которое могу здесь только повторить. Во всяком предприятии нужен капиталист, берущий на себя расходы, и предприниматель, который имеет идею и умеет ее осуществить. В образовании сновидения роль капиталиста всегда играет бессознательное желание; оно отдает психическую энергию для образования сновидения; предприниматель — остаток дневных впечатлений, который распоряжается этими расходами. Правда, капиталист сам может иметь идею, а предприниматель капитал. Это упрощает практическую ситуацию, но затрудняет ее теоретическое понимание. В народном хозяйстве это одно лицо всегда будут делить на два — капиталиста и предпринимателя — и восстановят ту основную позицию, из которой произошло наше сравнение. При образовании сновидения тоже случаются такие же вариации, проследить которые я предоставляю вам.

Дальше мы с вами не можем пойти, потому что вы, вероятно, уже давно заняты вопросом, который заслуживает внимания. Вы спрашиваете, действительно ли остатки дневных впечатлений бессознательны в том же смысле, что и бессознательное желание, которое прибавляется, чтобы сделать их способными создать сновидение? Ваше предположение правильно. Здесь скрывается самая суть всего дела. Они не бессознательны в том же смысле. Желание сновидения относится к другому бессознательному, к тому, которое мы признаем за инфантильное и наделяем особыми механизмами. Было бы вполне уместно разделить эти два вида бессознательного, дав им разные названия. Но с этим лучше подождать, пока мы не познакомимся с областью неврозов. Если уж за одно бессознательное нас упрекают в фантастичности, то что же скажут на наше признание, что нам необходимы еще и два вида бессознательного?

Давайте здесь остановимся. Опять вы услышали только о чем-то незаконченном; но разве не внушает надежду мысль, что эти знания приведут к новым, которые приобретем мы сами или другие после нас? А мы сами разве не узнали достаточно нового и поразительного?

ПЯТНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Сомнения и критика

Уважаемые дамы и господа! Мы не можем оставить область сновидения, не упомянув о самых обычных сомнениях и колебаниях, возникающих в связи с нашими новыми взглядами. Самые внимательные слушатели из вас сами собрали кое-какой материал по этому поводу.

1. Возможно, у вас сложилось впечатление, что результаты нашей работы по толкованию сновидений, несмотря на тщательность техники, допускают так много неопределенностей, что сделать точный перевод явного сновидения на [язык] скрытых его мыслей все-таки не удается.

В защиту этого вы скажете, что во-первых, никогда не известно, следует ли определенный элемент понимать в его собственном смысле или символически, потому что вещи, использованные в качестве символов, из-за этого все же не перестают быть самими собой. Но если нет объективного основания для разрешения данной проблемы, то в этом случае толкование зависит от произвола толкователя. Далее, вследствие совпадения противоположностей при работе сновидения каждый раз остается неясным, следует ли понимать какой-то определенный элемент сновидения в положительном или отрицательном, в прямом или противоположном смысле. А это новый повод для проявления произвола толкователя. В-третьих, вследствие столь излюбленных в сновидении инверсий толкователь волен в любом месте сновидения предпринять такую инверсию. Наконец, вы сошлетесь на мои слова, что редко можно быть уверенным в том, что найденное толкование единственно возможное. Всегда есть опасность проглядеть какое-нибудь вполне допустимое перетолкование того же сновидения. При таких обстоятельствах, заключите вы, произволу толкователя открывается такое поле деятельности, широта которого, по-видимому, несовместима с объективной надежностью результатов. Или же вы можете предположить, что дело вовсе не в сновидении, но что недостатки нашего толкования объясняются неправильностью наших взглядов и исходных предпосылок.

Весь ваш материал, безусловно, хорош, но я полагаю, что он не оправдывает двух ваших заключений: о том, что толкования сновидений, как мы их проводим, предоставлены произволу, и о том, что изъяны полученных результатов ставят под вопрос правомерность нашего метода. Если под произволом толкователя вы будете понимать его ловкость, опыт, понятливость, то я с вами соглашусь, от таких личных особенностей мы действительно не можем отказаться, тем более при решении трудной задачи толкования сновидений. Но ведь и в других областях науки не иначе. Нет средства помешать тому, чтобы один владел какой-то определенной техникой не хуже другого или не мог лучше ее использовать. Остальное, производящее впечатление произвола, например, при толковании символов, устраняется тем, что, как правило, связь мыслей сновидения между собой, связь сновидения с жизнью видевшего сон и вся психическая ситуация, в которой сновидение происходит, заставляют выбрать из данных возможных толкований одно, а остальные отклонить как непригодные. А заключение о неправильности нашей установки, основанное на некоторых несовершенствах толкования сновидений, опровергается замечанием, что многозначность или неопределенность сновидения является его необходимым свойством, вполне отвечающим нашим ожиданиям.

Вспомним о нашем утверждении, что работа сновидения переводит мысли сновидения в примитивную форму выражения, аналогичную письму при помощи рисунков. Но все эти примитивные системы выражения столь же неопределенны и двусмысленны, хотя у нас нет никакого сомнения в их пригодности к данному употреблению. Вы знаете, что совпадение противоположностей при работе сновидения аналогично так называемому «противоположному смыслу первоначальных слов» в древ-

нейших языках. Лингвист К. Абель (1884), которому мы обязаны этим представлением, предупреждает нас, чтобы мы не думали, что сообщение, сделанное при помощи таких амбивалентных слов, было двусмысленным. Тон речи и сопровождающий ее жест должны были ясно показать, какое из двух противоположных значений говорящий имел в виду. На письме, где жест отсутствует, они заменялись дополнительным, необязательным для произношения рисунком-знаком, например изображением бессильно опустившегося на корточки или прямо сидящего человечка в зависимости от того, означает ли двусмысленное *ken* иероглифического письма «слабый» или «сильный». Таким образом, несмотря на многозначность звуков и знаков, недоразумение устранялось.

Древние системы выражения, например письменность древнейших языков, дают нам представление о некоторых неопределенностях, которых мы не потерпели бы в нашей современной письменности. Так, в некоторых семитских языках на письме обозначаются только согласные слов. Пропущенные гласные читающий должен вставлять сообразно своему знанию и по контексту. Не совсем так, но очень похоже происходит в иероглифической письменности, поэтому произношение египетского языка осталось нам неизвестным. Священное письмо египтян имеет еще и другую неопределенность. Так, например, пишущий может произвольно располагать рисунки справа налево или слева направо. Чтобы читать, нужно соблюдать правило чтения в ту сторону, куда обращены силуэты фигур, птиц и т. п. Но пишущий мог располагать рисунки и по вертикали, а при надписях на небольших объектах он позволял себе изменить последовательность знаков по эстетическим соображениям и для заполнения пространства. Но более всего в иероглифическом письме затрудняет отсутствие разделения слов. Рисунки расположены в строке на одинаковом расстоянии друг от друга, и в общем нельзя узнать, относится ли знак к предыдущему слову или является началом нового. В персидской клинописи, напротив, косой клин служит разделителем слов.

Безусловно древние, но употребляемые и сегодня 400 миллионами язык и письменность — китайские. Не думайте, что я их знаю; я только осведомился о них, надеясь найти аналогии с неопределенностями сновидения. И мое ожидание меня не обмануло. Китайский язык полон таких неопределенностей, что они могут внушить нам ужас. Как известно, он состоит из какого-то числа слоговых звуков, которые произносятся отдельно или в сочетании из двух. Один из основных диалектов содержит около 400 таких звуков. Так как словарь этого диалекта насчитывает примерно 4000 слов, получается, что каждый звук в среднем имеет десять различных значений, некоторые из них меньше, но другие зато еще больше. Далее имеется целый ряд средств, чтобы избежать многозначности, так как только по контексту нельзя догадаться, какое из десяти значений слогового звука говорящий предлагает слушателю. Среди них — соединение двух звуков в одно составное слово и использование четырех различных «тонов», в сопровождении которых эти слоги произносятся. Для нашего сравнения интересно еще то обстоятельство, что в этом языке почти нет грамматики. Ни об одном из односложных слов нельзя сказать,

существительное ли это, глагол, прилагательное, и нет никаких изменений слов, по которым можно было бы узнать род, число, окончание, время или наклонение. Таким образом, язык состоит, так сказать, только из сырого материала, подобно тому, как наш язык мыслей разлагается благодаря работе сновидения, устраняющей выражение отношений, на его сырой материал. В китайском языке во всех таких неопределенных случаях решение предоставляется слушателю, который руководствуется при этом общим смыслом. Я записал себе пример одной китайской поговорки, которая в дословном переводе гласит:

Мало что видеть, много что удивительно.

Ее нетрудно понять. Она может означать: чем меньше кто-то видел, тем больше он находит удивительного или много есть чему подивиться для того, кто мало видел. Различие между этими только грамматически разными переводами, разумеется, не принимается во внимание. Несмотря на эти неопределенности, китайский язык, как нас уверяют, является прекрасным средством выражения мыслей. Таким образом, неопределенность необязательно должна вести к многозначности.

Однако мы должны признаться, что в системе выражения сновидений все гораздо менее благоприятно, чем во всех этих древних языках и письменностях. Потому что последние в основе своей все-таки предназначены для сообщения, т. е. рассчитаны на то, чтобы быть понятыми какими угодно путями и с использованием любых вспомогательных средств. Но именно эта черта у сновидения отсутствует. Сновидение никому ничего не хочет говорить, оно не является средством сообщения, наоборот, оно рассчитано на то, чтобы остаться непонятым. Поэтому мы не должны были бы удивляться и смущаться, если оказалось, что какое-то число многозначностей и неопределенностей сновидения не поддается разъяснению. Несомненным результатом нашего сравнения останется только то убеждение, что такие неопределенности, из-за которых хотели поставить под сомнение основательность наших толкований сновидений, являются постоянными характерными чертами всех примитивных систем выражения.

Только опыт и практика могут установить, насколько глубоким может быть в действительности понимание сновидения. Я полагаю, что очень глубоким, и сравнение результатов, которые получают правильно обученные аналитики, подтверждает мою точку зрения. Широкая публика дилетантов, даже научных, находит удовлетворение в том, что перед лицом трудностей и неуверенности в научной работе хвастает высокомерным скептицизмом. Я думаю, что они не правы. Может быть, не всем вам известно, что подобная ситуация имела место в истории расшифровки ассиро-вавилонских надписей. Было время, когда общественное мнение заходило так далеко, что считало расшифровщиков клинописи фантазерами, а исследование объявлено «шарлатанством». Но в 1857 г. Королевское азиатское общество произвело решающую проверку. Оно предложило четырем самым видным исследователям клинописи — Роулинсону, Хинксу, Тальботу и Опперту — выслать ему в запечатанном конверте независимые переводы вновь найденных надписей и после сравнения

четырех переводов смогло объявить, что их сходство достаточно велико, что оно оправдывает доверие к уже достигнутому и дает уверенность в дальнейших успехах. Насмешки ученых-неспециалистов затем постепенно прекратились, а уверенность при чтении клинописных документов с тех пор чрезвычайно возросла.

2. Второй ряд сомнений тесно связан с впечатлением, от которого, может быть, не вполне свободны и вы, что часть вариантов толкования сновидений, которые мы вынуждены предложить, кажутся натянутыми, искусственными, притянутыми за волосы, т. е. насильственными или даже смешными и похожими на неудачную остроту. Такие заявления настолько часты, что я возьму наугад последнее, известное мне. Итак, слушайте: недавно в свободной Швейцарии один директор семинарии был лишен своего места из-за того, что занимался психоанализом. Он выразил протест, и одна бернская газета опубликовала характеристику школьных властей о нем. Из этого документа я привожу несколько предложений, относящихся к психоанализу: «далее поражает претенциозность и искусственность во многих примерах, которые имеются в приведенной книге д-ра Пфистера из Цюриха... Поражает, собственно, то, что директор семинарии без критики принимает все эти утверждения и псевдодоказательства». Эти фразы выдаются за решение «беспристрастного судьи». Я думаю, что «искусственно» скорее это беспристрастие. Примем эти заявления с мыслью, что даже при беспристрастном суждении не мешает подумать и быть немного знакомым с делом.

Действительно, приятно видеть, как быстро и безошибочно кто-то может разобраться в таком запутанном вопросе глубинной психологии, исходя из своих первых впечатлений. Толкования кажутся ему надуманными и навязанными, они ему не нравятся, значит, они неправильны, никуда не годятся; и ему даже случайно не приходит в голову мысль о другой возможности, о том, что эти толкования имеют веские основания, в связи с чем возникает уже следующий вопрос, каковы же эти веские основания.

Обсуждаемый факт, в сущности, имеет отношение к результатам смещения, которое вам известно как самое сильное средство цензуры сновидения. С помощью смещения цензура сновидения создает заместителей, которые мы назвали намеками. Но это намеки, которые сами по себе не так-то легко узнаются, обратный путь от них к собственному содержанию нелегко найти, и они связаны с этим последним самыми странными, практически не встречающимися внешними ассоциациями. Но во всех этих случаях речь идет о вещах, которые должны быть скрытыми, должны оставаться в тайне; ведь к этому стремится цензура сновидения. Нельзя же ожидать, что спрятанное найдется в месте, где ему обычно и полагается находиться. Действующие сегодня пограничные комиссии в этом отношении хитрее, чем швейцарские школьные власти. В поисках документов и записей они не довольствуются просмотром портфелей и карманов, но считаются с возможностью, что шпионы и перебежчики могут носить такие запрещенные вещи в самых потайных местах своей одежды, где им, безусловно, не место, например, между двойными подо-

швами сапог. Если скрытые вещи найдены там, то их, во всяком случае, не только энергично искали, но также и нашли.

Если мы признаем возможность самых отдаленных, самых странных, кажущихся то смешными, то остроумными связей между каким-то скрытым элементом сновидения и его явным заместителем, то опираемся при этом на богатый опыт примеров, разъяснение которых мы, как правило, получили не сами. Часто просто невозможно давать такие толкования самому, ни один разумный человек не мог бы догадаться об имеющейся связи. Перевод дает нам видевший сон либо сразу благодаря непосредственно пришедшей ему в голову мысли — он ведь может это сделать, потому что у него и возник этот заместитель,— либо он предоставляет нам столько материала, что толкование уже не требует особого остроумия, а напрашивается само собой. Если же видевший сон не помогает нам этими двумя способами, то соответствующий явный элемент так и остается навсегда непонятным для нас. Позвольте рассказать вам еще один такой пример, который мне недавно встретился. Одна из моих пациенток во время лечения потеряла отца. С тех пор она использует любой повод, чтобы воскресить его во сне. В одном из ее сновидений отец появляется в определенной, не имеющей особого значения связи и говорит: *теперь четверть двенадцатого, половина двенадцатого, три четверти двенадцатого.* При толковании этой странности ей пришла в голову только та мысль, что отец бывал доволен, когда взрослые дети аккуратно являлись к общему столу. Это, конечно, было связано с элементом сновидения, но не позволяло сделать никакого заключения о его происхождении. Было подозрение, обусловленное тогдашней ситуацией лечения, что в этом сновидении принимало участие тщательно подавляемое критическое сопротивление любимому и почитаемому отцу. О последующем ходе возникающих у нее мыслей, как будто бы совсем отдалившихся от сновидения, видевшая сон рассказывает, что вчера в ее присутствии много говорилось о психологии, и один родственник высказал замечание: во всех нас продолжает жить первобытный человек (*Urmensch*). Теперь нам все понятно. Это дало ей прекрасный повод еще раз воскресить умершего отца. В сновидении она сделала его, таким образом, человеком, живущим по часам (*Uhrmensch*), заставив его объявлять четверти часа пополудни.

В этом примере вы не можете не заметить сходства с остротой, и действительно достаточно часто случается так, что остроту видевшего сон принимают за остроумие толкователя. Есть и другие примеры, когда совсем не легко решить, имеешь ли дело с остротой или со сновидением. Но вы помните, что именно такое сомнение появилось у нас при анализе некоторых оговорок. Один мужчина рассказывает, что ему снилось, будто его дядя поцеловал его, когда они сидели в его авто(мобиле) (Auto). Он сразу же прибавляет толкование. Это значит *аутоэротизм* (Autoerotismus) (термин из теории либидо, означающий удовлетворение без постороннего объекта). Не позволил ли себе этот человек с нами шутку и не выдал ли понравившуюся ему остроту за сновидение? Я думаю, что нет; он действительно увидел такой сон. Но откуда берется это по-

разительное сходство? В свое время этот вопрос увел меня немного в сторону от моего пути, поставив перед необходимостью исследовать само остроумие. При этом обнаружилось, что для возникновения остроты предсознательный ход мыслей подвергается бессознательной обработке, после которой он появляется в виде остроты. Под влиянием бессознательного эти мысли подвергаются воздействию господствующих там механизмов сгущения и смещения, т. е. тех же процессов, которые, как мы обнаружили, участвуют в работе сновидения, и в этой общности следует искать источник сходства остроумия и сновидения там, где оно имеет место. Но непреднамеренное «остроумие сновидения» не доставляет нам никакого удовольствия. Почему, вы можете узнать, углубившись в изучение остроумия. «Остроумие сновидения» кажется нам неудачным остроумием, оно не вызывает смеха, оставляет нас равнодушными.

При этом мы идем по стопам античного толкования сновидений, оставившего нам наряду со многим бесполезным некоторые хорошие примеры толкования сновидений. Сейчас я расскажу вам исторически важное сновидение Александра Македонского, о котором сообщают с некоторыми изменениями Плутарх и Артемидор из Далдиса. Когда царь был занят осадой отчаянно защищавшегося города Тира (322 г. до Р. Х.), он увидел как-то во сне танцующего сатира. Толкователь сновидений Аристандр, находившийся при войске, истолковал это сновидение, разложив слово сатир на σὰ Τύρος [твой Тир] и поэтому обещал Александру победу над городом. Под влиянием толкования Александр продолжил осаду и в конце концов взял Тир. Толкование, которое выглядит достаточно искусственным, было, несомненно, правильным.

3. Могу себе представить, какое особое впечатление произведет на вас сообщение, что против нашего понимания сновидения возражали и те лица, которые сами как психоаналитики долгое время занимались толкованием сновидений. Было бы слишком необыкновенным, если бы такой повод к новым заблуждениям остался неиспользованным, так что из-за путаницы понятий и неоправданных обобщений возникли бы утверждения, которые по неправильности ненамного уступали пониманию сновидений в медицине. Одно из них вы уже знаете. Оно заявляет, что сновидение пытается приспособиться к настоящему и решить задачи будущего, т. е. преследует «проспективную тенденцию» (Maeder, 1912). Мы уже указали, что это утверждение основано на подмене сновидения его скрытыми мыслями, т. е. на игнорировании работы сновидения. В качестве характеристики бессознательной умственной деятельности, к которой принадлежат скрытые мысли сновидения, это утверждение, с одной стороны, не ново, с другой, оно не является исчерпывающим, потому что бессознательная умственная деятельность наряду с подготовкой будущего направлена на многое другое. Еще более грубая ошибка заключена в утверждении, что за каждым сновидением стоит «клаузула * смерти» (Todesklausel) (Stekel, 1911, 34). Я не знаю, что означает

* Юридический термин, означающий оговариваемое условие (в договоре).– *Примеч. ред. перевода.*

эта формула, но предполагаю, что за ней скрывается подмена сновидения всей личностью видевшего сон.

Неоправданное обобщение немногих хороших примеров содержится в положении, что каждое сновидение допускает два толкования — одно, показанное нами, так называемое психоаналитическое, другое — так называемое аналогическое, которое отказывается от влечений и направлено на изображение высших душевных процессов (Silberer, 1914). Такие сновидения имеются, но вы напрасно будете пытаться распространить эту точку зрения хотя бы на большинство сновидений. После всего, что вы слышали, вам покажется совершенно непонятным и утверждение, что все сновидения следует толковать бисексуально, как слияние потоков, которые следует называть мужским и женским (Адлер, 1910). Конечно, есть и такие отдельные сновидения, и позднее вы узнаете, что они имеют то же строение, что и определенные истерические симптомы. Я упоминаю обо всех этих открытиях новых общих черт сновидения, чтобы предостеречь вас от них или, по крайней мере, чтобы не оставить у вас сомнения по поводу того, что я об этом думаю.

4. Однажды объективная значимость изучения сновидений была поставлена под вопрос из-за наблюдения, что пациенты, лечащиеся анализом, приспосабливают содержание своих сновидений к любимым теориям своих врачей; одним снятся преимущественно сексуальные влечения, другим — стремление к власти, третьим — даже новое рождение (Штекель). Ценность этого наблюдения понижается, если принять во внимание то, что люди видели сны уже до психоаналитического лечения, которое могло бы влиять на их сновидения, и что теперешние пациенты также имели обыкновение видеть сны и до лечения. Фактическая сторона этого открытия скоро признается само собой разумеющейся и не имеющей никакого значения для теории сновидения. Остатки дневных впечатлений, побуждающие к образованию сновидения, имеют своим источником устойчивые жизненные интересы при бодрствовании. Если беседы врача и данные им указания приобрели для анализируемого большое значение, то они входят в круг остатков дневных впечатлений, могут стать психическими побудителями сновидения, как другие эмоционально окрашенные неудовлетворенные интересы дня, и действовать подобно соматическим раздражителям, оказывающим воздействие на спящего во время сна. Подобно этим другим побудителям сновидения вызванные врачом мысли могут возникнуть в явном сновидении или обнаружиться в скрытом. Мы уже знаем, что сновидения можно вызвать экспериментально или, правильнее сказать, ввести в сновидение часть его материала. Таким образом, благодаря этому влиянию на своего пациента аналитик играет роль экспериментатора, который, как Моурли Вольд, придает членам испытуемого определенные положения.

Часто можно внушить спящему, о чем должно быть его сновидение, но никогда нельзя повлиять на то, что он увидит во сне. Механизм работы сновидения и его бессознательное желание не поддаются никакому чужому воздействию. При оценке сновидений, вызванных соматическими раздражителями, вы уже узнали, что своеобразие и самостоятельность

жизни во сне проявляется в реакции, которой сновидение отвечает на влиявшие на него соматические или психические раздражители. Итак, в основе обсуждавшегося здесь утверждения, которое поставило под сомнение объективность изучения сновидений, опять лежит подмена сновидения его материалом.

Вот и все, уважаемые дамы и господа, что я хотел вам сказать о проблемах сновидения. Вы догадываетесь, что многое я упустил, и знаете сами, что почти по всем вопросам я высказался неполно. Но причиной этого является взаимосвязь феноменов сновидения и невротических явлений. Мы изучали сновидение как введение в теорию неврозов, и это, конечно, правильнее, чем если бы мы поступили наоборот. Но как сновидение подготавливает понимание неврозов, так, с другой стороны, правильную оценку сновидения можно приобрести только после знакомства с невротическими явлениями.

Не знаю, как думаете вы, но я должен вас заверить, что не жалею о том, что посвятил проблемам сновидения так много предоставленного нам времени и так долго занимал ваше внимание. Ни на каком другом объекте нельзя так быстро убедиться в правильности утверждений, на которых зиждется психоанализ. Нужна напряженная работа в течение нескольких месяцев и даже лет, чтобы показать, что симптомы какого-то случая невротического заболевания имеют свой смысл, служат какому-то намерению и обусловлены обстоятельствами жизни больного. Напротив, в течение нескольких часов удается, может быть, доказать то же самое относительно сначала запутанного сновидения и подтвердить этим все положения психоанализа — о бессознательности душевных процессов, об особых механизмах, которым они подчиняются, и движущих силах, которые в них проявляются. А если мы сопоставим полную аналогию в построении сновидения и невротического симптома с быстротой превращения спящего человека в бодрствующего и разумного, то у нас появится уверенность, что и невроз основан только на измененном взаимодействии сил душевной жизни.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НЕВРОЗОВ

(1917 [1916—17] г.)

ШЕСТНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Психоанализ и психиатрия

Уважаемые дамы и господа! Я рад снова видеть вас после годичного перерыва и продолжить наши беседы. В прошлом году я изложил вам психоаналитическую разработку проблем ошибочных действий и сновидений; теперь я хотел бы ввести вас в понимание невротических явлений, которые, как вы скоро узнаете, имеют много общего как с теми, так и с другими. Но скажу заранее, что на этот раз я не могу предоставить вам то же положение по отношению к себе, что в прошлом году. Тогда оно объяснялось тем, что я не мог сделать ни одного шага, не согласовав его с вашим суждением, я много дискутировал с вами, считался с вашими возражениями, признавал, собственно, вас и ваш «здравый смысл» за высшую инстанцию. Дальше так продолжаться не может, причем по очень простой причине. Ошибочные действия и сновидения как феномены не были вам незнакомы; можно сказать, что у вас было столько же опыта, сколько и у меня, или вы легко могли приобрести такой же опыт. Но область неврозов вам чужда; поскольку вы сами не врачи, у вас нет к ней никакого иного доступа, кроме моих сообщений, а что значит самое лучшее суждение, если нет знакомства с материалом, подлежащим обсуждению.

Однако не поймите моего заявления в том смысле, что я собираюсь читать вам догматические лекции и добиваюсь того, чтобы вы непременно приняли их на веру. Такое недоразумение было бы большой несправедливостью по отношению ко мне. Я не хочу навязывать никаких убеждений — я намерен пробудить вашу мысль и поколебать предубеждения. Если из-за фактического незнания вы не в состоянии иметь суждения, то вам не следует ни верить, ни отрицать. Вы должны слушать и не противиться воздействию того, о чем я вам расскажу. Убеждения приобретаются не так легко, а если к ним приходят без труда, то они скоро теряют свою значимость и оказываются не способными к сопротивлению. Право на убеждение имеет только тот, кто подобно мне многие годы работал над одним и тем же материалом и сам приобрел при этом тот же новый удивительный опыт. К чему вообще в интеллектуальной области эти скороспелые убеждения, молниеносное обращение в иную веру, моментальный отказ от нее? Разве вы не замечаете, что «*coup de foudre*», любовь с первого взгляда, происходит совсем из другой — аффективной — области? Даже от наших пациентов мы не требуем, чтобы они приходили к нам с убеждением или готовностью стать сторонниками психоанализа. Часто это даже вызывает подозрения. Благожелательный скепсис — вот самая желательная для нас их установка. Так что и вы попытайтесь проникнуться психоаналитическими взглядами наряду с общепринятыми или психиатрическими [32], пока не представится случай, когда они

повлияют друг на друга, сообразуются друг с другом и объединятся в одно окончательное убеждение.

Но с другой стороны, вы ни минуты не должны полагать, что излагаемые мною психоаналитические взгляды являются спекулятивной системой. Это, напротив, опыт — либо непосредственное впечатление от наблюдения, либо результат его переработки. Является ли эта переработка достаточной и оправданной, выяснится в ходе дальнейшего развития науки, а по прошествии почти двух с половиной десятилетий, достигнув довольно престарелого возраста, я без хвастовства смею сказать, что работа, давшая эти наблюдения, была особенно тяжелой, интенсивной и углубленной. У меня часто создавалось впечатление, будто наши противники совершенно не хотят принимать во внимание это происхождение наших утверждений, как будто они полагают, что дело идет всего лишь о субъективных идеях, которым другой может противопоставить свое собственное мнение. Это поведение противников мне не совсем понятно. Может быть, это происходит от того, что врачи обычно так безучастны к нервнобольным, так невнимательно выслушивают, что они хотят сказать, что им кажется странной возможность получить из их сообщений что-то ценное, т. е. проводить над ними серьезные наблюдения. В этой связи я обещаю вам, что, читая эти лекции, я буду мало полемизировать, особенно с отдельными лицами. Я не смог убедиться в правильности положения, что спор — отец всех вещей. Я думаю, оно происходит из греческой софистики и страдает, как и она, переоценкой диалектики. Мне же, напротив, казалось, что так называемая научная полемика в общем довольно бесплодна, не говоря уже о том, что она почти всегда ведется крайне лично. Несколько лет назад и я мог похвалиться, что когда-то вступил в настоящий научный спор с одним-единственным исследователем (Лёвенфельдом из Мюнхена). Дело кончилось тем, что мы стали друзьями и остаемся ими до сегодняшнего дня. Однако я давно не повторял этот опыт, так как не был уверен в подобном исходе [33].

Вы, пожалуй, подумаете, что такой отказ от литературной дискуссии свидетельствует об особенно большой нетерпимости к возражениям, о самомнении или, как любезно выражаются в науке, о «помешательстве». На это я хотел бы вам ответить, что если вы когда-нибудь приобретете какое-то убеждение благодаря такому тяжелому труду, у вас тоже будет известное право придерживаться этого убеждения с некоторым упорством. Далее я могу привести в качестве довода и то, что во время своей работы я модифицировал свои взгляды по некоторым важным вопросам, менял их, заменял новыми, о чем, разумеется, каждый раз делал публичные сообщения. А каков результат этой откровенности? Одни вообще не узнали о внесенных мною самим поправках и еще сегодня критикуют меня за положения, которые давно не имеют для меня прежнего значения. Другие упрекают меня именно в этих переменах и считают поэтому ненадежным. Не правда ли, кто несколько раз поменял свои взгляды, тот вообще не заслуживает доверия, потому что легко допустить, что и в своих последних утверждениях он мог ошибиться? Но того, кто неуклонно придерживается однажды высказанного, считают упрямым и на-

зывают помешанным. Что же делать перед лицом этих противоречивых заключений критики, как не оставаться самим собой и вести себя так, как подсказывает собственное мнение? На это я и решился и не дам удержать себя от внесения изменений и поправок во все мои теории, которых требует мой растущий опыт. В основополагающих взглядах я до сих пор не нашел ничего, что было бы необходимо изменить, и надеюсь, что так будет и дальше.

Итак, я намерен изложить вам психоаналитическое понимание невротических явлений. При этом естественно соотнести их с уже изученными феноменами как вследствие их аналогии, так и контраста. Начну с симптоматического действия, которое я наблюдаю у многих лиц во время приема. С теми, кто приходит к нам в приемные часы, чтобы за четверть часа рассказать о невзгодах своей долгой жизни, аналитик сделает не многое. Его более глубокое знание не позволяет ему высказать заключение, как это сделал бы другой врач: «Вы здоровы» — и дать совет: проделайте небольшой курс водолечения. Один наш коллега на вопрос, что он делает со своими пациентами во время приема, ответил, пожимая плечами: он налагает на них штраф в столько-то крон за их шалости. Так что вы не удивляйтесь, услышав, что даже у самых занятых психоаналитиков во время приема бывает не очень-то оживленно. Я устроил между приемной и своим кабинетом двойную дверь и приказал обить ее войлоком. Назначение этого маленького приспособления не вызывает сомнения. И вот постоянно случается, что пациенты, которых я впускаю из приемной, забывают закрыть за собой двери и поэтому почти всегда обе двери остаются открытыми. Заметив это, я довольно нелюбезным тоном настаиваю на том, чтобы вошедший или вошедшая — будь то элегантный господин или очень расфранченная дама — вернулся и исправил свою ошибку. Это производит впечатление неуместной педантичности. С таким требованием мне случалось попадать и впросак, когда дело касалось лиц, которые сами не могут прикасаться к дверной ручке и рады, если сопровождающие их лица освобождают их от этого прикосновения. Но в большинстве случаев я бывал прав, потому что тот, кто оставляет открытой дверь из приемной в кабинет врача, принадлежит к дурно воспитанным людям и заслуживает самого неприветливого приема. Не вставайте сразу на их сторону, не выслушав всего. Эта небрежность пациента имеет место только в том случае, если он был в приемной один и оставляет за собой пустую комнату, но этого никогда не случается, если с ним вместе ожидают другие, посторонние. В этом последнем случае он прекрасно понимает, что в его интересах, чтобы его не подслушивали, когда он говорит с врачом, и он никогда не забудет тщательно закрыть обе двери.

Детерминированное таким образом упущение пациента не является ни случайным, ни бессмысленным, ни даже незначительным, потому что, как мы увидим, оно определяет отношение пациента к врачу. Пациент принадлежит к большому числу тех, кто требует от врача подлинной власти, хочет быть ослепленным, запуганным. Может быть, спрашивая по телефону, в какое время ему лучше всего прийти, он рассчитывал уви-

деть толпу жаждущих помощи, как перед филиалом [фирмы] Юлиуса Мейнля *. И вот он входит в пустую, к тому же чрезвычайно скромно обставленную приемную, и это его потрясает. Он должен заставить врача поплатиться за то, что собирался отнестись к нему со слишком большим почтением, и вот он забывает закрыть дверь между приемной и кабинетом врача. Этим он хочет сказать врачу: ах, ведь здесь никого нет, и, вероятно, никто не придет, пока я буду здесь. И во время беседы он вел бы себя неблаговоспитанно и неуважительно, если бы его заносчивость с самого начала не осадили резким замечанием.

В анализе этого незначительного симптоматического действия вы не найдете ничего такого, что не было бы вам уже знакомо, а именно утверждение, что оно не случайно, а имеет какой-то мотив, смысл и намерение, что оно входит в какую-то душевную связь и свидетельствует как незначительный признак о каком-то более важном душевном процессе. Но прежде всего этот проявившийся таким образом процесс не известен сознанию того, кто его совершает, потому что ни один из пациентов, оставлявших открытыми обе двери, не признался бы, что этим упущением он хотел выразить мне свое непочтение. Иной, пожалуй, и припомнит чувство разочарования при входе в пустую приемную, но связь между этим впечатлением и следующим за ним симптоматическим действием наверняка осталась неведомой его сознанию.

А теперь к этому небольшому анализу симптоматического действия давайте привлечем наблюдение за одной больной. Я выбираю такой случай, который свеж у меня в памяти, также и потому, что его можно относительно кратко изложить. В любом таком сообщении просто невозможно избежать некоторых подробностей.

Молодой офицер, ненадолго вернувшийся в отпуск, просит меня полечить его тещу, которая, несмотря на самые благоприятные условия, отравляет жизнь себе и своим близким, одержимая бессмысленной идеей. Я знакомлюсь с 53-летней хорошо сохранившейся дамой любезного и простого характера, которая без сопротивления рассказывает мне следующее. Она живет за городом в самом счастливом браке со своим мужем, управляющим большой фабрикой. Она не может нахвалиться любезной заботливостью своего мужа. 30 лет тому назад она вышла замуж по любви, с тех пор никогда не было ни одного недоразумения, разногласия или повода для ревности. Двое ее детей счастливы в браке, муж из чувства долга не хочет идти на покой. Год тому назад случилось нечто невероятное, непонятное ей самой: она сразу поверила анонимному письму, в котором ее прекрасный муж обвинялся в любовной связи с молодой девушкой, и с тех пор ее счастье разбито. В подробностях дело заключалось примерно в следующем: у нее была горничная, с которой она, пожалуй, слишком часто вела интимные разговоры. Эта девушка преследовала другую прямо-таки со злобной враждебностью, потому что та гораздо больше преуспела в жизни, хотя была лишь чуть лучшего

* Продовольственные магазины фирмы, перед которыми в военное время стояли очереди покупателей.— *Примеч. нем. изд.*

происхождения. Вместо того чтобы поступить на службу, она получила коммерческое образование, поступила на фабрику и вследствие недостатка персонала из-за призыва служащих на военную службу выдвинулась на хорошее место. Теперь она жила на самой фабрике, вращалась среди господ и даже называлась барышней. Отставшая на жизненном поприще, естественно, была готова наговорить на бывшую школьную подругу всевозможных гадостей. Однажды наша дама беседовала с горничной об одном гостившем у них старом господине, о котором знали, что он не жил со своей женой, а имел связь с другой. Она не знает, как это вышло, что она вдруг сказал: «Для меня было бы самым ужасным, если бы я узнала, что мой добрый муж тоже имеет связь». На следующий день она получила по почте анонимное письмо, в котором измененным почерком сообщалось это как бы накликанное ею известие. Она решила — и вероятно, правильно,— что письмо — дело рук ее озлобленной горничной, потому что возлюбленной мужа была названа именно та барышня, которую служанка преследовала своей ненавистью. Но хотя она тотчас насквозь увидела всю интригу и знала в своей округе достаточно примеров, свидетельствующих о том, как мало доверия заслуживают такие трусливые доносы, случилось так, что это письмо ее сразу сразило. Ее охватило страшное возбуждение, и она тотчас послала за мужем, чтобы выразить ему самые жестокие упреки. Муж со смехом отрицал обвинение и сделал самое лучшее, что было возможно. Он позвал домашнего и фабричного врача, который постарался успокоить несчастную женщину. Дальнейшие действия обоих были тоже вполне благоразумны. Горничной было отказано, однако мнимая соперница осталась. С тех пор больная неоднократно успокаивалась настолько, что больше не верила содержанию анонимного письма, но это успокоение никогда не было полным и продолжительным. Достаточно было услышать имя той барышни или встретить ее на улице, чтобы вызвать у нее новый всплеск недоверия, боли и упреков.

Вот история болезни этой славной женщины. Не нужен большой психиатрический опыт, чтобы понять, что в противоположность другим нервнобольным она изобразила свою болезнь скорее слишком мягко, как мы говорим, диссимулировала, и что, в сущности, она никогда не теряла веры в обвинения анонимного письма.

Какую позицию займет психиатр в этом случае болезни? Как он поведет себя в случае симптоматического действия пациента, не закрывающего двери в приемную, мы уже знаем. Он объявляет его лишенной психологического интереса случайностью, которая его нисколько не касается. Но к случаю болезни ревнивой женщины такого отношения быть не может. Симптоматическое действие кажется чем-то безразличным, но в симптоме болезни видится нечто значительное. Он связан с интенсивным субъективным страданием, он объективно угрожает совместной жизни семьи, так что является предметом неизбежного интереса для психиатра. Сначала психиатр пытается характеризовать симптом по его существенному свойству. Саму по себе идею, которой мучается эта женщина, нельзя назвать бессмысленной; ведь бывает, что немолодые

мужья завязывают любовные отношения с молодыми девушками. Но что-то другое в этом бессмысленно и непонятно. У пациентки нет никакого другого основания, кроме утверждения анонимного письма, верить в то, что ее нежный и верный супруг относится к этой совсем нередкой категории мужей. Она знает, что это письмо не имеет никакой доказательной силы, она в состоянии удовлетворительно объяснить его происхождение; она должна была бы себя уверить, что у нее нет никаких поводов для ревности, она и говорит это себе и тем не менее страдает так же, как если бы она признавала эту ревность совершенно оправданной. Идеи такого рода, неподвластные логическим и идущим от реальности аргументам, принято называть *бредовыми идеями.* Милая дама страдает, таким образом, *бредом ревности.* Такова, пожалуй, самая существенная характеристика этого случая болезни.

После этой первой констатации наш психиатрический интерес возрастает как будто еще больше. Если с бредовой идеей нельзя покончить ссылкой на реальность, то, пожалуй, она и не имеет корней в реальности. Откуда же она тогда происходит? Бредовые идеи бывают самого разнообразного содержания, почему в нашем случае содержанием бреда является именно ревность? У кого образуются бредовые идеи и, в частности, бредовые идеи ревности? Тут нам бы хотелось послушать психиатра, но здесь-то он нас и подведет. Он вообще остановится только на одном-единственном из наших вопросов. Он будет изучать историю семьи этой женщины и, *может быть,* ответит нам: бредовые идеи бывают у таких лиц, в семье которых неоднократно встречались подобные или другие психические нарушения. Другими словами, если у этой женщины развилась бредовая идея, то у нее было к этому наследственное предрасположение. Это, конечно, кое-что, но разве все, что мы хотим знать? Все, что послужило причиной болезни? Следует ли нам довольствоваться предположением, что если вместо какого-нибудь другого развился бред ревности, это не имеет значения, случайно и необъяснимо? И следует ли нам понять положение, заявляющее о преобладании наследственного влияния, и в отрицательном смысле: безразлично, какие переживания потрясли эту душу, раз ей было предопределено когда-то заболеть помешательством? Вы захотите узнать, почему научная психиатрия не желает дать нам никаких дальнейших объяснений. Но я вам отвечу: плут тот, кто дает больше, чем имеет. Ведь психиатр как раз и не знает пути, ведущего к дальнейшему пониманию такого случая. Он вынужден довольствоваться диагнозом и неуверенным прогнозом дальнейшего течения болезни, несмотря на богатый опыт.

Но может ли психоанализ достичь в этом случае большего? Несомненно; надеюсь показать вам, что даже в столь трудном случае он способен открыть нечто такое, что дает возможность самого глубокого проникновения в суть дела. Во-первых, прошу обратить ваше внимание на ту незначительную деталь, что пациентка прямо спровоцировала анонимное письмо, на котором основана ее бредовая идея, высказав накануне интриганке мысль, что для нее было бы величайшим несчастьем, если бы ее муж имел любовную связь с молодой девушкой. Этим она навела слу-

жанку на мысль послать ей анонимное письмо. Так что бредовая идея приобретает известную независимость от анонимного письма; она уже до него имелась у больной в форме опасения — или желания. Прибавьте к этому еще то, что дали два часа анализа других незначительных намеков. Правда, пациентка отнеслась очень отрицательно к требованию после рассказа своей истории сообщить дальнейшие размышления, приходящие ей в голову мысли и воспоминания. Она утверждала, что ей ничего не приходит в голову, что она уже все сказала, и через два часа попытка дальнейшей беседы с ней действительно вынуждена была прекратиться, так как она заявила, что чувствует себя уже здоровой и уверена, что болезненная идея больше не появится. Она сказала это, конечно, только из сопротивления и страха перед продолжением анализа. Но за эти два часа она все-таки обронила несколько замечаний, которые допускают определенное толкование, даже делают его неизбежным, и это толкование проливает яркий свет на происхождение ее бреда ревности. Она сама была сильно влюблена в молодого человека, того самого зятя, по настоянию которого обратилась ко мне как пациентка. Об этой влюбленности она ничего не знала или, может быть, знала очень мало; при существовавших родственных отношениях эта влюбленность могла легко маскироваться под безобидную нежность. При всем нашем опыте нам нетрудно проникнуть в душевную жизнь этой 53-летней порядочной женщины и хорошей матери. Такая влюбленность, как нечто чудовищное, невозможное, не могла стать сознательной; однако она оставалась и как бессознательная лежала тяжелым грузом. Что-то должно было с ней произойти, какой-то выход должен был быть найден, и самое простое облегчение предоставил механизм смещения, который так часто участвует в возникновении бредовой ревности. Если не только она, старая женщина, влюблена в молодого мужчину, но и ее старый муж поддерживает любовную связь с молодой девушкой, то она освобождалась бы от упреков совести из-за неверности. Фантазия о неверности мужа была, таким образом, охлаждающим компрессом на ее жгучую рану. Ее собственная любовь не осознавалась ею, но ее отражение, дававшее ей такие преимущества, навязчиво осознавалось в виде бреда. Все доводы против него, разумеется, не достигали цели, потому что направлялись лишь против отражения, а не против первоначального образа, которому оно было обязано своей силой и который неприкосновенно оставался скрытым в бессознательном.

А теперь сопоставим, что нам дал для понимания этого случая болезни короткий, но затрудненный психоанализ. Разумеется, при условии, что наши сведения получены правильно, чего я с вами не могу здесь обсуждать. Во-первых, бредовая идея не является больше чем-то бессмысленным или непонятным, она осмысленна, хорошо мотивирована, связана с аффективным переживанием больной. Во-вторых, она представляет собой необходимую реакцию на бессознательный душевный процесс, угадываемый по другим признакам, и обязана своим бредовым характером именно этому отношению, его устойчивости перед натиском логики и реальности. Она сама есть что-то желанное, своего рода утешение.

В-третьих, переживанием, независимо от заболевания, недвусмысленно определяется появление именно бредовой идеи ревности, а не какой-нибудь другой. Вы ведь помните, что она накануне высказала интриганке мысль, что для нее было бы самым ужасным, если бы ее муж оказался неверным ей. Не оставляйте без внимания также обе аналогии с проанализированным нами симптоматическим действием, имеющие важное значение для объяснения смысла или намерения и определения отношения к имеющемуся в этой ситуации бессознательному.

Разумеется, тем самым не дается ответа на все вопросы, которые мы могли поставить в связи с этим случаем. Больше того, этот случай болезни полон других проблем, таких, которые пока вообще неразрешимы, и других, которые не могут быть решены вследствие некоторых неблагоприятных условий. Например, почему эта счастливая в браке женщина поддается влюбленности в своего зятя, и почему облегчение, которое могло бы быть достигнуто и другим способом, осуществляется в форме такого отражения, проекции своего собственного состояния на мужа? Но не думайте, что ставить такие вопросы можно только из праздного любопытства. В нашем распоряжении уже есть некоторый материал для возможного ответа на них. Пациентка находится в том критическом возрасте, когда сексуальная потребность у женщин вдруг нежелательно возрастает; этого одного уже достаточно. Или к этому могло присоединиться то, что ее добрый и верный супруг уже в течение нескольких лет не обладает той сексуальной способностью, в которой нуждалась хорошо сохранившаяся женщина для своего удовлетворения. Опыт обратил наше внимание на то, что именно такие мужчины, верность которых вполне естественна, отличаются особой нежностью в обращении со своими женами и необыкновенной терпимостью к их нервным недугам. Далее, небезразлично, что именно молодой муж дочери стал объектом этой патогенной влюбленности. Сильная эротическая привязанность к дочери, обусловленная в конечном счете сексуальной конституцией матери, часто находит свое продолжение в таком превращении. Смею вам напомнить в этой связи, что отношения между тещей и зятем с давних пор считались у людей особенно щекотливыми и у первобытных народов дали повод для очень строгих предписаний табу и «избегания» друг друга *. Эти отношения часто переходят желательную культурную границу как в положительную, так и в отрицательную сторону. Какой из этих трех моментов проявился в нашем случае, два ли из них, все ли они соединились, этого я вам, правда, сказать не могу, но только потому, что у меня не было возможности продолжить анализ данного случая больше двух часов.

Теперь я замечаю, уважаемые дамы и господа, что все время говорил о вещах, к пониманию которых вы еще не подготовлены. Я сделал это для того, чтобы сравнить психиатрию с психоанализом. А теперь я хочу спросить вас об одном: заметили вы какое-нибудь противоречие между ними? Психиатрия не пользуется техническими методами психоанализа, она не пробует связывать что-то с содержанием бредовой идеи и, указы-

* Ср.: *Тотем и табу*.

вая на наследственность, дает нам очень общую и отдаленную этиологию, вместо того чтобы показать более частные и близкие причины. Но разве в этом кроется противоречие, противоположность? Не является ли это скорее усовершенствованием? Разве признание наследственного фактора умаляет роль переживания, не объединяются ли оба фактора самым действенным образом? Вы согласитесь со мной, что, по существу, в психиатрической работе нет ничего, что могло бы противоречить психоаналитическому исследованию. Так что психиатры противятся психоанализу, а не психиатрия. Психоанализ относится к психиатрии приблизительно как гистология к анатомии: одна изучает внешние формы органов, другая — их строение из тканей и элементарных частичек. Противоречие между этими двумя видами изучения, одно из которых продолжает другое, просто трудно себе представить. Вы знаете, что сегодя анатомия считается основой научной медицины, но было время, когда вскрывать человеческие трупы для того, чтобы познакомиться с внутренним строением тела, было так же запрещено, как сегодня кажется предосудительным заниматься психоанализом, чтобы узнать о внутреннем механизме душевной жизни. И может быть, в недалеком будущем мы поймем, что глубоко научная психиатрия невозможна без хорошего знания глубоко лежащих, бессознательных процессов в душевной жизни.

Возможно, среди вас найдутся и сторонники столь ненавидимого психоанализа, которым будет приятно, если он сможет оправдаться с другой, терапевтической стороны. Вы знаете, что наша сегодняшняя психиатрическая терапия не в состоянии воздействовать на бредовые идеи. Может быть, психоанализ благодаря своим взглядам на механизм [образования] симптомов способен на это? Нет, господа, он не может этого; он так же бессилен против этого недуга, как и любая другая терапия, по крайней мере, пока. Хотя мы можем понять, что произошло с больным, у нас нет, однако, никакого средства сделать это понятным для самих больных. Вы слышали, что мне удалось только начать анализ этой бредовой идеи. Станете ли вы поэтому утверждать, что анализ таких случаев не нужен, потому что бесплоден? Я думаю, что все-таки нет. Мы имеем право, даже обязанность проводить исследование, не считаясь с непосредственным полезным эффектом. В конце концов мы не знаем, где и когда каждая частица знания превратится в умение, в том числе и терапевтическое. Если бы психоанализ был бы таким же безуспешным во всех других формах нервных и психических заболеваний, как в области бредовых идей, он все равно остался бы полностью оправданным как незаменимое средство научного исследования. Хотя тогда мы оказались бы не в состоянии применить его; люди, на которых мы хотим учиться, живые люди со своей собственной волей и по своим мотивам участвующие в работе, отказали бы нам в этом. Разрешите мне поэтому сегодня закончить сообщением, что есть большие группы нервных расстройств, где мы действительно смогли воплотить наши знания в терапевтическое умение, и что при известных условиях мы достигаем в случаях этих заболеваний, обычно трудно поддающихся лечению, успехов, не уступающих никаким другим в области внутренней терапии.

СЕМНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ
Смысл симптомов

Уважаемые дамы и господа! На прошлой лекции я говорил вам, что клиническая психиатрия обращает мало внимания на форму проявления и содержание отдельного симптома, а психоанализ именно с этого начинал и установил прежде всего, что симптом осмыслен и связан с переживанием больного. Смысл невротических симптомов был открыт сначала Й. Брейером благодаря изучению и успешному излечению одного случая истерии, ставшего с тех пор знаменитым (1880—1882). Верно, что Пьер Жане независимо [от него] доказал то же самое; французскому исследователю принадлежит даже литературный приоритет, потому что Брейер опубликовал свое наблюдение лишь более десяти лет спустя (1893—1895), сотрудничая со мной. Впрочем, нам должно быть безразлично, кем сделано это открытие, потому что вы знаете, что любое открытие делается больше, чем один раз, и ни одно не делается сразу, а успех все равно не сопутствует заслугам. Америка не носит имя Колумба. До Брейера и Жане крупный психиатр Лере высказал мнение, что даже бреды душевнобольных должны были бы быть признаны осмысленными, если бы мы только умели их переводить. Признаюсь, я долгое время очень высоко оценивал заслугу П. Жане в объяснении невротических симптомов, так как он понимал их как выражение *idées inconscientes* *, владеющих больными. Но после того Жане с чрезвычайной сдержанностью высказывался таким образом, как будто хотел признаться, что бессознательное было для него не чем иным, как способом выражения, вспомогательным средством, *une façon de parler* **, под этим он не подразумевал ничего реального. С тех пор я больше не понимаю рассуждений Жане, но полагаю, что он совершенно напрасно лишил себя многих заслуг.

Итак, невротические симптомы, как ошибочные действия, как сновидения, имеют свой смысл и так же, как они, по-своему связаны с жизнью лиц, у которых они обнаруживаются. Этот важный результат исследования мне хотелось бы пояснить вам несколькими примерами. Можно только утверждать, но не доказать, что так бывает всегда и во всех случаях. Тот, кто попытается приобрести свой собственный опыт, убедится в этом. Но по известным соображениям я возьму эти примеры не из области истерии, а из области другого, весьма странного, в принципе очень близкого ей невроза, о котором я должен вам сказать несколько вводных слов. Этот так называемый невроз навязчивых состояний не столь популярен, как всем известная истерия; он, если можно так выразиться, не столь вызывающе шумлив, выступает скорее частным делом больного, почти полностью отказывается от соматических проявлений и все свои симптомы создает в душевной области. Невроз навязчивых состояний и

* Бессознательных идей (*франц.*).— *Примеч. пер.*
** Речевым оборотом (*франц.*).— *Примеч. ред. перевода.*

истерия — это те формы невротического заболевания, на изучении которых прежде всего и был построен психоанализ, в лечении которых наша терапия также достигает своего триумфа. Но невроз навязчивых состояний, который обходит тот загадочный скачок из душевного в соматическое, благодаря психоаналитическому исследованию стал нам, собственно говоря, более ясным и знакомым, чем истерия, и мы узнали, что определенные крайние характерные невротические черты в нем проявляются намного резче.

Невроз навязчивых состояний выражается в том, что больные заняты мыслями, которыми они, собственно, не интересуются, чувствуют в себе импульсы, кажущиеся им весьма чуждыми, и побуждения к действиям, выполнение которых хотя и не доставляет им никакого удовольствия, но отказаться от него они никак не могут. Мысли (навязчивые представления) сами по себе могут быть бессмысленными или же только безразличными для индивидуума, часто они совершенно нелепы, во всяком случае, они являются результатом напряженной, изнурительной для больного мыслительной деятельности, которой он очень неохотно отдается. Против своей воли он должен заниматься самокопанием и раздумывать, как будто дело идет о его самых важных жизненных задачах. Импульсы, которые больной чувствует в себе, могут производить также впечатление нелепого ребячества, но по большей части они имеют самое страшное содержание, типа попыток к совершению тяжких преступлений, так что больной не только отрицает их как чуждые, но в ужасе бежит от них и защищается от их исполнения запретами, отказами и ограничениями своей свободы. При этом в действительности они никогда, ни разу не доходят до исполнения; в результате побеждают бегство и осторожность. То, что больной действительно исполняет как так называемые навязчивые действия,— безобидные, несомненно незначительные действия, по большей части повторения, церемониальные украшения деятельностей обыденной жизни, из-за чего эти необходимые отправления жизненных потребностей: отход ко сну, умывание, туалет, прогулка — становятся в высшей степени продолжительными и превращаются в почти неразрешимые проблемы. Болезненные представления, импульсы и действия в отдельных формах и случаях невроза навязчивых состояний сочетаются далеко не в равных частях; существует скорее правило преобладания в [общей] картине одного или другого из этих моментов, что и дает болезни название, однако общие черты всех этих форм достаточно очевидны.

Это, конечно, чудовищное страдание. Я полагаю, что самой необузданной психиатрической фантазии не удалось бы придумать ничего подобного, и если бы этого нельзя было видеть ежедневно, никто бы не решился этому поверить. Но не подумайте, что вы окажете больному услугу, если будете его уговаривать отвлечься, не заниматься этими глупыми мыслями, а сделать что-нибудь разумное вместо своих пустяков. Он и сам бы этого хотел, потому что его сознание совершенно ясно, он разделяет ваше суждение о своих навязчивых симптомах, да он сам вам об этом рассказывает. Он только не может иначе; то, что в неврозе навязчивых состояний прорывается к действию, делается с такой энергией, для которой,

вероятно, нет никакого сравнения в нормальной душевной жизни. Он может лишь одно: сместить, заменить, употребить вместо одной глупой идеи другую, несколько ослабленную, перейти от одной предосторожности или запрета к другому, выполнить вместо одного церемониала другой. Он может сместить навязчивое состояние, но не устранить его. Способность всех симптомов сдвигаться подальше от своей первоначальной формы является главной характерной чертой его болезни; кроме того, бросается в глаза, что противоположности (полярности), которыми полна душевная жизнь, в его состоянии проявляются особенно резко разделенными. Наряду с навязчивым состоянием положительного или отрицательного содержания в интеллектуальной области возникает сомнение, постепенно подтачивающее даже самое надежное в обычных условиях. Все вместе приводит ко все возрастающей нерешительности, отсутствию энергии, ограничению свободы. При этом страдающий навязчивым состоянием невротик исходно имеет весьма энергичный характер, часто чрезвычайно упрям, как правило, интеллектуально одарен выше среднего уровня. По большей части он достигает высокой степени этического развития, отличается чрезмерной совестливостью, korrektен больше обыкновенного. Можете себе представить, каких трудов стоит хоть сколько-нибудь разобраться в этом противоречивом сочетании свойств характера и симптомов болезни. Пока мы и не стремимся ни к чему другому, как к пониманию некоторых симптомов этой болезни, к [приобретению] возможности их толкования.

Быть может, имея в виду наше обсуждение, вы захотите прежде узнать, как относится к проблемам невроза навязчивых состояний современная психиатрия. Но это бесполезное дело. Психиатрия дает различным навязчивым состояниям названия, но больше ничего не говорит о них. Зато она подчеркивает, что носители этих симптомов «дегенераты». Это мало удовлетворяет, это, собственно, оценка, суждение вместо объяснения. Нам следует знать, что именно у людей такого склада и встречаются всевозможные странности. Мы даже полагаем, что лица, у которых развиваются такие симптомы, должны быть от природы иными, чем другие люди. Но хотелось бы спросить: являются ли они более «дегенаратами», чем другие нервнобольные, например, истерики или больные психозами? Характеристика, очевидно, опять слишком общая. И можно даже засомневаться в ее правильности, если узнаешь, что такие симптомы встречаются у замечательных людей с особенно высокой и полезной для общества работоспособностью. Обычно мы знаем мало интимного о наших образцово великих людях благодаря их собственной скрытности и лживости их биографов, но иногда бывает, что кто-то является таким фанатиком правды, как Эмиль Золя, и тогда мы узнаем, сколь многими странными навязчивыми привычками он страдал всю свою жизнь *.

Тогда психиатрия нашла выход, говоря о *Degeneres superieurs* **. Прекрасно — но благодаря психоанализу мы узнали, что эти странные на-

* *Тулуз Э.* Эмиль Золя, медико-психологическое исследование. Париж, 1896.
** Высших дегенератах (*франц.*).— *Примеч. ред. перевода.*

вязчивые симптомы, как другие недуги и у других людей, недегенератов, можно надолго устранить. Мне самому это неоднократно удавалось.

Хочу привести вам лишь два примера анализа навязчивого симптома, один из давнишнего наблюдения, который я не могу заменить лучшим, и другой, встретившийся мне недавно. Я ограничусь этим незначительным числом примеров, потому что при таком сообщении приходится быть очень обстоятельным, входить во все подробности.

Одна почти 30-летняя дама, страдавшая самыми тяжелыми навязчивыми явлениями, которой я, пожалуй, помог бы, если бы коварный случай не сорвал моей работы,— может быть, я еще расскажу вам об этом — несколько раз в день проделывала между прочим следующее странное навязчивое действие. Она выбегала из своей комнаты в соседнюю, становилась там на определенное место у стоявшего посередине стола, звонила горничной, давала ей какое-нибудь незначительное поручение или отпускала ни с чем и затем убегала обратно. Это, конечно не тяжелый болезненный симптом, но он мог все-таки вызвать любопытство. Объяснение явилось самым естественным, не допускающим возражений образом, исключающим всякое вмешательство со стороны врача. Я совершенно не представляю себе, как бы я мог прийти к какому-либо предположению о смысле этого навязчивого действия, к какому-либо предположению относительно его толкования. Сколько я ни спрашивал больную: «Почему вы это делаете, какой это имеет смысл?» — она отвечала: «Я не знаю». Но однажды, после того, как мне удалось побороть ее важное принципиальное сомнение, она вдруг осознала и рассказала все, что имело отношение к навязчивому действию. Более десяти лет тому назад она вышла замуж за человека намного старше нее, который оказался импотентом в первую брачную ночь. Бесчисленное множество раз вбегал он из своей комнаты в ее, чтобы повторить попытку, но каждый раз безуспешно. Утром он с досадой сказал: «Ведь стыдно перед горничной, когда она будет убирать постель», схватил бутылку красных чернил, которая случайно оказалась в комнате, и вылил ее содержимое на простыню, но не на то место, которое могло бы иметь право на такое пятно. Сначала я не понял, что общего между этим воспоминанием и обсуждаемым навязчивым действием, так как находил сходство только в повторяющемся выбегании и вбегании в комнату и кое-что еще в появлении горничной. Тогда пациентка подвела меня к столу во второй комнате и показала большое пятно на скатерти. Она объяснила также, что становится у стола так, чтобы вызванная ею девушка не могла не заметить пятна. Теперь нельзя было сомневаться в интимной связи между той сценой после брачной ночи и ее теперешним навязчивым действием; на этом примере, однако, можно еще многому поучиться.

Прежде всего, ясно, что пациентка идентифицирует себя со своим мужем; она играет его роль, подражая его беготне из одной комнаты в другую. Придерживаясь этого сравнения, мы должны согласиться далее, что кровать и простыню она замещает столом и скатерью. Это показалось бы произвольным, но мы не зря изучали символику сновидений. В сновидении как раз очень часто видят стол, который следует толко-

вать, однако, как кровать. Стол и кровать вместе составляют брак, поэтому одно легко ставится вместо другого.

То, что навязчивое действие имеет смысл, как будто уже доказано; оно кажется изображением, повторением той значимой сцены. Но нас никто не заставляет ограничиваться этим внешним сходством; если мы исследуем отношение между обоими подробнее, то, вероятно, нам откроется нечто более глубокое — намерение навязчивого действия. Его ядром, очевидно, является вызов горничной, которой она показывает пятно в противоположность замечанию своего мужа: стыдно перед девушкой. Он, роль которого она играет, таким образом, не стыдится девушки; пятно, судя по этому, на правильном месте. Итак, мы видим, что она не просто повторила сцену, а продолжила ее и исправила, превратив в правильную. Но этим она исправляет и другое, что было так мучительно в ту ночь и потребовало для выхода из положения красных чернил,— импотенцию. Навязчивое действие говорит: нет, это неверно, ему нечего стыдиться горничной, он не был импотентом; оно изображает, как в сновидении, это желание выполненным в настоящем действии, оно служит намерению возвысить мужа над тогдашней неудачей.

Сюда прибавляется все то, что я мог бы рассказать вам об этой женщине; вернее говоря, все, что мы о ней еще знаем, указывает нам путь к этому толкованию самого по себе непонятного навязчивого действия. Уже много лет женщина живет отдельно от своего мужа и борется с намерением расторгнуть свой брак по суду. Но не может быть и речи о том, чтобы она освободилась от него; она вынуждена оставаться ему верной, отдаляется от всего света, чтобы не впасть в искушение, в своей фантазии она извиняет и возвеличивает его. Да, самая глубокая тайна ее болезни в том, что благодаря ей она охраняет мужа от злых сплетен, оправдывает свое отдаление от него и дает ему возможность вести покойную отдельную жизнь. Так анализ безобидного навязчивого действия выводит на прямой путь к самому глубокому ядру заболевания, но в то же время выдает нам значительную долю тайны невроза навязчивых состояний вообще. Я охотно задерживаю ваше внимание на этом примере, потому что в нем соединяются условия, которых по справедливости нельзя требовать от всех случаев. Здесь больная сразу нашла толкование симптома без руководства или вмешательства аналитика, и оно осуществилось благодаря связи с переживанием, относящимся не к забытому детскому периоду, как это обычно бывает, а случившимся в зрелой жизни больной и оставившим неизгладимый след в ее памяти. Все возражения, которые критика имеет обыкновение приводить против наших толкований симптомов, в этом отдельном случае снимаются. Разумеется, дело у нас обстоит не всегда столь хорошо.

И еще одно! Не бросилось ли вам в глаза, как это незаметное навязчивое действие ввело нас в интимную жизнь пациентки? Женщина вряд ли может рассказать что-нибудь более интимное, чем историю своей первой брачной ночи, и разве случайно и незначительно то, что мы пришли именно к интимностям половой жизни? Правда, это могло бы быть следствием сделанного мною на этот раз выбора. Не будем торопиться

с суждением и обратимся ко второму, совершенно иному примеру часто встречающегося действия, а именно к церемониалу укладывания спать.

Девятнадцатилетняя цветущая одаренная девушка, единственный ребенок своих родителей, которых она превосходит по образованию и интеллектуальной активности, была неугомонным и шаловливым ребенком, а в течение последних лет без видимых внешних причин превратилась в нервнобольную. Она очень раздражительна, особенно против матери, всегда недовольна, удручена, склонна к нерешительности и сомнению и, наконец, признается, что не в состоянии больше одна ходить по площадям и большим улицам. Мы не будем много заниматься ее сложным болезненным состоянием, требующим по меньшей мере двух диагнозов, агорафобии и невроза навязчивых состояний, а остановимся только на том, что у этой девушки развился также церемониал укладывания спать, от которого она заставляет страдать своих родителей. Можно сказать, что в известном смысле любой нормальный человек имеет свой церемониал укладывания спать или требует соблюдения определенных условий, невыполнение которых мешает ему заснуть; он облек переход от состояния бодрствования ко сну в определенные формы, которые он одинаковым образом повторяет каждый вечер. Но все, что требует здоровый от условий для сна, можно рационально понять, и если внешние обстоятельства вызывают необходимые изменения, то он легко подчиняется. Но патологический церемониал неуступчив, он умеет добиться своего ценой самых больших жертв, и он точно так же прикрывается рациональным обоснованием и при поверхностном рассмотрении кажется отличающимся от нормального лишь некоторой преувеличенной тщательностью. Но если присмотреться поближе, то можно заметить, что покрывало рациональности слишком коротко, что церемониал включает требования, далеко выходящие за рациональное обоснование, и другие, прямо противоречащие ему. Наша пациентка в качестве мотива своих ночных предосторожностей приводит то, что для сна ей нужен покой и она должна устранить все источники шума. С этой целью она поступает двояким образом: останавливает большие часы в своей комнате, все другие часы из комнаты удаляются, она не терпит даже присутствия в ночной тумбочке своих крохотных часов на браслете. Цветочные горшки и вазы составляются на письменном столе так, чтобы они ночью не могли упасть, разбиться и потревожить ее во сне. Она знает, что все эти меры могут иметь только кажущееся оправдание для требования покоя, тикание маленьких часов нельзя услышать, даже если бы они оставались на тумбочке, и все мы знаем по опыту, что равномерное тикание часов с маятником никогда не мешает сну, а скорее действует усыпляюще. Она признает также, что опасение, будто цветочные горшки и вазы, оставленные на своем месте, ночью могут сами упасть и разбиться, лишено всякой вероятности. Для других требований церемониала она уже не ссылается на необходимость покоя. Действительно, требование, чтобы дверь между ее комнатой и спальней родителей оставалась полуоткрытой, исполнения которого она добивается тем, что вставляет в приоткрытую дверь различные предметы, кажется, напротив, может стать источником нарушающих тишину шумов.

Но самые важные требования относятся к самой кровати. Подушка у изголовья кровати не должна касаться деревянной спинки кровати. Маленькая подушечка для головы может лежать на большой подушке не иначе как образуя ромб; голову тогда она кладет точно по длинной диагонали ромба. Перина («Duchent», как говорим мы в Австрии), перед тем как ей укрыться, должна быть взбита так, чтобы ее край у ног стал совсем толстым, но затем она не упустит снова разгладить это скопление перьев.

Позвольте мне обойти другие, часто очень мелкие подробности этого церемониала; они не научили бы нас ничему новому и слишком далеко увели бы от наших целей. Не упускайте, однако, из виду, что все это происходит не так уж гладко. При этом ее не оставляет опасение, что не все сделано, как следует; все должно быть проверено, повторено, сомнение возникает то по поводу одной, то по поводу другой предосторожности, и в результате проходит около двух часов, в течение которых девушка сама не может спать и не дает уснуть испуганным родителям.

Анализ этих мучений протекал не так просто, как в случае навязчивого действия нашей первой пациентки. Я вынужден был делать девушке наводящие намеки и предлагать толкования, которые она каждый раз отклоняла решительным «нет» или принимала с презрительным сомнением. Но за этой первой отрицательной реакцией последовал период, когда она сама занималась предложенными ей возможными толкованиями, подбирала подходящие к ним мысли, воспроизводила воспоминания, устанавливала связи, пока, исходя из собственной работы, не приняла все эти толкования. По мере того как это происходило, она также все больше уступала в исполнении навязчивых мер предосторожности и еще до окончания лечения отказалась от всего церемониала. Вы должны также знать, что аналитическая работа, как мы ее теперь ведем, прямо исключает последовательную обработку отдельного симптома до окончательного его выяснения. Больше того, бываешь вынужден постоянно оставлять одну какую-то тему в полной уверенности, что вернешься к ней снова в другой связи. Толкование симптома, которое я вам сейчас сообщу, является, таким образом, синтезом результатов, добывание которых, прерываемое другой работой, длится недели и месяцы.

Наша пациентка начинает постепенно понимать, что во время своих приготовлений ко сну она устраняла часы как символ женских гениталий. Часы, которые могут быть символически истолкованы и по-другому, приобретают эту генитальную роль в связи с периодичностью процессов и правильными интервалами. Женщина может похвалиться, что у нее менструации наступают с правильностью часового механизма. Но особенно наша пациентка боялась, что тикание часов помешает сну. Тикание часов можно сравнить с пульсацией клитора при половом возбуждении. Из-за этого неприятного ей ощущения она действительно неоднократно просыпалась, а теперь этот страх перед эрекцией выразился в требовании удалить от себя на ночь идущие часы. Цветочные горшки и вазы, как все сосуды, тоже женские символы. Предосторожность, чтобы они не упали и не разбились, следовательно, не лишена смысла. Нам известен

широко распространенный обычай разбивать во время помолвки сосуд или тарелку. Каждый из присутствующих берет себе осколок, что мы должны понимать как отказ от притязаний на невесту с точки зрения брачного обычая до моногамии. Относительно этой части церемониала у девушки появилось одно воспоминание и несколько мыслей. Однажды ребенком она упала со стеклянным или глиняным сосудом, порезала пальцы, и сильно шла кровь. Когда она выросла и узнала факты из половой жизни, у нее возникла пугающая мысль, что в первую брачную ночь у нее не пойдет кровь и она окажется не девственницей. Ее предосторожности против того, чтобы вазы не разбились, означают, таким образом, отрицание всего комплекса, связанного с девственностью и кровотечением при первом половом акте, а также отрицание страха перед кровотечением и противоположного [ему страха] — не иметь кровотечения. К предупреждению шума, ради которого она предпринимала эти меры, они имели лишь отдаленное отношение.

Главный смысл своего церемониала она угадала в один прекрасный день, когда вдруг поняла предписание, чтобы подушка не касалась спинки кровати. Подушка для нее всегда была женщиной, говорила она, а вертикальная деревянная спинка — мужчиной. Таким образом, она хотела — магическим способом, смеем добавить — разделить мужчину и женщину, т. е. разлучить родителей, не допустить их до супружеского акта. Этой же цели она пыталась добиться раньше, до введения церемониала, более прямым способом. Она симулировала страх или пользовалась имевшейся склонностью к страху для того, чтобы не давать закрывать дверь между спальней родителей и детской. Это требование еще осталось в ее настоящем церемониале. Таким образом она создала себе возможность подслушивать за родителями, но, используя эту возможность, она однажды приобрела бессонницу, длившуюся месяцы. Не вполне довольная возможностью мешать родителям таким способом, она иногда добивалась того, что сама спала в супружеской постели между отцом и матерью. Тогда «подушка» и «спинка кровати» действительно не могли соединиться. Наконец, когда она уже была настолько большой, что не могла удобно помещаться в кровати между родителями, сознательной симуляцией страха она добивалась того, что мать менялась с ней кроватями и уступала свое место возле отца. Эта ситуация определенно стала началом фантазий, последствие которых чувствуется в церемониале.

Если подушка была женщиной, то и взбивание перины до тех пор, пока все перья не оказывались внизу и не образовывали там утолщение, имело смысл. Это означало делать женщину беременной; однако она не забывала сгладить эту беременность, потому что в течение многих лет она находилась под страхом, что половые сношения родителей приведут к появлению второго ребенка и, таким образом, преподнесут ей конкурента. С другой стороны, если большая подушка была женщиной, матерью, то маленькая головная подушечка могла представлять собой только дочь. Почему эта подушка должна была быть положена ромбом, а ее голова точно по его осевой линии? Мне без труда удалось напомнить ей, что

ромб на всех настенных росписях является руническим знаком открытых женских гениталий. Она сама играла в таком случае роль мужчины, отца, и заменяла головой мужской член (ср. символическое изображение кастрации как обезглавливание).

Какая дичь, скажете вы, заполняет голову непорочной девушки. Согласен, но не забывайте, я эти вещи не сочинял, а только истолковал. Такой церемониал укладывания спать также является чем-то странным, и вы не можете не признать соответствия между церемониалом и фантазиями, которые открывает нам толкование. Но для меня важнее обратить ваше внимание на то, что в церемониале отразилась не одна фантазия, а несколько, которые где-то, однако, имеют свой центр. А также на то, что предписания церемониала передают сексуальные желания то положительно, то отрицательно, частично представляя, а частично отвергая их.

Из анализа этого церемониала можно было бы получить еще больше, если связать его с другими симптомами больной. Но мы не пойдем по этому пути. Удовлетворитесь указанием на то, что эта девушка находится во власти эротической привязанности к отцу, начало которой скрывается в ранних детских годах. Возможно, поэтому она так недружелюбно ведет себя по отношению к матери. Мы не можем также не заметить, что анализ этого симптома опять привел нас к сексуальной жизни больной. Чем чаще мы будем понимать смысл и намерение невротического симптома, тем, может быть, меньше мы будем удивляться этому.

Итак, на двух приведенных примерах я вам показал, что невротические симптомы, так же как ошибочные действия и сновидения, имеют смысл и находятся в интимном отношении к переживаниям пациентов. Могу ли я рассчитывать, что вы поверите мне в этом чрезвычайно важном положении на основании двух примеров? Нет. Но можете ли вы требовать, чтобы я приводил вам все новые и новые примеры, пока вы не заявите, что убедились? Тоже нет, потому что при той обстоятельности, с которой я рассматриваю отдельный случай, я должен был бы посвятить для рассмотрения этого одного пункта теории неврозов пятичасовую лекцию. Так что я ограничусь тем, что показал вам пример доказательства моего утверждения, а в остальном отошлю вас к сообщениям в литературе, к классическим толкованиям симптомов, в первую очередь, Брейера (истерия), к захватывающим разъяснениям совершенно темных симптомов так называемой Dementia praecox* К. Г. Юнгом (1907), относящимся к тому времени, когда этот исследователь был только психоаналитиком и еще не хотел быть пророком, и ко всем работам, которые заполонили с тех пор наши журналы. Именно в этих исследованиях у нас нет недостатка. Анализ, толкование, перевод невротических симптомов так захватил психоаналитиков, что в первое время они забросили другие проблемы невротики.

Кто из вас возьмет на себя такой труд, получит несомненно сильное впечатление от обилия доказательств. Но он столкнется и с одной труд-

* Раннее слабоумие (*лат.*) – одно из названий шизофрении.– *Примеч. ред. перевода.*

ностью. Смысл симптома, как мы узнали, кроется в его связи с переживанием больного. Чем индивидуальнее выражен симптом, тем скорее мы можем ожидать восстановления этой связи. Затем возникает прямая задача найти для бессмысленной идеи и бесцельного действия такую ситуацию в прошлом, в которой эта идея была оправданна, а действие целесообразно. Навязчивое действие нашей пациентки, подбегавшей к столу и звонившей горничной, является как раз примером этого рода симптомов. Но встречаются, и как раз очень часто, симптомы совсем другого характера. Их нужно назвать «типичными» симптомами болезни, они примерно одинаковы во всех случаях, индивидуальные различия у них отсутствуют или, по крайней мере, настолько уменьшаются, что их трудно привести в связь с индивидуальным переживанием больных и отнести к отдельным пережитым ситуациям. Обратимся опять к неврозу навязчивых состояний. Уже церемониал укладывания спать нашей второй пациентки имеет в себе много типичного, при этом, однако, достаточно индивидуальных черт, чтобы сделать возможным, так сказать, *историческое* толкование. Но все эти больные с навязчивыми состояниями склонны к повторениям, ритмизации при исполнении действий и их изолированию от других. Большинство из них слишком много моется. Больные, страдающие агорафобией (топофобией, боязнью пространства), которую мы больше не относим к неврозу навязчивых состояний, а определяем как истерию страха (Angsthysterie), повторяют в своих картинах болезни часто с утомительным однообразием одни и те же черты. Они боятся закрытых пространств, больших открытых площадей, далеко тянущихся улиц и аллей. Они чувствуют себя в безопасности, если их сопровождают знакомые или если за ними едет экипаж и т. д. На эту общую основу, однако, отдельные больные накладывают свои индивидуальные условия, капризы, хотелось бы сказать, в отдельных случаях прямо противоположные друг другу. Один боится только узких улиц, другой — только широких, один может идти только тогда, когда на улице мало людей, другой — когда много. Точно так же и истерия при всем богатстве индивидуальных черт имеет в избытке общие типичные симптомы, которые, по-видимому, не поддаются простому историческому объяснению. Не забудем, что это ведь те типичные симптомы, по которым мы ориентируемся при постановке диагноза. Если мы в одном случае истерии действительно свели типичный симптом к одному переживанию или к цепи подобных переживаний, например, истерическую рвоту к последствиям впечатлений отвращения, то мы теряем уверенность, когда анализ рвоты в каком-то другом случае вскроет совершенно другой ряд видимо действующих переживаний. Тогда это выглядит так, как будто у истеричных рвота проявляется по неизвестным причинам, а добытые анализом исторические поводы являются только предлогами, используемыми этой внутренней необходимостью, когда они случайно оказываются.

Таким образом, мы скоро приходим к печальному выводу, что хотя мы можем удовлетворительно объяснить смысл индивидуальных невротических симптомов благодаря связи с переживанием, наше искусство, однако, изменяет нам в гораздо более частых случаях типичных симпто-

мов. К этому следует добавить еще то, что я познакомил вас далеко не со всеми трудностями, возникающими при последовательном проведении исторического толкования симптомов. Я и не хочу этого делать, потому что хотя я намерен ничего не приукрашивать или что-то скрывать от вас, но я и не могу допустить, чтобы с самого начала наших совместных исследований вы были беспомощны и обескуражены. Верно, что мы положили лишь начало пониманию значения симптомов, но мы будем придерживаться приобретенных знаний и шаг за шагом продвигаться в объяснении еще не понятого. Попробую утешить вас соображением, что все-таки вряд ли можно предполагать фундаментальное различие между одним и другим видом симптомов. Если индивидуальные симптомы так очевидно зависят от переживания больного, то для типичных симптомов остается возможность, что они ведут к переживанию, которое само типично, обще всем людям. Другие постоянно повторяющиеся черты могут быть общими реакциями, навязанными больному природой болезненного изменения, например, повторение или сомнение при неврозе навязчивых состояний. Короче говоря, у нас нет никакого основания для того, чтобы заранее падать духом, посмотрим, что будет дальше.

С совершенно аналогичным затруднением мы сталкиваемся и в теории сновидения. В наших прежних беседах о сновидении я не мог коснуться ее. Явное содержание сновидений бывает чрезвычайно разнообразным и индивидуально изменчивым, и мы подробно показали, что можно получить из этого содержания благодаря анализу. Но наряду с этим встречаются сновидения, которые тоже называются «типичными»,— одинаковые у всех людей сновидения однообразного содержания, которые ставят анализ перед теми же трудностями. Это сновидения о падении, летании, парении, плавании, состоянии стесненности, о наготе и другие известные страшные сновидения, которым у отдельных лиц дается то одно, то другое толкование, причем ни монотонность, ни типичность ее проявления не находят своего объяснения. Но и в этих сновидениях мы наблюдаем, что общая основа оживляется индивидуально изменчивыми прибавлениями и, вероятно, при углублении наших представлений они тоже без натяжки могут быть объяснены теми особенностями жизни сновидений, которые мы открыли на материале других сновидений.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Фиксация на травме, бессознательное

Уважаемые дамы и господа! В прошлый раз я сказал, что мы намерены продолжать нашу работу, не оглядываясь на наши сомнения, а исходя из наших открытий. О двух самых интересных следствиях, вытекающих из анализов обоих примеров, мы вообще еще не сказали.

Первое: обе пациентки производят впечатление, как будто они *фиксированы* на каком-то определенном отрезке своего прошлого, не могут

освободиться от него и поэтому настоящее и будущее остаются им чуждыми. Они прячутся в своей болезни, как раньше имели обыкновение удаляться в монастырь, чтобы доживать там свой век. Для нашей первой пациентки такую участь уготовил расторгнутый в действительности брак с ее мужем. Своими симптомами она продолжает общение со своим мужем; мы научились понимать те голоса, которые выступают за него, извиняют и возвышают его, оплакивают его потерю. Хотя она молода и могла бы понравиться другим мужчинам, она предприняла все реальные и воображаемые (магические) предосторожности, чтобы сохранить ему верность. Она не показывается у посторонних, не следит за своей внешностью, но она также не в состоянии быстро встать с кресла, на котором сидела, и отказывается подписывать свою фамилию, не может никому сделать подарка, мотивируя это тем, что никто не должен ничего иметь от нее.

У нашей второй пациентки, молодой девушки, эротическая привязанность к отцу, возникшая до половой зрелости, сделала в ее жизни то же самое. Она тоже пришла к выводу, что не может выйти замуж, пока она так больна. Смеем предположить, что она так заболела, чтобы не выходить замуж и остаться с отцом.

Мы не можем обойти вопроса о том, как, каким путем и в силу каких мотивов может возникнуть такая странная и невыгодная жизненная установка. Допустим, что данное поведение является общим признаком невроза, а не особым свойством этих двух больных. Это в самом деле общая, практически очень значимая черта всякого невроза. Первая истерическая пациентка Брейера была подобным же образом фиксирована на том времени, когда она ухаживала за своим тяжело заболевшим отцом. Несмотря на свое выздоровление, она с тех пор в известном смысле покончила с жизнью, хотя осталась здоровой и трудоспособной, но отказалась от естественного предназначения женщины. Благодаря анализу мы можем у каждого из наших больных обнаружить, что он в своих симптомах болезни и их последствиях перенесся в определенный период своего прошлого. В большинстве случаев он выбирал для этого очень раннюю фазу жизни, время своего детства, и даже, как ни смешно это звучит, младенчество.

В близкой аналогии с этим поведением наших нервнобольных находятся заболевания, особенно часто возникающие именно теперь, во время войны,— так называемые травматические (traumatische) неврозы. Такие случаи, конечно, бывали и до войны после железнодорожных крушений и других страшных жизненных катастроф. В своей основе травматические неврозы не то же самое, что спонтанные неврозы, которые мы обычно аналитически исследуем и лечим; нам также еще не удалось рассмотреть их с нашей точки зрения, и я надеюсь как-нибудь объяснить вам, в чем заключается это ограничение. Но в этом одном пункте мы можем подчеркнуть их полное сходство. Травматические неврозы носят явные признаки того, что в их основе лежит фиксация на моменте травмы. В своих сновидениях эти больные постоянно повторяют травматическую ситуацию; там, где встречаются истероподобные припадки, допускающие

анализ, узнаешь, что припадок соответствует полному перенесению в эту ситуацию. Получается так, как будто эти больные не покончили с этой травматической ситуацией, как будто она стоит перед ними как неразрешенная актуальная проблема, и мы вполне серьезно соглашаемся с этим пониманием; оно показывает нам путь к *экономическому*, как мы называем, рассмотрению душевных процессов. Да, выражение «травматический» имеет только такой экономический смысл. Так мы называем переживание, которое в течение короткого времени приводит в душевной жизни к такому сильному увеличению раздражения, что освобождение от него или его нормальная переработка не удается, в результате чего могут наступить длительные нарушения в расходовании энергии.

Эта аналогия наводит нас на мысль назвать травматическими также те переживания, на которых, по-видимому, фиксированы наши нервнобольные. Таким образом, для объяснения возникновения невротического заболевания как бы напрашивается одно простое условие. Невроз следовало бы уподобить травматическому заболеванию, а его возникновение объяснить неспособностью справиться со слишком сильным аффективным переживанием. Такова в действительности и была первая формулировка, которой Брейер и я в 1893—1895 гг. подвели теоретический итог нашим наблюдениям. Случай нашей первой пациентки, молодой женщины, разлученной с мужем, очень хорошо вписывается в эти взгляды. Она не вынесла неосуществимости своего брака и застряла на этой травме. Но уже наш второй случай фиксированной на своем отце девушки показывает, что формулировка недостаточно широка. С одной стороны, такая влюбленность маленькой девочки в отца что-то настолько обычное и так часто преодолеваемое, что название «травматический» совершенно потеряло бы свое содержание, с другой стороны, история больной нам показывает, что эта первая эротическая фиксация сначала как будто бы прошла без всякого вреда и только несколько лет спустя опять проявилась в симптомах невроза навязчивого состояния. Итак, мы предвидим тут осложнения, большее разнообразие условий заболевания, но мы предчувствуем также, что от «травматической» точки зрения нельзя отказаться как от ошибочной; она пригодится в другом месте и при других условиях.

Здесь мы опять оставим путь, по которому шли. Пока он не ведет нас дальше, а нам нужно узнать еще многое другое, прежде чем мы сможем найти его истинное продолжение. Заметим еще по поводу фиксации на определенной фазе прошлого, что такое явление выходит за рамки невроза. Всякий невроз несет в себе такую фиксацию, но не всякая фиксация приведет к неврозу, совпадет с ним или встанет на его пути. Примером аффективной фиксации на чем-то прошлом является печаль, которая приводит к полному отходу от настоящего и будущего. Но даже для неспециалиста печаль резко отличается от невроза. Зато есть неврозы, которые можно назвать патологической формой печали.

Случается также, что травматическое событие, потрясающее все основы прежней жизни, останавливает людей настолько, что они теряют всякий интерес к настоящему и будущему и в душе постоянно остаются в

прошлом, но эти несчастные не обязательно должны стать нервнобольными. Мы не хотим переоценивать для характеристики невроза эту одну черту, как бы постоянна и значительна она ни была.

А теперь перейдем к другому результату нашего анализа, о невыгодном ограничении которого нам нечего беспокоиться. О нашей первой пациентке мы сообщили, какое бессмысленное навязчивое действие она исполняла и какое интимное жизненное воспоминание в связи с этим она рассказала, затем мы исследовали отношение между обоими и из этой связи догадались о цели навязчивого действия. Но мы оставили в стороне один момент, который заслуживает нашего пристального внимания. Пока пациентка повторяла навязчивое действие, она ничего не знала о том, что оно связано с тем переживанием. Связь между ними была для нее скрыта; по правде говоря, она должна была ответить, что не знает, в силу каких побуждений она это делает. Затем под влиянием лечения вдруг случилось так, что она нашла эту связь и могла о ней сообщить. Но она все еще не знала о цели, которой служило навязчивое действие, о цели исправить мучительный отрезок прошлого и поставить любимого мужа на более высокий уровень. Это длилось довольно долго и стоило многих трудов, пока она не поняла и не призналась мне, что такой мотив мог быть единственной движущей силой навязчивого действия.

Связь со сценой после неудачной брачной ночи и мотив нежности больной вместе составляют то, что мы назвали «смыслом» навязчивого действия. Но этот смысл в обоих направлениях, «откуда» и «зачем», был ей неизвестен, когда она выполняла навязчивое действие. Таким образом, в ней действовали душевные процессы, а навязчивое действие было именно результатом их влияния; в нормальном состоянии она чувствовала это влияние, но до ее сознания не доходило ничего из душевных предпосылок этого влияния. Она вела себя точно так же, как загипнотизированный, которому Бернгейм внушил через пять минут после пробуждения открыть в палате зонтик, и который выполнил это внушение в бодрствующем состоянии, не умея объяснить мотива своего поступка. Именно такое положение вещей мы имеем в виду, когда говорим о существовании *бессознательных душевных процессов*. Мы бросаем вызов всему миру, предлагая более строгим научным образом представить эти факты, и тогда мы охотно откажемся от предположения существования бессознательных душевных процессов. А до того мы будем придерживаться этого предположения и, недоуменно пожимая плечами, будем отвергать как непонятное то возражение, что бессознательное не является в данном случае ничем реальным в научном смысле, а только вспомогательным средством, *une façons de parler* *. Какое же это нереальное, от которого исходят такие реально ощутимые последствия, как навязчивое действие!

В сущности, то же самое мы находим и у нашей второй пациентки. У нее возникло требование, чтобы подушка не касалась спинки кровати, и она должна выполнять это требование, но она не знает, откуда оно произошло, что означает и каким мотивам обязано своей силой. Для его

* Речевым оборотом (*франц.*).

выполнения безразлично, относится ли она к нему индифферентно или противится ему, возмущается, собирается его нарушить. Оно должно быть выполнено, и она напрасно спрашивает себя почему. Следует, однако, признать, что в этих симптомах невроза навязчивого состояния, в этих представлениях и импульсах, появляющихся неизвестно откуда, таких устойчивых против всех влияний в остальном нормальной душевной жизни, производящих на самого больного впечатление, как будто они сверхсильные гости из чужого мира, бессмертные, вмешавшиеся в сутолоку смертных, заключается самое ясное указание на какую-то особую, изолированную от остального область душевной жизни. От них ведет неизбежный путь к признанию существования в душе бессознательного, и именно поэтому клиническая психиатрия, признающая только психологию сознания, не может с ними сделать ничего другого, как выдать за признаки особого рода дегенерации. Разумеется, сами навязчивые представления и навязчивые импульсы не бессознательны, и так же мало выполнение навязчивого действия ускользает от сознательного восприятия. Они не были бы симптомами, если бы не проникли в сознание. Но психические предпосылки, раскрытые анализом, связи, в которые мы их вводим благодаря толкованию, являются бессознательными по крайней мере до тех пор, пока мы не сделаем их сознательными для больного путем аналитической работы.

А теперь примите во внимание, что это положение вещей, установленное нами в обоих наших случаях, подтверждается во всех симптомах всех невротических явлений, что всегда и везде смысл симптомов неизвестен больному, что анализ постоянно показывает, что симптомы — производное бессознательных процессов, которые, однако, при разных благоприятных условиях можно сделать сознательными, и вы поймете, что в психоанализе мы не можем обойтись без бессознательного в психике и привыкли оперировать им как чем-то чувственно осязаемым. Но вы, может быть, также поймете, как мало способны к суждению в этом вопросе все другие, кто считает бессознательное только понятием, кто никогда не анализировал, никогда не толковал сновидений и не искал в невротических симптомах смысл и намерение. Для наших целей повторю еще раз: возможность придать смысл невротическим симптомам благодаря аналитическому толкованию является неопровержимым доказательством существования — или, если вам угодно, необходимости предположения — бессознательных душевных процессов.

Но это еще не все. Благодаря второму открытию Брейера, которое мне кажется даже более содержательным и которое не нашло сторонников, мы еще больше узнаем о связи между бессознательным и невротическими симптомами. И не только то, что смысл симптомов всегда бессознателен; между этой бессознательностью и возможностью существования симптомов существует также отношение заместительства. Вы меня скоро поймете. Вместе с Брейером я утверждаю следующее: каждый раз, сталкиваясь с симптомом, мы можем заключить, что у больного имеются определенные бессознательные процессы, в которых содержится смысл симптома. Но для того, чтобы образовался симптом, необходимо также,

чтобы смысл был бессознательным. Из сознательных процессов симптомы не образуются; как только соответствующие бессознательные процессы сделаются сознательными, симптом должен исчезнуть. Вы сразу же предугадываете здесь путь к терапии, путь к уничтожению симптомов. Этим путем Брейер действительно вылечил свою истерическую пациентку, т. е. освободил ее от симптомов; он нашел технику доведения до ее сознания бессознательных процессов, содержавших смысл симптома, и симптомы исчезли.

Это открытие Брейера было результатом не умозрения, а счастливого наблюдения, ставшего возможным благодаря тому, что больная пошла ему навстречу. Но вам теперь не следует стремиться объяснить его непременно из чего-то другого, уже знакомого, однако вы должны признать в нем новый фундаментальный факт, с помощью которого можно прояснить многое другое. Разрешите мне поэтому повторить то же самое в других выражениях.

Образование симптома – это замещение (Ersatz) чего-то другого, что не могло проявиться. Определенные душевные процессы нормальным образом должны были бы развиться настолько, чтобы они стали известны сознанию. Этого не случилось, но зато из прерванных, каким-то образом нарушенных процессов, которые должны были остаться бессознательными, возник симптом. Таким образом, получилось что-то вроде подстановки; если возвратиться к исходному положению, то терапевтическое воздействие на невротические симптомы достигнет своей цели.

Открытие Брейера еще до сих пор является фундаментом психоаналитической терапии. Положение о том, что симптомы исчезают, если их бессознательные предпосылки сделались сознательными, подтвердилось всеми дальнейшими исследованиями, хотя при попытке его практического применения сталкиваешься с самыми странными и самыми неожиданными осложнениями. Наша терапия действует благодаря тому, что превращает бессознательное в сознательное, и лишь постольку, поскольку она в состоянии осуществить это превращение.

Поспешим теперь сделать маленькое отступление, чтобы у вас не возникло искушения представить себе эту терапевтическую работу как нечто слишком легкое. Судя по нашим предыдущим рассуждениям, невроз является следствием своего рода незнания, неведения о душевных процессах, о которых следовало бы знать. Это очень походило бы на известную теорию Сократа, согласно которой даже пороки основаны на незнании. Но опытному в анализе врачу, как правило, очень легко догадаться, какие душевные движения того или иного больного остались бессознательными. Ему нетрудно было бы поэтому вылечить больного, освободив от собственного его незнания сообщением того, что он знает. По крайней мере, таким образом легко вскрыть часть бессознательного смысла симптомов, о другой же части, о связи симптомов с переживаниями больного врач, правда, может сказать немногое, потому что он не знает этих переживаний, он должен ждать, пока больной их вспомнит и расскажет ему. Об этих переживаниях можно справиться у родственников больного, и они часто бывают в состоянии определить среди них те, которые

оказали травматическое действие, сообщить, может быть, даже такие переживания, о которых больной не знает, потому что они имели место в очень ранние годы его жизни. Соединив эти два приема, можно было бы надеяться за короткое время и малыми усилиями ликвидировать патогенное незнание больного.

Но если бы это было так! Здесь мы приобрели опыт, к которому сначала не были подготовлены. Знание знанию рознь; есть разные виды знания, совершенно неравноценные психологически. *Il y a fagots et fagots* *, говорится где-то у Мольера. Знание врача не то же самое, что знание больного, и оно не может оказать то же действие. Если врач передает свое знание больному путем сообщения, это не имеет никакого успеха. Впрочем, было бы неверно так говорить. Успех здесь заключается не в преодолении симптомов, а в том, что тем самым начинается анализ, первыми вестниками которого являются проявления сопротивления. Тогда больной знает что-то, чего до сих пор не знал, т. е. смысл своего симптома, и все же он так же мало знает о нем, как и раньше. Так мы узнаем, что есть более, чем один, вид незнания. Чтобы показать, в чем различия, необходимо известное углубление наших психологических знаний. Но наше положение, что при знании их смысла симптомы исчезают, остается все-таки правильным. Дело только в том, что знание должно быть основано на внутреннем изменении больного, которое может быть вызвано лишь психической работой с определенной целью. Здесь мы стоим перед проблемами, которые скоро объединятся в *динамику* образования симптомов.

Уважаемые господа! Теперь я должен поставить вопрос: не кажется ли вам то, что я говорю, слишком темным и сложным? Не запутываю ли я вас тем, что так часто отказываюсь от ранее сказанного и ограничиваю его, начинаю развивать мысль и затем оставляю ее? Мне было бы жаль, если бы это было так. Но у меня сильное отвращение к упрощениям в ущерб истине, я не имею ничего против, чтобы вы получили полное представление о многосторонности и многосвязности предмета, и думаю, что нет вреда в том, если по каждому вопросу я говорю вам больше, чем вы можете использовать в настоящий момент. Я ведь знаю, что любой слушатель и читатель мысленно выверяет, сокращает, упрощает и извлекает из предложенного ему то, что он хотел бы запомнить. До известной степени верно то, что, чем содержательнее был предложенный материал, тем больше от него остается. Позвольте мне надеяться, что суть моих сообщений о смысле симптомов, о бессознательном и связи между ними вы ясно поняли, несмотря на все второстепенные моменты. Вы, видимо, также поняли, что в дальнейшем наши усилия будут сконцентрированы на достижении двух целей: узнать, во-первых, как люди заболевают, приобретают невротическую жизненную установку, что является клинической проблемой, и, во-вторых, как из условий невроза развиваются болезненные симптомы, что остается проблемой душевной динамики. И обе проблемы где-то должны встретиться.

* Вещь вещи рознь (*франц.*).– *Примеч. пер.*

Сегодня я тоже не хочу идти дальше, но так как наше время еще не истекло, я намерен обратить ваше внимание на другую особенность двух наших анализов, все значение которой опять-таки будет оценено лишь позже, а именно на пробелы в воспоминаниях, или амнезии. Вы слышали, что задачу психоаналитического лечения можно сформулировать как превращение всего патогенного бессознательного в сознательное. Теперь вы, возможно, удивитесь, узнав, что эту формулировку можно заменить другой: заполнить все пробелы в воспоминаниях больного, устранить его амнезии. Это свелось бы к тому же. Амнезиям невротика приписывается, таким образом, важная связь с возникновением его симптомов. Но если вы примете во внимание анализ нашего первого случая, вы найдете эту оценку амнезии неоправданной. Больная не забыла сцену, с которой связано ее навязчивое действие, наоборот, живо хранит ее в памяти, и ничто другое из забытого тоже не участвует в возникновении этого симптома. Менее отчетливо, но в общем аналогично обстоит дело у нашей второй пациентки, девушки с навязчивым церемониалом. И она, собственно, не забыла своего поведения в ранние годы, тех фактов, что она настаивала на открывании дверей между спальней родителей и своей и прогоняла мать с ее места в супружеской постели; она вспоминает это совершенно ясно, хотя и с нерешительностью и неохотно. Странным мы можем считать только то, что первая пациентка, исполняя бесчисленное множество раз свое навязчивое действие, *ни разу* не заметила его сходства с переживанием после первой брачной ночи, и это воспоминание не возникло у нее, когда ей задавались прямые вопросы для выяснения мотивации навязчивого действия. То же самое относится к девушке, у которой церемониал и его поводы связаны с одной и той же, каждый вечер повторявшейся ситуацией. В обоих случаях, собственно говоря, нет никакой амнезии, никакого выпадения воспоминаний, но прервана связь, которая должна была бы вызвать воспроизведение, новое появление воспоминания. Подобного нарушения памяти достаточно для невроза навязчивых состояний, при истерии происходит иначе. Этот последний невроз отличается в большинстве случаев очень большими амнезиями. Как правило, при анализе каждого отдельного симптома истерии находишь целую цепь жизненных впечатлений, которые при их возвращении в память определяются больными как явно забытые. С одной стороны, эта цепь доходит до самых ранних лет жизни, так что истерическую амнезию можно считать непосредственным продолжением детской амнезии, которая у нас, нормальных людей, окутывает начало нашей душевной жизни. С другой стороны, мы с удивлением узнаем, что и самые последние переживания больных могут забываться и в особенности подвергаются амнезии, если не совсем поглощаются ей, поводы, при которых возникла или усилилась болезнь. Из общей картины такого недавнего воспоминания постоянно исчезают важные детали или заменяются ложными воспоминаниями. Почти всегда бывает так, что лишь незадолго до окончания анализа всплывают определенные воспоминания о недавно пережитом, которые так долго могли задерживаться и оставляли в связи чувственные пробелы.

Такие нарушения способности вспоминать, как было сказано, характерны для истерии, при которой даже в качестве симптомов наступают состояния (истерические припадки), не оставляющие в воспоминании никакого следа. Если при неврозе навязчивых состояний происходит иначе, то из этого вы можете заключить, что при этих амнезиях речь идет вообще о психологическом характере истерического изменения, а не об общей черте неврозов. Значение этого различия ограничивается следующим соображением. Под «смыслом» симптома мы понимаем одновременно два момента: откуда он берется и куда или к чему ведет, т. е. впечатления и переживания, от которых он исходит, и цели, которым служит.

Таким образом, на вопрос, откуда берется симптом, отвечают впечатления, которые приходят извне, были когда-то в силу необходимости сознательными и с тех пор благодаря забыванию могут стать бессознательными. Но цель симптома, его тенденция — это каждый раз эндопсихический процесс, который, возможно, сначала был сознаваем, но не менее вероятно, что он никогда не был в сознании и давно оставался в бессознательном. Так что не очень важно, захватила ли амнезия также и исходные переживания, на которых основывается симптом, как это происходит при истерии; цель, тенденция симптома, которая с самого начала может быть бессознательна, основана на его зависимости от бессознательного, и при неврозе навязчивых состояний не менее тесной, чем при истерии.

Но этим выдвижением бессознательного на первый план в душевной жизни мы вызвали самых злых духов критики психоанализа. Не удивляйтесь этому и не верьте также тому, что сопротивление против нас заключается лишь в трудности понимания бессознательного или в относительной недоступности опытных данных, которые его доказывают. Я полагаю, оно имеет более глубокие причины. В течение веков наивное самолюбие человечества вынуждено было претерпеть от науки два великих оскорбления. Первое, когда оно узнало, что наша земля не центр вселенной, а крошечная частичка мировой системы, величину которой едва можно себе представить. Оно связано для нас с именем Коперника, хотя подобное провозглашала уже александрийская наука. Затем второе, когда биологическое исследование уничтожило привилегию сотворения человека, указав ему на происхождение из животного мира и неискоренимость его животной природы. Эта переоценка произошла в наши дни под влиянием Ч. Дарвина, Уоллеса[34] и их предшественников не без ожесточеннейшего сопротивления современников. Но третий, самый чувствительный удар по человеческой мании величия было суждено нанести современному психоаналитическому исследованию, которое указало Я, что оно не является даже хозяином в своем доме, а вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни бессознательно. Но и этот призыв к скромности исходит не впервые и не только от нас, психоаналитиков, однако, по-видимому, нам суждено отстаивать его самым энергичным образом и подтвердить фактами, понятными каждому. Отсюда всеобщий протест против нашей науки, от-

каз от всякой академической вежливости и освобождение оппозиции от всякого сдерживания непартийной логики, и к этому еще прибавляется то, что мы, как вы скоро узнаете, нарушим покой этого мира еще и другим образом.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Сопротивление и вытеснение

Уважаемые дамы и господа! Для того чтобы продвинуться дальше в понимании неврозов, нам нужны новые опытные данные, и мы рассмотрим две из них. Обе весьма примечательны и в свое время поражали. Вы к нам подготовлены нашими прошлогодними беседами.

Во-первых: если мы стремимся вылечить больного, освободить его от болезненных симптомов, то он оказывает нам ожесточенное, упорное сопротивление (Widerstand), длящееся в течение всего лечения. Это настолько странный факт, что мы даже не ожидаем, чтобы ему поверили. Родственникам больного лучше всего ничего не говорить об этом, потому что они никогда не подумают ничего другого, кроме как принять это за отговорку, извиняющую длительность или неуспешность нашего лечения. Больной тоже демонстрирует все проявления этого сопротивления, не сознавая его, и уже большое достижение, если нам удается довести больного до понимания этого сопротивления и необходимости считаться с ним. Подумайте только, больной, который так страдает от своих симптомов и заставляет страдать своих близких, который готов пожертвовать столько времени, денег, сил и преодолевать себя, чтобы освободиться от них, этот больной оказывает сопротивление врачу в интересах своей болезни. Каким невероятным должно казаться такое утверждение! И тем не менее это так, и когда нам указывают на невероятность этого факта, нам остается только ответить, что этому есть свои аналоги, и любой, кто пригласил зубного врача при нестерпимой зубной боли, будет отталкивать его руку, когда он захочет приблизиться к больному зубу с щипцами.

Сопротивление больных чрезвычайно разнообразно, в высшей степени утонченно, часто трудно распознается, постоянно меняет форму своего проявления. Для врача это значит не быть доверчивым и оставаться по отношению к нему настороже. В психоаналитической терапии мы используем технику, которая знакома вам по толкованию сновидений. Мы просим больного прийти в состояние спокойного самонаблюдения, не углубляясь в раздумья, и сообщать все, что он может определить при этом по внутренним ощущениям: чувства, мысли, воспоминания в той последовательности, в которой они возникают. При этом мы настойчиво предостерегаем его не поддаваться какому-нибудь мотиву, желающему выбрать или устранить что-либо из пришедших ему в голову мыслей, хотя бы они

казались *слишком неприятными* или *слишком нескромными,* чтобы их высказывать, или *слишком неважными, не относящимися к делу, или бессмысленными*, так что незачем о них и говорить. Мы внушаем ему постоянно следить лишь за поверхностью сознания, отказываться от постоянно возникающей критики того, что он находит, и уверяем его, что успех лечения, а прежде всего его продолжительность, зависят от добросовестности, с которой он будет следовать этому основному техническому правилу анализа. Из техники толкования сновидений мы знаем, что именно такие мысли, против которых возникают перечисленные сомнения и возражения, обычно содержат материал, ведущий к раскрытию бессознательного.

Выдвигая это основное техническое правило, мы добиваемся сначала того, что все сопротивление направляется на него. Больной всячески пытается избежать его предписаний. То он утверждает, что ему ничего не приходит в голову, то, что напрашивается так много, что он ничего не может понять. Далее мы с неприятным удивлением замечаем, что он поддается то одному, то другому критическому возражению; он выдает себя длинными паузами, которые допускает в своих высказываниях. Тогда он признается, что действительно не может этого сказать, стыдится и считается с этим мотивом, несмотря на свое обещание. Или ему что-то приходит в голову, но это касается другого лица, а не его самого, и поэтому он исключил это из сообщения. Или что теперь ему пришло в голову действительно слишком неважное, слишком глупое и слишком бессмысленное, ведь не мог же он подумать, что должен останавливаться на таких мыслях, и так продолжается в бесчисленных вариациях, на что приходится возражать, что говорить все — значит действительно говорить все.

Едва ли встретишь больного, который не пытался бы сохранить какую-то область, чтобы преградить к ней доступ для лечения. Так, один, которого я причислял к высшей степени интеллигентным, неделями умалчивал об интимной любовной связи и, когда я потребовал от него объяснений за нарушение святого правила, выдвинул в защиту аргумент: он думал, что эта история — его личное дело. Разумеется, аналитическое лечение не допускает такого права на убежище. Попробуйте-ка в таком городе, как Вена, допустить исключение для какого-то места, вроде Высокого рынка и Церкви св. Стефана, объявив, что там нельзя производить аресты, и постарайтесь затем поймать какого-нибудь известного преступника. Его нельзя будет найти ни в каком ином месте, как только в этом убежище. Однажды я решился предоставить человеку, трудоспособность которого была объективно очень важна, такое право на исключение, потому что он находился под служебной присягой, запрещающей ему сообщать другому определенные вещи. Он, правда, был доволен успехом лечения, но я нет, и я решил впредь при подобных условиях не повторять опыта.

Страдающие неврозом навязчивых состояний прекрасно умеют сделать почти непригодным техническое правило тем, что относятся к нему с чувством повышенной совестливости и сомнения. Истерики, страдаю-

щие страхом, выполняют его, доводя *ad absurdum* *, так как они воспроизводят только те мысли, которые настолько далеки от искомого, что ничего не дают для анализа. Но я не намерен вводить вас в разбор этих технических трудностей. Достаточно того, что в конце концов благодаря решительности и настойчивости удается отвоевать у сопротивления известную долю подчинения основному техническому правилу, и тогда оно переносится на другую область. Оно выступает как интеллектуальное сопротивление, борется при помощи аргументов, пользуется трудностями и неправдоподобными положениями, которые нормальное, но не осведомленное мышление находит в аналитических теориях. Тогда нам соло приходится выслушивать все возражения и критику, которые хором раздаются в научной литературе. Так что для нас нет ничего нового в том, что нам кричат извне. Это настоящая буря в стакане воды. Однако с пациентом можно поговорить; он просит нас осведомлять его, поучать, опровергать, указать ему литературу, изучив которую, он мог бы приобрести новые знания. Он охотно готов стать сторонником психоанализа при условии, чтобы анализ пощадил бы его лично. Но мы узнаем в этой любознательности сопротивление, уклонение от наших специальных задач и отвергаем ее. У невротика с навязчивым состоянием мы должны ожидать особой тактики сопротивления. Он часто беспрепятственно позволяет идти анализу своим ходом, так что в загадках его случая заболевания приобретается все больше ясности, но в конце концов мы начинаем удивляться, что этому разъяснению не соответствует никакой практический успех, нет никакого исчезновения симптомов. Тогда мы можем обнаружить, что сопротивление отступило за сомнение, свойственное неврозу навязчивых состояний, и с этой позиции успешно дает нам отпор. Больной сказал себе приблизительно следующее: все это прекрасно и интересно. Я охотно посмотрю, что будет дальше. Это очень изменило бы мою болезнь, если бы было верно. Но ведь я совершенно не верю, что это правильно, а пока я этому не верю, моей болезни ничего не касается. Так может долго продолжаться, пока сам не дойдешь до этого потайного места, и тогда начинается решительная борьба.

Интеллектуальные сопротивления не самые худшие, над ними всегда одерживаешь победу. Но пациент, оставаясь в рамках анализа, умеет также создавать такие сопротивления, преодоление которых относится к самым трудным техническим задачам. Вместо того чтобы вспоминать, он воспроизводит из своей жизни такие установки и чувства, которые посредством так называемого «перенесения» (Übertragung) можно использовать для сопротивления врачу и лечению. Если пациент — мужчина, он берет этот материал, как правило, из своего отношения к отцу, на место которого он ставит врача, и таким образом создает сопротивление из своего стремления к личной и интеллектуальной самостоятельности, из своего честолюбия, которое видело свою первую цель в том, чтобы подражать отцу или превзойти его, из его нежелания второй раз в жизни взять на себя бремя благодарности. Порой возникает впечатление,

* До абсурда (*лат.*).– *Примеч. пер.*

будто у больного есть намерение показать, что врач не прав, дать ему почувствовать свое бессилие, одержать над ним верх, которое полностью заменяет лучшее намерение покончить с болезнью. Женщины для целей сопротивления умеют мастерски использовать нежное, эротически подчеркнутое перенесение на врача. При известной силе этой склонности пропадает всякий интерес к действительной ситуации лечения, не исполняется ни одной из обязательств, взятых на себя в начале его, а никогда не прекращающаяся ревность, а также горечь из-за неизбежного, хотя и осторожного отказа в ответном чувстве должны содействовать ухудшению личного отношения к врачу и, таким образом, исключить одну из самых могучих действующих сил анализа.

Нельзя односторонне осуждать сопротивления этого рода. Они содержат много важнейшего материала из прошлого больного, воспроизводят его в такой убедительной форме, что становятся наилучшей опорой анализа, если их, умело используя технику, направить в нужное русло. Замечательно только то, что сначала этот материал служит сопротивлению и выступает своей враждебной лечению стороной. Можно также сказать, что это характерные свойства, установки Я, которые пускаются в ход для борьбы с изменениями, к которым мы стремимся. При этом узнаешь, как образовались эти характерные свойства в связи с условиями [возникновения] невроза в виде реакции против их требований и узнаешь эти характерные особенности, которые иначе могут не проявиться или проявиться не в той мере и которые можно назвать латентными. У вас не должно также складываться впечатления, что в появлении этих сопротивлений мы усматриваем непредвиденную опасность для аналитического влияния. Нет, мы знаем, что эти сопротивления должны появиться; мы только бываем недовольны, если вызываем их недостаточно ясно и не можем объяснить их больному. Наконец, мы понимаем, что преодоление этих сопротивлений является существенным достижением анализа и той части работы, которая только и дает нам уверенность, что мы чего-то добились у больного.

Прибавьте к этому, что больной пользуется всеми встречающимися во время лечения случайностями, чтобы помешать ему, любым отвлекающим от него событием, любым враждебным выпадом в адрес анализа со стороны авторитетного в его кругу человека, случайным или сопряженным с неврозом органическим заболеванием, что даже любое улучшение своего состояния он использует как повод для ослабления своего старания, и вы получите приблизительную и все еще не полную картину форм и средств сопротивления, в борьбе с которым проходит любой анализ. Я так подробно остановился на этом пункте, потому что должен вам сказать, что эти наши данные о сопротивлении невротиков устранению их симптомов легли в основу нашего динамического взгляда на невроз. Брейер и я сам сначала занимались психотерапией при помощи гипноза; первую пациентку Брейер всегда лечил в состоянии гипнотического внушения, в этом я вначале следовал ему. Сознаюсь, что тогда работа шла легче и приятнее, а также намного быстрее. Но результаты были непостоянны и сохранялись в течение непродолжительного времени, поэтому

я в конце концов (отказался от гипноза). И тогда я понял, что при использовании гипноза невозможно было понять динамику этих поражений. Это состояние как раз и не позволяло врачу заметить существование сопротивления. Оно отодвигало сопротивление на задний план, освобождало определенную область для аналитической работы и сосредоточивало его на границах этой области так, что оно становилось непреодолимым, подобно сомнению, возникающему при неврозе навязчивых состояний. Поэтому я имею право сказать, что подлинный психоанализ начался с отказа от помощи гипноза.

Но если вопрос о сопротивлении так значим, то не следует ли нам выразить осторожное сомнение: не слишком ли многое мы объясняем сопротивлением? Может быть, действительно есть случаи неврозов, при которых ассоциации не возникают по другим причинам, может быть, доводы против наших предпосылок действительно заслуживают содержательного обсуждения, и мы поступаем несправедливо, так равнодушно отодвигая в сторону интеллектуальную критику анализируемого как сопротивление. Да, уважаемые господа, но мы нелегко пришли к такому выводу. Мы имеем возможность наблюдать каждого такого критикующего пациента при появлении и после исчезновения сопротивления. В процессе лечения сопротивление постоянно меняет свою интенсивность; оно всегда растет, когда приближаешься к новой теме, достигает наибольшей силы на высоте ее разработки и снова снижается, когда тема исчерпана. Если не допустить особых технических ошибок, то можно никогда не иметь дела с полной мерой сопротивления, на которое способен пациент. Таким образом, мы могли убедиться, что один и тот же человек в продолжение анализа бесчисленное множество раз то оставляет свою критическую установку, то снова принимает ее. Если нам предстоит перевести в сознание новую и особенно мучительную для него часть бессознательного, то он становится до крайности критичным, если он раньше многое понимал и принимал, то теперь эти завоевания как будто бы исчезли; в своем стремлении к оппозиции во что бы то ни стало он может производить полное впечатление аффективно слабоумного. Если удалось помочь ему в преодолении этого нового сопротивления, то он снова обретает благоразумие и понимание. Его критика, следовательно, не является самостоятельной, внушающей уважение функцией, она находится в подчинении аффективных установок и управляется его сопротивлением. Если ему что-то не нравится, он может очень остроумно защищаться от этого и оказаться очень критичным; но если ему что-то выгодно, то он может, напротив, быть весьма легковерным. Может быть, мы все ненамного лучше; анализируемый только потому так ясно обнаруживает эту зависимость интеллекта от аффективной жизни, что мы во время анализа доставляем ему так много огорчений.

Каким образом мы считаемся с тем фактом, что больной так энергично противится устранению своих симптомов и восстановлению нормального течения его душевных процессов? Мы говорим себе, что почувствовали здесь большие силы, оказывающие сопротивление изменению состояния; это, должно быть, те же силы, которые в свое время прину-

дительно вызвали это состояние. При образовании симптомов происходило, должно быть, что-то такое, что мы, разгадывая симптомы, можем реконструировать по нашему опыту. Из наблюдения Брейера мы уже знаем, что предпосылкой для существования симптома является то, что какой-то душевный процесс не произошел до конца нормальным образом, так что он не мог стать сознательным. Симптом представляет собой заместитель того, что не осуществилось. Теперь мы знаем, к какой точке прилагается действие предполагаемой силы. Сильное сопротивление должно было направиться против того, чтобы упомянутый душевный процесс проник в сознание; поэтому он остался бессознательным. Как бессознательный, он обладает способностью образовать симптом. То же самое сопротивление во время аналитического лечения вновь противодействует стремлению перевести бессознательное в сознание. Это мы ощущаем как сопротивление. Патогенный процесс, проявляющийся в виде сопротивления, заслуживает названия *вытеснения* (Verdrängung).

Об этом процессе вытеснения мы должны составить себе более определенное представление. Оно является предпосылкой образования симптомов, но оно выступает также как то, чему мы не знаем аналогов. Если мы возьмем, к примеру, импульс, душевный процесс, стремящийся превратиться в действие, то мы знаем, что он может быть отклонен, и это мы называем отказом или осуждением. При этом у него отнимается энергия, которой он располагает, он становится бессильным, но может сохраниться как воспоминание. Весь процесс принятия решения о нем проходит под контролем Я. Совсем иное дело, если мы представим себе, что этот же импульс подлежит вытеснению. Тогда он сохранил бы свою энергию, и о нем не осталось бы никакого воспоминания, а процесс вытеснения совершился бы также незаметно для Я. Таким образом, это сравнение не приближает нас к пониманию сущности вытеснения.

Я хочу сообщить вам, какие теоретические представления оказались единственно приемлемыми, чтобы придать понятию вытеснения большую определенность. Прежде всего, нам необходимо перейти от чисто описательного смысла слова «бессознательное» к систематическому, т. е. мы решаемся сказать, что сознательность или бессознательность психического процесса является лишь одним из его свойств, которое может быть неоднозначным. Если такой процесс остался бессознательным, то это отсутствие сознания, быть может, только знак постигшей его судьбы, но не сама судьба. Для того чтобы наглядно представить эту судьбу, предположим, что всякий душевный процесс — здесь должно быть допущено исключение, о котором будет упомянуто ниже,— сначала существует в бессознательной стадии или фазе и только из нее переходит в сознательную фазу, примерно как фотографическое изображение представляет собой сначала негатив и затем благодаря позитивному процессу становится изображением. Но не из всякого негатива получается позитив, и так же не обязательно, чтобы всякий бессознательный душевный процесс превращался в сознательный. Иными словами: отдельный процесс входит сначала в психическую систему бессознательного и может затем при известных условиях перейти в систему сознательного.

Самое грубое и самое удобное для нас представление об этих системах — это пространственное. Мы сравниваем систему бессознательного с большой передней, в которой копошатся, подобно отдельным существам, душевные движения. К этой передней примыкает другая комната, более узкая, вроде гостиной, в которой также пребывает и сознание. Но на пороге между обеими комнатами стоит на посту страж, который рассматривает каждое душевное движение в отдельности, подвергает цензуре и не пускает в гостиную, если оно ему не нравится. Вы сразу понимаете, что небольшая разница — отгоняет ли страж какое-то движение уже с порога или прогоняет его опять за порог после того, как оно проникло в гостиную. Дело лишь в его бдительности и своевременном распознавании. Придерживаясь этого образного сравнения, мы можем разработать дальше нашу номенклатуру. Душевные движения в передней бессознательного недоступны взору сознания, находящегося в другой комнате; они сначала должны оставаться бессознательными. Если они уже добрались до порога, и страж их отверг, то они не способны проникнуть в сознание; мы называем их *вытесненными*. Но и те душевные движения, которые страж пропустил через порог, вследствие этого не обязательно становятся сознательными; они могут стать таковыми только в том случае, если им удастся привлечь к себе взоры сознания. Поэтому с полным правом мы называем эту вторую комнату системой *предсознательного* (Vorbewußte), [понятие] осознания сохраняет тогда свой чисто дескриптивный смысл. Но судьба вытеснения для отдельного душевного движения состоит в том, что оно не допускается стражем из системы бессознательного в систему предсознательного. Это тот же страж, который выступает для нас как сопротивление, когда мы пытаемся с помощью аналитического лечения устранить вытеснение.

Но я знаю, вы скажете, что эти представления столь же грубы, сколь фантастичны и совершенно недопустимы в научном изложении. Я знаю, что они грубы; более того, мы знаем также, что они неправильны, и если мы не очень ошибаемся, то у нас уже готова лучшая замена. Не знаю, покажутся ли они вам столь же фантастичными. Пока это вспомогательные представления вроде человечка Ампера, плавающего в электрическом токе, и ими не следует пренебрегать, поскольку они помогают понять наблюдаемые факты. Могу вас уверить, что эти грубые предположения о двух комнатах, о страже на пороге между ними и о сознании как наблюдателе в конце второго зала все-таки очень близки к действительному положению вещей. Мне хотелось бы также услышать от вас признание, что наши названия отношений — *бессознательное, предсознательное, сознательное* — менее способны ввести в заблуждение и более оправданны, чем другие предлагаемые и употребляемые, как-то: *под*сознательное (unterbewußt), *около*сознательное (nebenbewußt), *внутри*сознательное (binnenbewußt) и т. п.

Поэтому еще более значимым для меня будет, если вы мне укажете, что такое устройство душевного аппарата, которое я предположил, объясняя невротические симптомы, должно было бы иметь общее значение и, следовательно, отражать также и нормальное функционирова-

ние. В этом вы, конечно, правы. Сейчас мы не можем вникать в суть этого вывода, но наш интерес к психологии образования симптомов чрезвычайно возрастает, если благодаря изучению патологических отношений возникнет перспектива разобраться в столь глубоко скрытых нормальных душевных процессах.

Впрочем, разве вы не узнаете, на чем основывается наше предположение о двух системах, отношении между ними и к сознанию? Ведь страж между бессознательным и предсознательным — не что иное, как *цензура*, которой, как мы знаем, подвергается образование явного сновидения. Остатки дневных впечатлений, в которых мы узнаем побудителей сновидения, были предсознательным материалом, испытавшим ночью в состоянии сна влияние бессознательных и вытесненных желаний и благодаря их энергии сумевшим образовать вместе с ними скрытое сновидение. Под давлением бессознательной системы этот материал подвергся переработке — сгущению и смещению, которые в нормальной душевной жизни, т. е. в предсознательном, неизвестны и допустимы лишь в виде исключения. Это различие в способе работы стало для нас характеристикой обеих систем; отношение к сознанию, которое соединено с предсознательным, мы считали только признаком принадлежности к той или другой системе. Ведь сновидение уже не патологический феномен; оно может появиться у всех здоровых в условиях состояния сна. Такое предположение о структуре душевного аппарата, которое позволяет нам понять как возникновение сновидения, так и возникновение невротических симптомов, имеет неоспоримое право на то, чтобы быть принятым во внимание и при нормальной душевной жизни.

Вот все, что мы желаем сказать сейчас о вытеснении. Но оно лишь предпосылка для образования симптомов. Мы знаем, что симптом — это заместитель чего-то, чему помешало вытеснение. Но от вытеснения до понимания образования этого заместителя еще далеко. В связи с выявлением вытеснения возникают вопросы и с другой стороны: какого рода душевные движения подлежат вытеснению, какими силами оно осуществляется, по каким мотивам? По этому поводу нам до сих пор известно только одно. При исследовании сопротивления мы узнали, что оно исходит из сил Я, из известных и скрытых свойств характера. Следовательно, они и позаботились о вытеснении или, по крайней мере, участвовали в нем [35]. Все остальное нам пока неизвестно.

Тут нам на помощь приходит второй факт, о котором я говорил. Из анализа мы в самых общих чертах можем указать, что является целью невротических симптомов. И в этом для вас нет ничего нового. Я вам уже показал это на двух примерах неврозов. Правда, что значат два примера? Вы вправе потребовать, чтобы это демонстрировалось вам двести, бесчисленное множество раз. Беда только в том, что я не могу этого сделать. Основную роль здесь вновь играют собственный опыт или вера, которая может опереться в этом пункте на единодушные указания всех психоаналитиков.

Вы помните, что в двух случаях, симптомы которых мы подвергли тщательному исследованию, анализ посвятил нас в самую интимную

область сексуальной жизни этих больных. В первом случае, кроме того, мы особенно ясно поняли цель или тенденцию исследованного симптома, может быть, во втором случае она несколько затемняется фактором, о котором речь будет ниже. То, что мы видели в этих обоих случаях, нам продемонстрировали бы и другие подвергнутые анализу случаи. Анализ всякий раз приводил бы нас к сексуальным переживаниям и желаниям больного, и всякий раз мы должны были бы устанавливать, что их симптомы служат одной и той же цели. Эта цель открывается нам в удовлетворении сексуальных желаний; симптомы служат сексуальному удовлетворению больных, они являются заместителями такого удовлетворения, которого они лишены в жизни.

Припомните навязчивое действие нашей первой пациентки. Женщина лишается своего горячо любимого мужа, с которым она не может разделять жизнь из-за его недостатков и слабостей. Она должна оставаться верной ему, она не может заменить его другим. Ее навязчивый симптом дает ей то, чего она жаждет,— возвышает ее мужа, отрицает, исправляет его слабости, прежде всего его импотенцию. В сущности, этот симптом является исполнением желания точно так же, как сновидение, а именно, чем сновидение бывает далеко не всегда, исполнением эротического желания. В случае нашей второй пациентки вы, по крайней мере, могли понять, что ее церемониал стремится помешать половым сношениям родителей или отсрочить их, чтобы в результате не появился новый ребенок. Вы, вероятно, догадались, что, в сущности, она стремится к тому, чтобы поставить себя на место матери. Следовательно, опять устранение помех в сексуальном удовлетворении и исполнении собственных сексуальных желаний. О некотором наметившемся здесь осложнении речь будет ниже.

Уважаемые господа! Я хотел бы избежать того, чтобы впоследствии делать отступления относительно общего характера моих утверждений, и поэтому обращаю ваше внимание на то, что все, что я здесь говорю о вытеснении, образовании симптомов и их значении, было выяснено на материале трех форм неврозов: истерии страха, конверсионной истерии и невроза навязчивых состояний — и сначала относилось только к этим формам. Эти три заболевания, которые мы привыкли объединять в одну группу «*неврозов перенесения*» (Übertragungsneurosen), ограничивают также область приложения психоаналитической терапии. Другие неврозы изучены психоанализом в гораздо меньшей степени; одну группу неврозов мы обошли по причине невозможности терапевтического влияния. Не забывайте также, что психоанализ еще очень молодая наука, что он требует много труда и времени для подготовки и что до недавнего времени он разрабатывался одним человеком. Но мы готовы углубиться во всестороннее познание этих других заболеваний, не относящихся к неврозам перенесения. Надеюсь, я смогу еще показать вам, насколько расширяются наши предположения и результаты, приспосабливаясь к этому новому материалу, и что эти дальнейшие исследования привели не к противоречиям, а к установлению единства на более высоком уровне. Итак, если все сказанное здесь имеет отношение к трем

неврозам перенесения, то позвольте мне сначала повысить [в ваших глазах] значимость симптомов новым сообщением. Сравнительное исследование поводов заболеваний дает результат, который можно сформулировать следующим образом: эти лица заболевают вследствие *вынужденного отказа* (Versagung) от чего-то, когда реальность не дает удовлетворения их сексуальным желаниям. Вы замечаете, как прекрасно оба эти результата соответствуют друг другу. В таком случае симптомы тем более следует понимать как заместители недостающего в жизни удовлетворения.

Разумеется, возможны еще многие возражения против положения, что невротические симптомы являются заместителями сексуального удовлетворения. На двух из них я хочу сегодня остановиться. Если вы сами аналитически обследовали большое число невротиков, то, возможно, скажете, качая головой: в ряде случаев это ведь совершенно не подходит, симптомы, как кажется, содержат совершенно противоположную цель: исключить половое удовлетворение или отказаться от него. Я не буду оспаривать правильность вашего толкования. С психоаналитической точки зрения часто все здесь несколько сложнее, чем нам хочется. Если бы дело обстояло так просто, то, возможно, не требовалось бы психоанализа, чтобы все это вскрыть. Действительно, уже некоторые черты церемониала нашей второй пациентки обнаруживают его аскетический, враждебный сексуальному удовлетворению характер, например, когда она устраняет часы, что имеет магический смысл избежать ночных эрекций, или когда она хочет предупредить падение и ломку сосудов, что равносильно защите ее девственности. В других случаях, которые я имел возможность анализировать, этот отрицательный характер постельного церемониала был выражен гораздо ярче; церемониал мог сплошь состоять из защитных мер против сексуальных воспоминаний и искушений. Однако в психоанализе мы уже так часто убеждались, что противоположности не означают противоречия. Мы могли бы развить наше утверждение в том смысле, что симптомы имеют целью или сексуальное удовлетворение, или защиту от него, а именно при истерии в общем чаще встречается положительный, исполняющий желания характер [симптома], при неврозе навязчивых состояний — отрицательный, аскетический. Если симптомы могут служить как сексуальному удовлетворению, так и его противоположности, то эта двусторонность, или полярность, отчетливо определяется особенностью их механизма, о которой мы еще не упоминали. Как мы узнаем, они являются результатами компромисса, происшедшего из борьбы двух противоположных стремлений, и представляют как вытесненное, так и вытесняющее, участвовавшее в их образовании. При этом в большей степени может быть представлена одна или другая сторона, но только в редких случаях влияние исчезает полностью. При истерии происходит совпадение обеих целей. При неврозе навязчивых состояний обе части нередко распадаются; симптом имеет тогда два периода, состоит из двух действий, совершаемых одно за другим и устраняющих друг друга.

Не так-то легко устранить второе сомнение. Если вы просмотрите

большое количество толкований симптомов, то сначала у вас, вероятно, сложится мнение, что понятие сексуального удовлетворения крайне широко. Вы не преминете подчеркнуть, что эти симптомы не дают для удовлетворения ничего реального, что достаточно часто они ограничиваются оживлением какого-то ощущения или изображением какой-то фантазии из сексуального комплекса. Далее, то, что мы называем сексуальным удовлетворением, так часто обнаруживает детский и непристойный характер, приближается к онанистическому акту или напоминает нечистоплотные привычки, которые запрещают уже детям и отучают от них. И кроме того, вы выразите свое удивление, что за половое удовлетворение хотят выдать то, что должно быть описано как удовлетворение жестоких или отвратительных, даже заслуживающих названия противоестественных, страстей. В этом последнем пункте, уважаемые господа, мы не достигнем понимания, пока не подвергнем основательному изучению сексуальную жизнь человека и не установим при этом, что имеет право называться сексуальным.

ДВАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Сексуальная жизнь человека[36]

Уважаемые дамы и господа! Может показаться, что нет никаких сомнений в том, что следует понимать под «сексуальным». Сексуальное прежде всего — это неприличное, то, о чем нельзя говорить. Мне рассказывали, что ученики одного знаменитого психиатра попытались както убедить своего учителя в том, что симптомы истериков часто изображают сексуальные переживания. С этой целью они подвели его к кровати одной истеричной больной, припадки которой несомненно изображали процесс родов. Но он уклончиво ответил: так ведь роды вовсе не сексуальное. Разумеется, не во всех случаях роды — это что-то неприличное.

Я замечаю, вам не нравится, что я шучу о таких серьезных вещах. Но это не совсем шутка. Говоря серьезно, не так-то легко определить, что составляет содержание понятия «сексуальное». Может быть, единственно верным было бы сказать — все, что связано с различием двух полов, но вы найдете это бесцветным и слишком общим. Если вы поставите в центр факт полового акта, то, может быть, скажете: сексуальное — это все то, что проделывается с телом, в частности с половыми органами другого пола, с целью получения наслаждения и в конечном итоге направлено на соединение гениталий и исполнение полового акта. Но тогда вы в самом деле недалеки от приравнивания сексуального к неприличному, и роды действительно не относятся к сексуальному. Но если сутью сексуальности вы посчитаете продолжение рода, то рискуете исключить целый ряд вещей, которые не служат продолжению рода и

все-таки определенно сексуальны, как, например, мастурбация и даже поцелуй. Но мы ведь уже убедились, что попытки давать определения всегда вызывают затруднения, не будем думать, что именно в этом случае дело обстоит по-другому. Мы подозреваем, что в развитии понятия «сексуальное» произошло нечто такое, что, по удачному выражению Г. Зильберера, повлекло за собой «ошибку наложения» («Überdeckungsfehler»). Но в целом ведь мы не совсем уж не разбираемся в том, что люди называют сексуальным.

Это то, что складывается из учета противоположности полов, получения наслаждения, продолжения рода и характера скрываемого неприличного,— такого определения будет достаточно для всех практических требований жизни. Но его недостаточно для науки. Потому что благодаря тщательным исследованиям, ставшим возможными только благодаря готовому на жертвы самопреодолению, мы познакомились с группами индивидов, «сексуальная жизнь» которых самым резким образом отклоняется от обычного среднего представления. Одни из этих «извращенных» исключили, так сказать, из своей программы различие полов. Только люди одного с ними пола могут возбудить их сексуальные желания; другой пол, особенно его половые органы, вообще не является для них половым объектом, в крайних случаях даже вызывает отвращение. Тем самым они, естественно, отказались от всякого участия в продолжении рода. Таких лиц мы называем гомосексуалистами, или инвертированными. Это мужчины и женщины, довольно часто — но не всегда — безусловно образованные, интеллектуально развитые и высоконравственные, отягченные лишь этим одним роковым отклонением. Устами своих научных защитников они выдают себя за особую разновидность человеческого типа, за «третий пол», равноправно существующий наряду с двумя другими. Быть может, нам представится случай критически проанализировать их притязания. Разумеется, они не являются «элитой» человечества, как они любят говорить, а среди них имеется по меньшей мере столько же неполноценных и никчемных индивидов, сколько и у иных в сексуальном отношении людей.

Эти извращенные, по крайней мере, поступают со своим сексуальным объектом примерно так же, как нормальные со своим. Но имеется большое число таких ненормальных, сексуальная деятельность которых все больше удаляется от того, что кажется желанным разумному человеку. По разнообразию и странности их можно сравнить лишь с гротескными уродами, которых П. Брейгель изобразил искушающими святого Антония, или с давними богами и верующими, которых Г. Флобер заставляет проноситься в длинной процессии перед набожным кающимся грешником. Их надо как-то классифицировать, чтобы нам не запутаться. Мы разделяем их на таких, у которых, как у гомосексуалистов, изменился сексуальный объект, и на других, у которых прежде всего изменилась сексуальная цель. К первой группе относятся те, кто отказался от соединения гениталий и при половом акте заменяет гениталии партнера другой частью или областью тела; при этом они не считаются с недостатками органического устройства и переступают границы отвращения (рот, зад-

ний проход вместо влагалища). Сюда относятся и другие, у которых хотя и сохранился интерес к гениталиям, но не из-за сексуальных, а из-за других функций, в которых они участвуют по анатомическим причинам и вследствие соседства. По ним мы узнаем, что функции выделения, которые при воспитании ребенка отодвигаются на задний план как неприличные, могут всецело привлечь к себе сексуальный интерес. Далее идут другие, которые вообще отказались от гениталий как объекта и поставили на их место как желанный объект другую часть тела — женскую грудь, ногу, косу. Затем следуют те, для которых ничего не значит и часть тела, но все желания выполняет какой-либо предмет одежды, обувь, что-либо из нижнего белья,— фетишисты. Следующее место в этом ряду занимают лица, которые хотя и желают весь объект, но предъявляют к нему совершенно определенные странные или отвратительные требования, даже такие, чтобы объект стал беззащитным трупом, и делают его таковым в своем преступном насилии, чтобы наслаждаться им. Но довольно ужасов из этой области!

Другую группу возглавляют извращенные, поставившие целью своих сексуальных желаний то, что в нормальных условиях является только вступительным и подготовительным действием, а именно разглядывание и ощупывание другого лица или подглядывание за ним при исполнении интимных отправлений или обнажение своих собственных частей тела, которые должны быть скрыты, в смутной надежде, что они будут вознаграждены таким же ответным действием. Затем следуют загадочные садисты, нежное стремление которых не знает никакой иной цели, как причинить своему объекту боль или мучение, начиная с легкого унижения вплоть до тяжелых телесных повреждений, и, как бы для равновесия, их антиподы — мазохисты, единственное удовольствие которых состоит в том, чтобы испытать от любимого объекта все унижения и мучения в символической и в реальной форме. Имеются еще и другие, у которых сочетается и переплетается несколько таких ненормальностей, и, наконец, мы еще узнаем, что каждая из этих групп существует в двух видах, что наряду с теми, кто ищет сексуального удовлетворения в реальности, есть еще другие, которые довольствуются тем, чтобы только представить себе такое удовлетворение, которым вообще не нужен никакой реальный объект, так как они могут заменить его себе фантазией.

При этом не подлежит ни малейшему сомнению, что в этих безумствах, странностях и мерзостях действительно проявляется сексуальная деятельность этих людей. Не только они сами так понимают и чувствуют замещающее отношение, но и мы должны сказать, что все это играет в их жизни ту же роль, что и нормальное сексуальное удовлетворение в нашей, за это они приносят те же, часто громадные жертвы, и в общем, и в частном можно проследить, где эти ненормальности граничат с нормой, а где отклоняются от нее. Вы также не можете не заметить, что характер неприличного, присущий сексуальной деятельности, имеет место и здесь, но по большей части он усиливается до позорного.

Как же, уважаемые дамы и господа, мы относимся к этим необычным видам сексуального удовлетворения? Возмущением, выражением

нашего личного отвращения и заверением, что мы не разделяем эти прихоти, очевидно, ничего не сделаешь. Да нас об этом никто и не спрашивает. В конце концов, это такая же область явлений, как и другая. Отрицательную отговорку, что это ведь только редкие и курьезные случаи, нетрудно было бы опровергнуть. Наоборот, речь идет об очень частых, широко распространенных явлениях. Но если бы кто-нибудь захотел нам сказать, что они не должны сбивать нас с толку в наших взглядах на сексуальную жизнь, потому что они все без исключения являются заблуждениями и нарушениями сексуального влечения, то был бы уместен серьезный ответ. Если мы не сумеем понять эти болезненные формы сексуальности и связать их с нормальной сексуальной жизнью, то мы не поймем и нормальной сексуальности. Одним словом, перед нами стоит неизбежная задача дать теоретическое объяснение возможности [возникновения] названных извращений и их связи с так называемой нормальной сексуальностью.

В этом нам помогут имеющееся воззрение и два новых факта. Первым мы обязаны Ивану Блоху (1902—1903); он изменил мнение, что все эти извращения — «признаки дегенерации», указанием на то, что такие отклонения от сексуальной цели, такое ослабление отношения к сексуальному объекту встречались с давних пор, во все известные нам времена, у всех народов, как самых примитивных, так и самых высокоцивилизованных, считались допустимыми и находили всеобщее признание. Оба факта были получены в психоаналитическом исследовании невротиков; они должны решительным образом изменить наше понимание сексуальных извращений.

Мы сказали, что невротические симптомы являются замещением сексуального удовлетворения, и я указал вам, что подтверждение этого положения путем анализа симптомов натолкнется на некоторые трудности. Оно оправдывается только в том случае, если в понятие «сексуальное удовлетворение» мы включим так называемые извращенные сексуальные потребности, потому что такое толкование симптомов напрашивается поразительно часто. Притязания гомосексуалистов, или инвертированных, на исключительность сразу же теряют свой смысл, когда мы узнаем, что удается доказать наличие гомосексуальных побуждений у каждого невротика и что значительное число симптомов выражает это скрытое извращение. Те, кто сами себя называют гомосексуалистами, представляют собой сознательно и открыто инвертированных, затерянных среди большого числа скрытых гомосексуалистов. Но мы вынуждены рассматривать выбор объекта из своего пола именно как закономерное ответвление любовной жизни и приучены считать его наиболее значимым. Разумеется, тем самым не уничтожаются различия между открытой гомосексуальностью и нормальным поведением; ее практическое значение остается, но теоретическая ее ценность чрезвычайно уменьшается. Мы даже предполагаем, что одно заболевание, которое мы не считаем более возможным причислять к неврозам перенесения, паранойя, закономерно наступает вследствие попытки сопротивления слишком сильным гомосексуальным побуждениям. Может быть, вы еще

помните, что одна из наших пациенток в своем навязчивом действии играла роль мужчины, своего собственного, оставленного ею мужа; такое проявление симптомов от лица мужчины весьма обычно у невротических женщин. Если его и нельзя причислить к самой гомосексуальности, то оно все-таки имеет тесную связь с ее предпосылками.

Как вам, вероятно, известно, симптомы истерического невроза могут возникнуть во всех системах органов и тем самым нарушить все функции. Анализ показывает, что при этом проявляются все названные извращенные побуждения, стремящиеся заменить гениталии другими органами. Эти органы ведут себя при этом как заместители гениталий. Именно благодаря симптоматике истерии у нас возникло мнение, что органы тела, кроме их функциональной роли, имеют также сексуальное — эрогенное — значение и исполнение этой функциональной задачи нарушается, если сексуальная слишком овладевает ими. Бесчисленные ощущения и иннервации, выступающие как симптомы истерии, в органах, которые, кажется, не имеют с сексуальностью ничего общего, раскрывают перед нами, таким образом, свою природу в форме исполнения извращенных сексуальных побуждений, при которых назначение половых имеют теперь другие органы. Далее, мы видим также, в какой большой мере именно органы питания и выделения могут стать носителями сексуального возбуждения. Это, следовательно, то же самое, что нам показали извращения, только в них это было видно без труда и не подлежало сомнению, а при истерии мы должны были проделать обходной путь через толкование симптомов и приписать соответствующие извращенные сексуальные побуждения не сознанию индивидов, а их бессознательному.

Самые важные из многочисленных сочетаний симптомов, в которых проявляется невроз навязчивых состояний, оказывается, возникают под давлением очень сильных садистских, т. е. извращенных по своей цели, сексуальных побуждений, и в соответствии со структурой невроза навязчивых состояний симптомы служат преимущественно противодействию этим желаниям или выражают борьбу между удовлетворением и противодействием ему. Но и само удовлетворение не оказывается при этом ущемленным; оно умеет добиться своего в поведении больных обходными путями и направляется главным образом против их собственной личности, превращая их в самоистязателей. Другие формы неврозов, сопровождающиеся долгими раздумьями больных, соответствуют чрезмерной сексуализации актов, которые обычно служат подготовкой к нормальному половому удовлетворению, т. е. желанию рассматривать, трогать и исследовать. Особая значимость боязни прикосновения и навязчивого мытья рук находит в этом свое объяснение. Удивительно большая часть навязчивых действий в виде скрытого повторения и модификации восходит к мастурбации, которая, как известно, этим единственным, сходным по форме действием сопровождает самые разнообразные формы сексуального фантазирования.

Мне не стоило бы большого труда показать вам еще более тесные отношения между извращением и неврозом, но я думаю, что сказанного

будет для нашей цели достаточно. Однако после этих объяснений значения симптомов нам надо опасаться преувеличения частоты и силы извращенных склонностей людей. Вы слышали, что из-за отказа от нормального сексуального удовлетворения можно заболеть неврозом. Но при этом реальном отказе потребность стремится к ненормальным путям сексуального возбуждения. Позднее вы увидите, как это происходит. Во всяком случае, вы понимаете, что вследствие такого «*коллатерального*» застоя извращенные побуждения должны быть сильнее, чем они были бы, если бы нормальное сексуальное удовлетворение не встретило бы реальных препятствий. Впрочем, подобное влияние следует признать и в открытых извращениях. В некоторых случаях они провоцируются или активируются тем, что для нормального удовлетворения сексуального влечения возникают слишком большие препятствия в силу временных обстоятельств или постоянных социальных норм. В других случаях извращенные наклонности как будто совершенно не зависят от таких благоприятствующих им моментов, они являются для данного индивида, так сказать, нормальной формой сексуальной жизни.

Может быть, в настоящую минуту у вас создается впечатление, что мы скорее запутали, чем выяснили отношение между нормальной и извращенной сексуальностью. Но примите во внимание следующее соображение: если верно то, что реальное затруднение или лишение нормального сексуального удовлетворения может вызвать у некоторых лиц извращенные наклонности, которые в других условиях не появились бы, то у этих лиц следует предположить нечто такое, что идет навстречу извращениям; или, если хотите, они имеются у них в латентной форме. Но тем самым мы приходим ко второму новому факту, о котором я вам заявил. Психоаналитическое исследование было вынуждено заняться также сексуальной жизнью ребенка, а именно потому, что воспоминания и мысли, приходящие в голову при анализе симптомов (взрослых), постоянно ведут ко времени раннего детства. То, что мы при этом открыли, подтвердилось затем шаг за шагом благодаря непосредственным наблюдениям за детьми. И тогда оказалось, что в детстве можно найти корни всех извращений, что дети предрасположены к ним и отдаются им в соответствии со своим незрелым возрастом, короче говоря, что извращенная сексуальность есть не что иное, как возросшая, расщепленная на свои отдельные побуждения инфантильная сексуальность.

Теперь вы, во всяком случае, увидите извращения в другом свете и не сможете не признать их связи с сексуальной жизнью человека, но ценою каких неприятных для вас сюрпризов и мучительных для вашего чувства рассогласований! Разумеется, вы будете склонны сначала все оспаривать: и тот факт, что у детей есть что-то, что можно назвать сексуальной жизнью, и верность наших наблюдений, и основания для отыскания в поведении детей родственного тому, что впоследствии осуждается как извращение. Поэтому разрешите мне сначала объяснить мотивы вашего сопротивления, а затем подвести итог нашим наблюдениям. То, что у детей нет никакой сексуальной жизни — сексуального возбуждения, сексуальных потребностей и своего рода удовлетворения,— но все

это вдруг возникает у них между 12 и 14 годами, было бы — независимо от всех наблюдений — с биологической точки зрения так же невероятно, даже нелепо, как если бы они появлялись на свет без гениталий, и они вырастали бы у них только ко времени половой зрелости. То, что пробуждается у них к этому времени, является функцией продолжения рода, которая пользуется для своих целей уже имеющимся физическим и душевным материалом. Вы совершаете ошибку, смешивая сексуальность с продолжением рода, и закрываете себе этим путь к пониманию сексуальности, извращений и неврозов. Но эта ошибка тенденциозна. Ее источником, как ни странно, является то, что вы сами были детьми и испытали на себе влияние воспитания. К числу своих самых важных задач воспитания общество должно отнести укрощение, ограничение, подчинение сексуального влечения, когда оно внезапно появляется в виде стремления к продолжению рода, индивидуальной воле, идентичной социальному требованию. Общество заинтересовано также в том, чтобы отодвинуть его полное развитие до тех пор, пока ребенок не достигнет определенной ступени интеллектуальной зрелости, потому что с полным прорывом сексуального влечения практически приходит конец влиянию воспитания. В противном случае влечение прорвало бы все преграды и смело бы возведенное с таким трудом здание культуры. А его укрощение никогда не будет легким, оно удается то слишком плохо, то слишком хорошо. Мотив человеческого общества оказывается в конечном счете экономическим; так как у него нет достаточно жизненных средств, чтобы содержать своих членов без их труда, то оно должно ограничивать число своих членов, а их энергию отвлекать от сексуальной деятельности и направлять на труд. Вечная, исконная, существующая до настоящего времени жизненная необходимость.

Опыт, должно быть, показал воспитателям, что задача сделать сексуальную волю нового поколения послушной разрешима только в том случае, если на нее начинают воздействовать заблаговременно, не дожидаясь бури половой зрелости, а вмешиваясь уже в сексуальную жизнь детей, которая ее подготавливает. С этой целью ребенку запрещают и отбивают у него охоту ко всем инфантильным сексуальным проявлениям; ставится идеальная цель сделать жизнь ребенка асексуальной, со временем доходят наконец до того, что считают ее действительно асексуальной, и наука затем провозглашает это своей теорией. Чтобы не впасть в противоречие со своей верой и своими намерениями, сексуальную деятельность ребенка не замечают — а это немалый труд — или довольствуются в науке тем, что рассматривают ее иначе. Ребенок считается чистым, невинным, а кто описывает его по-другому, тот, как гнусный злодей, обвиняется в оскорблении нежных и святых чувств человечества.

Дети — единственные, кто не признает этих условностей,— со всей наивностью пользуются своими животными правами и постоянно доказывают, что им еще нужно стать чистыми. Весьма примечательно, что отрицающие детскую сексуальность не делают в воспитании никаких уступок, а со всей строгостью преследуют именно проявления отрицаемого

ими под названием «детские дурные привычки». Большой теоретический интерес представляет собой также то, что период жизни, находящийся в самом резком противоречии с предрассудком асексуальности детства, а именно детские годы до пяти или шести лет, окутывается затем у большинства людей амнестическим покрывалом, разорвать которое по-настоящему может только аналитическое исследование, но которое уже до этого проницаемо для отдельных структур сновидений.

А теперь я хочу изложить вам то, что яснее всего позволяет судить о сексуальной жизни ребенка. Здесь целесообразно также ввести понятие *либидо* (Libido). Либидо, совершенно аналогично *голоду*, называется сила, в которой выражается влечение, в данном случае сексуальное, как в голоде выражается влечение к пище. Другие понятия, такие, как сексуальное возбуждение и удовлетворение, не нуждаются в объяснении. Вы сами легко поймете, что при сексуальных проявлениях грудного младенца больше всего приходится заниматься толкованием, и вы, вероятно, будете считать это возражением. Эти толкования возникают на основе аналитических исследований, если идти обратным путем, от симптома. Первые сексуальные побуждения у грудного младенца проявляются в связи с другими жизненно важными функциями. Его главный интерес, как вы знаете, направлен на прием пищи; когда он, насытившись, засыпает у груди, у него появляется выражение блаженного удовлетворения, которое позднее повторится после переживания полового оргазма. Но этого, пожалуй, слишком мало, чтобы строить на нем заключение. Однако мы наблюдаем, что младенец желает повторять акт приема пищи, не требуя новой пищи; следовательно, при этом он не находится во власти голода. Мы говорим: он сосет, и то, что при этом действии он опять засыпает с блаженным выражением, показывает нам, что акт *сосания* сам по себе доставил ему удовлетворение. Как известно, скоро он уже не засыпает, не пососав. На сексуальной природе этого действия начал настаивать старый врач в Будапеште д-р Линднер (1879). Лица, ухаживающие за ребенком, не претендуя на теоретические выводы, по-видимому, аналогично оценивают сосание. Они не сомневаются в том, что оно служит ребенку только для получения удовольствия, относят его к дурным привычкам и принуждают ребенка отказаться от этого, применяя неприятные воздействия, если он сам не желает оставить дурную привычку. Таким образом, мы узнаем, что грудной младенец выполняет действия, не имеющие другой цели, кроме получения удовольствия. Мы полагаем, что сначала он переживает это удовольствие при приеме пищи, но скоро научается отделять его от этого условия. Мы можем отнести получение этого удовольствия только к возбуждению зоны рта и губ, называем эти части тела *эрогенными зонами*, а полученное при сосании удовольствие *сексуальным*. О правомерности такого названия нам, конечно, придется еще дискутировать.

Если бы младенец мог объясняться, он несомненно признал бы акт сосания материнской груди самым важным в жизни. По отношению к себе он не так уж не прав, потому что этим актом сразу удовлетворяет две важные потребности. Не без удивления мы узнаем затем из психо-

анализа, какое большое психическое значение сохраняет этот акт на всю жизнь. Сосание материнской груди становится исходным пунктом всей сексуальной жизни, недостижимым прообразом любого более позднего сексуального удовлетворения, к которому в тяжелые времена часто возвращается фантазия. Оно включает материнскую грудь как первый объект сексуального влечения; я не в состоянии дать вам представление о том, насколько значителен этот первый объект для выбора в будущем любого другого объекта, какие воздействия оказывает он со всеми своими превращениями и замещениями на самые отдаленные области нашей душевной жизни. Но сначала младенец отказывается от него в акте сосания и заменяет частью собственного тела. Ребенок сосет большой палец, собственный язык. Благодаря этому он получает независимость в получении удовольствия от одобрения внешнего мира а, кроме того, для его усиления использует возбуждение другой зоны тела. Эрогенные зоны не одинаково эффективны; поэтому когда младенец, как сообщает Линднер, при обследовании собственного тела открывает особенно возбудимые части своих гениталий и переходит от сосания к онанизму, это становится важным переживанием.

Благодаря [выяснению] значимости сосания мы познакомились с двумя основными особенностями детской сексуальности. Она возникает в связи с удовлетворением важных органических потребностей и проявляется *аутоэротически*, т. е. ищет и находит свои объекты на собственном теле. То, что яснее всего обнаружилось при приеме пищи, отчасти повторяется при выделениях. Мы заключаем, что младенец испытывает ощущение удовольствия при мочеиспускании и испражнении и скоро начинает стараться совершать эти акты так, чтобы они доставляли ему возможно большее удовольствие от возбуждения соответствующих эрогенных зон слизистой оболочки. В этом отношении, как тонко заметила Лу Андреа-Саломе (1916), внешний мир выступает против него прежде всего как мешающая, враждебная его стремлению к удовольствию сила и заставляет его предчувствовать будущую внешнюю и внутреннюю борьбу. От своих экскретов он вынужден освобождаться не в любой момент, а когда это определяют другие лица. Чтобы заставить его отказаться от этих источников удовольствия, все, что касается этих функций, объявляется неприличным и должно скрываться от других. Здесь он вынужден прежде всего обменять удовольствие на социальное достоинство. Его отношение к самим экскретам сначала совершенно иное. Он не испытывает отвращения к своему калу, оценивает его как часть своего тела, с которой ему нелегко расстаться, и использует его в качестве первого «подарка», чтобы наградить лиц, которых он особенно ценит. И даже после того, как воспитателям удалось отучить его от этих наклонностей, он переносит оценку кала на «подарок» и на «деньги». Свои успехи в мочеиспускании, он, по-видимому, напротив, рассматривает с особой гордостью.

Я знаю, что вам давно хочется меня прервать и крикнуть: довольно гадостей! Дефекация — источник сексуального удовольствия, которое испытывает уже младенец! Кал — ценная субстанция, задний проход — своего рода гениталии! Мы не верим этому, но теперь мы понимаем, по-

чему педиатры и педагоги отвергли психоанализ и его результаты. Нет, уважаемые господа! Вы только забыли, что я хотел вам изложить факты инфантильной сексуальной жизни в связи с сексуальными извращениями. Почему бы вам не знать, что задний проход действительно берет на себя роль влагалища при половом акте у большого числа взрослых, гомосексуальных и гетеросексуальных? И что есть много людей, испытывающих сладострастное ощущение при дефекации всю свою жизнь и описывающих его как довольно сильное? Что касается интереса к акту дефекации и удовольствия от наблюдения дефекации другого, то вам подтвердят это сами дети, когда станут на несколько лет старше и смогут сообщить об этом. Разумеется, вы не должны перед этим постоянно запугивать детей, иначе они отлично поймут, что должны молчать об этом. Что касается других вещей, которым вы не хотите верить, я отсылаю вас к результатам анализа и непосредственному наблюдению за детьми и должен сказать, что это прямо-таки искусство не видеть всего этого или видеть как-то иначе. Я также не имею ничего против того, чтобы вам резко бросилось в глаза родство детской сексуальности с сексуальными извращениями. Это, собственно, само собой разумеется; если у ребенка вообще есть сексуальная жизнь, то она должна быть извращенного характера, потому что, кроме некоторых темных намеков, у ребенка нет ничего, что делает сексуальность функцией продолжения рода. С другой стороны, общая особенность всех извращений состоит в том, что они не преследуют цель продолжения рода. Мы называем сексуальную деятельность извращенной именно в том случае, если она отказывается от цели продолжения рода и стремится к получению удовольствия как к независимой от него цели. Вы поймете, таким образом, что перелом и поворотный пункт в развитии сексуальной жизни состоит в подчинении ее целям продолжения рода. Все, что происходит до этого поворота, так же как и все, что его избежало, что служит только получению удовольствия, приобретает малопочтенное название «извращенного» и презирается как таковое.

Позвольте мне поэтому продолжить краткое изложение [фактов] инфантильной сексуальности. То, что я сообщил о двух органических системах (пищеварительной и выделительной), я мог бы дополнить с учетом других систем. Сексуальная жизнь ребенка исчерпывается именно проявлением ряда частных влечений (Partialtriebe), которые независимо друг от друга пытаются получить удовольствие частично от собственного тела, частично уже от внешнего объекта. Очень скоро среди этих органов выделяются гениталии; есть люди, у которых получение удовольствия от собственных гениталий без помощи гениталий другого человека или объекта продолжается без перерыва от младенческого онанизма до вынужденного онанизма в годы половой зрелости и существует затем неопределенно долго и в дальнейшем. Впрочем, с темой онанизма мы не так-то скоро покончим; это материал, требующий многостороннего рассмотрения. Все-таки должен вам сказать кое-что о *сексуальном исследовании* (Sexualforschung) детей. Оно слишком типично для детской сексуальности и крайне значимо для симптоматики неврозов. Детское сек-

суальное исследование начинается очень рано, иногда еще до трехлетнего возраста. Оно связано не с различием полов, ничего не говорящим ребенку, так как он — по крайней мере, мальчик — приписывает обоим полам те же мужские гениталии. Если мальчик затем обнаруживает влагалище у маленькой сестры или подруги по играм, то сначала он пытается отрицать это свидетельство своих органов чувств, потому что не может представить подобное себе человеческое существо без столь ценной для него части. Позднее он пугается этого открытия, и тогда прежние угрозы за слишком интенсивное занятие своим маленьким членом оказывают свое действие. Он попадает во власть кастрационного комплекса, образование которого имеет большое значение для формирования его характера, если он остается здоровым, для его невроза, если он заболевает, и для его сопротивлений, если он подвергается аналитическому лечению. О маленькой девочке мы знаем, что она считает себя глубоко ущемленной из-за отсутствия большого видимого пениса, завидует в этом мальчику и в основном по этой причине у нее возникает желание быть мужчиной, желание, снова появляющееся позднее при неврозе, который наступает вследствие ее неудачи в женской роли. Впрочем, клитор девочки в детском возрасте вполне играет роль пениса, он является носителем особой возбудимости, местом, в котором достигается аутоэротическое удовлетворение. Превращение маленькой девочки в женщину во многом зависит от того, переносится ли эта чувствительность клитора своевременно и полностью на вход во влагалище. В случаях так называемой сексуальной анестезии у женщин клитор упорно сохраняет свою чувствительность.

Сексуальный интерес ребенка скорее обращается сначала к проблеме, откуда берутся дети, к той самой, которая лежит в основе вопроса фиванского сфинкса, и пробуждается большей частью эгоистическими опасениями при появлении нового ребенка. Ответ, даваемый в детской, что детей приносит аист, вызывает недоверие даже у маленьких детей гораздо чаще, чем мы думаем. Ощущение, что взрослые его обманывают, скрывая истину, способствует отчуждению ребенка и развитию его самостоятельности. Но ребенок не в состоянии разрешить проблему собственными средствами. Его еще неразвитая сексуальная конституция ставит определенные границы для его познавательной способности. Сначала он предполагает, что дети происходят от того, что с пищей съедают что-то особое, и ничего не знает о том, что детей могут иметь только женщины. Позже он узнает об этом ограничении и отказывается от мысли, что ребенок происходит от еды, эта мысль остается только в сказке. Подрастающий ребенок скоро замечает, что отец должен играть какую-то роль в появлении ребенка, но не может угадать, какую. Если он случайно становится свидетелем полового акта, то видит в нем попытку насилия, борьбу, садистски истолковывает коитус. Но сначала он не связывает этот акт с появлением ребенка. Когда он обнаруживает следы крови в постели и на белье матери, он тоже принимает это за доказательство нанесенного отцом ранения. В более поздние годы он, видимо, предчувствует, что половой орган мужчины принимает существенное участие в

появлении детей, но не может приписать этой части тела никакой другой функции, кроме мочеиспускательной.

С самого начала дети единодушны в том, что рождение ребенка должно осуществляться через кишечник, что ребенок появляется, следовательно, как ком кала. Только после обесценивания всех анальных интересов эта теория оставляется и заменяется предположением, что открывается пупок или что местом рождения является область между женскими грудями. Таким образом пытливый ребенок приближается к знанию сексуальных фактов или проходит мимо них, сбитый с толку своим незнанием, пока в препубертатном возрасте не получит обычно оскорбительного и неполного объяснения, нередко оказывающего травматическое действие.

Вы, конечно, слышали, уважаемые господа, что понятие сексуального в психоанализе претерпело неоправданное расширение с целью сохранить положения о сексуальной причине неврозов и сексуальном значении симптомов. Теперь вы можете сами судить, является ли это расширение неоправданным. Мы расширили понятие сексуальности лишь настолько, чтобы оно могло включить сексуальную жизнь извращенных и детей. Это значит, что мы возвратили ему его правильный объем. То, что называют сексуальностью вне психоанализа, относится только к ограниченной сексуальной жизни, служащей продолжению рода и называемой нормальной.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Развитие либидо и сексуальная организация

Уважаемые господа! Я нахожусь под впечатлением, что мне не вполне удалось убедительно разъяснить вам значение извращений для нашего представления о сексуальности. Поэтому я хотел бы, насколько могу, исправить и дополнить изложенное.

Дело обстоит вовсе не так, как будто только извращения вынудили нас к тому изменению понятия сексуальности, которое вызвало столь резкий протест. Еще больше способствовало этому изучение детской сексуальности, а совпадение обоих явлений стало для нас решающим. Но проявления детской сексуальности, как бы они ни были очевидны в более позднем детстве, кажется, исчезают в неопределенности по мере приближения к их начальным стадиям. Тот, кто не хочет обращать внимания на историю развития и аналитическую связь, будет оспаривать их сексуальный и признавать вместо него какой-нибудь недифференцированный характер. Не забывайте, что в настоящее время мы еще не имеем общепринятого признака сексуальной природы какого-то процесса, кроме опять-таки принадлежности к функции продолжения рода, но его мы считаем слишком узким. Биологические критерии, вроде предложенных В. Флиссом (1906) периодов в 23 и 28 дней, еще очень спорны; химические особенности сексуальных процессов, которые мы можем лишь

предполагать, еще только ждут своего открытия. Сексуальные извращения взрослых, напротив, являются чем-то ощутимым и недвусмысленным. Как показывает уже их общепризнанное название, они, несомненно, относятся к сексуальному. Пусть их называют признаком дегенерации или как угодно иначе, еще никто не находил в себе решимости отнести их к чему-нибудь другому, а не к феноменам сексуальной жизни. Только они дают нам право утверждать, что сексуальность и продолжение рода не совпадают, потому что очевидно, что все они отказываются от цели продолжения рода.

Я вижу здесь одну небезынтересную параллель. В то время как для большинства «сознательное» и «психическое» было тем же самым, мы были вынуждены расширить понятие «психическое» и признать психическое, которое не сознательно. И совершенно аналогично другие объявляют идентичным «сексуальное» и «относящееся к продолжению рода» — или, если хотите выразиться короче, «генитальное»,— в то время как мы не можем не признать «сексуального», которое не «генитально», и не имеет ничего общего с продолжением рода. Это только формальное сходство, однако оно имеет более глубокое основание.

Но если существование сексуальных извращений является в этом вопросе таким убедительным доказательством, почему оно раньше не оказало своего действия и не решило этот вопрос? Я, право, не могу сказать. Мне кажется, дело в том, что к сексуальным извращениям имеется совершенно особое отношение, которое распространяется на теорию и также мешает их научной оценке. Как будто никто не может забыть, что они не только что-то отвратительное, но и чудовищное, опасное, как будто их считают соблазнительными и в глубине души вынуждены побороть тайную зависть к тем, кто ими наслаждается, подобно тому как в известной пародии на Тангейзера карающий ландграф сознается:

...В гроте Венеры забыл он честь и долг!
— Странно, что с нашим братом этого не случается.

В действительности же извращенные скорее жалкие существа, очень дорого расплачивающиеся за свое трудно достижимое удовлетворение.

То обстоятельство, что акт извращенного удовлетворения в большинстве случаев все же заканчивается полным оргазмом и выделением половых продуктов, делает извращенную деятельность несомненно сексуальной, несмотря на всю странность объекта и целей. Но это, разумеется, только следствие того, что эти лица — взрослые; у ребенка оргазм и половые выделения невозможны, они заменяются намеками, которые опять-таки не признаются несомненно сексуальными. Чтобы дополнить оценку сексуальных извращений, я должен кое-что добавить. Как они ни опорочены, как резко ни противопоставляются нормальной сексуальной деятельности, простое наблюдение показывает, что та или иная извращенная черта почти всегда имеется в сексуальной жизни нормальных людей. Даже поцелуй может по праву называться извращенным актом, потому что он состоит в соединении двух эрогенных зон рта вместо двух гениталий. Но никто не отказывается от него как от извращения, напротив, на сцене он допускается как смягченный намек на половой акт. Но как раз

поцелуй может стать и полным извращением, а именно тогда, когда он так интенсивен, что непосредственно сопровождается выделением из гениталий и оргазмом, что бывает не так уж редко. Впрочем, можно наблюдать, что для одного непременными условиями сексуального наслаждения являются ощупывание и разглядывание объекта, а другой в порыве сексуального возбуждения щипает или кусает, что самое большое возбуждение у любящего не всегда вызывают гениталии, а какая-нибудь другая часть тела объекта и тому подобное в большом разнообразии. Не имеет никакого смысла выделять лиц с некоторыми такими чертами из ряда нормальных и причислять их к извращенным, больше того, все яснее понимаешь, что сущность извращений состоит не в отступлении от сексуальной цели, не в замене гениталий, даже не всегда в изменении объекта, а только в исключительности, с которой совершаются эти отступления, из-за которых отставляется сам половой акт, служащий продолжению рода. Поскольку извращенные действия включаются в совершение нормального полового акта как подготовительные или усиливающие его, они, собственно, перестают быть извращенными. Конечно, благодаря фактам такого рода пропасть между нормальной и извращенной сексуальностью сильно уменьшается. Напрашивается естественный вывод, что нормальная сексуальность происходит из чего-то, что существовало до нее, исключая как непригодные одни стремления и объединяя другие с тем, чтобы подчинить их новой цели продолжения рода.

Прежде чем мы воспользуемся нашими знаниями об извращениях для того, чтобы снова углубиться в изучение детской сексуальности, исходя из уточненных предположений, я должен обратить ваше внимание на важное различие между ними. Извращенная сексуальность, как правило, великолепно центрирована, все действия стремятся к одной, в большинстве случаев — единственной цели, частное влечение одерживает верх, и либо только оно и обнаруживается, либо все другие подчинены его целям. В этом отношении между извращенной и нормальной сексуальностью нет другого различия, кроме того, что господствующие частные влечения и соответствующие им сексуальные цели у них разные. И здесь, и там действует, так сказать, хорошо организованная тирания, только здесь власть захватила одна семья, а там — другая. Инфантильная сексуальность, напротив, не имеет в общем такой централизации и организации, ее отдельные частные влечения равноправны, каждое на свой страх и риск стремится к получению удовольствия. Отсутствие, как и наличие центрации, разумеется, хорошо согласуются с тем фактом, что оба вида сексуальности — извращенная и нормальная — произошли из инфантильной. Впрочем, есть случаи извращенной сексуальности, имеющие гораздо больше сходства с инфантильной, когда многочисленные частные влечения независимо друг от друга осуществили или, лучше сказать, сохранили свои цели. В таких случаях правильнее говорить об инфантилизме сексуальной жизни, чем об извращении.

Вооруженные этими знаниями, мы можем приступить к обсуждению предложения, которого нам наверняка не избежать. Нам скажут: почему вы настаиваете на том, чтобы называть сексуальными уже те, по вашему

собственному свидетельству, неопределенные детские проявления, из которых позднее развивается сексуальность? Почему вы не хотите лучше довольствоваться физиологическим описанием и просто сказать, что у младенца наблюдаются такие виды деятельности, как сосание или задерживание экскрементов, показывающие нам, что он стремится к получению *удовольствия от функционирования органов* (Organlust)? Этим вы бы избежали оскорбляющего всякое чувство предположения о наличии сексуальной жизни у ребенка. Да, уважаемые господа, я не имею ничего против удовольствия от функционирования органов; я знаю, что высшим наслаждением при совокуплении является удовольствие от функционирования органов, связанное с деятельностью гениталий. Но можете ли вы мне сказать, когда это первоначально индифферентное удовольствие от функционирования органов приобретает сексуальный характер, которым оно несомненно обладает на более поздних фазах развития? Знаем ли мы об удовольствии от функционирования органов больше, чем о сексуальности? Вы ответите, что сексуальный характер присоединяется именно тогда, когда гениталии начинают играть свою роль; сексуальное совпадает с генитальным. Вы отвергнете даже возражение относительно извращений, указав мне на то, что целью большинства извращений все-таки является генитальный оргазм, хотя и достигаемый другим путем, а не соединением гениталий. Вы займете действительно гораздо более выгодную позицию, если исключите из характеристики сексуального отношение к продолжению рода, оказавшееся несостоятельным вследствие существования извращений, и вместо него выдвинете на первый план деятельность гениталий. Но тогда мы окажемся недалеко друг от друга; половые органы просто противопоставляются другим органам. А что вы возразите против многочисленных фактов, показывающих, что для достижения наслаждения гениталии могут заменяться другими органами, как при нормальном поцелуе, в практике извращений, в симптоматике истерии? При последнем неврозе совершенно обычное дело, что явления возбуждения, ощущения и иннервации, даже процессы эрекции, присущие гениталиям, переносятся на другие, отдаленные области тела (например, вверх на голову и лицо). Уличенные таким образом в том, что у вас ничего не остается для характеристики сексуального, вы, видимо, должны будете решиться последовать моему примеру и распространить название «сексуальное» также на действия, направленные на получение удовольствия от функционирования органов в раннем детстве.

А теперь выслушайте в оправдание моей точки зрения два других соображения. Как вы знаете, сомнительные и неопределенные действия для получения удовольствия в самом раннем детстве мы называем сексуальными, потому что выходим на них путем анализа симптомов через бесспорно сексуальный материал. Это еще не значит, что они сами должны быть сексуальными, согласен. Но возьмите аналогичный случай. Представьте себе, что у нас нет возможности наблюдать развитие двух двудольных растений, яблони и фасоли, из их семян, но в обоих случаях можно проследить их развитие в обратном направлении от полностью сформировавшегося растения до первого ростка с двумя зародышевыми

листками. Оба зародышевых листка выглядят индифферентно, в обоих случаях они совершенно однородны. Предположу ли я поэтому, что они действительно однородны и что специфическое различие между яблоней и фасолью наступит лишь позднее, при вегетации? Или с биологической точки зрения правильнее полагать, что это различие имеется уже в ростке, хотя по зародышевым листкам его нельзя увидеть. Но ведь мы делаем то же самое, называя сексуальным наслаждение при действиях младенца. Любое ли удовольствие от функционирования органов может называться сексуальным или наряду с сексуальным есть другое, не заслуживающее этого названия, я здесь анализировать не могу. Я слишком мало знаю об удовольствии от функционирования органов и о его условиях, а при регрессирующем характере анализа вообще не удивлюсь, если в конце концов дойду до моментов, не поддающихся определению в настоящее время.

И еще одно! В своем утверждении о сексуальной чистоте ребенка вы в общем очень мало выиграли бы, даже если бы смогли убедить меня в том, что действия младенца лучше всего оценить как не сексуальные. Потому что уже с трехлетнего возраста сексуальная жизнь ребенка не подлежит никаким сомнениям; в это время начинают проявлять себя гениталии, может быть, закономерно наступает период инфантильной мастурбации, т. е. генитального удовлетворения. Уже больше нет надобности не замечать душевные и социальные проявления сексуальной жизни; выбор объекта, нежное предпочтение отдельных лиц, даже решение в пользу одного из полов, ревность установлены беспристрастными наблюдениями независимо от психоанализа и до его появления и могут быть подтверждены любым наблюдателем, желающим это видеть. Вы возразите, что сомневались не в раннем пробуждении нежности, а только в том, что нежность эта носит сексуальный характер. Хотя дети от трех до восьми лет уже научились его скрывать, но если вы будете внимательны, то сможете все-таки собрать достаточно доказательств «чувственных» целей этой нежности, а чего вам будет недоставать, в большом количестве дадут аналитические исследования. Сексуальные цели этого периода жизни находятся в самой тесной связи с одновременным сексуальным исследованием самого ребенка, некоторые примеры которого я вам приводил. Извращенный характер некоторых из этих целей зависит, конечно, от конституциональной незрелости ребенка, который еще не открыл цели акта совокупления.

Примерно с шестого до восьмого года жизни наблюдается затишье и спад в сексуальном развитии, который в самых благоприятных в культурном отношении случаях заслуживает названия латентного периода (Latenzzeit). Латентного периода может и не быть, он вовсе не обязательно прерывает на время сексуальную деятельность и гасит сексуальные интересы по всей линии. Большинство переживаний и душевных движений перед наступлением латентного периода подвергается затем инфантильной амнезии, уже обсуждавшемуся ранее забвению, которое окутывает наши первые годы и отчуждает их от нас. При каждом психоанализе ставится задача восстановить в памяти этот забытый период жизни;

невозможно отделаться от мысли, что мотивом этого забвения оказались содержащиеся в нем истоки сексуальной жизни, т. е. что это забвение является результатом вытеснения.

С трехлетнего возраста сексуальная жизнь ребенка во многом соответствует сексуальной жизни взрослого; она отличается от последней, как уже известно, отсутствием твердой организации с приматом гениталий, неизбежными чертами извращения и, разумеется, гораздо меньшей интенсивностью всего влечения. Но самые интересные для теории фазы сексуального развития, или, как мы предпочитаем говорить, развитие либидо, идут вслед за этим моментом. Это развитие протекает так быстро, что непосредственному наблюдению никогда не удалось бы задержать его мимолетные картины. Только при помощи психоаналитического исследования неврозов можно было догадаться о еще более ранних фазах развития либидо. Это, конечно, всего лишь конструкции, но если вы займетесь анализом практически, то найдете эти конструкции необходимыми и полезными. Вы скоро поймете, как происходит, что патология может нам раскрыть здесь отношения, которые нельзя заметить в нормальном объекте.

Итак, мы можем теперь показать, как складывается сексуальная жизнь ребенка, прежде чем установится примат гениталий, который подготавливается в первую инфантильную эпоху до латентного периода и непрерывно организуется в период полового созревания. В этот ранний период существует особого рода неустойчивая организация, которую мы называем *прегенитальной*. Но на первом плане в этой фазе выступают не генитальные частные влечения, а *садистские* и *анальные*. Противоположность *мужского* и *женского* здесь не играет никакой роли; ее место занимает противоположность *активного* и *пассивного*, которую можно назвать предшественницей сексуальной полярности, с которой она позднее и сливается. То, что в проявлениях этой фазы нам кажется мужским, рассмотренное с точки зрения генитальной фазы, оказывается выражением стремления к овладению, легко переходящего в жестокость. Стремления, имеющие пассивную цель, связываются с очень значимыми для этого времени эрогенными зонами у выхода кишечника. Сильно проявляется влечение к разглядыванию и познанию; гениталии принимают участие в сексуальной жизни, собственно, лишь в роли органа выделения мочи. У частных влечений этой фазы нет недостатка в объектах, но все эти объекты не обязательно соединены в одном объекте. Садистско-анальная организация является ближайшей ступенью к фазе генитального господства. Более подробное изучение показывает, сколько от этой организации сохраняется в более поздней окончательной форме сексуальности и какими путями ее частные влечения вынуждены включаться в новую генитальную организацию. За садистско-анальной фазой развития либидо нам открывается еще более ранняя, еще более примитивная ступень организации, в которой главную роль играет эрогенная зона рта. Вы можете догадаться, что к ней относится сексуальная деятельность сосания, и восхищаться пониманием древних египтян, в искусстве которых ребенок, даже божественный Хорус изображается с пальцем во рту. Только недав-

но (1916) Абрахам сделал сообщение о том, какие следы оставляет эта примитивная оральная фаза в сексуальной жизни более поздних лет.

Уважаемые господа! Могу предположить, что последние сообщения о сексуальных организациях скорее обременили вас, чем вразумили. Может быть, я опять слишком углубился в подробности. Но имейте терпение; то, что вы теперь слышали, станет более ценным для вас при последующем использовании. А пока сохраните впечатление, что сексуальная жизнь— как мы говорим, функция либидо — появляется не как нечто готовое и не обнаруживает простого роста, а проходит ряд следующих друг за другом фаз, не похожих друг на друга, являясь, таким образом, неоднократно повторяющимся развитием, как, например, развитие от гусеницы до бабочки. Поворотным пунктом развития становится подчинение всех сексуальных частных влечений примату гениталий и вместе с этим подчинение сексуальности функции продолжения рода. До этого существует, так сказать, рассеянная сексуальная жизнь, самостоятельное проявление отдельных частных влечений, стремящихся к получению удовольствия от функционирования органов. Эта анархия смягчается благодаря переходу к «прегенитальным» организациям, сначала садистско-анальной фазы, до нее — оральной, возможно, самой примитивной. К этому присоединяются различные еще плохо изученные процессы смены одной фазы другой. Какое значение для понимания неврозов имеет то, что либидо проделывает такой длинный и многоступенчатый путь, вы узнаете в следующий раз.

Сегодня мы проследим еще одну сторону этого развития, а именно отношение частных сексуальных влечений к объекту. Вернее, мы сделаем беглый обзор этого развития с тем, чтобы подольше остановиться на одном довольно позднем его результате. Итак, некоторые из компонентов сексуальной жизни с самого начала имеют объект и сохраняют его, как, например, стремление к овладению (садизм), стремление к разглядыванию и познанию. Другие, более явно связанные с определенными эрогенными зонами, имеют объект лишь вначале, пока они выполняют несексуальные функции, и отказываются от него, когда освобождаются от этих функций. Так, первым объектом орального компонента сексуального влечения является материнская грудь, удовлетворяющая потребность младенца в пище. В акте сосания эротический компонент, получавший удовлетворение при кормлении грудью, становится самостоятельным, отказываясь от постороннего объекта и замещая его каким-нибудь органом собственного тела. Оральное влечение становится *аутоэротическим*, каковыми анальные и другие эрогенные влечения являются с самого начала. Дальнейшее развитие имеет, коротко говоря, две цели: во-первых, отказаться от аутоэротизма, снова заменить объект собственного тела на посторонний и, во-вторых, объединить различные объекты отдельных влечений, заменив их одним объектом. Разумеется, это удается только тогда, когда этот один объект представляет собой целое, похожее на собственное тело. При этом какое-то число аутоэротических влечений как непригодные может быть также оставлено.

Процессы нахождения объекта довольно запутанны и до сих пор не

были ясно изложены. Подчеркнем для нашей цели, что когда в детские годы до латентного периода процесс достиг определенного завершения, найденный объект оказывается почти идентичным первому благодаря присоединению к нему орального стремления к удовольствию. Если это и не материнская грудь, то все-таки мать. Мы называем мать первым объектом *любви*. Мы говорим именно о любви, когда выдвигаем на первый план душевную сторону сексуальных стремлений и отодвигаем назад или хотим на какой-то момент забыть лежащие в основе физические, или «чувственные», требования влечений. К тому времени, когда мать становится объектом любви, у ребенка уже началась также психическая работа вытеснения, которая лишает его знания какой-то части своих сексуальных целей. К этому выбору матери объектом любви присоединяется все то, что под названием Эдипова комплекса приобрело такое большое значение в психоаналитическом объяснении неврозов и, может быть, сыграло не меньшую роль в сопротивлении психоанализу.

Послушайте небольшую историю, которая произошла во время этой войны: один из смелых последователей психоанализа находится в качестве врача на немецком фронте где-то в Польше и привлекает к себе внимание коллег тем, что однажды ему удается оказать неожиданное воздействие на больного. В ответ на расспросы он признается, что работает методом психоанализа и согласен поделиться своими знаниями с товарищами. И вот врачи корпуса, коллеги и начальники, собираются каждый вечер, чтобы послушать тайные учения анализа. Какое-то время все идет хорошо, но после того, как он рассказал слушателям об Эдиповом комплексе, встает один начальник и заявляет, что этому он не верит, что гнусно со стороны докладчика рассказывать такие вещи им, бравым мужчинам, борющимся за свое отечество, и отцам семейства, и что он запрещает продолжение лекций. Этим дело и кончилось. Аналитик просил перевести его на другой участок фронта. Но я думаю, плохо дело, если немецкая победа нуждается в такой «организации» науки, и немецкая наука плохо переносит эту организацию [37].

А теперь вы с нетерпением хотите узнать, что же такое этот страшный Эдипов комплекс. Само имя вам говорит об этом. Вы все знаете греческое сказание о царе Эдипе, которому судьбой было предопределено убить своего отца и взять в жены мать, который делает все, чтобы избежать исполнения предсказаний оракула, и после того, как узнает, что по незнанию все-таки совершил оба этих преступления, в наказание выкалывает себе глаза. Надеюсь, многие из вас сами пережили потрясающее действие трагедии, в которой Софокл представил этот материал. Произведение аттического поэта изображает, как благодаря искусно задерживаемому и опять возбуждаемому все новыми уликами расследованию постепенно раскрывается давно совершенное преступление Эдипа; в этом отношении оно имеет определенное сходство с ходом психоанализа. В процессе диалога оказывается, что ослепленная мать-супруга Иокаста противится продолжению расследования. Она ссылается на то, что многим людям приходится видеть во сне, будто они имеют сношения с матерью, но на сны не стоит обращать внимания. Мы не считаем сновидения ма-

ловажными, и меньше всего типичные сновидения, такие, которые снятся многим людям, и не сомневаемся, что упомянутое Иокастой сновидение тесно связано со странным и страшным содержанием сказания.

Удивительно, что трагедия Софокла не вызывает у слушателя по меньшей мере возмущенного протеста, сходной и гораздо более оправданной реакции, чем реакция нашего простоватого военного врача. Потому что, в сущности, эта трагедия — безнравственная пьеса, она снимает с человека нравственную ответственность, показывает божественные силы как организаторов преступления и бессилие нравственных побуждений человека, сопротивляющихся преступлению. Можно было бы легко представить себе, что материал сказания имеет целью обвинить богов и судьбу, и в руках критичного Эврипида, который был с богами не в ладах, это, вероятно, и стало бы таким обвинением. Но у верующего Софокла о таком использовании сказания не может быть и речи; преодолеть затруднения помогает богобоязненная изворотливость, подчиняющая высшую нравственность воле богов, даже если она предписывает преступление. Я не могу считать, что эта мораль относится к сильным сторонам пьесы, но она не имеет значения для производимого ею впечатления. Слушатель реагирует не на нее, а на тайный смысл и содержание сказания. Он реагирует так, как будто путем самоанализа обнаружил в себе Эдипов комплекс и разоблачил волю богов и оракула как замаскированное под возвышенное собственное бессознательное. Он как будто вспоминает желания устранить отца и взять вместо него в жены мать и ужасается им. И голос поэта он понимает так, как будто тот хотел ему сказать: напрасно ты противишься своей ответственности и уверяешь, что боролся против этих преступных намерений. Ты все-таки виноват, потому что не смог их уничтожить; они существуют в тебе бессознательно. И в этом заключается психологическая правда. Даже если человек вытеснил свои дурные побуждения в бессознательное и хотел бы убедить себя, что он за них не ответствен, он все-таки вынужден чувствовать эту ответственность как чувство вины от неизвестной ему причины.

Совершенно несомненно, что в Эдиповом комплексе можно видеть один из самых важных источников сознания вины, которое так часто мучает невротиков. Даже более того: в исследовании о происхождении человеческой религии и нравственности, которое я опубликовал в 1913 г. под названием *Тотем и табу,* я высказал предположение, что, возможно, человечество в целом приобрело свое сознание вины, источник религии и нравственности, в начале своей истории из Эдипова комплекса[38]. Я охотно сказал бы больше об этом, но лучше воздержусь. Трудно оставить эту тему, если уже начал, но нам нужно вернуться к индивидуальной психологии.

Итак, что же можно узнать об Эдиповом комплексе при непосредственном наблюдении за ребенком в период выбора объекта до наступления латентного периода? Легко заметить, что маленький мужчина один хочет обладать матерью, воспринимает присутствие отца как помеху, возмущается, когда тот позволяет себе нежности по отношению к матери, выражает свое удовольствие, если отец уезжает или отсутствует. Ча-

сто он выражает свои чувства словами, обещая матери жениться на ней. Скажут, что этого мало по сравнению с деяниями Эдипа, но на самом деле достаточно, в зародыше это то же самое. Часто дело затемняется тем, что тот же ребенок одновременно при других обстоятельствах проявляет большую нежность к отцу; только такие противоположные — или, лучше сказать, амбивалентные — эмоциональные установки, которые у взрослого привели бы к конфликту, у ребенка прекрасно уживаются в течение длительного времени, подобно тому как позднее они постоянно находятся друг возле друга в бессознательном. Станут возражать также, что поведение маленького мальчика имеет эгоистические мотивы и не позволяет предположить существование эротического комплекса. Мать заботится о всех нуждах ребенка, и поэтому ребенок заинтересован в том, чтобы она ни о ком другом не беспокоилась. И это верно, но скоро становится ясно, что эгоистический интерес в этой и подобной ситуациях является лишь поводом, которым пользуется эротическое стремление. Когда малыш проявляет самое неприкрытое сексуальное любопытство по отношению к матери, требуя, чтобы она брала его ночью спать с собой, просится присутствовать при ее туалете или даже предпринимает попытки соблазнить ее, как это часто может заметить и со смехом рассказать мать, то в этом, вне всякого сомнения, обнаруживается эротическая природа привязанности к матери. Нельзя также забывать, что такую же заботу мать проявляет к своей маленькой дочери, не достигая того же результата, и что отец достаточно часто соперничает с ней в заботе о мальчике, но ему не удается стать столь же значимым, как мать. Короче говоря, никакой критикой нельзя исключить из ситуации момент полового предпочтения. С точки зрения эгоистического интереса со стороны маленького мужчины, было бы лишь неразумно не пожелать иметь к своим услугам двух лиц вместо одного из них.

Как вы заметили, я охарактеризовал только отношение мальчика к отцу и матери. У маленькой девочки оно складывается с необходимыми изменениями совершенно аналогично. Нежная привязанность к отцу, потребность устранить мать как лишнюю и занять ее место, кокетство, пользующееся средствами более позднего периода женственности, именно у маленькой девочки образуют прелестную картину, которая заставляет забывать о серьезности и возможных тяжелых последствиях, стоящих за этой инфантильной ситуацией. Не забудем прибавить, что часто сами родители оказывают решающее влияние на пробуждение эдиповой установки у ребенка, следуя половому притяжению, и там, где несколько детей, отец самым явным образом отдает нежное предпочтение дочери, а мать сыну. Но и этот момент не может серьезно поколебать независимую природу детского Эдипова комплекса. Эдипов комплекс разрастается в семейный комплекс, когда появляются другие дети. Вновь опираясь на эгоистическое чувство, он мотивирует отрицательное отношение к появлению братьев и сестер и желание непременно устранить их. Об этих чувствах ненависти дети заявляют, как правило, даже гораздо чаще, чем о чувствах, имеющих своим источником родительский комплекс. Если такое желание исполняется, и смерть быстро уносит нежелательного ново-

го члена семьи, то из анализа в более поздние годы можно узнать, каким важным переживанием был для ребенка этот случай смерти, хотя он мог и не сохраниться в памяти. Ребенок, отодвинутый рождением нового ребенка на второй план, первое время почти изолированный от матери, с трудом прощает ей это свое положение; у него появляются чувства, которые у взрослого можно было бы назвать глубоким ожесточением, и часто они становятся причиной длительного отчуждения. Мы уже упоминали, что сексуальное исследование со всеми его последствиями обычно опирается на этот жизненный опыт ребенка. С подрастанием этих братьев и сестер установка к ним претерпевает самые значительные изменения. Мальчик может выбрать объектом любви сестру как замену неверной матери; между несколькими братьями, ухаживающими за младшей сестренкой, уже в детской возникают ситуации враждебного соперничества, значимые для последующей жизни. Маленькая девочка находит в старшем брате замену отцу, который больше не заботится о ней с нежностью, как в самые ранние годы, или же младшая сестра заменяет ей ребенка, которого она тщетно желала иметь от отца.

Такие и другие подобного же рода отношения открывают непосредственное наблюдение за детьми и изучение хорошо сохранившихся, не подвергнутых влиянию анализа воспоминаний детских лет. Из этого вы, между прочим, сделаете вывод, что возрастное положение ребенка среди братьев и сестер является чрезвычайно важным моментом для его последующей жизни, который нужно принимать во внимание во всякой биографии. Но, что еще важнее, благодаря этим сведениям, которые нетрудно получить, вы не без улыбки вспомните высказывания науки по поводу причин запрета инцеста. Чего тут только не придумали! Что вследствие совместной жизни в детстве половое влечение не должно направляться на членов семьи другого пола или что во избежание вырождения биологическая тенденция должна найти свое психическое выражение во врожденном отвращении к инцесту! При этом совершенно забывают, что в таком неумолимом запрете законом и обычаями не было бы необходимости, если бы против инцестуозного искушения существовали какие-либо надежные естественные ограничения. Истина как раз в противоположном. Первый выбор объекта у людей всегда инцестуозный, у мужчины — направленный на мать и сестру, и требуются самые строгие запреты, чтобы не дать проявиться этой продолжающей оказывать свое действие детской склонности. У сохранившихся до сих пор примитивных диких народов инцестуозные запреты еще более строгие, чем у нас, и недавно Т. Рейк в блестящей работе (1915—1916) показал, что ритуалы, связанные с [наступлением] половой зрелости дикарей, изображающие второе рождение, имеют смысл освобождения мальчика от инцестуозной привязанности к матери и его примирения с отцом.

Мифология говорит вам, что якобы столь отвратительный для людей инцест без всяких опасений разрешается богам, а из древней истории вы можете узнать, что инцестуозный брак с сестрой был священным предписанием для властелина (у древних фараонов, инков в Перу). Речь идет, следовательно, о преимуществе, недоступном простому народу.

Кровосмесительство с матерью — одно преступление Эдипа, убийство отца — другое. Кстати говоря, это также те два великих преступления, которые запрещает первая социально-религиозная организация людей, тотемизм. Перейдем теперь от непосредственных наблюдений за ребенком к аналитическому исследованию взрослых, заболевших неврозом. Что же дает анализ для дальнейшего изучения Эдипова комплекса? Это можно сказать в двух словах. Он находит его таким же, каким описывает его сказание; он показывает, что каждый невротик сам Эдип или, как реакция на комплекс, Гамлет, что сводится к тому же. Разумеется, аналитическое изображение Эдипова комплекса является увеличением и огрублением того, что в детстве было лишь наброском. Ненависть к отцу, желание его смерти — уже не робкие намеки, в нежности к матери скрывается цель обладать ею как женщиной. Можем ли мы действительно предполагать существование столь резких и крайних проявлений чувств в нежные детские годы или анализ вводит нас в заблуждение из-за вмешательства какого-то нового фактора? Таковой нетрудно найти. Всякий раз, когда человек, будь то даже историк, рассказывает о прошлом, нужно принимать во внимание, что именно он невольно что-то переносит в прошлое из настоящего или из промежуточных периодов, искажая тем самым его картину. Если это невротик, то возникает даже вопрос, является ли такое перенесение непреднамеренным; позднее мы познакомимся с его мотивами и вообще должны будем считаться с фактом «фантазирования назад» в далекое прошлое. Мы легко обнаруживаем также, что ненависть к отцу усиливается рядом мотивов, происходящих из более поздних периодов и отношений, что сексуальные желания по отношению к матери выливаются в формы, которые, очевидно, еще неизвестны ребенку. Но напрасно было бы стараться объяснять все в Эдиповом комплексе «фантазированием назад» и относить к более поздним периодам. Инфантильное ядро, а также большая или меньшая часть мелочей сохраняется, как это подтверждает непосредственное наблюдение за ребенком.

Клинический факт, выступающий за аналитически установленной формой Эдипова комплекса, имеет огромное практическое значение. Мы узнаем, что ко времени половой зрелости, когда сексуальное влечение сначала с полной силой выдвигает свои требования, снова принимаются прежние семейные и инцестуозные объекты и опять захватываются (besetzt) либидо. Инфантильный выбор объекта был лишь слабой прелюдией, задавшей направление выбора объекта в период половой зрелости. Здесь разыгрываются очень интенсивные эмоциональные процессы в направлении Эдипова комплекса или реакции на него, которые, однако, по большей части остаются вне сознания, так как условия их осуществления стали невыносимы. С этого времени индивид должен посвятить себя великой задаче отхода от родителей и только после ее решения он может перестать быть ребенком, чтобы стать членом социального целого. Для сына задача состоит в том, чтобы отделить свои либидозные желания от матери и использовать их для выбора постороннего реального объекта любви и примириться с отцом, если он оставался с ним во вражде, или освободиться от его давления, если он в виде реакции на детский про-

тест попал в подчинение к нему. Эти задачи стоят перед каждым; удивительно, как редко удается их решить идеальным образом, т. е. правильно в психологическом и социальном отношении. А невротикам это решение вообще не удается; сын всю свою жизнь склоняется перед авторитетом отца и не в состоянии перенести свое либидо на посторонний сексуальный объект. При соответствующем изменении отношений такой же может быть и участь дочери. В этом смысле Эдипов комплекс по праву считается ядром неврозов.

Вы догадываетесь, уважаемые господа, как кратко я останавливаюсь на большом числе практически и теоретически важных отношений, связанных с Эдиповым комплексом. Я также не останавливаюсь на его вариациях и на возможных превращениях в противоположность. О его более отдаленных связях мне хочется еще заметить только то, что он оказал огромное влияние на поэтическое творчество. Отто Ранк в заслуживающей внимания книге (1912в) показал, что драматурги всех времен брали свои сюжеты из Эдипова и инцестуозного комплексов, их вариаций и маскировок. Нельзя не упомянуть также, что оба преступных желания Эдипова комплекса задолго до психоанализа были признаны подлинными представителями безудержной жизни влечений. Среди сочинений энциклопедиста Дидро вы найдете знаменитый диалог *Племянник Рамо,* переведенный на немецкий язык самим Гете. Там вы можете прочесть замечательную фразу: *Si le petit sauvage était abandonné à lui-même, qu'il conservât toute son imbécillité et qu'il réunît au peu de raison de l'enfant au berceau la violence des passions de l'homme de trente ans, il tordrait le cou à son père et coucherait aves sa mère* [Если бы маленький дикарь был предоставлен самому себе так, чтобы он сохранил всю свою глупость и присоединил к ничтожному разуму ребенка в колыбели неистовство страстей тридцатилетнего мужчины, он свернул бы шею отцу и улегся бы с матерью].

Но о кое-чем другом я не могу не упомянуть. Мать-супруга Эдипа недаром напомнила нам о сновидении. Помните результат наших анализов сновидений, что образующие сновидение желания так часто имеют извращенный, инцестуозный характер или выдают неожиданную враждебность к близким и любимым родным? Тогда мы оставили невыясненным вопрос, откуда берутся эти злобные чувства. Теперь вы сами можете на него ответить. Это ранние детские распределения либидо и привязанности к объектам (Objektbesetzung), давно оставленным в сознательной жизни, которые ночью оказываются еще существующими и в известном смысле дееспособными. А так как не только невротики, но и все люди имеют такие извращенные, инцестуозные и неистовые сновидения, мы можем сделать вывод, что и нормальные люди проделали путь развития через извращения и привязанности [либидо] к объектам Эдипова комплекса, что это путь нормального развития, что невротики показывают нам только в преувеличенном и усугубленном виде то, что анализ сновидений обнаруживает и у здорового. И эта одна из причин, почему изучением сновидений мы занялись раньше, чем исследованием невротических симптомов.

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Представление о развитии и регрессии. Этиология

Уважаемые дамы и господа! Мы узнали, что функция либидо проделывает длительное развитие, прежде чем станет служить продолжению рода способом, называемым нормальным. Теперь я хотел бы вам показать, какое значение имеет это обстоятельство для возникновения неврозов.

Я полагаю, что в соответствии с теориями общей патологии мы можем предположить, что такое развитие несет в себе опасности двух видов,— во-первых, опасность *задержки* (Hemmung) и, во-вторых,— *регрессии* (Regression). Это значит, что при общей склонности биологических процессов к вариативности должно будет случиться так, что не все подготовительные фазы будут пройдены одинаково успешно и преодолены полностью; какие-то компоненты функции надолго задержатся на этих ранних ступенях и в общей картине развития появится некоторая доля задержки этого развития.

Поищем аналоги данным процессам в других областях. Если целый народ покидал места своего поселения в поисках новых, как это не раз бывало в ранние периоды истории человечества, то, несомненно, он не приходил на новое место в своем полном составе. Независимо от других потерь, постоянно бывало так, что небольшие отряды или группы кочевников останавливались по дороге и селились на этих остановках, в то время как основная масса отправлялась дальше. Или возьмем более близкое сравнение. Вам известно, что у высших млекопитающих мужские зародышевые железы, первоначально помещающиеся глубоко внутри полости живота, к определенному времени внутриутробной жизни меняют место и попадают почти непосредственно под кожу тазового конца. Вследствие этого блуждания у ряда мужских особей обнаруживается, что один из парных органов остался в полости таза или постоянно находится в так называемом паховом канале, который оба [органа] проходят на своем пути, или, по крайней мере, то, что этот канал остался открытым, хотя обычно после завершения перемещения половых желез он должен зарастать. Когда я юным студентом выполнял свою первую научную работу под руководством Брюкке [39], я занимался происхождением задних нервных корешков в спинном мозгу маленькой, очень архаичной по своему строению рыбы. Я нашел, что нервные волокна этих корешков выходят из больших клеток в заднем роге серого вещества, чего уже нет у других животных со спинным мозгом. Но вскоре я открыл, что эти нервные клетки находятся вне серого вещества на всем [его] протяжении до так называемого спинального ганглия заднего корешка, из чего я заключил, что клетки этих ганглиозных скоплений перешли из спинного мозга в корешковую часть нервов. Это показывает и история разви-

тия; но у этой маленькой рыбы весь путь изменений отмечен оставшимися клетками. При более пристальном рассмотрении вам нетрудно будет отыскать слабые места этих сравнений. Мы хотим поэтому прямо сказать, что для каждого отдельного сексуального стремления считаем возможным такое развитие, при котором отдельные его компоненты остаются на более ранних ступенях развития, тогда как другим удается достичь конечной цели. При этом вы видите, что каждое такое стремление мы представляем себе как продолжающийся с начала жизни поток, в известной мере искусственно разлагаемый нами на отдельно следующие друг за другом части. Ваше впечатление, что эти представления нуждаются в дальнейшем разъяснении, правильно, но попытка сделать это завела бы нас слишком далеко. Позвольте нам еще добавить, что такую остановку частного влечения на более ранней ступени следует называть *фиксацией* (Fixierung) [влечения].

Вторая опасность такого ступенчатого развития заключается в том, что даже те компоненты, которые развились дальше, могут легко вернуться обратным путем на одну из этих более ранних ступеней, что мы называем *регрессией*. Стремление переживает регрессию в том случае, если исполнение его функций, т. е. достижение цели его удовлетворения, в более поздней или более высокоразвитой форме наталкивается на серьезные внешние препятствия. Напрашивается предположение, что фиксация и регрессия не совсем независимы друг от друга. Чем прочнее фиксации на пути развития, тем скорее функция отступит перед внешними трудностями, регрессируя до этих фиксаций, т. е. тем неспособнее к сопротивлению внешним препятствиям для ее выполнения окажется сформированная функция. Представьте себе, если кочевой народ оставил на стоянках на своем пути сильные отряды, то ушедшим вперед естественно вернуться к этим стоянкам, если они будут разбиты или встретятся с превосходящим их по силе противником. Но вместе с тем они тем скорее окажутся в опасности потерпеть поражение, чем больше народу из своего числа они оставили на пути.

Для понимания неврозов вам важно не упускать из виду это отношение между фиксацией и регрессией. Тогда вы приобретете твердую опору в вопросе о причинах неврозов, в вопросе об этиологии неврозов, к которым мы скоро подойдем.

Сначала давайте остановимся еще на регрессии. По тому, что вам известно о развитии функции либидо, вы можете предположить существование двух видов регрессии: возврат к первым захваченным либидо объектам, которые, как известно инцестуозного характера, и возврат общей сексуальной организации на более раннюю ступень. Оба вида встречаются при неврозах перенесения и играют в их механизме большую роль. Особенно возврат к первым инцестуозным объектам либидо является чертой, повторяющейся у невротиков с прямо-таки утомительной регулярностью. Гораздо больше можно сказать о регрессиях либидо, если привлечь другую группу неврозов, так называемых нарциссических, чего мы не намерены делать в настоящее время. Эти заболевания позволяют нам судить о других, еще не упоминавшихся процессах развития функции

либидо и соответственно показывают нам новые виды регрессии. Но я думаю, что сейчас должен прежде всего предостеречь вас от того, чтобы вы не путали *регрессию* и *вытеснение*, и помочь вам выяснить отношения между обоими процессами. Вытеснение, как вы помните, это такой процесс, благодаря которому психический акт, способный быть осознанным, т. е. принадлежащий системе предсознательного (Vbw), делается бессознательным, т. е. перемещается в систему бессознательного (Ubw). И точно так же мы говорим о вытеснении, когда бессознательный психический акт вообще не допускается в ближайшую предсознательную систему, а отвергается цензурой уже на пороге. Понятие вытеснения, следовательно, не имеет никакого отношения к сексуальности; заметьте себе это, пожалуйста. Оно обозначает чисто психологический процесс, который мы можем еще лучше охарактеризовать, назвав *топическим*. Этим мы хотим сказать, что оно имеет дело с предполагаемыми психическими пространственными емкостями, или, если опять ввести это грубое вспомогательное представление, с построением душевного аппарата из особых психических систем.

Только проведя это сравнение, мы заметим, что до сих пор употребляли слово «регрессия» не в его общем, а в совершенно специальном значении. Если вы придадите ему его общий смысл — возврат от более высокой ступени развития к более низкой, то и вытеснение подпадает под регрессию, потому что оно тоже может быть описано как возврат на более раннюю и глубинную (tiefere) ступень развития психического акта. Только при вытеснении суть заключается не в этом обратном движении, потому что мы называем вытеснением в *динамическом* смысле и тот случай, когда психический акт задерживается на более низкой ступени бессознательного. Вытеснение именно топически-динамическое понятие, регрессия же — чисто описательное. Но то, что мы до сих пор называли регрессией и приводили в связь с фиксацией, мы понимали исключительно как возврат либидо на более ранние ступени его развития, т. е. как нечто совершенно отличное, по существу, от вытеснения и совершенно независимое от него. Мы не можем также назвать регрессию либидо чисто психическим процессом и не знаем, какую локализацию указать ей в душевном аппарате. Если она и оказывает на душевную жизнь сильнейшее влияние, то все-таки органический фактор в ней наиболее значителен.

Разъяснения, подобные этим, уважаемые господа, должны казаться несколько сухими. Обратимся к клинике, чтобы показать применение наших данных, которое произведет большее впечатление. Вы знаете, что истерия и невроз навязчивых состояний — два основных представителя группы неврозов перенесения. Хотя при истерии и встречается регрессия либидо к первичным инцестуозным объектам и она закономерна, но регрессии на более раннюю ступень сексуальной организации совершенно не бывает. Зато вытеснению в механизме истерии принадлежит главная роль. Если мне позволено будет дополнить наши теперешние достоверные сведения об этом неврозе одной конструкцией, я могу описать фактическое положение вещей следующим образом: объединение частных

влечений под приматом гениталий завершилось, но его результаты наталкиваются на сопротивление предсознательной системы, связанной с сознанием. Генитальная организация значима для бессознательного, но не для предсознательного, и это отрицание со стороны предсознательного создает картину, имеющую определенное сходство с состоянием до господства гениталий. Но все же это нечто совсем иное. Из двух регрессий либидо гораздо более примечательна регрессия на более раннюю ступень сексуальной организации. Так как она при истерии отсутствует, а все наше понимание неврозов находится еще под сильным влиянием предшествовавшего по времени изучения истерии, то значение регрессии либидо станет нам ясно намного позднее, чем значение вытеснения. Приготовимся к тому, что наши взгляды еще более расширятся и подвергнутся переоценке, когда мы подвергнем рассмотрению, кроме истерии и невроза навязчивых состояний, еще другие, нарциссические неврозы.

При неврозе навязчивых состояний, напротив, регрессия либидо на предварительную ступень садистско-анальной организации является самым замечательным и решающим фактом симптоматического выражения. Любовный импульс должен тогда маскироваться под садистский. Навязчивое представление: я хотел бы тебя убить, в сущности, означает, если освободить его от определенных, но не случайных, а необходимых добавлений, не что иное, как: я хотел бы насладиться тобой в любви. Прибавьте к этому еще то, что одновременно произошла регрессия объектов, так что эти импульсы относятся только к самым близким и самым любимым лицам, и вы сможете себе представить тот ужас, который вызывают у больного эти навязчивые представления, и одновременно ту странность, с которой они выступают перед его сознательным восприятием. Но и вытеснение принимает в механизме этих неврозов большое участие, которое, правда, нелегко разъяснить в таком беглом вводном экскурсе, как наш. Регрессия либидо без вытеснения никогда не привела бы к неврозу, а вылилась бы в извращение. Отсюда вы видите, что вытеснение — это тот процесс, который прежде всего свойствен неврозу и лучше всего его характеризует. Но, может быть, у меня когда-нибудь будет случай показать вам, что мы знаем о механизме извращений, и тогда вы увидите, что и здесь ничто не происходит так просто, как хотелось бы себе представить.

Уважаемые господа! Я полагаю, что вы, скорее всего, примиритесь с только что услышанными рассуждениями о фиксации и регрессии либидо, если будете считать их за подготовку к исследованию этиологии неврозов. Об этом я сделал только одно-единственное сообщение, а именно то, что люди заболевают неврозом, если у них отнимается возможность удовлетворения либидо, т. е. от «вынужденного отказа» (Versagung), как я выражаюсь, и что их симптомы являются заместителями несостоявшегося удовлетворения. Разумеется, это означает вовсе не то, что любой отказ от либидозного удовлетворения делает невротиком каждого, кого он касается, а лишь то, что во всех исследованных случаях невроза был обнаружен фактор вынужденного отказа. Положение, таким образом, необратимо. Вы, наверное, также поняли, что это утверждение

не раскрывает всех тайн этиологии неврозов, а выделяет лишь важное и обязательное условие заболевания.

В настоящее время неизвестно, следует ли при дальнейшем обсуждении этого положения обратить особое внимание на природу вынужденного отказа или на своеобразие того, кто ему подвержен. Вынужденный отказ чрезвычайно редко бывает всесторонним и абсолютным; чтобы стать патогенно действующим, он должен затронуть тот способ удовлетворения, которого только и требует данное лицо, на который оно только и способно. В общем, есть очень много путей, чтобы вынести лишение либидозного удовлетворения, не заболев из-за него. Прежде всего нам известны люди, которые в состоянии перенести такое лишение без вреда; они не чувствуют себя тогда счастливыми, страдают от тоски, но не заболевают. Затем мы должны принять во внимание, что именно сексуальные влечения чрезвычайно *пластичны*, если можно так выразиться. Они могут выступать одно вместо другого, одно может приобрести интенсивность других; если удовлетворение одного отвергается реальностью, то удовлетворение другого может привести к полной компенсации. Они относятся друг к другу, как сеть сообщающихся, наполненных жидкостью каналов, и это — несмотря на их подчинение примату гениталий, что вовсе не так легко объединить в одном представлении. Далее, частные сексуальные влечения, так же как составленное из них сексуальное стремление, имеют способность менять свой объект, замещать его другим, в том числе и более легко достижимым; эта способность смещаться и готовность довольствоваться суррогатами должны сильно противодействовать патогенному влиянию вынужденного отказа. Среди этих процессов, защищающих от заболевания из-за лишения, один приобрел особое культурное значение. Он состоит в том, что сексуальное стремление отказывается от своей цели частного удовольствия или удовольствия от продолжения рода, и направляется к другой [цели], генетически связанной с той, от которой отказались, но самой по себе уже не сексуальной, а заслуживающей название социальной. Мы называем этот процесс «сублимацией» (Sublimierung), принимая при этом общую оценку, ставящую социальные цели выше сексуальных, эгоистических в своей основе. Сублимация, впрочем, является лишь специальным случаем присоединения сексуальных стремлений к другим, не сексуальным. Мы будем говорить о нем еще раз в другой связи.

Теперь у вас может сложиться впечатление, что благодаря всем этим средствам, помогающим перенести лишение, оно потеряло свое значение. Но нет, оно сохраняет свою патогенную силу. В целом средства противодействия оказываются недостаточными. Количество неудовлетворенного либидо, которое в среднем могут перенести люди, ограниченно. Пластичность, или свободная подвижность, либидо далеко не у всех сохраняется полностью, и сублимация может освободить всегда только определенную часть либидо, не говоря уже о том, что многие люди лишь в незначительной степени обладают способностью к сублимации. Самое важное среди этих ограничений — очевидно, ограничение подвижности либидо, так как оно делает зависимым удовлетворение индивида от очень

незначительного числа целей и объектов. Вспомните только о том, что несовершенное развитие либидо оставляет весьма многочисленные, иногда даже многократные фиксации либидо на ранних фазах организации и нахождения объекта, по большей части не способные дать реальное удовлетворение, и вы признаете в фиксации либидо второй мощный фактор, выступающий вместе с вынужденным отказом причиной заболевания. Схематически кратко вы можете сказать, что в этиологии неврозов фиксация либидо представляет собой предрасполагающий, внутренний фактор, вынужденный же отказ — случайный, внешний.

Здесь я воспользуюсь случаем предостеречь вас, чтобы вы не приняли какую-либо сторону в совершенно излишнем споре. В науке весьма принято выхватывать часть истины, ставить ее на место целого и бороться в ее пользу со всем остальным, не менее верным. Таким путем от психоаналитического движения откололось уже несколько направлений, одно из которых признает только эгоистические влечения, но отрицает сексуальные, другое же отдает должное только влиянию реальных жизненных задач, не замечая индивидуального прошлого и т. п.[40] И вот здесь возникает повод для подобного противопоставления и постановки проблемы: являются ли неврозы *экзогенными* или *эндогенными* заболеваниями, неизбежным следствием определенной конституции или продуктом определенных вредных (травматических) жизненных впечатлений, в частности, вызываются ли они фиксацией либидо (и прочей сексуальной конституцией) или возникают под гнетом вынужденного отказа? Эта дилемма кажется мне в общем не более глубокомысленной, чем другая, которую я мог бы вам предложить: появляется ли ребенок в результате оплодотворения отцом или вследствие зачатия матерью? Оба условия одинаково необходимы, справедливо ответите вы. В причинах неврозов соотношение если не совсем такое, то очень похожее. Все случаи невротических заболеваний при рассмотрении их причин располагаются в один ряд, в пределах которого оба фактора — сексуальная конституция и переживания или, если хотите, фиксация либидо и вынужденный отказ — представлены так, что одно возрастает, если другое уменьшается. На одном конце ряда находятся крайние случаи, о которых вы с убеждением можете сказать: эти люди заболели бы в любом случае вследствие своего особого развития либидо, что бы они ни пережили, как бы заботливо ни щадила их жизнь. На другом конце располагаются случаи, о которых следовало бы судить противоположным образом: [эти люди] определенно избежали бы болезни, если бы жизнь не поставила их в то или иное положение. В случаях, находящихся внутри ряда, большая или меньшая степень предрасположенности сексуальной конституции накладывается на большую или меньшую степень вредности жизненных требований. Их сексуальная конституция не привела бы к неврозу, если бы у них не было таких переживаний, и эти переживания не подействовали бы на них травматически, если бы у них были другие отношения либидо. Я, пожалуй, мог бы признать, что в этом ряду большую роль играют предрасполагающие моменты, но и это зависит от того, как далеко вы растянете границы неврастении.

Уважаемые господа! Предлагаю назвать подобного рода ряды *дополнительными рядами* (Ergänzungsreihen) и предупреждаю вас, что у нас будет повод образовать и другие подобные ряды.

Упорство, с которым либидо держится за определенные направления и объекты, так сказать, *прилипчивость* либидо, кажется нам самостоятельным, индивидуально изменчивым, совершенно неизвестно от чего зависящим фактором, значение которого для этиологии неврозов мы, конечно, не будем больше недооценивать. Но нельзя и переоценивать глубину этой связи. Такая же «прилипчивость» либидо — по неизвестным причинам — встречается при многих условиях у нормального человека и считается определяющим фактором для лиц, которые в известном смысле противоположны страдающим неврозом,— для извращенных. Еще до психоанализа (Binet, 1888) [41] было известно, что в анамнезе извращенных весьма часто встречается очень раннее впечатление ненормальной направленности влечения или выбора объекта, на котором либидо этого лица застряло на всю жизнь. Часто нельзя сказать, что сделало это впечатление способным оказать на либидо столь интенсивное притягательное действие. Я расскажу вам случай такого рода из собственного опыта наблюдений. Один мужчина, для которого гениталии и другие прелести женщины уже ничего не значили, который мог прийти в непреодолимое сексуальное возбуждение только от обутой ноги определенной формы, вспоминает одно переживание в шестилетнем возрасте, ставшее решающим для фиксации его либидо. Он сидел на скамеечке возле гувернантки, у которой брал уроки английского языка. У гувернантки, старой, сухой, некрасивой девы с водянистыми голубыми глазами и вздернутым носом, в тот день болела нога, и поэтому она вытянула ее, обутую в бархатную туфлю, на подушке; при этом верхняя часть ноги была закрыта самым скромным образом. Такая худая жилистая нога, которую он видел тогда у гувернантки, после робкой попытки нормальной половой деятельности в период половой зрелости стала его единственным сексуальным объектом, и он был неудержимо увлечен, если к этой ноге присоединялись еще и другие черты, напоминавшие тип гувернантки-англичанки. Но вследствие этой фиксации своего либидо этот человек стал не невротиком, а извращенным, как мы говорим, фетишистом ноги*. Итак, вы видите, хотя чрезмерная, к тому же еще и преждевременная фиксация либидо является непременной причиной неврозов, однако круг ее действия выходит далеко за область неврозов. Само по себе это условие является таким же мало решающим, как и ранее упомянутое условие вынужденного отказа.

Итак, проблема причин неврозов, по-видимому, усложняется. В самом деле, психоаналитическое исследование знакомит нас с новым фактором, не принятым во внимание в нашем этиологическом ряду, который лучше всего наблюдать в тех случаях, когда хорошее самочувствие неожиданно нарушается невротическим заболеванием. У таких лиц всегда находятся признаки столкновения желаний или, как мы привыкли говорить, психи-

* Ср. работу Фрейда «Фетишизм» (1927e).

ческого *конфликта*. Часть личности отстаивает определенные желания, другая противится этому и отклоняет их. Без такого конфликта не бывает невроза. В этом, казалось бы, нет ничего особенного. Вы знаете, что наша душевная жизнь беспрерывно потрясается конфликтами, которые мы должны разрешать. Следовательно, для того чтобы такой конфликт стал патогенным, должны быть выполнены особые условия. Мы можем спросить, каковы эти условия, между какими душевными силами разыгрываются эти патогенные конфликты, какое отношение имеет конфликт к другим факторам, являющимся причиной болезни.

Надеюсь, я смогу дать вам исчерпывающий ответ на эти вопросы, хотя он и будет схематичным. Конфликт вызывается вынужденным отказом, когда лишенное удовлетворения либидо вынуждено искать другие объекты и пути. Условием конфликта является то, что эти другие пути и объекты вызывают недовольство части личности, так что накладывается вето, делающее сначала невозможным новый способ удовлетворения. Отсюда идет далее путь к образованию симптомов, который мы проследим позднее. Отвергнутые либидозные стремления оказываются в состоянии добиться цели окольными путями, хотя и уступая протесту в виде определенных искажений и смягчений. Обходные пути и есть пути образования симптомов, симптомы — новое и замещающее удовлетворение, ставшее необходимым благодаря факту вынужденного отказа.

Значение психического конфликта можно выразить по-другому: к *внешне-вынужденному* отказу, чтобы он стал патогенным, должен присоединиться еще *внутренне-вынужденный* отказ. Разумеется, внешне- и внутренне-вынужденный отказ имеют отношение к разным путям и объектам. Внешне-вынужденный отказ отнимает одну возможность удовлетворения, внутренне-вынужденный хотел бы исключить другую возможность, вокруг которой затем и разыгрывается конфликт. Я предпочитаю этот способ изложения, потому что он имеет скрытое содержание. Он намекает на то, что внутренние задержки произошли, вероятно, в древние периоды человеческого развития из-за реальных внешних препятствий.

Но каковы те силы, от которых исходит протест против либидозного стремления, что представляет собой другая сторона в патогенном конфликте? Вообще говоря, это не сексуальные влечения. Мы объединяем их во «влечения Я» [42]; психоанализ неврозов перенесения не дает нам прямого доступа к их дальнейшему разложению, мы знакомимся с ними в лучшем случае лишь отчасти благодаря сопротивлениям, оказываемым анализу. Патогенным конфликтом, следовательно, является конфликт между влечениями Я и сексуальными влечениями. В целом ряде случаев кажется, будто конфликт происходит между различными чисто сексуальными стремлениями; но, в сущности, это то же самое, потому что из двух находящихся в конфликте сексуальных стремлений одно всегда, так сказать, правильно с точки зрения Я, в то время как другое вызывает отпор Я. Следовательно, конфликт возникает между Я и сексуальностью.

Уважаемые господа! Очень часто, когда психоанализ считал душев-

ный процесс результатом работы сексуальных влечений, его с сердитой враждебностью упрекали в том, что человек состоит не только из сексуальности, что в душевной жизни есть еще другие влечения и интересы, кроме сексуальных, нельзя «все» сводить к сексуальности и т. п. Очень приятно иной раз быть одного мнения со своими противниками. Психоанализ никогда не забывал, что есть и несексуальные влечения, он опирается на четкое разделение сексуальных влечений и влечений Я и еще до всяких возражений утверждал не то, что неврозы появляются из сексуальности, а что они обязаны своим происхождением конфликту между Я и сексуальностью. Когда он изучает роль сексуальных влечений в болезни и в жизни, у него также нет никакого возможного мотива оспаривать существование и значение влечений Я. Только его судьба такова, чтобы заниматься сексуальными влечениями в первую очередь, потому что благодаря неврозам перенесения они стали самыми доступными для рассмотрения и потому что ему пришлось изучать то, чем другие пренебрегли.

Неверно также и то, что психоанализ вовсе не интересовался несексуальной частью личности. Как раз разделение Я и сексуальности позволяет нам с особой ясностью понять, что и влечения Я проходят значительный путь развития, развития, которое не совсем независимо от либидо и не происходит без обратного воздействия на него. Правда, мы гораздо хуже знаем о развитии Я, чем о развитии либидо, потому что только изучение нарциссических неврозов обещает дать понимание структуры Я. Однако уже имеется заслуживающая внимания попытка Ференци (1913) [43] теоретически построить ступени развития Я и по крайней мере в двух местах мы получили твердые точки опоры для того, чтобы судить об этом развитии. Мы не думаем, что либидозные интересы личности с самого начала находятся в противоречии к ее интересам самосохранения; скорее Я будет стремиться на каждой ступени оставаться в согласии с соответствующей сексуальной организацией и подчинять ее себе. Смена отдельных фаз в развитии либидо происходит, вероятно, по предписанной программе, но нельзя не согласиться, что на этот процесс может оказывать влияние Я и одновременно, по-видимому, предусмотрен известный параллелизм, определенное соответствие фаз развития Я и либидо; нарушение же этого соответствия могло бы стать патогенным фактором. С нашей точки зрения важно, как Я относится к прочной фиксации своего либидо на какой-то ступени его развития. Оно может допустить ее и станет тогда в соответствующей мере извращенным или, что то же самое, инфантильным. Но оно может отнестись к этому закреплению либидо и отрицательно, и тогда Я приобретет «*вытеснение*» там, где у либидо имеется «*фиксация*».

Таким образом, мы получаем, что третий фактор этиологии неврозов, *склонность к конфликтам*, точно так же зависит от развития Я, как и от развития либидо. Наше понимание причин неврозов, таким образом, углубилось. Сначала, как самое общее условие — вынужденный отказ, затем — фиксация либидо, которая теснит его в определенных направлениях, и, в-третьих, склонность к конфликтам в результате развития Я,

отвергающего такие проявления либидо. Положение вещей, следовательно, не так уж запутано и не так трудно в нем разобраться, как вам, вероятно, показалось в ходе моих рассуждений. Пожалуй, однако, это еще не все. Нужно прибавить еще кое-что новое и детализировать уже известное.

Для того чтобы продемонстрировать вам влияние развития Я на образование конфликтов и вместе с тем на причину неврозов, я хотел бы привести пример, хотя и совершенно вымышленный, но ни в коей мере не лишенный вероятности. Ссылаясь на заглавие комедии Нестройя, я дам примеру характерное название «В подвале и на первом этаже». В подвале живет дворник, на первом этаже — домовладелец, богатый и знатный человек. У обоих есть дети, и предположим, что дочери домовладельца разрешается без присмотра играть с ребенком пролетария. Легко может случиться, что игры детей примут непристойный, т. е. сексуальный, характер, что они будут играть «в папу и маму», разглядывать друг друга при интимных отправлениях и раздражать гениталии. Девочка дворника, которая, несмотря на свои пять или шесть лет, могла наблюдать кое-что из сексуальной жизни взрослых, пожалуй, сыграет при этом роль соблазнительницы. Этих переживаний, даже если они продолжаются недолго, достаточно, чтобы активизировать у обоих детей определенные сексуальные импульсы, которые после прекращения совместных игр в течение нескольких лет будут выражаться в мастурбации. Таково общее, конечный же результат у обоих детей будет очень различным. Дочь дворника будет продолжать мастурбацию до наступления менструаций, затем без труда прекратит ее, несколько лет спустя найдет себе любовника и, возможно, родит ребенка, пойдет по тому или другому жизненному пути, который, может быть, приведет ее к положению популярной актрисы, и закончит жизнь аристократкой. Вполне возможно, что ее судьба окажется менее блестящей, но во всяком случае она выполнит свое предназначение в жизни, не пострадав от преждевременного проявления своей сексуальности, свободная от невроза. Другое дело — дочь домовладельца. Она еще ребенком начнет подозревать, что сделала что-то скверное, скоро, но, возможно, лишь после тяжелой борьбы откажется от мастурбационного удовольствия и, несмотря на это, в ней сохранится какая-то удрученность. Когда в девичьи годы она сможет кое-что узнать о половых сношениях, то отвернется от этого с необъяснимым отвращением и предпочтет остаться в неведении. Вероятно, теперь она уступит вновь охватившему ее непреодолимому стремлению к мастурбации, о котором не решается пожаловаться. В годы, когда она могла бы понравиться мужчине как женщина, у нее прорвется невроз, который лишит ее брака и жизненной надежды. Если при помощи анализа удастся понять этот невроз, то окажется, что эта хорошо воспитанная, интеллигентная девушка с высокими стремлениями совершенно вытеснила сексуальные чувства, а они, бессознательно для нее, застряли на жалких переживаниях с подругой детства [44].

Различие двух судеб, несмотря на одинаковые переживания, происходят от того, что Я одной девушки проделало развитие, не имевшее

места у другой. Дочери дворника сексуальная деятельность казалась столь же естественной и не вызывающей сомнения, как в детстве. Дочь домовладельца испытала воздействие воспитания и приняла его требования. Ее Я из предоставленных ему побуждений создало себе идеалы женской чистоты и непорочности, с которыми несовместима сексуальная деятельность; ее интеллектуальное развитие снизило ее интерес к женской роли, предназначенной для нее. Благодаря этому более высокому моральному и интеллектуальному развитию своего Я она попала в конфликт с требованиями своей сексуальности.

Сегодня я хочу остановиться еще на одном пункте развития Я, как из-за известных далеких перспектив, так и потому, что именно то, о чем будет речь, оправдывает излюбленное нами, резкое и не само собой разумеющееся отделение влечений Я от сексуальных влечений. В оценке обоих развитий, Я и либидо, мы должны выдвинуть на первый план точку зрения, на которую до сих пор не часто обращали внимание. Оба они представляют собой в основе унаследованные, сокращенные повторения развития, пройденного всем человечеством в течение очень длительного времени, начиная с первобытных времен[45]. Мне кажется, что это *филогенетическое* происхождение развития либидо вполне очевидно. Представьте себе, что у одного класса животных генитальный аппарат находится в теснейшей связи с ртом, у другого неотделим от аппарата выделения, у третьего связан с органами движения, все эти данные прекрасно описаны в ценной книге В. Бёльше (1911—1913). У животных можно видеть, так сказать, застывшими в сексуальной организации все виды извращений. Но у человека филогенетическое рассмотрение отчасти заслоняется тем обстоятельством, что то, что является, по существу, унаследованным, вновь приобретается в индивидуальном развитии и вероятно потому, что те же самые обстоятельства, которые в свое время вызвали необходимость приобретения новых свойств, продолжают существовать и действовать на каждого в отдельности. Я бы сказал, что в свое время они оказали творческое влияние, теперь же вызывают к жизни уже созданное. Кроме того, несомненно, что ход предначертанного развития у каждого в отдельности может быть нарушен и изменен новыми влияниями извне. Но мы знаем силу, которая вынудила человечество на такое развитие и сегодня продолжает оказывать свое давление в том же направлении: это опять-таки вынужденный реальностью отказ или, если называть ее настоящим именем, жизненная *необходимость* (’Ανάγκη). Она была строгой воспитательницей и многое сделала из нас. Невротики относятся к тем детям, которым эта строгость принесла горькие плоды, но такой риск есть в любом воспитании. Впрочем, данная оценка жизненной необходимости как двигателя развития не должна восстанавливать нас против значения «внутренних тенденций развития», если таковые можно доказать.

Весьма достойно внимания то, что сексуальные влечения и инстинкты самосохранения не одинаковым образом ведут себя по отношению к реальной необходимости. Инстинкты самосохранения и все, что с ними связано, легче поддаются воспитанию; они рано научаются подчиняться

необходимости и направлять свое развитие по указаниям реальности. Это понятно, потому что они не могут приобрести себе нужные объекты никаким другим способом; без этих объектов индивидуум должен погибнуть. Сексуальные влечения труднее воспитать, потому что вначале у них нет необходимости в объекте. Так как они присоединяются к другим функциям тела, как бы паразитируя, и аутоэротически удовлетворяются собственным телом, то сначала ускользают из-под воспитательного влияния реальной необходимости и у большинства людей утверждают этот характер своеволия, недоступности влиянию воспитания, то, что мы называем «неразумностью», в каком-то отношении в течение всей жизни. И подверженности воспитатательным воздействиям молодой личности, как правило, приходит конец, когда ее сексуальные потребности окончательно просыпаются. Это известно воспитателям, и они действуют сообразно этому; но, может быть, благодаря результатам, полученным в психоанализе, их удастся склонить к тому, чтобы перенести главный акцент на воспитание в первые детские годы, начиная с младенческого возраста. Маленький человек часто уже к четвертому или пятому году бывает закончен и только постепенно проявляет то, что в нем уже заложено.

Чтобы полностью оценить значение указанного различия между обеими группами влечений, мы должны начать издалека и привести одно из тех рассуждений, которое заслуживает названия *экономического*. Тем самым мы вступаем в одну из самых важных, но, к сожалению, и самых темных областей психоанализа. Мы ставим вопрос, можно ли в работе нашего душевного аппарата найти главную цель, и отвечаем на него в первом приближении, что эта цель состоит в получении удовольствия. Кажется, что вся наша душевная деятельность направлена на то, чтобы получать удовольствие и избегать неудовольствия, что она автоматически регулируется *принципом удовольствия* (Lustprinzip). Больше всего на свете мы хотели бы знать, каковы условия возникновения удовольствия и неудовольствия, но именно этого-то нам и не хватает. С уверенностью можно утверждать только то, что удовольствие *каким-то образом* связано с уменьшением, снижением или угасанием имеющегося в душевном аппарате количества раздражения, а неудовольствие — с его увеличением. Исследование самого интенсивного удовольствия, доступного человеку,— наслаждения при совершении полового акта — не оставляет сомнения в этом пункте. Так как при таких процессах удовольствия речь идет о судьбе *количества* душевного возбуждения, или энергии, то рассуждения такого рода мы называем экономическими. Мы замечаем, что можем описать задачу и функцию душевного аппарата также иначе и в более общем виде, чем выдвигая на первый план получение удовольствия. Мы можем сказать, что душевный аппарат служит цели одолеть поступающие в него извне и изнутри раздражения и возбуждения и освободиться от них. В сексуальных влечениях совершенно ясно проглядывает то, что они как в начале, так и в конце своего развития стремятся к получению удовольствия; они сохраняют эту первоначальную функцию без изменения. К тому же самому стремятся сначала и другие влечения Я. Но под

влиянием наставницы-необходимости влечения Я быстро научаются заменять принцип удовольствия какой-либо модификацией. Задача предотвращать неудовольствие ставится для них почти наравне с задачей получения удовольствия; Я узнает, что неизбежно придется отказаться от непосредственного удовлетворения, отложить получение удовольствия, пережить немного неудовольствия, а от определенных источников наслаждения вообще отказаться. Воспитанное таким образом Я стало «разумным», оно не позволяет больше принципу удовольствия владеть собой, а следует *принципу реальности* (Realitätsprinzip), который, в сущности, тоже хочет получить удовольствие, хотя и отсроченное и уменьшенное, но зато надежное благодаря учету реальности.

Переход от принципа удовольствия к принципу реальности является одним из важнейших успехов в развитии Я. Мы уже знаем, что сексуальные влечения поздно и лишь нехотя проходят этот этап развития Я, а позже мы услышим, какие последствия имеет для человека то, что его сексуальность довольствуется таким непрочным отношением к внешней реальности. И в заключение — еще одно относящееся сюда замечание. Если Я человека имеет историю развития, как либидо, то вы не удивитесь, услышав, что бывают и «регрессии Я», и захотите узнать, какую роль этот возврат Я на более ранние фазы развития может играть в невротических заболеваниях.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Пути образования симптомов

Уважаемые дамы и господа! Для неспециалиста сущность болезни составляют симптомы, выздоровление, как он считает,— устранение симптомов. Врач же признает существенным отличие симптомов от болезни и считает, что устранение симптомов еще не является излечением болезни. Но что реального остается от болезни после устранения симптомов,— то это лишь способность образовывать новые. Давайте поэтому встанем пока на точку зрения неспециалиста и будем считать, что проникновение в суть симптомов означает понимание болезни.

Симптомы — мы говорим здесь, разумеется, о психических (или психогенных) симптомах и психическом заболевании — представляют собой вредные для всей жизни или, по крайней мере, бесполезные акты, на которые лицо, страдающее ими, часто жалуется как на вынужденные и связанные для него с неприятностями или страданиями. Их главный вред заключается в душевных затратах, которых стоят они сами, а в дальнейшем в затратах, необходимых для их преодоления. При интенсивном образовании симптомов оба вида этих затрат могут привести к чрезвычайному обеднению личности в отношении находящейся в ее распоряжении душевной энергии и тем самым к ее беспомощности при

решении всех важных жизненных задач. Так как этот результат зависит главным образом от *количества* затребованной таким образом энергии, то вы легко поймете, что «быть больным» — в сущности, практическое понятие. Но если вы встанете на теоретическую точку зрения и не будете обращать внимания на эти количества, то легко можете сказать, что *все* мы больны, т. е. невротичны, так как условия для образования симптомов можно обнаружить и у нормальных людей.

О невротических симптомах нам уже известно, что они являются результатом конфликта, возникающего из-за нового вида удовлетворения либидо. Обе разошедшиеся было силы снова встречаются в симптоме, как будто примиряются благодаря компромиссу — образованию симптомов. Поэтому симптом так устойчив — он поддерживается с двух сторон. Мы знаем также, что одной из двух сторон конфликта является неудовлетворенное, отвергнутое реальностью либидо, вынужденное теперь искать других путей для своего удовлетворения. Если реальность остается неумолимой, даже когда либидо готово согласиться на другой объект вместо запретного, то оно вынуждено в конце концов встать на путь регрессии и стремиться к удовлетворению в рамках одной из уже преодоленных организаций или благодаря одному из ранее оставленных объектов. На пусть регрессии либидо увлекает фиксация, которая оставила его на этих участках его развития.

Тут пути, ведущие к извращению и к неврозу, резко расходятся. Если эти регрессии не вызывают возражений со стороны Я, то дело и не доходит до невроза, а либидо добивается какого-нибудь реального, хотя уже и ненормального удовлетворения. Если же Я, имеющее в своем распоряжении не только сознание, но и доступ к моторной иннервации и тем самым к реализации душевных стремлений, не согласно с этими регрессиями, то создается конфликт. Либидо как бы отрезано и должно попытаться отступить куда-то, где найдет отток для своей энергии по требованию принципа удовольствия. Оно должно выйти из-под власти Я. Но такое отступление ему предоставляют фиксации на его пути развития, проходимом теперь регрессивно, против которых Я защищалось в свое время вытеснениями. Занимая в обратном движении эти вытесненные позиции, либидо выходит из-под власти Я и его законов, отказываясь при этом также от всего полученного под влиянием Я воспитания. Оно было послушно, пока надеялось на удовлетворение; под двойным гнетом внутренне и внешне вынужденного отказа оно становится непокорным и вспоминает прежние лучшие времена. Таков его, по сути неизменный, характер. Представления, которые либидо теперь заполняет своей энергией, принадлежат системе бессознательного и подчиняются возможным в нем процессам, в частности сгущению и смещению. Так возникают условия, совершенно аналогичные условиям образования сновидений. Подобно тому как сложившемуся в бессознательном собственному (eigentliche) сновидению, представляющему собой исполнение бессознательной желанной фантазии, приходит на помощь какая-то часть (пред)сознательной деятельности, осуществляющая цензуру и допускающая после удовлетворения ее требований образование явного сновидения в виде компро

мисса, так и представители либидо в бессознательном должны считаться с силой предсознательного Я. Возражение, поднявшееся против либидо в Я, принимает форму «противодействия» (Gegenbesetzung) *, вынуждая выбрать такое выражение, которое может стать одновременно его собственным выражением. Так возникает симптом, как многократно искаженное производное бессознательного либидозного исполнения желания, искусно выбранная двусмысленность с двумя совершенно противоречащими друг другу значениями. Только в этом последнем пункте можно увидеть различие между образованием сновидения и образованием симптома, потому что предсознательная цель при образовании сновидения заключается лишь в том, чтобы сохранить сон, не пропустить в сознание ничего, что могло бы его нарушить, и не настаивает на том, чтобы резко ответить бессознательному желанию: нет, напротив! Она может быть более толерантной, так как положение спящего внушает меньше опасений. Выход в реальность закрыт уже самим состоянием сна.

Вы видите, что отступление либидо в условиях конфликта стало возможным благодаря наличию фиксаций. Регрессивное заполнение этих фиксаций либидо ведет к обходу вытеснения и выводу — или удовлетворению — либидо, при котором сохраняются компромиссные условия. Обходным путем через бессознательное и прежние фиксации либидо наконец удается добиться реального удовлетворения, хотя и чрезвычайно ограниченного и едва заметного. Позвольте мне добавить по поводу этого окончательного исхода два замечания. Во-первых, обратите внимание, как тесно здесь оказываются связаны либидо и бессознательное, с одной стороны, и Я, сознание и реальность,— с другой, хотя с самого начала они вовсе не составляют одно целое, и примите к сведению далее мое сообщение, что все сказанное здесь и рассматриваемое в дальнейшем относится только к образованию симптомов при истерическом неврозе.

Где же либидо находит те фиксации, в которых оно нуждается для прорыва вытесненного? В проявлениях и переживаниях инфантильной сексуальности, в оставленных частных стремлениях и в объектах периода детства, от которых оно отказалось. К ним-то либидо и возвращается опять. Значение этого периода детства двоякое: с одной стороны, в нем сначала проявляются направленности влечений, которые ребенок имеет в своих врожденных предрасположениях, а во-вторых, активизируются другие его влечения, разбуженные внешними воздействиями, случайными переживаниями.

Я полагаю, что мы, несомненно, имеем право на такое разделение. Проявление врожденной предрасположенности не подлежит никакому критическому сомнению, но аналитический опыт вынуждает нас допустить, что чисто случайные переживания детства в состоянии оставить фиксации либидо. И я не вижу в этом никаких теоретических затруднений. Конституциональные предрасположения, несомненно, являются последствиями переживаний далеких предков, они тоже были когда-то при-

* Букв.: «контрзаполнения» [энергией]. В английском языке эквивалентом является «антикатексис».— *Примеч. ред. перевода.*

обретены; без такого приобретения не было бы наследственности. И разве мыслимо, что такое ведущее к наследованию приобретение прекратится именно у рассматриваемого нами поколения? Поэтому не следует, как это часто случается, полностью игнорировать значимость инфантильных переживаний по сравнению со значимостью переживаний предков и собственной зрелости, а, напротив, дать им особую оценку. Они имеют тем более тяжелые последствия, что попадают на время незавершенного развития и благодаря именно этому обстоятельству способны действовать травматически. Работы по механике развития Ру[46] и других показали, что укол в зародышевую ткань, находящуюся в стадии деления клеток, имеет следствием тяжелое нарушение развития. Такое же ранение, причиненное личинке или развившемуся животному, перенеслось бы без вреда.

Фиксация либидо взрослого, введенная нами в этиологическое уравнение неврозов в качестве представителя конституционального фактора, распадается, таким образом, для нас на два компонента: на унаследованное предрасположение и на предрасположение, приобретенное в раннем детстве. Мы знаем, что схема наверняка вызовет симпатию обучающегося, поэтому представим эти отношения в схеме:

Причина невроза = Предрасположение благодаря фиксации либидо + Случайное переживание (травматическое) [взрослого]

Предрасположение благодаря фиксации либидо:
Сексуальная конституция (доисторическое переживание) | Инфантильное переживание

Наследственная сексуальная конституция предоставляет нам большое разнообразие предрасположений в зависимости от того, какой заложенной силой обладает то или иное частное влечение само по себе или в сочетании с другими. С фактором детского переживания сексуальная конституция образует опять-таки «дополнительный ряд», подобно уже известному ряду между предрасположением и случайным переживанием взрослого. Здесь, как и там, встречаются такие же крайние случаи, и их представляют те же отношения. Тут естественно поставить вопрос, не обусловлена ли самая замечательная из регрессий либидо, регрессия на более ранние ступени сексуальной организации, преимущественно наследственно-конституциональным фактором; но ответ на этот вопрос лучше всего отложить, пока не рассмотрено большее число форм невротических заболеваний.

Остановимся на том факте, что аналитическое исследование показывает связь либидо невротиков с их инфантильными сексуальными переживаниями. Оно придает им, таким образом, видимость огромной значимости для жизни и заболевания человека. Эта значимость сохраняется за ними в полном объеме, когда речь идет о терапевтической работе. Но если оставить в стороне эту задачу, то легко признать, что здесь кроется опасность недоразумения, которое могло бы ввести нас в заблуждение ориентироваться в жизни лишь на невротическую ситуацию. Однако

значимость инфантильных переживаний уменьшается тем, что либидо возвращается к ним *регрессивно*, после того как было изгнано со своих более поздних позиций. Но тогда напрашивается противоположный вывод, что либидозные переживания не имели в свое время совершенно никакого значения, а приобрели его только путем регрессии. Вспомните, что мы высказали свое мнение по отношению к такой альтернативе при обсуждении Эдипова комплекса.

И на этот раз нам нетрудно будет принять решение. Замечание, что заполненность либидо — и, следовательно, патогенное значение — инфантильных переживаний в большой мере усиливается регрессией либидо, несомненно правильно, но оно привело бы к заблуждению, если его считать единственно определяющим. Необходимо считаться и с другими соображениями. Во-первых, наблюдение, вне всякого сомнения, показывает, что инфантильные переживания имеют свое собственное значение и доказывают его уже в детские годы. Ведь встречаются и детские неврозы, при которых фактор временного сдвига назад очень снижается или совсем отпадает, когда заболевание возникает как непосредственное следствие травматических переживаний. Изучение этих детских неврозов предупреждает некоторое опасное недопонимание неврозов взрослых, подобно тому как сновидения детей дали нам ключ к пониманию сновидений взрослых. Неврозы у детей встречаются очень часто, гораздо чаще, чем думают. Их нередко не замечают, оценивают как признак испорченности или невоспитанности, часто подавляют авторитетом воспитателей «детской», но их легко распознать позже ретроспективно. В большинстве случаев они проявляются в форме *истерии страха*. Что это значит, мы узнаем еще в другой связи. Если в более поздние годы у человека развивается невроз, то при помощи анализа он раскрывается как прямое продолжение того, возможно, неясного, лишь намечавшегося детского заболевания. Но, как сказано, бывают случаи, когда эта детская нервозность без всякого перерыва переходит в болезнь, длящуюся всю жизнь. Несколько примеров детских неврозов мы имели возможность анализировать на самом ребенке — в актуальном состоянии; но гораздо чаще нам приходилось довольствоваться тем, что заболевший в зрелом возрасте давал возможность дополнительно познакомиться с его детским неврозом, при этом мы не могли не учитывать определенных поправок и предосторожностей.

Во-вторых, нужно сказать, что было бы непонятно, почему либидо постоянно возвращается к временам детства, если там ничего нет, что могло бы его привлекать. Фиксация, которую мы предполагаем в отдельных точках развития, имеет содержание только в том случае, если мы допустим, что в нее вложено определенное количество либидозной энергии. Наконец, я могу вам напомнить, что здесь между интенсивностью и патогенным значением инфантильных и более поздних переживаний имеется сходное отношение дополнения, как в уже ранее изученных нами рядах. Есть случаи, в которых причина заболевания кроется главным образом в сексуальных переживаниях детства, когда эти впечатления оказывают несомненно травматическое действие и не нуждаются ни в какой

другой поддержке, кроме той, которую им предоставляет обычная незавершенная конституция. Наряду с ними бывают другие случаи, в которых весь акцент падает на более поздние конфликты, а выступление в анализе на первый план детских впечатлений кажется исключительно результатом регрессии; следовательно, встречаются крайние случаи «задержки развития» и «регрессии», а между ними — любая степень взаимодействия обоих факторов.

Эти отношения представляют определенный интерес для педагогики, которая ставит своей задачей предупреждение неврозов благодаря своевременному вмешательству в сексуальное развитие ребенка. Пока внимание направлено преимущественно на детские сексуальные переживания, считается, что для профилактики нервных заболеваний все сделано, если позаботиться о том, чтобы задержать это развитие и избавить ребенка от такого рода переживаний. Но мы уже знаем, что условия, являющиеся причиной неврозов, сложны и на них нельзя оказать всестороннего влияния, учитывая один-единственный фактор. Строгая охрана детства теряет свою ценность, потому что она бессильна против конституционального фактора; кроме того, ее труднее осуществить, чем представляют себе воспитатели, и она влечет за собой две опасности, которые нельзя недооценивать: одна достигает слишком многого, а именно создает благоприятные условия для впоследствии вредного чрезмерного сексуального вытеснения, и ребенок попадает в жизнь неспособным к сопротивлению ожидающему его штурму сексуальных требований в период половой зрелости. Так что остается весьма и весьма сомнительным, насколько полезной может быть профилактика детства, и не обещает ли другая установка по отношению к действительности лучших перспектив для предупреждения неврозов.

А теперь вернемся к симптомам. Итак, они создают замещение несостоявшемуся удовлетворению благодаря регрессии либидо к более ранним периодам, с чем неразрывно связан возврат на более ранние ступени развития выбора объектов или организации. Мы уже раньше слышали, что невротик застревает где-то в своем прошлом; теперь мы знаем, что это период прошлого, когда его либидо не было лишено удовлетворения, когда он был счастлив. Он так долго исследует историю своей жизни, пока не находит такое время — пусть даже период своего младенчества — каким он вспоминает или представляет его себе по более поздним побуждениям. Симптом каким-то образом повторяет тот вид раннего детского удовлетворения, искаженного вызванной конфликтом цензурой, обращенного, как правило, к ощущению страдания и смешанного с элементами, послужившими поводом для заболевания. Тот вид удовлетворения, который приносит симптом, имеет в себе много странного. Мы не обращаем внимания на то, что оно остается неизвестным для лица, которое ощущает это мнимое удовлетворение скорее как страдание и жалуется на него. Это превращение относится к психическому конфликту, под давлением которого и должен образоваться симптом. То, что было когда-то для индивида удовлетворением, сегодня должно вызывать его сопротивление или отвращение. Нам известен незначительный,

но поучительный пример такого изменения ощущений. Тот же ребенок, который с жадностью сосал молоко из материнской груди, несколько лет спустя обычно выражает сильное отвращение к молоку, преодолеть которое воспитателям достаточно трудно. Отвращение усиливается, если молоко или смешанный с ним напиток покрыт пенкой. Видимо, нельзя отрицать то, что пенка вызывает воспоминание о столь желанной некогда материнской груди. Между ними лежит переживание отлучения, подействовавшее травматически.

Есть еще кое-что другое, что кажется нам странным и непонятным в симптомах как средствах либидозного удовлетворения. Они не напоминают нам ничего такого, от чего мы в нормальных условиях обычно ждем удовлетворения. Они в большинстве случаев игнорируют объект и отказываются тем самым от связи с внешней реальностью. Мы понимаем это как следствие отхода от принципа реальности и возврат к принципу удовольствия. Но это также возврат к некоторому виду расширенного аутоэротизма, который предоставлял сексуальному влечению первое удовлетворение. Оно ставит на место изменения внешнего мира изменение тела, т. е. внутреннюю акцию вместо внешней, приспособление вместо действия, что опять соответствует чрезвычайно важной в филогенетическом отношении регрессии. Мы поймем это только в связи с новым явлением, которое нам еще предстоит узнать из аналитических исследований образования симптомов. Далее мы припомним, что при образовании симптомов действовали те же процессы бессознательного, что и при образовании сновидений,— огущение и смещение. Симптом, как и сновидение, изображает что-то исполненным, дает удовлетворение по типу инфантильного, но из-за предельного сгущения это удовлетворение может быть сведено к одному-единственному ощущению или иннервации, ограничиться в результате крайнего смещения одной маленькой деталью всего либидозного комплекса. Неудивительно, что даже мы нередко испытываем трудности при распознании предполагаемого в симптоме и всегда подтверждающегося либидозного удовлетворения.

Я предупреждал вас, что нам предстоит узнать еще кое-что новое; это действительно нечто поразительное и смущающее. Вы знаете, что посредством анализа, отталкиваясь от симптомов, мы познакомились с инфантильными переживаниями, на которых фиксировано либидо и из которых создаются симптомы. И вот поразительно то, что эти инфантильные сцены не всегда верны. Да-да, в большинстве случаев они не верны, а в отдельных случаях находятся в прямой противоположности к исторической правде. Вы видите, что это открытие, как никакое другое, способно дискредитировать или анализ, приведший к такому результату, или больных, на высказываниях которых построен анализ, как и все понимание неврозов. А кроме того, есть еще нечто весьма смущающее. Если бы вскрытые анализом инфантильные переживания были всегда реальными, у нас было бы чувство, что мы стоим на твердой почве, если бы они всегда оказывались поддельными, разоблачались бы как вымыслы, фантазии больных, то нам нужно было бы покинуть эту колеблющуюся почву и искать спасения на другой. Но ни то, ни другое не

соответствует истине, а положение дел таково, что сконструированные или восстановленные в воспоминаниях при анализе детские переживания один раз бесспорно лживы, другой раз столь же несомненно правильны, а в большинстве случаев представляют собой смесь истины и лжи. Так что симптомы изображают то действительно происходившие переживания, которым можно приписать влияние на фиксацию либидо, то фантазии больного, которым, естественно, эта этиологическая роль совершенно не присуща. В этом трудно разобраться. Первую точку опоры мы, может быть, найдем в сходном открытии, что именно отдельные детские воспоминания, которые люди сознательно хранили в себе издавна до всякого анализа, тоже могут быть ложными или, могут по крайней мере, сочетать достаточно истины и лжи. Доказательство неправильности в этом случае редко встречает трудности, и мы имеем по меньшей мере лишь одно утешение, что в этом разочаровании виноват не анализ, а каким-то образом больные.

По некоторым размышлениям мы легко поймем, что нас так смущает в этом положении вещей. Это недооценка реальности, пренебрежение различием между ней и фантазией. Мы готовы уже оскорбиться тем, что больной занимал нас вымышленными историями. Действительность кажется нам чем-то бесконечно отличным от вымысла и заслуживающим совершенно иной оценки. Впрочем, такой же точки зрения в своем нормальном мышлении придерживается и больной. Когда он приводит материал, который ведет от симптомов к ситуациям желания, построенным по образцу детских переживаний, мы сначала, правда, сомневаемся, идет ли речь о действительности или о фантазии. Позднее на основании определенных признаков мы можем принять решение по этому поводу, и перед нами встает задача ознакомить с ним и больного. При этом дело никогда не обходится без затруднений. Если мы с самого начала открываем ему, что теперь он собирается показать фантазии, которыми окутал свою историю детства, как всякий народ сказаниями свой забытый доисторический период, то мы замечаем, что у него нежелательным образом вдруг понижается интерес к продолжению темы. Он тоже хочет знать действительность и презирает всякие «фантазии». Если же мы до окончания этой части работы предоставим ему верить, что заняты изучением реальных событий его детских лет, то рискуем, что позднее он упрекнет нас в ошибке и высмеет за наше кажущееся легковерие. Он долго не может понять наше предложение поставить наравне фантазию и действительность и не заботиться сначала о том, представляют ли собой детские переживания, которые нужно выяснить, то или другое. И все-таки это, очевидно, единственно правильная точка зрения на эти душевные продукты. И они имеют характер реальности; остается факт, что больной создал себе такие фантазии, и этот факт имеет для его невроза вряд ли меньшее значение, чем если бы он действительно пережил содержание этих фантазий. Эти фантазии обладают *психической* реальностью в противоположность *материальной*, и мы постепенно научаемся понимать, что в *мире неврозов решающей является психическая реальность.*

Среди обстоятельств, всегда повторяющихся в юношеской истории невротиков и, по-видимому, почти всегда имеющих место, некоторые приобретают особую важность, и поэтому я считаю, что их следует особо выделить из других. В качестве примеров такого рода я приведу следующие факты: наблюдение полового сношения родителей, совращение взрослым лицом и угрозу кастрацией. Было бы большой ошибкой полагать, что они никогда не имеют материальной реальности; наоборот, ее часто можно с несомненностью доказать при расспросах старших родственников. Так, например, вовсе не редкость, что маленькому мальчику, который начинает неприлично играть со своим членом и еще не знает, что такое занятие нужно скрывать, родители или ухаживающие за детьми грозят отрезать член или грешную руку. При расспросах родители часто сознаются в этом, так как полагают, что таким запугиванием делали что-то целесообразное; у некоторых остается точное, сознательное воспоминание об этой угрозе, особенно в том случае, если она была сделана в более поздние годы. Если угрозу высказывает мать или другое лицо женского пола, то ее исполнение они перекладывают на отца или врача. В знаменитом *Степке-растрепке* франкфуртского педиатра Гофмана, обязанного своей популярностью именно пониманию сексуальных и других комплексов детского возраста, вы найдете кастрацию смягченной, замененной отрезанием большого пальца в наказание за упрямое сосание. Но в высшей степени невероятно, чтобы детям так часто грозили кастрацией, как это обнаруживается в анализах невротиков. Нам достаточно понимания того, что такую угрозу ребенок соединяет в фантазии на основании намеков, с помощью знания, что аутоэротическое удовлетворение запрещено, и под впечатлением своего открытия женских гениталий. Точно так же никоим образом не исключено, что маленький ребенок, пока у него не допускают понимания и памяти, и не только в пролетарских семьях, становится свидетелем полового акта родителей или других взрослых, и нельзя отказаться от мысли, что *впоследствии* ребенок может понять это впечатление и реагировать на него. Если же это сношение описывается с самыми подробными деталями, представляющими трудности для наблюдения, или если оно оказывается сношением сзади, *more ferarum* *, как это часто бывает, то не остается никакого сомнения в причастности этой фантазии к наблюдению за сношением животных (собак) и в мотивировке ее неудовлетворенной страстью к подглядыванию ребенка в годы половой зрелости. Высшим достижением такого рода является фантазия о наблюдении полового акта родителей во время пребывания в материнской утробе еще до рождения. Особый интерес представляет собой фантазия о совращении, потому что слишком часто это не фантазия, а реальное воспоминание. Но к счастью, оно все же не так часто реально, как это могло бы сначала показаться по результатам анализа. Совращение старшими детьми или детьми того же возраста случается все еще чаще, чем взрослыми, и если у девушек, рассказывающих о таком событии в истории своего детства, соблазните-

* Подобно животным (*лат.*).— *Примеч. ред. перевода.*

лем довольно часто выступает отец, то ни фантастическая природа этого обвинения, ни вызывающий его мотив не подлежат никакому сомнению. Фантазией совращения, когда никакого совращения не было, ребенок, как правило, прикрывает аутоэротический период своей сексуальной деятельности. Он избавляет себя от стыда за мастурбацию, перенося в фантазии желанный объект на эти самые ранние времена. Не думайте, впрочем, что использование ребенка как сексуального объекта его ближайшими родственниками мужского пола относится непременно к области фантазии. Многие аналитики лечили случаи, в которых такие отношения были реальны и могли быть с несомненностью установлены; только и тогда они относились к более поздним детским годам, а были перенесены в более ранние.

Возникает впечатление, что такие события в детстве каким-то образом требуются, с железной необходимостью входят в состав невроза. Имеются они в реальности — хорошо; если реальность отказывает в них, то они составляются из намеков и дополняются фантазией. Результат один и тот же, и до настоящего времени нам не удалось доказать различия в последствиях в зависимости от того, принимает в этих детских событиях большее участие фантазия или реальность. Здесь опять-таки имеется одно из так часто упоминавшихся дополнительных отношений; это, правда, одно из самых странных, известных нам. Откуда берется потребность в этих фантазиях и материал для них? Невозможно сомневаться в источниках влечений, но необходимо объяснить факт, что каждый раз создаются те же фантазии с тем же содержанием. У меня готов ответ, но я знаю, что он покажется вам рискованным. Я полагаю, что эти *прафантазии* — так мне хотелось бы назвать их и, конечно, еще некоторые другие — являются филогенетическим достоянием. Индивид выходит в них за пределы собственного переживания в переживание доисторического времени, где его собственное переживание становится слишком рудиментарным. Мне кажется вполне возможным, что все, что сегодня рассказывается при анализе как фантазия,— совращение детей, вспышка сексуального возбуждения при наблюдении полового сношения родителей, угроза кастрацией — или, вернее, кастрация — было реальностью в первобытной человеческой семье, и фантазирующий ребенок просто восполнил доисторической правдой пробелы в индивидуальной правде. У нас неоднократно возникало подозрение, что психология неврозов сохранила для нас из древнего периода человеческого развития больше, чем все другие источники.

Уважаемые господа! Вышеупомянутые обстоятельства вынуждают нас поближе рассмотреть возникновение и значение той душевной деятельности, которая называется фантазией. Как вам известно, она пользуется всеобщей высокой оценкой, хотя ее место в душевной жизни остается невыясненным. Я могу вам сказать об этом следующее. Как вы знаете, под воздействием внешней необходимости Я человека постепенно приучается оценивать реальность и следовать принципу реальности, отказываясь при этом временно или надолго от различных объектов и целей своего стремления к удовольствию — не только сексуальному. Но отказ от удовольст-

вия всегда давался человеку с трудом; он совершает его не без своего рода возмещения. Он сохранил себе за это душевную деятельность, в которой допускается дальнейшее существование всех этих оставленных источников наслаждения и покинутых путей его получения, форма существования, в которой они освобождаются от притязания на реальность и от того, что мы называем «испытанием реальностью». Любое стремление сразу достигает формы представления о его исполнении; несомненно, что направление фантазии на исполнение желаний дает удовлетворение, хотя при этом существует знание того, что речь идет не о реальности. Таким образом, в деятельности фантазии человек наслаждается свободой от внешнего принуждения, от которой он давно отказался в действительности. Ему удается быть еще попеременно то наслаждающимся животным, то опять разумным существом. Он не довольствуется жалким удовлетворением, которое может отвоевать у действительности. «Обойтись без вспомогательных конструкций вообще нельзя»,— сказал однажды Т. Фонтане. Создание душевной области фантазии находит полную аналогию в организации «заповедников», «национальных парков» там, где требования земледелия, транспорта и промышленности угрожают быстро изменить до неузнаваемости первоначальный вид земли. Национальный парк сохраняет свое прежнее состояние, которое повсюду в других местах принесено в жертву необходимости. Там может расти и разрастаться все, что хочет, даже бесполезное, даже вредное. Таким лишенным принципа реальности заповедником и является душевная область фантазии.

Самые известные продукты фантазии — уже знакомые нам «сны наяву», воображаемое удовлетворение честолюбивых, выражающих манию величия, эротических желаний, расцветающих тем пышнее, чем больше действительность призывает к скромности или терпению. В них с очевидностью обнаруживается сущность счастья в фантазии, восстановление независимости получения наслаждения от одобрения реальности. Нам известно, что такие сны наяву являются ядром и прообразами ночных сновидений. Ночное сновидение, в сущности, не что иное, как сон наяву, использованный ночной свободой влечений и искаженный ночной формой душевной деятельности. Мы уже освоились с мыслью, что и сны наяву не обязательно сознательны, что они бывают и бессознательными. Такие бессознательные сны наяву являются как источником ночных сновидений, так и источником невротических симптомов.

Значение фантазии для образования симптомов станет вам ясно из следующего. Мы сказали, что в случае вынужденного отказа либидо регрессивно занимает оставленные им позиции, на которых оно застряло в некотором количестве. Мы не отказываемся от этого утверждения и не исправляем его, но должны вставить промежуточное звено. Как либидо находит путь к этим местам фиксации? Все оставленные объекты и направленности либидо оставлены не во всех смыслах. Они или их производные с определенной интенсивностью еще сохраняются в представлениях фантазии. Либидо нужно только уйти в фантазии, чтобы найти в них открытый путь ко всем вытесненным фиксациям. Эти фантазии

допускались в известной степени, между ними и Я, как ни резки противоречия, не было конфликта, пока соблюдалось одно определенное условие.

Условие это, *количественное* по природе, нарушается обратным притоком либидо к фантазиям. Вследствие этого прибавления заряженность фантазий энергией так повышается, что они становятся очень требовательными, развивая стремление к реализации. Но это делает неизбежным конфликт между ними и Я. Независимо от того, были ли они раньше предсознательными или сознательными, теперь они подлежат вытеснению со стороны Я и предоставляются притяжению со стороны бессознательного. От бессознательных теперь фантазий либидо перемещается к их истокам в бессознательном, к местам их собственной фиксации.

Возврат либидо к фантазиям является переходной ступенью на пути образования симптомов, заслуживающей особого обозначения. К. Г. Юнг дал ему очень подходящее название *интроверсии*, но нецелесообразно придал ему еще другое значение[47]. Мы останемся на том, что интроверсия обозначает отход либидо от возможностей реального удовлетворения и дополнительное заполнение им безобидных до того фантазий. Интровертированный человек еще не невротик, но он находится в неустойчивом положении; при ближайшем изменении соотношения сил у него должны развиться симптомы, если он не найдет других выходов для накопившегося у него либидо. Нереальный характер невротического удовлетворения и пренебрежение различием между фантазией и действительностью уже предопределены пребыванием на ступени интроверсии.

Вы, наверно, заметили, что в своих последних рассуждениях я ввел в структуру этиологической цепи новый фактор, а именно количество, величину рассматриваемых энергий; с этим фактором нам еще всюду придется считаться. Чисто качественным анализом этиологических условий мы не обойдемся. Или, другими словами, только *динамического* понимания этих душевных процессов недостаточно, нужна еще *экономическая* точка зрения. Мы должны себе сказать, что конфликт между двумя стремлениями не возникнет, пока не будет достигнута определенная степень заряженности энергией, хотя содержательные условия могут давно существовать. Точно так же патогенное значение конституциональных факторов зависит от того, насколько *больше* в конституции заложено одного частного влечения, чем другого; можно себе даже представить, что качественно конституции всех людей одинаковы и различаются только этими количественными соотношениями. Не менее решающим является количественный фактор и для способности к сопротивлению невротическому заболеванию. Это будет зависеть от того, *какое количество* неиспользованного либидо человек может оставить свободным и *какую часть* своего либидо он способен отторгнуть от сексуального для целей сублимации. Конечная цель душевной деятельности, которую качественно можно описать как стремление к получению удовольствия и избегание неудовольствия, с экономической точки зрения представляется задачей справиться с действующим в душевном аппарате количеством возбужде-

ния (массой раздражения) и не допустить его застоя, вызывающего неудовольствие.

Вот то, что я хотел вам сказать об образовании симптомов при неврозе. Но чтобы не забыть, подчеркну еще раз со всей определенностью: все здесь сказанное относится только к образованию симптомов при истерии. Уже при неврозе навязчивых состояний — хотя основное сохранится — многое будет по-другому. Противоположности по отношению к требованиям влечений, о которых шла речь и при истерии, при неврозе навязчивых состояний выступают на первый план и преобладают в клинической картине благодаря так называемым «реактивным образованиям». Такие же и еще дальше идущие отступления мы открываем при других неврозах, где исследования о механизмах образования симптомов ни в коей мере не завершены.

Прежде чем отпустить вас сегодня, я хотел бы на минуту обратить ваше внимание на одну сторону жизни фантазии, которая достойна всеобщего интереса. Есть обратный путь от фантазии к реальности, это — искусство. В основе своей художник тоже интровертированный, которому недалеко до невроза. В нем теснятся сверхсильные влечения, он хотел бы получать почести, власть, богатство, славу и любовь женщин; но у него нет средств, чтобы добиться их удовлетворения. А потому, как всякий неудовлетворенный человек, он отворачивается от действительности и переносит весь свой интерес, а также свое либидо на желанные образы своей фантазии, откуда мог бы открыться путь к неврозу. И многое должно совпасть, чтобы это не стало полным исходом его развития; ведь известно, как часто именно художники страдают из-за неврозов частичной потерей своей трудоспособности. Вероятно, их конституция обладает сильной способностью к сублимации и определенной слабостью вытеснений, разрешающих конфликт. Обратный же путь к реальности художник находит следующим образом. Ведь он не единственный, кто живет жизнью фантазии. Промежуточное царство фантазии существует со всеобщего согласия человечества, и всякий, испытывающий лишения, ждет от него облегчения и утешения. Но для нехудожника возможность получения наслаждения из источников фантазии ограничена. Неумолимость вытеснений вынуждает его довольствоваться скудными грезами, которые могут еще оставаться сознательными. Но если кто-то — истинный художник, тогда он имеет в своем распоряжении больше. Во-первых, он умеет так обработать свои грезы, что они теряют все слишком личное, отталкивающее постороннего, и становятся доступными для наслаждения других. Он умеет также настолько смягчить их, что нелегко догадаться об их происхождении из запретных источников. Далее, он обладает таинственной способностью придавать определенному материалу форму, пока тот не станет верным отображением его фантастического представления, и затем он умеет связать с этим изображением своей бессознательной фантазии получение такого большого наслаждения, что благодаря этому вытеснения, по крайней мере временно, преодолеваются и устраняются. Если он все это может совершить, то дает и другим возможность снова черпать утешение и облегчение из источников наслаж-

дения их собственного бессознательного, ставших недоступными, получая их благодарность и восхищение и достигая *благодаря* своей фантазии то, что сначала имел только *в* фантазии: почести, власть и любовь женщин [48].

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Обычная нервозность

Уважаемые дамы и господа! После того как в последних беседах мы завершили такую трудную часть работы, я на некоторое время оставляю этот предмет и обращаюсь к вам со следующим.

Я знаю, что вы недовольны. Вы представляли себе «Введение в психоанализ» иначе. Вы предполагали услышать жизненные примеры, а не теории. Вы скажете мне, что единственный раз, когда я представил вам параллель «В подвале и на первом этаже», вы кое-что поняли о причине неврозов, только лучше бы это были действительные наблюдения, а не придуманные истории. Или когда я вначале рассказал вам о двух — видимо, тоже не вымышленных — симптомах и разъяснил их отношение к жизни больного, то вам стал ясен «смысл» симптомов; вы надеялись, что я буду продолжать в том же духе. Вместо этого я излагал вам пространные, расплывчатые теории, которые никогда не были полными, к которым постоянно добавлялось что-то новое, пользовался понятиями, которых еще не разъяснил вам, переходил от описательного изложения к динамическому пониманию, а от него — к так называемому «экономическому», мешая вам понять, какие из используемых терминов означают то же самое и заменяют друг друга только по причине благозвучия, предлагал вам такие широкие понятия, как принципы удовольствия и реальности и филогенетически унаследованное, и, вместо того чтобы вводить во что-то, я развертывал перед вашим взором нечто такое, что все больше удалялось от вас.

Почему я не начал введение в теорию неврозов с того, что вы сами знаете о нервозности и что давно вызывает ваш интерес? Почему не начал с описания своеобразной сущности нервнобольных, их непонятных реакций на человеческое общение и внешние влияния, их раздражительности, непредсказуемости поведения и неприспособленности к жизни? Почему не повел вас шаг за шагом от понимания более простых повседневных форм к проблемам загадочных крайних проявлений нервозности?

Да, уважаемые господа, не могу не признать вашей правоты. Я не настолько влюблен в собственное искусство изложения, чтобы выдавать за особую прелесть каждый его недостаток. Я сам думаю, что можно было бы сделать иначе и с большей выгодой для вас; я этого и хотел. Но не всегда можно выполнить свои благие намерения. В самом мате-

риале часто заключено что-то такое, что руководит [вами] и уводит от первоначальных намерений. Даже такая незначительная работа, как организация хорошо знакомого материала, не вполне подчиняется воле автора; она идет, как хочет, и только позже можно спросить себя, почему она вышла такой, а не другой.

Вероятно, одна из причин в том, что название «Введение в психоанализ» уже не подходит к этой части, где обсуждаются неврозы. Введение в психоанализ составляет изучение ошибочных действий и сновидений, учение о неврозах — это сам психоанализ. Не думаю, чтобы мне бы удалось за такое короткое время познакомить вас с содержанием учения о неврозах иначе, чем в такой сконцентрированной форме. Дело заключалось в том, чтобы в общей связи показать вам смысл и значение симптомов, внешние и внутренние условия и механизм их образования. Я и попытался это сделать; такова примерно суть того, чему может научить психоанализ сегодня. При этом много пришлось говорить о либидо и его развитии, кое-что и о развитии Я. Благодаря введению вы уже были подготовлены к особенностям нашей техники, к основным взглядам на бессознательное и вытеснение (сопротивление). На одной из ближайших лекций вы узнаете, в чем психоаналитическая работа находит свое органическое продолжение. Пока я не скрывал от вас, что все наши сведения основаны на изучении только одной-единственной группы нервных заболеваний, на так называемых неврозах перенесения. Механизм образования симптомов я проследил всего лишь для истерического невроза. Если вы и не приобрели солидных знаний и не запомнили каждую деталь, то все же я надеюсь, что у вас сложилось представление о том, какими средствами работает психоанализ, за решение каких вопросов берется и каких результатов он уже достиг.

Я приписал вам пожелание, чтобы я начал изложение темы неврозов с поведения нервнобольных, с описания того, как они страдают от своих неврозов, как борются с ними и приспосабливаются к ним. Это, конечно, интересный и достойный познания и не очень трудный для изложения материал, но сомнительно начинать с него. Рискуешь не открыть бессознательного, не увидеть при этом большого значения либидо и судить обо всех отношениях так, как они кажутся Я нервнобольного. А то, что это Я ни в коей мере не надежная и не беспристрастная сторона, совершенно очевидно. Ведь Я — это сила, которая отрицает бессознательное и сводит его к вытесненному, как же можно верить ему в том, что оно будет справедливо к этому бессознательному? Среди этого вытесненного на первом месте стоят отвергнутые требования сексуальности; само собой разумеется, что мы никогда не сможем узнать об их объеме и значении из мнений Я. С того момента, когда для нас начинает проясняться позиция вытеснения, мы должны так же остерегаться того, чтобы не поставить судьей в этом споре одну из спорящих сторон, к тому же еще и победившую. Мы подготовлены к тому, что высказывания Я введут нас в заблуждение. Если верить Я, то оно на всех этапах было активным, само желало своих симптомов и создало их. Мы знаем, что оно считает возможным быть в известной степени пассивным, что хочет затем скрыть и

приукрасить. Правда, оно не всегда решается на такую попытку; при симптомах невроза навязчивых состояний оно должно признать, что ему противопоставляется что-то чуждое, от чего оно с трудом защищается.

Кого не удерживают эти предостережения принимать за чистую монету подделки Я, тому, разумеется, легко живется, и он избавлен от всего того сопротивления, которое поднимется против выдвижения в психоанализе на первый план бессознательного, сексуальности и пассивности Я. Тот может утверждать, подобно Альфреду Адлеру (1912), что «нервный характер» является причиной невроза вместо его следствия, но он также не будет в состоянии объяснить ни одной детали в образовании симптома и ни одного сновидения.

Вы спросите, нельзя ли справедливо оценить участие Я в нервозности и образовании симптомов, явно не пренебрегая при этом открытыми психоанализом факторами. Я отвечу: конечно, это возможно и когда-нибудь произойдет; но начинать именно с этого не в традициях психоанализа. Правда, можно предсказать, когда эта задача встанет перед психоанализом. Есть неврозы, в которых Я участвует гораздо активнее, чем в изученных до сих пор; мы называем их «нарциссическими неврозами». Аналитическая обработка этих заболеваний даст нам возможность беспристрастно и верно судить об участии Я в невротическом заболевании.

Но одно из отношений Я к своему неврозу настолько очевидно, что его с самого начала можно принять во внимание. Оно, по-видимому, встречается во всех случаях, но яснее всего обнаруживается при заболевании, которое мы сегодня еще недостаточно понимаем,— при *травматическом неврозе*. Вы должны знать, что в причине и в механизме всех возможных форм неврозов всегда действуют одни и те же факторы, только в одном случае главное значение в образовании симптомов приобретает один из этих факторов, в другом — другой. Это подобно штату артистической труппы, в котором каждый имеет свое определенное амплуа: герой, близкий друг, интриган и т. д.; но для своего бенефиса каждый выберет другую пьесу. Так, фантазии, превращающиеся в симптомы, нигде не проявляются более явно, чем при истерии; противоположные, или реактивные, образования Я господствуют в картине невроза навязчивых состояний; то, что мы назвали *вторичной обработкой* в сновидении, выступает на первое место в виде бреда при паранойе и т. д.

Таким образом, при травматических неврозах, особенно таких, которые возникают из-за ужасов войны, для нас несомненен эгоистический мотив Я, стремящийся к защите и выгоде, который в одиночку еще не создает болезнь, но санкционирует ее и поддерживает, если она уже началась. Этот мотив хочет уберечь Я от опасностей, угроза которых и послужила поводом для заболевания, и не допустит выздоровления, прежде чем не будет исключена возможность повторения этих опасностей или лишь после того, как будет получена компенсация за перенесенную опасность.

Но и во всех других случаях Я проявляет аналогичную заинтересованность в возникновении и последующем существовании невроза. Мы уже сказали, что симптом поддерживается также и Я, потому что у него

есть такая сторона, благодаря которой он дает удовлетворение вытесняющей тенденции Я. Кроме того, разрешение конфликта посредством образования симптома является самым удобным и желательным выходом из положения для принципа удовольствия; он, несомненно, избавляет Я от большой и мучительной внутренней работы. Бывают случаи, когда даже врач должен признать, что разрешение конфликта в форме невроза представляет собой самое безобидное и социально допустимое решение. Не удивляйтесь, что порой даже врач становится на сторону болезни, с которой он ведет борьбу. Ему не пристало играть лишь роль фанатика здоровья вопреки всем жизненным ситуациям, он знает, что в мире есть не только невротическое бедствие, но и реальное нескончаемое страдание, что необходимость может потребовать от человека пожертвовать своим здоровьем, и он знает, что такой жертвой одного человека часто сдерживается бесконечное несчастье многих других. Если можно сказать, что у невротика каждый раз перед лицом конфликта происходит *бегство в болезнь*, то следует признать, что в некоторых случаях это бегство вполне оправданно, и врач, понявший это положение вещей, молча отойдет в сторону, щадя больного.

Но при дальнейшем изложении мы воздержимся от этих исключительных случаев. В обычных условиях мы обнаруживаем, что благодаря отступлению в невроз Я получает определенную внутреннюю *выгоду от болезни*. К ней в некоторых случаях жизни присоединяется очевидное внешнее преимущество, более или менее высоко ценимое в реальности. Посмотрите на самый частый пример такого рода. Женщина, с которой муж грубо обращается и беспощадно использует ее, почти всегда находит выход в неврозе, если ее предрасположения дают такую возможность, если она слишком труслива или слишком нравственна для того, чтобы тайно утешаться с другим мужчиной, если она недостаточно сильна, чтобы, несмотря на все внешние препятствия, расстаться с мужем, если у нее нет надежды содержать себя самой или найти лучшего мужа и если она, кроме того, еще привязана к этому грубому человеку сексуальным чувством. Тогда ее болезнь становится ее оружием в борьбе против сверхсильного мужа, оружием, которым она может воспользоваться для своей защиты и злоупотребить им для своей мести. На свою болезнь она может пожаловаться, между тем как на брак, вероятно, жаловаться не смела. В лице врача она находит помощника, вынуждает беспощадного мужа щадить ее, тратиться на нее, разрешать ей временно отсутствовать дома и освобождаться таким образом от супружеского гнета. Там, где такая внешняя или случайная выгода от болезни довольно значительна и не может найти никакой реальной замены, вы не сможете высоко оценить возможность воздействия вашей терапии на невроз.

Вы упрекнете меня, что то, что я вам здесь рассказал о выгоде от болезни, как раз говорит в пользу отвергнутого мной мнения, что Я само хочет и создает невроз. Спокойно, уважаемые господа, может быть, это означает только то, что Я мирится с неврозом, которому оно не может помешать, и делает из него самое лучшее, если из него вообще можно что-нибудь сделать. Это только одна сторона дела, правда, приятная.

Поскольку невроз имеет преимущества, Я с ним согласно, но у него имеются не только преимущества. Как правило, быстро выясняется, что Я заключило невыгодную сделку, соглашаясь на невроз. Оно слишком дорого заплатило за облегчение конфликта, и ощущения страдания, причиняемые симптомами, пожалуй, эквивалентная замена мучениям конфликта, и, возможно, с еще большим количеством неудовольствия. Я хотело бы освободиться от этого неудовольствия из-за симптомов, не уступая выгод от болезни, но именно этого оно не в состоянии сделать. При этом оказывается, что оно было не таким уж активным, как считало,— давайте это запомним.

Уважаемые господа, когда вы как врачи будете иметь дело с невротиками, то скоро откажетесь от мысли, что те больные, которые больше всего причитают и жалуются на свою болезнь, охотнее всего идут навстречу оказываемой помощи и окажут ей наименьшее сопротивление. Скорее наоборот. Но вы легко поймете, что все, что способствует получению выгоды от болезни, усилит сопротивление вытеснения и увеличит трудность лечения. К этой выгоде от болезни, появившейся, так сказать, вместе с симптомом, нам следует, однако, прибавить еще и другую, которая появляется позже. Если такая психическая организация, как болезнь, существует длительное время, то она ведет себя в конце концов как самостоятельное существо, она проявляет нечто вроде инстинкта самосохранения, образуется своего рода *modus vivendi* * между нею и другими сторонами душевной жизни, причем даже такими, которые, в сущности, враждебны ей, и почти всегда встречаются случаи, в которых она опять оказывается полезной и пригодной для использования, как бы приобретая *вторичную функцию,* которая с новой силой укрепляет ее существование. Вместо примера из патологии возьмите яркий пример из повседневной жизни. Дельный рабочий, зарабатывающий себе на содержание, становится калекой из-за несчастного случая во время работы; с работой теперь кончено, но со временем потерпевший получает маленькую пенсию по увечью и научается пользоваться своим увечьем, как нищий. Его новое, хотя и ухудшившееся существование основывается теперь как раз на том же, что лишило его прежних средств существования. Если вы устраните его уродство, то сначала лишите его средств к существованию; возникнет вопрос, способен ли он еще вновь взяться за прежнюю работу. То, что при неврозе соответствует такому вторичному использованию болезни, мы можем прибавить в качестве *вторичной* выгоды от болезни к первичной.

Но в общем я хотел бы вам сказать: не оценивайте слишком низко практическое значение выгоды от болезни и не придавайте ей слишком большого теоретического значения. Не считая ранее упомянутых исключений, она напоминает примеры «ума животных», иллюстрированных Оберлендером в *Fliegende Blätter.* Араб едет на верблюде по узкой тропинке, высеченной в отвесном склоне горы. На повороте дороги он неожиданно встречается со львом, готовым к прыжку. Он не видит выхода:

* Соглашение (*лат.*).— *Примеч. пер.*

с одной стороны — отвесная стена, с другой — пропасть, повернуть и спастись бегством невозможно; он считает себя погибшим. Другое дело животное. Вместе со всадником оно делает прыжок в пропасть — и лев остается ни с чем. Не лучший результат для больного дает и помощь, оказываемая неврозом. Возможно, это происходит потому, что разрешение конфликта посредством образования симптомов — все же автоматический процесс, который не может соответствовать требованиям жизни и при котором человек отказывается от использования своих лучших и высших сил. Если бы был выбор, следовало бы предпочесть погибнуть в честной борьбе с судьбой.

Уважаемые господа! Я должен, однако, объяснить вам еще другие мотивы, по которым при изложении учения о неврозах я не исходил из обычной нервозности. Может быть, вы думаете, что я сделал это потому, что тогда мне труднее было бы доказать сексуальную причину неврозов. Но тут вы ошибаетесь. При неврозах перенесения нужно проделать сначала работу по толкованию симптомов, чтобы прийти к такому пониманию. При обычных формах так называемых *актуальных неврозов* [49] этиологическое значение сексуальной жизни является общим, доступным наблюдению фактом. Я столкнулся с ним более двадцати лет тому назад, когда однажды задал себе вопрос, почему при расспросах нервнобольных обычно не принимаются во внимание их сексуальные проявления. Тогда я принес в жертву этим исследованиям свою популярность у больных, но уже после непродолжительных усилий мог высказать положение, что при нормальной *vita sexualis* * не бывает невроза — я имею в виду актуального невроза. Конечно, это положение не учитывает индивидуальных различий между людьми, оно страдает также неопределенностью, неотделимой от оценки «нормального», но для предварительной ориентировки оно и до настоящего времени сохранило свою значимость. Я дошел тогда до того, что установил специфические отношения между определенными формами нервозности и отдельными вредными сексуальными проявлениями, и не сомневаюсь в том, что теперь мог бы повторить эти же наблюдения, если бы располагал таким же контингентом больных. Достаточно часто я узнавал, что мужчина, довольствовавшийся определенным видом неполного сексуального удовлетворения, например ручным онанизмом, заболевал определенной формой актуального невроза и что этот невроз быстро уступал место другому, когда он переходил к другому, столь же мало безупречному сексуальному режиму. Я был тогда в состоянии угадать по изменению состояния больного перемену в образе его сексуальной жизни. Тогда же я научился упорно настаивать на своих предположениях, пока не преодолевал неискренности пациентов и не вынуждал их подтверждать мои предположения. Верно и то, что затем они предпочитали обращаться к другим врачам, которые не осведомлялись с таким усердием об их сексуальной жизни.

Уже тогда от меня не могло ускользнуть, что поиск причин заболевания не всегда приводил к сексуальной жизни. Если один и заболевал не-

* Сексуальной жизни (*лат.*).– *Примеч. пер.*

посредственно из-за вредного сексуального проявления, то другой — из-за того, что потерял состояние или перенес изнуряющую органическую болезнь. Объяснение этого многообразия пришло позже, когда мы поняли предполагаемые взаимоотношения между Я и либидо, и оно становилось тем более удовлетворительным, чем глубже было наше понимание. Какое-то лицо заболевает неврозом только тогда, когда его Я теряет способность как-то распределить либидо. Чем сильнее Я, тем легче ему разрешить эту задачу; всякое ослабление Я по какой-либо причине должно производить то же действие, что и слишком большое притязание либидо, т. е. сделать возможным невротическое заболевание. Есть еще другие, более интимные отношения Я и либидо, но они еще не вошли в наше поле зрения, и поэтому я не привожу их здесь для объяснения. Существенным и объясняющим для нас [утверждением] остается то, что в каждом случае и независимо от пути развития болезни симптомы невроза обусловливаются либидо и, таким образом, свидетельствуют о его ненормальном применении.

Теперь, однако, я должен обратить ваше внимание на существенное различие между симптомами актуальных неврозов и психоневрозов, первая группа которых, группа неврозов перенесения, так много занимала наше внимание до сих пор. В обоих случаях симптомы происходят из либидо, т. е. являются ненормальным его применением, замещением удовлетворения. Но симптомы актуальных неврозов: давление в голове, ощущение боли, раздражение в каком-либо органе, ослабление или задержка функции — не имеют никакого «смысла», никакого психического значения. Они не только проявляются преимущественно телесно, как, например, и истерические симптомы, но сами представляют собой исключительно соматические процессы, в возникновении которых совершенно не участвуют все те сложные душевные механизмы, с которыми мы познакомились. Таким образом, они действительно являются тем, за что так долго принимали психоневротические симптомы. Но каким образом они могут тогда соответствовать применениям либидо, которое мы считаем действующей силой в психике? Так это, уважаемые господа, очень просто. Позвольте мне напомнить вам один из самых первых упреков, высказанных в адрес психоанализа. Тогда говорили, что он трудится над психологическими теориями невротических явлений, а это совершенно безнадежно, так как психологические теории никогда не могли бы объяснить болезнь. Предпочли забыть, что сексуальная функция является столь же мало чем-то чисто психическим, как и чем-то только соматическим. Она оказывает влияние как на телесную, так и на душевную жизнь. Если в симптомах психоневрозов мы увидели проявления нарушений в ее воздействиях на психику, то мы не удивимся, если в актуальных неврозах найдем непосредственные соматические последствия сексуальных нарушений.

Для понимания вышесказанного медицинская клиническая практика дает нам ценное указание, которое также принимали во внимание различные исследователи. В деталях своей симптоматики, а также в своеобразии воздействия на все системы органов и на все функции актуальные

неврозы обнаруживают несомненное сходство с болезненными состояниями, возникающими вследствие хронического влияния экзогенных ядовитых веществ и острого их лишения, т. е. с интоксикациями и состояниями абстиненции. Обе группы заболеваний еще больше сближаются друг с другом благодаря таким состояниям, которые мы научились относить тоже на счет действия ядовитых веществ, но не введенных в организм, чуждых ему, а образованных в процессе собственного обмена веществ, как, например, при базедовой болезни. Я полагаю, что на основании этих аналогий мы не можем не считать неврозы следствием нарушения сексуального обмена веществ, будь оно из-за того, что этих сексуальных токсинов производится больше, чем данное лицо может усвоить, или из-за того, что внутренние и даже психические условия мешают правильному использованию этих веществ. В народе издавна придерживались такого взгляда на природу сексуального желания, называя любовь «опьянением» и считая возникновение влюбленности действием любовного напитка, перенося при этом действующее начало в известном смысле на внешний мир. Для нас это было бы поводом вспомнить об эрогенных зонах и об утверждении, что сексуальное возбуждение может возникнуть в самых различных органах. Впрочем, слова «сексуальный обмен веществ» или «химизм сексуальности» для нас не имеют содержания; мы ничего об этом не знаем и не можем даже решить, следует ли нам предполагать существование двух сексуальных веществ, которые назывались бы тогда «мужским» и «женским», или мы можем ограничиться *одним* сексуальным токсином, в котором следует видеть носителя всех раздражающих воздействий либидо [50]. Созданное нами научное здание психоанализа в действительности является надстройкой, которая должна быть когда-нибудь поставлена на свой органический фундамент; но пока мы его еще не знаем.

Психоанализ как науку характеризует не материал, которым он занимается, а техника, при помощи которой он работает. Без особых натяжек психоанализ можно применять к истории культуры, науке о религии и мифологии точно так же, как и к учению о неврозах [51]. Целью его является не что иное, как раскрытие бессознательного в душевной жизни. Проблемы актуальных неврозов, симптомы которых, вероятно, возникают из-за вредного токсического воздействия, не дают возможности применять психоанализ, он не многое может сделать для их объяснения и должен предоставить эту задачу биологическому медицинскому исследованию. Теперь вы, может быть, лучше поймете, почему я не расположил свой материал в другом порядке. Если бы я обещал вам «Введение в учение о неврозах», то, несомненно, правильным был бы путь от простых форм актуальных неврозов к более сложным психическим заболеваниям вследствие расстройств либидо. При обсуждении актуальных неврозов я должен был бы собрать с разных сторон все, что мы узнали или полагали, что знаем, а при психоневрозах речь зашла бы о психоанализе как о важнейшем техническом вспомогательном средстве для прояснения этих состояний. Но я объявил и намеревался прочесть «Введение в психоанализ»; для меня было важнее, чтобы вы получили представление о психо-

анализе, а не определенные знания о неврозах, и поэтому я не мог выдвинуть на первый план бесплодные для психоанализа актуальные неврозы. Думаю также, что сделал для вас более благоприятный выбор, так как психоанализ вследствие своих глубоких предпосылок и обширных связей заслуживает того, чтобы привлечь интерес любого образованного человека, а учение о неврозах — такая же область медицины, как и любая другая.

Между тем вы обоснованно надеетесь, что мы должны будем проявить некоторый интерес и к актуальным неврозам. Нас вынуждает к этому их интимная клиническая связь с психоневрозами. Поэтому я хочу вам сообщить, что мы различаем три чистых формы актуальных неврозов: *неврастению, невроз страха*[52] и *ипохондрию.* Но и это разделение не осталось без возражений. Названия, правда, все употребляются, но их содержание неопределенно и неустойчиво. Есть врачи, которые противятся любому делению в путаном мире невротических явлений, любому выделению клинических единиц, отдельных болезней и не признают даже разделения на актуальные неврозы и психоневрозы. Я полагаю, что они заходят слишком далеко и пошли не по тому пути, который ведет к прогрессу. Названные формы невроза иногда встречаются в чистом виде, но чаще смешиваются друг с другом и с психоневротическим заболеванием. Эти явления не должны заставлять нас отказываться от их деления. Вспомните различие учения о минералах и учения о камнях в минералогии. Минералы описываются как отдельные единицы, конечно, в связи с тем, что они часто встречаются в виде кристаллов, резко отграниченных от окружающей среды. Камни состоят из смеси минералов, соединившихся по всей определенности не случайно, а вследствие условий их возникновения. В учении о неврозах мы еще слишком мало понимаем ход развития, чтобы создать что-то подобное учению о камнях. Но мы, несомненно, поступим правильно, если сначала выделим из общей массы знакомые нам клинические единицы, которые можно сравнить с минералами.

Весьма существенная связь между симптомами актуальных неврозов и психоневрозов помогает нам узнать об образовании симптомов последних; симптомы актуального невроза часто являются ядром и предваряющей стадией развития психоневротического симптома. Яснее всего такое отношение наблюдается между неврастенией и неврозом перенесения, названным «конверсионной истерией», между неврозом страха и истерией страха, а также между ипохондрией и формами, далее упоминаемыми как парафрения (раннее слабоумие и паранойя). Возьмем для примера случай истерической головной боли или боли в крестце. Анализ показывает нам, что в результате сгущения и смещения она стала заместителем удовлетворения для целого ряда либидозных фантазий или воспоминаний. Но когда-то эта боль была реальной, и тогда она была непосредственным сексуально-токсическим симптомом, соматическим выражением либидозного возбуждения. Мы совершенно не хотим утверждать, что такое ядро имеют все истерические симптомы, но остается фактом то, что так бывает особенно часто и что все — нормальные и патологические — телесные воздействия благодаря либидозному возбуждению служат пре-

имущественно именно для образования симптомов истерии. Они играют роль той песчинки, которую моллюск обволакивает слоями перламутра. Таким же образом психоневроз использует преходящие признаки сексуального возбуждения, сопровождающие половой акт, как самый удобный и подходящий материал для образования симптомов.

Подобный процесс вызывает особый диагностический и терапевтический интерес. У лиц, предрасположенных к неврозу, но не страдающих выраженным неврозом, нередко бывает так, что болезненное телесное изменение — воспаление и ранение — вызывает работу образования симптома, так что она немедленно делает данный ей в реальности симптом представителем всех тех бессознательных фантазий, которые только и ждали того, чтобы овладеть средством выражения. В таком случае врач изберет тот или иной путь лечения, он или захочет устранить органическую основу, не заботясь о ее буйной невротической переработке, или будет бороться со случайно возникшим неврозом, не обращая внимания на его органический повод. Успех покажет правильность или неправильность того или иного вида усилий; для таких смешанных случаев едва ли можно дать общие предписания.

ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Страх

Уважаемые дамы и господа! То, что я сказал вам на прошлой лекции об общей нервозности, вы посчитали, наверное, самым неполным и самым недостаточным из моих сообщений. Я это знаю и думаю, что ничто не удивило вас больше, чем то, что в ней ничего не было сказано о страхе, на который жалуется большинство нервнобольных, считая его самым ужасным своим страданием, и который действительно может достичь у них громадной интенсивности и привести к самым безумным поступкам. Но, по крайней мере, в этом вопросе я не хотел быть кратким; напротив, я решил особенно остро поставить проблему страха у нервнобольных и подробно изложить ее вам.

Сам по себе страх мне не нужно вам представлять; каждый из нас когда-нибудь на собственном опыте узнал это ощущение или, правильнее говоря, это аффективное состояние. Но я полагаю, что никто никогда достаточно серьезно не спрашивал себя, почему именно нервнобольные испытывают страх в гораздо большей степени, чем другие. Может быть, это считали само собой разумеющимся; ведь обычно слова «нервный» и «боязливый» * употребляют одно вместо другого, как будто бы они оз-

* В немецком языке «боязливый (ängstlich) – прилагательное от слова «страх» (Angst). В современной психологической литературе это слово зачастую переводится как «тревожный». Мы сочли возможным в настоящем издании перевести это слово как «боязливый», т. к. Фрейд употребляет это слово в более общем зна-

начают одно и то же. Но мы не имеем на это никакого права; есть боязливые люди, но вовсе не нервные, и есть нервные, страдающие многими симптомами, у которых нет склонности к страху.

Как бы там ни было, несомненно, что проблема страха — узловой пункт, в котором сходятся самые различные и самые важные вопросы, тайна, решение которой должно пролить яркий свет на всю нашу душевную жизнь. Не стану утверждать, что могу вам дать ее полное решение, но вы, конечно, ожидаете, что психоанализ и к этой теме подходит совершенно иначе, чем школьная медицина. Там, кажется, интересуются прежде всего тем, какими анатомическими путями осуществляется состояние страха. Это значит, что раздражается Medulla oblongata *, и больной узнает, что страдает неврозом блуждающего нерва. Medulla oblongata — очень серьезный и красивый объект. Я хорошо помню, сколько времени и труда посвятил его изучению много лет тому назад. Но сегодня я должен вам сказать, что не знаю ничего, что было бы дальше от психологического понимания страха, чем знание нервного пути, по которому идут его импульсы.

О страхе можно много рассуждать, вообще не упоминая нервозности. Вы меня сразу поймете, если такой страх я назову *реальным* в противоположность *невротическому*. Реальный страх является для нас чем-то вполне рациональным и понятным. О нем мы скажем, что он представляет собой реакцию на восприятие внешней опасности, т. е. ожидаемого, предполагаемого повреждения, связан с рефлексом бегства, и его можно рассматривать как выражение инстинкта самосохранения. По какому поводу, т. е. перед какими объектами и в каких ситуациях появляется страх, в большой мере, разумеется, зависит от состояния нашего знания и от ощущения собственной силы перед внешним миром. Мы находим совершенно понятным, что дикарь боится пушки и пугается солнечного затмения, в то время как белый человек, умеющий обращаться с этим орудием и предсказать данное событие, в этих условиях свободен от страха. В другой раз именно большее знание вызовет страх, так как оно позволяет заранее знать об опасности. Так, дикарь испугается следов в лесу, ничего не говорящих неосведомленному, но указывающих дикарю на близость хищного зверя [53], а опытный мореплаватель будет с ужасом рассматривать облачко на небе, кажущееся незначительным пассажиру, но предвещающее моряку приближение урагана.

При дальнейшем размышлении следует признать, что мнение о реальном страхе, будто он разумен и целесообразен, нуждается в основательной проверке. Единственно целесообразным поведением при угрожающей опасности была бы спокойная оценка собственных сил по сравнению с величиной угрозы и затем решение, что обещает большую надежду на благополучный исход: бегство или защита, а может быть, даже нападение. Но в таком случае для страха вообще не остается места; все, что происходит, произошло бы так же хорошо и, вероятно, еще лучше, если бы

чении (склонный к страху «вообще», а не только к беспредметному страху, каким является тревога).— *Примеч. ред. перевода.*

* Продолговатый мозг (*лат.*).— *Примеч. ред. перевода.*

дело не дошло до развития страха. Вы видите также, что если страх чрезмерно силен, то он крайне нецелесообразен, он парализует тогда любое действие, в том числе и бегство. Обычно реакция на опасность состоит из смеси аффекта страха и защитного действия. Испуганное животное боится и бежит, но целесообразным при этом является бегство, а не боязнь.

Итак, возникает искушение утверждать, что проявление страха никогда не является чем-то целесообразным. Может быть, лучшему пониманию поможет более тщательный анализ ситуации страха. Первым в ней является *готовность* к опасности, выражающаяся в повышенном сенсорном внимании и моторном напряжении. Эту готовность ожидания следует, не задумываясь, признать большим преимуществом, ее же отсутствие может привести к серьезным последствиям. Из нее исходит, с одной стороны, моторное действие, сначала бегство, на более высокой ступени деятельная защита, с другой стороны, то, что мы ощущаем как состояние страха. Чем больше развитие страха ограничивается только подготовкой, только сигналом, тем беспрепятственней совершается переход готовности к страху в действие, тем целесообразней протекает весь процесс. Поэтому в том, что мы называем страхом, *готовность к страху* (Angstbereitschaft) * кажется мне целесообразной, *развитие* же *страха* — нецелесообразным.

Я избегаю подходить ближе к вопросу о том, имеют ли в нашем языке слова «страх», «боязнь», «испуг» одинаковое или разное значение. Я только полагаю, что «страх» (Angst) относится к состоянию и не выражает внимания к объекту, между тем как «боязнь» (Furcht) указывает как раз на объект. Напротив, «испуг» (Schreck), кажется, имеет особый смысл, а именно подчеркивает действие опасности, когда не было готовности к страху. Так что можно было бы сказать, что от испуга человек защищается страхом.

Известная многозначность и неопределенность употребления слова «страх» не может ускользнуть от вас. Под страхом по большей части понимают субъективное состояние, в которое попадают благодаря ощущению «развития страха» и называют его аффектом. А что такое аффект в динамическом смысле? Во всяком случае, нечто очень сложное. Аффект, во-первых, включает определенные моторные иннервации или оттоки энергии, во-вторых, известные ощущения, причем двоякого рода: восприятия состоявшихся моторных действий и непосредственные ощущения удовольствия и неудовольствия, придающие аффекту, как говорят, основной тон. Но я не думаю, чтобы это перечисление затрагивало бы как-то сущность аффекта. При некоторых аффектах, по-видимому, можно заглянуть глубже и узнать, что ядром, объединяющим названный ансамбль, является повторение какого-то определенного значительного переживания. Это переживание могло бы быть лишь очень ранним впечатлением весьма общего характера, которое нужно отнести к доисторическому пе-

* В современной психологической литературе для обозначения этого понятия употребляются термины «тревога», «тревожность».– *Примеч. ред. перев.*

риоду не индивида, а вида. Другими словами, аффективное состояние построено так же, как истерический припадок, и, как и он, представляет собой осадок воспоминания. Истерический припадок, таким образом, можно сравнить со вновь образованным индивидуальным аффектом, нормальный аффект — с выражением общей истерии, ставшей наследственной.

Не думайте, что сказанное здесь об аффектах является признанным достоянием обычной психологии. Напротив, это взгляды, возникшие на почве психоанализа и признанные только им. То́, что вы можете узнать об аффектах в психологии, например, теорию Джемса—Ланге[54], как раз для нас, психоаналитиков, непонятно и не обсуждается. Но и наше знание об аффектах мы тоже не считаем очень надежным; это лишь первая попытка ориентировки в этой темной области. Но продолжу: нам кажется, что мы знаем, какое раннее впечатление повторяется при аффекте страха. Мы полагаем, что это впечатление от *акта рождения*, при котором происходит такое объединение неприятных впечатлений, стремлений к разрядке [напряжения] и соматических ощущений, которое стало прообразом воздействия смертельной опасности и с тех пор повторяется у нас как состояние страха. Невероятное повышение возбуждения вследствие прекращения обновления крови (внутреннего дыхания) было тогда причиной переживания страха, так что первый страх был токсическим. Название «страх» (Angst) — *angustiae*, теснота, теснина (Enge) — выделяет признак стеснения дыхания, которое тогда было следствием реальной ситуации и теперь почти постоянно воспроизводится в аффекте. Мы признаем также весьма значительным то, что первое состояние страха возникло вследствие отделения от матери. Разумеется, мы убеждены, что предрасположение к повторению первого состояния страха так основательно вошло в организм благодаря бесконечному ряду поколений, что отдельный индивид не может избежать аффекта страха, даже если он, как легендарный Макдуф, «был вырезан из тела матери», т. е. не знал самого акта рождения. Мы не можем сказать, что является прообразом страха у других млекопитающих животных. Мы также не знаем, какой комплекс ощущений у этих созданий эквивалентен нашему страху.

Может быть, вам интересно будет услышать, как можно прийти к мысли, что акт рождения является источником и прообразом аффекта страха. Умозрение принимало в этом самое незначительное участие; скорее, я позаимствовал это у наивного мышления народа. Когда много лет тому назад мы, молодые больничные врачи, сидели за обеденным столом в ресторане, ассистент акушерской клиники рассказал, какая веселая история произошла на последнем экзамене акушерок. Одну кандидатку спросили, что значит, когда при родах в отходящей жидкости обнаруживается Mekonium (первородный кал, экскременты), и она, не задумываясь, ответила, что ребенок испытывает страх. Ее осмеяли и срезали. Но я в глубине души встал на ее сторону и начал догадываться, что несчастная женщина из народа правильным чутьем открыла важную связь.

Теперь перейдем к невротическому страху: какие формы проявления и отношения имеет страх у нервнобольных? Тут можно многое описать.

Во-первых, мы находим общую боязливость, так сказать, свободный страх, готовый привязаться к любому более или менее подходящему содержанию представления, оказывающий влияние на суждение, выбирающий ожидания, подстерегая любой случай, чтобы найти себе оправдание. Мы называем это состояние «страхом ожидания» или «боязливым ожиданием». Лица, страдающие этим страхом, всегда предвидят из всех возможностей самую страшную, считают любую случайность предвестником несчастья, используют любую неуверенность в дурном смысле. Склонность к такому ожиданию несчастья как черта характера встречается у многих людей, которых нельзя назвать больными, их считают слишком боязливыми или пессимистичными; но необычная степень страха ожидания всегда имеет отношение к нервному заболеванию, которое я назвал «*неврозом страха*» и причисляю к актуальным неврозам.

Вторая форма страха, в противоположность только что описанной, психически более связана и соединена с определенными объектами или ситуациями. Это страх в форме чрезвычайно многообразных и часто очень странных «*фобий*». Стенли Холл, видный американский психолог, взял на себя труд представить нам весь ряд этих фобий под великолепными греческими названиями. Это звучит как перечисление десяти египетских казней, но только их число значительно превышает десять. Послушайте, что только не может стать объектом или содержанием фобии: темнота, свободное пространство, открытые площади, кошки, пауки, гусеницы, змеи, мыши, гроза, острые предметы, кровь, закрытые помещения, человеческая толпа, одиночество, переход мостов, поездка по морю, по железной дороге и т. д. При первой попытке сориентироваться в этом сумбуре можно различить три группы. Некоторые из объектов и ситуаций, внушающих страх, и для нас, нормальных людей, являются чем-то жутким, имеют отношение к опасности, и поэтому эти фобии кажутся нам понятными, хотя и преувеличенными по своей силе. Так, большинство из нас испытывает чувство отвращения при встрече со змеей. Фобия змей, можно сказать, общечеловеческая, и Ч. Дарвин очень ярко описал, как он не мог побороть страх перед приближающейся змеей, хотя знал, что защищен от нее толстым стеклом. Ко второй группе мы относим случаи, имеющие отношение к опасности, в которых, однако, мы привыкли не придавать ей значения и не выдвигать ее на первый план. Сюда относится большинство ситуативных фобий. Мы знаем, что при поездке по железной дороге возникает больше возможностей для несчастного случая, чем дома, а именно вероятность железнодорожного крушения; мы знаем также, что корабль может пойти ко дну, и при этом, как правило, люди тонут, но мы не думаем об этих опасностях и без страха путешествуем по железной дороге и по морю. Нельзя также отрицать возможность падения в реку, если мост рухнет в тот момент, когда его переходишь, но это случается так редко, что не принимается во внимание как опасность. И одиночество имеет свои опасности, и мы избегаем его при известных обстоятельствах; но не может быть и речи о том, чтобы мы не могли его вынести при каких-то условиях и всего лишь на некоторое время. То же самое относится к человеческой толпе, закрыто-

му помещению, грозе и т. п. Что нас поражает в этих фобиях невротиков — так это вообще не столько их содержание, сколько интенсивность. Страх фобий прямо неописуем! И иной раз у нас складывается впечатление, будто невротики боятся вовсе не тех вещей и ситуаций, которые при известных обстоятельствах и у нас могут вызвать страх, а тех, которые они называют теми же именами.

Остается третья группа фобий, которые мы вообще не можем понять. Если крепкий взрослый мужчина не может от страха перейти улицу или площадь хорошо ему знакомого родного города, если здоровая, хорошо развитая женщина впадает в бессознательный страх, потому что кошка коснулась края ее платья или через комнату прошмыгнула мышь, то какую же мы можем здесь установить связь с опасностью, которая, очевидно, все-таки существует для страдающих фобиями? В относящихся сюда случаях фобии животных не может быть и речи об общечеловеческих антипатиях, потому что, как бы для демонстрации противоположного, встречается множество людей, которые не могут пройти мимо кошки, чтобы не поманить ее и не погладить. Мышь, которую так боятся женщины, в то же время служит лучшим ласкательным именем; иная девушка, с удовольствием слушая, как ее называет так любимый, с ужасом вскрикивает, когда видит милое маленькое существо с этим именем. В отношении мужчины, страдающего страхом улиц или площадей, мы можем дать единственное объяснение, что он ведет себя как маленький ребенок. Благодаря воспитанию ребенка непосредственно приучают избегать таких опасных ситуаций, и наш агорафобик действительно освобождается от страха, если его кто-нибудь сопровождает при переходе через площадь.

Обе описанные здесь формы страха, свободный страх ожидания и страх, связанный с фобиями, независимы друг от друга.

Один не является более высокой ступенью развития другого, они встречаются вместе только в виде исключения и то как бы случайно. Самая сильная общая боязливость не обязательно проявляется в фобиях; лица, вся жизнь которых ограничена агорафобией, могут быть совершенно свободны от пессимистического страха ожидания. Некоторые фобии, например страх площадей, страх перед железной дорогой, приобретаются, бесспорно, лишь в зрелые годы, другие, как страх перед темнотой, грозой, животными, по-видимому, существовали с самого начала. Страхи первого рода похожи на тяжелые болезни; последние кажутся скорее странностями, капризами. У того, кто обнаруживает эти последние, как правило, можно предположить и другие, аналогичные. Должен прибавить, что все эти фобии мы относим к *истерии страха*, т. е. рассматриваем их как заболевание, родственное известной конверсионной истерии.

Третья из форм невротического страха ставит нас перед той загадкой, что мы полностью теряем из виду связь между страхом и угрожающей опасностью. Этот страх появляется, например, при истерии, сопровождая истерические симптомы, или в любых условиях возбуждения, когда мы, правда, могли бы ожидать аффективных проявлений, но только не аффекта страха, или в виде приступа свободного страха, независимого от

каких-либо условий и одинаково непонятного как для нас, так и для больного. О какой-то опасности и каком-то поводе, который мог бы быть раздут до нее преувеличением, вовсе не может быть речи. Во время этих спонтанных приступов мы узнаем, что комплекс, называемый нами состоянием страха, способен расколоться на части. Весь припадок может быть представлен отдельным, интенсивно выраженным симптомом — дрожью, головокружением, сердцебиением, одышкой,— а обычное чувство, по которому мы узнаем страх,— отсутствовать или быть неясным, и все же эти состояния, описанные нами как «эквиваленты страха», во всех клинических и этиологических отношениях можно приравнять к страху.

Теперь возникают два вопроса. Можно ли невротический страх, при котором опасность не играет никакой роли или играет столь незначительную роль, привести в связь с реальным страхом, всегда являющимся реакцией на опасность? И как следует понимать невротический страх? Пока мы будем придерживаться предположения: там, где есть страх, должно быть также что-то, чего люди боятся.

Для понимания невротического страха клиническое наблюдение дает нам некоторые указания, значения которых я хотел бы вам изложить.

а) Нетрудно установить, что страх ожидания, или общая боязливость, находится в тесной зависимости от определенных процессов в сексуальной жизни, скажем, от определенного использования либидо. Самый простой и поучительный пример этого рода дают нам лица, подвергающиеся так называемому неполному возбуждению, т. е. у которых сильные сексуальные возбуждения не находят достаточного выхода, не достигают удовлетворяющего конца. Так бывает, например, у мужчин во время жениховства и у женщин, мужья которых недостаточно потентны или из осторожности сокращают или прерывают половой акт. В этих условиях либидозное возбуждение исчезает, а вместо него появляется страх как в форме страха ожидания, так и в форме припадков и их эквивалентов. Прерывание полового акта из осторожности, став сексуальным режимом, так часто становится причиной невроза страха у мужчин, но особенно у женщин, что во врачебной практике рекомендуется в таких случаях в первую очередь исследовать эту этиологию. При этом можно бесчисленное множество раз убедиться, что, когда прекращаются сексуальные отклонения, невроз страха исчезает.

Факт причинной связи между сексуальным воздержанием и состоянием страха, насколько мне известно, более не оспаривается даже врачами, которые далеки от психоанализа. Однако могу себе хорошо представить, что будет сделана попытка перевернуть отношение и защищать мнение, что речь идет о лицах, изначально склонных к боязливости и поэтому сдержанных в сексуальном отношении. Но против этого со всей решительностью говорит поведение женщин, сексуальные проявления которых, в сущности, пассивны по природе, т. е. определяются обращением со стороны мужчины. Чем женщина темпераментнее, чем более склонна к половым сношениям и более способна к удовлетворению, тем скорее она будет реагировать страхом на импотенцию мужчины или на coitus

interruptus *, между тем как то же самое у холодных в половом отношении и малолибидозных женщин играет гораздо меньшую роль.

То же самое значение для возникновения состояний страха имеет так горячо рекомендуемое в настоящее время врачами сексуальное воздержание, разумеется, лишь в тех случаях, когда либидо, которому отказано в удовлетворяющем выходе, в соответствующей степени сильно и не переработано по большей части путем сублимации. Решающим моментом для [возникновения] заболевания всегда являются количественные факторы. И там, где дело касается не болезни, а проявления характера, легко заметить, что сексуальное ограничение идет рука об руку с известной боязливостью и опасливостью, между тем как бесстрашие и смелая отвага приводит к свободе действий для удовлетворения сексуальной потребности. Как ни меняются и ни усложняются эти отношения благодаря многообразным культурным влияниям, в среднем остается фактом то, что страх связан с сексуальным ограничением.

Я сообщил вам далеко не все наблюдения, подтверждающие генетическую связь между либидо и страхом. Сюда еще относится, например, влияние на возникновение страха определенных периодов жизни, которым можно приписать значительное повышение продукции либидо, как, например, периода половой зрелости и менопаузы. В некоторых состояниях возбуждения можно непосредственно наблюдать смешение либидо и страха и в конце концов замещение либидо страхом. Впечатление от всех этих фактов двоякое: во-первых, что дело идет о накоплении либидо, которое лишается своего нормального применения, во-вторых, что при этом находишься исключительно в области соматических процессов. Как из либидо возникает страх, сначала неясно, констатируешь только, что либидо пропадает, а на его месте появляется страх.

б) Второе указание мы берем из анализа психоневрозов, в частности истерии. Мы слышали, что при этом заболевании нередко наступает страх в сопровождении симптомов, но также и несвязанный страх, проявляющийся в виде припадка или длительного состояния. Больные не могут сказать, чего они боятся, и связывают его путем явной вторичной обработки с подходящими фобиями, типа фобий смерти, сумасшествия, удара. Если мы подвергнем анализу ситуацию, выступившую источником страха, или сопровождаемые страхом симптомы, то, как правило, можем указать, какой нормальный психический процесс не состоялся и замещен феноменом страха. Выразимся иначе: мы строим бессознательный процесс так, как будто он не подвергался вытеснению и беспрепятственно продолжался в сознании. Этот процесс тоже сопровождался бы определенным аффектом, и тут мы узнаем, к своему удивлению, что этот сопровождающий нормальный процесс аффект после вытеснения в любом случае замещается страхом независимо от своего качества. Следовательно, если перед нами истерическое состояние страха, то его бессознательный коррелят может быть проявлением сходного чувства, т. е. страха,

* Прерванный половой акт (*лат.*).– ***Примеч. пер.***

стыда, смущения, но точно так же положительным либидозным возбуждением или враждебно-агрессивным вроде ярости и досады. Таким образом, страх является ходкой монетой, на которую меняются или могут обмениваться все аффекты, если соответствующее содержание представления подлежит вытеснению.

в) Третий факт мы наблюдаем у больных с навязчивыми действиями, которых страх удивительным образом как будто бы пощадил. Но если мы попробуем помешать им исполнить их навязчивое действие, их умывание, их церемониал или если они сами решаются на попытку отказаться от какой-либо из своих навязчивостей, то ужасный страх заставляет их подчиниться этой навязчивости. Мы понимаем, что страх был прикрыт навязчивым действием и оно выполнялось лишь для того, чтобы избежать страха. При неврозе навязчивых состояний страх, который должен был бы возникнуть, замещается образованием симптомов, а если мы обратимся к истерии, то при этом неврозе найдем аналогичное отношение: результатом процесса вытеснения будет или развитие чистого страха, или страха с образованием симптомов, или более совершенное образование симптомов без страха. Так что в отвлеченном смысле, по-видимому, правильнее сказать, что симптомы вообще образуются лишь для того, чтобы обойти неизбежное в противном случае развитие страха. Благодаря такому пониманию страх как бы оказывается в центре нашего интереса к проблемам неврозов.

Из наблюдений за неврозом страха мы заключили, что отвлечение либидо от его нормального применения, из-за чего возникает страх, происходит на почве соматических процессов. Из анализов истерии и невроза навязчивых состояний следует добавление, что такое же отвлечение с тем же результатом может вызвать также отказ психических инстанций. Вот все, что мы знаем о возникновении невротического страха; это звучит еще довольно неопределенно. Но пока я не вижу пути, который вел бы нас дальше. Вторую поставленную перед нами задачу — установить связь между невротическим страхом, являющимся ненормально использованным либидо, и реальным страхом, который соответствует реакции на опасность, кажется, еще труднее решить. Хотелось бы думать, что речь идет о совершенно разных вещах, однако у нас нет средства отличить по ощущению реальный и невротический страх друг от друга.

Искомая связь наконец устанавливается, если мы предположим наличие часто утверждавшейся противоположности между Я и либидо. Как мы знаем, развитие страха является реакцией Я на опасность и сигналом для обращения в бегство; поэтому для нас естественно предположить, что при невротическом страхе Я предпринимает такую попытку бегства от требований своего либидо, относясь к этой внутренней опасности так, как если бы она была внешней. Этим оправдывается предположение, что там, где появляется страх, есть также то, чего люди боятся. Но аналогию можно было бы провести дальше. Подобно тому как попытка бегства от внешней опасности сменяется стойкостью и целесообразными мерами защиты, так и развитие невротического страха уступает образованию симптомов, которое сковывает страх.

Теперь в процессе понимания возникает другое затруднение. Страх, означающий бегство Я от своего либидо, сам, однако, происходит из этого либидо. Это неясно и напоминает о том, что, в сущности, либидо какого-то лица принадлежит ему и не может противопоставляться как что-то внешнее. Это еще темная для нас область топической-динамики развития страха, неизвестно, какие при этом расходуются душевные энергии и из каких психических систем. Я не могу обещать вам ответить и на эти вопросы, но не будем упускать возможность пойти по двум другим путям и воспользуемся при этом снова непосредственным наблюдением и аналитическим исследованием, чтобы помочь нашим умозрительным взглядам. Обратимся к возникновению страха у ребенка и к происхождению невротического страха, связанного с фобиями.

Боязливость детей является чем-то весьма обычным, и достаточно трудно, по-видимому, различить, невротический это страх или реальный. Больше того, ценность этого различия ставится под вопрос поведением детей. Потому что, с одной стороны, мы не удивляемся, если ребенок боится всех чужих лиц, новых ситуаций и предметов, и очень легко объясняем себе эту реакцию его слабостью и незнанием. Таким образом, мы приписываем ребенку сильную склонность к реальному страху и считали бы вполне целесообразным, если бы он наследовал эту боязливость. В этом отношении ребенок лишь повторял бы поведение первобытного человека и современного дикаря, который вследствие своего незнания и беспомощности боится всего нового и многого того, что в настоящее время нам знакомо и уже не внушает страха. И нашему ожиданию вполне соответствовало бы, если бы фобии ребенка хотя бы отчасти оказывались теми же, какие мы можем предположить в те первобытные времена человеческого развития.

С другой стороны, нельзя не заметить, что не все дети боязливы в равной мере и что как раз те дети, которые проявляют особую пугливость перед всевозможными объектами и ситуациями, впоследствии оказываются нервными. Невротическая предрасположенность проявляется, таким образом, и в явной склонности к реальному страху, боязливость кажется чем-то первичным, и приходишь к заключению, что ребенок, а позднее подросток боится интенсивности своего либидо именно потому, что всего боится. Возникновение страха из либидо тем самым как бы отрицается, а если проследить условия возникновения реального страха, то последовательно можно прийти к мнению, что сознание собственной слабости и беспомощности — неполноценности, по терминологии А. Адлера,— является конечной причиной невроза, если это сознание переходит из детского периода в более зрелый возраст.

Это звучит так просто и подкупающе, что имеет право на наше внимание. Правда, это перенесло бы разрешение загадки нервозности в другую плоскость. Сохранение чувства неполноценности — а с ним и условия [для возникновения] страха и образования симптомов — кажется таким несомненным, что в объяснении скорее нуждается то, каким образом, хотя бы в виде исключения, может иметь место все то, что мы называем здоровьем. А что дает нам тщательное наблюдение боязливости у

детей? Маленький ребенок боится прежде всего чужих людей; ситуации приобретают значимость лишь благодаря участию в них лиц, а предметы вообще принимаются во внимание лишь позднее. Но этих чужих ребенок боится не потому, что предполагает у них злые намерения и сравнивает свою слабость с их силой, т. е. расценивает их как угрозу для своего существования, безопасности и отсутствия боли. Такой недоверчивый, напуганный господствующим в мире влечением к агрессии ребенок является очень неудачной теоретической конструкцией. Ребенок же пугается чужого образа, потому что настроен увидеть знакомое и любимое лицо, в основном матери. В страх превращается его разочарование и тоска, т. е. не нашедшее применения либидо, которое теперь не может удерживаться в свободном состоянии и переводится в страх. Вряд ли может быть случайным, что в этой типичной для детского страха ситуации повторяется условие [возникновения] первого состояния страха во время акта рождения, а именно отделение от матери [55].

Первые фобии ситуаций у детей — это страх перед темнотой и одиночеством; первый часто сохраняется на всю жизнь, в обоих случаях отсутствует любимое лицо, которое за ним ухаживает, т. е. мать. Я слышал, как ребенок, боявшийся темноты, кричал в соседнюю комнату: «Тетя, поговори со мной, мне страшно».— «Но что тебе от этого? Ты же меня не видишь». На что ребенок отвечает: «Когда кто-то говорит, становится светлее». Тоска в темноте преобразуется, таким образом, в страх перед темнотой. Мы далеки от того, чтобы считать невротический страх лишь вторичным и особым случаем реального страха, скорее, мы убеждаемся, что у маленького ребенка в виде реального страха проявляется нечто такое, что имеет с невротическим страхом существенную общую черту — возникновение из неиспользованного либидо. Настоящий реальный страх ребенок как будто мало испытывает. Во всех ситуациях, которые позднее могут стать условиями [для возникновения] фобий,— на высоте, на узком мостике над водой, при поездке по железной дороге и по морю,— ребенок не проявляет страха, и проявляет его тем меньше, чем более он несведущ. Было бы очень желательно, если бы он унаследовал побольше таких защищающих жизнь инстинктов; этим была бы очень облегчена задача надзора [над ним], который должен препятствовать тому, чтобы ребенок подвергался то одной, то другой опасности. Но в действительности ребенок сначала переоценивает свои силы и свободен от страха, потому что не знает опасностей. Он будет бегать по краю воды, влезать на карниз окна, играть с острыми предметами и с огнем, короче, делать все, что может ему повредить и вызвать беспокойство нянек. И если в конце концов у него просыпается реальный страх, то это, несомненно, дело воспитания, так как нельзя позволить, чтобы он научился всему на собственном опыте.

Если встречаются дети, которые идут дальше по пути этого воспитания страха, и сами затем находят опасности, о которых их не предупреждали, то в отношении них вполне достаточно объяснения, что в их конституции имелось большее количество либидозной потребности или что они преждевременно были избалованы либидозным удовлетворением.

Неудивительно, что среди этих детей находятся и будущие нервнобольные; ведь мы знаем, что возникновение невроза больше всего обусловливается неспособностью длительное время выносить значительное накопление либидо. Вы замечаете, что и конституциональный момент получает при этом свои права, хотя в них ему, правда, мы никогда не отказывали. Мы возражаем лишь против того, что из-за этого притязания пренебрегают всеми другими и вводят конституциональный фактор даже там, где ему, согласно общим результатам наблюдения и анализа, не место либо он занимает по значимости самое последнее место.

Позвольте нам обобщить сведения из наблюдений о боязливости детей: инфантильный страх имеет очень мало общего с реальным страхом и, наоборот, очень близок к невротическому страху взрослых. Как и последний, он возникает из неиспользованного либидо и замещает недостающий объект любви внешним предметом или ситуацией.

Теперь вы с удовольствием услышите, что анализ *фобий* не может дать много нового. При них, собственно, происходит то же самое, что при детском страхе: неиспользованное либидо беспрерывно превращается в кажущийся реальным страх, и таким образом малейшая внешняя опасность замещает требования либидо. В этом соответствии нет ничего странного, потому что детские фобии являются не только прообразом более поздних, причисляемых нами к истерии страха, но и непосредственной их предпосылкой и прелюдией. Любая истерическая фобия восходит к детскому страху и продолжает его, даже если она имеет другое содержание и, следовательно, должна быть иначе названа. Различие обоих заболеваний кроется в [их] механизме. Для превращения либидо в страх у взрослого недостаточно того, чтобы либидо в форме тоски оказалось неиспользованным в данный момент. Он давно научился держать его свободным и использовать по-другому. Но если либидо относится к психическому импульсу, подвергшемуся вытеснению, то создаются такие же условия, как у ребенка, у которого еще нет разделения на сознательное и бессознательное, и благодаря регрессии на инфантильную фобию как бы открывается проход, по которому легко осуществляется превращение либидо в страх. Как вы помните, мы много говорили о вытеснении, но при этом всегда прослеживали лишь судьбу подлежащего вытеснению представления, разумеется, потому, что ее легче было узнать и изложить. То, что происходит с аффектом, который был связан с вытесненным представлением, мы оставляли в стороне и только теперь узнали, что ближайшая участь этого аффекта состоит в превращении в страх, в форме которого он всегда проявился бы при нормальном течении. Но это превращение аффекта — гораздо более важная часть процесса вытеснения. Об этом не так-то легко говорить, потому что мы не можем утверждать, что существуют бессознательные аффекты в том же смысле, как бессознательные представления. Представление остается тем же независимо от того, сознательно оно или бессознательно; мы можем указать, что соответствует бессознательному представлению. Но об аффекте, являющемся процессом разрядки [напряжения] (Abfuhrvorgang), следует судить совсем иначе, чем о представлении; что ему соответствует

в бессознательном, нельзя сказать без глубоких раздумий и выяснения наших предпосылок о психических процессах. Этого мы здесь не можем предпринять. Но давайте сохраним полученное впечатление, что развитие страха тесно связано с системой бессознательного.

Я сказал, что превращение в страх, или, лучше, разрядка (Abfuhr) в форме страха, является ближайшей участью подвергнутого вытеснению либидо. Должен добавить: не единственной или окончательной. При неврозах развиваются процессы, стремящиеся связать это развитие страха, и это им удается различными путями. При фобиях, например, можно ясно различить две фазы невротического процесса. Первая осуществляет вытеснение и перевод либидо в страх, связанный с внешней опасностью. Вторая заключается в выдвижении всех тех предосторожностей и предупреждений, благодаря чему предотвращается столкновение с этой опасностью, которая считается внешней. Вытеснение соответствует попытке бегства Я от либидо, воспринимаемого как опасность. Фобию можно сравнить с окопом против внешней опасности, которую теперь представляет собой внушающее страх либидо. Слабость системы защиты при фобиях заключается, конечно, в том, что крепость, настолько укрепленная с внешней стороны, остается открытой для нападения с внутренней. Проекция либидозной опасности вовне никогда не может удаться вполне. Поэтому при других неврозах употребляются другие системы защиты против возможного развития страха. Это очень интересная область психологии неврозов, к сожалению, она уведет нас слишком далеко и предполагает более основательные специальные знания. Я хочу добавить еще только одно. Я уже говорил вам о «противодействии» *, к которому Я прибегает при вытеснении и должно постоянно его поддерживать, чтобы вытеснение осуществилось. На это противодействие возлагается миссия воплотить в жизнь различные формы защиты против развития страха после вытеснения.

Вернемся к фобиям. Теперь, пожалуй, я могу сказать; вы понимаете, насколько недостаточно объяснять их только содержанием, интересуясь лишь тем, откуда происходит то, что тот или иной объект или какая-то ситуация становится предметом фобии. Содержание фобии имеет для нее примерно то же значение, какое явная часть сновидения для всего сновидения. Соблюдая необходимые ограничения, следует признать, что среди этих содержаний фобий находятся такие, которые, как подчеркивает Стенли Холл[56], могут стать объектами страха благодаря филогенетическому унаследованию. С этим согласуется и то, что многие из этих внушающих страх вещей могут иметь с опасностью только символическую связь.

Так мы убедились, какое, можно сказать, центральное место среди вопросов психологии неврозов занимает проблема страха. На нас произвело сильное впечатление то, насколько развитие страха связано с судьбами либидо и с системой бессознательного. Только один момент мы вос-

* «Контрзаполнения» [энергией].

принимаем как выпадающий из связи, как пробел в нашем понимании,— это тот трудно оспариваемый факт, что реальный страх должен рассматриваться как проявление инстинктов самосохранения Я.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Теория либидо и нарциссизм

Уважаемые дамы и господа! Мы неоднократно и лишь недавно вновь имели дело с разделением инстинктов Я и сексуальных влечений. Сначала вытеснение нам показало, что они могут вступить в противоречие друг с другом, что затем, формально побежденные, сексуальные влечения вынуждены получать удовлетворение регрессивными обходными путями, компенсируя при этом свое поражение своей непреодолимостью. Далее мы узнали, что они с самого начала по-разному относятся к воспитательнице-необходимости, так что проделывают неодинаковое развитие и имеют неодинаковое отношение к принципу реальности. Наконец, мы полагаем, что сексуальные влечения связаны с аффективным состоянием страха гораздо более тесными узами, чем инстинкты Я,— результат, который кажется неполным только в одном важном пункте. Поэтому для его дополнительного подтверждения мы хотим привлечь достойный внимания факт, что неудовлетворение голода и жажды, двух самых элементарных инстинктов самосохранения, никогда не ведет к возникновению страха, между тем как превращение в страх неудовлетворенного либидо, как мы знаем, принадлежит к числу самых известных и чаще всего наблюдаемых феноменов.

Но нельзя отменить наше право разделять инстинкты Я и сексуальные влечения. Оно дано вместе с существованием сексуальной жизни как особой деятельности индивида. Можно лишь спросить, какое значение мы придаем этому разделению, насколько существенным считаем его. Но ответ на этот вопрос будет зависеть от определения того, насколько иначе ведут себя сексуальные влечения в соматических и душевных проявлениях по сравнению с другими, которые мы противопоставляем им, и насколько значительны последствия этих различий. Настаивать на существенном, хотя и не очень уловимом различии обеих групп влечений, у нас, разумеется, нет никаких оснований. Обе группы выступают перед нами лишь как названия источников энергии индивида, и дискуссия о том, являются ли они в основе одним и тем же или существенно различным (и если одним, то где они отделились друг от друга?), должна вестись не о понятиях, а о биологических фактах, стоящих за ними. Об этом мы пока знаем слишком мало, а если бы даже знали больше, то к нашей аналитической задаче это не имело бы отношения.

Мы, очевидно, также очень мало выиграем, если по примеру Юнга подчеркнем первоначальное единство всех влечений и назовем «либидо»

проявляющуюся во всем энергию. Так как сексуальную функцию нельзя устранить из душевной жизни никакими искусственными приемами, то мы были бы вынуждены тогда говорить о сексуальном и асексуальном либидо. Однако для движущих сил сексуальной жизни сохраним по праву, как мы это и делали до сих пор, название либидо.

Я думаю поэтому, что вопрос о том, как далеко следует вести несомненно оправданное разделение на сексуальные влечения и инстинкты самосохранения, для психоанализа большого значения не имеет, да он и не компетентен в этом. Со стороны биологии, разумеется, есть различные основания считать это разделение чем-то важным. Ведь сексуальность — единственная функция живого организма, выходящая за пределы индивида и обеспечивающая его связь с видом. Несомненно, что ее выполнение не всегда приносит пользу отдельному существу, как его другие функции, а ценой необыкновенно высокого наслаждения подвергает опасностям, угрожающим жизни и довольно часто лишающим ее. Вероятно, необходимы также совершенно особые, отличные от всех других процессы обмена веществ, чтобы сохранять для потомства часть индивидуальной жизни в виде предрасположений. И наконец, отдельное существо, которое, как другие, считает себя самым главным, а свою сексуальность средством своего удовлетворения, с биологической точки зрения лишь эпизод в ряду поколений, кратковременный придаток зародышевой плазмы, наделенной виртуальной бессмертностью, подобно временному владельцу майоратного имущества, которое его переживает.

Однако для психоаналитического объяснения неврозов не нужны столь широкие обобщения. С помощью исследования в отдельности сексуальных влечений и инстинктов Я мы нашли ключ к пониманию группы неврозов перенесения. Мы сумели объяснить их основным положением, что сексуальные влечения вступают в борьбу с инстинктами сохранения или, выражаясь биологическим языком, хотя и менее точно, что одна позиция Я как самостоятельного отдельного существа противоречит другой его позиции как звена в цепи поколений. Возможно, что до такого раздвоения дело доходит только у человека, и поэтому в общем и целом невроз является его преимуществом перед животными. Слишком сильное развитие его либидо и ставшее, по-видимому, благодаря этому возможным богатое развитие многообразной душевной жизни, как кажется, создали условия для возникновения такого конфликта. Совершенно очевидно, что в этом заключаются также условия его больших успехов, которые поставили человека над его общностью с животными, так что его способность к неврозу — это только обратная сторона его одаренности в остальном. Но и это лишь умозаключения, отвлекающие нас от нашей задачи.

До сих пор предпосылкой нашей работы выступало то, что мы можем отличить друг от друга стремления Я и сексуальные влечения по их проявлениям. При неврозах перенесения это удавалось без труда. Энергию, направляемую Я на объекты сексуальных стремлений, мы называли «либидо», все другие виды энергии, исходящие из инстинктов самосохранения,— «интересом», и мы могли получить первое представление о механизме душевных сил благодаря наблюдению за привязанностями

либидо, их превращениями и окончательной судьбой. Неврозы перенесения предоставили нам для этого самый подходящий материал. Но Я, его состав из различных структур, их организация и способ функционирования оставались скрытыми от нас, и мы могли предполагать, что только анализ других невротических нарушений помог бы нам это понять.

Мы давно начали распространять психоаналитические взгляды на понимание этих других заболеваний. Уже в 1908 г. после обмена мнениями со мной К. Абрахам высказал положение, что главной чертой Dementia praecox [причисляемой к психозам] является то, что *при ней отсутствует привязанность либидо* (Libidobesetzung) *к объектам* («Психосексуальные различия истерии и Dementia praecox»). Но тогда возник вопрос, что же происходит с либидо слабоумных, которое отвернулось от объектов? Абрахам не замедлил дать ответ: оно обращается на Я, и это *отраженное обращение является источником бреда величия* при Dementia praecox. Бред величия, безусловно, можно сравнить с известной в (нормальной) любовной жизни сексуальной переоценкой объекта любви. Так нам впервые удалось понять какую-то черту психотического заболевания по связи с нормальной любовной жизнью.

Скажу сразу, что эти первые взгляды Абрахама сохранились в психоанализе и были положены в основу нашей позиции по отношению к психозам. Со временем укрепилось представление, что либидо, которое мы находим привязанным к объектам, которое является выражением стремления получить удовлетворение от этих объектов, может оставить эти объекты и поставить на их место собственное Я; постепенно это представление развивалось со все большей последовательностью. Название для такого размещения либидо — нарциссизм — мы заимствовали из описанного П. Некке (1899) извращения, при котором взрослый индивид дарит своему собственному телу все нежности, обычно проявляемые к постороннему сексуальному объекту.

Но вскоре говоришь себе, что если существует такая фиксация либидо на собственном теле и собственной личности вместо объекта, то это не может быть исключительным и маловажным явлением. Гораздо вероятнее, что этот нарциссизм — общее и первоначальное состояние, из которого только позднее развилась любовь к объекту, причем из-за этого нарциссизм вовсе не должен исчезнуть. Из истории развития объект-либидо нужно вспомнить, что многие сексуальные влечения сначала удовлетворяются на собственном теле, как мы говорим, аутоэротически и что эта способность к аутоэротизму является причиной отставания развития сексуальности при воспитании по принципу реальности. Таким образом, аутоэротизм был сексуальным проявлением нарцистической стадии размещения либидо.

Короче говоря, мы составили себе представление об отношении Я-либидо и объект-либидо, которое я могу показать вам наглядно на сравнении из зоологии. Вспомните о тех простейших живых существах, состоящих из малодифференцированного комочка протоплазматической субстанции. Они протягивают отростки, называемые псевдоподиями, в которые переливают субстанцию своего тела. Вытягивание отростков мы

сравниваем с распространением либидо на объекты, между тем как основное количество либидо может оставаться в Я, и мы предполагаем, что в нормальных условиях Я-либидо беспрепятственно переходит в объект-либидо, а оно опять может вернуться в Я.

С помощью этих представлений мы теперь можем объяснить целый ряд душевных состояний или, выражаясь скромнее, описать их на языке теории либидо; это состояния, которые мы должны причислить к нормальной жизни, как, например, психическое поведение при влюбленности, при органическом заболевании, во сне. Для состояния сна мы сделали предположение, что оно основано на уходе от внешнего мира и установке на желание спать. То, что проявлялось во сне как ночная душевная деятельность, служит, как мы обнаружим, желанию спать и, кроме того, находится во власти исключительно эгоистических мотивов. Теперь в соответствии с теорией либидо мы заявляем, что сон есть состояние, в котором все привязанности к объектам, как либидозные, так и эгоистические, оставляются и возвращаются в Я. Не проливается ли этим новый свет на отдых во сне и на природу усталости вообще? Впечатление блаженной изоляции во внутриутробной жизни, которое вызывает у нас спящий каждую ночь, восполняется, таким образом, и со стороны психики. У спящего восстановилось первобытное состояние распределения либидо, полный нарциссизм, при котором либидо и интерес Я живут еще вместе и нераздельно в самоудовлетворяющемся Я.

Здесь уместны два замечания. Во-первых, чем отличаются понятия нарциссизм и эгоизм? Я полагаю, что нарциссизм является либидозным дополнением эгоизма. Когда говорят об эгоизме, имеют в виду только пользу для индивида; говоря о нарциссизме, принимают во внимание и его либидозное удовлетворение. В качестве практических мотивов их можно проследить порознь на целом ряде явлений. Можно быть абсолютно эгоистичным и все-таки иметь сильные либидозные привязанности к объектам, поскольку либидозное удовлетворение от объекта относится к потребностям Я. Эгоизм будет следить тогда за тем, чтобы стремление к объекту не причинило вреда Я. Можно быть эгоистичным и при этом также очень нарциссичным, т. е. иметь очень незначительную потребность в объекте, и это опять-таки или в прямом сексуальном удовлетворении, или также в тех высоких, исходящих из сексуальной потребности стремлениях, которые мы как «любовь» иногда имеем обыкновение противопоставлять «чувственности». Во всех этих отношениях эгоизм является само собой разумеющимся, постоянным, нарциссизм же — меняющимся элементом. Противоположность эгоизма — *альтруизм* — как понятие не совпадает с либидозной привязанностью к объектам, он отличается от нее отсутствием стремлений к сексуальному удовлетворению. Но при сильной влюбленности альтруизм совпадает с либидозной привязанностью к объектам. Обыкновенно сексуальный объект привлекает к себе часть нарциссизма Я, что становится заметным по так называемой «сексуальной переоценке» объекта. Если к этому прибавляется еще альтруистическое перенесение от эгоизма на сексуальный объект, то сексуальный объект становится могущественным; он как бы поглотил Я.

Я думаю, вы сочтете за отдых, если после сухой, в сущности, фантастики науки я приведу вам поэтическое изображение экономической противоположности [57] нарциссизма и влюбленности. Я заимствую его из *Западно-восточного дивана* Гете:

Зулейка

Раб, народ и угнетатель
Вечны в беге наших дней
Счастлив мира обитатель
Только личностью своей.
Жизнь расходуй как сумеешь.
Но иди своей тропой.
Всем пожертвуй, что имеешь,
Только будь самим собой.

Хатем

Да, я слышал это мненье,
Но иначе я скажу:
Счастье, радость, утешенье –
Все в Зулейке нахожу.
Чуть она мне улыбнется –
Мне себя дороже нет.
Чуть, нахмурясь, отвернется –
Потерял себя и след.
Хатем кончился б на этом.
К счастью, он сообразил:
Надо срочно стать поэтом
Иль другим, кто все ж ей мил.

(Перевод *В. Левика*)

Второе замечание является дополнением к теории сновидений. Мы не можем объяснить себе возникновение сновидения, если не предположим, что вытесненное бессознательное получило известную независимость от Я, так что оно не подчиняется желанию спать и сохраняет свои привязанности, даже если все зависящие от Я привязанности к объектам оставлены ради сна. Только в этом случае можно понять, что это бессознательное имеет возможность воспользоваться ночным отсутствием или уменьшением цензуры и умеет овладеть остатками дневных впечатлений, для того чтобы образовать из их материала запретное желание сновидения. С другой стороны, и остатки дневных впечатлений частью своего противодействия предписанному желанием спать оттоку либидо обязаны уже существующей связи с этим бессознательным. Эту динамически важную черту мы хотим дополнительно включить в наше представление об образовании сновидений.

Органическое заболевание, болезненное раздражение, воспаление органов создают состояние, имеющее последствием явное отделение либидо от его объектов. Отнятое либидо снова находится в Я в форме усилившейся привязанности к заболевшей части тела. Можно даже решиться на утверждение, что в этих условиях отход либидо от своих объектов бросается в глаза больше, чем утрата эгоистического интереса к внешнему миру. Отсюда как будто открывается путь к пониманию ипохондрии, при которой какой-то орган подобным образом занимает Я, не будучи больным с нашей точки зрения.

Но я устою перед искушением идти дальше или обсуждать другие ситуации, которые становятся понятными нам или легко поддаются описанию благодаря предположению перехода объект-либидо в Я, потому что мне не терпится дать ответ на два возражения, которые, как мне известно, вас теперь занимают. Во-первых, вы хотите потребовать от меня объяснений, почему я непременно хочу различать в случаях сна, болезни и тому подобных ситуациях либидо и интерес, сексуальные влечения и инстинкты Я, тогда как наблюдения вполне позволяют обойтись предположением [о существовании] одной однородной энергии, которая, являясь подвижной, заполняет то объект, то Я, выступая на службе то одного, то другого влечения. И во-вторых, как я могу решиться рассматривать отделение либидо от объекта в качестве источника патологического состояния, если такой переход объект-либидо в Я-либидо — или, говоря более обще, в энергию Я — относится к нормальным, ежедневно и еженощно повторяющимся процессам душевной динамики.

На это можно ответить: ваше первое возражение звучит хорошо. Объяснение состояний сна, болезни, влюбленности само по себе, вероятно, никогда не привело бы нас к различению Я-либидо и объект-либидо или либидо и интереса. Но при этом вы пренебрегаете исследованиями, из которых мы исходили и в свете которых теперь рассматриваем обсуждаемые душевные ситуации. Различение между либидо и интересом, т. е. между сексуальными влечениями и инстинктами самосохранения, стало необходимым благодаря пониманию конфликта, из-за которого происходят неврозы перенесения. После этого мы не можем вновь отказаться от него. Предположение, что объект-либидо может превратиться в Я-либидо, так что с Я-либидо приходится считаться, казалось нам единственно способным разрешить загадку так называемых нарциссических неврозов, например Dementia praecox, и уяснить их сходства и различия в сравнении с истерией и навязчивыми состояниями. В случаях болезни, сна и влюбленности мы применяем теперь то, что нашли вполне оправданным в другом месте. Мы можем продолжить это применение и посмотреть, чего мы этим достигнем. Единственное утверждение, не являющееся прямым отражением нашего аналитического опыта, состоит в том, что либидо остается либидо, независимо от того, направлено ли оно на объекты или на собственное Я, и оно никогда не превращается в эгоистический интерес, как не бывает и обратного. Но это утверждение равноценно разделению сексуальных влечений и инстинктов Я, уже оцененному критически, которого мы будем придерживаться из эвристических мотивов, пока оно, быть может, не окажется неправильным.

И второе ваше возражение содержит справедливый вопрос, но идет по ложному пути. Разумеется, переход объект-либидо в Я не является непосредственно патогенным; ведь мы знаем, что он предпринимается каждый раз перед отходом ко сну, чтобы проделать обратный путь при пробуждении. Мельчайшее животное, состоящее из протоплазмы, втягивает свои отростки, чтобы снова выпустить их при следующем поводе. Но совсем другое дело, если какой-то определенный очень энергичный процесс вынуждает отнять либидо у объекта. Тогда ставшее нарцисси-

ческим либидо может не найти обратного пути к объектам, и это нарушение подвижности либидо становится, конечно, патогенным. Кажется, что скопление нарциссического либидо сверх определенной меры нельзя вынести. Мы можем себе также представить, что именно поэтому дело дошло до привязанности к объектам, что Я должно было отдать свое либидо, чтобы не заболеть от его скопления. Если бы в наши планы входило подробное изучение Dementia praecox, я бы вам показал, что процесс, отделяющий либидо от объектов и преграждающий ему обратный путь, близок к процессу вытеснения и должен рассматриваться как дополнение к нему. Но прежде всего вы почувствовали бы знакомую почву под ногами, узнав, что условия этого процесса почти идентичны — насколько мы пока знаем — условиям вытеснения. Конфликт, по-видимому, тот же самый и разыгрывается между теми же силами. А если исход иной, чем, например, при истерии, то причина может быть только в различии предрасположения. Развитие либидо у этих больных имеет слабое место в другой своей фазе; столь важная фиксация, которая пролагает, как вы помните, путь к образованию симптомов, находится где-то в другом месте, вероятно, на стадии примитивного нарциссизма, к которому в своем конечном итоге возвращается Dementia praecox. Весьма достойно внимания то, что для всех нарциссических неврозов мы должны предположить фиксацию либидо на гораздо более ранних фазах, чем при истерии или неврозе навязчивых состояний. Но вы слышали, что понятия, выработанные нами при изучении неврозов перенесения, оказались достаточными и для ориентации в гораздо более тяжелых в практическом отношении нарциссических неврозах. Черты сходства идут очень далеко; в сущности, это та же область явлений. Но вы можете себе также представить, каким безнадежным кажется объяснение этих заболеваний, относящихся уже к психиатрии, тому, у кого для решения этой задачи недостает аналитического представления о неврозах перенесения.

Картина симптомов Dementia praecox, впрочем очень изменчивая, определяется не исключительно симптомами, возникающими вследствие оттеснения либидо от объектов и его скопления в виде нарциссического либидо в Я. Большое место занимают другие феномены, которые сводятся к стремлению либидо вновь вернуться к объектам, т. е. соответствуют попытке восстановления или выздоровления. Эти шумливые симптомы даже больше бросаются в глаза; они обнаруживают несомненное сходство с симптомами истерии или — реже — невроза навязчивых состояний, но отличаются от них во всех отношениях. Кажется, что либидо при Dementia praecox в своем стремлении снова вернуться к объектам, т. е. к представлениям объектов, действительно что-то улавливает от них, но как бы только их тени, я имею в виду относящиеся к ним словесные представления. Здесь я больше не могу говорить об этом, но полагаю, что такое поведение стремящегося обратно либидо позволяет нам понять, что действительно составляет различие между сознательным и бессознательным представлением.

Я ввел вас в область, где следует ожидать новых успехов аналитической работы. С тех пор как мы решились пользоваться понятием Я-ли-

бидо, нам стали доступны нарцисстические неврозы; возникла задача найти динамическое объяснение этих заболеваний и одновременно пополнить наше знание душевной жизни пониманием Я. Психология Я, к которой мы стремимся, должна основываться не на данных наших самонаблюдений, а, как и в случае либидо, на анализе нарушений и распадов Я. Вероятно, когда будет проделана эта большая работа, мы будем невысокого мнения о нашем нынешнем знании о судьбах либидо, почерпнутом из изучения неврозов перенесения. Но ведь мы еще и не продвинулись в ней далеко. Нарцисстические неврозы едва ли проницаемы для той техники, которой мы пользовались при изучении неврозов перенесения. Вы скоро узнаете почему. Здесь у нас всегда происходит так, что после короткого продвижения вперед мы оказываемся перед стеной, заставляющей нас остановиться. Вам известно, что и при неврозах перенесения мы наталкивались на подобные препятствия, но нам удавалось устранять их по частям. При нарцисстических неврозах сопротивление непреодолимо; в лучшем случае мы можем лишь бросить любопытный взгляд за стену, чтобы подглядеть, что происходит по ту ее сторону. Наши технические методы должны быть, таким образом, заменены другими; мы еще не знаем, удастся ли нам такая замена. Но и эти больные дают достаточно материала для нас. Они много говорят о себе, хотя и не отвечают на наши вопросы, и пока мы вынуждены толковать эти высказывания с помощью представлений, приобретенных благодаря изучению симптомов неврозов перенесения. Сходство достаточно велико, чтобы обеспечить нам начальный успех. Вопрос, насколько достаточной будет эта техника, остается открытым.

Возникают и другие затруднения, мешающие нашему продвижению вперед. Нарцисстические заболевания и примыкающие к ним психозы могут быть разгаданы только теми наблюдателями, которые прошли школу аналитического изучения неврозов перенесения. Но наши психиатры не изучают психоанализ, а мы, психоаналитики, слишком мало наблюдаем психиатрических случаев. Должно еще подрасти поколение психиатров, прошедших школу психоанализа как подготовительной науки. Начало этому положено в настоящее время в Америке, где очень многие ведущие психиатры читают студентам лекции о психоаналитическом учении, а владельцы лечебных учреждений и директора психиатрических больниц стремятся вести наблюдения за своими больными в духе этого учения. Да и нам удалось здесь несколько раз заглянуть за нарцисстическую стену, и в дальнейшем я хочу рассказать вам кое-что из того, что нам, кажется, удалось подсмотреть.

Форма заболевания паранойей, хроническим систематическим умопомешательством, при попытках классификации в современной психиатрии не занимает определенного места. Между тем ее близкое сходство с Dementia praecox не подлежит никакому сомнению. Однажды я позволил себе предложить объединить паранойю и Dementia praecox под общим названием *парафрения*. По их содержанию формы паранойи описываются как: бред величия, бред преследования, любовный бред (эротомания), бред ревности и т. д. От психиатрии попыток объяснения мы не ждем.

В качестве образца таковой, хотя и устаревшего и не совсем полноценного примера, приведу вам попытку вывести один симптом из другого посредством интеллектуальной рационализации: больной, который по первичной склонности считает, что его преследуют, должен делать из этого преследования вывод, что он представляет из себя особенно важную личность и поэтому у него развивается бред величия. Для нашей аналитической точки зрения бред величия является непосредственным следствием возвеличивания Я из-за отнятия либидозных привязанностей у объектов, вторичным нарциссизмом как возвращением к первоначальному нарциссизму раннего детства. Но на [материале] случаев бреда преследования мы сделали некоторые наблюдения, которые заставили нас пойти по определенному пути. Сначала нам бросилось в глаза, что в преобладающем большинстве случаев преследователь был того же пола, что и преследуемый. Этому еще можно было дать невинное объяснение, но в некоторых хорошо изученных случаях явно обнаружилось, что лицо того же пола, наиболее любимое в обычное время, с момента заболевания превратилось в преследователя. Дальнейшее развитие возможно благодаря тому, что любимое лицо заменяется другим по известному сходству, например, отец учителем, начальником. Из таких примеров, число которых все увеличивается, мы пришли к выводу, что Paranoia persecutoria * — это форма, в которой индивид защищается от гомосексуального чувства, ставшего слишком сильным. Превращение нежности в ненависть, которая, как известно, может стать серьезной угрозой для жизни любимого и ненавистного объекта, соответствует превращению либидозных импульсов в страх, являющийся постоянным результатом процесса вытеснения. Вот, например, последний случай моих наблюдений такого рода. Одного молодого врача пришлось выслать из его родного города, потому что он угрожал жизни сына профессора из того же города, бывшего до того его лучшим другом. Этому прежнему другу он приписывал поистине дьявольские намерения и демоническое могущество. Он был виновником всех несчастий, постигших за последние годы семью больного, всех семейных и социальных неудач. Но мало того, злой друг и его отец, профессор, вызвали войну и привели в страну русских. За это он тысячу раз должен был бы поплатиться жизнью, и наш больной был убежден, что со смертью преступника наступил бы конец всем несчастьям. И все-таки его прежняя нежность к нему была настолько сильна, что парализовала его руку, когда ему однажды представился случай подстрелить врага на самом близком расстоянии. В коротких беседах, которые были у меня с больным, выяснилось, что дружеские отношения между обоими начались давно, в гимназические годы. По меньшей мере один раз были перейдены границы дружбы; проведенная вместе ночь была поводом для полного сексуального сношения. К женщинам наш пациент никогда не испытывал тех чувств, которые соответствовали его возрасту и его привлекательности. Один раз он был обручен с красивой и знатной девушкой, но та расстроила помолвку, так как не встретила нежности со стороны своего

* Бред преследования (*лат.*).– *Примеч. ред. перевода.*

жениха. Годы спустя его болезнь разразилась как раз в тот момент, когда ему в первый раз удалось полностью удовлетворить женщину. Когда эта женщина с благодарностью и в самозабвении обняла его, он вдруг почувствовал загадочную боль, которая прошла как острый надрез вокруг крышки черепа. Позднее он истолковал это ощущение так, будто ему сделали надрез, которым открывают мозг при вскрытии, а так как его друг стал патологоанатомом, то постепенно он открыл, что только тот мог подослать ему эту женщину для искушения. С тех пор у него открылись глаза и на другие преследования, жертвой которых он стал благодаря действиям бывшего друга.

Но как же быть в тех случаях, когда преследователь не одного пола с преследуемым, которые, кажется, противоречат нашему объяснению защиты от гомосексуального либидо? Недавно у меня была возможность исследовать такой случай, и в кажущемся противоречии я мог обнаружить подтверждение. Молодая девушка, считавшая, что ее преследует мужчина, с которым она имела два нежных свидания, в действительности сначала имела бредовую идею по отношению к женщине, которую можно считать заместительницей матери. Только после второго свидания она сделала шаг вперед и, отделив эту бредовую идею от женщины, перенесла ее на мужчину. Таким образом, условие наличия того же пола у преследователя первоначально было соблюдено и в этом случае. В своей жалобе другу-наставнику и врачу пациентка не упомянула об этой предварительной стадии бреда и этим создала видимость противоречия нашему пониманию паранойи.

Гомосексуальный выбор объекта первоначально ближе к нарциссизму, чем гетеросексуальный. Если затем необходимо отвергнуть нежелательно сильное гомосексуальное чувство, то обратный путь к нарциссизму особенно легок. До сих пор у меня было очень мало поводов говорить с вами об основах любовной жизни, насколько мы их узнали, я и теперь не могу это восполнить. Хочу лишь подчеркнуть, что выбор объекта, шаг вперед в развитии либидо, который делается после нарцисстической стадии, может осуществиться по двум различным типам. Или по *нарцисстическому типу*, когда на место собственного Я выступает возможно более похожий на него объект, или по *типу опоры*, когда лица, ставшие дорогими благодаря удовлетворению других жизненных потребностей, выбираются и объектами либидо. Сильную фиксацию либидо на нарцисстическом типе выбора объектов мы включаем также в предрасположенность к открытой гомосексуальности.

Вы помните, что во время первой нашей встречи в этом семестре я рассказал вам случай бреда ревности у женщины. Теперь, когда мы так близки к концу, вы, конечно, хотели бы услышать, как мы психоаналитически объясняем бредовую идею. Но по этому поводу я могу вам сказать меньше, чем вы ожидаете. Непроницаемость бредовой идеи так же, как и навязчивого состояния для логических аргументов и реального опыта объясняется отношением к бессознательному, которое представляется и подавляется бредовой или навязчивой идеей. Различие между ними основано на различной топике и динамике обоих заболеваний.

Как при паранойе, так и при меланхолии, которая представлена, между прочим, весьма различными клиническими формами, мы нашли место, с которого можно заглянуть во внутреннюю структуру заболевания. Мы узнали, что самоупреки, которыми эти меланхолики мучают себя самым беспощадным образом, в сущности, относятся к другому лицу, сексуальному объекту, который они утратили или который по своей вине потерял для них значимость. Отсюда мы могли заключить, что хотя меланхолик и отвел свое либидо от объекта, но благодаря процессу, который следует назвать «нарциссической идентификацией», объект воздвигнут в самом Я, как бы спроецирован на Я. Здесь я могу вам дать лишь образную характеристику, а не топико-динамическое описание. Тогда с собственным Я обращаются, как с оставленным объектом, и оно испытывает на себе все агрессии и проявления мстительности, предназначавшиеся объекту. И склонность к самоубийству меланхоликов становится понятнее, если принять во внимание, что ожесточение больного одним и тем же ударом попадает в собственное Я и в любимо-ненавистный объект. При меланхолии, так же как при других нарциссических заболеваниях, в ярко выраженной форме проявляется черта жизни чувств, которую мы привыкли вслед за Блейлером называть *амбивалентностью*. Мы подразумеваем под этим проявление противоположных, нежных и враждебных, чувств по отношению к одному и тому же лицу. Во время этих лекций я, к сожалению, не имею возможности рассказать вам больше об амбивалентности чувств.

Кроме нарциссической идентификации, бывает истерическая, известная нам очень давно. Я бы сам хотел, чтобы оказалось возможным объяснить их различие несколькими ясными определениями. О периодических и циклических формах меланхолии я могу вам кое-что рассказать, что вы, наверное, охотно выслушаете. При благоприятных условиях, оказывается возможным — я два раза проделывал этот опыт — предотвратить повторение состояния такого же или противоположного настроения благодаря аналитическому лечению в свободный от болезни промежуток времени. При этом узнаешь, что и при меланхолии, и при мании дело идет об особом способе разрешения конфликта, предпосылки которого полностью совпадают с предпосылками других неврозов. Можете себе представить, сколько психоанализу еще предстоит открыть в этой области.

Я сказал вам также, что благодаря анализу нарциссических заболеваний мы надеемся узнать состав нашего Я и его построение из различных инстанций. В одном месте мы положили этому начало. Из анализа бреда наблюдения мы сделали вывод, что в Я действительно есть инстанция, которая беспрерывно наблюдает, критикует и сравнивает, противопоставляя себя, таким образом, другой части Я. Мы полагаем поэтому, что больной выдает нам еще не вполне оцененную правду, жалуясь, что любой его шаг выслеживается и наблюдается, любая его мысль докладывается и критикуется. Он ошибается лишь в том, что переносит эту неприятную силу, как нечто постороннее, во внешний мир. Он чувствует в своем Я господство какой-то инстанции, которая сравнивает его дей-

ствительное Я и любую его деятельность с Я-идеалом, созданным им в процессе своего развития. Мы думаем также, что создание этого идеала произошло с целью восстановления самодовольства, связанного с первичным инфантильным нарциссизмом, но претерпевшего с тех пор так много неприятностей и обид. Наблюдающая за самим собой инстанция известна нам как цензор Я, как совесть, это та же самая инстанция, которая ночью осуществляет цензуру сновидения, от которой исходят вытеснения недопустимых желаний. Когда она при бреде наблюдения распадается, то раскрывает нам свое происхождение из влияния родителей, воспитателей и социальной среды, из идентификации с отдельными из этих лиц, служащих идеалом.

Таковы некоторые результаты, полученные нами до сих пор благодаря использованию психоанализа в случаях нарцисстических заболеваний. Они, разумеется, еще слишком незначительны и зачастую лишены той ясности, которая может быть достигнута в новой области лишь благодаря основательной осведомленности. Всем им мы обязаны использованием понятия Я-либидо, или нарцисстического либидо, с помощью которого мы распространили на нарцисстические неврозы представления, подтвердившиеся на неврозах перенесения. Но теперь вы поставите вопрос: возможно ли, чтобы нам удалось объяснить теорией либидо все нарушения нарцисстических неврозов и психозов, чтобы мы везде признали виновником заболевания либидозный фактор душевной жизни и никогда не считали ответственным за него изменение в функции инстинктов самосохранения? Уважаемые дамы и господа, мне кажется, что не следует спешить с решением этого вопроса, которое, прежде всего, еще не созрело. Мы спокойно можем предоставить его научному прогрессу. Я бы не удивился, если бы способность патогенного воздействия действительно оказалась преимуществом либидозных влечений, так что теория либидо могла бы праздновать свой триумф по всей линии от простейших актуальных неврозов до самого тяжелого психотического отчуждения индивида. Ведь мы знаем характерную черту либидо противиться подчинению реальности мира, судьбе. Но я считаю в высшей степени вероятным, что инстинкты Я вторично захватываются патогенными импульсами либидо и вынуждаются к нарушению функции. И я не могу признать поражение нашего направления исследования, если нам предстоит узнать, что при тяжелых психозах инстинкты Я даже первично бывают сбиты с пути; это покажет будущее, по крайней мере, вам.

А мне позвольте еще на одно мгновение вернуться к страху, чтобы осветить оставшееся там темное место. Мы сказали, что нам не следует соглашаться со столь хорошо известным отношением между страхом и либидо, будто реальный страх перед лицом опасности должен быть проявлением инстинктов самосохранения, хотя само по себе это едва ли оспоримо. Но как обстояло бы дело, если бы аффект страха исходил не из эгоистических инстинктов Я, а из Я-либидо? Ведь состояние страха во всяком случае нецелесообразно, и его нецелесообразность очевидна, если он достигает более высокой степени. Он мешает действию, будь то бегство или защита, что единственно целесообразно и служит самосохра-

нению. Таким образом, если мы припишем аффективную часть реального страха Я-либидо, а действие при этом — инстинктам самосохранения, то устраним все теоретические трудности. Впрочем, вы ведь не думаете всерьез, что человек убегает, *потому что* испытывает страх? Нет, испытывают страх *и* обращаются в бегство по общей причине, которая возникает, когда замечают опасность. Люди, пережившие большие жизненные опасности, рассказывают, что они совсем не боялись, а только действовали, например, целились из ружья в хищника, а это было, конечно, самым целесообразным.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Перенесение

Уважаемые дамы и господа! Так как теперь мы приближаемся к концу наших бесед, то у вас возникает надежда, в которой вы не должны обмануться. Вы, вероятно, думаете, что не для того я водил вас по дебрям психоаналитического материала, чтобы в конце концов отпустить, не сказав ни слова о терапии, на которой основана возможность вообще заниматься психоанализом. Да я и не могу не коснуться этой темы, потому что при этом вы наглядно познакомитесь с новым фактом, без знания которого понимание изученных нами болезней осталось бы самым ощутимым образом неполным.

Я знаю, что вы не ждете от меня руководства по технике проведения анализа с терапевтической целью. Вы хотите лишь в самых общих чертах знать, каким образом воздействует психоаналитическая терапия и чего она примерно достигает. И узнать это вы имеете неоспоримое право. Но я не хочу вам это сообщать, а настаиваю на том, чтобы вы догадались сами.

Подумайте! Вы познакомились с самыми существенными условиями заболевания, а также со всеми факторами, действующими на заболевшего. Что же тут подлежит терапевтическому воздействию? Это, прежде всего, наследственная предрасположенность; нам не часто приходится о ней говорить, потому что она энергично отстаивается другими, и мы не можем сказать о ней ничего нового. Но не думайте, что мы ее недооцениваем; именно как терапевты мы довольно ясно ощущаем ее силу. Во всяком случае, мы ничего не можем в ней изменить, она и для нас остается чем-то данным, что ставит пределы нашим усилиям. Затем — влияние ранних детских переживаний, которые мы привыкли выдвигать в анализе на первое место; они относятся к прошлому, мы не можем их уничтожить. Далее, все то, что мы объединили в понятие «реальный вынужденный отказ»: неудачно сложившаяся жизнь, следствием которой является недостаток любви, бедность, семейные раздоры, несчастливый брак, неблагоприятные социальные условия и строгость нравст-

венных требований, под гнетом которых находится личность. Тут как будто достаточно возможностей для очень действенной терапии, но это должна была бы быть терапия, которую проводил, по венскому народному преданию, император Иосиф, т. е. вмешательство могущественного благотворителя, перед волей которого склоняются люди и исчезают трудности. А кто такие мы, чтобы включить такую благотворительность как средство в нашу терапию? Сами бедные и беспомощные в общественном отношении, вынужденные добывать средства к существованию своей врачебной деятельностью, мы даже не в состоянии отдавать свой труд таким же неимущим, как это могут другие врачи, лечащие другими методами. Для этого наша терапия занимает слишком много времени и длится слишко долго. Но, может быть, вы ухватитесь за один из перечисленных моментов и подумаете, что там найдете точку приложения для нашего воздействия. Если нравственное ограничение, требуемое обществом, принимает участие в испытываемом больным лишении, то ведь лечение может придать ему мужества или дать прямое указание преступить эти преграды и добиться удовлетворения и выздоровления, отказавшись от осуществления высокоценимого обществом, но столь часто оставляемого идеала. Таким образом, можно выздороветь, «дав волю» своей сексуальности. Правда, при этом аналитическое лечение можно упрекнуть в том, что оно не служит общественной морали. То, что оно дает одному, отнято у общества.

Но, уважаемые дамы и господа, кто вас так неправильно информировал? Не может быть и речи о том, чтобы совет дать волю своей сексуальности мог сыграть какую-то роль в аналитической терапии. Уже потому это не так, что мы сами объявили, что у больного имеется упорный конфликт между либидозным побуждением и сексуальным вытеснением, между чувственной и аскетической направленностями. Этот конфликт не устраняется с помощью того, что одной из направленностей помогает одержать победу над противоположной. Мы видим, что у нервнобольного аскетизм одержал верх. Следствием этого является как раз то, что подавленное сексуальное стремление находит себе выход в симптомах. Если бы мы теперь, наоборот, добились победы чувственности, то отодвинутое в сторону сексуальное вытеснение должно было бы найти себе замещение в симптомах. Ни одно из обоих решений не может уничтожить внутренний конфликт, всякий раз какая-либо одна сторона оставалась бы неудовлетворенной. Только в некоторых случаях конфликт бывает так неустойчив, что такой фактор, как сочувствие врача той или иной стороне, может иметь решающее значение, но эти случаи, собственно, и не нуждаются в аналитическом лечении. Лица, на которых врач может оказать такое влияние, нашли бы этот путь и без врача. Вы знаете, что если воздержанный молодой человек решится на внебрачную половую связь или неудовлетворенная женщина вознаграждает себя с другим мужчиной, то обычно они не ждут разрешения врача или даже аналитика.

В этой ситуации обычно упускают из вида один существенный момент, а именно тот, что патогенный конфликт невротиков нельзя сме-

шивать с нормальной борьбой душевных движений, выросших на одной и той же психологической почве. Это столкновение сил, из которых одна достигла ступени предсознательного и сознательного, а другая задержалась на ступени бессознательного. Поэтому конфликт не может быть разрешен; спорящие так же мало подходят друг другу, как белый медведь и кит в известном примере. Решение может быть принято только тогда, когда они встретятся на одной и той же почве. Я полагаю, что сделать это возможным и является единственной задачей терапии[58].

А кроме того, уверяю вас, что вы неверно осведомлены, если предполагаете, что советы и руководство в житейских делах являются составной частью аналитического воздействия. Напротив, мы по возможности избегаем такой менторской роли и больше всего желаем, чтобы больной самостоятельно принимал свои решения. С этой целью мы даже требуем, чтобы все жизненно важные решения — о выборе профессии, хозяйственных предприятиях, заключении брака или разводе — он отложил на время лечения и привел в исполнение только после его окончания. Согласитесь, все обстоит иначе, чем вы себе представляли. Только с определенными очень молодыми или совершенно беспомощными и неуравновешенными больными мы не можем осуществить это желательное ограничение. Для них мы должны совмещать деятельность врача и воспитателя; тогда мы прекрасно сознаем свою ответственность и ведем себя с необходимой осторожностью.

Но из того рвения, с которым я защищаюсь против упрека, что нервнобольного во время аналитического лечения побуждают «дать себе волю», вам не следует делать вывод, что мы воздействуем на него в пользу общественной нравственности. Это нам по меньшей мере столь же чуждо. Хотя мы не реформаторы, а лишь наблюдатели, но мы не можем не смотреть критическими глазами и сочли невозможным встать на сторону условной сексуальной морали и высоко оценить тот способ, каким общество пытается практически уладить проблемы сексуальной жизни. Мы можем прямо подсчитать, что то, что общество называет своей нравственностью, стоит бóльших жертв, чем заслуживает, и что его методы не основаны на правдивости и не свидетельствуют об уме. Мы не мешаем нашим пациентам слушать эту критику, приучая их к свободному от предрассудков обсуждению сексуальных вопросов, как и всяких других, и если они, став самостоятельными после завершения лечения, решаются по собственному разумению занять какую-то среднюю позицию между полным наслаждением жизнью и обязательным аскетизмом, мы не чувствуем угрызений совести ни за один из этих выходов. Мы говорим себе, что тот, кто с успехом выработал истинное отношение к самому себе, навсегда защищен от опасности стать безнравственным, если даже его критерий нравственности каким-то образом и отличается от принятого в обществе. Впрочем, мы остерегаемся преувеличить значение вопроса о воздержании в лечении неврозов. Лишь в небольшом числе случаев можно разрешить патологическую ситуацию вынужденного отказа с соответствующим застоем либидо легко достижимым способом половых сношений.

Таким образом, вы не можете объяснить терапевтическое воздействие анализа разрешением сексуальных наслаждений. Поищите другое объяснение. Мне кажется, что, отклоняя это ваше предположение, я одним замечанием навел вас на правильный путь. Мы, должно быть, приносим пользу тем, что заменяем бессознательное сознательным, переводя бессознательное в сознательное. Действительно, так оно и есть. Приближая бессознательное к сознательному, мы уничтожаем вытеснение, устраняем условия для образования симптомов, превращаем патогенный конфликт в нормальный, который каким-то образом должен найти разрешение. Мы вызываем у больного не что иное, как одно это психическое изменение: насколько оно достигнуто, настолько оказана помощь. Там, где нельзя уничтожить вытеснение или аналогичный ему процесс, там нашей терапии делать нечего.

Цель наших усилий мы можем сформулировать по-разному: осознание бессознательного, уничтожение вытеснений, восполнение амнестических пробелов,— все это одно и то же. Но, возможно, вас не удовлетворит это признание. Вы совсем иначе представляли себе выздоровление нервнобольного, а именно так, что он становится другим человеком после того, как подвергся утомительной работе психоанализа, а тут весь результат состоит лишь в том, что у него оказывается немного меньше бессознательного и немного больше сознательного, чем раньше. Но вы, вероятно, недооцениваете значение такого внутреннего изменения. Вылеченный нервнобольной действительно стал другим человеком, но, по существу, он, разумеется, остался тем же самым, т. е. он стал таким, каким мог бы стать в лучшем случае при самых благоприятных условиях. А это очень много. Если вы затем узнаете, сколько всего нужно сделать и какие необходимы усилия, чтобы осуществить это кажущееся незначительным изменение в его душевной жизни, то вам покажется весьма правдоподобным значимость такого различия в психическом уровне.

Я отклонюсь на минуту от темы, чтобы спросить, знаете ли вы, что называется каузальной терапией? Так называется прием, направленный не на болезненные явления, а на устранение причин болезни. Является ли наша психоаналитическая терапия каузальной или нет? Ответ не прост, но, может быть, он даст повод убедиться в малой значимости такой постановки вопроса. Поскольку аналитическая терапия не ставит своей ближайшей задачей устранение симптомов, она действует как каузальная. В другой связи вы можете сказать, что она не каузальная. Мы уже давно проследили причинную цепь от вытеснений до врожденных влечений, их относительную интенсивность в конституции и отклонения в процессе их развития. Предположите теперь, что мы могли бы химическим путем вмешаться в этот механизм, повышая или снижая количество имеющегося либидо или усиливая одно влечение за счет другого, тогда это была бы каузальная терапия в подлинном смысле, для которой наш анализ проделывал бы необходимую предварительную разведывательную работу. О таком воздействии на процессы либидо в настоящее время, как вы знаете, не может быть речи; наша психотера-

пия оказывает свое действие на другое звено цепи, не прямо на известные нам истоки явлений, но все же на достаточно далекое от симптомов звено, ставшее нам доступным благодаря замечательным обстоятельствам.

Итак, что мы должны делать, чтобы заменить бессознательное у нашего пациента сознательным? Когда-то мы полагали, что это очень просто, нам нужно только угадать это бессознательное и подсказать его больному. Но теперь мы знаем, что это было недальновидным заблуждением. Наше знание о бессознательном неравноценно знанию о нем больного; если мы сообщим ему наше знание, то он будет обладать им не *вместо* своего бессознательного, а *наряду* с ним, и это очень мало что меняет. Мы должны представить себе это бессознательное скорее топически, найти его в воспоминании больного там, где оно возникло благодаря вытеснению. Это вытеснение нужно устранить, и тогда легко может произойти замещение бессознательного сознательным. Как же устраняется такое вытеснение? Здесь наша задача переходит во вторую стадию решения. Сначала поиски вытеснения, затем — устранение сопротивления, поддерживающего это вытеснение.

Как устранить сопротивление? Точно таким же образом: узнав его, разъяснить пациенту. Ведь сопротивление тоже происходит из вытеснения — либо из того, которое мы хотим уничтожить, либо из имевшего место в прошлом. Оно создается противодействием, возникшим для вытеснения неприличного побуждения. Теперь мы делаем то же самое, что хотели сделать уже с самого начала, угадываем, находим толкование и сообщаем его; но теперь мы делаем это своевременно. Противодействие, или сопротивление, принадлежит уже не бессознательному, а Я, которое является нашим сотрудником, и это происходит даже тогда, когда оно неосознанно. Мы знаем, что здесь речь идет о двойном смысле слова «бессознательный»: с одной стороны, как феномена, с другой,— как системы. Это кажется очень трудным и темным; но ведь это только повторение, не правда ли? Мы к этому давно подготовлены. Мы ожидаем, что больной откажется от этого сопротивления, оставит противодействие, если мы разъясним его Я при помощи толкования. Какие движущие силы содействуют нам в этом случае? Во-первых, стремление пациента к выздоровлению, побудившее его подчиниться нашей с ним совместной работе, и, во-вторых, его интеллект, которому мы помогаем нашим толкованием. Нет никакого сомнения в том, что интеллекту больного легче распознать сопротивление и найти соответствующий перевод вытесненному, если мы дали ему подходящие для этого предположительные представления. Если я вам скажу: посмотрите на небо, там можно увидеть воздушный шар, то вы его скорее найдете, чем если я попрошу вас только посмотреть наверх, не обнаружите ли вы там что-нибудь. Так и студенту, который в первый раз смотрит в микроскоп, преподаватель сообщает, что он должен увидеть, в противном случае он вообще не видит этого, хотя все это там есть и его можно увидеть.

А теперь факт. В целом ряде форм нервного заболевания, при истериях, состояниях страха, неврозах навязчивых состояний наше предпо-

ложение оправдывается. Благодаря таким поискам вытеснения, раскрытию сопротивлений, толкованию вытесненного действительно удается решить задачу, т. е. преодолеть сопротивления, уничтожить вытеснение и превратить бессознательное в сознательное. При этом у нас складывается совершенно ясное представление о том, как в душе пациента разыгрывается ожесточенная борьба за преодоление каждого сопротивления, нормальная душевная борьба на одной и той же психологической почве между мотивами, желающими сохранить противодействие, и противоположными, готовыми от него отказаться. Первые — это старые мотивы, осуществившие в свое время вытеснение, среди последних находятся вновь появившиеся, которые, будем надеяться, разрешат конфликт в желательном для нас смысле. Нам удалось вновь оживить старый конфликт вытеснения, подвергнув пересмотру завершившийся тогда процесс. В качестве нового материала мы прибавляем, во-первых, предупреждение, что прежнее решение привело к болезни и обещание, что другое решение откроет путь к выздоровлению, во-вторых, грандиозное изменение всех обстоятельств со времени того первого вытеснения. Тогда Я было слабым, инфантильным и, может быть, имело основание запретить требование либидо как опасное. Теперь оно окрепло и приобрело опыт, а кроме того, имеет помощника в лице врача. Так что мы можем надеяться, что приведем обновленный конфликт к лучшему исходу, чем к вытеснению, и, как сказано, при истериях, неврозах страха и навязчивых состояниях успех принципиально оправдывает нас.

Однако есть другие формы заболеваний, при которых, несмотря на сходство условий, наши терапевтические меры никогда не приносят успеха. И в них дело было в первоначальном конфликте между Я и либидо, который привел к вытеснению, хотя топически его можно характеризовать иначе, и здесь можно отыскать участки, где в жизни больного произошли вытеснения, [и здесь] мы применяем те же методы, готовы дать те же обещания, оказываем ту же помощь, сообщая ожидаемые представления, и вновь разница во времени между настоящим и прошлыми вытеснениями способствует иному исходу конфликта. И все-таки нам не удается уничтожить сопротивление и устранить вытеснение. Эти пациенты — параноики, меланхолики, страдающие Dementia praecox — остаются в общем не затронутыми психоаналитической терапией и невосприимчивыми к ней. Почему так получается? Не от недостатка интеллекта; известная степень интеллектуальной работоспособности, конечно, требуется от наших пациентов, но в ней определенно нет недостатка, например, у параноиков, способных на весьма остроумные комбинации. Имеются и другие силы, способствующие выздоровлению: меланхолики, например, в очень высокой степени осознают, что больны и поэтому так тяжело страдают, что отсутствует у параноиков, но от этого они не становятся доступнее. Мы имеем здесь непонятный факт, вызывающий у нас поэтому сомнение в том, понимаем ли мы в действительности все условия достижения успеха при других неврозах.

Если мы остановимся на наших занятиях с истеричными и больными неврозом навязчивых состояний, то вскоре перед нами встает второй

факт, к которому мы совершенно не подготовлены. Через некоторое время мы замечаем, что эти больные ведут себя весьма своеобразно по отношению к нам. Мы полагали, что учли все силы, которые приходится принимать во внимание при лечении, полностью продумали ситуацию между нами и пациентом, так что в ней все предстало как в арифметической задаче, а затем оказывается, что в нее вкралось что-то, не входившее в расчет. Это неожиданное новое само по себе многообразно, сначала я опишу более частые и понятные формы его проявления.

Итак, мы замечаем, что пациент, которому следовало бы искать выхода из своих болезненных конфликтов, проявляет особый интерес к личности врача. Все, что связано с этой личностью, кажется ему значительнее, чем его собственные дела, и отвлекает его от болезни. Общение с ним становится на какое-то время очень приятным; он особенно предупредителен, старается, где можно, проявить благодарность, обнаруживает утонченность и положительные качества своего существа, которые мы, может быть, и не стремились найти у него. Врач тоже составляет себе благоприятное мнение о пациенте и благодарит случай, давший ему возможность оказать помощь особо значимой личности. Если врачу представился случай побеседовать с родственниками пациента, то он с удовольствием слышит, что эта симпатия взаимна. Дома пациент без устали расхваливает врача, превознося в нем все новые положительные качества. «Он грезит вами, слепо доверяет вам; все, что вы говорите, для него откровение»,— рассказывают родственники. Иногда кто-нибудь из этого хора выражается резче: «Просто надоело, он беспрестанно говорит только о вас».

Хотим надеяться, что врач достаточно скромен, чтобы объяснять эту оценку своей личности пациентом надеждами, которые он ему может подать, и расширением его интеллектуального горизонта благодаря поразительным и раскрепощающим открытиям, которые несет с собой [его] лечение. При таких условиях анализ характеризуется замечательными успехами, пациент понимает намеки, углубляется в поставленные лечением задачи, у него в изобилии всплывает материал воспоминаний и мыслей, он поражает врача уверенностью и меткостью своих толкований, и тот только с удовлетворением констатирует, с какой готовностью больной воспринимает все те психологические новшества, которые обыкновенно вызывают самое ожесточенное сопротивление у здоровых. Хорошему взаимопониманию во время аналитической работы соответствует и объективное, всеми признаваемое улучшение состояния больного.

Но не все время стоит такая ясная погода. Однажды небосклон заволакивается тучами. В лечении обнаруживаются затруднения; пациент утверждает, что ему ничего не приходит в голову. Возникает совершенно ясное впечатление, что он больше не интересуется работой и что он с легким сердцем отказался от данного ему предписания говорить все, что придет ему в голову, не поддаваясь никаким критическим соображениям. Он находится как бы вне лечения, как будто у него с врачом не было никакого уговора; он явно чем-то увлечен, что хочет сохранить

для себя. Это опасная для лечения ситуация. Несомненно, что здесь имеет место сильное сопротивление. Но что же произошло?

Если ты в состоянии снова выяснить ситуацию, то открываешь причину помехи в том, что пациент перенес на врача интенсивные нежные чувства, не оправданные ни поведением врача, ни сложившимися во время лечения отношениями. В какой форме выражается эта нежность и какие цели она преследует, конечно, зависит от личных отношений обоих участников. Если дело касается молодой девушки и молодого человека, то у нас создается впечатление нормальной влюбленности, мы найдем вполне понятным, что девушка влюбляется в мужчину, с которым она может подолгу оставаться наедине и обсуждать интимные дела и который занимает по отношению к ней выгодную позицию превосходящего ее помощника, но тогда мы, вероятно, упустим из виду то, что у невротической девушки скорее можно было бы ожидать нарушение способности любить. Чем меньше личные отношения врача и пациента будут походить на этот предполагаемый вариант, тем более странным покажется нам, что, несмотря на это, мы постоянно будем находить то же самое отношение в области чувств. Можно еще допустить, если молодая несчастная в браке женщина кажется охваченной серьезной страстью к своему пока еще свободному врачу, если она готова добиться развода, чтобы принадлежать ему, или в случае социальных препятствий не останавливается перед тем, чтобы вступить с ним в тайную любовную связь. Подобное случается и вне психоанализа. Но при этих условиях с удивлением слышишь высказывания со стороны женщин и девушек, указывающие на вполне определенное отношение к терапевтической проблеме: они, мол, всегда знали, что их может вылечить только любовь, и с самого начала лечения ожидали, что благодаря этим отношениям им, наконец, будет подарено то, чего жизнь лишала их до сих пор. Только из-за этой надежды они отдавали так много сил лечению и преодолевали затруднения при разговорах о себе. Мы со своей стороны прибавим: и так легко понимали все, чему обыкновенно трудно поверить. Но такое признание поражает нас; оно опрокидывает все наши расчеты. Неужели мы упустили самое важное?

И в самом деле, чем больше у нас опыта, тем меньше мы в состоянии сопротивляться внесению этого исправления, позорящего нашу ученость. В первый раз можно было подумать, что аналитическое лечение наткнулось на помеху вследствие случайного события, т. е. не входившего в его планы и не им вызванного. Но если такая нежная привязанность пациента к врачу повторяется закономерно в каждом новом случае, если она проявляется при самых неблагоприятных условиях, с прямо-таки гротескными недоразумениями и даже у престарелых женщин, даже по отношению к седому мужчине, даже там, где, по нашему мнению, нет никакого соблазна, то мы должны отказаться от мысли о случайной помехе и признать, что дело идет о феномене, теснейшим образом связанном с сущностью болезни.

Новый факт, который мы, таким образом, нехотя признаем, мы называем *перенесением* (Übertragung). Мы имеем в виду перенесение чувств

на личность врача, потому что не считаем, что ситуация лечения могла оправдать возникновение таких чувств. Скорее мы предположим, что вся готовность испытывать чувства происходит из чего-то другого, назрела в больной и при аналитическом лечении переносится на личность врача. Перенесение может проявиться в бурном требовании любви или в более умеренных формах; вместо желания быть возлюбленной у молодой девушки может возникнуть желание стать любимой дочерью старого мужчины, либидозное стремление может смягчиться до предложения неразрывной, но идеальной, нечувственной дружбы. Некоторые женщины умеют сублимировать перенесение и изменять его, пока оно не приобретет определенную жизнеспособность; другие вынуждены проявлять его в грубом, первичном, по большей части невозможном виде. Но, в сущности, это всегда одно и то же, причем никогда нельзя ошибиться в его происхождении из того же самого источника.

Прежде чем задаваться вопросом, куда нам отнести новый факт перенесения, дополним его описание. Как обстоит дело с пациентами-мужчинами? Уж тут-то можно было бы надеяться избежать докучливого вмешательства различия полов и взаимного их влечения. Однако ответ гласит: не намного иначе, чем у пациентов-женщин. Та же привязанность к врачу, та же переоценка его качеств, та же поглощенность его интересами, та же ревность по отношению ко всем, близким ему в жизни. Сублимированные формы перенесения между мужчиной и мужчиной встречаются постольку чаще, а непосредственное сексуальное требование постольку реже, поскольку открытая гомосексуальность отступает перед другими способами использования этих компонентов влечения. У своих пациентов-мужчин врач также чаще, чем у женщин, наблюдает форму перенесения, которая на первый взгляд, кажется, противоречит всему вышеописанному,— враждебное или *негативное* перенесение.

Уясним себе прежде всего, что перенесение имеется у больного с самого начала лечения и некоторое время представляет собой самую мощную способствующую работе силу. Его совершенно не чувствуешь, и о нем нечего и беспокоиться, пока оно благоприятно воздействует на совместно проводимый анализ. Но когда оно превращается в сопротивление, на него следует обратить внимание и признать, что оно изменило отношение к лечению при двух различных и противоположных условиях: во-первых, если оно в виде нежной склонности настолько усилилось, настолько ясно выдает признаки своего происхождения из сексуальной потребности, что вызвало против себя внутреннее сопротивление, и, во-вторых, если оно состоит из враждебных, а не из нежных побуждений. Как правило, враждебные чувства проявляются позже, чем нежные, и после них; их одновременное существование хорошо отражает амбивалентность чувств, господствующую в большинстве наших интимных отношений к другим людям. Враждебные чувства, так же как и нежные, означают чувственную привязанность, подобно тому как упрямство означает ту же зависимость, что и послушание, хотя и с противоположным знаком. Для нас не может быть сомнения в том, что враждебные чувства к врачу заслуживают названия «перенесения», потому что ситуация ле-

чения представляет собой совершенно недостаточный повод для их возникновения; необходимое понимание негативного перенесения убеждает нас, таким образом, что мы не ошиблись в суждении о положительном или нежном перенесении.

Откуда берется перенесение, какие трудности доставляет нам, как мы его преодолеваем и какую пользу из него в конце концов извлекаем,— все это подробно обсуждается в техническом руководстве по анализу, и сегодня может быть лишь слегка затронуто мною. Исключено, чтобы мы подчинились исходящим из перенесения требованиям пациента, нелепо было бы недружелюбно или же возмущенно отклонять их; мы преодолеваем перенесение, указывая больному, что его чувства исходят не из настоящей ситуации и относятся не к личности врача, а повторяют то, что с ним уже происходило раньше. Таким образом мы вынуждаем его превратить повторение в воспоминание. Тогда перенесение, безразлично нежное или враждебное, которое казалось в любом случае самой сильной угрозой лечению, становится лучшим его орудием, с помощью которого открываются самые сокровенные тайники душевной жизни. Но я хотел бы сказать вам несколько слов, чтобы рассеять недоумения по поводу возникновения этого неожиданного феномена. Нам не следует забывать, что болезнь пациента, анализ которого мы берем на себя, не является чем-то законченным, застывшим, а продолжает расти и развиваться, как живое существо. Начало лечения не прекращает этого развития, но как только лечение завладело больным, оказывается, что вся новая деятельность болезни направляется на одно, и именно на отношение к врачу. Перенесение можно сравнить, таким образом, со слоем камбия между древесиной и корой дерева, из которого возникают новообразования ткани и рост ствола в толщину. Как только перенесение приобретает это значение, работа над воспоминаниями больного отступает на задний план. Правильно было бы сказать, что имеешь дело не с прежней болезнью пациента, а с заново созданным и переделанным неврозом, заменившим первый. За этим новым вариантом старой болезни следишь с самого начала, видишь его возникновение и развитие и особенно хорошо в нем разбираешься, потому что сам находишься в его центре как объект. Все симптомы больного лишились своего первоначального значения и приспособились к новому смыслу, имеющему отношение к перенесению. Или остались только такие симптомы, которым удалась подобная переработка. Но преодоление этого нового искусственного невроза означает и освобождение от болезни, которую мы начали лечить, решение нашей терапевтической задачи. Человек, ставший нормальным по отношению к врачу и освободившийся от действия вытесненных влечений, остается таким и в частной жизни, когда врач опять отстранил себя.

Такое исключительное, центральное значение перенесение имеет при истериях, истериях страха и неврозах навязчивых состояний, объединяемых поэтому по праву под названием *неврозов перенесения*. Кто получил полное впечатление о факте перенесения из аналитической работы, тот больше не может сомневаться в том, какого характера были

подавленные побуждения, которые нашли выражение в симптомах этих неврозов, и не потребует более веского доказательства их либидозной природы. Мы можем сказать, что наше убеждение о значении симптомов как заместителей либидозного удовлетворения окончательно укрепилось лишь благодаря введению перенесения.

Теперь у нас есть все основания исправить наше прежнее динамическое понимание процесса выздоровления и согласовать его с нашими новыми взглядами. Когда больной должен преодолеть нормальный конфликт с сопротивлениями, которые мы ему открыли при анализе, он нуждается в мощном стимуле, ведущем к выздоровлению. В противном случае могло бы случиться, что он вновь решился бы на прежний исход и опять вытеснил бы то, что поднялось в сознание. Решающее значение в этой борьбе имеет тогда не его интеллектуальное понимание — для такого действия оно недостаточно глубоко и свободно,— а единственно его отношение к врачу. Поскольку его перенесение носит положительный характер, оно наделяет врача авторитетом, воплощается в вере его сообщениям и мнениям. Без такого перенесения или если оно отрицательно, он бы и слушать не стал врача и его аргументы. Вера при этом повторяет историю своего возникновения: она является производной любви и сначала не нуждалась в аргументах. Лишь позднее он уделяет аргументам столько места, что подвергает их проверке, даже если они приводятся его любимым лицом. Аргументы без такой поддержки ничего не значили и никогда ничего не значат в жизни большинства людей. В общем, человек и с интеллектуальной стороны доступен воздействию лишь постольку, поскольку он способен на либидозную привязанность к объекту, и у нас есть полное основание видеть в степени его нарциссизма предел для возможности влияния на него даже при помощи самой лучшей аналитической техники и опасаться этого ограничения.

Способность распространять либидозную привязанность к объектам также и на лиц должна быть признана у всех нормальных людей. Склонность к перенесению у вышеназванных невротиков является лишь чрезмерным преувеличением этого присущего всем качества. Но было бы очень странно, если бы такая распространенная и значительная черта характера людей никогда не была бы замечена и использована. И это действительно произошло. Бернгейм с необыкновенной проницательностью обосновал учение о гипнотических явлениях положением, что всем людям каким-то образом свойственна способность к внушению, «внушаемость». Его внушаемость не что иное, как склонность к перенесению. Но Бернгейм никогда не мог сказать, что такое собственно внушение и как оно осуществляется. Оно было для него основополагающим фактом, происхождение которого он не мог доказать. Он не обнаружил зависимости suggestibilité * от сексуальности, от проявления либидо. И мы должны заметить, что в нашей технике мы отказались от гипноза только для того, чтобы снова открыть внушение в виде перенесения.

---

* Внушаемости (*франц.*).— *Примеч. ред. перевода.*

Теперь я умолкаю и предоставляю слово вам. Я замечаю, что у вас так сильно напрашивается одно возражение, что оно лишило бы вас способности слушать, если вам не дать возможности его высказать: «Итак, вы наконец признались, что работаете с помощью внушения, как гипнотизер. Мы давно это предполагали. Но зачем же тогда был нужен обходной путь через воспоминания прошлого, открытие бессознательного, толкование и обратный перевод искажений, огромная затрата труда, времени и денег, если единственно действенным является лишь внушение? Почему вы прямо не внушаете борьбу с симптомами, как это делают другие, честные гипнотизеры? И далее, если вы хотите оправдаться тем, что на пройденном обходном пути вы сделали много значительных психологических открытий, скрытых при использовании непосредственного внушения, кто теперь поручится за верность ваших открытий? Не являются ли и они тоже результатом внушения и причем непреднамеренного, не можете ли вы навязать больному и в этой области все, что хотите и что кажется вам правильным?»

Все, что вы мне тут возражаете, невероятно интересно и не должно остаться без ответа. Но сегодня я его дать не могу за недостатком времени. Так что до следующего раза. Вы увидите, я дам объяснения. А сегодня я должен закончить то, что начал. Я обещал при помощи факта перенесения объяснить вам, почему наши терапевтические усилия не имеют успеха при нарцисстических неврозах.

Я могу это сделать в нескольких словах, и вы увидите, как просто решается загадка и как хорошо все согласуется. Наблюдение показывает, что заболевшие нарцисстическим неврозом не имеют способности к перенесению или обладают лишь ее недостаточными остатками. Они отказываются от врача не из враждебности, а из равнодушия. Поэтому они и не поддаются его влиянию, то, что он говорит, не трогает их, не производит на них никакого впечатления, поэтому у них не может возникнуть тот механизм выздоровления, который мы создаем при других неврозах,— обновления патогенного конфликта и преодоления сопротивления вытеснения. Они остаются тем, что они есть. Они уже не раз предпринимали самостоятельные попытки вылечиться, приведшие к патологическим результатам, тут мы не в силах ничего изменить.

На основании наших клинических впечатлений от наблюдения за этими больными мы утверждали, что у них должна отсутствовать привязанность к объектам, и объект-либидо должно превратиться в Я-либидо. Вследствие этого характерного признака мы отделили их от первой группы невротиков (истерия, невроз страха и навязчивых состояний). Их поведение при терапевтических попытках подтверждает наше предположение. Они не проявляют перенесения и поэтому недоступны нашему воздействию, не могут быть вылечены нами.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Аналитическая терапия

Уважаемые дамы и господа! Вы знаете, о чем у нас сегодня будет беседа. Вы спросили меня, почему мы не пользуемся в психоаналитической терапии прямым внушением, если признаем, что наше влияние в значительной мере основано на перенесении, т. е. на внушении, и в связи с этим выразили сомнение, можем ли мы при таком преобладании внушения ручаться за объективность наших психологических открытий. Я обещал вам подробный ответ.

Прямое внушение — это внушение, направленное против проявления симптомов, борьба между вашим авторитетом и мотивами болезни. При этом вы не беспокоитесь об этих мотивах, требуя от больного только того, чтобы он подавлял их выражение в симптомах. Подвергаете ли вы больного гипнозу или нет, принципиального различия не имеет. Бернгейм опять-таки со свойственной ему проницательностью утверждал, что самое существенное в явлениях гипноза — это внушение, а сам гипноз является уже результатом внушения, внушенным состоянием, и он предпочитал проводить внушение в состоянии бодрствования больного, что может давать те же результаты, что и внушение при гипнозе.

Так что же вы хотите услышать сначала в ответ на этот вопрос: то, о чем говорит опыт, или теоретические соображения?

Начнем с первого. Я был учеником Бернгейма, которого я посетил в 1889 г. в Нанси и книгу которого о внушении перевел на немецкий язык [59]. В течение многих лет я лечил гипнозом, сначала внушением запрета, а позднее сочетая его с расспросами пациента по Брейеру. Так что я могу судить об успехах гипнотической или суггестивной терапии на основании большого опыта. Если, согласно старинной врачебной формуле, идеальная терапия должна быть быстрой, надежной и не вызывать неприязни у больного, то метод Бернгейма отвечал, по крайней мере, двум из этих требований. Он проводился намного быстрее, даже несравненно быстрее, чем аналитический, и не доставлял больному ни хлопот, ни затруднений. Со временем для врача это становилось монотонным занятием: каждый раз одинаково, при помощи одних и тех же приемов запрещать проявляться самым различным симптомам, не имея возможности понять их смысл и значение. Это была не научная деятельность, а работа подмастерья, которая напоминала магию, заклинания и фокусы; однако это не принималось во внимание в сравнении с интересами больного. Но третье требование не соблюдалось: этот метод не был надежным ни в каком отношении. К одному больному его можно было применять, к другому — нет; в одном случае удавалось достичь многого, в другом — очень малого, неизвестно почему. Еще хуже, чем эта капризность метода, было отсутствие длительного успеха. Через некоторое время, если вновь приходилось опять слышать о больном, оказывалось, что прежний недуг вернулся или заменился новым. Можно было снова начи-

нать лечение гипнозом. А кроме того, опытные люди предостерегали не лишать больного самостоятельности частым повторением гипноза и не приучать его к этой терапии, как к наркотику. Согласен, что иной раз все удавалось как нельзя лучше; небольшими усилиями достигался полный и длительный успех. Но условия такого благоприятного исхода оставались неизвестными. Однажды у меня произошел случай, когда тяжелое состояние, полностью устраненное мной при помощи непродолжительного лечения гипнозом, вернулось неизмененным после того, как больная рассердилась на меня безо всякой моей вины; после примирения с ней я опять и гораздо основательней уничтожил болезненное состояние, и все-таки оно опять появилось, когда она во второй раз отдалилась от меня. В другой раз я оказался в ситуации, когда больная, которой я неоднократно помогал гипнозом избавиться от нервных состояний, неожиданно во время лечения особенно трудного случая обвила руками мою шею. Это заставило бы любого, хочет он того или нет, заняться вопросом о природе и происхождении своего авторитета при внушении.

Таковы опытные данные. Они показывают, что, отказавшись от прямого внушения, мы не потеряли ничего незаменимого. Теперь разрешите нам прибавить к этому еще некоторые соображения. Проведение гипнотической терапии требует от пациента и от врача лишь очень незначительных усилий. Эта терапия прекрасно согласуется с оценкой неврозов, которой еще придерживается большинство врачей. Врач говорит страдающему неврозом: да у вас ведь ничего нет, это только нервы, а потому я несколькими словами за несколько минут могу освободить вас от недуга. Но такая способность передвигать большой груз, прилагая непосредственно незначительные усилия, не используя при этом никаких соответствующих приспособлений, противоречит нашему энергетическому образу мыслей. Поскольку условия сравнимы, опыт показывает, что при неврозах этот фокус не удается. Но я знаю, что этот довод не является неопровержимым: бывают и «удачи».

В свете тех знаний, которые мы приобрели благодаря психоанализу, мы можем описать различие между гипнотическим и психоаналитическим внушением следующим образом: гипнотическая терапия старается что-то закрыть и затушевать в душевной жизни, психоаналитическая — что-то раскрыть и устранить. Первая работает как косметика, вторая — как хирургия. Первая пользуется внушением, чтобы запрещать симптомы, она усиливает вытеснение, оставляя неизмененными все процессы, которые привели к образованию симптомов. Аналитическая терапия проникает дальше в сущность, в те конфликты, которые привели к образованию симптомов, и пользуется внушением, чтобы изменить исход этих конфликтов. Гипнотическая терапия оставляет пациента бездеятельным и неизмененным, и потому столь же неспособным к сопротивлению при всяком новом поводе к заболеванию. Аналитическое лечение требует от врача и от больного тяжелого труда, направленного на устранение внутренних сопротивлений. Благодаря преодолению этих сопротивлений душевная жизнь больного надолго изменяется, поднимается на более высокую ступень развития и остается защищенной от новых поводов для заболевания.

Эта работа по преодолению является существенной частью аналитического лечения, больной должен ее выполнить, а врач помогает ему в этом внушением, действующим в *воспитательном* смысле. Поэтому правильно говорилось, что психоаналитическое лечение является чем-то вроде *довоспитания*.

Надеюсь, что теперь я разъяснил вам, чем отличается наш способ терапевтического применения внушения от единственно возможного способа при гипнотической терапии. А сведя внушение к перенесению, вы поймете всю капризность гипнотической терапии, бросившуюся нам в глаза при ее использовании, между тем как аналитическая до крайних своих пределов поддается расчету. Используя гипноз, мы зависим от способности больного к перенесению, не имея возможности самим влиять на нее. Перенесение гипнотизируемого может быть негативным или, как это чаще всего бывает, амбивалентным, он может защищаться от своего перенесения особыми установками; об этом мы ничего не знаем. В психоанализе мы работаем над самим перенесением, устраняя то, что ему противодействует, готовим себе инструмент, с помощью которого хотим оказывать влияние. Так перед нами открывается возможность совсем иначе использовать силу внушения; мы получаем власть над ней, не больной внушает себе то, что ему хочется, а мы руководим его внушением, насколько он вообще поддается его влиянию.

Теперь вы скажете, что назовем ли мы движущую силу нашего анализа перенесением или внушением, есть все-таки опасность, что влияние на пациента ставит под сомнение объективную достоверность наших данных. То, что идет на пользу терапии, приносит вред исследованию. Именно это возражение чаще всего выдвигалось против психоанализа, и нужно сознаться, что если оно и ошибочно, его все же нельзя отвергнуть как неразумное. Но если бы оно оказалось справедливым, то психоанализ стал бы не чем иным, как особенно хорошо замаскированным, особенно действенным видом суггестивного лечения, и мы могли бы несерьезно относиться ко всем его утверждениям о жизненных условиях, психической динамике, бессознательном. Так и полагают наши противники: особенно все то, что касается значимости сексуальных переживаний, если и не сами эти переживания, мы, должно быть, «внушили» больному, после того как подобные комбинации возникли в нашей собственной испорченной фантазии. Эти нападки легче опровергнуть ссылкой на опыт, чем с помощью теории. Тот, кто сам проводил психоанализ, мог бесчисленное множество раз убедиться в том, что нельзя больному что-либо внушить таким образом. Разумеется, его нетрудно сделать сторонником определенной теории и тем самым заставить участвовать в возможной ошибке врача. Он ведет себя при этом как всякий другой, как ученик, но этим путем можно повлиять только на его интеллект, а не на болезнь. Разрешить его конфликты и преодолеть его сопротивления удается лишь в том случае, если ему предлагаются такие возможные представления, которые в действительности у него имеются. Несоответствующие предположения врача отпадают в процессе анализа, от них следует отказаться и заменить более правильными. Тщательная техника помогает предупреждать

появление преждевременных успехов внушения, но нет опасности и в том, если такие успехи имеют место, потому что первый успех никого не удовлетворит. Анализ нельзя считать законченным, пока не поняты все неясности данного случая, не заполнены пробелы в воспоминаниях, не найдены поводы к вытеснениям. В слишком быстрых успехах видишь скорее помеху, чем содействие аналитической работе, и поэтому ликвидируешь достигнутое, вновь и вновь уничтожая перенесение, которое его обусловило. В сущности, этой последней чертой аналитическое лечение отличается от чисто суггестивного, а аналитические результаты не заподозришь в том, что они получены при помощи внушения. При любом другом суггестивном лечении перенесение тщательно оберегается и не затрагивается; при аналитическом же оно само есть объект лечения и разлагается на все формы своего проявления. К концу аналитического лечения само перенесение должно быть устранено, и если теперь возникает или сохраняется положительный результат, то он обусловлен не внушением, а достигнутым с его помощью преодолением внутренних сопротивлений, на происшедшем в больном внутреннем изменении.

Возникновению отдельных внушений противодействует то, что во время лечения мы беспрерывно должны бороться с сопротивлениями, которые могут превращаться в негативные (враждебные) перенесения. Мы не упустим случая сослаться также на то, что большое число частных результатов анализа, которые могли бы быть обусловлены внушением, подтверждаются с другой, не вызывающей сомнений, стороны. В нашу пользу в данном случае говорит анализ слабоумных и параноиков, у которых, конечно, нельзя заподозрить способности подпасть под суггестивное влияние. То, что эти больные рассказывают нам о переводах символов и фантазиях, проникших в их сознание, точно совпадает с результатами наших исследований бессознательного у страдающих неврозами перенесения и подтверждает, таким образом, объективную правильность наших толкований, часто подвергающихся сомнению. Полагаю, что вы не ошибетесь, поверив в этом пункте анализу.

Теперь мы хотим дополнить наше описание механизма выздоровления, представив его в формулах теории либидо. Невротик неспособен к наслаждению, потому что его либидо не направлено на объект, и он неработоспособен, потому что очень много своей энергии должен тратить на то, чтобы сохранять либидо в состоянии вытеснения и защищать себя от его напора. Он стал бы здоровым, если бы конфликт между его Я и либидо прекратился и Я опять могло бы распоряжаться либидо. Таким образом, задача терапии состоит в том, чтобы освободить либидо от его временных, отнятых у Я привязанностей и подчинить его опять Я. Где же находится либидо невротика? Найти нетрудно, оно связано с симптомами, временно доставляющими ему единственно возможное замещение удовлетворения. Нужно, следовательно, овладеть симптомами, уничтожить их, сделать как раз то, чего требует от нас больной. Для уничтожения симптомов необходимо вернуться к их возникновению, оживить конфликт, из которого они произошли, и по-другому разрешить его с помощью таких движущих сил, которыми больной в свое время не распола-

гал. Эта ревизия процесса вытеснения может осуществиться лишь отчасти по следам воспоминаний о процессах, которые привели к вытеснению. Решающая часть работы проделывается, когда в отношении к врачу, в перенесении создаются новые варианты старых конфликтов, в которых больной хотел бы вести себя так же, как он вел себя в свое время, между тем как, используя все находящиеся в распоряжении [пациента] душевные силы, его вынуждают принять другое решение. Таким образом, перенесение становится полем битвы, где сталкиваются все борющиеся между собой силы.

Все либидо, как и противодействие ему, концентрируется на отношении к врачу; при этом симптомы неизбежно лишаются либидо. Вместо настоящей болезни пациента выступает искусственно созданная болезнь перенесения, вместо разнообразных нереальных объектов либидо — опять-таки фантастический объект личности врача. Но новая борьба вокруг этого объекта с помощь врачебного внушения поднимается на высшую психическую ступень, она протекает как нормальный душевный конфликт. Благодаря тому что удается избежать нового вытеснения, отчужденность между Я и либидо прекращается и восстанавливается душевное единство личности. Когда либидо снова отделяется от временного объекта личности врача, оно не может вернуться к своим прежним объектам, и остается в распоряжении Я. Силами, против которых велась борьба во время этой терапевтической работы, являются, с одной стороны, антипатия Я к определенным направленностям либидо, выразившаяся в виде склонности к вытеснению, а с другой стороны, привязчивость или прилипчивость либидо, которое неохотно оставляет когда-то занятые (besetzte) им объекты.

Терапевтическая работа, таким образом, распадается на две фазы; в первой фазе все либидо оттесняется от симптомов в перенесение и там концентрируется, во второй фазе ведется борьба вокруг этого нового объекта, и либидо освобождается от него. При этом новом конфликте решающим для благоприятного исхода изменением является устранение вытеснения, так что либидо не может опять ускользнуть от Я при помощи бегства в бессознательное. Это становится возможным благодаря изменению Я, которое совершается под влиянием врачебного внушения. Благодаря работе толкования, превращающей бессознательное в сознательное, Я увеличивается за счет этого бессознательного, благодаря разъяснению оно мирится с либидо и склоняется допустить для него какое-то удовлетворение, а его страх перед требованиями либидо уменьшается благодаря возможности освободиться от его части посредством сублимации. Чем больше процессы при лечении совпадают с этим идеальным описанием, тем надежнее будет успех психоаналитической терапии. Предел этому успеху может положить недостаточная подвижность либидо, противящегося тому, чтобы оставить свои объекты, и упорство нарциссизма, не позволяющего перенесению выйти за известные границы. Может быть, мы поймем еще лучше динамику прогресса выздоровления, если заметим, что мы улавливаем все либидо, ушедшее из-под власти Я, отвлекая его часть на себя благодаря перенесению.

Уместно также предупредить, что из распределений либидо, установившихся во время лечения и благодаря ему, нельзя делать непосредственное заключение о распределении либидо во время болезни. Предположим, что нам удалось добиться благоприятного исхода какого-либо случая благодаря созданию и устранению перенесения сильных чувств с отца на врача, но было бы неправильно заключить, что больной раньше страдал такой бессознательной привязанностью своего либидо к отцу. Перенесение с отца — это только поле битвы, на котором мы одолеваем либидо; либидо больного было направлено туда с других позиций. Это поле битвы не всегда располагается возле одного из важных укреплений врага. Защита вражеской столицы не должна непременно происходить у ее ворот. Только после того, как перенесение опять устранено, можно мысленно реконструировать распределение либидо, имевшее место во время болезни.

С точки зрения теории либидо мы можем сказать последнее слово и по поводу сновидения. Сновидения невротиков, как и их ошибочные действия и свободно приходящие им в голову мысли, помогают нам угадать смысл симптомов и обнаружить размещение либидо. В форме исполнения желания они показывают нам, какие желания подверглись вытеснению и к каким объектам привязалось либидо, отнятое у Я. Поэтому в психоаналитическом лечении толкование сновидений играет большую роль и в некоторых случаях длительное время является самым важным средством работы. Мы уже знаем, что само состояние сна приводит к известному ослаблению вытеснения. Благодаря такому уменьшению оказываемого на него давления становится возможным гораздо более ясное выражение вытесненного побуждения во сне, чем ему может предоставить симптом в течение дня. Изучение сновидения становится самым удобным путем для ознакомления с вытесненным бессознательным, которому принадлежит и отнятое у Я либидо.

Но сновидения невротиков, по существу, не отличаются от сновидений нормальных людей; их, может быть, вообще нельзя отличить друг от друга. Нелепо было бы считать сновидения нервнобольных не имеющими отношения к сновидениям нормальных людей. Мы должны поэтому сказать, что различие между неврозом и здоровьем существует только днем, но не распространяется на жизнь во сне. Мы вынуждены перенести и на здорового человека ряд предположений, которые вытекают из отношения между сновидениями и симптомами у невротика. Мы не можем отрицать, что и здоровый человек имеет в своей душевной жизни то, что только и делает возможным как образование сновидений, так и образование симптомов, и мы должны сделать вывод, что и он произвел вытеснения и употребляет известные усилия, чтобы сохранить их, что его система бессознательного скрывает вытесненные, но все еще обладающие энергией побуждения и что *часть его либидо не находится в распоряжении его Я*. И здоровый человек, следовательно, является потенциальным невротиком, но сновидение, по-видимому, единственный симптом, который он способен образовать. Если подвергнуть более строгому анализу его жизнь в бодрствовании, то откроется то, что противоречит этой видимости, то,

что эта мнимоздоровая жизнь пронизана несметным количеством ничтожных, практически незначительных симптомов.

Различие между душевным здоровьем и неврозом выводится из практических соображений и определяется по результату — осталась ли у данного лица в достаточной мере способность наслаждаться и работоспособность? Оно сводится, вероятно, к релятивному отношению между оставшимся свободным и связанным вытеснением количествами энергии и имеет количественный, а не качественный характер. Мне незачем вам напоминать, что этот взгляд теоретически обосновывает принципиальную излечимость неврозов, несмотря на то что в основе их лежит конституциональная предрасположенность.

Вот все, что мы для характеристики здоровья можем вывести из факта идентичности сновидений у здоровых и невротиков. Но [при рассмотрении] самого сновидения мы делаем иной вывод: мы не должны отделять его от невротических симптомов, не должны думать, что его сущность заключается в формуле перевода мыслей в архаическую форму выражения, а должны допустить, что оно показывает нам действительно имеющиеся размещения либидо и его привязанности к объектам.

Мы скоро подойдем к концу. Быть может, вы разочарованы, что по теме психоаналитической терапии я изложил только теоретические взгляды и ничего не сказал об условиях, в которых начинается лечение, и об успехах, которых оно достигает. Но я опускаю и то, и другое. Первое — потому что я не собираюсь давать вам практическое руководство по проведению психоанализа, а второе — потому что меня удерживают от этого многие мотивы. В начале наших бесед я подчеркнул, что при благоприятных условиях мы добиваемся таких успехов в лечении, которые не уступают самым лучшим успехам в области терапии внутренних болезней, и я могу еще добавить, что их нельзя было бы достичь никаким другим путем. Скажи я больше, меня заподозрили бы в том, что я хочу рекламой заглушить ставшие громкими голоса недовольства. В адрес психоаналитиков неоднократно даже на официальных конгрессах выражалась угроза со стороны врачей-«коллег», что собранием случаев неудач анализа и причиненного им вреда они откроют глаза страждущей публике на малоценность этого метода лечения. Но такое собрание, независимо от злобного, доносоподобного характера этой меры, не смогло бы предоставить возможность выработать правильное суждение о терапевтической действенности анализа. Аналитическая терапия, как вы знаете, молода; нужно было много времени, чтобы выработать соответствующую технику, и это могло произойти только во время работы и под влиянием возрастающего опыта. Вследствие трудностей обучения врач, начинающий заниматься психоанализом, в большей мере, чем другой специалист, вынужден совершенствоваться самостоятельно, и успехи первых его работ никогда не позволяют судить о действительной эффективности аналитической терапии.

Многие попытки лечения не удались в первое время использования анализа, потому что он применялся в случаях, которые вообще не подходят для этого метода и которые сегодня мы исключаем благодаря на-

шим взглядам на его назначение. Но это назначение могло быть установлено только на основании опыта. В свое время не знали заранее, что паранойя и Dementia praecox в ярко выраженных формах неподвластны анализу, и пытались применять этот метод при всех заболеваниях. Однако большинство неудач первых лет произошло не по вине врача или вследствие неподходящего объекта, а из-за неблагоприятных внешних условий. Нашей темой были только внутренние сопротивления пациента, которые неизбежны и преодолимы. Внешние сопротивления, оказываемые анализу условиями жизни больного, его окружением, имеют незначительный теоретический интерес, но огромное практическое значение. Психоаналитическое лечение можно сравнить с хирургическим вмешательством, и оно тоже требует самых благоприятных условий для удачного проведения. Вы знаете, какие меры обычно предпринимает при этом хирург: соответствующее помещение, хорошее освещение, ассистенты, отстранение родственников и т. д. А теперь спросите себя, сколько из этих операций закончилось бы благополучно, если бы они делались в присутствии всех членов семьи, сующих свой нос в операционное поле и громко вскрикивающих при каждом разрезе ножа. При психоаналитическом лечении вмешательство родственников — прямая опасность и именно такая, к которой не знаешь, как отнестись. Мы готовы к внутренним сопротивлениям пациента, которые считаем необходимыми, но как защититься от этих внешних сопротивлений? С родственниками пациента нельзя справиться при помощи каких-либо разъяснений, их невозможно убедить держаться в стороне от всего дела, и никогда нельзя быть с ними заодно, потому что рискуешь потерять доверие больного, который справедливо требует, чтобы лицо, пользующееся его доверием, было на его стороне. Кто вообще знает, какие разногласия часто раздирают семью, тот и в качестве аналитика не будет удивлен, узнав, что близкие больного проявляют подчас меньше интереса к его выздоровлению, чем к тому, чтобы он остался таким, каков он есть. Там, где невроз связан с конфликтами между членами семьи, как это часто бывает, здоровый долго не раздумывает над выбором между своим интересом и выздоровлением больного. Нечего удивляться, что мужу не нравится лечение, при котором, как он имеет основание предполагать, вскрывается ряд его прегрешений; мы не только не удивляемся этому, но и не можем упрекать себя, если наши усилия остаются бесплодными или преждевременно прекращаются, потому что к сопротивлению больной женщины прибавляется сопротивление мужа. Мы стремимся к чему-то такому, что в существующих условиях было невыполнимо.

Вместо многих случаев я расскажу лишь один, когда я из врачебных соображений был осужден на роль пострадавшего. Много лет тому назад я приступил к аналитическому лечению молодой девушки, которая из-за страха уже долгое время не могла выходить на улицу и оставаться одна дома. Больная постепенно призналась, что ее фантазией завладели случайные свидетельства существования нежных отношений между ее матерью и состоятельным другом дома. Но она была такой неловкой или такой хитрой, что намекнула матери на то, что обсуждалось на аналитиче-

ских сеансах, причем, изменив свое поведение по отношению к матери, она настаивала на том, чтобы только мать избавляла бы ее от страха оставаться одной и, когда та хотела уйти из дома, полная страха, преграждала ей дорогу к двери. Мать сама раньше была очень нервной, но несколько лет тому назад вылечилась в гидропатической лечебнице. Заметим к этому, что в той лечебнице она познакомилась с мужчиной, с которым могла вступить в сношения, удовлетворившие ее во всех отношениях. Пораженная бурными требованиями девушки, мать *вдруг* поняла, что означал страх ее дочери. Она позволила себе заболеть, чтобы сделать мать пленницей и лишить ее свободы передвижения, необходимой для встречи с возлюбленным. Быстро приняв решение, мать покончила с вредным лечением. Девушка была доставлена в лечебницу для нервнобольных и в течение многих лет ее демонстрировали как «несчастпую жертву психоанализа». Так же долго из-за отрицательного результата лечения этого случая обо мне ходила дурная молва. Я хранил молчание, потому что считал себя связанным долгом врачебной тайны. Много времени спустя я узнал от своего коллеги, который посетил ту лечебницу и видел там девушку, страдавшую агорафобией, что отношения между ее матерью и состоятельным другом дома известны всему городу и пользуются одобрением мужа и отца. Итак, в жертву этой «тайне» было принесено лечение.

В довоенные годы, когда наплыв больных из многих стран сделал меня независимым от милостей или немилостей родного города, я следовал правилу не браться за лечение больного, который не был бы *sui juris* *, независимым от других в своих существенных жизненных отношениях. Не всякий психоаналитик может себе это позволить. Может быть, из моих предостережений против родственников вы сделаете вывод, что в интересах психоанализа больных следует изолировать от их семей, т. е. ограничить эту терапию обитателями лечебниц для нервнобольных. Однако я не могу с вами в этом согласиться; гораздо лучше, если больные — поскольку они не находятся в состоянии тяжелого истощения — остаются во время лечения в тех условиях, в которых им предстоит преодолевать поставленные перед ними задачи. Только родные своим поведением не должны лишать их этого преимущества и вообще не противиться с враждебностью усилиям врача. Но как вы заставите действовать в этом направлении недоступные нам факторы! Вы, конечно, догадываетесь также, насколько шансы на успех лечения определяются социальной средой и уровнем культуры семьи.

Не правда ли, это намечает весьма печальную перспективу усиления действенности психоанализа как терапии, даже если подавляющее большинство наших неудач мы можем объяснить, учитывая мешающие внешние факторы! Тогда сторонники анализа посоветовали нам ответить на собрание неудач составленной нами статистикой успехов. Я и на это не согласился. Я выдвинул довод, что статистика ничего не стоит, если

---

* Самостоятельным (*лат.*).— *Примеч. пер.*

включенные в нее единицы слишком неоднородны, а случаи невротического заболевания, подвергнутые лечению, были действительно неравноценны в самых различных отношениях. Кроме того, рассматриваемый период времени был слишком короток, чтобы судить об окончательном излечении, а о многих случаях вообще нельзя было сообщать. Это касалось лиц, которые скрывали свою болезнь, а также тех, лечение и выздоровление которых тоже должно было оставаться тайной. Но сильнее всего удерживало сознание того, что в делах терапии люди ведут себя крайне иррационально, так что нет никакой надежды добиться от них чего-нибудь разумными средствами. Терапевтическое новшество встречается либо с опьяняющим восторгом, например, тогда, когда Кох сделал достоянием общественности свой первый туберкулин против туберкулеза, либо с глубоким недоверием, как это было с действительно полезной прививкой Дженнера, которая по сей день имеет своих непримиримых противников. Против психоанализа имелось явное предубеждение. Если излечивался трудный случай, можно было слышать: это не доказательство, за это время он и сам мог бы выздороветь. И если больная, которая прошла уже четыре цикла удрученности и мании, попала ко мне на лечение во время паузы после меланхолии и три недели спустя у нее опять началась мания, то все члены семьи, а также врач с большим авторитетом, к которому обратились за советом, были убеждены, что новый приступ может быть только следствием сделанной с ней попыткой анализа. Против предубеждений ничего нельзя сделать; теперь вы видите это на предубеждениях, которые одна группа воюющих народов проявила против другой. Самое разумное — ждать и предоставить времени обнаружить их состоятельность. В один прекрасный день те же самые люди о тех же самых вещах начинают думать совсем иначе, чем прежде; почему они раньше так не думали, остается темной тайной.

Возможно, что предубеждение против аналитической терапии уже теперь пошло на убыль. В пользу этого как будто свидетельствуют непрерывное распространение аналитических теорий, увеличение в некоторых странах числа врачей, лечащих анализом. Когда я был молодым врачом, то встретился с такой же бурей возмущения врачей против гипнотического суггестивного лечения, которое «трезвые головы» теперь противопоставляют психоанализу. Но гипнотизм как терапевтическое средство не сделал того, что обещал вначале; мы, психоаналитики, можем считать себя его законными наследниками и не забываем, насколько обязаны ему поддержкой и теоретическими разъяснениями. Приписываемый психоанализу вред ограничивается в основном проходящими явлениями вследствие обострения конфликта, если анализ проводится неумело или если он обрывается на середине. Вы ведь слышали отчет о том, что мы делаем с больными, и можете сами судить, способны ли наши действия нанести длительный вред. Злоупотребление анализом возможно в различных формах; особенно перенесение является опасным средством в руках недобросовестного врача. Но от злоупотребления не застраховано ни одно медицинское средство или метод; если нож не режет, он тоже не может служить выздоровлению.

Вот я и подошел к концу, уважаемые дамы и господа. И это больше, чем привычный речевой оборот, если я признаю, что меня самого удручают многочисленные недостатки лекций, которые я вам прочел. Прежде всего, мне жаль, что я так часто обещал вам вернуться к едва затронутой теме в другом месте, а затем общая связь изложения не давала мне возможности сдержать свое обещание. Я взялся за то, чтобы познакомить вас с еще не законченным, находящимся в развитии предметом, и мое сокращенное обобщение само вышло неполным. В некоторых местах я приготовил материал для вывода, а сам не сделал его. Но я и не рассчитывал на то, чтобы сделать из вас знатоков, я хотел лишь просветить вас и пробудить ваш интерес.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕКЦИЙ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ

(1933 [1932])

Предисловие

Лекции по введению в психоанализ были прочитаны в лекционном зале Венской психиатрической клиники в течение двух зимних семестров 1915/16 г. и 1916/17 г. для смешанной аудитории слушателей всех факультетов. Лекции первой части возникли как импровизация и были потом сразу же записаны, лекции второй части были подготовлены летом во время пребывания в Зальцбурге и без изменений следующей зимой прочитаны слушателям. Тогда у меня еще была фонографическая память.

В отличие от прошлых данные новые лекции никогда прочитаны не были. По возрасту я освобожден даже от такого незначительного участия в делах университета, как чтение лекций, да и хирургическая операция не позволяет мне больше выступать в качестве оратора. Поэтому лишь силой фантазии я вновь перенесусь в аудиторию для изложения последующего материала – пусть она поможет мне не забывать оглядываться на читателя при углублении в предмет.

Эти новые лекции ни в коей мере не заменяют предыдущие. Они вообще не являются чем-то самостоятельным и не рассчитаны на свой круг читателей, а продолжают и дополняют ранние лекции и по отношению к ним распадаются на три группы. К первой группе относятся те, в которых вновь разрабатываются темы, уже обсуждавшиеся пятнадцать лет тому назад, но требующие сегодня другого изложения, т. е. критического пересмотра по причине углубления наших взглядов и изменения воззрений. Две другие группы включают, собственно, более обширный материал, где рассматриваются случаи, которых либо вообще не существовало в то время, когда читались первые лекции по психоанализу, либо их было слишком мало, чтобы выделить в особую главу. Нельзя избежать того, да об этом не стоит и сожалеть, что некоторые из этих новых лекций объединят в себе черты той и другой группы.

Зависимость этих новых лекций от *Лекций по введению* выражается и в том, что они продолжают их нумерацию. Первая лекция этого тома – 29-я. Профессиональному аналитику они дадут опять-таки мало нового, а обращаются к той большой группе образованных людей, которые могли бы проявить благосклонный, хотя и сдержанный интерес к своеобразию и достижениям молодой науки. И на этот раз моей основной целью было не стремиться к кажущейся простоте, полноте и законченности, не скрывать проблем, не отрицать пробелов и сомнений. Ни в какой другой области научной работы не нужно было бы выказывать такой готовности к разумному самоотречению. Всюду она считается естественной, публика иного и не ждет. Ни один читающий работы по астрономии не почувствует себя разочарованным и стоящим выше науки, если ему укажут границы, у которых наши знания о вселенной становятся весьма туманными. Только в психологии все по-другому, здесь органическая непригодность человека к научному исследованию проявляет себя в полной мере. От психологии как будто требуют не успехов в познании, а каких-то других достижений; ее упрекают в любой нерешенной проблеме, в любом откровенно высказанном сомнении. Кто любит науку о жизни души, тот должен примириться и с этой несправедливостью.

Вена, лето 1932 г. *Фрейд*

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Пересмотр теории сновидений

Уважаемые дамы и господа! Собрав вас после более чем пятнадцатилетнего перерыва, чтобы обсудить, что нового, а может быть, и лучшего внесено за это время в психоанализ, я нахожу во всех отношениях оправданным и уместным обратить ваше внимание прежде всего на состояние теории сновидений. В истории психоанализа она занимает особое место, знаменуя собой поворотный пункт; благодаря ей психоанализ сделал шаг от психотерапевтического метода к глубинной психологии. С тех пор теория сновидений остается самым характерным и самым своеобразным в этой молодой науке, не имеющим аналогов в наших прочих учениях, участком целины, отвоеванным у суеверий и мистики [60]. Необычность выдвигаемых ею утверждений превратила ее в пробный камень, с помощью которого окончательно определилось, кто смог стать приверженцем психоанализа, а для кого он так и остался навсегда непостижимым. Для меня самого она была надежным ориентиром в те трудные времена, когда непонятные явления в области неврозов подчас смущали мое неокрепшее суждение. И как бы часто я ни начинал сомневаться в правильности своих шатких выводов, всякий раз, когда мне удавалось представить видевшему сон бессмысленное, запутанное сновидение как правильный и понятный душевный процесс, я снова обретал уверенность в том, что нахожусь на верном пути.

Таким образом, для нас представляет особый интерес именно на примере теории сновидений проследить, какие изменения произошли за это время, с одной стороны, в психоанализе и, с другой, какие успехи были достигнуты в понимании и оценке этой теории окружающими. Сразу же предупреждаю вас, что в обоих случаях вас ждет разочарование.

Давайте вместе перелистаем выпуски *Международного журнала по лечебному психоанализу*, в которых с 1913 г. собраны ведущие работы в нашей области. В первых томах вы найдете постоянную рубрику «О толковании сновидений» с многочисленными статьями по различным аспектам теории сновидений. Но чем дальше, тем реже будут попадаться такие статьи, пока постоянная рубрика не исчезнет совсем. Аналитики ведут себя так, как будто им больше нечего сказать о сновидении, как будто разработка теории сновидений полностью завершена. Но если вы спросите, что думают о толковании сновидений лица, стоящие несколько в стороне,— многочисленные психиатры и психотерапевты, греющие руки у нашего костра, кстати даже не считая нужным поблагодарить за гостеприимство, так называемые образованные люди, которые имеют обыкновение подхватывать научные сенсации, литераторы и ши-

рокая публика, то ответ будет еще менее утешительным. Некоторые положения стали общеизвестны, среди них и такие, которых мы никогда не выдвигали, как, например, тезис о том, что все сновидения будто бы носят сексуальный характер, а такие важные вещи, как принципиальное различие между явным содержанием сновидения и его скрытыми мыслями, или положение, согласно которому сновидения, сопровождающиеся страхами, не противоречат такой функции сновидения, как исполнение желаний, или невозможность толкования сновидения, если не располагаешь относящимися к нему ассоциациями видевшего сон, и прежде всего вывод о том, что сутью сновидения является процесс работы сновидения,— все это от всеобщего сознания, по-видимому, почти так же далеко, как и тридцать лет тому назад. Я имею право говорить так, потому что за это время получил бесчисленное множество писем, авторы которых предлагают сновидения для толкования или требуют сведений о природе сновидения, утверждая, что прочли *Толкование сновидений* (1900а), и все-таки выдавая в каждом предложении свое полное непонимание нашей теории сновидений. Это побуждает нас еще раз последовательно изложить все, что мы знаем о сновидениях. Вы помните, что в прошлый раз мы посвятили целый ряд лекций тому, чтобы показать, как мы пришли к пониманию этого до сих пор еще не объясненного психического феномена.

Итак, если нам кто-то, например пациент, во время психоанализа, рассказывает о каком-то своем сновидении, мы предполагаем, что он делает нам одно из тех сообщений, к которым его обязывает лечение аналитическим методом. Правда, сообщение неподходящими средствами, ведь само по себе сновидение не является социальным проявлением или средством общения. Мы ведь тоже не понимаем, что нам хотел сказать видевший сон, да и сам он знает это не лучше. Здесь нам необходимо сразу же принять решение: или, как уверяют нас врачи-непсихоаналитики, сновидение свидетельствует о том, что видевший сон просто плохо спал, что не все части его мозга одинаково оказались в состоянии покоя, что отдельные его участки под влиянием неизвестных раздражителей продолжали работать и делали это весьма несовершенным образом. Если это так, то мы вправе не заниматься больше этим бесполезным продуктом психики, мешающим ночному сну. Что полезного для наших целей можно ожидать от его исследования? Или же, заметим себе, мы заранее принимаем другое решение. Мы предполагаем, постулируем — признаюсь, достаточно произвольно, что даже это непонятное сновидение является полноправным, осмысленным и весьма значимым психическим актом, который мы можем использовать при анализе как еще одно сообщение пациента. Правы ли мы, покажет только успешность исследования. Если нам удастся превратить сновидение в такое значимое высказывание, то перед нами, очевидно, откроется перспектива узнать новое, получить сообщения такого характера, которые иначе остались бы для нас недоступными.

Ну а теперь перед нами встают все трудности поставленной задачи и загадки рассматриваемой проблемы. Каким же образом превратить

сновидение в такое нормальное сообщение и как объяснить тот факт, что часть высказываний пациента принимает непонятную как для него, так и для нас форму?

Вы видите, уважаемые дамы и господа, что на этот раз я иду путем не генетического, а догматического изложения. Первым нашим шагом будет новая установка по отношению к проблеме сновидения благодаря введению двух новых понятий, названий. То, что называют сновидением, мы называем текстом сновидения, или *явным* сновидением, а то, что мы ищем, предполагаем, так сказать, за сновидением,— *скрытыми* мыслями сновидения. Обе наши задачи мы можем сформулировать далее следующим образом: мы должны явное сновидение превратить в скрытое и представить себе, каким образом в душевной жизни видящего сон это последнее становится первым. Первая часть работы — практическая, это задача *толкования сновидений*, требующая определенной техники; вторая — теоретическая, она должна объяснить предполагаемый процесс *работы сновидения* и может быть только теорией. И технику толкования сновидений, и теорию работы сновидения следует создать заново.

С чего же мы начнем? Я полагаю, с техники толкования сновидений; это будет нагляднее и произведет на вас более живое впечатление.

Итак, пациент рассказал сновидение, которое мы должны истолковать. Мы его спокойно выслушали, не пускаясь в размышления. Что мы делаем сначала? Постараемся менее всего заботиться о том, что услышали, т. е. о *явном* сновидении. Конечно, это явное сновидение обладает всевозможными свойствами, которые нам отнюдь не безразличны. Оно может быть связным, четким по композиции, как поэтическое произведение, или непонятно запутанным, почти как бред, может содержать элементы абсурдного или остроты и кажущиеся глубокими умозаключения, оно может быть для видевшего сон ясным и отчетливым или смутным и расплывчатым, его образы могут обнаружить полную силу чувственных восприятий или быть как тени, как неясное дуновение, в одном сновидении могут сойтись самые различные признаки, присущие разным вещам, наконец, сновидение может быть окрашено в индифферентный эмоциональный тон или сопровождаться сильнейшими радостными или неприятными эмоциями — не думайте, что мы не придаем никакого значения этому бесконечному многообразию явного сновидения, позднее мы к нему вернемся и найдем в нем очень много ценного для толкования, но пока оставим его и пойдем тем главным путем, который ведет нас к толкованию сновидения. Это значит, что мы потребуем от видевшего сон освободиться от впечатления явного сновидения, направив его внимание от целого к отдельным фрагментам содержания сновидения и предложив сообщить нам по порядку, что ему приходит в голову по поводу каждого из этих фрагментов, какие у него возникают ассоциации, если он рассмотрит их в отдельности.

Неправда ли, это особая техника, а не привычный способ обращения с сообщением или высказыванием? Вы догадываетесь, конечно, что за этим приемом кроются предпосылки, которые еще не были высказаны.

Но пойдем дальше. В какой последовательности мы предлагаем пациенту рассматривать фрагменты его сновидения? Здесь перед нами открывается несколько путей. Мы можем придерживаться хронологического порядка, который вытекает из рассказа сновидения. Это, так сказать, самый строгий, классический метод. Или мы можем попросить видевшего сон найти сначала в сновидении *остатки дневных впечатлений*, потому что опыт учит нас, что почти в каждом сновидении всплывает какой-то фрагмент воспоминания или намек на событие предшествующего сновидению дня, часто на несколько таких событий, и если мы последуем за этими связями, то часто сразу же найдем переход от кажущегося далеким мира сновидения к реальной жизни пациента. Или же мы предложим ему начать с тех элементов содержания сновидения, которые ему запомнились вследствие их особой отчетливости и чувственной силы. А нам известно, что как раз при помощи этих элементов ему будет особенно легко вызвать ассоциации. Безразлично, каким именно из этих способов мы получим искомые ассоциации.

И вот мы вызвали эти ассоциации. Чего в них только нет: воспоминания о вчерашнем дне, о дне, предшествовавшем сновидению, и о давно минувших временах, размышления, дискуссии со всеми за и против, признания и вопросы. Некоторые из них так и сыплются из пациента, перед другими он на какой-то момент останавливается. Большинство из них обнаруживает четкую связь с каким-либо элементом сновидения; это неудивительно, ведь они исходят из этих элементов, но случается, что пациент предваряет их словами: «Кажется, это не имеет никакого отношения к сновидению, я говорю об этом потому, что это пришло мне в голову».

Выслушав этот поток внезапных мыслей, вскоре замечаешь, что с содержанием сновидения они более тесно связаны, чем просто как исходные моменты. Они вдруг высвечивают все части сновидения, заполняют пробелы между ними, делают понятными их странные сочетания. Наконец, становится ясным соотношение между ними и содержанием сновидения. Сновидение является краткой выжимкой из ассоциации, которая была сделана по пока еще непонятным правилам, а его элементы выступают как бы избранными представителями всего их множества. Несомненно, что благодаря нашей технике мы получили то, что замещается сновидением и в чем заключается психическая ценность сновидения, но что уже больше не имеет странных особенностей сновидения, его необычности и запутанности.

Но поймите меня правильно! Ассоциации к сновидению еще не являются скрытыми мыслями сновидения. Последние содержатся в ассоциациях, как в маточном растворе, но не целиком. С одной стороны, ассоциации дают гораздо больше, чем нам нужно для формулировки скрытых мыслей сновидения, а именно все рассуждения, переходы, связи, которые интеллект пациента должен произвести для приближения к мыслям сновидения. С другой стороны, ассоциация часто останавливается как раз перед мыслями сновидения, только приблизившись к ним и едва коснувшись их намеком. Тогда мы вмешиваемся сами, дополняя

лишь слегка обозначенное, делаем неопровержимые выводы, высказываем то, что пациент в своих ассоциациях лишь вскользь упомянул. Все тогда начинает выглядеть так, как будто мы шутя и весьма произвольно играем с материалом, который видевший сон предоставил в наше распоряжение, и злоупотребляем этим, истолковывая его высказывания в таком смысле, который им не был присущ; однако абстрактными рассуждениями показать правомерность нашего подхода нелегко. Попробуйте лучше сами проанализировать какое-нибудь сновидение или углубитесь в какой-нибудь хорошо описанный в литературе пример, и вы убедитесь, насколько обоснованна такая практика толкования[61].

Если при толковании сновидения мы зависим вообще и в первую очередь от ассоциаций видевшего сон, то по отношению к определенным элементам содержания сновидения мы действуем все же совершенно самостоятельно и прежде всего потому, что иначе нельзя, поскольку ассоциации тут, как правило, не годятся. Мы заранее отметили, что это относится к вполне определенным содержаниям, их не так много, и накопленный опыт учит нас тому, что их следует понимать и толковать как *символы* чего-то другого. В отличие от других элементов сновидения им можно приписать постоянное значение, которое необязательно должно быть одним и тем же, его объем определяется особыми, привычными для нас правилами. Поскольку мы умеем переводить эти символы, а видевший сон — нет, хотя он сам их употребил, может случиться, что смысл сновидения станет для нас совершенно ясен еще до попыток его толкования, как только мы услышим текст сновидения, в то время как сам видевший сон еще озадачен. Но о символике, наших знаний о ней, о проблемах, которые она перед нами ставит, я уже так много говорил в предыдущих лекциях, что сегодня нет нужды повторяться.

Таков наш метод толкования сновидений. Возникает следующий, вполне оправданный вопрос: можно ли с его помощью толковать все сновидения? И ответ на него таков: нет, не все, но столь многие, что это убеждает в пригодности и оправданности метода. Почему же, однако, не все? Нижеследующий ответ даст нам нечто важное для понимания психических условий образования сновидения: потому что работа по толкованию сновидений совершается вопреки сопротивлению, которое может меняться от едва заметных величин до степени совершенно непреодолимой преграды, по крайней мере, для средств воздействия, которыми мы располагаем в настоящее время. Проявлений этого сопротивления нельзя не заметить в процессе работы. В некоторых случаях ассоциации возникают незамедлительно, и уже первая или вторая из них все проясняет. В других случаях пациент спотыкается и медлит, прежде чем высказать какую-то ассоциацию, и тогда зачастую приходится выслушивать длинную цепь приходящих ему в голову мыслей, пока не получишь нечто подходящее для понимания сновидения. Мы справедливо считаем, что, чем длиннее и запутаннее ассоциативная цепь, тем сильнее сопротивление. И в забывании сновидений нам видится то же влияние. Довольно часто случается, что пациент, несмотря на все усилия, не может вспомнить какое-нибудь из своих сновидений. Но после того, как мы на

каком-то этапе аналитической работы устраним затруднение, которое мешало правильному отношению пациента к анализу, забытое сновидение неожиданно восстанавливается. К этому имеют отношение и два других наблюдения. Очень часто случается, что из какого-то сновидения сначала выпадает фрагмент, который затем прибавляется как дополнение. Это следует понимать как попытку забыть этот фрагмент. Опыт показывает, что именно этот фрагмент имеет наибольшее значение; мы предполагаем, что его сообщению препятствовало более сильное сопротивление, чем сообщению других. Далее, мы часто замечаем, что видевший сон сам старается противодействовать забыванию своих сновидений, записывая их непосредственно после пробуждения. Мы можем ему сказать, что это бесполезно, так как сопротивление, у которого он отвоевал содержание сновидения, переносится тогда на ассоциацию и делает явное сновидение недоступным для толкования. При этих условиях не приходится удивляться, если дальнейшее усиление сопротивления вообще подавляет ассоциации, лишая тем самым возможности толкования сновидения.

Из всего этого мы делаем вывод, что сопротивление, которое мы замечаем при работе над толкованием сновидения, должно участвовать и в возникновении сновидения. Различаются сновидения, которые возникают при наличии незначительного или большого давления сопротивления. Но и это давление неодинаково на протяжении одного сновидения; оно виновато в пробелах, неясностях, путанице, которые могут нарушить связность самого прекрасного сновидения.

Но что же создает это сопротивление и против чего оно? Сопротивление является для нас верным признаком некоего конфликта. Видимо, есть какая-то сила, которая хочет что-то выразить, и есть другая, которая стремится не допустить этого. То, что затем представляется явным сновидением, объединяет в себе все решения, в которых воплотилась эта борьба двух стремлений. В одном месте, видимо, одной силе удалось пробиться и сказать, что ей хотелось, в других местах противоборствующей инстанции посчастливилось полностью погасить готовящееся сообщение или заменить его чем-то, что не несет на себе никакого его следа. Чаще всего встречаются и наиболее характерны для возникновения сновидения случаи, в которых конфликт выливается в компромисс, так что сообщающая инстанция может сказать, что ей хотелось, но не так, как ей хотелось, а лишь смягченно, искаженно и невнятно. Итак, если сновидение передает мысли сновидения неточно, если оно нуждается в толковании, чтобы перебросить мост через пропасть между ними, то это заслуга сопротивляющейся, тормозящей и ограничивающей инстанции, которую мы обнаружили благодаря сопротивлению при толковании сновидения. Пока мы изучали сновидение как изолированный феномен, независимо от родственных ему психических образований, мы называли эту инстанцию *цензором сновидения.*

Вы давно знаете, что эта цензура не является чем-то особенным в жизни сновидений, что конфликт двух психических инстанций, которые мы неточно называем бессознательным вытесненным и сознательным,

вообще управляет нашей психической жизнью и что сопротивление толкованию сновидения, как признак цензуры сновидения, есть не что иное, как сопротивление вытеснения (Verdrängungswiderstand), благодаря которому эти обе инстанции отделяются друг от друга. Вы знаете также, что из их конфликта при определенных условиях возникают другие психические структуры, которые так же, как и сновидение, являются результатом компромиссов, и не будете настаивать, чтобы я повторял вам здесь все, что содержится во введении в теорию неврозов, дабы продемонстрировать то, что нам известно об условиях образования таких компромиссов. Вы поняли, что сновидение является патологическим продуктом, первым звеном цепи, которая включает истерический симптом, навязчивое представление, бредовую идею, но отличается от них преходящим характером и тем, что он возникает в условиях, свойственных нормальной жизни. Так что будем придерживаться мнения, что жизнь сновидения— как сказал еще Аристотель — это способ работы нашей души в состоянии сна. Состояние сна представляет собой отход от реального внешнего мира, и этим создается условие для развития психоза. Самое тщательное изучение тяжелых психозов не даст нам признака, более характерного для этого болезненного состояния. Но при психозе отход от реальности возникает двояким образом: или когда вытесненное бессознательное становится сверхсильным настолько, что берет верх над зависящим от реальности сознательным, или когда реальность несет в себе столько невыносимого страдания, что подвергнутое угрозе Я в отчаянном протесте бросается в руки бессознательных влечений. Безобидный психоз сновидения является следствием сознательно желаемого и лишь временного отхода от внешнего мира, и он исчезает при возобновлении отношений с этим миром. При изоляции спящего изменяется также распределение его психической энергии; часть энергии вытеснения, которая обычно используется для усмирения бессознательного, может быть сэкономлена, потому что даже если оно [бессознательное] использовало бы ее относительное высвобождение для своей активности, то обнаружило бы, однако, что путь к двигательной сфере закрыт, а открыт лишь путь к безобидному галлюцинаторному удовлетворению. Вот тут-то и может возникнуть сновидение; но факт существования цензуры сновидения показывает, что и во время сна сохраняется все еще достаточное сопротивление вытеснения.

Здесь нам открывается путь для ответа на вопрос, выполняет ли сновидение тоже какую-то функцию, доверена ли ему какая-то полезная работа. Лишенный всяких раздражений покой, который хотело бы создать состояние сна, подвержен опасностям с трех сторон: более случайным образом со стороны внешних раздражителей во время сна и со стороны дневных интересов, которые не исчезают, и неизбежно со стороны неудовлетворенных вытесненных влечений, которые так и ждут возможности проявиться. Вследствие ослабления вытеснений в ночное время имелась бы опасность нарушения сна каждый раз, когда внешнее и внутреннее возбуждение могло бы вступить в связь с одним из источников бессознательных влечений. Процесс сновидения позволяет превра-

тить продукт такого взаимодействия в безвредное галлюцинаторное переживание, обеспечивая таким образом продолжение сна. Выполнению этой функции ни в коей мере не противоречит и тот факт, что иногда страшное сновидение будит спящего; это, скорее, сигнал того, что ночной страж считает ситуацию слишком опасной и не верит уже в возможность справиться с ней. Нередко еще во сне мы слышим утешение, призванное предотвратить пробуждение: да ведь это же только сон!

Вот и все, что я хотел сказать вам, уважаемые дамы и господа, о толковании сновидений, задача которого — прийти от явного сновидения к скрытым его мыслям. Их получением и исчерпывается чаще всего интерес практического анализа к сновидению. Сообщение, полученное в форме сновидения, прибавляется к другим, и анализ продолжается. Нам же интересно еще немного задержаться на теме сновидения; нас привлекает возможность изучить процесс превращения скрытых мыслей сновидения в явное сновидение. Мы называем его работой сновидения. Вы помните, я разбирал его подробно в предыдущих лекциях, так что в сегодняшнем обзоре я могу ограничиться самыми краткими выводами.

Итак, процесс работы сновидения является чем-то совершенно новым и непривычным, ничего подобного раньше известно не было. Он дал нам возможность впервые заглянуть в процессы, происходящие в системе бессознательного, показав, что они совершенно иные, чем то, что мы знаем о нашем сознательном мышлении, которому они, должно быть, кажутся неслыханными и ошибочными. Значение этих открытий возросло еще больше, когда узнали, что при образовании невротических симптомов действуют те же механизмы (мы не решаемся сказать: мыслительные процессы), которые превращают скрытые мысли сновидения в явное сновидение.

При дальнейшем изложении невозможно избежать схематичности. Предположим, что мы исследуем в определенном случае все те скрытые, более или менее аффективно заряженные мысли, которые после толкования выступили вместо явного сновидения. Нам бросается в глаза различие между ними, и это различие далеко уведет нас. Почти все эти мысли сновидения узнаются или признаются видевшим сон; он сознается, что думал так в этот или в другой раз, или он мог бы так думать. Только против предположения одной-единственной мысли он энергично возражает: эта мысль ему чужда, может быть, даже отвратительна; возможно, он отметет ее в страстном возбуждении. И тогда нам становится ясно, что другие мысли — это фрагменты сознательного, вернее говоря, предсознательного мышления; они могли появиться и в бодрствующем состоянии, вероятно также, что они возникли в течение дня. Но эта единственная отвергаемая мысль или, точнее, это единственное побуждение — порождение ночи; оно относится к области бессознательного видевшего сон, поэтому и отвергается, отбрасывается им. Оно как бы дожидалось ослабления вытеснения ночью, чтобы каким-то образом проявиться. Это проявление всегда смягчено, искажено, замаскировано; без работы над толкованием сновидения мы бы его не нашли. Благодаря связи с другими безупречными мыслями сновидения это бес-

сознательное влечение в замаскированном виде проскальзывает через ограничение цензуры; с другой стороны, предсознательные мысли сновидения благодаря этой же связи обладают возможностью занимать душевную жизнь и во время сна. Ибо мы нисколько не сомневаемся, что это бессознательное влечение и есть, собственно, создатель сновидения, для его образования ему требуется психическая энергия. Как и любое другое влечение, оно стремится ни к чему иному, как к своему собственному удовлетворению, и наш опыт толкования сновидений тоже показывает, что это и является смыслом всего сновидения. В любом сновидении влечение должно предстать как осуществленное. Ночная изолированность душевной жизни от реальности и ставшая возможной благодаря ей регрессия к примитивным механизмам приводят к тому, что это желаемое удовлетворение влечения переживается галлюцинаторно как реальное. Вследствие этой же регрессии представления в сновидении переводятся в зрительные образы, т. е. скрытые мысли сновидения драматизируются и иллюстрируются.

Из этого этапа работы сновидения мы узнаем о некоторых наиболее ярких и особенных чертах сновидения. Я еще раз скажу о порядке возникновения сновидения. Исходное состояние: желание спать, намеренный отказ от внешнего мира. Два его следствия для душевного аппарата: во-первых, возможность проявления в нем более древних и примитивных способов работы — регрессии, во-вторых, ослабление сопротивления вытеснения, тяготеющего над бессознательным. Как следствие этого последнего момента возникает возможность образования сновидения, которую и используют поводы — ожившие внутренние и внешние раздражители. Сновидение, возникшее таким образом, представляет собой уже компромиссное образование; оно выполняет двоякую функцию: с одной стороны, оно удовлетворяет Я, когда служит желанию спать путем освобождения от нарушающих сон раздражений, с другой стороны, оно позволяет вытесненному влечению возможное в этих условиях удовлетворение в форме галлюцинаторного исполнения желания. Но весь допускаемый спящим Я процесс образования сновидения проходит в условиях цензуры, которая осуществляется остатком сохранившегося вытеснения. Проще изложить этот процесс я не могу, он и не проще. Однако теперь я могу продолжить описание работы сновидения.

Вернемся еще раз к скрытым мыслям сновидения! Самым сильным их элементом является вытесненное влечение, которое, опираясь на случайные раздражители и перенося сь на остатки дневных впечатлений, нашло в них свое выражение, пусть смягченное и завуалированное. Как и любое влечение, оно стремится к удовлетворению при помощи действия, но путь в двигательную сферу закрыт для него физиологическими механизмами состояния сна; оно вынуждено пробиваться в обратном направлении к восприятию и довольствоваться галлюцинаторным удовлетворением. Таким образом, скрытые мысли сновидения переводятся в совокупность чувственных образов и зрительных сцен. На этом пути с ними происходит то, что кажется нам столь новым и странным.

Все те языковые средства, которыми выражаются более тонкие мыслительные отношения,— союзы, предлоги, склонения и спряжения — отпадают, поскольку для них нет изобразительных средств, как и в примитивном языке без грамматики, здесь представлен лишь сырой материал мышления, а абстрактное сводится к лежащему в его основе конкретному. То, что в результате этого остается, легко может показаться бессвязным. Оно соответствует как архаической регрессии в душевном аппарате, так и требованиям цензуры, когда для изображения определенных объектов и процессов в большой мере используются символы, ставшие чуждыми сознательному мышлению. Но еще дальше заходят другие изменения, претерпеваемые элементами мыслей сновидения. Те из них, которые могут найти хоть какую-нибудь точку соприкосновения, *сгущаются* в новые единицы. При переводе мыслей в образы отдается несомненное предпочтение тем из них, которые поддаются такому соединению, сгущению; действует как бы какая-то сила, подвергающая материал спрессованию, сжатию. Затем вследствие сгущения какой-то элемент в явном сновидении может соответствовать множеству элементов в скрытых мыслях сновидения, но и наоборот, какой-нибудь элемент мыслей сновидения может быть представлен несколькими образами в сновидении.

Еще примечательнее другой процесс *смещения* или перенесения акцента, который в сознательном мышлении расценивается только как ошибка мышления или как средство остроумия. Дело в том, что отдельные представления мыслей сновидения не равноценны, они несут на себе различные по величине аффективные нагрузки и в соответствии с этим оцениваются как более или менее важные, достойные внимания. Во время работы сновидения эти представления отделяются от господствующих над ними аффектов; аффекты развиваются сами по себе, они могут сместиться на что-то другое, сохраниться в том же виде, претерпеть изменения, вообще не появиться в сновидении. Важность освобожденных от аффекта представлений в сновидении выражается чувственной силой образов сновидения, но мы замечаем, что этот акцент переместился со значительных элементов на индифферентные, так что в сновидении в качестве главного на переднем плане оказывается то, что в мыслях сновидение играет лишь побочную роль, и, наоборот, самое существенное из мыслей сновидения находит в сновидении только поверхностное, неясное отражение. Никакой другой фактор работы сновидения не способствует столь сильно тому, чтобы сделать сновидение для видевшего сон чуждым и непонятным. Смещение является главным средством *искажения сновидения*, которому подвергаются мысли сновидения под влиянием цензуры.

После этих воздействий на мысли сновидения оно почти готово. После того как сновидение всплывает перед сознанием как объект восприятия, следует еще один весьма непостоянный момент, так называемая вторичная обработка. Тогда мы подходим к нему так, как мы вообще привыкли подходить к содержаниям нашего восприятия,— пытаемся заполнить пробелы, установить связи, делая при этом доволь-

но часто грубые ошибки. Но эта вроде бы рационализирующая деятельность, придающая сновидению в лучшем случае приглаженный вид, пусть и не соответствующий действительному его содержанию, может и отсутствовать или же проявиться в очень скромных размерах, давая сновидению открыто обнаружить все свои разрывы и трещины. С другой стороны, не следует забывать также, что и работа сновидения происходит не всегда одинаково энергично: довольно часто она ограничивается лишь определенными фрагментами мыслей сновидения, остальные же проявляются в сновидении в неизмененном виде. Тогда складывается впечатление, будто в сновидении кто-то проводит тончайшие и сложнейшие интеллектуальные операции, размышляет, шутит, принимает решения, решает проблемы, в то время как все это является результатом нашей нормальной умственной деятельности, которая могла происходить как днем накануне сновидения, так и ночью и которая не имеет с работой сновидения ничего общего и не обнаруживает ничего характерного для сновидения. Нелишне также еще раз выделить противоречие, содержащееся в самих мыслях сновидения, между бессознательным влечением и остатками дневных впечатлений. В то время как последние представляют все многообразие наших душевных движений, первое, становясь собственно движущей силой образования сновидения, обычно завершается исполнением желания.

Все это я мог бы сказать вам еще пятнадцать лет тому назад, и думаю, что это я действительно говорил. А теперь давайте подытожим, какие же изменения и новые взгляды появились за этот промежуток времени.

Как я уже вам говорил, я опасался, как бы вы не сочли, что этого слишком мало, и что вам будет непонятно, почему я заставил вас выслушать одно и то же дважды, а себя снова говорить об этом. Но ведь прошло пятнадцать лет, и я надеюсь, что таким способом мне легче всего будет восстановить с вами контакт. К тому же эти такие элементарные вещи имеют столь решающее значение для понимания психоанализа, что их неплохо послушать и во второй раз, а то, что они и пятнадцать лет спустя остались совершенно теми же, само по себе достойно внимания.

В литературе этого времени вы, естественно, найдете множество подтверждений и детальных изложений, из которых я хочу привести вам лишь некоторые. При этом я смогу также упомянуть кое-что, что уже было известно ранее. В основном это касается символики сновидений и прочих изобразительных средств сновидения. Вот послушайте: совсем недавно медики одного американского университета отказали психоанализу в научности, обосновывая это тем, что он-де не располагает экспериментальными доказательствами. Подобный упрек они могли бы сделать и в адрес астрономии, ведь экспериментировать с небесными телами особенно затруднительно. Здесь все основано на наблюдении. И все же именно венские исследователи положили начало экспериментальному обоснованию символики наших сновидений. Некто д-р Шрёттер еще в 1912 г. обнаружил, что если лицам, находящимся

под глубоким гипнозом, дается задание увидеть во сне сексуальные процессы, то в спровоцированном таким образом сновидении сексуальный материал замещается известными нам символами. Пример: одной женщине было дано задание увидеть во сне половые сношения с подругой. В ее сновидении подруга явилась с *дорожной сумкой*, на которой была приклеена записка: «Только для дам». Еще большее впечатление производят исследования Бетльгейма и Гартмана (1924), которые наблюдали за больными с так называемым синдромом Корсакова. Они рассказывали им истории грубо сексуального содержания и наблюдали за теми искажениями, которые возникали в ответ на просьбу воспроизвести рассказанное. При этом опять-таки появлялись знакомые нам символы половых органов и половых сношений, среди прочих символ лестницы, по поводу которого авторы справедливо замечают, что сознательному желанию искажения он был бы недоступен.

Г. Зильберер в одной очень интересной серии опытов (1909, 1912) показал, что работа сновидения может просто ошеломить тем, с какой очевидностью абстрактные мысли переводятся ею в зрительные образы. Когда он в состоянии усталости и сонливости пытался принудить себя к умственной работе, мысль часто ускользала от него, а вместо нее появлялось видение, которое явно было ее заместителем.

Простой пример: «Я думаю о том,— говорит Зильберер, что мне необходимо исправить в одном сочинении неудавшееся место». Видение: «Я вижу себя строгающим кусок дерева». В этих исследованиях часто случалось так, что содержанием видения становилась не мысль, нуждающаяся в обработке, а его собственное субъективное состояние во время усилия, т. е. состояние вместо предметности (Gegenständliche), что Зильберер называет «функциональным феноменом». Пример сразу же объяснит вам, что имеется в виду. Автор пытается сравнить точки зрения двух философов на определенную проблему. Но в дремоте одна из этих точек зрения все время ускользает от него, и наконец, возникает видение, будто он требует ответа от какого-то угрюмого секретаря, который, склонившись над письменным столом, сначала его не замечает, а затем смотрит на него недовольно и как бы желая отделаться. Вероятно, самими условиями эксперимента объясняется то обстоятельство, что вызванное таким образом видение столь часто является результатом самонаблюдения.

Остановимся еще раз на символах. Были среди них такие, которые мы, казалось, распознали, но в которых нас все-таки смущало то, что мы не могли объяснить, каким образом *этот* символ приобрел *это* значение. В подобных случаях особенно желательными для нас были подтверждения из других источников, из языкознания, фольклора, мифологии, ритуалов. Примером такого рода был символ пальто. Мы говорили, что в сновидении одной женщины пальто означало мужчину. Надеюсь, на вас произведет впечатление, если я скажу, что Т. Рейк в 1920 г. писал: «В одной очень древней брачной церемонии бедуинов жених накрывает невесту особым плащом, называемым „аба“, и произносит при этом ритуальные слова: „Отныне никто не должен покрывать Тебя,

кроме меня“» (цит. по Роберту Эйслеру: Мировой покров и небесный купол [1910]). Мы нашли еще несколько новых символов, и я хочу сообщить вам, по крайней мере, о двух из них. По Абрахаму (1922), прялка в сновидении — символ матери, но фаллической матери, которой боишься, так что страх перед прялкой выражает ужас перед инцестом по отношению к матери и отвращение к женскому половому органу. Вы, возможно, знаете, что мифологический образ головы Медузы восходит к тому же мотиву страха перед кастрацией. Другой символ, о котором мне хотелось бы вам сказать, это символ моста. Ференци и объяснил его в 1921—1922 гг. Первоначально он означал мужской член, который соединяет родителей при половых сношениях, но затем он принял и другие значения, которые выводятся из первого. Поскольку мужскому члену мы обязаны тем, что вообще появились на свет из родовой жидкости, то мост является переходом из потустороннего мира (из бытия до рождения, материнского лона) в этот мир (жизнь), а так как человеку и смерть представляется как возвращение в материнское лоно (воду), то мост приобретает значение приближения к смерти, и наконец, при еще большем отдалении от первоначального смысла, он означает переход, изменение состояния вообще. Поэтому понятно, что женщина, не преодолевшая желания быть мужчиной, часто видит во сне мосты, слишком короткие, чтобы достичь другого берега.

В явном содержании сновидений довольно часто встречаются образы и ситуации, напоминающие известные мотивы сказок, легенд и мифов. Толкование таких сновидений проливает свет на первоначальные интересы, создавшие эти мотивы, хотя мы, конечно, не должны забывать об изменении значений, которое этот материал претерпел со временем. Наша работа по толкованию сновидений открывает, так сказать, исходное сырье, которое довольно часто можно назвать сексуальным в самом широком смысле слова, но которое при дальнейшей обработке находит самое разнообразное использование. Подобные возвращения назад обычно навлекают на нас гнев всех не аналитически настроенных исследователей, как будто все, что надстраивается в ходе дальнейшего развития, мы отрицаем или недооцениваем. Тем не менее такие взгляды поучительны и интересны. Это же относится к происхождению некоторых мотивов изобразительного искусства. Например, Дж. Эйслер (1919), разбирая сновидения своих пациентов, так аналитически истолковал юношу, играющего с мальчиком, как это изобразил Пракситель в своем Гермесе. И еще одно только слово, я просто не могу не упомянуть о том, как часто именно мифологические темы находят свое объяснение в толковании сновидений. Так, например, в легенде о лабиринте распознается изображение анального рождения; запутанные ходы — это кишки, нить Ариадны — пуповина.

Способы изображения при работе сновидения, привлекательный и почти неисчерпаемый материал, благодаря подробному изучению становится нам все понятнее; я хочу привести вам некоторые примеры из этой области. Так, например, частотное отношение сновидение изображает через множественность однородного. Послушайте странное

сновидение одной молодой девушки: она входит в большой зал и видит в нем какого-то человека, сидящего на стуле, образ повторяется шесть, восемь и более раз, но каждый раз это ее отец. Все легко объясняется, когда из побочных обстоятельств толкования мы узнаем, что это помещение изображает материнское лоно. Тогда сновидение становится равнозначным хорошо известной нам фантазии девушки, которой кажется, что уже во внутриутробной жизни она встречалась с отцом, когда он во время беременности появлялся в материнском лоне. То, что в сновидении кое-что наоборот — появление отца перенесено на собственную персону,— не должно вас вводить в заблуждение: это имеет, впрочем, еще свое особое значение. Множественность персоны отца может выражать только то, что соответствующий процесс неоднократно повторялся. Собственно, мы должны также признать, что сновидение не так уж сильно вольничает, выражая *частоту* (Häufigkeit) через *нагромождение* (Häufung). В нем только используется первоначальное значение слова, которое сегодня обозначает для нас повторение во времени, но происходит от накопления в пространстве. Однако работа сновидения вообще переводит, где это возможно, временные отношения в пространственные и изображает их в виде таковых. Допустим, видение в сновидении сцены между лицами, кажущимися очень маленькими и удаленными, как если бы смотрел в перевернутый бинокль. Малость так же, как и пространственная удаленность, означают здесь одно и то же, а именно отдаленность во времени, это следует понимать как сцену из давно минувшего прошлого. Далее, может быть, вы помните, что я уже говорил вам в предыдущих лекциях и показывал на примерах, как мы научились использовать для толкования и чисто формальные черты явного сновидения, т. е. переводить в содержание кое-что из скрытых мыслей сновидения. Теперь вы знаете, что все сновидения одной ночи находятся в одной и той же связи. Но далеко не безразлично, являются ли эти сновидения для видящего сон единым целым, или он расчленяет их на несколько отрывков, и если да, то на сколько. Часто число этих отрывков соответствует такому же количеству обособленных центров образования мыслей в скрытых мыслях сновидения или борющихся между собой потоков в душевной жизни видящего сон, из которых каждый находит свое преобладающее, хотя и не единственное выражение в каком-то особом отрывке сновидения. Короткое предсновидение и длительное основное сновидение часто находятся друг к другу в отношении условия и исполнения, чему вы можете найти весьма ясный пример в прежних лекциях. Сновидение, которое видевший сон изображает как бы вставкой, действительно соответствует второстепенному в мыслях сновидения. Франц Александер (1925) [62] в одном исследовании парных сновидений показал, что сновидения одной ночи нередко разделяют выполнение задачи сновидения таким образом, что, вместе взятые, они осуществляют исполнение желания в два этапа, чего не может сделать каждое сновидение в отдельности. Если желание сновидения содержит запретное действие по отношению к определенному лицу, то это лицо появляется в первом сновидении открыто, действие же дается лишь робким наме-

ком. Второе сновидение делает затем иначе. Действие называется в нем открыто, однако лицо изменено до неузнаваемости или заменено индифферентным. Действительно, это производит впечатление хитрости. Второе подобное же отношение между обеими частями парного сновидения таково, что одна представляет собой наказание, а другая — исполнение порочного желания. Получается как бы следующее: если принимается наказание, то запрещенное позволяется.

Не могу больше задерживать вас на подобных маленьких открытиях, равно как и на дискуссиях, относящихся к использованию толкования сновидений в аналитической практике. Думаю, что вам не терпится услышать, какие же изменения произошли в основных взглядах на сущность и значение сновидения [63]. Вы уже подготовлены к тому, что именно об этом мало что можно сообщить. Ведь самым спорным моментом всей теории было утверждение, что все сновидения являются осуществлением желания. С неизбежным, вновь и вновь повторяющимся возражением непрофессионалов, что ведь так много страшных сновидений, мы, надеюсь, покончили в предыдущих лекциях. С разделением их на сновидения желания, страшные сновидения и сновидения наказания мы сохранили нашу теорию в силе.

Сновидения наказания тоже являются исполнением желаний, но не влечений, а критикующей, цензурирующей и наказующей инстанции в душевной жизни. Если мы имеем дело с чистым сновидением наказания, то нам вполне доступна простая мыслительная операция по восстановлению сновидения желания, по отношению к которому сновидение наказания является истинным возражением, и которое этим отказом и было замещено в явном сновидении. Вы знаете, уважаемые дамы и господа, что изучение сновидений сначала помогло нам понять неврозы. Вы найдете также понятным, что наши знания о неврозах впоследствии смогли оказать влияние на наше представление о сновидении. Как вы узнаете, мы вынуждены были предположить существование в душевной жизни особой критикующей и запрещающей инстанции, которую мы называем Сверх-Я. Признав цензуру сновидения также результатом работы этой инстанции, мы тем самым вынуждены более тщательно рассмотреть участие Сверх-Я в образовании сновидения.

Против теории исполнения желания в сновидении возникло лишь два серьезных возражения, рассмотрение которых уводит слишком далеко, не давая, впрочем, вполне удовлетворительного ответа. Первое возражение опирается на факт, согласно которому лица, пережившие шок, тяжелую психическую травму, часто случавшиеся во время войны и лежавшие в основе травматической истерии, в сновидениях постоянно возвращаются в травматическую ситуацию. Согласно же нашим предположениям о функции сновидения этого быть не должно. Какое впечатление могло бы удовлетвориться этим возвратом к высшей степени неприятному травматическому переживанию? Догадаться трудно. Со вторым фактом мы почти ежедневно сталкиваемся в аналитической работе: он тоже не является таким уж весомым возражением, как и первый. Вы знаете, что одной из задач психоанализа является проникновение в

тайну амнезии, которой покрыты первые детские годы, и доведение до сознательного воспоминания содержащихся в них проявлений ранней детской сексуальной жизни. Эти первые сексуальные переживания ребенка связаны с мучительными впечатлениями страха, запрета, разочарования и наказания; понятно, что они вытеснены, но тогда непонятно то, что они имеют такой широкий доступ к жизни сновидений, что они дают образцы столь многим фантазиям сновидения, что сновидения полны репродукций этих инфантильных сцен и намеков на них. Однако их нежелательный характер и тенденция работы сновидения к исполнению желаний, видимо, плохо сочетаются друг с другом. Но возможно, мы преувеличиваем в этом случае трудности. На те же детские переживания наслаиваются ведь все постоянные, неисполненные желания, которые дают энергию для образования сновидений в течение всей жизни и от которых можно ожидать, что своим могучим порывом они способны вынести на поверхность и обстоятельства, воспринимавшиеся со стыдом. А с другой стороны, в способе репродукции этого материала несомненно выражается стремление работы сновидения замаскировать неудовольствие искажением, превратить разочарование в исполнение. При травматических неврозах все обстоит по-другому, здесь сновидения постоянно приводят к страху. Я полагаю, что мы не должны бояться признать, что в этом случае функция сновидения не срабатывает. Я не хочу ссылаться на то, что исключение подтверждает правило, эта мудрость кажется мне весьма сомнительной. Однако исключение и не отменяет правила. Если такую отдельную психическую деятельность, как видение снов, в целях изучения выделить из общего механизма, то, возможно, это и позволит вскрыть присущие ей закономерности; если же ее опять включить в общую структуру, то нужно быть готовым к тому, что эти результаты, сталкиваясь с другими силами, затушуются или станут менее значительными. Мы говорим, что сновидение есть исполнение желания; если принять во внимание последние возражения, то все-таки следует сказать, что сновидение является *попыткой* исполнения желания. Ни для кого, кто может углубиться в психическую динамику, вы не скажете ничего другого. При определенных обстоятельствах сновидение может осуществить свое намерение либо очень несовершенным образом, либо оно должно вообще от него отказаться; видимо, бессознательная фиксация на травме при этих срывах выполнения функции сновидения одерживает верх. В то время как спящий должен видеть сон, потому что ночное ослабление вытеснения позволяет активизироваться стремлению к травматической фиксации, его работа сновидения, которая желала бы превратить следы воспоминаний о травматической ситуации в исполнение какого-нибудь желания, остается безрезультатной. В таких случаях может наступить бессонница, из-за страха перед неудачей действия сновидения человек отказывается от сна. Травматический невроз демонстрирует нам здесь крайний случай, но травматический характер следует признать и за детскими переживаниями, так что не следует удивляться, если менее значительные нарушения функции сновидения проявляются и в других условиях.

ТРИДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ
Сновидение и оккультизм

Уважаемые дамы и господа! Сегодня мы вступаем на узкую тропу, но она может открыть перед нами широкую перспективу.

Заявление о том, что я буду говорить об отношении сновидения к оккультизму, вряд ли вас удивит. Ведь сновидение, часто рассматривавшееся как ворота в мир мистики, еще сегодня многими принимается за оккультный феномен. И мы, сделав его объектом научного исследования, не оспариваем, что одна или несколько нитей связывают его с этими темными вещами. Мистика, оккультизм — что подразумевается под этими названиями? Не ждите от меня попытки дать определения этим областям, пределы которых установлены неточно. Мы все, в общем, примерно знаем, что подразумевается под этим. Это — своего рода обратная сторона светлого, управляемого неумолимыми законами мира, который создала для нас наука.

Оккультизм утверждает реальное существование тех «вещей меж небом и землей, о которых наша школьная премудрость не смеет и помыслить». Но мы не хотим школьной ограниченности; мы готовы поверить тому, что достойно веры. Мы намерены поступить с этими вещами так же, как с любым другим материалом науки, установить сначала, являются ли такие процессы действительно доказуемыми, а тогда и только тогда, когда их очевидность будет несомненна, попытаемся их объяснить. Но не следует отрицать, что и это решение нам трудно принять по соображениям интеллектуального, психологического и исторического порядка. Этот случай требует совершенно иного подхода, нежели другие исследования.

Сначала трудности интеллектуальные! Разрешите дать самые общие разъяснения. Предположим, что речь идет о составе недр земли. Как известно, мы не знаем об этом ничего определенного. Мы предполагаем, что там находятся тяжелые металлы в раскаленном состоянии. Допустим, что кто-то выдвигает утверждение, что недра земли заполнены водой, насыщенной углекислотой, типа содовой. Мы, конечно, скажем, что это весьма маловероятно, противоречит всем нашим ожиданиям, не учитывает отправных точек нашего познания, которые привели нас к выдвижению гипотезы металлов. Однако оно все-таки не является немыслимым: если кто-то укажет нам путь к проверке гипотезы содовой воды, мы последуем ему без возражений. Но вот появляется другой и всерьез утверждает, что ядро земли состоит из мармелада! К этому мы отнесемся совсем иначе. Мы скажем себе, что мармелад в природе не встречается, он является продуктом человеческой кухни, существование этого предмета предполагает, кроме того, наличие фруктовых деревьев и их плодов, а мы не знаем, можно ли флору и поварское искусство человека перенести в недра земли; в результате этих интеллектуальных возражений наш интерес будет направлен в другую сторо-

ну, и вместо того, чтобы приступить к исследованию, действительно ли ядро земли состоит из мармелада, мы спросим себя, а что это за человек, который мог прийти к такой идее, или, по крайней мере, спросим его, откуда он это знает. Несчастный автор мармеладной теории будет глубоко оскорблен и обвинит нас в том, что мы отказываем ему в объективном признании его утверждения вследствие якобы научного предубеждения. Но это ему ничего не даст. Мы чувствуем, что предубеждения не всегда предосудительны, что иногда они оправданны и целесообразны, так как избавляют нас от бесполезной траты сил[64]. Ведь они всего лишь заключения, аналогичные другим, хорошо обоснованным суждениям.

Целый ряд оккультных утверждений действует на нас подобно мармеладной гипотезе, так что мы считаем себя вправе отвергнуть их сразу же, не подвергая проверке. Но все не так просто. Сравнение, подобное тому, которое я выбрал, ничего не доказывает или доказывает слишком мало, как и вообще все сравнения. Ведь остается спорным, подходит ли оно, и понимаешь, что установка на пренебрежительное отвержение уже определила его выбор. Предубеждения иногда целесообразны и оправданны, иногда же ошибочны и вредны, и никогда не знаешь, когда они являются первыми, а когда вторыми. Сама история наук с избытком полна случаев, которые могут предостеречь от поспешного осуждения. Так, долгое время считалось бессмысленным предположение, что камни, которые мы сегодня называем метеоритами, попали на землю с неба или что горная порода, включающая остатки ракушек, когда-то была дном моря. Между прочим, и нашему психоанализу пришлось ненамного лучше, когда он выступил с разработкой проблем бессознательного. Так что у нас, аналитиков, есть особая причина быть осторожными при использовании интеллектуального мотива для утверждения новых предположений, что, признаться, не помогает нам избежать отрицания, сомнений и недоверия.

Вторым моментом я назвал психологический. При этом я имею в виду общую склонность людей к легковерию и вере в чудеса. С самого начала, когда жизнь берет нас под свой строгий надзор, в нас поднимается протест против непреложности и монотонности законов мышления и против требований проверки реальностью. Рассудок становится врагом, отнимающим у нас так много возможностей для наслаждений. Открываешь, какое удовольствие — хотя бы ненадолго — избавиться от него и предаться соблазнам бессмыслицы. Школьник развлекается искажением слов, профессиональный ученый подшучивает над своей деятельностью после научного конгресса, даже серьезный человек наслаждается игрой остроумия. Более серьезная враждебность к «рассудку и науке, самой лучшей силе человека» ждет своего случая, она спешит отдать предпочтение чудо-доктору или искусному знахарю перед «обученным» врачом, она идет навстречу утверждениям оккультизма, пока его мнимые факты воспринимаются как нарушение закона и правил, она усыпляет критику, извращает восприятия, добивается признаний и одобрений, которые не могут быть оправданы. Кто примет во внимание

эту склонность людей, имеет все основания для обесценивания многих сообщений оккультной литературы.

Третьим соображением я назвал историческое, желая обратить внимание на то, что в мире оккультизма не происходит, собственно говоря, ничего нового, но в нем вновь возникают все те знамения, чудеса, пророчества и явления духов, о которых мы знаем с древних времен и из древних книг и которые мы давно сочли порождением необузданной фантазии или тенденциозным надувательством, продуктом того времени, когда невежественность человечества была очень велика, а научный разум находился еще в пеленках. Если мы примем за истину то, что происходит еще и сегодня, по сообщениям оккультистов, то мы должны будем признать достоверными и те сведения из средневековья. А теперь вспомним, что традиции и священные книги народов переполнены такими историями о чудесах и что религии в своих притязаниях на достоверность опираются как раз на такие чрезвычайные и чудесные события, черпая в них доказательства действия сверхчеловеческих сил. И тогда трудно избежать подозрения, что оккультный интерес является, собственно, религиозным, что к тайным мотивам оккультного движения относится стремление помочь религии, которой угрожает прогресс научного мышления. А с признанием такого мотива должно возрасти наше недоверие и наше нежелание пускаться в исследование так называемых оккультных феноменов.

Но в конце концов эту антипатию придется все-таки преодолеть. Речь идет о вопросе действительности, т. е. истинно или нет то, о чем сообщают оккультисты. Это ведь можно решить путем наблюдения. В принципе мы должны быть благодарны оккультистам. Сообщения о чудесах древних времен мы не можем подвергнуть проверке. Полагая, что их нельзя доказать, мы должны все же признать, что их нельзя со всей строгостью и опровергнуть [65]. Но о том, что происходит в настоящее время, чему мы можем быть свидетелями — об этом мы должны иметь твердое суждение. Если мы убедимся, что таких чудес сегодня не бывает, то мы не испугаемся и возражения, что в древности они все-таки могли случаться. Другие объяснения окажутся тогда еще понятнее. Итак, мы оставляет наши сомнения и готовы приступить к наблюдению оккультных феноменов.

К несчастью, тут мы встречаемся с обстоятельствами, чрезвычайно неблагоприятными для нашего благого намерения. Наблюдения, от которых должно зависеть наше суждение, происходят в условиях, делающих наши чувственные восприятия ненадежными, притупляющих наше внимание, в темноте или при скудном красном свете, после длительного напрасного ожидания. Нам говорят, что сама по себе наша скептическая, т. е. критическая, установка может помешать появлению ожидаемых феноменов. Создавшаяся таким образом ситуация является просто карикатурой на условия, в которых мы привыкли обычно проводить научные исследования. Наблюдения проводятся над так называемыми медиумами, лицами, которым приписываются особые «сензитивные» способности, но которые ни в коей мере не отличаются выдающимися качествами ума

или характера, не являются носителями какой-то большой идеи или серьезного замысла, как древние чудотворцы. Напротив, даже у тех, кто верит в их тайные силы, они слывут особенно ненадежными; большинство из них уже были разоблачены как обманщики, следует ожидать, что и остальным предстоит то же самое. То, чего они достигают, производит впечатление детского озорства или фокусов. Еще ни разу на сеансах с этими медиумами не произошло ничего, достойного внимания, вроде приобщения к новому источнику силы. Правда, и от трюка фокусника, чудесным образом выпускающего из пустого цилиндра голубей, не приходится ждать развития голубеводства. Легко могу поставить себя в положение человека, который, желая соблюсти требование объективности, принимает участие в сеансах оккультистов, но через некоторое время устает и с отвращением отказывается от поставленных требований и, так ничему и не научившись, возвращается к своим прежним предубеждениям. Такого человека можно упрекнуть в неправильном поведении, поскольку феноменам, которые он хочет изучить, нельзя предписывать заранее, какими они должны быть и при каких условиях они должны появляться, более того, следует проявить выдержку и соблюдать меры предосторожности и контроля, которыми еще недавно пытались защититься от ненадежности медиумов. К сожалению, эта современная техника безопасности кладет конец легкой доступности оккультных наблюдений. Изучение оккультизма становится особо трудной профессией, деятельностью, которой нельзя предаваться наряду с прочими своими интересами. И пока занимающиеся этим исследователи придут к каким-то выводам, вам остается лишь сомневаться и быть предоставленными своим собственным предположениям.

Среди этих предположений наиболее вероятным является, пожалуй, то, что в оккультизме речь идет о каком-то реальном ядре еще не познанных фактов, которое обман и фантазия окутали трудно преодолимой оболочкой. Но как мы можем хотя бы приблизиться к этому ядру, с какой стороны подойти к проблеме? Здесь, я полагаю, нам на помощь придет сновидение, подав нам совет выделить из всего этого хаоса тему телепатии.

Вы знаете, что телепатией мы называем предполагаемый факт, когда событие, происходящее в определенное время, примерно в то же время осознается отдаленным в пространстве лицом, при этом известные нам способы сообщения нельзя принимать в расчет. Молчаливой предпосылкой этого является то, что данное событие касается лица, к которому другое лицо, принимающее известие, имеет сильный эмоциональный интерес. Так, например, с лицом А происходит несчастье или оно умирает, а лицо Б, близко связанное с ним,— мать, дочь или возлюбленная — узнает об этом примерно в то же время благодаря зрительному или слуховому восприятию; последний случай, при котором ей об этом будто бы сообщили по телефону, чего на самом деле не было, представляет собой в известной мере психическое подобие беспроволочного телеграфа. Нет необходимости говорить о том, насколько невероятны такие явления, и большинство этих сообщений можно с полным

основанием отвергнуть; те же, которые отклонить не так-то просто, остаются. Разрешите мне для того, чтобы сообщить вам то, что я наметил, в дальнейшем опускать осторожное словечко «якобы» и продолжать так, словно я верю в объективную реальность телепатического феномена. Однако будьте уверены, что это не так, что я основываюсь не на убеждении.

Я могу сообщить вам, собственно, немного, всего лишь незначительный факт. Я хочу также сразу же еще больше умерить ваши ожидания, сказав, что сновидение, по существу, имеет мало общего с телепатией. Как телепатия не проливает новый свет на сущность сновидения, так и сновидение не является прямым свидетельством реальности телепатии. Телепатический феномен также совсем не связан со сновидением, он может возникнуть и в состоянии бодрствования. Единственной причиной для обсуждения связи между сновидением и телепатией является то, что состояние сна кажется особенно подходящим для приема телепатического послания. И вот кто-то видит так называемый телепатический сон, а при его анализе убеждается, что телепатическое известие сыграло ту же роль, что и любой другой остаток дневных впечатлений, и, как таковой, оно оказалось измененным в результате работы сновидения, подчинившись ее тенденции.

При анализе такого телепатического сновидения происходит нечто, показавшееся мне достаточно интересным, чтобы, несмотря на всю его незначительность, принять его за исходный пункт этой лекции. Когда в 1922 г. я делал первое сообщение об этом предмете, в моем распоряжении было только одно наблюдение. С тех пор я получил и другие, аналогичные, но я остановлюсь на первом примере, поскольку его легче всего изложить, и сразу же введу вас *in medias res* *.

Один явно интеллигентный человек, по его утверждению, «без малейших оккультистских наклонностей», пишет мне об одном сновидении, которое показалось ему странным. Для начала он рассказывает, что его замужняя дочь, проживающая далеко от него, ожидает в середине декабря рождения своего первенца. Эта дочь ему очень близка, он также знает, что и она очень искренне к нему привязана. В ночь с 16-го на 17-е ноября ему снится сон, что его жена родила близнецов. Затем следовали некоторые подробности, которые я могу здесь опустить, да и не все их удалось объяснить. Женщина, которая в сновидении стала матерью близнецов,— его вторая жена, мачеха его дочери. Он не хочет иметь детей от этой женщины, отказывая ей в способности разумно воспитывать детей. Ко времени сновидения он давно прекратил с ней половые сношения. Написать мне побудило его не сомнение в теории сновидения, к чему, казалось бы, давало основание явное содержание сновидения, ибо почему сновидение заставило эту женщину рожать детей вопреки его желанию? По его свидетельству, не был также никаких причин для опасения, что это нежелательное событие может произойти. Обстоятельством, побудившим его сообщить мне о сновиде-

* В суть дела (*лат.*).— *Примеч. пер.*

нии, было то, что 18-го ноября рано утром он получил телеграмму о том, что у его дочери родились близнецы. Телеграмма была отправлена за день до этого, роды последовали в ночь с 16-го на 17-е, примерно в тот же час, когда ему снился сон о том, что жена родила ему близнецов. Видевший сон спрашивает меня, считаю ли я случайностью совпадение сновидения и события. Он не решается назвать сновидение телепатическим, так как различие между содержанием сновидения и событием касается как раз того, что кажется ему существенным, а именно персоны роженицы. Но одно из его замечаний позволяет заключить, что он не удивился бы и настоящему телепатическому сновидению. Дочь, как он полагает, в свой трудный час наверняка «думала особенно о нем».

Дамы и господа! Я уверен, что вы сами уже можете объяснить это сновидение и понимаете, почему я его вам рассказал. Этот человек недоволен своей второй женой, он хотел бы, чтобы его жена была такой же, как его дочь от первого брака. Для бессознательного это «как», конечно, несущественно. И вот ночью ему приходит телепатическое послание, что дочь родила близнецов. Работа сновидения завладевает этим известием, позволяет бессознательному желанию, стремящемуся поставить на место жены дочь, подействовать на него, и возникает странное явное сновидение, которое маскирует желание и искажает послание. Признаться, лишь толкование сновидения показало нам, что это сновидение телепатическое, психоанализ вскрыл телепатические факты, которые мы иначе не смогли бы узнать.

Но не позволяйте все-таки ввести себя в заблуждение! Несмотря на это толкование сновидения, ничто не сообщило об объективной истине телепатического факта. Может быть, это видимость, допускающая и другое объяснение. Возможно, что скрытые мысли сновидения человека были таковы: «Сегодня день, когда должны были бы произойти роды, если дочь, как я, собственно, считаю, ошибалась на месяц. И выглядела она, когда я видел ее в последний раз, так, словно у нее будет двойня. А моя покойная жена так любила детей, как она обрадовалась бы близнецам!» (Последний момент я вывожу из еще не упомянутых ассоциаций видевшего сон.) В этом случае побудителем сновидения были бы хорошо обоснованные предположения видевшего сон, а не телепатическое послание, но результат остался бы тем же. Вы видите, что и это толкование сновидения ничего не дает для ответа на вопрос, следует ли телепатию признать объективной реальностью. Это можно было бы решить только путем подробного исследования всех обстоятельств данного случая, что, к сожалению, в этом примере было так же мало возможно, как и в других примерах из моего опыта. Допустим, что гипотеза телепатии дает самое простое объяснение, но этим выигрывается немногое. Самое простое объяснение не всегда правильно, истина очень часто не проста, и прежде чем решиться на такое важное предположение, хочется соблюсти все меры предосторожности.

Тему сновидения и телепатии мы можем теперь оставить, мне нечего вам больше сказать об этом. Но заметьте себе, что ведь не снови-

дение дало нам какое-то знание о телепатии, а толкование сновидения, психоаналитическая обработка. Так что в дальнейшем мы можем совсем оставить сновидения, предположив, что применение психоанализа прольет некоторый свет на другие факты, называемые оккультными. Так, например, феномен индукции, или передачи мыслей, весьма близкий к телепатии, собственно говоря, без особой натяжки может быть с ней объединен. Он означает, что душевные процессы одного лица, его представления, состояния возбуждения, волевые побуждения могут передаваться сквозь свободное пространство другому лицу без использования известных способов сообщения словами и знаками. Вы понимаете, как было бы замечательно, а может быть, даже практически важно, если бы подобное действительно случалось. Скажу попутно, что, как ни странно, в древних описаниях чудес именно об этом феномене говорится меньше всего.

При лечении пациентов психоаналитическим методом у меня сложилось впечатление, что занятия профессиональных предсказателей таят в себе благоприятную возможность особенно безупречного наблюдения за передачей мыслей. Это незначительные или даже неполноценные люди, посвятившие себя какому-нибудь занятию — гаданию на картах, изучению почерков и линий рук, астрологическим вычислениям — и предсказывающие при этом своим посетителям будущее, после того как они покажут себя посвященными в их прошлое или настоящее. Их клиенты по большей части вполне довольствуются этим и не сетуют, если впоследствии пророчества не сбываются. Я знаю множество таких случаев, имел возможность изучить их аналитически и сейчас расскажу вам самый замечательный из этих примеров. К сожалению, доказательность этих сообщений умаляется тем, что я вынужден о многом умалчивать, так как к этому меня обязывает врачебная этика. Но я со всей строгостью избегал искажений. Итак, послушайте историю одной из моих пациенток, у которой был такой случай с одним предсказателем.

Она была старшей среди братьев и сестер, выросла в условиях чрезвычайно сильной привязанности к отцу, рано вышла замуж, в супружестве нашла полное удовлетворение. Для полного счастья ей не хватало лишь одного — она оставалась бездетной, так что ее любимый муж не мог полностью занять место отца. Когда же после долгих лет разочарования она решилась на гинекологическую операцию, муж признался ей, что вина лежит на нем: из-за болезни до женитьбы он стал неспособен к зачатию. Это разочарование она перенесла с трудом, стала невротичной, явно страдая страхами соблазна. Чтобы развлечь, муж взял ее с собой в деловую поездку в Париж. Однажды они сидели там в холле отеля, когда ей бросилось в глаза какое-то оживление среди прислуги. Она спросила, в чем дело, и узнала, что прибыл *Monsieur le professeur*, который дает консультации в таком-то кабинете. Она захотела тоже проконсультироваться. Муж ей не советовал, но она улучила момент, проскользнула в кабинет для консультаций и предстала перед предсказателем. Ей было 27 лет, но выглядела она намного моложе, обручальное кольцо она сняла. *Monsieur le professeur* попросил ее опус-

тить руку в чашу, наполненную золой, тщательно изучив отпечаток, он рассказал ей затем о тяжелой борьбе, которая ей предстоит, и закончил утешительным заверением, что она все-таки выйдет еще замуж и к 32 годам будет иметь двоих детей. Когда она рассказывала мне эту историю, ей было 43 года, тяжело больная, она не имела никакой надежды родить когда-нибудь ребенка. Таким образом, пророчество не исполнилось, но говорила она о нем без всякой горечи, а с явным удовлетворением, словно вспоминала радостное переживание. Нетрудно было установить, что она не имела ни малейшего представления, что могли означать оба числа пророчества (2 и 32) и значили ли они вообще что-нибудь.

Вы скажете, какая глупая и непонятная история, и спросите, для чего я ее вам рассказал. Да, я был бы с вами совершенно согласен, если бы — и тут решающий момент — не анализ, позволивший нам истолковать то пророчество, которое как раз благодаря объяснению деталей производит убедительное впечатление. Дело в том, что оба числа играли роль в жизни матери моей пациентки. Та поздно вышла замуж, после тридцати, и в семье часто говорили о том, как удачно она поспешила наверстать упущенное. Оба первых ребенка, сначала наша пациентка, родились с самым возможно коротким промежутком времени в одном календарном году, и действительно в 32 года у нее уже было двое детей. Таким образом, то, что *Monsieur le professeur* сказал моей пациентке, означало: утешьтесь, вы еще так молоды. У вас будет такая же судьба, как у вашей матери, которой тоже пришлось долго ждать детей, у вас тоже будет двое детей к 32 годам. Но иметь такую же судьбу, как и мать, поставить себя на ее место, занять ее место при отце — ведь это и было самое сильное желание ее юности, желание, из-за невыполнения которого началась теперь ее болезнь. Пророчество обещало ей, что его исполнение все еще возможно; что же, кроме признательности, она могла чувствовать к предсказателю? Но считаете ли вы возможным, чтобы *Monsieur le professeur* знал факты интимной жизни семьи своей случайной клиентки? Это невозможно. Откуда же пришло к нему знание, которое помогло ему включить в пророчество оба числа и выразить самое сильное и самое тайное желание пациентки? Я вижу только два возможных объяснения. Или эта история в том виде, в каком она была мне рассказана, неправдоподобна и происходила по-другому, или следует признать, что передача мыслей является реальным феноменом. Правда, можно предположить и то, что по прошествии 16 лет пациентка сама вставила в воспоминание оба числа, о которых идет речь, взяв их из своего бессознательного. У меня нет никакого основания для этого предположения, но исключить его я не могу и считаю, что вы скорее поверите в такое объяснение, нежели в реальность передачи мыслей. Если же вы решитесь на последнее, то не забывайте о том, что лишь анализ выявил оккультные факты, вскрыв их там, где они были искажены до неузнаваемости.

Если бы речь шла только об *одном* таком случае, как с моей пациенткой, то мимо него можно было бы пройти, пожав плечами. Никому

не пришло бы в голову основывать веру, означающую столь решительный поворот, на одном-единственном наблюдении. Но поверьте, это не единственный случай в моем опыте. Я собрал целый ряд таких пророчеств и из всех них вынес впечатление, что предсказатель выразил только мысли обратившихся к нему лиц и особенно их тайные желания, так что справедливо было бы проанализировать такие пророчества, как если бы они являлись субъективными продуктами, фантазиями или сновидениями этих лиц. Конечно, не все случаи одинаково доказательны и не для всех сразу можно найти более рациональное объяснение, но все-таки в целом очень велика вероятность действительной передачи мыслей. Из-за важности предмета можно было бы привести вам все мои случаи, но это невозможно вследствие пространности их описания и неизбежного нарушения при этом врачебной этики. Попытаюсь успокоить свою совесть, приведя вам еще несколько примеров.

Однажды меня посетил весьма интеллигентный молодой человек, студент перед своим последним экзаменом на степень доктора, который он не в состоянии был сдать, потому что, как он жаловался, он утратил все интересы, способность концентрации, даже возможность упорядоченного воспоминания. Предыстория этого подобного параличу состояния скоро раскрылась, он заболел в результате огромного самопреодоления. У него есть сестра, к которой он относился с интенсивной, но постоянно сдерживаемой любовью, как и она к нему. Как жаль, что мы не можем пожениться, нередко говорили они между собой. Один достойный человек влюбился в эту сестру, она ответила ему благосклонностью, но родители согласия на брак не дали. В этом бедственном положении молодая пара обратилась к брату, и он не отказал им в помощи. Он был посредником в их переписке, под его влиянием удалось наконец добиться согласия родителей на брак. Правда, за время помолвки произошел один случай, значение которого легко разгадать. Он предпринял трудное путешествие в горы с будущим зятем без проводника, они сбились с пути, и им грозила опасность не вернуться назад целыми и невредимыми. Вскоре после замужества сестры он впал в это состояние психического истощения.

Став под влиянием психоанализа вновь работоспособным, он покинул меня, собираясь сдавать свои экзамены, но после удачной их сдачи осенью того же года на короткое время снова вернулся ко мне. Он рассказал о странном переживании, которое он испытал в канун лета. В их университетском городке была одна предсказательница, которая пользовалась большим успехом. Даже принцы династии имели обыкновение перед важными делами регулярно консультироваться с ней. Способ, при помощи которого она работала, был очень прост. Она просила сообщить ей дату рождения определенного лица, не требуя никаких других сведений, даже имени, затем справлялась в астрологических книгах, производила долгие вычисления и наконец выдавала пророчество о соответствующем лице. Мой пациент решил воспользоваться ее таинственным искусством в отношении своего зятя. Он посетил ее, назвав требуемую дату рождения зятя. После того как она произвела свои вычисления,

она сообщила пророчество: это лицо умрет от отравления раками или устрицами в июле или августе этого года. Мой пациент закончил свой рассказ словами: «Это было просто великолепно!»

Я с самого начала слушал неохотно. После этого восклицания я позволил себе вопрос: «Что же великолепного вы находите в этом пророчестве? Сейчас поздняя осень, ваш зять не умер, это бы вы сообщили мне сразу. Итак, пророчество не сбылось». «Что верно, то верно,— заявил он,— но замечательно следующее. Мой зять, страстный любитель раков и устриц, прошлым летом, т. е. *до* посещения предсказательницы, перенес отравление устрицами, от которого чуть не умер». Что я мог сказать на это? Я мог только подосадовать, что высокообразованный человек, который, кроме того, успешно прошел курс анализа, не смог лучше разглядеть взаимосвязи. Я, со своей стороны, прежде чем поверить тому, что по астрологическим книгам можно вычислить отравление раками или устрицами, охотнее предположил бы, что мой пациент все еще не преодолел ненависти к своему сопернику, от вытеснения которой он в свое время заболел, и что предсказательница просто высказала его собственную надежду: от таких пристрастий не отказываются, и когда-нибудь он все-таки от этого погибнет. Я утверждаю, что для этого случая я не знаю никакого другого объяснения, кроме, может быть, того, что мой пациент позволил себе со мной пошутить. Но он не подавал ни тогда, ни позже основания для такого подозрения и, казалось, что все, о чем он говорил, было серьезно.

Другой случай. Один молодой человек, занимающий видное положение, состоит в связи с некоей светской дамой, проявляя при этом странное насилие. Время от времени он должен причинять своей возлюбленной боль насмешками и издевками, пока та не впадет в полное отчаяние. Доведя ее до такого состояния, он чувствует облегчение, мирится с ней и одаривает подарками. Но теперь он хотел бы освободиться от нее, насилие ему неприятно, он замечает, что его собственная репутация страдает от этой связи, он хочет иметь жену, завести семью. Поскольку он не может собственными силами освободиться от этой дамы, он прибегает к помощи анализа. После одной такой оскорбительной сцены, уже во время анализа, он просит ее написать ему открыточку, которую предлагает графологу. Заключение, полученное им, гласит: это почерк человека, находящегося в высшей степени отчаяния, который непременно в ближайшие дни покончит с собой. Правда, этого не происходит, дама остается в живых, но путем анализа удается ослабить его оковы; он оставляет даму и дарит свое внимание одной молодой девушке, от которой ждет, что она будет для него хорошей женой. Вскоре после этого ему снится сон, который можно истолковать только как начинающееся сомнение в достоинствах этой девушки. Он и у нее берет образец почерка, предложив его затем тому же авторитету, и узнает суждение о ее почерке, подтверждающее его сомнения. Тогда он отказывается от намерения сделать ее своей женой.

Чтобы оценить толкования графолога, особенно первое, нужно коечто знать из тайной истории нашего молодого человека. В раннем юно-

шеском возрасте он был до безумия влюблен в соответствии со своей страстной натурой в одну молодую женщину, которая была, однако, старше его. Получив от нее отказ, он совершил попытку самоубийства, серьезность его намерения не вызывает сомнения. Только благодаря случайности он избежал смерти, и лишь после длительного ухода силы его восстановились. Но его дикий поступок произвел на любимую женщину глубокое впечатление, она подарила ему благосклонность, он стал ее возлюбленным, с тех пор был с ней в тайной связи и служил ей, как настоящий рыцарь. Спустя более двух десятилетий, когда оба постарели, женщина, естественно, больше, чем он, в нем проснулась потребность отделаться от нее, стать свободным, вести самостоятельную жизнь, завести свой дом и семью. И одновременно с этой пресыщенностью у него появилась долго подавляемая потребность мести своей возлюбленной. Если когда-то он хотел покончить с собой, потому что она пренебрегла им, то теперь ему захотелось найти удовлетворение в том, что она будет искать смерти, потому что он оставит ее. Но его любовь была еще слишком сильной для того, чтобы это желание могло стать осознанным; он был также не в состоянии причинить ей достаточно зла, чтобы довести ее до смерти. В таком состоянии духа он сделал светскую даму в известной степени мальчиком для битья, чтобы *in corpore vili* * удовлетворить свою жажду мести, причиняя ей всякие мучения, ожидая от них того исхода, которого он желал по отношению к любимой женщине. То, что месть относилась, собственно, к этой последней, выдает лишь то обстоятельство, что он посвятил ее в свою любовную связь, сделав ее своей советчицей, вместо того чтобы скрыть от нее свое падение. Несчастная давно, видимо, страдала от его фамильярности больше, чем светская дама от его жестокости. Насилие, на которое он жаловался по отношению к подставному лицу и которое привело его к анализу, было, конечно, перенесено со старой возлюбленной на нее; эта последняя была той, от которой он хотел освободиться и не мог. Я не графолог и не высокого мнения об искусстве угадывать характер по почерку, еще меньше я верю в возможность предсказывать таким образом будущее писавшего. Но вы видите, как ни раздумывай о ценности графологии, несомненно, что эксперт, обещая, что написавший предложенную ему пробу в ближайшее время покончит с собой, выявляет опять-таки только сильное тайное желание обратившегося к нему лица. Нечто подобное произошло и при втором толковании, разве что здесь речь шла не о бессознательном желании, а о том, что зарождавшиеся сомнения и озабоченность спрашивающего нашли свое ясное выражение в устах графолога. Впрочем, моему пациенту удалось с помощью анализа сделать выбор возлюбленной за пределами заколдованного круга, в который он попал.

Дамы и господа! Вот вы выслушали, что толкование сновидений и психоанализ вообще сделали для оккультизма. На примерах вы видели, что благодаря их использованию оккультные факты, которые остались

* На малоценном объекте (*лат.*).— *Примеч. ред. перевода.*

бы непроницаемыми, прояснились. На вопрос, который, несомненно, интересует вас больше всего,— можно ли верить в объективную реальность этих фактов? — психоанализ не может ответить прямо, однако выявленный с его помощью материал производит по меньшей мере благоприятное впечатление для утвердительного ответа. На этом ваш интерес не исчерпывается. Вы захотите узнать, право на какие выводы дает тот несравненно более богатый материал, к которому психоанализ непричастен. Но в этом я не могу вам помочь, это уже не моя область. Единственное, что я могу еще сделать, это рассказать о наблюдениях, которые имеют к анализу хоть какое-то отношение, они были сделаны во время аналитического лечения, может быть, даже стали возможны благодаря его влиянию. Я приведу вам один такой пример, тот, который произвел на меня самое сильное впечатление, сделаю это очень подробно, задержу ваше внимание на обилии частностей, и все-таки при этом придется опустить многое, что очень повысило бы убедительность наблюдения. Это пример, в котором факты ясно проступают и их не нужно распутывать при помощи анализа. Однако, обсуждая их, мы не сможем обойтись без нее. Но я заранее предупреждаю вас, что даже этот пример кажущейся передачи мыслей на расстоянии в аналитической ситуации не застрахован от всяческих сомнений и не позволяет безусловно принять за реальность оккультный феномен.

Итак, послушайте. Однажды осенью 1919 г. примерно без четверти 11 утра только что прибывший из Лондона д-р Дэвид Форсайт подал мне визитную карточку в то время, как я занимался одним пациентом. (Мой уважаемый коллега из Лондонского университета, конечно, не сочтет за бестактность, если я открою, что в течение нескольких месяцев вводил его в искусство психоаналитической техники.) У меня было время только поприветствовать его и пригласить на более поздний час. У меня д-р Форсайт вызывал особый интерес: он был первым иностранцем, который прибыл ко мне после изоляции военных лет, знаменуя своим появлением наступление лучших времен. Вскоре после этого, в 11 часов, пришел один из моих пациентов, господин П., остроумный и любезный человек в возрасте между 40 и 50, который в свое время обратился ко мне из-за трудностей с женщинами. Его случай не предвещал терапевтического успеха; я давно предлагал ему прекратить лечение, но он хотел его продолжения, очевидно, потому что приятно ощущал себя в [состоянии] перенесения чувства на меня как на отца. Деньги в те времена не играли никакой роли, так как их было слишком мало; часы, которые я проводил с ним, были и для меня приятным возбуждением и отдыхом, и таким образом, вопреки строгим правилам врачебной практики, аналитические занятия продолжались до намеченного срока.

В этот день П. вернулся к своим попыткам установить с женщинами любовные отношения и опять упомянул о красивой пикантной бедной девушке, у которой он мог бы иметь успех, если бы от любого серьезного шага его не отпугнул факт ее девственности. Он и раньше часто говорил о ней, сегодня же в первый раз рассказал, что она, конечно не

имея ни малейшего представления о действительных причинах его затруднения, обычно называет его «господин *Vorsicht*» [форзихт — осторожность]. Это сообщение поразило меня, карточка д-ра Форсайта была у меня под рукой, я показал ее ему.

Таковы факты. Предполагаю, что они показались вам скудными, но вы только послушайте дальше, за этим кроется большее.

Несколько лет своей юности П. прожил в Англии и с тех пор сохранил постоянный интерес к английской литературе. У него была богатая английская библиотека, он имел обыкновение приносить мне из нее книги, и ему я обязан знакомству с такими авторами, как Беннет и Голсуорси, которых я до этого мало читал. Однажды он дал мне почитать роман Голсуорси под названием *Человек-собственник*, который разыгрывается в придуманной писателем семье Форсайт (Forsyte). Очевидно, Голсуорси сам пленился этой выдумкой, потому что и в более поздних рассказах он неоднократно возвращается к персонажам этой семьи и наконец собирает все касающиеся их сочинения под названием *Сага о Форсайтах*. Всего лишь за несколько дней до описываемого случая П. принес мне новый том из этой серии. Фамилия Форсайт и все типичное, что хотел воплотить в ней писатель, играла роль также и в моих беседах с П., став частью тайного языка, так часто возникающего между двумя лицами при постоянном общении. Правда, фамилия *Форсайт* (Forsyte) в тех романах немного отличается от фамилии моего посетителя Форсайта (*Forsyth*), для немецкого произношения это едва различимо, а смысловое английское слово, произносимое нами также *foresight* [форсайт], переводится: предвидение или осторожность. Итак, П. действительно из своих личных взаимосвязей извлек ту же самую фамилию, которая в это же время вследствие неизвестного ему события занимала меня.

Не правда ли, это выглядит уже лучше. Но я полагаю, что мы получим более сильное впечатление от этого странного феномена и даже как бы проникнем в условия его возникновения, если аналитически осветим две другие ассоциации, которые привел П. именно в тот час.

Во-первых, в один из дней на прошлой неделе я напрасно прождал господина П. в 11 часов и затем ушел навестить д-ра Антона фон Фрейнда в его пансионе. Я был поражен, узнав, что господин П. жил на другом этаже дома, где помещался пансион. В связи с этим я позднее рассказал П., что я его, можно сказать, посетил в его доме, но я наверняка знаю, что я не назвал фамилии лица, которого я посетил в пансионе. И вот вскоре после упоминания господина фон Форзихт (Vorsicht) он спрашивает меня: «Не является ли *Фрейд-Отторего*, которая читает в народном университете курс английского языка, Вашей дочерью?» И впервые за долгое время общения он допускает искажение моей фамилии, к которому меня, правда, приучили власти, чиновники и наборщики: он сказал вместо *Фрейд* — *Фрейнд*.

Во-вторых, в конце того же часа он рассказал сон, от которого в страхе проснулся, настоящий, по его словам, кошмар. Он добавил, что недавно забыл, как это будет по-английски и сказал спрашивающему,

что по-английски кошмарный сон называется «*a mare's nest*». Это, конечно, бессмыслица, а *mare's nest* означает невероятную историю, небылицу, кошмарный сон же переводится как «*night-mare*». Этот случай, кажется, не имеет с предыдущим ничего общего, кроме одного элемента — английского языка, но мне он напомнил один маленький эпизод, происшедший примерно на месяц раньше. П. сидел у меня в комнате, когда неожиданно после долгой разлуки ко мне вошел другой приятный мне гость из Лондона, д-р Эрнест Джонс. Я подал ему знак пройти в другую комнату, пока я договорюсь с П. Но тот сразу узнал его по висящей в приемной фотографии и даже выразил желание быть ему представленным. А Джонс является автором монографии о кошмарном сне — *night-mare* (1912); я не знал, известна ли она была П. Тот избегал читать аналитические книги.

Сначала я хотел бы показать вам, как можно аналитически понять связь фантазий П. и их мотивировки. В отношении фамилии Forsyte или Forsyth П. имел ту же установку, что и я, она означала для него то же самое, я вообще обязан ему знакомством с этой фамилией. Примечательным был факт, что он внес эту фамилию неожиданно в анализ вскоре после того, как в результате нового события, прибытия лондонского врача, она приобрела для меня значение в другом смысле. Но может быть, не менее интересным, чем сам факт, является способ появления фамилии в нашей аналитической беседе. Он даже не сказал: сейчас мне пришла в голову фамилия Forsyte из известных вам романов, но сумел вплести ее в свои переживания безо всякого осознанного отношения к этому источнику и извлек ее оттуда на свет божий, что могло бы произойти давно, но до сих пор не происходило. А затем он сказал: я тоже Форсайт, ведь девушка меня так называет. Трудно не распознать смешения ревнивого притязания и горького самоуничижения, которые находят свое выражение в этом высказывании. Мы не ошибемся, если дополним его примерно так: меня обижает, что Ваши мысли целиком заняты прибывшим. Вернитесь все-таки ко мне, я ведь тоже *Форсайт* (Forsyth) — правда, всего лишь господин фон Форзихт [осторожность], как говорит девушка. И вот ход его мыслей возвращается по ассоциативной нити элемента «английский» к двум прежним обстоятельствам, которые могли вызвать ту же ревность. «Несколько дней тому назад Вы нанесли визит в мой дом, но, к сожалению, не мне, а какому-то господину *фон Фрейнду*». Эта мысль заставляет его изменить фамилию Фрейд на Фрейнд. Фамилия *Фрейд-Отторего* в лекционной программе должна была быть привлечена потому, что она, как принадлежащая преподавательнице английского языка, способствовала явной ассоциации. А затем присоединяется воспоминание о другом посетителе, прибывшем за несколько недель до того, по отношению к которому он, конечно, тоже испытывал чувство ревности, но в то же время понимал, что не может с ним соперничать, так как д-р Джонс сумел написать работу о кошмарном сне, а он эти сны в лучшем случае видел сам. И упоминание о своей ошибке в значении «*a mare's nest*» относится к этой же связи, этим ему хотелось сказать лишь следующее: я ведь все-таки не

настоящий англичанин, так же как и не настоящий Форсайт (Forsyth).

Его ревнивые побуждения я не могу назвать ни неуместными, ни непонятными. Он был подготовлен к тому, что его занятия анализом, а с ними и наше общение закончатся, как только в Вену прибудут иностранные ученики и пациенты, и так оно действительно вскоре и произошло. Но то, чего мы до сих пор достигли, было частью аналитической работы, объяснившей три фантазии, происшедшие в один и тот же час, продиктованные одним и тем же мотивом, а это имеет немного общего с другим вопросом: могут ли эти фантазии возникнуть без передачи мыслей или нет? Последнее имеет отношение к каждой из трех фантазий и, таким образом, распадается на три отдельных вопроса: мог ли П. знать, что д-р Форсайт только что нанес мне свой первый визит? Мог ли он знать фамилию лица, которое я посетил в его доме? Знал ли он, что д-р Джонс написал работу о кошмарном сне? Или это было только мое знание об этих вещах, которое проявилось в его фантазиях? От ответа на эти три вопроса будет зависеть, позволит ли мое наблюдение сделать вывод в пользу перенесения мыслей. Оставим на некоторое время первый вопрос, в двух других легче разобраться. Случай с визитом в пансион производит на первый взгляд особенно обнадеживающее впечатление. Я уверен, что в своем коротком шутливом упоминании о визите в его доме я не назвал никакой фамилии, и считаю весьма маловероятным, что П. справлялся в пансионе о фамилии лица, о котором идет речь, скорее я предположу, что о его существовании тому было совершенно неизвестно. Но доказательность этого случая подвергается основательному сомнению из-за одной случайности. Человек, которого я навестил в пансионе, не только носил фамилию *Фрейнд* (Freund), но он был для нас всех настоящим другом *. Это был д-р Антон Фрейнд, благодаря пожертвованию которого было основано наше издательство. Его безвременная кончина, как и смерть нашего Карла Абрахама несколько лет спустя, были самыми тяжелыми утратами, постигшими психоанализ. Итак, я мог бы тогда сказать господину П.: «Я посетил в вашем доме *одного друга*», и с этой возможностью оккультный интерес к его второй ассоциации исчезает.

Впечатление от третьей фантазии тоже быстро рассеивается. Мог ли П. знать, что Джонс опубликовал работу о кошмарном сне, если он никогда не читал аналитической литературы? Да, он мог это знать. У него были книги нашего издательства, и он мог видеть аннотации новых публикаций на обложках. Это нельзя доказать, но нельзя и опровергнуть. Итак, этим путем мы не придем ни к какому решению. К сожалению, мое наблюдение страдает тем же недостатком, как и многие ему подобные. Оно было слишком поздно записано и обсуждалось в то время, когда я больше не виделся с господином П. и не мог расспросить его о подробностях.

Но вернемся к первому случаю, который, даже взятый в отдельности, как будто бы сохраняет видимость факта передачи мыслей. Мог П.

* По-немецки Freund – друг.– *Примеч. пер.*

знать, что доктор Форсайт был у меня за четверь часа до него? Мог ли он вообще знать о его существовании или о его приезде в Вену? Нельзя поддаваться искушению всецело отрицать оба предположения. Мне видится все же путь, который ведет к частичному утверждению. Я ведь мог бы сообщить господину П., что жду врача из Англии для обучения анализу, как первого голубя после всемирного потопа. Это могло быть летом 1919 г.; за несколько месяцев до своего прибытия д-р Форсайт договаривался со мной об этом в письмах. Я даже мог назвать его фамилию, хотя это кажется мне весьма мало вероятным. Для выяснения другого значения этой фамилии для нас обоих следовало бы вспомнить беседу с упоминанием этой фамилии, от которой у меня должно было бы кое-что остаться в памяти. Все же это могло быть, а я потом об этом мог основательно забыть, так что «господин фон Форзихт» мог произвести на меня впечатление чуда во время аналитической беседы. Если считать себя скептиком, то весьма последовательно сомневаться время от времени и в своем скепсисе. Может быть, и у меня есть тайная склонность к чудесному, которая так способствует созданию оккультных фактов.

Если и этот чудесный случай убрать с пути, то нас ждет еще другой, самый трудный из всех. Предположим, что господин П. знал о существовании некоего д-ра Форсайта, которого ожидают в Вене осенью, тогда как объяснить, что он так восприимчив к нему как раз в день его прибытия и непосредственно после его первого визита? Можно сказать, что это случайность, т. е. оставить необъясненным, но я подробно обсудил те две фантазии П. именно для того, чтобы исключить случайность, чтобы показать вам, что он действительно был занят ревнивыми мыслями о людях, которые посещают меня и которых я посещаю; или можно попытаться предположить, чтобы не упустить самую крайнюю возможность, что П. заметил мое особое волнение, о котором я, правда, ничего не знал, сделав из него свое заключение. Или господин П., который пришел ведь всего лишь четверть часа спустя после англичанина, встретил его где-то на общем пути, узнал по типично английской внешности и, имея постоянно установку на свое ревнивое ожидание, подумал: «Вот это — д-р Форсайт, с прибытием которого моим занятиям анализом наступит конец. И вероятно, он сейчас как раз идет от профессора». Пойти дальше этих рационалистических предположений я не могу. Опять *non liquet* *, но я должен признать, что, по-моему, чаша весов и здесь склоняется в пользу передачи мыслей. Впрочем, безусловно я не единственный, кому доводилось переживать такие «оккультные» случаи в аналитической ситуации. Елена Дейч в 1926 г. опубликовала подобные наблюдения и изучала их обусловленность отношениями перенесения между пациентом и аналитиком.

Я убежден, что вы не особенно довольны моей установкой на эту проблему: убежден не до конца и все же к убеждению готов. Возможно,

* «Не ясно» — слова, с которыми древнеримский судья воздерживался от суждения.— *Примеч. ред. перевода.*

вы скажете себе: это опять тот случай, когда человек, всю свою жизнь честно проработавший в качестве естествоиспытателя, с возрастом становится слабоумным, набожным и легковерным. Я знаю несколько великих имен, принадлежащих к их числу, но меня не следует причислять к ним. Набожным я, по крайней мере, не стал, надеюсь, что и легковерным тоже. Только если человек всю свою жизнь сгибался для того, чтобы избегать болезненного столкновения с фактами, то и в старости его спина останется согнутой, сгибаясь под новыми фактами. Вам было бы, конечно, приятнее, если бы я придерживался умеренного теизма и показал себя непримиримым, отклоняя все оккультное. Но я не способен добиваться благосклонности, я предлагаю вам отнестись более дружелюбно к объективной возможности передачи мыслей, а вместе с тем и телепатии.

Не забывайте, что я обсуждал эти проблемы здесь лишь постольку, поскольку к ним можно приблизиться со стороны психоанализа. Когда более десяти лет тому назад они впервые вошли в поле моего зрения, я тоже испытал страх перед угрозой нашему научному мировоззрению которое в случае подтверждения элементов оккультизма должно было бы уступить место спиритизму и мистике. Сегодня я думаю по-другому; я полагаю, что о большом доверии к науке отнюдь не свидетельствует неверие в то, что она может воспринять и переработать то, что окажется действительным в оккультных утверждениях. Что же касается, в частности, передачи мыслей, то она-то, кажется, как раз и благоприятствует распространению научного — противники скажут: механистического — образа мышления на столь трудно постижимую духовную область. Ведь телепатический процесс, должно быть, в том и заключается, что какой-то психический акт одного лица возбуждает тождественный психический акт у другого лица. То, что лежит между обоими психическими актами, легко может быть физическим процессом, в который с одного конца переходит психическое и который на другом конце опять переводится в такое же психическое. Аналогия с другими переходами, как, например, при разговоре и слушании по телефону, была бы тогда несомненной. А представьте, если бы можно было овладеть этим физическим эквивалентом психического акта! Хочу сказать, что, включив бессознательное между физическим и тем, что до сих пор называлось «психическим», психоанализ подготовил почву для предположения таких процессов, как телепатия. Привыкни мы к представлению о телепатии, с ее помощью мы сможем сделать много, по крайней мере в воображении. Ведь, как известно, нет сведений о том, как осуществляется общая воля в больших колониях насекомых. Возможно, это происходит путем подобной прямой психической передачи. Возникает предположение, что это первоначальный, архаический путь коммуникации между отдельными существами, который в процессе филогенетического развития вытесняется лучшим средством сообщения при помощи знаков, воспринимаемых органами чувств. Но более древнее средство может сохраниться, оставаясь на заднем плане, выступая на первый план при определенных условиях, например в страстно возбужденных массах. Все это еще неопределенно и полно нерешенных загадок, но пугаться этого нет причин.

Если телепатия существует как реальный процесс, то, несмотря на ее трудную доказуемость, можно предположить, что она является довольно распространенным феноменом. Нашим ожиданиям соответствовало бы, если бы мы обнаружили ее непосредственно в душевной жизни ребенка. Тут-то и вспомнишь о часто встречающихся страхах детей, что родители знают все их мысли, хотя они их им и не сообщали,— полная аналогия и, быть может, источник веры взрослых во всеведение бога. Недавно одна внушающая доверие дама, Дороти Берлингем, сообщила в своей работе «Анализ ребенка и мать» (1932) о наблюдениях, которые, если они подтвердятся, должны положить конец остаткам сомнений в реальности передачи мыслей. Использовав нередкую теперь ситуацию, когда мать и ребенок одновременно проходят аналитические занятия, она рассказала об одном из странных случаев, происшедших с ней: однажды на аналитическом занятии мать рассказала о золотой вещице, игравшей определенную роль в одной из ее детских сцен. Сразу после этого, когда она вернулась домой, ее маленький (около 10 лет) мальчик пришел к ней в комнату и принес ее золотую вещицу, которую она хранила для него. Она спросила его удивленно, откуда он ее взял. Он получил ее в подарок ко дню рождения, но день рождения был несколько месяцев тому назад, и не было никаких причин того, чтобы именно сейчас ребенок вспомнил об этой золотой вещице. Мать рассказала о случившемся женщине-аналитику и попросила ее узнать о причине его действия. Но анализ, проведенный с ребенком, не дал никакого разъяснения, в тот день действие ворвалось в жизнь ребенка как инородное тело. Несколько недель спустя мать сидела за письменным столом, записывая рассказанное переживание, о чем ее попросили. Тут появился мальчик и попросил золотую вещицу обратно, чтобы взять ее с собой на аналитическую беседу и показать там. Анализ опять не дал никакого объяснения этому желанию.

Вот мы и вернулись снова к психоанализу, с которого начали.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Разделение психической личности

Уважаемые дамы и господа! Я знаю, что в своих взаимоотношениях с лицами или вещами вы сами определяете, что является исходным пунктом. Так было и с психоанализом: для развития, которое он получил, для отклика, который он нашел, было небезразлично, что начал он с работы над симптомом, самым чуждым для Я элементом, который имеется в душе. Симптом происходит от вытесненного, являясь одновременно его представителем перед Я, но вытесненное для Я — это чужая страна, внутренняя заграница, так же как реальность — разрешите такое необычное выражение — заграница внешняя. От симптома путь лежал к бессозна-

тельному, к жизни влечений, к сексуальности, и это было время, когда против психоанализа выдвигались глубокомысленные возражения, что человек — существо не только сексуальное, он знаком и с более благородными и более высокими порывами. Можно было бы добавить, что, вдохновленный сознанием этих высоких порывов, он нередко позволяет себе несуразные мысли и игнорирование фактов.

Вам лучше знать, что с самого начала у нас считалось: человек страдает от конфликта между требованиями жизни влечений и сопротивлением, которое поднимается в нем против них, и мы ни на миг не забывали об этой сопротивляющейся, отклоняющей, вытесняющей инстанции, которая, как мы полагали, обладает своими особыми силами, стремлениями Я, и которая совпадает с Я популярной психологии. Только ведь при всех трудных успехах научной работы и психоанализу не под силу было одновременно изучать все области и высказывать суждение сразу по всем проблемам. Наконец, дело дошло до того, что мы смогли направить свое внимание с вытесненного на вытесняющее и встали перед этим Я, казавшимся таким само собой разумеющимся, в твердой уверенности и здесь встретить вещи, к которым мы могли быть не подготовлены; однако было нелегко найти первый подход. Вот об этом-то я и хочу с вами сегодня побеседовать!

Предполагаю, однако, что это мое изложение психологии Я подействует на вас иначе, чем введение в психическую преисподнюю, которое ему предшествовало. Почему это так, с точностью сказать не могу. Как казалось мне сначала, вы подумаете, что ранее я сообщал вам факты, пусть даже непривычные и своеобразные, тогда как теперь вы услышите преимущественно мнения, т. е. умозрительные рассуждения. Но это не так; получше все взвесив, я должен сказать, что удельный вес мыслительной обработки фактического материала в нашей психологии Я ненамного больше, чем в психологии неврозов. Другие обоснования своего предположения я тоже вынужден был отбросить; теперь я считаю, что каким-то образом это кроется в характере самого материала и в непривычности нашего обращения с ним. Все же я не удивлюсь, если в своем суждении вы проявите еще больше сдержанности и осторожности, чем до сих пор.

Ситуация, в которой мы находимся в начале нашего исследования, сама должна указать нам путь. Мы хотим сделать предметом этого исследования Я, наше наисобственнейшее Я. Но возможно ли это? Ведь Я является самым подлинным субъектом, как же оно может стать объектом? И все-таки, несомненно, это возможно. Я может взять себя в качестве объекта, обращаться с собой, как с прочими объектами, наблюдать себя, критиковать и бог знает что еще с самим собой делать. При этом одна часть Я противопоставляет себя остальному Я. Итак, Я расчленимо, оно расчленяется в некоторых своих функциях, по крайней мере, на время. Части могут затем снова объединиться. Само по себе это не ново, возможно, непривычный взгляд на общеизвестные вещи. С другой стороны, нам знакома точка зрения, что патология своими преувеличениями и огрублениями может обратить наше внимание на нормальные отношения,

которые без этого ускользнули бы от нас. Там, где она обнаруживает слом и срыв, в нормальном состоянии может иметь место расчленение. Если мы бросим кристалл на землю, он разобьется, но не произвольно, а распадется по направлениям своих трещин на куски, грани которых, хотя и невидимо, все-таки предопределены структурой кристалла. Такими растрескавшимися и расколовшимися структурами являются душевнобольные. И мы не можем им отказать в чем-то вроде почтительного страха, который испытывали древние народы перед сумасшедшими. Они отвернулись от внешней реальности, но именно поэтому они больше знают о внутренней, психической реальности и могут нам кое-что выдать, что было бы нам иначе недоступно. Об одной группе таких больных мы говорим, что они страдают бредом наблюдения (Beobachtungswahn) *. Они жалуются нам, что постоянно и вплоть до самых интимных отправлений находятся под удручающим наблюдением неизвестных сил, вероятно все-таки лиц, и в галлюцинациях слышат, как эти лица объявляют о результатах своих наблюдений: «Сейчас он хочет сказать это, вот он одевается, чтобы выйти, и т. д.» Это наблюдение — еще не то же самое, что преследование, но близко к нему, оно предполагает, что больному не доверяют, ждут, как бы застать его за запретными действиями, за которые его должны наказать. Что было бы, если бы эти сумасшедшие были правы, если бы у нас у всех была такая наблюдающая и угрожающая наказанием инстанция в Я, которая у них лишь резко отделена от Я и по ошибке смещена во внешнюю реальность?

Не знаю, произойдет ли с вами то же, что и со мной. Но с тех пор, как под сильным впечатлением этой картины болезни мною овладела идея, что отделение наблюдающей инстанции от остального Я может быть в структуре Я закономерной чертой, она меня не оставляет, и я вынужден был заняться изучением и других характерных особенностей и отношений этой отделенной таким образом инстанции. Вскоре был сделан следующий шаг. Уже содержание бреда наблюдения намекает на то, что наблюдение является лишь подготовкой к суду и наказанию, и, таким образом, мы узнаем, что у этой инстанции есть другая функция, которую мы называем своей совестью. Вряд ли в нас найдется что-либо другое, что мы бы так постоянно отделяли от своего Я и так легко противопоставляли ему, как совесть. Я чувствую склонность что-то сделать, что обещает мне наслаждение, но отказываюсь от этого на основании того, что совесть мне этого не позволяет. Или, поддавшись чрезмерному желанию наслаждения, я делаю что-то, против чего поднимается голос совести, и после проступка моя совесть наказывает меня упреками стыда, заставляет раскаиваться за него. Я мог бы сказать просто, что особая инстанция, которую я начинаю различать в Я, является совестью, но более осторожным было бы считать эту инстанцию самостоятельной и предположить, что совесть является одной из ее функций, а самонаблюдение, необходимое как предпосылка судебной деятельности совести, является

* В советской психиатрической литературе рассматривается как один из вариантов бреда преследования.— *Примеч. ред. перев.*

другой ее функцией. А так как, признавая самостоятельное существование какой-либо вещи, нужно дать ей имя, я буду отныне называть эту инстанцию в Я *«Сверх-Я»*.

А теперь жду от вас иронического вопроса: не сводится ли эта ваша психология Я вообще к тому, чтобы буквально понимать общеупотребительные абстракции, превращая их из понятий в предметы, многого не выигрывая этим? Отвечу: в психологии Я трудно будет избежать общеизвестного, здесь речь будет идти, скорее, о новых точках зрения и систематизациях, чем о новых открытиях. Так что оставайтесь пока при своем уничтожающем критическом мнении и подождите дальнейших рассуждений. Факты патологии дают нашим исследованиям фон, который вы напрасно искали бы в популярной психологии. Далее. Едва мы примирились с идеей такого Сверх-Я, которое пользуется известной самостоятельностью, преследует собтвенные намерения и в своем обладании энергией независимо от Я, как перед нами неизбежно встает картина болезни, в которой со всей ясностью обнаруживается строгость, даже жестокость этой инстанции и изменения ее отношения Я. Я имею в виду состояние меланхолии, вернее, приступа меланхолии, о котором и вы тоже достаточно много слышали, даже если вы не психиатры. При этом недуге, о причинах и механизмах которого мы слишком мало знаем, наиболее яркой чертой является способ обращения Сверх-Я — про себя вы можете сказать: совести — с Я. В то время как меланхолик в здоровом состоянии может быть более или менее строг к себе, как любой другой, в приступе меланхолии Сверх-Я становится сверхстрогим, ругает, унижает, истязает бедное Я, заставляет его ожидать самых строгих наказаний, упрекает его за давно содеянное, которое в свое время воспринималось легко, как будто оно все это время собирало обвинения и только выжидало своего теперешнего прилива сил, чтобы выступить с ними и вынести приговор на основании этих обвинений. Сверх-Я предъявляет самые строгие моральные требования к отданному в его распоряжение беспомощному Я, оно вообще представляет собой требования морали, и мы сразу понимаем, что наше моральное чувство вины есть выражение напряжения между Я и Сверх-Я. Это весьма примечательный результат наблюдения: мораль, данная нам якобы от бога и пустившая столь глубокие корни, выступает [у таких пациентов] как периодическое явление. Потому что через определенное количество месяцев все моральное наваждение проходит, критика Сверх-Я умолкает, Я реабилитируется и вновь пользуется всеми человеческими правами вплоть до следующего приступа. Правда, при некоторых формах заболевания в промежутках происходит нечто противоположное: Я находится в состоянии блаженного опьянения, оно торжествует, как будто Сверх-Я утратило всякую силу и слилось с Я, и это ставшее свободным, маниакальное Я позволяет себе действительно безудержное удовлетворение всех своих прихотей. Процессы, полные нерешенных загадок!

Вы ждете, конечно, больше, чем простой иллюстрации, услышав от меня, что мы кое-что знаем об образовании Сверх-Я, т. е. о возникновении совести. Основываясь на известном высказывании Канта, сравнив-

шего нашу совесть со звездным небом, набожный человек мог бы, пожалуй, почувствовать искушение почесть оба их за прекрасные создания творца. Небесные тела, конечно, великолепны, но что касается совести, то здесь бог поработал не столь много и небрежно, потому что подавляющее большинство людей получило ее лишь в скромных размерах или в столь малой степени, что об этом не стоит и говорить. Мы ни в коей мере не отрицаем ту часть психологической истины, которая содержится в утверждении, что совесть — божественного происхождения, но это положение требует разъяснения. Если совесть тоже является чем-то «в нас», то это ведь не изначально. Это — полная противоположность сексуальной жизни, которая действительно была с самого начала жизни, а не добавилась лишь впоследствии. Но маленький ребенок, как известно, аморален, у него нет внутренних тормозов против стремлений к удовольствию. Роль, которую позднее берет на себя Сверх-Я, исполняется сначала внешней силой, родительским авторитетом. Родительское влияние на ребенка основано на проявлениях знаков любви и угрозах наказаниями, которые доказывают ребенку утрату любви и сами по себе должны вызывать страх. Этот реальный страх является предшественником более позднего страха совести: пока он царит, нет нужды говорить о Сверх-Я и о совести. Только впоследствии образуется вторичная ситуация, которую мы слишком охотно принимаем за нормальную, когда внешнее сдерживание уходит вовнутрь, когда на место родительской инстанции появляется Сверх-Я, которое точно так же наблюдает за Я, руководит им и угрожает ему, как раньше это делали родители в отношении ребенка.

Сверх-Я, которое, таким образом, берет на себя власть, работу и даже методы родительской инстанции, является не только ее преемником, но и действительно законным прямым наследником. Оно и выходит прямо из нее, и мы скоро узнаем, каким путем. Но сначала остановимся на рассогласовании между ними. Кажется, что Сверх-Я односторонне перенимает лишь твердость и строгость родителей, их запрещающую и наказывающую функцию, в то время как их исполненная любви забота не находит места и продолжения. Если родители действительно придерживались строгого воспитания, то кажется вполне понятным, если и у ребенка развивается строгое Сверх-Я, однако против ожидания опыт показывает, что Сверх-Я может быть таким же неумолимо строгим, даже если воспитание было мягким и добрым, если угроз и наказаний по возможности избегали. Позднее мы вернемся к этому противоречию, когда будем говорить о превращениях влечений при образовании Сверх-Я.

О превращении родительского отношения в Сверх-Я я не могу сказать вам так, как хотелось бы, отчасти потому, что этот процесс так запутан, что его изложение не уместится в рамки введения, которое я хочу вам дать, а с другой стороны, потому, что мы сами не уверены, что полностью его поняли. Поэтому довольствуйтесь следующими разъяснениями. Основой этого процесса является так называемая идентификация (Identifizierung), т. е. уподобление Я чужому Я, вследствие чего первое Я в определенных отношениях ведет себя как другое, подражает ему, прини-

мает его в известной степени в себя. Идентификацию не без успеха можно сравнить с оральным, каннибалистическим поглощением чужой личности. Идентификация — очень важная форма связи с другим лицом, вероятно, самая первоначальная, но не то же самое, что выбор объекта. Различие можно выразить примерно так: если мальчик идентифицирует себя с отцом, то он хочет *быть,* как отец; если он делает его объектом своего выбора, то он хочет *обладать,* владеть им; в первом случае его Я меняется по образу отца, во втором это не необходимо. Идентификация и выбор объекта в широком смысле независимы друг от друга; но можно идентифицировать себя именно с этим лицом, изменять Я в соответствии с ним, выбрав его, например, в качестве сексуального объекта. Говорят, что влияние сексуального объекта на Я особенно часто происходит у женщин и характерно для женственности. О наиболее поучительном отношении между идентификацией и выбором объекта я уже как-то говорил вам в предыдущих лекциях. Его легко наблюдать как у детей, так и у взрослых, как у нормальных, так и у больных людей. Если объект утрачен или от него вынуждены отказаться, то достаточно часто потерю возмещают тем, что идентифицируют себя с ним, восстанавливая в своем Я, так что здесь выбор объекта как бы регрессирует к идентификации.

Этими рассуждениями об идентификации я сам не вполне удовлетворен, но мне будет достаточно, если вы сможете признать, что введение в действие Сверх-Я может быть описано как удачный случай идентификации с родительской инстанцией. Решающим фактом для этой точки зрения является то, что это новообразование превосходящей инстанции в Я теснейшим образом связано с судьбой Эдипова комплекса, так что Сверх-Я является наследием этой столь значимой для детства эмоциональной связи. Мы понимаем, что с устранением Эдипова комплекса ребенок должен отказаться от интенсивной привязанности к объектам, которыми были его родители, а для компенсации этой утраты объектов в его Я очень усиливаются вероятно давно имевшиеся идентификации с родителями. Такие идентификации, как следствия отказа от привязанности к объектам, позднее достаточно часто повторяются в жизни ребенка, но эмоциональной ценности этого первого случая такой замены вполне соответствует то, что в результате этого в Я создается особое положение. Тщательное исследование показывает нам также, что Сверх-Я теряет в силе и завершенности развития, если преодоление Эдипова комплекса удается лишь отчасти. В процессе развития на Сверх-Я влияют также те лица, которые заместили родителей, т. е. воспитатели, учителя, идеальные примеры. Обычно оно все больше отдаляется от первоначальных индивидуальностей родителей, становясь, так сказать, все более безличностным. Но нельзя также забывать, что ребенок по-разному оценивает своих родителей на разных этапах жизни. К тому времени, когда Эдипов комплекс уступает место Сверх-Я, они являют собой нечто совершенно замечательное, утрачивая очень многое впоследствии. И тогда тоже происходят идентификации с этими более поздними родителями, они даже обычно способствуют формированию характера, но это касается

только Я, на Сверх-Я, которое было сформировано более ранним образом родителей, они уже не влияют.

Надеюсь, у вас уже сложилось впечатление, что понятие Сверх-Я описывает действительно структурное соотношение, а не просто персонифицирует абстракцию наподобие совести. Мы должны упомянуть еще одну важную функцию, которой мы наделяем это Сверх-Я. Оно является также носителем Я-идеала, с которым Я соизмеряет себя, к которому оно стремится, чье требование постоянного совершенствования оно старается выполнить. Несомненно, этот Я-идеал является отражением старого представления о родителях, выражением восхищения их совершенством, которое ребенок им тогда приписывал.

Знаю, что вы много слышали о чувстве неполноценности, которое характеризует как раз невротиков[66]. Оно проявляется, в частности, в так называемой художественной литературе. Писатель, употребивший словосочетание «комплекс неполноценности», считает, что этим он удовлетворяет всем требованиям психоанализа и поднимает свое творение на более высокий психологический уровень. В действительности искусственное словосочетание «комплекс неполноценности» в психоанализе почти не употребляется. Он не является для нас чем-то простым, тем более элементарным. Сводить его к самовосприятию возможного недоразвития органов, как это любят делать представители школы так называемой индивидуальной психологии, кажется нам недальновидным заблуждением. Чувство неполноценности имеет глубоко эротические корни. Ребенок чувствует себя неполноценным, если замечает, что он нелюбим, и точно так же взрослый. Единственный орган, который может рассматриваться как неполноценный, это рудиментарный пенис, клитор девочки. Но по большей части чувство неполноценности происходит из отношения Я к своему Сверх-Я, являясь, так же как чувство вины, выражением напряжения между ними. Чувство неполноценности и чувство вины вообще трудно отделить друг от друга. Возможно, было бы правильно видеть в первом эротическое дополнение к чувству моральной неполноценности. Этому вопросу разграничения понятий мы в психоанализе уделяли мало внимания.

Именно потому, что комплекс неполноценности стал так популярен, я позволю себе сделать здесь небольшое отступление. У одного исторического деятеля нашего времени, который здравствует и поныне, но отошел от дел, вследствие родовой травмы имело место некоторое недоразвитие одного члена. Очень известный писатель наших дней, охотнее всего пишущий биографии замечательных людей, занялся жизнью этого упомянутого мной человека. Но ведь трудно подавить в себе потребность углубления в психологию, когда пишешь биографию. Поэтому наш автор отважился на попытку построить все развитие характера своего героя на чувстве неполноценности, вызванном этим физическим дефектом. Но при этом он упустил один маленький, но немаловажный факт. Обычно матери, которым судьба дала больного или неполноценного ребенка, пытаются восполнить эту несправедливость чрезмерной любовью. В нашем случае гордая мать повела себя по-другому, она отказала ребенку в любви

из-за его недостатка. Когда он стал могущественным человеком, то всеми своими действиями доказал, что так никогда и не простил свою мать. Если вы представите себе значение материнской любви для детской душевной жизни, вы, видимо, мысленно внесете поправки в теорию неполноценности биографа.

Но вернемся к Сверх-Я. Мы наделили его самонаблюдением, совестью и функцией идеала. Из наших рассуждений о его возникновении получается, что оно обусловлено чрезвычайно важным биологическим, а также определяющим судьбу психологическим фактом, а именно длительной зависимостью ребенка от своих родителей и Эдиповым комплексом, которые опять-таки внутренне связаны между собой. Сверх-Я является для нас представителем всех моральных ограничений, поборником стремления к совершенствованию, короче, тем, что нам стало психологически доступно из так называемого более возвышенного в человеческой жизни. Поскольку оно само восходит к влиянию родителей, воспитателей и им подобных, мы узнаем еще больше о его значении, если обратимся к этим его источникам. Как правило, родители и аналогичные им авторитеты в воспитании ребенка следуют предписаниям собственного Сверх-Я. Как бы ни расходилось их Я со Сверх-Я, в воспитании ребенка они строги и взыскательны. Они забыли трудности своего собственного детства, довольны, что могут наконец полностью идентифицировать себя со своими родителями, которые в свое время налагали на них тяжелые ограничения. Таким образом, Сверх-Я ребенка строится собственно не по примеру родителей, а по родительскому Сверх-Я; оно наполняется тем же содержанием, становится носителем традиции, всех тех сохранившихся во времени ценностей, которые продолжают существовать на этом пути через поколения. Вы легко угадаете, какую важную помощь для понимания социального поведения человека, например, для понимания беспризорности, или даже практические советы по воспитанию можно извлечь из представления о Сверх-Я. Видимо, так называемые материалистические воззрения на историю грешат недооценкой этого фактора. Они отделываются от него замечанием, что «идеологии» людей суть не что иное, как результат и надстройка действующих экономических отношений. Это правда, но очень вероятно — не вся правда. Человечество никогда не живет полностью в настоящем, в идеологиях Сверх-Я продолжает жить прошлое, традиция расы и народа, которые лишь медленно поддаются влияниям современности, новым изменениям, и, пока оно действует через Сверх-Я, оно играет значительную, независимую от экономических отношений роль в человеческой жизни.

В 1921 г. при изучении психологии масс я попытался использовать дифференциацию Я и Сверх-Я. Я пришел к формуле: «Психологическая масса является объединением отдельных личностей, которые ввели в свое Сверх-Я одно и то же лицо и на основе этой общности идентифицировались друг с другом в своем Я». Она относится, конечно, только к тем массам, которые имеют одного вождя [67]. Если бы у нас было больше примеров такого рода, то предположение Сверх-Я перестало бы быть совершенно чуждым для нас и мы совсем освободились бы от той робости,

которая все еще охватывает нас, привыкших к атмосфере преисподней, при продвижении на более поверхностные, более высокие слои психического аппарата. Разумеется, мы не думаем, что, выделяя Сверх-Я, мы говорим последнее слово в психологии Я. Это скорее начало, с той лишь разницей, что тут не только начало трудно.

Ну а теперь нас ждет другая задача, так сказать, с другой стороны Я. Она возникла благодаря наблюдению во время аналитической работы, наблюдению, собственно говоря, очень старому. Как уже не раз бывало, им давно пользовались, прежде чем решились признать. Как вы знаете, вся психоаналитическая теория, собственно, построена на признании сопротивления, которое оказывает нам пациент при попытке сделать сознательным его бессознательное. Объективным признаком сопротивления является то, что его ассоциативные мысли остаются необъяснимыми или далеко уклоняются от обсуждаемой темы. Субъективно он может и признавать сопротивление, потому что испытывает ощущение стыда, приближаясь к теме. Но этот последний признак может и отсутствовать. Тогда мы говорим пациенту, что из его отношения мы заключаем, что он находится сейчас в состоянии сопротивления, а он отвечает, что ничего об этом не знает и замечает только затруднения [в появлении] ассоциативных мыслей. Обнаруживается, что мы были правы, но тогда его сопротивление было тоже бессознательным, таким же бессознательным, как и вытесненное (Verdrängte), над устранением которого мы работали. Следовало бы давно поставить вопрос: из какой части его душевной жизни исходит такое бессознательное сопротивление? Новичок в психоанализе быстро найдет ответ: это и есть сопротивление бессознательного. Двусмысленный, неприемлемый ответ! Если под этим подразумевается, что он исходит из вытесненного, то мы должны сказать: это не так! Вытесненному мы скорее припишем сильный импульс, стремление пробиться к сознанию. Сопротивление может быть только выражением Я, которое в свое время осуществило вытеснение, а теперь хочет его сохранить. Так мы всегда и понимали это раньше. С тех пор как мы предполагаем в Я особую инстанцию, представляющую ограничивающие и отклоняющие требования, Сверх-Я, мы можем сказать, что вытеснение является делом этого Сверх-Я, оно проводит вытеснение или само, или по его заданию это делает послушное ему Я. И вот если налицо случай, когда сопротивление при анализе пациентом не осознается, то это значит, что либо Сверх-Я и Я в очень важных ситуациях могут работать бессознательно, либо, что было бы еще значительнее, что некоторые части того и другого, Я и самого Сверх-Я, являются бессознательными. В обоих случаях мы вынуждены прийти к неутешительному выводу, что Сверх-Я и сознательное, с одной стороны, и вытесненное и бессознательное — с другой, ни в коем случае не совпадают [68].

Уважаемые дамы и господа! Видимо, надо сделать передышку, против чего и вы тоже не будете возражать, но, прежде чем я продолжу, выслушайте мои извинения. Хочу сделать дополнения к введению в психоанализ, которое я начал пятнадцать лет тому назад, и вынужден вести себя так, будто и вы в этот промежуток времени не занимались

ничем иным, кроме психоанализа. Я знаю, что это невероятное предположение, но я беспомощен, я не могу поступить иначе. И связано это с тем, что вообще очень трудно познакомить с психоанализом того, кто сам не является психоаналитиком. Поверьте, мы не хотим произвести впечатление, будто мы члены тайного общества и занимаемся какой-то тайной наукой. И все же мы должны признать и объявить своим убеждением, что никто не имеет права вмешиваться в разговор о психоанализе, не овладев определенным опытом, который можно получить только при анализе своей собственной личности. Когда я читал вам лекции пятнадцать лет тому назад, я пытался не обременять вас некоторыми умозрительными моментами нашей теории, но именно с ними связаны новые данные, о которых я хочу сказать сегодня.

Возвращаюсь к теме. Свое сомнение, могут ли Я или даже Сверх-Я быть бессознательными или они только способны осуществлять бессознательные действия, мы с полным основанием решаем в пользу первой возможности. Да, значительные части Я и Сверх-Я могут оставаться бессознательными, обычно являются бессознательными. Это значит, что личность ничего не знает об их содержании и ей требуется усилие, чтобы сделать их для себя сознательными. Бывает, что Я и сознательное, вытесненное и бессознательное не совпадают. Мы испытываем потребность основательно пересмотреть свой подход к проблеме сознательное—бессознательное. Сначала мы были склонны значительно снизить значимость критерия сознательности, поскольку он оказался столь ненадежным. Но мы поступили бы несправедливо. Здесь дело обстоит так же, как с нашей жизнью: она не многого стоит, но это все, что у нас есть. Без света этого качества сознания мы бы затерялись в потемках глубинной психологии; но мы имеем право попытаться сориентировать себя по-новому.

То, что должно называться сознательным, не нуждается в обсуждении, здесь нет никаких сомнений. Самое старое и самое лучшее значение слова «бессознательный» — описательное: бессознательным мы называем психический процесс, существование которого мы должны предположить, поскольку мы выводим его из его воздействий, ничего не зная о нем. Далее, мы имеем к нему такое же отношение, как и к психическому процессу другого человека, только он-то является нашим собственным. Если выразиться еще конкретнее, то следует изменить предложение следующим образом: мы называем процесс бессознательным, когда мы предполагаем, что он активизировался *сейчас*, хотя *сейчас* мы ничего о нем не знаем. Это ограничение заставляет задуматься о том, что большинство сознательных процессов сознательны только короткое время; очень скоро они становятся *латентными*, но легко могут вновь стать сознательными. Мы могли бы также сказать, что они стали бессознательными, если бы вообще были уверены, что в состоянии латентности они являются еще чем-то психическим. Таким образом мы не узнали бы ничего нового и даже не получили бы права ввести понятие бессознательного в психологию. Но вот появляется новый опыт, который мы уже можем продемонстрировать на [примере] ошибочных действий. Например, для объясне-

ния какой-то оговорки мы вынуждены предположить, что у допустившего ее образовалось определенное речевое намерение. По происшедшей ошибке в речи мы со всей определенностью догадываемся о нем, но оно не осуществилось, т. е. оно было бессознательным. Если мы по прошествии какого-то времени приводим его говорившему и тот сможет признать его знакомым, то, значит, оно было бессознательным лишь какое-то время, если же он будет отрицать его как чуждое ему, то, значит, оно длительное время было бессознательным. Возвращаясь к сказанному, из этого опыта мы получаем право объявить бессознательным и то, что называется латентным. Учитывая эти динамические отношения, мы можем теперь выделить два вида бессознательного: одно, которое при часто повторяющихся условиях легко превращается в сознательное, и другое, при котором это превращение происходит с трудом и лишь со значительными усилиями, а может и никогда не произойти. Чтобы избежать двусмысленности, имеем ли мы в виду одно или другое бессознательное, употребляем ли слово в описательном или в динамическом смысле, договоримся применять дозволенный, простой паллиатив. То бессознательное, которое является только латентным и легко становится сознательным, мы назовем предсознательным, другому же оставим название «бессознательный». Итак, у нас три термина: сознательный, предсознательный и бессознательный, которых достаточно для описания психических феноменов. Еще раз: чисто описательно и предсознательное бессознательно, но мы так его не называем, разве что в свободном изложении, если нам нужно защитить существование бессознательных процессов вообще в душевной жизни.

Надеюсь, вы признаете, что это пока не так уж сложно и вполне пригодно для употребления. Да, но, к сожалению, психоаналитическая работа настойчиво требует употребления слова «бессознательный» еще и в другом, третьем смысле, и это, возможно, и вносит путаницу. Под новым и сильным влиянием того, что обширная и важная область душевной жизни обычно скрыта от знания Я, так что протекающие в ней процессы следует признать бессознательными в правильном динамическом смысле, мы понимаем термин «бессознательный» также и в топическом или систематическом смысле, говоря о системе предсознательного и бессознательного, о конфликте Я с системой бессознательного (ubw), все больше придавая слову скорее смысл области души, чем качества психики. Явно неудобное открытие, согласно которому даже части Я и Сверх-Я в динамическом отношении бессознательны, мы воспринимаем здесь как облегчение, ибо оно позволяет нам устранить осложнение. Мы видим, что не имеем права называть чуждую Я область души системой ubw, так как неосознанность не является исключительно ее характеристикой. Хорошо, не будем больше употреблять слово «бессознательный» в систематическом смысле, дав прежнему обозначению лучшее, не допускающее неправильного толкования название. Вслед за Ницше и по примеру Г. Гроддека (1923) мы будем называть его в дальнейшем *Оно* (Es). Это безличное местоимение кажется особенно подходящим для выражения основного характера этой области души, ее чуждости Я. Сверх-Я, Я и

Оно — вот три царства, сферы, области, на которые мы разложим психический аппарат личности, взаимодействиями которых мы займемся в дальнейшем.

Но прежде только одна короткая вставка. Догадываюсь, что вы недовольны тем, что три качества сознательного и три сферы психического аппарата не сочетаются в три мирно согласующиеся пары, видя в этом нечто омрачающее наши результаты. Однако, по-моему, сожалеть об этом не стоит, и мы должны сказать себе. что не имеем права ожидать такого приглаженного упорядочивания. Позвольте привести сравнение, правда, сравнения ничего не решают, но они могут способствовать наглядности. Представьте себе страну с разнообразным рельефом — холмами, равниной и цепями озер, со смешанным населением — в ней живут немцы, мадьяры и словаки, которые занимаются различной деятельностью. И вот распределение могло бы быть таким: на холмах живут немцы, они скотоводы, на равнине — мадьяры, которые выращивают хлеб и виноград, на озерах — словаки, они ловят рыбу и плетут тростник. Если бы это распределение было безукоризненным и четким, то Вильсон мог бы ему порадоваться, это было бы также удобно для сообщения на уроке географии. Однако очевидно, что, путешествуя по этой стране, вы найдете здесь меньше порядка и больше пестроты. Немцы, мадьяры и словаки всюду живут вперемешку, на холмах тоже есть пашни, на равнине также держат скот. Кое-что, естественно, совпадет с вашими ожиданиями, т. е. в горах не занимаются рыболовством, а виноград не растет в воде. Да, картина местности, которую вы представили себе, в общем и целом будет соответствовать действительности, в частностях же вы допустите отклонения [69].

Не ждите, что об *Оно*, кроме нового названия, я сообщу вам много нового. Это темная, недоступная часть нашей личности; то немногое, что вам о ней известно, мы узнали, изучая работу сновидения и образование невротических симптомов, и большинство этих сведений носят негативный характер, допуская описание только в качестве противоположности Я. Мы приближаемся к [пониманию] Оно при помощи сравнения, называя его хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений. Мы представляем себе, что у своего предела оно открыто соматическому, вбирая оттуда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психическое выражение, но мы не можем сказать, в каком субстрате. Благодаря влечениям оно наполняется энергией, но не имеет организации, не обнаруживает общей воли, а только стремление удовлетворить инстинктивные потребности при сохранении принципа удовольствия. Для процессов в Оно не существует логических законов мышления, прежде всего тезиса о противоречии. Противоположные импульсы существуют друг подле друга, не отменяя друг друга и не удаляясь друг от друга, в лучшем случае для разрядки энергии под давлением экономического принуждения объединяясь в компромиссные образования. В Оно нет ничего, что можно было бы отождествить с отрицанием, и мы с удивлением видим также исключение из известного философского положения, что пространство и время являются необходимыми формами наших пси-

хических актов. В Оно нет ничего, что соответствовало бы представлению о времени, никакого признания течения во времени и, что в высшей степени странно и ждет своего объяснения философами, нет никакого изменения психического процесса с течением времени. Импульсивные желания, которые никогда не переступают через Оно, а также впечатления, которые благодаря вытеснению опустились в Оно, виртуально бессмертны, спустя десятилетия они ведут себя так, словно возникли заново. Признать в них прошлое, суметь обесценить их и лишить заряда энергии можно только в том случае, если путем аналитической работы они станут осознанными, и на этом в немалой степени основывается терапевтическое действие аналитического лечения.

У меня все время создается впечатление, что из этого не подлежащего сомнению факта неизменности вытесненного во времени мы мало что дали для нашей теории. А ведь здесь, кажется, открывается подход к самому глубокому пониманию. К сожалению, и я не продвинулся здесь дальше.

Само собой разумеется, Оно не знакомы никакие оценки, никакое добро и зло, никакая мораль. Экономический или, если хотите, количественный момент, тесно связанный с принципом удовольствия, управляет всеми процессами. Все эти инстинкты, требующие выхода, полагаем мы, находятся в Оно. Кажется даже, что энергия этих инстинктивных импульсов находится в другом состоянии, чем в иных душевных областях, она более подвижна и способна к разрядке, потому что иначе не могли бы происходить те смещения и сгущения, которые характерны для Оно и совершенно не зависят от качества заряженного (Besetzte) — в Я мы назвали бы это представлением. Чего бы мы только ни дали, чтобы побольше знать об этих вещах! Между прочим, вы видите, что мы в состоянии назвать еще и другие свойства Оно, кроме того, что оно бессознательно, а также признаете возможность того, что части Я и Сверх-Я являются бессознательными, не имея таких же примитивных и иррациональных черт. К характеристике собственно Я, насколько оно допускает обособление от Оно, и Сверх-Я мы, скорее всего, приблизимся, если примем во внимание его отношение к самой внешней поверхностной части психического аппарата, которую мы обозначим как систему W—Bw. Эта система обращена к внешнему миру, она опосредует его восприятия, во время ее функционирования в ней возникает феномен сознания. Это орган чувств всего аппарата, восприимчивый, между прочим, к возбуждениям, идущим не только извне, но и из недр душевной жизни. Вряд ли нуждается в пояснении точка зрения, согласно которой Я является той частью Оно, которая модифицировалась благодаря близости и влиянию внешнего мира, приспособлена к восприятию раздражений и защите от них, может быть сравнима с корковым слоем, которым окружен комочек живой субстанции. Отношение к внешнему миру для Я стало решающим, оно взяло на себя задачу представлять его перед Оно для блага Оно, которое в слепом стремлении к удовлетворению влечений, не считаясь с этой сверхсильной внешней властью, не смогло бы избежать уничтожения. Выполняя эту функцию, Я должно наблюдать за внешним

миром, откладывать в следах своих восприятий правильный его образ, путем проверки реальностью удалять из этой картины внешнего мира все добавления, идущие от внутренних источников возбуждения. По поручению Оно Я владеет подходами к моторике, но между потребностью и действием оно делает отсрочку для мыслительной работы, во время которой использует остатки воспоминаний из опыта. Таким образом, принцип удовольствия, который неограниченно правит ходом процессов в Оно, оказывается низвергнутым с трона и заменяется принципом реальности, который обещает больше надежности и успеха.

Очень сложное для описания отношение ко времени также сообщается Я системой восприятия; едва ли можно сомневаться в том, что способ работы этой системы дает начало представлению о времени. Чем особенно отличается Я от Оно, так это стремлением к синтезу своих содержаний, к обобщению и унификации своих психических процессов, которое совершенно отсутствует у Оно. Когда мы в будущем поведем разговор о влечениях в душевной жизни, нам, вероятно, удастся найти источник этой существенной характерной черты Я. Она единственная дает ту высокую степень организации, которой Я обязано лучшими своими достижениями. Развитие идет от восприятия влечений к овладению ими, но последнее достигается только тем, что психическое выражение влечений включается в более широкую систему, входит в какую-то взаимосвязь. Пользуясь популярными выражениями, можно сказать, что Я в душевной жизни представляет здравый смысл и благоразумие, а Оно — неукротимые страсти [70].

До сих пор нам импонировало перечисление преимуществ и способностей Я, теперь настало время вспомнить и об оборотной стороне. Я является лишь частью Оно, частью, целесообразно измененной близостью к грозящему опасностями внешнему миру. В динамическом отношении оно слабо, свою энергию оно заимствовало у Оно, и мы имеем некоторое представление относительно методов, можно даже сказать, лазеек, благодаря которым оно продолжает отнимать энергию у Оно. Таким путем осуществляется, например, также идентификация с сохранившимися или оставленными объектами. Привязанность к объектам исходит из инстинктивных притязаний Оно. Я сначала их регистрирует. Но, идентифицируясь с объектом, оно предлагает себя Оно вместо объекта, желая направить либидо Оно на себя. Мы уже знаем, что в процессе жизни Я принимает в себя большое число остатков бывшей привязанности к объектам. В общем, Я должно проводить в жизнь намерения Оно, оно выполняет свою задачу, изыскивая обстоятельства, при которых эти намерения могут быть осуществлены наилучшим образом. Отношение Я к Оно можно сравнить с отношением наездника к своей лошади. Лошадь дает энергию для движения, наездник обладает преимуществом определять цель и направление движения сильного животного. Но между Я и Оно слишком часто имеет место далеко не идеальное взаимоотношение, когда наездник вынужден направлять скакуна туда, куда тому вздумается.

От одной части Оно Я отделилось благодаря сопротивлениям вытес-

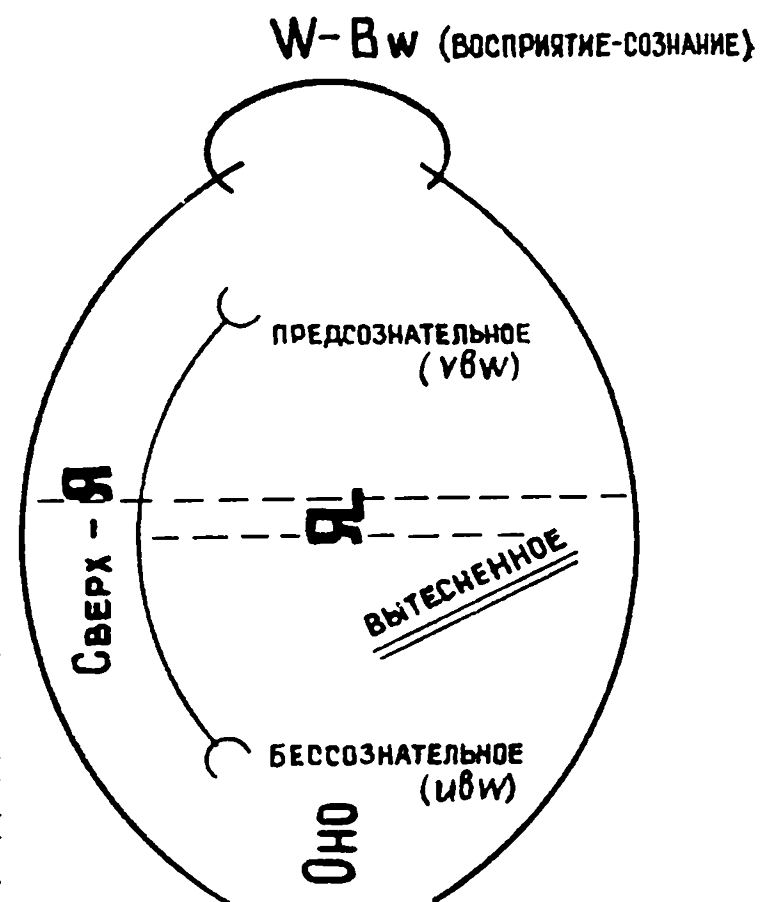
нения. Но вытеснение не продолжается в Оно. Вытесненное сливается с остальным Оно.

Поговорка предостерегает от служения двум господам. Бедному Я еще тяжелее, оно служит трем строгим властелинам, стараясь привести их притязания и требования в согласие между собой. Эти притязания все время расходятся, часто кажутся несовместимыми: неудивительно, что Я часто не справляется со своей задачей. Тремя тиранами являются: внешний мир, Сверх-Я и Оно. Если понаблюдать за усилиями Я, направленными на то, чтобы служить им одновременно, а точнее, подчиняться им одновременно, вряд ли мы станем сожалеть о том, что представили это Я в персонифицированном виде как некое существо. Оно чувствует себя стесненным с трех сторон, ему грозят три опасности, на которые оно, будучи в стесненном положении, реагирует появлением страха. Благодаря своему происхождению из опыта системы восприятия, оно призвано представлять требования внешнего мира, но оно хочет быть и верным слугой Оно, пребывать с ним в согласии, предлагая ему себя в качестве объекта, привлекать его либидо на себя. В своем стремлении посредничать между Оно и реальностью оно часто вынуждено одевать бессознательные (ubw) требования Оно в свои предсознательные (vbw) рационализации, затушевывать конфликты Оно с реальностью, с дипломатической неискренностью разыгрывать оглядку на реальность, даже если Оно упорствует и не сдается. С другой стороны, за ним на каждом шагу наблюдает строгое Сверх-Я, которое предписывает ему определенные нормы поведения, невзирая на трудности со стороны Оно и внешнего мира, и наказывает его в случае непослушания напряженным чувством неполноценности и сознания вины. Так Я, движимое Оно, стесненное Сверх-Я, отталкиваемое реальностью, прилагает все усилия для выполнения своей экономической задачи установления гармонии между силами и влияниями, которые действуют в нем и на него, и мы понимаем, почему так часто не можем подавить восклицания: жизнь не легка! Если Я вынуждено признать свою слабость, в нем возникает страх, реальный страх перед внешним миром, страх совести перед Сверх-Я, невротический страх перед силой страстей в Оно.

Структурные соотношения психической личности, изложенные мною, я хотел бы представить в непритязательном рисунке, который я здесь прилагаю.

Здесь вы видите, что Сверх-Я погружается в Оно, как наследник Эдипова комплекса оно имеет с ним интимные связи; оно дальше от системы восприятия, чем Я. Оно сообщается с внешним миром только через Я, по крайней мере на этой схеме. Сегодня, конечно, трудно сказать, насколько рисунок правилен; по крайней мере, в одном отношении это определенно не так. Пространство, которое занимает бессознательное Оно, должно быть несравненно больше, чем пространство Я или предсознательного. Прошу вас, сделайте мысленно поправку.

А теперь в заключение этих безусловно утомительных и, возможно, не совсем ясных рассуждений еще одно предостережение! Разделяя личность на Я, Сверх-Я и Оно, вы, разумеется, не имеете в виду строгие

границы наподобие тех, которые искусственно проведены в политической географии. Своеобразие психического мы изобразим не линейными контурами, как на рисунке или в примитивной живописи, а скорее расплывчатыми цветовыми пятнами, как у современных художников! После того как мы произвели разграничение, мы должны выделенное опять слить вместе. Не судите слишком строго о первой попытке сделать наглядным психическое, с таким трудом поддающееся пониманию. Весьма вероятно, что образование этих отдельных областей у различных лиц весьма вариабельно, возможно, что при функционировании они сами изменяются и временно регрессируют. Это, в частности, касается филогенетически последнего и самого интимного — дифференциации Я и Сверх-Я. Несомненно, что нечто подобное вызывается психическим заболеванием. Можно хорошо представить себе также, что каким-то мистическим практикам иногда удается опрокинуть нормальные отношения между этими отдельными областями, так что, например, восприятие может уловить соотношения Я и Оно, которые в иных случаях были ему недоступны. Можно спокойно усомниться в том, что на этом пути мы достигнем последней истины, от которой ждут всеобщего спасения, но мы все-таки признаем, что терапевтические усилия психоанализа избрали себе аналогичную точку приложения. Ведь их цель — укрепить Я, сделать его более независимым от Сверх-Я, расширить поле восприятия и перестроить его организацию так, чтобы оно могло освоить новые части Оно. Там, где было Оно, должно стать Я.

Это примерно такая же культурная работа, как осушение Зёйдер-Зе.

ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Страх и жизнь влечений

Уважаемые дамы и господа! Вы не удивитесь, услышав, что я намерен сообщить вам о том новом, что появилось в нашем понимании страха и основных влечений душевной жизни, не удивитесь также и тому, что ничего из этого нового не претендует на окончательное решение стоящих перед нами проблем. Я намеренно говорю здесь о понимании. Задачи, с которыми мы столкнулись, чрезвычайно трудны, но трудность состоит не в недостатке наблюдений; как раз наиболее часто встречающиеся и хорошо знакомые феномены и задают нам эти загадки; дело также не в умозрительных построениях, к которым они побуждают;

умозрительная обработка в этой области мало принимается во внимание. Речь идет действительно о понимании, т. е. о том, чтобы ввести правильные абстрактные представления, применив которые к сырому материалу наблюдений, можно добиться порядка и ясности.

Страху я уже посвятил одну лекцию прошлого цикла, двадцать пятую. Коротко повторю ее содержание. Мы говорили, что страх — это состояние аффекта, т. е. объединение определенных ощущений ряда удовольствие—неудовольствие с соответствующими им иннервациями разрядки [напряжения] и их восприятием, а также, вероятно, и отражение определенного значимого события, запечатлевшегося наследственно и, следовательно, сравнимого с индивидуально приобретенным истерическим припадком. В качестве события, оставившего такой аффективный след, мы взяли процесс рождения, при котором свойственные страху воздействия на сердечную деятельность и дыхание были целесообразными. Таким образом, самый первый страх был токсическим. Затем мы исходили из различия между реальным страхом и невротическим, рассматривая первый как кажущуюся нам понятной реакцию на опасность, т. е. на ожидаемый ущерб извне, второй — как совершенно бесцельный и потому загадочный. При анализе реального страха мы свели его к состоянию повышенного сенсорного внимания и моторного напряжения, которые мы называем *готовностью к страху* (Angstbereitschaft). Из нее развивается реакция страха. В ней возможны два исхода. Или *развитие страха*, повторение старого травматического переживания ограничивается сигналом, тогда остальная реакция может приспособиться к новой опасной ситуации, выразиться в бегстве или защите, или же старое одержит верх, вся реакция исчерпается развитием страха, и тогда аффективное состояние парализует и станет для настоящего нецелесообразным.

Затем мы обратились к невротическому страху и сказали, что рассматриваем его в трех отношениях. Во-первых, как свободную (frei flottierende) неопределенную боязливость, готовую на какое-то время привязаться к любой появившейся возможности, как так называемый страх ожидания, например, при типичном неврозе страха. Во-вторых, как страх, накрепко связанный с определенными содержаниями представлений в так называемых *фобиях*, в которых мы, правда, еще можем увидеть связь с внешней опасностью, но страх перед ней должны признать сильно преувеличенным. И наконец, в-третьих, страх при истерии и других формах тяжелых неврозов, который или сопровождает симптомы, или наступает независимо, как приступ или более длительное состояние, но всегда без видимой обусловленности внешней опасностью. Затем мы поставили перед собой два вопроса: чего боятся при невротическом страхе? И как можно его соотнести с реальным страхом перед внешними опасностями?

Наши исследования отнюдь не остались безуспешными, мы сделали некоторые важные открытия. В отношении ожидания страха клинический опыт научил нас видеть постоянную связь с бюджетом либидо в сексуальной жизни. Самой обычной причиной невроза страха является фрустрированное возбуждение. Либидозное возбуждение вызывается, но

не удовлетворяется, не используется: вместо этого не нашедшего себе применения либидо появляется боязливость. Я полагаю, что можно даже сказать, что это не удовлетворенное либидо прямо превращается в страх. Это мнение нашло подтверждение в некоторых весьма обычных фобиях маленьких детей. Многие из этих фобий для нас весьма загадочны, другие же, как, например, страх остаться одному и страх перед другими лицами, вполне объяснимы. Одиночество, а также чужое лицо пробуждают тоску по хорошо знакомой матери; ребенок не в силах ни совладать с этим либидозным возбуждением, ни оставить его в неопределенности, и он превращает его в страх. Таким образом, этот детский страх следует отнести не к реальному страху, а к невротическому. Детские фобии и ожидание страха при неврозе страха дают нам два примера одного способа возникновения невротического страха путем прямого превращения либидо. Со вторым механизмом мы сейчас познакомимся: окажется, что он незначительно отличается от первого.

При истерии и других неврозах ответственным за страх мы считаем процесс вытеснения. Мы полагаем, что можно описать его более полно, чем до сих пор, если отделить судьбу вытесняемого представления от судьбы содержащегося в нем заряда либидо. Представление, которое подвергается вытеснению, может исказиться до неузнаваемости; но его аффективный заряд обычно превращается в страх, причем совершенно безразлично, какого типа этот аффект, агрессия или любовь. Не имеет существенного различия и то, по какой причине заряд либидо оказался неиспользованным: из-за инфантильной слабости Я, как при детских фобиях, вследствие соматических процессов в сексуальной жизни, как при неврозе страха, или благодаря вытеснению, как при истерии. Итак, оба механизма возникновения невротического страха, собственно говоря, совпадают.

Во время этих исследований мы обратили внимание на чрезвычайно важное отношение между развитием страха и образованием симптома, а именно на то, что оба они представляют друг друга и приходят на смену друг другу. У страдающего агорафобией, например, недуг начинается с приступа страха на улице. И вот он создает симптом страха перед улицей, который можно назвать также торможением, ограничением функции Я, и предупреждает тем самым приступ страха. Обратное можно видеть, когда происходит вмешательство в образование симптома, как, например, при навязчивых действиях. Если больному помешать выполнить церемонию мытья, он впадает в трудно переносимое состояние страха, против которого его, очевидно, защищал его симптом. Таким образом, по-видимому, развитие страха — более раннее, а образование симптома — более позднее, как будто симптомы образуются для того, чтобы избежать появления состояния страха. И это согласуется также с тем, что первые неврозы детского возраста являются фобиями, состояниями, по которым ясно видно, как начальное развитие страха сменяется более поздним образованием симптома: создается впечатление, что эти отношения открывают лучший доступ к пониманию невротического страха. Одновременно нам удалось также ответить на вопрос, чего боят-

ся при невротическом страхе, и таким образом установить связь между невротическим и реальным страхом. То, чего боятся, является, очевидно, собственным либидо. Отличие от ситуации реального страха заключается в двух моментах: в том, что опасность является внутренней, а не внешней, и в том, что она сознательно не признается.

В фобиях можно очень ясно увидеть, как эта внутренняя опасность переводится во внешнюю, т. е. как невротический страх превращается в кажущийся реальный страх. Чтобы упростить зачастую весьма сложное положение вещей, предположим, что агорафоб постоянно страшится соблазнов, которые пробуждаются в нем благодаря встречам на улице. В своей фобии он производит смещение и начинает бояться внешней ситуации. Его выигрыш при этом очевиден, поскольку он думает, что так сможет лучше защититься. От внешней опасности можно спастись бегством, попытка бегства от внутренней опасности — дело трудное.

В заключение к своей прошлой лекции о страхе я даже высказал суждение, что эти различные результаты нашего исследования вроде бы и не противоречат друг другу, но все-таки каким-то образом и не согласуются. Страх, будучи аффективным состоянием, является воспроизведением старого грозящего опасностью события, страх служит самосохранению и является сигналом новой опасности, он возникает из либидо, каким-то образом оставшегося неиспользованным, и в процессе вытеснения сменяется образованием симптома, словно он связан психически,— чувствуется, что здесь чего-то не хватает, что соединяет фрагменты в целое.

Уважаемые дамы и господа! То разделение психической личности на Сверх-Я, Я и Оно, о котором я говорил вам на предыдущей лекции, вынуждает нас принять новую ориентацию и в проблеме страха. Полагая, что Я — единственное место [сосредоточения] страха, только Я может производить и чувствовать страх, мы заняли новую прочную позицию, с которой некоторые отношения предстают в другом свете. И действительно, мы не знаем, какой смысл было бы говорить о «страхе Оно» или приписывать Сверх-Я способность к боязливости. Напротив, мы приветствовали как желательное то соответствие, что три основных вида страха: реальный страх, невротический и страх совести — без всякой натяжки согласуются с тремя зависимостями Я — от внешнего мира, от Оно и от Сверх-Я. Благодаря этой новой точке зрения на передний план выступила функция страха как сигнала, указывающего на ситуацию опасности, которая нам и раньше не была чужда, вопрос о том, из какого материала создается страх, потерял для нас интерес, а отношения между реальным и невротическим страхом неожиданным образом прояснились и упростились. Стоит, впрочем, заметить, что сейчас мы лучше понимаем случаи возникновения страха, казавшиеся сложными, чем те, которые считались простыми.

Недавно нам довелось исследовать, как возникает страх при определенных фобиях, которые мы причисляем к истерии страха. Мы выбрали случаи, в которых речь идет о типичном вытеснении желаний из Эдипова комплекса. Мы ожидали, что либидозная привязанность к матери как

к объекту вследствие вытеснения превращается в страх и выступает отныне в симптоматическом выражении в связи с заменой отцом. Я не могу рассказать вам об отдельных этапах такого исследования, достаточно сказать, что их ошеломляющий результат оказался полной противоположностью нашим ожиданиям. Не вытеснение создает страх, а страх появляется раньше, страх производит вытеснение! Но что это может быть за страх? Только страх перед угрожающей внешней опасностью, т. е. реальный страх. Верно, что мальчик испытывает страх перед каким-то притязанием своего либидо, в данном случае перед любовью к матери; таким образом, это действительно случай невротического страха. Но эта влюбленность кажется ему внутренней опасностью, которой он должен избежать путем отказа от этого объекта потому, что она вызывает ситуацию внешней опасности. И во всех случаях, исследуемых нами, мы получаем тот же результат. Признаемся же, что мы не были готовы к тому, что внутренняя опасность влечения окажется условием и подготовкой внешней, реальной ситуации опасности.

Но мы еще ничего не сказали о том, что такое реальная опасность, которой боится ребенок вследствие влюбленности в мать. Это наказание кастрацией, потерей своего члена. Вы, конечно, заметите, что это не является никакой реальной опасностью. Наших мальчиков не кастрируют за то, что они в период Эдипова комплекса влюбляются в мать. Но от этого не так-то просто отмахнуться. Прежде всего дело не в том, действительно ли производится кастрация; решающим является то, что опасность угрожает извне и что ребенок в нее верит. И повод для этого у него есть, поскольку ему достаточно часто угрожают отрезанием члена в его фаллический период, во время его раннего онанизма, и намеки на это наказание постоянно могли получать у него филогенетическое усиление. Мы предполагаем, что в древности в человеческой семье кастрация подрастающих мальчиков действительно осуществлялась ревнивым и жестоким отцом, и обрезание, которое у примитивных народов так часто являлось составной частью ритуала вступления в половую зрелость, можно считать явным ее пережитком. Мы знаем, насколько далеки мы сейчас от общепринятого взгляда, но мы должны твердо придерживаться того, что страх кастрации является одним из наиболее часто встречающихся и наиболее сильных двигателей вытеснения и тем самым и образования неврозов. Анализы случаев, когда не кастрация, а обрезание у мальчиков осуществлялось в качестве терапии или наказания за онанизм, что не так уж редко происходило в англо-американском обществе, придает нашему убеждению окончательную уверенность. Возникает сильный соблазн подойти в этом месте ближе к комплексу кастрации, но мы не хотим уходить от нашей темы. Страх кастрации, конечно, не единственный мотив вытеснения, ведь у женщин он уже не имеет места, хотя у них может быть комплекс кастрации, но не страх кастрации. Вместо него у другого пола появляется страх потерять любовь — видимое продолжение страха грудного младенца, если он не находит мать. Вы понимаете, какая реальная ситуация опасности обнаруживается благодаря этому страху. Если мать отсутствует или лишает ребенка своей любви,

он перестает быть уверен в удовлетворении своих потребностей и, возможно, испытывает самые неприятные чувства напряженности. Не отказывайтесь от идеи, что эти условия страха по сути повторяют ситуацию первоначального страха рождения, которое ведь тоже означает отделение от матери. Ведь если вы последуете за ходом мысли Ференци (1925), вы сможете причислить страх кастрации к этому ряду, потому что утрата мужского члена имеет следствием невозможность воссоединения в половом акте с матерью или с ее заменой. Замечу попутно, что так часто встречающаяся фантазия возвращения в материнское лоно является замещением этого желания коитуса. Я мог бы сообщить еще много интересных вещей и удивительных связей, но не могу выходить за рамки введения в психоанализ, хочу только обратить ваше внимание на то, как психологические исследования смыкаются с биологическими фактами.

Заслугой Отто Ранка, которому психоанализ обязан многими прекрасными работами, является и то, что он настойчиво подчеркивал значение акта рождения и отделения от матери (1924) [71]. Правда, мы все сочли невозможным принять те крайние выводы, которые он сделал из этого для теории неврозов и даже для аналитической терапии. Однако ядро его теории — то, что переживание страха рождения является прообразом всех последующих ситуаций опасности — было открыто еще до него. Останавливаясь на них, мы можем сказать, что, собственно, каждый возраст обладает определенным условием [возникновения] страха, т. е. ситуацией опасности, адекватной ему. Опасность психической беспомощности соответствует стадии ранней незрелости Я, опасность потери объекта (любви) — несамостоятельности первых детских лет, опасность кастрации — фаллической фазе и, наконец, занимающий особое место страх перед Сверх-Я — латентному периоду. В процессе развития старые условия страха должны отпадать, так как соответствующие им ситуации опасности обесцениваются благодаря укреплению Я. Но это происходит очень несовершенным образом. Многие люди не могут преодолеть страха перед потерей любви, они никогда не становятся независимыми от любви других, продолжая в этом отношении свое инфантильное поведение. Страх перед Сверх-Я обычно не должен исчезать, так как он в качестве страха совести необходим в социальных отношениях, и отдельный человек только в самых редких случаях может стать независимым от человеческого общества. Некоторые старые ситуации опасности могут перейти и в позднейший период, модифицируя в соответствии со временем свои условия страха. Так, например, опасность кастрации сохраняется под маской сифилофобии. Будучи взрослым, человек знает, что кастрация больше не применяется в качестве наказания за удовлетворение сексуальных влечений, но зато он узнал, что такая сексуальная свобода грозит тяжелыми заболеваниями. Нет никакого сомнения в том, что лица, которых мы называем невротиками, остаются в своем отношении к опасности инфантильными, не преодолев старые условия страха. Примем это за факт для характеристики невротиков; но почему это так, сразу ответить невозможно.

Надеюсь, что вы еще не потеряли ориентацию и помните, что мы

остановились на исследовании отношений между страхом и вытеснением. При этом мы узнали две новые вещи,— во-первых, что страх осуществляет вытеснение, а не наоборот, как мы полагали, и, во-вторых, что ситуация влечений, которая вызывает страх, восходит в основном к внешней ситуации опасности. Следующий вопрос таков: как мы представляем себе теперь процесс вытеснения под влиянием страха? Я думаю так: Я замечает, что удовлетворение появляющегося требования влечения вызывает одну из хорошо запомнившихся ситуаций опасности. Эта захваченность влечением должна быть каким-то образом подавлена, преодолена, лишена силы. Мы знаем, что эта задача удается Я, если оно сильно и включило в свою организацию соответствующее влечение. А вытеснение наступает в том случае, если влечение еще относится к Оно и Я чувствует себя слабым. Тогда Я помогает себе техникой, которая по сути дела идентична технике обычного мышления. Мышление является пробным действием с использованием малых количеств энергии, подобно передвижению маленьких фигур на карте, прежде чем полководец приведет в движение войска[72]. Я предвосхищает, таким образом, удовлетворение опасного влечения и разрешает ему воспроизвести ощущения неудовольствия к началу внушающей страх ситуации опасности. Тем самым включается автоматизм принципа удовольствия—неудовольствия, который и производит вытеснение опасного влечения.

Стоп, скажете вы мне, так дело не пойдет! Вы правы, я должен еще кое-что сделать, прежде чем это покажется вам приемлемым. Сначала признаюсь вам, что я пытался перевести на язык нашего обычного мышления то, что в действительности не является, безусловно, сознательным или предсознательным процессом между количествами энергии в субстрате, который нельзя себе представить. Но это не очень сильный аргумент, а ведь иначе невозможно поступить. Важнее то, что мы ясно различаем, что при вытеснении происходит в Я и что в Оно. Что делает Я, мы только что сказали, оно использует пробное заполнение [энергией] и пробуждает автоматизм действия принципа удовольствия—неудовольствия сигналом страха. Затем возможно несколько или множество реакций с меняющимися количествами энергии. Или полностью разовьется приступ страха и Я совсем отступится от неприличного возбуждения, или вместо пробного заполнения оно противопоставит ему обратный поток [энергии] (Gegenbesetzung), который соединится с энергией вытесненного побуждения в образовании симптома или будет принят в Я как реактивное образование, как усиление определенных предрасположений, как постоянное изменение. Чем больше развитие страха может ограничиться только сигналом, тем больше Я использует защитные реакции, которые сходны с психическим связыванием вытесненного, тем больше этот процесс приближается к нормальной переработке, естественно, не достигая ее. Между прочим, на этом стоит немного остановиться. Вы, конечно, сами уже предположили, что то трудно определимое, которое называют *характером*, следует отнести к Я. Мы уже уловили кое-что из того, что создает этот характер. Это прежде всего включение в себя в раннем возрасте родительской инстанции в качестве Сверх-Я,— пожалуй,

самый важный, решающий момент, затем идентификации с обоими родителями и другими влиятельными лицами в более позднее время и такие же идентификации как отражение отношений к оставленным объектам. Теперь прибавим к формированию характера в качестве всегда имеющихся добавок реактивные образования, которые Я получает сначала в своих вытеснениях, позднее же, при отклонении нежелательных побуждений, при помощи более нормальных средств.

А теперь вернемся назад и обратимся к Оно. Что происходит при вытеснении с побежденным влечением, догадаться не так-то легко. Ведь нас интересует главным образом, что происходит с энергией, с либидозным зарядом этого возбуждения, как он используется. Вы помните, раньше мы предполагали, что именно он превращается благодаря вытеснению в страх. Теперь мы так утверждать не можем; наш скромный ответ будет скорее таким: по-видимому, его судьба не всегда одинакова. Вероятно, имеется интимное соответствие между процессом, происходившим в Я и в Оно при вытеснении влечения, которое стало нам известно. С тех пор как мы позволили себе включить в вытеснение именно принцип удовольствия—неудовольствия, который пробуждается сигналом страха, у нас появились основания изменить наши предположения. Этот принцип управляет процессами в Оно совершенно неограниченно. Мы считаем его способным производить весьма глубокие изменения в соответствующем влечении. Мы подготовлены также к тому, что успехи вытеснения будут очень различными, более или менее далеко идущими. В некоторых случаях вытесненное влечение может сохранить свой либидозный заряд, продолжать существовать без изменения в Оно, хотя и под постоянным давлением Я. В других случаях, вероятно, происходит его полное разрушение, а его либидо окончательно направляется по другим каналам. Я полагал, что так происходит при нормальном разрешении Эдипова комплекса, который, таким образом, в этом желательном случае не просто вытесняется, а разрушается в Оно. Далее клинический опыт показал нам, что во многих случаях вместо привычного успешного вытеснения происходит понижение либидо, его регрессия на более раннюю ступень организации. Это может происходить, естественно, только в Оно, и если это происходит, то под влиянием того же конфликта, который начинается благодаря сигналу страха. Самый яркий пример такого рода представляет собой невроз навязчивых состояний, при котором регрессия либидо и вытеснение взаимодействуют.

Уважаемые дамы и господа! Я боюсь, что эти рассуждения кажутся вам малопонятными, и вы догадываетесь, что изложены они не исчерпывающим образом. Сожалею, что вызвал ваше недовольство. Но я не могу поставить перед собой иной цели, кроме той, чтобы вы получили представление об особенностях наших результатов и трудностях их получения. Чем глубже мы проникнем в изучение психических процессов, тем больше мы узнаем о богатстве их содержания и об их запутанности. Некоторые простые формулы, казавшиеся нам поначалу приемлемыми, позднее оказались недостаточными. Мы не устанем менять и исправлять их. В лекции о теории сновидений я ввел вас в область, где в те-

чение пятнадцати лет не произошло почти ничего нового; здесь же, когда мы говорим о страхе, вы видите, что все находится в движении и изменении. Эти новые данные еще недостаточно основательно проработаны, может быть, поэтому их изложение вызывает затруднения. Потерпите, мы скоро оставим проблему страха; я не утверждаю, правда, что тогда ее решение нас удовлетворит. Надеюсь, что хотя бы немного мы все же продвинулись вперед. А по ходу дела мы разобрали все возможные новые взгляды. Так, под влиянием изучения страха мы можем теперь к нашему описанию Я добавить новую черту. Мы говорили, что Я слабо по сравнению с Оно, является его верным слугой, старается провести в жизнь его приказания, выполнить его требования. Мы не собираемся брать это утверждение назад. Но, с другой стороны, это Я — все-таки лучше организованная, ориентированная на реальность часть Оно. Мы не должны чересчур преувеличивать обособленность обоих, а также удивляться, если Я, со своей стороны, удается оказать влияние на процессы в Оно. Я полагаю, что Я осуществляет это влияние, заставляя действовать посредством сигнала страха почти всемогущий принцип удовольствия—неудовольствия. Впрочем, непосредственно после этого оно опять обнаруживает свою слабость, отказываясь из-за акта вытеснения от части своей организации и допуская, чтобы вытесненное влечение длительное время оставалось без его влияния.

А теперь еще только одно замечание по проблеме страха. В наших руках невротический страх превратился в реальный страх, в страх перед определенными внешними ситуациями опасности. Но на этом нельзя останавливаться, мы должны сделать следующий шаг, однако это будет шаг назад. Спросим себя, что, собственно говоря, является опасным, чего боится человек в таких ситуациях опасности? Очевидно, не ущерба, о котором можно судить объективно и который психологически мог бы совершенно ничего не значить, а того, что причиняется им в душевной жизни. Рождение, например, прообраз нашего состояния страха, само по себе вряд ли может рассматриваться как ущерб, хотя опасность повреждений при этом есть. Существенным в рождении, как и в любой ситуации опасности, является то, что в душевном переживании оно вызывает состояние высоконапряженного возбуждения, которое воспринимается как неудовольствие и с которым человек не может справиться путем разрядки. Назвав состояние, при котором усилия принципа удовольствия терпят неудачу, *травматическим* фактором, мы приходим через ряд невротический страх — реальный страх — опасная ситуация к простому положению: то, что вызывает боязнь, предмет страха,— это каждый раз появление травматического фактора, который не может быть устранен действием принципа удовольствия. Мы сразу же понимаем, что благодаря наличию принципа удовольствия мы застрахованы не от объективного ущерба, а только от определенного ущерба нашей психической экономии. От принципа удовольствия до инстинкта самосохранения долгий путь, многого не хватает для того, чтобы их цели с самого начала совпадали. Но мы видим также кое-что другое; возможно, это то решение, которое мы ищем. А именно: здесь везде речь идет об относительных количествах.

Только величина суммы возбуждения приводит к травматическому фактору, парализует работу принципа удовольствия, придает ситуации опасности ее значение. А если это так, если эта загадка устраняется таким прозаическим образом, то почему не может быть того, чтобы подобные травматические факторы возникли в душевной жизни независимо от предполагаемых опасных ситуаций, при которых страх пробуждается не как сигнал, а возникает заново на ином основании? Клинический опыт с определенностью подтверждает, что это действительно так. Только более поздние вытеснения открывают описанный нами механизм, при котором страх пробуждается как сигнал какой-то более ранней ситуации опасности; первые и первоначальные из них возникают прямо при встрече Я со сверхсильным притязанием либидо из травматических факторов, они заново образуют свой страх, хотя и по прообразу рождения. То же самое можно отнести и к развитию страха при неврозе страха из-за соматического нарушения сексуальной функции. То, что это само либидо, превращенное при этом в страх, мы не будем больше утверждать. Но я не вижу никаких возражений против признания двоякого происхождения страха, то как прямого следствия травматического фактора, то как сигнала о том, что возникает угроза повторения этого фактора.

Уважаемые дамы и господа! Вы, конечно, рады тому, что вам не придется более ничего выслушивать о страхе. Но это дела не меняет, ибо дальнейшее не лучше того. Я намерен сегодня же ввести вас в область теории либидо или теории влечений, где тоже, кажется, появилось кое-что новое. Не хочу сказать, что мы достигли здесь настолько больших успехов, чтобы стоило прилагать усилия для усвоения всего этого. Нет, это такая область, где мы с трудом ориентируемся и достигаем понимания; вы будете лишь свидетелями наших усилий и здесь мне тоже придется вернуться, кстати, к тому, о чем я говорил раньше.

Теория влечений — это, так сказать, наша мифология. Влечения — мифические существа, грандиозные в своей неопределенности. Мы в нашей работе ни на минуту не можем упускать их из виду и при этом никогда не уверены, что видим их ясно. Вы знаете, как обыденное мышление объясняет влечение. Предполагается гораздо большее количество разнообразных влечений, чем это нужно: влечение к самоутверждению, подражанию, игре, общению и многие им подобные. Их как бы принимают к сведению, дают каждому из них выполнять свою функцию и затем опять их отстраняют. Нам всегда казалось, что за этими многочисленными мелкими заимствованными влечениями скрывается нечто серьезное и могущественное, к чему мы желали бы осторожно приблизиться. Наш первый шаг был весьма скромным. Мы сказали себе, что, вероятно, не запутаемся, если для начала выделим два основных влечения, вида влечений или группы влечений по двум большим потребностям: голод и любовь. Как бы ревностно мы ни защищали в иных случаях независимость психологии от любой другой науки, здесь мы все-таки находимся в плену незыблемого биологического факта, согласно которому отдельное живое существо служит двум намерениям, самосохранению и сохранению вида, кажущимся независимыми друг от друга, которые, насколько нам

известно, пока еще не сведены к единому источнику и интересы которых в животной жизни часто противоречат друг другу. Мы как бы занимаемся здесь собственно биологической психологией, изучаем психические явления, сопровождающие биологические процессы. В качестве примеров этого рода в психоанализе представлены «влечения Я» и «сексуальные влечения». К первым мы причисляем все, что относится к сохранению, утверждению, возвышению личности. В последние мы вкладывали то богатство содержания, которого требует детская извращенная сексуальная жизнь. Познакомившись при изучении неврозов с Я как с ограничивающей, вытесняющей силой, а с сексуальными стремлениями как с подвергающимися ограничению и вытеснению, мы полагали, что нащупали не только различие, но и конфликт между обеими группами влечений. Предметом нашего изучения сначала были только сексуальные влечения, энергию которых мы назвали «либидо». На их примере мы попытались прояснить наши представления о том, что такое влечение и что ему можно приписать. Таково значение теории либидо.

Итак, влечение отличается от раздражения тем, что оно происходит из источников раздражения внутри тела, действует как постоянная сила и что человек не может спастись от него бегством, как это можно сделать при внешнем раздражении. Во влечении можно различить источник, объект и цель. Источником является состояние возбуждения в теле, целью — устранение этого возбуждения, на пути от источника к цели влечение становится психически действенным. Мы представляем себе его как определенное количество энергии, которое действует в определенном направлении. Этому действию дано название «влечение» (Trieb). Влечения бывают активными и пассивными; точнее было бы сказать: есть активные и пассивные цели влечения; для достижения пассивной цели тоже нужна затрата активности. Достигаемая цель может быть в собственном теле, но, как правило, включается внешний объект, благодаря которому влечение достигает внешней цели; его внутренней целью остается всякий раз изменение тела, воспринимаемое как удовлетворение. Придает ли отношение к соматическому источнику какую-либо специфику влечению и какую, остается для нас неясным. То, что влечения из одного источника примыкают к таковым из других источников и разделяют их дальнейшую судьбу и что вообще удовлетворение одного влечения может быть заменено другим, это — по свидетельству аналитического опыта — несомненные факты. Признаемся только, что мы не особенно хорошо понимаем их. Отношение влечения к цели и объекту тоже допускает изменения, оба могут быть заменены другими, но все-таки отношение к объекту легче ослабить. Определенный характер модификации цели и смены объекта, при которой учитывается наша социальная оценка, мы выделяем как *сублимацию*. Кроме того, мы имеем основание различать еще влечения, *задержанные на пути к цели* (zielgehemmte), влечения из хорошо известных источников с недвусмысленной целью, задержавшиеся, однако, на пути к удовлетворению, в результате чего наступает длительная привязанность к объекту и устойчивое стремление. Такого рода, например, отношение нежности, которое несомненно происходит из сек-

суальной потребности и обычно отказывается от своего удовлетворения. Можете себе представить, сколько еще свойств и судеб влечений остается за пределами нашего понимания; здесь необходимо также напомнить о различии между сексуальными влечениями и инстинктами самосохранения, которое имело бы чрезвычайное теоретическое значение, если бы относилось ко всей группе. Сексуальные влечения поражают нас своей пластичностью, способностью менять свои цели, своей замещаемостью, тем, что удовлетворение одного влечения позволяет замещение другим, а также своей отсроченностью, хорошим примером которой являются именно задержанные на пути к цели влечения. В этих качествах мы хотели бы отказать инстинктам самосохранения, сказав о них, что они непреклонны, безотлагательны, императивны совсем другим образом и имеют совсем другое отношение как к вытеснению, так и к страху. Однако следующее размышление говорит нам, что это исключительное положение занимают не все влечения Я, а только голод и жажда и что, очевидно, оно обосновано особенностью источников влечений. Впечатление запутанности возникает еще и потому, что мы не рассмотрели отдельно, какие изменения претерпевают влечения, первоначально принадлежавшие Оно, под влиянием организованного Я.

Мы находимся на более твердой почве, когда исследуем, каким образом влечения служат сексуальной функции. Здесь мы получили решающие данные, которые и для вас не новы. Ведь сексуальное влечение узнается не по тому, что ему с самого начала свойственна устремленность к цели сексуальной функции — соединению двух половых клеток, но мы видим большое количество частных влечений, которые довольно независимо друг от друга стремятся к удовлетворению и находят это удовлетворение в чем-то, что мы можем назвать *удовольствием от функционирования органов* (Organlust). Гениталии являются среди этих *эрогенных зон* самыми поздними, удовольствию от функционирования этих органов нельзя более отказывать в названии *сексуальное наслаждение*. Не все из этих стремящихся к наслаждению побуждений включаются в окончательную организацию сексуальной функции. Некоторые из них устраняются как непригодные вытеснением или каким-либо другим способом, некоторые уводятся от своей цели уже упомянутым особым образом и используются для усиления иных побуждений, другие остаются на второстепенных ролях, служа осуществлению вводных актов, вызывая предварительное удовольствие. Вы узнали, что в этом длительном развитии можно усмотреть несколько фаз предшествующей организации, а также то, каким образом из развития сексуальной функции объясняются ее отклонения и задержки. Первую из этих *прегенитальных фаз* мы называем *оральной*, потому что в соответствии с питанием грудного младенца эрогенная зона рта доминирует также и в том, что можно назвать сексуальной деятельностью этого периода жизни. На второй ступени на первый план выдвигаются *садистские* и *анальные* импульсы, конечно же, в связи с появлением зубов, усилением мускулатуры и овладением функциями сфинктера. Как раз об этой примечательной ступени развития мы узнали много интересных подробностей. Третья фаза — *фаллическая,* в кото-

рой у обоих полов мужской член и то, что ему соответствует у девочек, приобретает значение, которое нельзя не заметить. Название *генитальная* фаза мы оставили для окончательной сексуальной организации, которая устанавливается после половой зрелости, когда женские половые органы находят такое же признание, какое мужские получили уже давно.

Все это повторение давно известного. Не думайте только, что все то, о чем я на этот раз не сказал, утратило свое значение. Это повторение было нужно для того, чтобы перейти к сообщениям об изменениях в наших взглядах. Мы можем похвалиться, что как раз о ранних организациях либидо мы узнали много нового, а значение прежнего поняли яснее, что я и хочу продемонстрировать вам, по крайней мере, на отдельных примерах. В 1924 г. Абрахам показал, что в садистско-анальной фазе можно различить две ступени. На более ранней из них господствуют деструктивные тенденции уничтожения и утраты, на более поздней — дружественные объекту тенденции удержания и обладания. Таким образом, в середине этой фазы впервые появляется внимание к объекту как предвестник более поздней любовной привязанности (Liebesbesetzung). Мы вправе также предположить такое разделение и на первой оральной фазе. На первой ступени речь идет об оральном поглощении, никакой амбивалентности по отношению к объекту материнской груди нет. Вторую ступень, отмеченную появлением кусательной деятельности, можно назвать *орально-садистской;* она впервые обнаруживает проявления амбивалентности, которые на следующей, садистско-анальной фазе становятся намного отчетливей. Ценность этой новой классификации обнаруживается особенно тогда, когда при определенных неврозах — неврозе навязчивых состояний, меланхолии — ищут значение предрасположенности в развитии либидо. Вернитесь здесь мысленно к тому, что мы узнали о связи фиксации либидо, предрасположенности и регрессии.

Наше отношение к фазам организации либидо вообще немного изменилось. Если раньше мы прежде всего подчеркивали, как одна из них исчезает при наступлении следующей, то теперь наше внимание привлекают факты, показывающие, сколько от каждой более ранней фазы сохранилось наряду с более поздними образованиями, скрыто за ними и насколько длительное представительство получают они в бюджете либидо и в характере индивидуума. Еще более значительными стали данные, показавшие нам, как часто в патологических условиях происходят регрессии к более ранним фазам и что определенные регрессии характерны для определенных форм болезни. Но я не могу здесь это обсуждать; это относится к специальной психологии неврозов.

Метаморфозы влечений и сходные процессы мы смогли изучить, в частности, на анальной эротике, на возбуждениях из источников эрогенной анальной зоны и были поражены тем, какое разнообразное использование находят эти влечения. Возможно, нелегко освободиться от недооценки именно этой зоны в процессе развития. Поэтому позволим Абрахаму (1924) напомнить нам, что анус эмбриологически соответствует первоначальному рту, который сместился на конец прямой кишки. Далее мы узнаем, что с обесцениванием собственного кала, экскремен-

тов, этот инстинктивный интерес переходит от анального источника на объекты, которые могут даваться в качестве *подарка*. И это справедливо, потому что кал был первым подарком, который мог сделать грудной младенец, отрывая его от себя из любви к ухаживающей за ним женщине. В дальнейшем, совершенно аналогично изменению значений в развитии языка, этот прежний интерес к калу превращается в привлекательность *золота* и *денег*, а также способствует аффективному наполнению понятий *ребенок* и *пенис*. По убеждению всех детей, которые долго придерживаются теории клоаки, ребенок рождается как кусок кала из прямой кишки; дефекация является прообразом акта рождения. Но и пенис тоже имеет своего предшественника в столбе кала, который заполняет и раздражает слизистую оболочку внутренней стороны прямой кишки. Если ребенок, хотя и неохотно, но все-таки признал, что есть человеческие существа, которые этим членом не обладают, то пенис кажется ему чем-то отделяемым от тела и приобретает несомненную аналогию с экскрементом, который был первой телесной частью, от которой надо было отказаться. Таким образом, большая часть анальной эротики переносится на пенис, но интерес к этой части тела, кроме анально-эротического, имеет, видимо, еще более мощный оральный корень, так как после прекращения кормления пенис наследует также кое-что от соска груди материнского органа.

Невозможно ориентироваться в фантазиях, причудах, возникающих под влиянием бессознательного, и в языке симптомов человека, если не знать этих глубоко лежащих связей. Кал — золото — подарок — ребенок — пенис выступают здесь как равнозначные и представляются общими символами. Не забывайте также, что я могу сделать вам лишь далеко не полные сообщения. Могу прибавить лишь вскользь, что появляющийся позднее интерес к влагалищу имеет в основном анально-эротическое происхождение. Это неудивительно, так как влагалище, по удачному выражению Лу Андреа-Саломе (1916), «взято напрокат» у прямой кишки; в жизни гомосексуалистов, которые не прошли определенной части сексуального развития, оно и представлено прямой кишкой. В сновидениях часто возникает помещение, которое раньше было единым, а теперь разделено стеной или наоборот. При этом всегда имеется в виду отношение влагалища к прямой кишке. Мы можем также очень хорошо проследить, как у девушки совершенно не женственное желание обладать пенисом обычно превращается в желание иметь ребенка, а затем и мужчину как носителя пениса и дающего ребенка, так что и здесь видно, как часть первоначально анально-эротического интереса участвует в более поздней генитальной организации.

Во время изучения прегенитальных фаз либидо мы приобрели несколько новый взгляд на формирование характера. Мы обратили внимание на триаду свойств, которые довольно часто проявляются вместе: аккуратность, бережливость и упрямство,— и из анализа таких людей заключили, что эти свойства обусловлены истощением и иным использованием их анальной эротики. Таким образом, когда мы видим такое примечательное соединение, мы говорим об *анальном характере*, и определен-

ным образом противопоставляем анальный характер неразвитой анальной эротике. Подобное, а может быть, и еще более тесное отношение находим мы между честолюбием и уретральной эротикой. Примечательный намек на эту связь мы берем из легенды, согласно которой Александр Македонский родился в ту же ночь, когда некий *Герострат* из жажды славы поджег изумительный храм Артемиды *Эфесской*. Может показаться, что древним эта связь была небезызвестна! Ведь вы знаете, насколько мочеиспускание связано с огнем и тушением огня. Мы, конечно, предполагаем, что и другие свойства характера подобным же образом обнаружатся в осадках (Niederschläge), реактивных образованиях определенных прегенитальных формаций либидо, но не можем этого пока показать.

Теперь же самое время вернуться к истории, а также к теме и снова взяться за самые общие проблемы жизни влечений. В основе нашей теории либидо сначала лежало противопоставление влечений Я и сексуальных влечений. Когда позднее мы начали изучать само Я и поняли основной принцип нарциссизма, само это различие потеряло свою почву. В редких случаях можно признать, что Я берет само себя в качестве объекта, ведет себя так, как будто оно влюблено в самое себя. Отсюда и заимствованное из греческой легенды название — *нарциссизм*. Но это лишь крайнее преувеличение нормального положения вещей. Начинаешь понимать, что Я является всегда основным резервуаром либидо, из которого объекты заполняются либидо и куда это либидо снова возвращается, в то время как большая его часть постоянно пребывает в Я. Итак, идет беспрестанное превращение Я-либидо в объект-либидо и объект-либидо в Я-либидо. Но оба они могут и не различаться по своей природе, тогда не имеет смысла отделять энергию одного от энергии другого, можно опустить название либидо или вообще употреблять его как равнозначное психической энергии.

Мы недолго оставались на этой точке зрения. Предчувствие какого-то антагонизма в рамках инстинктивной жизни скоро нашло другое, еще более резкое выражение. Мне не хотелось бы излагать вам, как мы постепенно подходили к этому новому положению в теории влечений; оно тоже основывается главным образом на биологических данных; я расскажу вам о нем как о готовом результате. Предположим, что есть два различных по сути вида влечений: сексуальные влечения, понимаемые в широком смысле, *Эрос*, если вы предпочитаете это название, и *агрессивные влечения*, цель которых — разрушение. В таком виде вы вряд ли сочтете это за новость, это покажется вам попыткой теоретически облагородить банальную противоположность любви и ненависти, которая, возможно, совпадает с аналогичной полярностью притяжения—отталкивания, которую физики предполагают существующей в неорганическом мире [73]. Но примечательно, что наше положение многими воспринимается как новость, причем очень нежелательная новость, которую как можно скорее следует устранить. Я полагаю, что в этом неприятии проявляется сильный аффективный фактор. Почему нам понадобилось так много времени, чтобы решиться признать существование стремления к агрессии,

почему очевидные и общеизвестные факты не использовать без промедления для теории? Если приписать такой инстинкт животным, то вряд ли это встретит сопротивление. Но включить его в человеческую конституцию кажется фривольным: слишком многим религиозным предпосылкам и социальным условностям это противоречит. Нет, человек должен быть по своей природе добрым или, по крайней мере, добродушным. Если же он иногда и проявляет себя грубым, жестоким насильником, то это временные затемнения в его эмоциональной жизни, часто спровоцированные, возможно, лишь следствие нецелесообразного общественного устройства, в котором он до сих пор находился.

То, о чем повествует нам история и что нам самим довелось пережить, к сожалению, не подтверждает сказанное, а скорее подкрепляет суждение о том, что вера в «доброту» человеческой натуры является одной из самых худших иллюзий, от которых человек ожидает улучшения и облегчения своей жизни, в то время как в действительности они наносят только вред. Нет нужды продолжать эту полемику, ибо не только уроки истории и жизненный опыт говорят в пользу нашего предположения, что в человеке таится особый инстинкт — агрессии и разрушения, это подтверждают и общие рассуждения, к которым нас привело признание феноменов *садизма* и *мазохизма*. Вы знаете, что мы называем сексуальное удовлетворение садизмом, если оно связано с условием, что сексуальный объект испытывает боль, истязания и унижения, и мазохизмом, когда имеется потребность самому быть объектом истязания. Вы знаете также, что определенная примесь этих обоих стремлений включается и в нормальные сексуальные отношения и что мы называем их извращениями, если они оттесняют все прочие сексуальные цели, ставя на их место свои собственные. Едва ли от вас ускользнуло то, что садизм имеет более интимное отношение к мужественности, а мазохизм к женственности, как будто здесь имеется какое-то тайное родство, хотя я сразу же должен вам сказать, что дальше в этом вопросе мы не продвинулись. Оба они — садизм и мазохизм — являются для теории либидо весьма загадочными феноменами, особенно мазохизм, и вполне в порядке вещей, когда то, что для одной теории было камнем преткновения, должно стать для другой, ее заменяющей, краеугольным камнем.

Итак, мы считаем, что в садизме и мазохизме мы имеем два замечательных примера слияния обоих видов влечений, Эроса и агрессии, предположим же теперь, что это отношение является примером того, что все инстинктивные побуждения, которые мы можем изучить, состоят из таких смесей или сплавов обоих видов влечений. Конечно, в самых разнообразных соотношениях. При этом эротические влечения как бы вводят в смесь многообразие своих сексуальных целей, в то время как другие допускают смягчения и градации своей однообразной тенденции. Этим предположением мы открываем перспективу для исследований, которые когда-нибудь приобретут большое значение для понимания патологических процессов. Ведь смеси могут тоже распадаться, и такой распад может иметь самые тяжелые последствия для функции. Но эти взгляды еще слишком новы, никто до сих пор не пытался использовать их в работе.

Вернемся к особой проблеме, которую открывает нам мазохизм. Если мы на время не будем принимать во внимание его эротический компонент, то он будет для нас ручательством существования стремления, имеющего целью саморазрушение. Если и для влечения к разрушению верно то, что Я — здесь мы больше имеем в виду Оно, всю личность — первоначально включает в себя все инстинктивные побуждения, то получается, что мазохизм старше садизма, садизм же является направленным вовне влечением к разрушению, которое, таким образом, приобретает агрессивный характер. Сколько-то от первоначального влечения к разрушению остается еще внутри; кажется, что мы можем его воспринять лишь при этих двух условиях — если оно соединяется с эротическими влечениями в мазохизме или если оно как агрессия направлено против внешнего мира — с большим или меньшим эротическим добавлением. Напрашивается мысль о значимости невозможности найти удовлетворение агрессии во внешнем мире, так как она наталкивается на реальные препятствия. Тогда она, возможно, отступит назад, увеличив силу господствующего внутри саморазрушения. Мы еще увидим, что это происходит действительно так и насколько важен этот вопрос. Не нашедшая выхода агрессия может означать тяжелое повреждение; все выглядит так, как будто нужно разрушить другое и других, чтобы не разрушить самого себя, чтобы оградить себя от стремления к саморазрушению. Поистине печальное открытие для моралиста!

Но моралист еще долго будет утешаться невероятностью наших умозаключений. Странное стремление заниматься разрушением своего собственного органического обиталища! Правда, поэты говорят о таких вещах, но поэты народ безответственный, пользующийся своими привилегиями. Собственно говоря, подобные представления не чужды и физиологии, например, слизистая оболочка желудка, которая сама себя переваривает. Но следует признать, что наше влечение к саморазрушению нуждается в более широкой поддержке. Ведь нельзя же решиться на такое далеко идущее предположение только потому, что несколько бедных глупцов связывают свое сексуальное удовлетворение с необычным условием. Я полагаю, что углубленное изучение влечений даст нам то, что нужно. Влечения управляют не только психической, но и вегетативной жизнью, и эти органические влечения обнаруживают характерную черту, которая заслуживает нашего самого пристального внимания. О том, является ли это общим характером влечений, мы сможем судить лишь позже. Они выступают именно как стремление восстановить более раннее состояние. Мы можем предположить, что с момента, когда достигнутое однажды состояние нарушается, возникает стремление создать его снова, рождая феномены, которые мы можем назвать *«навязчивым повторением»*. Так, образование и развитие эмбрионов является сплошным навязчивым повторением; у ряда животных широко распространена способность восстанавливать утраченные органы, и инстинкт самолечения, которому мы всякий раз обязаны нашим выздоровлением наряду с терапевтической помощью,— это, должно быть, остаток этой так великолепно развитой способности у низших животных. Нерестовая миграция рыб, возможно,

и перелеты птиц, а может быть, и все, что у животных мы называем проявлением инстинкта, происходит под действием навязчивого повторения, в котором выражается *консервативная природа* инстинктов. И в психике нам не придется долго искать проявлений того же самого. Мы обращали внимание на то, что забытые и вытесненные переживания раннего детства во время аналитической работы воспроизводятся в сновидениях и реакциях, в частности в реакциях перенесения, хотя их возрождение и противоречит принципу удовольствия, и мы дали объяснение, что в этих случаях навязчивое повторение преобладает даже над принципом удовольствия. Подобное можно наблюдать и вне анализа. Есть люди, которые в своей жизни без поправок повторяют всегда именно те реакции, которые им во вред, или которых, кажется, преследует неумолимая судьба, в то время как более точное исследование показывает, что они, сами того не зная, готовят себе эту судьбу. Тогда мы приписываем навязчивому повторению *демонический* характер.

Но что же может дать эта консервативная черта инстинктов для понимания нашего саморазрушения? Какое более раннее состояние хотел бы восстановить такой инстинкт? Так вот, ответ близок, он открывает широкие перспективы. Если правда то, что в незапамятные времена и непостижимым образом однажды из неживой материи родилась жизнь, то согласно нашему предположению тогда возникло влечение, которое стремится вновь уничтожить жизнь и восстановить неорганическое состояние. Если мы в этом влечении к саморазрушению увидим подтверждение нашей гипотезы, то мы можем считать его выражением *влечения к смерти* (Todestrieb), которое не может не оказывать своего влияния в процессе жизни. А теперь разделим влечения, о которых мы говорим, на две группы: эротических, которые стремятся привести все еще живую субстанцию в большее единство, и влечений к смерти, которые противостоят этому стремлению и приводят живое к неорганическому состоянию. Из взаимодействия и борьбы обоих и возникают явления жизни, которым смерть кладет конец.

Возможно, вы скажете, пожимая плечами: это не естественная наука, это философия Шопенгауэра. Но почему, уважаемые дамы и господа, смелый ум не мог угадать то, что затем подтвердило трезвое и нудное детальное исследование? В таком случае все уже когда-то было однажды сказано, и до Шопенгауэра говорили много похожего. И затем, то, что мы говорим, не совсем Шопенгауэр. Мы не утверждаем, что смерть есть единственная цель жизни; мы не игнорируем перед лицом смерти жизнь. Мы признаем два основных влечения и приписываем каждому его собственную цель. Как переплетаются оба в жизненном процессе, как влечение к смерти используется для целей Эроса, особенно в его направленности во внешний мир в форме агрессии,— все это задачи будущих исследований. Мы не пойдем дальше той области, где нам открылась эта точка зрения. Также и вопрос, не всем ли без исключения влечениям присущ консервативный характер, не стремятся ли и эротические влечения восстановить прежнее состояние, когда они синтезируют живое для достижения состояния большего единства, мы оставим без ответа.

Мы немного отдалились от нашей основной темы. Хочу вам дополнительно сообщить, каков был исходный пункт этих размышлений о теории влечений. Тот же самый, который привел нас к пересмотру отношения между Я и бессознательным, а именно возникавшее при аналитической работе впечатление, что пациент, оказывающий сопротивление, зачастую ничего не знает об этом сопротивлении. Но бессознательным для него является не только факт сопротивления, но и его мотивы. Мы должны были исследовать эти мотивы или этот мотив и нашли его, к нашему удивлению, в сильной потребности в наказании, которую мы могли отнести только к мазохистским желаниям. Практическое значение этого открытия не уступает теоретическому, потому что эта потребность в наказании является злейшим врагом наших терапевтических усилий. Она удовлетворяется страданием, связанным с неврозом и поэтому цепляется за болезненное состояние. Кажется, что этот фактор, бессознательная потребность в наказании, участвует в каждом невротическом заболевании. Особенно убедительны в этом отношении случаи, в которых невротическое страдание может быть заменено другим. Хочу привести вам один такой пример. Однажды мне удалось освободить одну немолодую деву от комплекса симптомов, который в течение примерно пятнадцати лет обрекал ее на мучительное существование и исключал из участия в жизни. Почувствовав себя здоровой, она с головой ушла в бурную деятельность, давая волю своим немалым талантам и желая добиться хоть небольшого признания, удовольствия и успеха. Но каждая из ее попыток кончалась тем, что ей давали понять или она сама понимала, что слишком стара для того, чтобы чего-то достичь в этой области. После каждой такой неудачи следовало бы ожидать рецидива болезни, но и на это она уже была не способна, вместо этого с ней каждый раз происходили несчастные случаи, которые на какое-то время выводили ее из строя и заставляли страдать. Она падала и подворачивала ногу или повреждала колено, а если делала какую-нибудь работу, то что-то случалось с рукой; когда ее внимание было обращено на ее собственное участие в этих кажущихся случайностях, она изменила, так сказать, свою технику. По таким же поводам вместо несчастных случаев возникали легкие заболевания: катары, ангины, гриппозные состояния, ревматические припухания, пока наконец отказ от дальнейших поползновений, на который она решилась, не покончил со всем этим наваждением.

Относительно происхождения этой бессознательной потребности наказания, мы полагаем, нет никаких сомнений. Она ведет себя как часть совести, как продолжение нашей совести в бессознательном, она имеет то же происхождение, что и совесть, т. е. соответствует части агрессии, которая ушла вовнутрь и принята Сверх-Я. Если бы только слова лучше подходили друг к другу, то для практического употребления было бы оправданно назвать ее «бессознательным чувством вины». Однако с теоретической точки зрения мы сомневаемся, следует ли предполагать, что вся возвращенная из внешнего мира агрессия связана Сверх-Я и обращена тем самым против Я или что часть ее осуществляет свою тайную зловещую деятельность в Я и Оно как свободное влечение к разрушению.

Такое разделение более вероятно, но больше мы ничего об этом не знаем. При первом включении Сверх-Я для оформления этой инстанции, безусловно, используется та часть агрессии против родителей, которой ребенок вследствие фиксации любви, а также внешних трудностей не смог дать выхода наружу, и поэтому строгость Сверх-Я не должна прямо соответствовать строгости воспитания. Вполне возможно, что дальнейшие поводы к подавлению агрессии поведут влечение тем же путем, который открылся ему в тот решающий момент.

Лица, у которых это бессознательное чувство вины чрезмерно, выдают себя при аналитическом лечении столь неприятной с прогностической точки зрения отрицательной реакцией на терапию. Если им сообщили об ослаблении симптома, за которым обычно должно последовать, по крайней мере, его временное исчезновение, то у них, напротив, наступает немедленное усиление симптома и страдания. Часто бывает достаточно похвалить их поведение при лечении, сказать несколько обнадеживающих слов об успешности анализа, чтобы вызвать явное ухудшение их состояния. Неаналитик сказал бы, что здесь недостает «воли к выздоровлению»; придерживаясь аналитического образа мышления, вы увидите в этом проявление бессознательного чувства вины, которое как раз и устраивает болезнь с ее страданиями и срывами. Проблемы, которые выдвинуло бессознательное чувство вины, его отношения к морали, педагогике, преступности и беспризорности являются в настоящее время предпочтительной областью для работы психоаналитиков.

Здесь мы неожиданно выбираемся из преисподней психики в широко открытый мир. Дальше вести вас я не могу, но на одной мысли все же задержусь, прежде чем проститься с вами на этот раз. У нас вошло в привычку говорить, что наша культура построена за счет сексуальных влечений, которые сдерживаются обществом, частично вытесняются, а частично используются для новых целей. Даже при всей гордости за наши культурные достижения мы признаем, что нам нелегко выполнять требования этой культуры, хорошо чувствовать себя в ней, потому что наложенные на наши влечения ограничения тяжким бременем ложатся на психику. И вот то, что мы узнали относительно сексуальных влечений, в равной мере, а может быть, даже и в большей степени оказывается действительным для других, агрессивных стремлений. Они выступают прежде всего тем, что осложняет совместную жизнь людей и угрожает ее продолжению; ограничение своей агрессии является первой, возможно, самой серьезной жертвой, которую общество требует от индивидуума. Мы узнали, каким изобретательным способом осуществляется это укрощение строптивого. В действие вступает Сверх-Я, которое овладевает агрессивными побуждениями, как бы вводя оккупационные войска в город, готовый к мятежу. Но, с другой стороны, рассматривая вопрос чисто психологически, следует признать, что Я чувствует себя не очень-то хорошо, когда его таким образом приносят в жертву потребностям общества и оно вынуждено подчиняться разрушительным намерениям агрессии, которую само охотно пустило бы в ход против других. Это как бы распространение на область психического той дилеммы — либо съешь

сам, либо съедят тебя,— которая царит в органическом живом мире. К счастью, агрессивные влечения никогда не существуют сами по себе, но всегда сопряжены с эротическими. Эти последние в условиях созданной человеком культуры могут многое смягчить и предотвратить.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Женственность

Уважаемые дамы и господа! Все это время, пока я готовился к беседам с вами, я боролся с внутренним затруднением. Я чувствовал себя в некоторой степени неуверенным в своей правоте. Действительно, за пятнадцать лет психоанализ изменился и обогатился, но все-таки введение в психоанализ могло бы остаться без изменений и дополнений. Мне все время кажется, что данные лекции не имеют права на существование. Аналитикам я говорю слишком мало и в общем ничего нового, вам же слишком много и о таких вещах, к пониманию которых вы не подготовлены и которые непосредственно к вам не относятся. Я искал оправданий и для каждой отдельной лекции хотел найти свое обоснование. Первая, о теории сновидений, должна была сразу погрузить вас в самую гущу аналитической атмосферы и показать, какими устойчивыми оказались наши воззрения. Во второй, которая прослеживает пути от сновидения к так называемому оккультизму, меня привлекала возможность свободно высказаться в той области, где убеждения, полные предрассудков, наталкиваются сегодня на страстное сопротивление, и я смел надеяться, что вы, воспитанные на примере психоанализа в духе терпимости, не откажетесь сопровождать меня в этом экскурсе. В третьей лекции[74], о разделении личности, были выдвинуты, безусловно, самые резкие для вас (настолько своеобразно их содержание) предположения, но я счел невозможным скрыть от вас этот первый подход к психологии Я, и если бы мы имели его пятнадцать лет назад, я должен был бы уже тогда упомянуть о нем. И наконец, в последней лекции, на которой вы, вероятно, следили за мной с большим трудом, были внесены необходимые поправки, сделана попытка дать новые решения самых важных загадок, и мое введение было бы введением в заблуждения, если бы я умолчал об этом. Как видите, если предпринимаешь попытку извиниться за что-то, это сводится в конце концов к признанию того, что все было неизбежно, все предопределено.

Я покоряюсь, прошу и вас сделать то же самое.

Сегодняшняя лекция тоже могла бы не войти во введение, но она даст вам пример подробной аналитической работы, и я рекомендую ее в двух отношениях. В ней нет ничего, кроме наблюдений фактов почти без всяких умозаключений, но ее тема может заинтересовать вас, как ника-

кая другая. Над загадкой женственности много мудрило голов всех времен:

> Голов в колпаках с иероглифами,
> Голов в чалмах и черных, с перьями, шапках,
> Голов в париках и тысячи тысяч других
> Голов человеческих, жалких, бессильных...
>
> (Г. Гейне. *Северное море.*
> Перевод М. Михайлова)

Вам тоже не чужды эти размышления, поскольку вы мужчины; от женщин же, присутствующих среди вас, этого ждать не приходится, они сами являются этой загадкой. Мужчина или женщина — вот первое, что вы различаете, встречаясь с другим человеческим существом, и привычно делаете это с уверенностью и без раздумий. Анатомическая наука разделяет вашу уверенность лишь в одном пункте. Мужское — это мужской половой продукт, сперматозоид и его носитель, женское — яйцо и организм, который заключает его в себе. У обоих полов образовались органы, служащие исключительно половым функциям, развившиеся, вероятно, из одного и того же предрасположения в две различные формы. Кроме того, у тех и других прочие органы, форма тела и ткани обнаруживают влияние пола, но оно непостоянно, и его масштаб изменчив, это так называемые вторичные половые признаки. А далее наука говорит вам нечто, что противоречит вашим ожиданиям и что, вероятно, способно смутить ваши чувства. Она обращает ваше внимание на то, что и в теле женщины присутствуют части мужского полового аппарата, хотя и в рудиментарном состоянии, и то же самое имеет место в обратном случае. Она видит в этом явлении признак двуполости, *бисексуальности*, как будто индивидуум является не мужчиной или женщиной, а всякий раз и тем и другим, только одним в большей степени, а другим в меньшей.

Затем вам придется освоиться с мыслью, что соотношение мужского и женского, сочетающегося в отдельном индивидууме, подвержено весьма значительным колебаниям. Но поскольку, несмотря на весьма редкие случаи, у каждого индивидуума наличествуют либо те, либо другие половые продукты — яйцеклетки или сперматозоиды,— вы, должно быть, усомнитесь в решающем значении этих элементов и сделаете вывод, что то, из чего составляется мужественность или женственность, неизвестного характера, который анатомия не может распознать.

Может быть, это сумеет сделать психология? Мы привыкли рассматривать мужское и женское и как психические качества, перенося понятие бисексуальности также и в душевную жизнь. Таким образом, мы говорим, что человек, будучи самцом или самкой, в одном случае ведет себя по-мужски, а в другом — по-женски. Но вы скоро поймете, что это лишь уступка анатомии и условностям. Вы не сможете дать понятиям «мужское» и «женское» *никакого* нового содержания. Это не психологическое различие, когда вы говорите, что мужское, как правило, предполагает «активное», а женское — «пассивное». Правильно, такая связь действительно существует. Мужская половая клетка активно движется,

отыскивает женскую, а последняя, яйцо, неподвижно, пассивно ждет. Это поведение элементарных половых организмов — образец поведения половых партнеров при половых сношениях. Самец преследует самку с целью совокупления, нападает на нее, проникает в нее. Но именно психологически вы, таким образом, свели особенности мужского к фактору агрессии. Вы будете сомневаться, удалось ли вам тем самым уловить что-то существенное, если примете во внимание то, что в некоторых классах животных самки являются более сильными и агрессивными, самцы же активны только при акте совокупления. Так происходит, например, у пауков, и функции высиживания и выращивания потомства, кажущиеся нам такими исключительно женскими, у животных не всегда связаны с женским полом. У весьма высокоразвитых видов мы наблюдаем участие обоих полов в уходе за потомством или даже то, что самец один посвящает себя этой задаче, да и в области сексуальной жизни человека нетрудно заметить, насколько недостаточно характеризовать мужское поведение активностью, а женское пассивностью. Мать в любом смысле активна по отношению к ребенку, даже об акте сосания вы можете с одинаковым успехом сказать: она кормит ребенка грудью или она дает ребенку сосать свою грудь. Чем далее затем вы выйдете за границы узкой области сексуального, тем яснее проявится «ошибка наложения». Женщины в состоянии развивать большую активность в разных направлениях, мужчины не могут жить вместе с себе подобными, если у них не развита в высокой степени пассивная уступчивость. Если вы теперь скажете, что эти факты как раз доказывают, что мужчины, как и женщины, в психологическом смысле бисексуальны, то отсюда я сделаю вывод, что про себя вы решили признать соответствие «активного» «мужскому», а «пассивного» «женскому». Но делать этого я вам не советую. Мне кажется это нецелесообразным и не дающим ничего нового в познавательном отношении.

Можно было бы попытаться охарактеризовать женственность психологически как предпочтение пассивных целей. Это, конечно, не то же самое, что пассивность: для того чтобы осуществить пассивную цель, может понадобиться большая затрата активности. Возможно, дело обстоит таким образом, что у женщины при выполнении ее сексуальной функции преобладание пассивного поведения и пассивных целеустремлений частично распространяется несколько дальше в жизнь, более или менее далеко, в зависимости от того, насколько границы сексуальной жизни сужены или расширены. Но при этом мы должны обратить внимание на недопустимость недооценки влияния социальных устоев, которые как бы загоняют женщину в ситуации пассивности. Все это еще не совсем ясно. Однако не будем забывать об особенно прочной связи между женственностью и половой жизнью. Предписанное женщине конституционально и налагаемое на нее социально подавление своей агрессии способствует образованию сильных мазохистских побуждений, которым все-таки удается эротически подавить направленные внутрь разрушительные тенденции. Итак, мазохизм, что называется, поистине женское извращение. Но если вы встретите мазохизм у мужчин, что бывает довольно часто,

то что же остается сказать, кроме того, что этим мужчинам свойственны весьма отчетливые женские черты?

Вот вы уже и подготовлены к тому, что и психология не решит тайны женственности. Разъяснение этого вопроса должно прийти, видимо, из какого-то другого источника, и оно не придет до тех пор, пока мы не узнаем, как вообще возникло деление живых существ на два пола. Мы ничего не знаем об этом, а ведь двуполость является таким отчетливым признаком органической жизни, которым она столь резко отличается от неживой природы. А между тем человеческие индивидуумы, которые благодаря наличию женских половых органов характеризуются как явно или преимущественно женские, дают немало материала для исследования. В соответствии со своей спецификой психоанализ не намерен описывать, что такое женщина,— это было бы для него едва ли разрешимой задачей,— а он исследует, как она ею становится, как развивается женщина из предрасположенного к бисексуальности ребенка. За последнее время мы кое-что узнали об этом благодаря тому обстоятельству, что несколько замечательных женщин — наших коллег по психоанализу — начали разрабатывать эту проблему. Дискуссия об этом приобрела особую привлекательность из-за различия полов, потому что каждый раз, когда сравнение оказывалось как будто бы не в пользу их пола, наши дамы подозревали нас, аналитиков-мужчин, в том, что мы, не преодолев определенных, глубоко укоренившихся предубеждений против женственности, были пристрастны в своих исследованиях. На почве бисексуальности нам, напротив, было легко избежать любой невежливости. Нужно было только сказать: это к вам не относится. Вы — исключение, на этот раз в вас больше мужского, чем женского.

В своих исследованиях развития женской сексуальности мы тоже опираемся на два предположения: первое заключается в том, что и здесь конституция не без сопротивления подчиняется функции. Второе гласит, что решающие перемены подготавливаются или совершаются уже до наступления половой зрелости. Оба предположения нетрудно подтвердить. Затем сравнение с развитием мальчика говорит нам, что превращение маленькой девочки в нормальную женщину происходит труднее и сложнее, поскольку оно включает в себя на две задачи больше, и этим задачам нет соответствия в развитии мужчины. Проследим эту параллель с самого начала. Конечно, сама материальная база у мальчика и у девочки различна; чтобы это установить, не нужно никакого психоанализа. Различие в формировании половых органов сопровождается другими физическими отличиями, которые слишком хорошо известны, чтобы о них говорить. В структуре склонностей тоже проявляются дифференциации, которые позволяют почувствовать будущую сущность женщины. Маленькая девочка, как правило, менее агрессивна, упряма и эгоцентрична. В ней, по-видимому, больше потребности в нежности, поэтому она более зависима и послушна. То, что ее легче и быстрее можно научить управлять своими экскреторными функциями, вероятно, есть лишь следствие этой послушности; моча и стул являются первыми подарками, которые ребенок делает ухаживающим за ним лицам, а управление ими — первой

уступкой, на которую вынужденно идет инстинктивная жизнь ребенка. Создается впечатление, что маленькая девочка интеллигентнее, живее мальчика тех же лет, она больше идет навстречу внешнему миру, в то же время у нее более сильная привязанность к объектам. Не знаю, подтверждается ли это опережение развития точными данными, во всяком случае установлено, что девочку нельзя назвать интеллектуально отсталой. Но эти половые различия можно не принимать во внимание, они могут быть уравновешены индивидуальными вариациями. Для целей, которые мы в настоящий момент преследуем, ими можно пренебречь.

Ранние фазы развития либидо оба пола проходят, по-видимому, одинаково. Можно было бы ожидать, что у девочек уже в садистско-анальной фазе проявляется отставание в агрессии, но это не так. Анализ детской игры показал нашим женщинам-аналитикам, что агрессивные импульсы у маленьких девочек по разнообразию и интенсивности развиты как нельзя лучше. Со вступлением в фаллическую фазу различия полов полностью отступают на задний план, и мы должны признать, что маленькая девочка — это как бы маленький мужчина. У мальчиков эта фаза, как известно, характеризуется тем, что он умеет доставлять себе наслаждение с помощью своего маленького пениса, связывая его возбужденное состояние со своими представлениями о половых сношениях. То же самое делает девочка со своим еще более маленьким клитором. Кажется, что все онанистические акты происходят у нее с этим эквивалентом пениса, а собственно женское влагалище остается еще неоткрытым для обоих полов. Правда, есть отдельные свидетельства о ранних вагинальных ощущениях, но их трудно отличить от анальных или от ощущений преддверия влагалища; они ни в каком отношении не могут играть большой роли. Мы смеем настаивать на том, что в фаллической фазе девочки ведущей эрогенной зоной является клитор. Но ведь так не может быть всегда, с переходом к женственности клитор совсем или частично уступает влагалищу свою чувствительность, а следовательно, и значение. И это одна из двух проблем, которые предстоит решать женскому развитию, в то время как более счастливый мужчина ко времени половой зрелости должен только продолжать то, чему он предварительно научился в период раннего сексуального созревания.

Мы еще вернемся к роли клитора, обратимся теперь ко второй проблеме, которая стоит перед развитием девочки. Первым объектом любви мальчика является мать, она остается им также и при формировании Эдипова комплекса, по сути, на протяжении всей жизни. И для девочки мать, а вместе с ней и образы кормилицы, няни тоже являются первым объектом; ведь первые привязанности к объектам связаны с удовлетворением важных и простых жизненных потребностей, а условия ухода за ребенком для обоих полов одинаковы. Но в ситуации Эдипова комплекса объектом любви для девочки становится отец, и мы вправе ожидать, что при нормальном ходе развития она найдет путь от объекта-отца к окончательному выбору объекта. Итак, девочка с течением времени должна поменять эрогенную зону и объект, у мальчика то и другое сохраняется. Возникает вопрос, как это происходит, в частности, как девочка перехо-

дит от матери к привязанности к отцу, или, другими словами, из своей мужской в биологически определенную ей женскую фазу?

Решение было бы идеально простым, если бы мы могли предположить, что с определенного возраста вступает в силу элементарное влияние притяжения друг к другу противоположных полов, которое и влечет маленькую женщину к мужчине, в то время как тот же закон позволяет мальчику упорно держаться матери. Можно было бы еще прибавить, что при этом дети следуют намекам, которые подают им родители, предпочитая их в зависимости от пола. Но дело далеко не так просто, ведь мы едва знаем, можем ли мы всерьез верить в ту таинственную, аналитически далее не разложимую силу, о которой так часто грезят поэты. Из трудоемких исследований, для которых, по крайней мере, легко было получить материал, мы почерпнули сведения совсем иного рода. А именно: вы должны знать, что число женщин, которые долго остаются в нежной зависимости от объекта-отца, к тому же от реального отца, очень велико. Такие женщины с интенсивной и затянувшейся привязанностью к отцу предоставили нам возможность сделать поразительные открытия. Мы, конечно, знали, что была предварительная стадия привязанности к матери, но мы не знали, что она могла быть так содержательна, так длительна и могла дать так много поводов для фиксаций и предрасположений. В это время отец — только обременительный соперник; в некоторых случаях привязанность к матери затягивается до четвертого года. Все, что мы позднее находим в отношении к отцу, уже было в ней и после того было перенесено на отца. Короче, мы убеждаемся, что нельзя понять женщину, не отдав должное этой фазе *доэдиповой привязанности к матери*.

А теперь зададимся вопросом, каковы либидозные отношения девочки к матери. Ответ гласит: они очень разнообразны. Проходя через все три фазы детской сексуальности, они принимают при этом признаки отдельных фаз, выражаются оральными, садистско-анальными и фаллическими желаниями. Эти желания представляют как активные, так и пассивные побуждения; если их отнести к проявляющейся позднее дифференциации полов, чего по возможности следует избегать, то их можно назвать мужскими и женскими. Они, кроме того, полностью амбивалентны, столь же нежной, сколько и враждебно-агрессивной природы. Последние часто проявляются, лишь превратившись в страхи. Не всегда легко сформулировать эти ранние сексуальные желания: отчетливее всего выражается желание сделать матери ребенка и соответствующее ему желание родить ей ребенка, оба относятся к фаллическому периоду, они достаточно странны, но несомненно установлены аналитическим наблюдением. Привлекательность этих исследований — в ошеломляющих отдельных находках, которые они нам дают. Так, например, уже в этот доэдипов период можно обнаружить относящийся к матери страх быть убитой или отравленной, который впоследствии может образовать ядро заболевания паранойей. Или другой случай: вы помните интересный эпизод из истории аналитических исследований, который доставил много неприятных минут. В то время, когда основной интерес был направлен

на раскрытие детских сексуальных травм, почти все мои пациентки рассказывали мне, что они были совращены отцом. В конце концов я должен был прийти к выводу, что эти признания не соответствуют действительности, и начал понимать, что истерические симптомы есть плод фантазий, а не реальных событий. Только позднее я смог распознать в этой фантазии о совращении отцом выражение типичного Эдипова комплекса у женщины. А теперь мы снова находим в доэдиповой предыстории девочек фантазию совращения, однако совратительницей, как правило, бывает мать. Но здесь фантазия уже спускается на реальную почву, потому что, действительно, мать, ухаживая за телом ребенка, вызывает у него в гениталиях ощущения удовольствия, возможно, даже впервые их пробуждая.

Я предполагаю, что вы готовы подозревать, будто это описание полноты и силы сексуальных отношений маленькой девочки к своей матери очень преувеличено. Ведь когда наблюдаешь за маленькими девочками, ничего подобного за ними не замечаешь. Но этот довод не годится: можно достаточно многое увидеть в детях, если уметь наблюдать, а кроме того, не забывайте, как мало из своих сексуальных желаний ребенок может предсознательно выразить или тем более сообщить. И тогда мы пользуемся нашим правом изучения остатков и последствий этого мира чувств у лиц, у которых данные процессы развития стали особенно отчетливыми или даже чрезмерными. Ведь патология благодаря изоляции и преувеличению всегда оказывала нам услугу в познании отношений, которые в норме остаются скрытыми. А так как наши исследования никогда не проводились на людях, страдающих тяжелыми отклонениями, то я полагаю, что мы можем считать полученные результаты достоверными.

А теперь сосредоточим свое внимание на следующем вопросе: отчего умирает эта сильная привязанность девочки к матери? Мы знаем, что это ее обычная судьба; она предназначена для того, чтобы уступить место привязанности к отцу. И вот мы сталкиваемся с фактом, который указывает нам дальнейший путь. Этот шаг в развитии свидетельствует не о простой смене объекта. Отход от матери происходит под знаком враждебности, связь с матерью выливается в ненависть. Такая ненависть может стать очень ярко выраженной и сохраниться на всю жизнь, позднее она может подвергнуться тщательной сверхкомпенсации, как правило, какая-то ее часть преодолевается, другая остается. Конечно, сильное влияние оказывают на нее события последующих лет. Но мы ограничимся изучением ее во время перехода к отцу и выяснением ее мотивов. Мы услышим длинный перечень весьма различного свойства обвинений и жалоб в адрес матери, призванных оправдать враждебные чувства ребенка, значение которых нельзя недооценивать. Некоторые из них — явные рационализации, действительные источники враждебности предстоит еще отыскать. Надеюсь, вы последуете за мной, когда на этот раз я проведу вас через все детали психоаналитического исследования.

Упрек в адрес матери, к которому больше всего прибегают, заключается в том, что она слишком мало отдавала ребенку молока, что должно

свидетельствовать о недостатке любви. Этот упрек имеет в наших семьях определенное оправдание. У матерей часто не бывает достаточно питания для ребенка, и они ограничиваются тем, что кормят его грудью несколько месяцев, полгода или три четверти года. У примитивных народов детей кормят материнской грудью до двух и трех лет. Образ кормилицы, как правило, сливается с матерью; там, где этого не происходит, упрек превращается в другой, а именно что она слишком рано отослала кормилицу, которая так охотно кормила ребенка. Но как бы там ни было, не может быть, чтобы каждый раз упрек ребенка имел под собой почву. Скорее кажется, что жадность ребенка к своему первому питанию вообще неутолима, что он никогда так и не примирится с утратой материнской груди. Я бы нисколько не удивился, если бы анализ ребенка, принадлежащего примитивному народу, который сосет материнскую грудь, даже научившись бегать и говорить, выразил бы тот же упрек. С отнятием от груди связан, вероятно, и страх перед отравлением. Яд — это пища, которая делает кого-то больным. Может быть, что и свои ранние заболевания ребенок сводит к этому отказу. Чтобы поверить в случай, надо иметь определенное интеллектуальное воспитание; примитивные, необразованные люди и, конечно, ребенок умеют всему, что происходит, найти причину. Возможно, что первоначально это был мотив в духе анимизма. В некоторых слоях нашего населения еще сегодня нельзя умереть без того, чтобы не сказали, что умершего кто-то погубил, скорее всего, доктор. А обычной невротической реакцией на смерть близкого является самообвинение в том, что ты сам являешься причиной его смерти.

Следующее обвинение в адрес матери возникает, когда в детской появляется еще один ребенок. Возможно, оно фиксирует связь с вынужденным оральным отказом (orale Versagung). Мать не могла или не хотела давать ребенку больше молока, потому что оно нужно для вновь появившегося. В случае, когда дети рождаются следом друг за другом, так что кормление грудью нарушается второй беременностью, этот упрек получает реальное обоснование, и примечательно, что ребенок даже с разницей в возрасте всего лишь в 11 месяцев не слишком мал, чтобы не понять положение вещей. Но ребенок чувствует себя ущемленным перед лицом нежелательного пришельца и соперника не только в кормлении молоком, но также и во всех других свидетельствах материнской заботливости. Он чувствует себя низвергнутым, ограбленным, обделенным в своих правах, на почве ревности ненавидит маленького брата или сестру и направляет на неверную мать свою злобу, которая очень часто выражается в неприятном изменении его поведения. Он становится «плохим», раздражительным, непослушным, отказываясь от приобретенных навыков в умении управлять своими экскреторными функциями. Это все давно известно и принимается как само собой разумеющееся, но мы редко имеем правильное представление о силе этих ревнивых чувств, об устойчивости, с которой они продолжают сохраняться, а также о величине их влияния на последующее развитие. Тем более что эта ревность в последующие детские годы питается новыми источниками,

и все это потрясение повторяется с рождением каждого нового брата или сестры. Немногое меняется от того, что ребенок остается любимцем матери; притязания любви ребенка безмерны, они требуют исключительности и не допускают никакого разделения.

О значительном источнике враждебности ребенка к матери свидетельствуют его многообразные меняющиеся в зависимости от фазы либидо сексуальные желания, которые в большинстве своем не могут быть удовлетворены. Самый существенный вынужденный отказ имеет место в фаллической фазе, когда мать запрещает — нередко сопровождая это суровыми угрозами и всеми знаками неудовольствия — вызывающие наслаждение манипуляции с гениталиями, к которым она, правда, сама его подвела. Следовало бы предположить, что мотивом для обоснования отхода девочки от матери достаточно. Тогда пришлось бы высказать суждение, что эта двойственность неизбежно следует из природы детской сексуальности, из чрезмерности притязаний любви и невыполнимости сексуальных желаний. Кто-нибудь, может быть, даже подумает, что это первое любовное отношение ребенка обречено на неудачу именно потому, что оно первое, потому что эта ранняя привязанность к объекту, как правило, в высокой степени амбивалентна: наряду с сильной любовью всегда имеется сильная склонность к агрессии, и чем более страстно ребенок любит объект, тем восприимчивее он к разочарованиям и отказам со стороны объекта. В конце концов любовь не в состоянии противостоять накопившейся враждебности. Или же такую первоначальную амбивалентность чувственных привязанностей можно отклонить и указать на то, что отношение мать—ребенок имеет особую природу, которая с такой же неизбежностью ведет к разрушению детской любви, потому что даже самое мягкое воспитание не может обойтись без принуждения к ограничениям, а каждое такое вмешательство в его свободу вызывает у ребенка как реакцию склонность к сопротивлению и агрессии.

Я думаю, что дискуссия об этих возможностях могла бы стать очень интересной, но вот неожиданно возникает возражение, которое дает нашему интересу другое направление. Ведь все эти факторы: обиды, разочарования в любви, ревность, соблазн с последующим запретом — действительны также для отношения мальчика к матери, однако они не в состоянии вызвать у него отчуждения к объекту—матери. Если мы не найдем чего-то, что является специфичным для девочки, отсутствует у мальчика или происходит у него иначе, то мы не сможем объяснить судьбы связи с матерью у девочки.

Я думаю, что мы нашли этот специфический фактор и именно в предполагаемом месте, хотя и в неожиданной форме. Я говорю, в предполагаемом месте, потому что он находится в комплексе кастрации. Анатомическое (половое) различие должно ведь сказываться и на психических последствиях. Но весьма неожиданно было узнать из анализов то, что девочка считает мать ответственной за отсутствие пениса и не может простить ей этой своей обделенности.

Да-да, мы и женщине приписываем комплекс кастрации и с полным

основанием, хотя он не может иметь то же содержание, что и у мальчика. У него комплекс кастрации возникает после того, как, увидев женские гениталии, он узнал, что столь высоко ценимый им член не обязательно должен быть вместе с телом. Затем он вспоминает угрозы, которым он подвергался, занимаясь своим членом, начинает им верить и попадает с этих пор под влияние *страха кастрации*, который становится самой мощной движущей силой его дальнейшего развития. Комплекс кастрации у девочки тоже возникает благодаря тому, что она видит гениталии другого. Она сразу же замечает различие и, надо признаться, его значение. Она чувствует себя глубоко обделенной, часто дает понять, что ей тоже хотелось бы «иметь такое же», в ней появляется *зависть к пенису,* которая оставляет неизгладимые следы в ее развитии и формировании характера, преодолеваемые даже в самом благоприятном случае не без серьезной затраты психических сил. То, что девочка признает факт отсутствия пениса, отнюдь не говорит о том, что она с этим смиряется. Напротив, она еще долго держится за желание тоже получить «это», верит в эту возможность невероятно долго, и даже тогда, когда знание реальности давно отбросило это желание как невыполнимое, анализ может показать, что в бессознательном оно осталось и сохранило значительный запас энергии. Желание все-таки получить в конце концов долгожданный пенис может способствовать возникновению мотивов, которые приведут зрелую женщину к психоанализу и то, чего она, понятно, может ожидать от анализа, а именно возможности заниматься интеллектуальной деятельностью, может быть часто истолковано как сублимированная вариация этого вытесненного желания.

В значении зависти к пенису вполне можно не сомневаться. Приведу в качестве примера мужской несправедливости утверждение, что зависть и ревность играют еще большую роль в душевной жизни женщины, чем мужчины. Не то что бы эти качества отсутствовали у мужчин, или они не имели бы у женщины никакого другого корня, кроме зависти к пенису, но этой последней мы склонны приписывать большее значение для женщин. Однако у некоторых аналитиков есть склонность принижать значение того первого приступа зависти к пенису, который возникает в фаллической фазе. Они полагают, что когда у женщины обнаруживается подобная установка, то речь идет, главным образом, о вторичном образовании, которое в случае последующих конфликтов осуществляется благодаря регрессии на то раннее инфантильное побуждение. Ну, а это — общая проблема глубинной психологии. При многих патологических или всего лишь необычных установках влечений, например, при всех сексуальных извращениях возникает вопрос, какую долю их силы нужно отнести на счет ранних инфантильных фиксаций и какую — на счет влияния последующих переживаний и развитий. При этом почти всегда речь идет о дополнительных рядах, как мы это предположили при обсуждении этиологии неврозов. Оба фактора в различном соотношении являются причиной; меньшая доля участия одного фактора возмещается большей другого. Инфантильное во всех случаях является направляющим, не всегда, но все-таки часто решающим. Как раз в слу-

чае зависти к пенису я хотел бы решительно выступить за преобладание инфантильного фактора.

Открытие своей кастрации является поворотным пунктом в развитии девочки. Оно открывает три направления развития: одно ведет к подавлению сексуальности или к неврозу, другое к изменению характера в смысле комплекса мужественности, наконец, последнее — к нормальной женственности. Обо всех трех направлениях мы узнали довольно многое, хотя и не все. Основное содержание первого направления состоит в том, что маленькая девочка, которая до сих пор жила по-мужски, умела доставлять себе наслаждение возбуждением клитора, соотносила это занятие со своими часто активными сексуальными желаниями, относящимися к матери, под влиянием зависти к пенису лишается удовольствия от своей фаллической сексуальности. Уязвленная в своем самолюбии сравнением с мальчиком, наделенным пенисом, она отказывается от мастурбационного удовлетворения клитором, отвергает свою любовь к матери, нередко вытесняя при этом значительную часть своих сексуальных стремлений вообще. Отход от матери происходит, правда, не сразу, так как девочка считает кастрацию сначала своим индивидуальным несчастьем, она лишь постепенно распространяет ее на другие женские существа и, наконец, также на мать. Ее любовь относилась к *фаллической* матери; с открытием того, что мать кастрирована, возможно, она отказывается от нее как от объекта любви, так что давно накопленные мотивы враждебности берут верх. Таким образом, это означает, что открытие отсутствия пениса обесценивает женщину в глазах девочки, как и мальчика, а позднее, возможно и мужчины.

Все вы знаете, какое чрезвычайное этиологическое значение наши невротики придают своему онанизму. Они считают его виновником всех своих недугов, и нам требуется немало усилий, чтобы они поверили, что заблуждаются. Но, собственно, мы должны были бы признать, что они правы, так как онанизм является выражением детской сексуальности, от неправильного развития которой они и страдают. Правда, невротики в основном обвиняют онанизм периода половой зрелости; о раннем детском онанизме, от которого в действительности все зависит, они обычно забывают. Я хотел бы иметь когда-нибудь возможность подробно изложить вам, насколько важны все фактические частные особенности раннего онанизма для последующего невроза или характера индивидуума, был ли он обнаружен или нет, как родители с ним боролись или допускали его, удалось ли ему самому его подавить. Все это оставило неизгладимые следы в его развитии. Но я даже рад, что мне не нужно этого делать; это была бы трудная задача, которая заняла бы много времени, и в конце вы смутили бы меня тем, что потребовали бы от меня совершенно определенных практических советов, как родителям или воспитателям следует относиться к онанизму маленьких детей. В развитии девочки, о котором я говорю, виден пример того, что ребенок сам старается освободиться от онанизма. Но это не всегда ему удается. Там, где зависть к пенису пробудила сильное противодействие клиторному онанизму, а он все-таки не хочет уступать, начинается энергичная

освободительная борьба, в которой девочка как бы берет на себя роль отставленной матери и выражает все свое недовольство неполноценным клитором, сопротивляясь удовлетворению с его помощью. Уже много лет спустя, когда онанистические действия давно подавлены, интерес продолжает сохраняться, и его мы должны толковать как защиту от все еще существующей боязни искушения. Это выражается в возникновении симпатии к лицам, у которых предполагаются схожие трудности, это становится мотивом для заключения брака, это может даже определять выбор партнера по браку или любви. Освобождение от ранней детской мастурбации действительно является делом отнюдь не легким или безразличным.

Прекращение клиторной мастурбации означает отказ от части активности. Теперь пассивность берет верх, обращение к отцу происходит преимущественно с помощью пассивных побуждений. Вы видите, что такой сдвиг в развитии, устраняющий фаллическую активность, подготавливает почву для женственности. Если при этом не слишком многое теряется из-за вытеснения, эта женственность может осуществляться нормально. Желание, с которым девочка обращается к отцу, это ведь первоначально желание иметь пенис, в котором ей отказала мать и которого она ждет от отца. Но женская ситуация восстанавливается только тогда, когда желание иметь пенис замещается желанием иметь ребенка; ребенок, таким образом, согласно эквивалентам древней символики, занимает место пениса. От нас не ускользает то, что девочка еще раньше, в ненарушенной фаллической фазе, хотела ребенка, ведь таков был смысл ее игры с куклами. Но эта игра не была, собственно, выражением ее женственности, она служила идентификации с матерью с намерением заменить пассивность активностью. Она играла роль матери, а куклой была она сама; теперь она могла делать с ребенком все то, что мать обычно делала с ней. Только с появлением желания иметь пенис кукла-ребенок становится ребенком от отца и отныне самой желанной женской целью. Велико счастье, если когда-нибудь впоследствии это детское желание найдет свое реальное воплощение и особенно если ребенок будет мальчиком, который принесет с собой долгожданный пенис. В связи «ребенок от отца» акцент достаточно часто смещен на ребенка, а не на отца. Так старое мужское желание обладать пенисом еще просвечивает сквозь сложившуюся женственность. Но, может быть, это желание иметь пенис мы должны, скорее, признать исключительно женским.

С переносом желания ребенка-пениса на отца девочка вступает в ситуацию Эдипова комплекса. Враждебность к матери, которой не нужно создаваться заново, получает теперь сильное подкрепление, потому что та становится соперницей, которой достается от отца все, чего желает от него девочка. Эдипов комплекс девочки долгое время скрывал от нас доэдипову связь с матерью, которая столь важна и оставляет такие стойкие фиксации. Для девочки эдипова ситуация является исходом долгого и трудного развития, чем-то вроде предварительного освобождения, некой точкой покоя, которую она не так-то скоро оставит, тем более

что теперь недалеко и начало латентного периода. В отношении Эдипова комплекса к комплексу кастрации обращает на себя внимание различие полов, которое, вероятно, чревато последствиями. Эдипов комплекс мальчика, когда он желает свою мать, а отца хотел бы устранить как соперника, развивается, конечно, из фазы его фаллической сексуальности. Но угроза кастрации принуждает его отказаться от этой установки. Под влиянием опасности потерять пенис Эдипов комплекс оставляется, вытесняется и в наиболее нормальном случае разрушается до основания, а в качестве его наследника вступает в силу строгое Сверх-Я. У девочки происходит почти противоположное. Комплекс кастрации подготавливает Эдипов комплекс, вместо того чтобы его разрушать, под влиянием зависти к пенису нарушается связь с матерью, и девочка попадает в эдипову ситуацию как в какую-то гавань. С устранением страха кастрации отпадает главный мотив, который заставляет мальчика преодолеть Эдипов комплекс. Девочка остается в нем неопределенно долго и лишь поздно, да и то не полностью освобождается от него. В этих условиях должно пострадать образование Сверх-Я, оно не сможет достичь той силы и независимости, которые и придают ему культурное значение, и феминисты не любят, когда им указывают на последствия этого момента для обычного женского характера.

А теперь вернемся назад: как вторую возможную реакцию на открытие женской кастрации мы выделили развитие сильного комплекса мужественности. Под этим подразумевалось, что девочка как бы отказывается признать этот неприятный факт, упрямым протестом еще больше преувеличивает свою прежнюю мужественность, не хочет отказываться от своих клиторных действий и находит себе прибежище в идентификации с фаллической матерью или отцом. Что может быть решающим для такого исхода? Мы не можем представить себе ничего иного, кроме конституционального фактора, большей меры активности, что обычно характерно для самца. Сущностью процесса является то, что в этом месте развития не происходит сдвига к пассивности, который открывает поворот к женственности. Крайним проявлением этого комплекса мужественности кажется нам влияние на выбор объекта в смысле открытого гомосексуализма. Хотя аналитический опыт показывает нам, что женский гомосексуализм редко или никогда не продолжает прямо инфантильную мужественность. Сюда же, по-видимому, относится и то, что и такие девушки на некоторое время принимают отца в качестве объекта и попадают в эдипову ситуацию. Но затем вследствие неизбежных разочарований в отце они вынуждены регрессировать к своему раннему комплексу мужественности. Не следует переоценивать значение этих разочарований; их не минует и девушка, склонная к женственности, но без того же результата. Превосходящая сила конституционального фактора кажется неоспоримой, но две фазы в развитии женского гомосексуализма очень хорошо отражаются в практике гомосексуалистов, которые так же часто и так же явно играют друг с другом в мать и ребенка, как и в мужчину и женщину.

То, что я вам тут рассказал, это, так сказать, предыстория женщи-

ны. Это результаты самых последних лет, возможно, они заинтересуют вас как попытка кропотливой аналитической работы. Так как темой является сама женщина, я позволю себе на этот раз упомянуть поименно некоторых женщин, которым это исследование обязано важными работами. Д-р Рут Мак-Брунсвик первой (1929) описала случай невроза, истоки которого прослеживаются в фиксации на доэдиповой стадии и когда эдипова ситуация вообще не была достигнута. Он имел форму паранойи ревности и оказался поддающимся терапии. Д-р Жанна Лампль де Гру достоверными наблюдениями установила (1927) столь маловероятную фаллическую активность девочки по отношению к матери, д-р Елена Дейч показала (1932), что любовные акты гомосексуальных женщин воспроизводят отношения матери и ребенка.

Проследить дальнейшее развитие женственности через половое созревание вплоть до периода зрелости не входит в мои намерения. Да и наши знания недостаточны для этого. Некоторые черты я суммирую ниже. Ссылаясь на предысторию, я только хочу подчеркнуть, что развитие женственности по-прежнему подвергается нарушениям со стороны остаточных явлений предварительного периода мужественности. Регрессии к фиксациям тех доэдиповых фаз имеют место очень часто; в некоторых историях жизни дело доходит до неоднократного повторения периодов, в которых преобладает то мужественность, то женственность. Частично то, что мы, мужчины, называем «загадкой женщины», возможно, ведет начало от этого проявления бисексуальности в жизни женщины. Но во время этих исследований, по-видимому, назрел другой вопрос. Движущей силой сексуальной жизни мы называем либидо. Сексуальная жизнь подчинена полярности мужского—женского; таким образом, кажется необходимым внимательно рассмотреть отношение либидо к этой полярности. Не было бы неожиданностью, если бы оказалось, что каждой сексуальности подчиняется свое особое либидо, так что один вид либидо преследует цели мужской, а другой — цели женской сексуальной жизни. Но ничего подобного не существует. Есть только одно либидо, которое служит как мужской, так и женской сексуальной функции. Мы не можем сами приписать ему пол; если мы, согласившись на отождествление активности и мужественности, пожелаем назвать его мужским, нам не следует забывать, что оно [либидо] представляет также стремления к пассивным целям. Словосочетание «женское либидо» все же лишено всякого оправдания. Оно вызывает у нас впечатление, что либидо стесняют, когда принуждают к служению женской функции, и что природа, если говорить телеологически, менее серьезно считается с ее притязаниями, чем в случае мужественности. А это, мыслимое опять-таки телеологически, может иметь свое основание в том, что проведение в жизнь биологической цели вверяется агрессии мужчины и некоторым образом независимо от согласия женщины.

Сексуальная фригидность женщины, частота которой, кажется, подтверждает это пренебрежение, является всего лишь недостаточно понятым феноменом. Иногда она носит психогенный характер и тогда подвластна воздействию, в других случаях она позволяет предполагать

конституциональную обусловленность и даже вклад анатомического фактора.

Я обещал рассказать вам еще о некоторых психических особенностях зрелой женственности, как они проявляются при аналитическом наблюдении. Мы не претендуем этими утверждениями на окончательную истину; кроме того, не всегда легко отделить то, что можно приписать влиянию сексуальной функции, а что — социальному воспитанию. Итак, мы приписываем женственности более высокую степень нарциссизма, которая и влияет на ее выбор объекта, так что быть любимой для женщины — более сильная потребность, чем любить. В физическом тщеславии женщины все еще сказывается действие зависти к пенису, поскольку свои прелести она тем более высоко ценит, что они представляются ей компенсацией за первоначальную сексуальную неполноценность. Стыдливости, которая считается отличительным женским качеством, но является гораздо более обусловленной традициями, чем следовало бы думать, мы приписываем первоначальное намерение скрыть дефект гениталий. Мы не забываем, что позднее она приняла на себя другие функции. Полагают, что женщины внесли меньший вклад в открытия и изобретения истории культуры, но, может быть, именно они открыли один вид техники — технику плетения и ткачества. Если это так, то попытаемся отгадать бессознательный мотив этого достижения. Сама природа как будто подает пример такому подражанию, заставляя гениталии с наступлением половой зрелости обрастать волосами, скрывающими их. Шаг, который надо было сделать далее, состоял в том, чтобы скрепить волокна друг с другом, которые на теле выступали из кожи и были лишь спутаны. Если эта неожиданная мысль кажется вам фантастичной и вы считаете влияние отсутствия пениса на формирование женственности моей идеей fix, то я, естественно, обезоружен[75].

Условия выбора объекта женщиной достаточно часто до неузнаваемости изменяются социальными отношениями. Там, где он может проявиться свободно, он часто происходит по нарцисстическому идеалу мужчины, которым девушка хотела стать. Если девушка остановилась на привязанности к отцу, т. е. на Эдиповом комплексе, то она выберет его по типу отца. Поскольку при переходе от матери к отцу враждебность амбивалентного эмоционального отношения осталась направленной на мать, такой выбор должен обеспечить счастливый брак. Но очень часто случается то, что вообще ставит под угрозу подобное разрешение амбивалентного конфликта. Сохранившаяся враждебность следует за положительной привязанностью и переходит на новый объект. Супруг, который сначала получает в наследство чувства к отцу, со временем наследует и чувства к матери. Таким образом, легко может произойти то, что вторую половину жизни женщины заполняет борьба против своего мужа, как первую, более короткую,— сопротивление по отношению к своей матери. После того как реакция изжита, второй брак может легко сложиться гораздо более удовлетворительно. Другой поворот в сущности женщины, к которому не подготовлены любящие, может произойти после рождения в браке первого ребенка. Под впечатлением собствен-

ного материнства может снова ожить идентификация с собственной матерью, которой женщина вплоть до брака оказывала сопротивление, и привлечь к себе все имеющееся либидо, так что с навязчивым повторением репродуцируется несчастный брак родителей. То, что прежний фактор отсутствия пениса все еще не утратил своей силы, обнаруживается в неодинаковой реакции матери на рождение сына или дочери. Только отношение к сыну приносит матери неограниченное удовлетворение; оно вообще является из всех человеческих отношений самым совершенным и наиболее свободным от амбивалентности. На сына мать может перенести свое честолюбие, которое она должна была подавить в себе, от него она ждет удовлетворения всего того, что осталось у нее от комплекса мужественности. Даже брак нельзя считать устойчивым, пока женщине не удастся сделать и мужа своим ребенком и разыгрывать перед ним мать.

Идентификация женщины с матерью позволяет различить два слоя — доэдипов, который основан на нежной привязанности к матери, считающийся образцом, и более поздний из Эдипова комплекса, когда мать устраняется и заменяется отцом. Многое от обоих остается для будущего, и можно по праву сказать, что ни один не преодолевается в процессе развития в достаточной мере. Но фаза нежной доэдиповой привязанности является для будущего женщины решающей; в ней подготавливается приобретение тех качеств, благодаря которым она позднее будет соответствовать своей роли в сексуальной функции и достигать поразительных социальных успехов. В этой идентификации она приобретает также привлекательность для мужчины, которая превращает его эдипову привязанность к матери во влюбленность. Лишь тогда сын зачастую получает то, чего он добивался для себя. Создается впечатление, что любовь мужчины и любовь женщины разделяются психологическим различием фаз.

То, что женщине мало свойственно чувство справедливости, связано с преобладанием зависти в ее душевной жизни, потому что требование справедливости перерабатывает зависть, создавая условие, при котором от нее можно отказаться. Мы говорим о женщинах также, что их социальные интересы слабее, а способность к сублимации влечений меньше, чем у мужчин. Первое, правда, проистекает из асоциального характера, который, несомненно, присущ всем сексуальным отношениям. Любящие находят удовлетворение друг в друге, и даже семья еще противится принятию в более широкие сообщества. Способность к сублимации подвержена самым значительным индивидуальным колебаниям. Я не могу не упомянуть впечатления, которое все время получаешь при аналитической деятельности. Мужчина около тридцати лет представляется молодым, скорее незрелым индивидуумом, от которого мы ждем, что он в полной мере использует возможности развития, которые ему открывает анализ. Но женщина того же возраста часто пугает нас своей психической закостенелостью и неизменяемостью. Ее либидо заняло окончательные позиции и кажется не способным оставить их ради других. Путей для дальнейшего развития нет; дело обстоит так, как будто весь про-

цесс уже закончен, не может подвергнуться отныне никакому воздействию и даже как будто трудное развитие на пути к женственности исчерпало возможности личности. Мы как терапевты жалуемся на это положение вещей, даже если нам удается устранить недуг путем разрешения невротического конфликта.

Это все, что я хотел вам сказать о женственности. Разумеется, все это неполно и фрагментарно, да и не всегда приятно звучит. Не забывайте, что мы описали женщину лишь в той мере, в какой ее сущность определяется ее сексуальной функцией. Это влияние заходит, правда, очень далеко, но мы имеем в виду, что отдельная женщина все равно может быть человеческим существом. Если вы хотите знать о женственности больше, то спросите об этом собственный жизненный опыт, или обратитесь к поэтам, или подождите, пока наука не даст вам более глубокие и лучше согласующиеся друг с другом сведения.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Объяснения, приложения, ориентации

Уважаемые дамы и господа! Позвольте мне вместо, так сказать, сухого изложения материала побеседовать с вами о вещах, имеющих очень мало теоретического значения, но все-таки близко касающихся вас, поскольку вы ведь дружески настроены по отношению к психоанализу? Представим себе, например, случай, когда вы в часы досуга берете в руки немецкий, английский или американский роман, ожидая найти в нем описание людей и вещей на сегодняшний день. Через несколько страниц вы наталкиваетесь на первое суждение о психоанализе, а затем и на другие, даже если из контекста это, по-видимому, не вытекает. Не думайте, что речь идет об использовании глубинной психологии для лучшего понимания действующих лиц или их поступков, хотя существуют и более серьезные сочинения, в которых эти попытки действительно имеются. Нет, по большей части это лишь иронические замечания, которыми автор романа хочет показать свою начитанность или интеллектуальное превосходство. И далеко не всегда у вас возникает впечатление, что он действительно знает то, о чем высказывается. Или вы идете в дружескую компанию отдохнуть, это может быть и не в Вене. Через некоторое время разговор переходит на психоанализ, и вы слышите, как самые различные люди высказывают свое суждение по большей части в тоне несомненной уверенности. Суждение это обычно пренебрежительное, часто брань, по меньшей мере, вновь насмешка. Если вы будете так неосторожны и выдадите, что кое-что понимаете в предмете, на вас все накинутся, требуя сведений и объяснений, и через некоторое время вы убедитесь, что все эти строгие приговоры отступают перед любой информацией, что едва ли хоть один из этих противников брал в руки хотя бы одну аналитическую книгу, а если все-таки брал,

то не преодолел первого же сопротивления при знакомстве с новым материалом.

От введения в психоанализ вы, может быть, и ждете указания, какие аргументы использовать для исправления явно ошибочных мнений об анализе, какие книги рекомендовать для лучшего ознакомления с ним или же какие примеры из литературы или вашего опыта следует приводить в дискуссии, чтобы изменить установку общества. Но я прошу вас, не делайте ничего этого. Это было бы бесполезно, лучше всего вам вообще скрыть свою осведомленность. Если же это уже невозможно, то ограничьтесь тем, что скажите: насколько вам известно, психоанализ — особая отрасль знания, очень трудная для понимания и обсуждения, и занимается он очень серьезными вещами, так что шутить здесь нечего, а для публичных развлечений лучше поискать другую игрушку. И конечно же не участвуйсте в попытках толкований, если неосторожные люди расскажут свои сновидения, и не поддавайтесь искушению вербовать сторонников анализа сообщениями о случаях выздоровления.

Но вы можете спросить, почему эти люди, как пишущие книги, так и ведущие разговоры, ведут себя так некорректно, и склонитесь к предположению, что дело не только в людях, но и в психоанализе тоже. Я думаю об этом точно так же; то, что в литературе и обществе выступает для вас как предрассудок — это последствия предшествующего суждения, а именно суждения, которое позволяли себе представители официальной науки о молодом психоанализе. Я уже однажды жаловался на это в одной исторической работе и не буду делать этого вновь — быть может, и этого одного-то раза слишком много,— но поистине не было ни одного нарушения законов логики, равно как и ни одного нарушения правил приличия и хорошего тона, к которому не прибегали тогда научные противники психоанализа. Ситуация была как в средние века, когда преступника или даже всего лишь политического противника пригвождали к позорному столбу и отдавали на поругание черни. И вы, может быть, не представляете себе отчетливо, насколько в нашем обществе распространяется дурной тон и какие безобразия позволяют себе люди, если они как часть общей массы чувствуют себя освобожденными от личной ответственности. К началу тех времен я был довольно одинок, вскоре увидел, что полемика не имеет никаких перспектив, и что даже самообвинение и апеллирование к лучшим умам бесполезно, так как просто не существует никаких инстанций, которые должны были бы рассматривать жалобу. Тогда я пошел другим путем, я впервые применил психоанализ, объяснив себе поведение массы феноменом того же самого сопротивления, с которым я боролся у отдельных пациентов, сам воздерживался от полемики и оказывал влияние в том же направлении на своих сторонников, которые постепенно появлялись. Метод был хорош, опала, в которую попал тогда анализ, с тех пор была снята, но как оставленная вера продолжает жить в суеверии, а отвергнутая наукой теория сохраняется в народном мнении, так и тот первоначальный бойкот психоанализа научными кругами продолжается сегодня в ироническом пренебрежении пишущих книги и ведущих беседы любителей. Так что не удивляйтесь этому.

Но и не надейтесь услышать радостное известие, что борьба за анализ закончена и привела вместе с признанием его как науки к преподаванию его как учебного материала в университете. Об этом не может быть и речи, она продолжается, только в более вежливых формах. Новым является также то, что в научном обществе образовался некий амортизирующий слой между анализом и его противниками, люди, которые допускают наличие чего-то ценного в анализе, признают это при благоприятных условиях, зато не приемлют другое, о чем они не могут заявить во всеуслышание. Что определяет их выбор, нелегко разгадать. Видимо, это личные симпатии. Одного раздражает сексуальность, другого — бессознательное, особенно, кажется, невзлюбили факт символики. То, что здание психоанализа, хотя еще не завершенное, уже сегодня представляет собой единство, из которого нельзя произвольно выбрасывать отдельные элементы, этими эклектиками, кажется, не учитывается. Ни от одного из этих полу- и четвертьприверженцев я не получил впечатления, что их отказ основан на проверке. Даже некоторые выдающиеся мужи относятся к этой категории. Правда, их извиняет тот факт, что их время, как и их интерес, посвящены другим вещам, а именно тем, в решении которых они достигли столь значительных успехов. Но не лучше тогда было бы им воздержаться от суждения, вместо того чтобы выступать столь решительно. Одного из этих великих людей мне удалось однажды быстро обратить в свою веру. Это был всемирно известный критик, который с благосклонным вниманием и пророчески острым взглядом следил за духовными течениями времени. Я познакомился с ним только тогда, когда ему было за восемьдесят, но он был все еще очаровательным собеседником. Вы легко догадаетесь, кого я имею в виду. Не я первый завел разговор о психоанализе, это сделал он, обращаясь ко мне самым скромным образом. «Я только литератор,— сказал он,— а Вы — естествоиспытатель и первооткрыватель. Но я хочу Вам сказать одно: я никогда не имел сексуальных чувств к своей матери». «Но Вы совершенно и не обязаны о них знать,— возразил я,— ведь для взрослых это бессознательные процессы». «Ах, Вы так это понимаете»,— сказал он облегченно и пожал мою руку. Мы беседовали в добром согласии еще несколько часов. Позднее я слышал, что за тот короткий остаток жизни, который ему суждено было еще прожить, он неоднократно дружески отзывался об анализе и охотно употреблял новое для него слово «вытеснение».

Известное изречение напоминает, что надо изучать своих врагов. Признаюсь, мне никогда это не удавалось, но я все же думал, что для вас было бы поучительным, если бы я предпринял с вами проверку всех упреков и возражений, которые противники психоанализа выдвигали против него, и указал бы на [их] так легко обнаруживаемую несправедливость и нарушения логики. Но *on second thoughts** я сказал себе, это было бы совсем не интересно, а утомительно и неприятно, и именно поэтому все эти годы я тщательно избегал этого. Итак, извините меня

* По зрелом размышлении (*англ.*).— *Примеч. пер.*

за то, что я не следую далее этим путем и избавляю вас от суждений наших так называемых противников. Ведь речь почти всегда идет о лицах, единственным подтверждением квалификации которых является беспристрастность, которую они сохранили благодаря отстранению от опыта психоанализа. Но я знаю, что мне не так легко будет отделаться в других случаях. Вы поставите мне в упрек: ведь есть так много лиц, к которым ваше последнее замечание не подходит. Они не отказались от аналитического опыта, анализировали пациентов, может быть, сами подверглись анализу, были какое-то время вашими сотрудниками и все-таки пришли к другим воззрениям и теориям, на основании которых отошли от вас и основали самостоятельные школы психоанализа. О возможности и значении этих движений отхода, столь частых в ходе развития анализа, вы должны были бы дать нам объяснение.

Да, я попытаюсь это сделать, правда, вкратце, потому что для понимания психоанализа это даст меньше, чем вы думаете. Я знаю, что в первую очередь вы имеете в виду индивидуальную психологию Адлера, которая в Америке, например, рассматривается как правомочная побочная линия нашего психоанализа и обычно упоминается вместе с ним. В действительности она имеет с ним очень мало общего, но вследствие определенных исторических обстоятельств ведет в некотором роде паразитическое существование за его счет. К ее основателю условия, которые мы предполагаем для противников другой группы, подходят лишь в незначительной мере. Само название является неудачным, кажется следствием затруднения; мы не можем себе позволить помешать пользоваться им с полным правом в качестве противоположности психологии масс; то, чем занимаемся мы, тоже является по большей части и прежде всего психологией человеческого индивидуума. В объективную критику индивидуальной психологии Адлера я не буду сегодня вдаваться, она не входит в план этого введения, я также пытался уже однажды это сделать и не вижу причин что-либо изменять в ней. А впечатление, которое она производит, я лучше покажу на примере маленького происшествия в годы до возникновения анализа.

Вблизи маленького моравского городка, в котором я родился и который покинул трехлетним ребенком, находится скромный курорт, утопающий в прекрасной зелени. В гимназические годы я несколько раз бывал там на каникулах. Примерно два десятилетия спустя болезнь одной близкой родственницы послужила поводом снова увидеть это место. В беседе с курортным врачом, который оказывал помощь моей родственнице, я осведомился о его отношениях со словацкими крестьянами, которые зимой составляли его единственную клиентуру. Он рассказал, каким образом осуществляется его врачебная деятельность: ко времени приемных часов пациенты приходят в его кабинет и становятся в ряд. Затем один за другим выходят вперед и жалуются на свои недуги: у него-де боли в крестцовой области, или спазмы желудка, или усталость в ногах и т. д. Затем врач обследует каждого и, войдя в курс дела, объявляет диагноз, в каждом случае один и тот же. Он перевел мне это слово, оно означало то же самое, что «нечистый». Я спросил удивленно,

не возражали ли крестьяне, что он у всех находил одну и ту же болезнь. «О нет,— ответил тот,— они были очень довольны тем, что это было именно то, чего они ожидали. Каждый, возвращаясь в ряд, пояснял другому мимикой и жестами: да, этот знает свое дело». Тогда я смутно представлял себе, при каких обстоятельствах снова встречусь с аналогичной ситуацией [76].

Будь кто-то гомосексуалистом или некрофилом, запуганным истериком, изолированным невротиком с навязчивыми состояниями или буйно помешанным, в каждом случае последователь индивидуальной психологии адлеровского направления предположит ведущим мотивом [данного] состояния желание больного заставить считаться с собой, скомпенсировать свою неполноценность, остаться на высоте, перейти с женской линии поведения на мужскую. Что-то очень похожее мы слышали молодыми студентами в клинике, когда однажды демонстрировался случай истерии: страдающие истерией производят свои симптомы, чтобы сделать себя интересными, привлечь к себе внимание. Как часто все-таки старая мудрость возвращается! Но этот кусочек психологии уже тогда, как нам казалось, не раскрывал загадки истерии. Оставалось, например, неясным, почему больной не воспользуется другим средством для достижения своего намерения. Кое-что в этой теории индивидуальной психологии должно быть, конечно, правильным, какая-то частичка целого. Инстинкт самосохранения будет пытаться использовать для себя любую ситуацию, Я тоже захочет воспользоваться состоянием болезни для своего преимущества. В психоанализе это называется «вторичной выгодой от болезни». Правда, если вспомнить о фактах мазохизма, бессознательной потребности наказания и невротического самоповреждения, которые заставляют предположить влечения, противоречащие самосохранению, то усомнишься и в общей значимости той банальной истины, на которой построено теоретическое здание индивидуальной психологии. Но большинству такая теория в высшей степени желательна, она не признает никаких осложнений, не вводит новых, трудно постигаемых понятий, ничего не знает о бессознательном, одним ударом устраняет гнетущую для всех проблему сексуальности, ограничивается открытием лазеек, с помощью которых хочет сделать жизнь удобной. Ведь масса сама удобна, не требует для объяснения более одной причины, благодарна науке не за ее подробности, хочет иметь простые решения и считать проблемы разрешенными. Если взвесить, насколько индивидуальная психология отвечает этим требованиям, то нельзя не вспомнить одно высказывание из *Валленштейна*:

Не будь так этот замысел коварен,
Глупейшим я назвать бы мог его!

(Перевод *Н. Славятинского*)

Критика специалистов, столь неумолимая в отношении психоанализа, в общем коснулась индивидуальной психологии замшевыми перчатками. Правда, в Америке был случай, когда один из виднейших психиатров опубликовал статью против Адлера под названием *Enough!* *, где он вы-

* Довольно! (*англ.*).— *Примеч. пер.*

разил свое отвращение к «навязчивому повторению». Если другие вели себя намного любезнее, то, видимо, этому способствовала враждебность к анализу.

О других школах, которые ответвились от нашего психоанализа, мне не нужно много говорить. То, что это произошло, не говорит ни за, ни против психоанализа. Подумайте о сильных аффективных факторах, которые многим затрудняют возможность включиться во что-то или подчиниться чему-то и о еще больших трудностях, которые по праву подчеркивает выражение *quot capita tot sensus* *. Если различия во мнениях перешагнули определенную границу, то самое целесообразное размежеваться и с этих пор идти различными путями, особенно когда теоретическое различие имеет своим следствием изменения практических действий. Предположите, например, что какой-то аналитик недооценивает влияние личного прошлого и пытается объяснить причины неврозов исключительно мотивами настоящего и ожиданиями, направленными в будущее. Затем он будет пренебрегать анализом детства, вообще начнет пользоваться другой техникой, а недостаток данных анализа детства должен будет возместить усилением своего теоретического влияния и прямыми указаниями на жизненные цели. Тогда мы, другие, скажем: это, может быть, и школа мудрости, но уж никак не анализ. Или другой может прийти к выводу, что переживание страха рождения является зародышем всех последующих невротических нарушений, тогда ему покажется правильным ограничиться анализом действий этого одного впечатления и обещать терапевтический успех через три-четыре месяца лечения. Заметьте, я выбрал два примера, которые исходят из диаметрально противоположных предпосылок. Таков почти всеобщий характер «движений отхода», каждое из них овладевает какой-то частью богатства мотивов в психоанализе и становится самостоятельным на основе этого овладения, будь то стремление к власти, этический конфликт, мать, генитальность и т. д. Если вам кажется, что такие отходы в развитии психоанализа сегодня происходят чаще, чем в других духовных движениях, то не знаю, должен ли я согласиться с вами. Коль скоро это так, то ответственными за это следует считать тесные связи между теоретическими взглядами и терапевтической практикой, которые существуют в психоанализе. Различия только во мнениях можно было бы выносить дольше. Нас, психоаналитиков, любят обвинять в нетерпимости. Единственным проявлением этого отвратительного качества было размежевание именно с инакомыслящими. В остальном их ни в чем не обидели; напротив, они попали в благоприятное положение, с тех пор им стало лучше, чем раньше, так как после отхода они освободились от упреков, от которых мы задыхаемся, например, в позорности детской сексуальности или смехотворности символики, а теперь их считают в мире наполовину честными, чем мы, оставшиеся, не являемся. Они сами отошли от нас вплоть до одного примечательного исключения.

Какие же еще притязания вы обозначите названием терпимость? Тот

* Сколько голов — столько умов (*лат.*).— *Примеч. пер.*

случай, когда кто-то выразил мнение, которое вы считаете абсолютно неправильным, но говорите ему: «Большое спасибо, что вы выразили это противоречие. Вы спасли нас от опасности самодовольства и даете нам возможность доказать американцам, что мы действительно настолько *broadminded* *, насколько они всегда этого желали. Мы не верим ни одному слову из того, что вы говорите, но это неважно. Вероятно, вы так же правы, как и мы. Кто вообще может знать, кто прав? Позвольте нам, несмотря на соперничество, выразить вашу точку зрения в литературе. Надеемся, что вы будете столь любезны и постараетесь высказаться за нашу, которую вы отвергаете». Это, очевидно, станет в будущем обычным в научной работе, когда окончательно утвердится злоупотребление теорией относительности Эйнштейна. Правда, пока мы до этого не дошли. Мы ограничиваемся старой манерой представлять свои собственные убеждения, подвергаясь опасности ошибиться, потому что против этого нельзя защититься, и отвергаем то, что нам противоречит. В психоанализе мы в достаточно полной мере пользовались правом на изменение своего мнения, если полагали, что нашли что-то лучшее.

Одним из первых приложений психоанализа было то, что он научил нас понимать противников, которые появились в нашем окружении из-за того, что мы занимались психоанализом. Другие приложения, объективного характера, могут вызвать более общий интерес. Ведь нашим первым намерением было понять нарушения человеческой душевной жизни, потому что один поразительный пример показал, что понимание и выздоровление здесь почти совпадают, что путь, по которому можно идти, ведет от одного к другому. И это долгое время оставалось нашим единственным намерением. Но затем мы обнаружили тесную связь, даже внутреннюю идентичность между патологическими и так называемыми нормальными процессами, психоанализ стал глубинной психологией, а так как ничего из того, что человек создает или чем занимается, нельзя понять без помощи психологии, психоанализ нашел свое применение в многочисленных областях науки, особенно гуманитарных, оно напрашивалось само собой и требовало разработки [77]. К сожалению, эти задачи натолкнулись на препятствия, по сути дела обоснованные, которые не преодолены и по сей день. Такое применение предполагает профессиональные знания, которых не имеют аналитики, в то время как те, кто ими обладает, ничего не знают об анализе, а может быть, не хотят ничего знать. Таким образом, получилось, что аналитики, как дилетанты с более или менее достаточным багажом, часто собранным в спешке, предпринимали экскурсы в такие области наук, как мифология, история культуры, этнология, религиоведение и т. д. Постоянно занимающиеся этими науками исследователи обходились с ними вообще как с незваными гостями, поначалу отказывая им в знакомстве как со своими методами, так и с результатами, если те стоили внимания. Но эти отношения постоянно улучшаются, во всех областях растет число лиц, изучающих психоанализ с тем, чтобы применить его в своей специальной области,

* Терпимы (*англ.*).– *Примеч. пер.*

сменить пионеров в качестве колонистов. Здесь мы можем надеяться на богатый урожай новых взглядов. Применение анализа — это всегда и его утверждение. Там, где научная работа отстоит от практической деятельности далеко, неизбежная борьба мнений, пожалуй, будет менее ожесточенной.

Я ощущаю сильный соблазн показать вам все возможные приложения психоанализа в гуманитарных науках. Эти вещи, достойные внимания каждого человека с духовными интересами, а какое-то время ничего не слышать о ненормальности и болезни было бы для вас заслуженным отдыхом. Но я вынужден отказаться от этого, это опять увело бы нас за рамки наших бесед, а, честно говоря, я и не способен выполнить эту задачу. В некоторых из этих областей я, правда, сам сделал первый шаг, но сегодня уже не могу охватить материал во всей полноте, и мне пришлось бы изучить многое для того, чтобы разобраться в том, что нового появилось со времени моих начинаний. Те из вас, кто разочарован моим отказом, может вполне удовлетвориться нашим журналом *Imago*, предназначенным не для медицинского приложения анализа.

Только одну тему я не могу так просто обойти, не потому, что много понимаю или сам так много сделал в ней. Совсем наоборот, я ею почти никогда не занимался. А между тем это так чрезвычайно важно, так много обещает в будущем и, может быть, является самым важным из всего, чем занимается анализ. Я имею в виду использования психоанализа в педагогике, в воспитании будущего поколения [78]. Рад, по крайней мере, сообщить, что моя дочь, Анна Фрейд, видит в этой работе свою жизненную задачу и ликвидирует, таким образом, мое упущение. Путь, который ведет к этому использованию, легко поддается обозрению. Когда мы при лечении взрослого невротика исследовали детерминированность его симптомов, то постоянно доходили до его раннего детства. Знания более поздней этиологии было недостаточно ни для понимания, ни для терапевтического воздействия. Так мы были вынуждены познакомиться с психическими особенностями детского возраста и узнали большое количество вещей, которые можно было установить лишь не иначе как благодаря анализу, смогли внести также поправки во многие общепризнанные мнения о детстве. Мы обнаружили, что первые детские годы (примерно до пяти лет) имеют особое значение по нескольким причинам. Во-первых, потому что в это время происходит ранний расцвет сексуальности, оставляя после себя решающие для сексуальной жизни зрелого периода побуждения. Во-первых, потому что впечатления этого времени падают на незавершенное и слабое Я, на которое они действуют как травмы. Я может защититься от аффективных бурь, которые они вызывают, не чем иным, как вытеснением, и получает таким способом в детском возрасте все предрасположения к последующим заболеваниям и функциональным нарушениям. Мы поняли, что трудность детства состоит в том, что за короткий период времени ребенок должен овладеть результатами культурного развития, которое длилось тысячелетия, овладеть влечениями и социально приспособиться, по крайней мере, сделать первые шаги в обоих направлениях. Своим собственным развитием он

лишь частично добивается изменения в эту сторону, многое приходится навязывать ему воспитанием. Нас не удивляет, если ребенок часто не вполне справляется с этой задачей. В этот ранний период многие дети — и уж, конечно, все те, кто позднее открыто заболевает,— переживают состояния, которые можно приравнять к неврозам. У некоторых детей болезнь не дожидается периода зрелости, она начинается уже в детстве и доставляет много хлопот родителям и врачам.

Мы нисколько не опасались применять аналитическую терапию к таким детям, которые обнаруживали или недвусмысленные невротические симптомы или же предпосылки для неблагоприятного развития характера. Опасение повредить ребенку анализом, которое выражали противники анализа, оказалось необоснованным. Предпринимая это, мы выигрывали в том, что могли подтвердить на живом объекте то, что у взрослых открывали, так сказать, из исторических документов. Но и для детей это было очень благоприятно. Оказалось, что ребенок — очень выгодный объект для аналитической терапии; успехи лечения основательны и продолжительны. Разумеется, техника, разработанная для лечения взрослого, для ребенка должна быть во многом изменена. Психологически ребенок другой объект, чем взрослый, у него еще нет Сверх-Я, метод свободной ассоциации ведет недалеко, перенесение играет другую роль, так как существуют еще реальные родители. Внутренние сопротивления, с которыми мы боремся у взрослого, заменяются у ребенка обычно внешними трудностями. Если родители становятся носителями сопротивления, так что цель анализа или сам процесс подвергаются опасности, то часто при анализе ребенка необходимо немного повлиять и на родителей. С другой стороны, неизбежные отклонения анализа ребенка от анализа взрослого уменьшаются благодаря тому обстоятельству, что некоторые наши пациенты сохранили так много инфантильных черт характера, что аналитикам опять-таки для приспособления к объекту не оставалось ничего другого, как использовать в их случае определенные приемы детского анализа. Само собой получилось, что детский анализ стал преобладать у женщин-аналитиков, и так это, видимо, и останется.

Мнение, что большинство наших детей проходит в своем развитии невротическую фазу, несет в себе зародыш гигиенического требования. Можно поставить вопрос, не целесообразно ли помочь ребенку анализом, даже если он не обнаруживает никаких признаков нарушения, в качестве профилактики его здоровья так, как сегодня делается прививка против дифтерии здоровым детям, не дожидаясь, пока они заболеют ею. Дискуссия по этому вопросу на сегодняшний день имеет лишь академический интерес, я могу себе позволить обсудить его с вами; для большого числа наших современников уже проект показался бы ужасной фривольностью, а при существующем в настоящее время отношении большинства родителей к анализу нужно отказаться от всякой надежды на его проведение в жизнь. Такая профилактика нервозности, которая была бы действенной, предполагает совершенно иную установку общества. Главное поле деятельности для использования психоанализа в воспитании находится сегодня в другом месте. Уясним для себя, что является ближайшей

задачей воспитания. Ребенок должен овладеть влечениями. Дать ему свободу с тем, чтобы он неограниченно следовал всем своим импульсам, невозможно. Это был бы очень поучительный эксперимент для детских психологов, но при этом не должно было бы быть в живых родителей, а самим детям нанесен был бы большой вред, который сказался бы отчасти сразу, отчасти в последующие годы. Итак, воспитание должно тормозить, запрещать, подавлять, что оно во все времена успешно и делало. Но из анализа мы узнаем, что как раз это подавление влечений несет в себе опасность невротического заболевания. Помните, мы тщательно исследовали, какими путями это происходит. Таким образом, воспитание должно искать свой путь между Сциллой предоставления полной свободы действий и Харибдой запрета. Хотя задача не является вообще неразрешимой, нужно найти для воспитания оптимальный вариант, т. е. достичь как можно большего и как можно меньше повредить. Речь идет о том, чтобы решить, сколько можно запрещать, в какое время и какими средствами. А далее необходимо считаться с тем, что объекты воспитания несут в себе самые различные конституциональные предрасположения, так что один и тот же метод воспитательного воздействия не может быть одинаково хорош для всех детей. Следующее соображение свидетельствует о том, что воспитание до сих пор очень плохо выполняло свою задачу и причиняло детям много вреда. Если оно найдет оптимум и решит свою задачу идеально, то можно надеяться на устранение одного фактора в этиологии заболевания — влияния побочных детских травм. Другой фактор — силу не подлежащей запрету конституции влечений — оно никоим образом не сможет устранить. Если продумать теперь поставленные перед воспитателем трудные задачи: узнать конституциональное своеобразие ребенка, по малейшим признакам распознать, что происходит в его несформировавшейся душевной жизни, выразить ему в нужной мере любовь и все-таки сохранить действенность авторитета, то скажешь себе: единственной целесообразной подготовкой к профессии воспитателя является основательное психоаналитическое обучение. Лучше всего, если он сам подвергнется анализу, потому что без опыта на собственной личности нельзя все-таки овладеть анализом. Анализ учителей и воспитателей кажется более действенной профилактической мерой, чем анализ самих детей, да и при его проведении возникнет меньше трудностей.

Но, между прочим, следовало бы подумать о косвенном содействии воспитанию детей при помощи анализа, который со временем может приобрести большее влияние. Родители, сами узнавшие анализ и многим ему обязанные, в том числе и пониманием ошибок в собственном воспитании, будут обращаться со своими детьми более сочувственно и избавят их от многого, от чего сами не были избавлены. Параллельно со стараниями аналитиков оказать влияние на воспитание проводятся исследования о возникновении и предупреждении беспризорности и преступности. Здесь я вам тоже лишь приоткрою двери и покажу покои за ними, но не введу вас вовнутрь. Уверен, что если ваш интерес к психоанализу сохранится, вы сможете узнать об этих вещах много нового и ценного. Но мне не хотелось бы оставлять тему воспитания, не упомянув об определенной

точке зрения. Сказано — и с полным правом,— что любое воспитание партийно, что оно стремится, чтобы ребенок приспособился к существующему общественному строю, не учитывая, насколько он сам по себе ценен и насколько устойчив. Будучи убежденным в недостатках наших современных социальных учреждений, нельзя оправдывать того, чтобы им на службу было поставлено еще и психоаналитически ориентированное воспитание. Перед ним нужно поставить другую, более высокую цель освобождения от господствующих социальных требований. Но я полагаю, что этот аргумент здесь не уместен. Требование выходит за рамки функций анализа. Врач, призванный лечить пневмонию, тоже не должен заботиться о том, является ли заболевший образцовым человеком, самоубийцей или преступником, заслужил ли он, чтобы оставаться в живых, и нужно ли ему этого желать. Эта другая цель, которую хотят поставить перед воспитанием, тоже будет партийной, и не дело аналитика выбирать между партиями. Меня нисколько не удивит, что психоанализу будет отказано в любом влиянии на воспитание, если он заявит о своей причастности к намерениям, не согласующимся с существующим общественным строем. Психоаналитическое воспитание возьмет на себя ненужную ответственность, если поставит себе целью переделывать своего воспитанника в мятежника. Оно сделает свое дело, сохранив его по возможности здоровым и работоспособным. В нем самом содержится достаточно революционных моментов, чтобы гарантировать, что его воспитанник в последующей жизни не встанет на сторону регресса и подавления. Я даже полагаю, что дети-революционеры ни в каком отношении не желательны.

Уважаемые дамы и господа! Я хочу сказать еще несколько слов о психоанализе как о терапии. О теоретическом ее основании я говорил несколько лет тому назад и сегодня не считаю нужным формулировать его иначе; теперь должен сказать свое слово опыт этих прошедших лет. Вы знаете, что психоанализ возник как терапия, он далеко вышел за ее рамки, но не отказался от своей родной почвы и для своего углубления и дальнейшего развития все еще связан с больными. Собранные данные, на основании которых мы строим наши теории, нельзя было получить другим способом. Неудачи, которые мы терпим как терапевты, ставят перед нами все новые задачи, требования реальной жизни являются действенной защитой против увеличения числа умозрительных построений, от которых мы в нашей работе все-таки тоже не можем отказаться. Какими средствами психоанализ помогает больным, если он помогает, и какими путями, об этом мы уже говорили раньше; сегодня мы хотим спросить, чего же он достиг.

Вы, может быть, знаете, что я никогда не был энтузиастом терапии; так что нечего опасаться, что я злоупотреблю в этой беседе рекламой. Я лучше скажу слишком мало, чем слишком много. В то время, когда я был единственным аналитиком, я часто слышал от лиц, которые относились к моему делу, по-видимому, дружески: «Все это прекрасно и остроумно, но покажите нам случай, который вы вылечили при помощи анализа». Это была одна из многих формулировок, которые со временем сменяли друг друга с целью отодвинуть в сторону неудобное новшество.

Сегодня она тоже устарела, как многие другие,— найдется в папке аналитика и пачка благодарственных писем вылеченных пациентов. На этом аналогия не заканчивается. Психоанализ действительно терапия, как и всякая другая. У нее есть свои триумфы и падения, свои трудности, ограничения, показания. В известное время против анализа прозвучал протест, что его нельзя принимать всерьез за терапию, потому что он не решается ознакомить со статистикой своих успехов. С тех пор психоаналитический институт в Берлине, основанный д-ром Максом Эйтингоном, опубликовал свой статистический отчет за десятилетие. Успехи лечения не дают оснований ни для того, чтобы ими хвалиться, ни для того, чтобы их стыдиться. Но такие статистики вообще не поучительны, обработанный материал настолько гетерогенен, что только очень большие числа могли бы что-то показать. Лучше обратиться к отдельным его случаям. Здесь я хотел бы сказать, что не думаю, чтобы наши успехи в лечении могли соперничать с успехами Лурда. Насколько больше существует людей, которые верят в чудеса святой девы, чем тех, кто верит в существование бессознательного! Если мы обратимся к земной конкуренции, то должны сопоставить психоаналитическую терапию с другими методами психотерапии. Органические физические методы лечения невротических состояний сегодня вряд ли нужно упоминать. Как психотерапевтический метод, анализ не противоречит другим методам этой специальной области медицины, он не лишает их значимости, не исключает их. В теории все как будто хорошо сочетается: врач, который хочет считаться психотерапевтом, использует анализ наряду с другими методами лечения своего больного в зависимости от специфики случая и благоприятности или неблагоприятности внешних обстоятельств. В действительности же это техника, требующая специализации врачебной деятельности. Таким же образом должны были отделиться друг от друга хирургия и ортопедия. Психоаналитическая деятельность трудна и требовательна, с ней нельзя обращаться, как с очками, которые надевают при чтении и снимают при прогулке. Как правило, психоанализ либо захватывает врача полностью, либо совсем не захватывает. Психотерапевты, которые пользуются анализом от случая к случаю, стоят, по-моему, не на надежной аналитической почве, они принимают не весь анализ, а вульгаризируют его, пожалуй, даже «обезвреживают»; их нельзя причислить к аналитикам. Я думаю, что это достойно сожаления, но взаимодействие во врачебной деятельности аналитика и психотерапевта, который ограничивается другими методами медицины, было бы в высшей степени целесообразно.

По сравнению с другими методами психотерапии психоанализ, без сомнения, является самым сильным. Но справедливо и то, что он также самый трудоемкий и отнимает больше всего времени, его не будешь применять в легких случаях; с его помощью в подходящих случаях можно устранить нарушения, вызвать изменения, на которые не смели надеяться в доаналитические времена. Но он имеет свои весьма ощутимые ограничения. Некоторым моим сторонникам с их терапевтическим честолюбием стоило очень многих усилий преодолеть эти препятствия, так что все невротические нарушения стали как бы излечимыми при помощи

психоанализа. Они пытались проводить аналитическую работы в сокращенный срок, усиливать перенесение настолько, чтобы оно пересиливало все сопротивления, сочетать с ним другие способы воздействия, чтобы вынудить выздоровление. Эти усилия, конечно, похвальны, но я думаю, что они напрасны. Они несут в себе опасность самому выйти за рамки анализа и впасть в бесконечное экспериментирование. Предположение, что все невротическое можно вылечить, кажется мне подозрительным из-за веры дилетантов в то, что неврозы будто бы являются чем-то совершенно излишним, что вообще не имеет права на существование. На самом деле они являются тяжелыми, конституционально зафиксированными поражениями, которые редко ограничиваются несколькими вспышками, по большей же части сохраняются в течение длительных периодов жизни или всю жизнь. Аналитический опыт, показывающий, что на них можно широко воздействовать, если известны исторические поводы болезни и привходящие моменты, побудил нас пренебречь в терапевтической практике конституциональным фактором, ведь мы не можем из него ничего извлечь; в теории же мы должны все время о нем помнить. Уже общая недоступность для аналитической терапии психозов при их близком родстве с неврозами должна была ограничить наши притязания на эти последние. Терапевтическая действенность психоанализа остается ограниченной вследствие ряда значительных и едва поддающихся воздействию факторов. У ребенка, где можно было бы рассчитывать на наибольшие успехи, этим фактором являются внешние трудности наличия родителей, которые все-таки имеют отношение к бытию ребенка. У взрослых это прежде всего два фактора: степень психической окостенелости и определенная форма болезни со всем тем, что не дает ей дать более глубокое определение. Первый фактор часто неправомерно не замечают. Как ни велика пластичность душевной жизни, а также возможность возобновления прежних состояний, нельзя снова оживить все. Некоторые изменения окончательны, типа образования шрамов от завершившихся процессов. В других случаях возникает впечатление общей закостенелости душевной жизни; психические процессы, которые, весьма вероятно, можно было бы направить по другим путям, по-видимому, не способны оставить прежние. Но возможно, это то же самое, что было раньше, только увиденное по-другому. Слишком часто ощущаешь, что терапии не хватает какой-то необходимой движущей силы, чтобы добиться изменения. Какая-то определенная зависимость, какой-то определенный компонент влечений является слишком сильным по сравнению с противоположными силами, которые мы можем сделать подвижными. В самых общих чертах так бывает при психозах. Мы понимаем их настолько, что как бы знаем, где применить рычаги, но они не могут сдвинуть груза. Здесь возникает даже надежда на будущее, что понимание действий гормонов — вы знаете, что это такое — предоставит нам средства для успешной борьбы с количественными факторами заболеваний, но сегодня мы еще далеки от этого. Я полагаю, что неуверенность во всех этих отношениях дает нам постоянный стимул для совершенствования техники анализа, и в частности перенесения. Новичок в анализе особенно будет сомневаться при не-

удаче, винить ли ему в ней своеобразие случая или свое неловкое обращение с терапевтическим методом. Но я уже сказал: я не думаю, что благодаря усилиям в этом направлении можно достичь многого.

Другое ограничение аналитических успехов определяется формой болезни. Вы уже знаете, что областью приложения аналитической терапии являются неврозы перенесения, фобии, истерии, неврозы навязчивых состояний, кроме того, ненормальности характера, развившиеся вместо этих заболеваний. Все, что является иным,— нарциссистические, психотические состояния — не подходит в большей или меньшей степени. Но ведь вполне законно было бы защититься от неудач, тщательно исключая такие случаи. Статистики анализа получили бы благодаря этой осторожности большое облегчение. Да, но тут есть одна загвоздка. Наши диагнозы очень часто ставятся лишь со временем, они подобны распознаванию ведьм шотландским королем, о котором я читал у Виктора Гюго. Этот король утверждал, что обладает безошибочным методом определения ведьм. Он заставлял ошпарить ее кипятком в котле, а затем пробовал суп. После этого он мог сказать: «Это была ведьма» или: «Нет, это была не ведьма». Аналогичное происходит у нас, с той лишь разницей, что мы имеем дело с нарушениями. Мы не можем судить о пациенте, который пришел на лечение, или же о кандидате для обучения, пока не изучим его в течение нескольких недель или месяцев. Мы действительно покупаем кота в мешке. Пациент высказывает неопределенные общие жалобы, которые не позволяют поставить верный диагноз. По истечении этого критического времени может обнаружиться, что это неподходящий случай. Кандидата мы тогда отсылаем, пациента же оставляем на некоторое время, пытаясь увидеть его в более выгодном свете. Пациент мстит нам тем, что увеличивает список наших неудач, отвергнутый кандидат, если он параноик,— примерно тем, что сам начинает писать психоаналитические книги. Как видите, наша осторожность нам не помогла.

Боюсь, что эти детальные обсуждения уже не представляют для вас интереса. Но я бы сожалел еще больше, если бы вы подумали, что моим намерением было принизить ваше уважение к психоанализу как терапии. Возможно, я действительно неудачно начал; но я хотел как раз противоположного: извинить терапевтические ограничения анализа, указав на их неизбежность. С тем же намерением я обращаюсь к другому моменту, к тому упреку, что аналитическое лечение занимает несравнимо большее время. На это следует сказать, что психические изменения происходят как раз медленно; если они наступают быстро, неожиданно — это плохой признак. Действительно, лечение тяжелого невроза вполне может продлиться несколько лет, но в случае успеха задайте себе вопрос: сколько бы продлился недуг? Вероятно, десятилетие за каждый год лечения, это значит, болезнь вообще никогда бы не угасла, как мы часто видим у больных, которые не лечились. В некоторых случаях мы имеем основание вновь начать анализ через несколько лет, жизнь дает новые поводы для новых болезненных реакций, в промежутке же наш пациент был здоров. Просто первый анализ обнаружил не все его патологические предрасположенности, и естественно было прекратить анализ, после того как

успех был достигнут. Есть также люди с тяжелыми нарушениями, которые всю свою жизнь находятся под аналитическим наблюдением и время от времени снова подвергаются анализу, но иначе эти лица вообще были бы неспособны к существованию, и нужно радоваться, что их можно поддерживать таким частичным и повторяющимся лечением. Анализ нарушений характера тоже отнимает много времени, а знаете ли вы какую-нибудь другую терапию, при помощи которой можно было бы взяться за эту задачу? Терапевтическое тщеславие может чувствовать себя не удовлетворенным этими данными, но ведь на примере туберкулеза и волчанки мы научились тому, что успеха можно достичь лишь тогда, когда терапия соответствует характеру недуга.

Я говорил вам, что психоанализ начал как терапия, но я хотел бы вам его рекомендовать не в качестве терапии, а из-за содержания в нем истины, из-за разъяснений, которые он нам дает, о том, что касается человека ближе всего, его собственной сущности, и из-за связей, которые он вскрывает в самых различных областях его деятельности. Как терапия он один из многих, может быть, *prima inter pares* *. Если бы он не имел своей терапевтической ценности, он не был бы открыт на больных и не развивался бы в течение более тридцати лет.

ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

О мировоззрении [79]

Уважаемые дамы и господа! Во время нашей последней встречи мы занимались мелкими повседневными вопросами, как бы приводя в порядок все наше скромное хозяйство. Предпримем же теперь отважную попытку и рискнем ответить на вопрос, который неоднократно ставился с другой стороны,— ведет ли психоанализ к какому-то определенному мировоззрению и если ведет, то к какому.

Боюсь, что мировоззрение (Weltanschauung) — специфически немецкое понятие, перевод которого на иностранные языки может быть затруднен. Если я и попытаюсь дать ему определение, оно, вероятно, покажется вам неуклюжим. Итак, я полагаю, что мировоззрение — это интеллектуальная конструкция, которая единообразно решает все проблемы нашего бытия, исходя из некоего высшего предположения, в которой в соответствии с этим ни один вопрос не остается открытым, а все, что вызывает наш интерес, занимает свое определенное место. Легко понять, что обладание таким мировоззрением принадлежит к идеальным желаниям людей. Полагаясь на него, можно надежно чувствовать себя в жизни, знать, к чему следует стремиться, как наиболее целесообразно распорядиться своими аффектами и интересами.

* Первый среди равных (*лат.*).– *Примеч. пер.*

Если это является сутью мировоззрения, то ответ в отношении психоанализа ясен. Как специальная наука, как отрасль психологии — глубинной психологии, или психологии бессознательного — он совершенно не способен выработать собственное мировоззрение, он должен заимствовать его у науки. Но научное мировоззрение уже мало попадает под наше определение. *Единообразие* объяснения мира, правда, предполагается и им, но только как программа, выполнение которой отодвигается в будущее. В остальном же оно характеризуется негативными свойствами, ограниченностью познаваемого на данный момент и резким неприятием определенных, чуждых ему элементов. Оно утверждает, что нет никаких других источников познания мира, кроме интеллектуальной обработки тщательно проверенных наблюдений, т. е. того, что называется исследованием, и не существует никаких знаний, являющихся результатом откровения, интуиции или предвидения. Кажется, эта точка зрения была почти общепризнанной в предыдущие столетия. За нашим столетием оставалось право высокомерно возразить, что подобное мировоззрение столь же бедно, сколь и неутешительно, что оно не учитывает притязаний человеческого духа и потребностей человеческой души.

Это возражение можно опровергнуть без особых усилий. Оно совершенно беспочвенно, поскольку дух и душа суть такие же объекты научного исследования, как и какие-либо не присущие человеку вещи. Психоанализ имеет особое право сказать здесь слово в защиту научного мировоззрения, потому что его нельзя упрекнуть в том, что он пренебрегает душевным в картине мира. Его вклад в науку как раз и состоит в распространении исследования на область души. Во всяком случае без такой психологии наука была бы весьма и весьма неполной. Но если включить в науку изучение интеллектуальных функций человека (и животных), то обнаружится, что общая установка науки останется прежней, не появится никаких новых источников знания или методов исследования. Таковыми были бы интуиция и предвидение, если бы они существовали, но их можно просто считать иллюзиями, исполнением желаний. Легко заметить также, что вышеуказанные требования к мировоззрению обоснованы лишь аффективно. Наука, признавая, что душевная жизнь человека выдвигает такие требования, готова проверять их источники, однако у нее нет ни малейшего основания считать их оправданными. Напротив, она видит себя призванной тщательно отделять от знания все, что является иллюзией, результатом такого аффективного требования.

Это ни в коем случае не означает, что эти желания следует с презрением отбрасывать в сторону или недооценивать их значимость для жизни человека. Следует проследить, как воплотились они в произведениях искусства, в религиозных и философских системах, однако нельзя не заметить, что было бы неправомерно и в высшей степени нецелесообразно допустить перенос этих притязаний в область познания. Потому что это может привести к психозам, будь то индивидуальные или массовые психозы, лишая ценной энергии те стремления, которые направлены к действительности, чтобы удовлетворить в ней, насколько это возможно, желания и потребности.

С точки зрения науки здесь необходимо начать критику и приступить к отпору. Недопустимо говорить, что наука является одной областью деятельности человеческого духа, а религия и философия — другими, по крайней мере, равноценными ей областями, и что наука не может ничего сказать в этих двух областях от себя; они все имеют равные притязания на истину, и каждый человек свободен выбрать, откуда ему черпать свои убеждения и во что верить. Такое воззрение считается особенно благородным, терпимым, всеобъемлющим и свободным от мелочных предрассудков. К сожалению, оно неустойчиво, оно имеет частично все недостатки абсолютно ненаучного мировоззрения и практически равнозначно ему. Получается так, что истина не может быть терпимой, она не допускает никаких компромиссов и ограничений, что исследование рассматривает все области человеческой деятельности как свою вотчину и должно быть неумолимо критичным, если другая сила хочет завладеть ее частью для себя.

Из трех сил, которые могут поспорить с наукой, только религия является серьезным врагом. Искусство почти всегда безобидно и благотворно, оно и не хочет быть ни чем иным, кроме иллюзии. Если не считать тех немногих лиц, которые, как говорится, одержимы искусством, оно не решается ни на какие вторжения в область реального. Философия не противоположна науке, она сама во многом аналогична науке, работает частично при помощи тех же методов, но отдаляется от нее, придерживаясь иллюзии, что она может дать безупречную и связную картину мира, которая, однако, распадается с каждым новым успехом нашего знания. Методически она заблуждается в том, что переоценивает познавательное значение наших логических операций, признавая и другие источники знания, такие, как интуиция. И достаточно часто считают, что насмешка поэта (Г. Гейне), когда он говорит о философе:

Он старым шлафроком и прочим тряпьем
Прорехи заштопает у мирозданья,—

(Перевод *Т. Сильман*)

не лишена основания. Но философия не имеет никакого непосредственного влияния на большие массы людей, она интересует лишь самую небольшую часть самого узкого верхнего слоя интеллектуалов, оставаясь для всех прочих малодоступной. Напротив, религия является невероятной силой, которая владеет самыми сильными эмоциями человека. Как известно, когда-то она охватывала все духовное в человеческой жизни, она занимала место науки, когда наука едва зарождалась, и создала мировоззрение, отличавшееся беспримерной последовательностью и законченностью, которое еще сегодня, хотя и пошатнувшееся, продолжает существовать.

Отдавая должное грандиозности религии, нужно помнить, чтó она стремится дать людям. Она дает им объяснение происхождения и развития мира, она обеспечивает им защиту и в конечном счете счастье среди всех превратностей жизни, и она направляет их убеждения и действия предписаниями, которые представляет всем своим авторитетом. Таким об-

разом, она выполняет три функции. Во-первых, она удовлетворяет человеческую любознательность, делает то же самое, что пытается делать наука своими средствами, и соперничает здесь с ней. Второй своей функции она, пожалуй, обязана большей частью своего влияния. Она умаляет страх людей перед опасностями и превратностями жизни, вселяет уверенность в добром исходе, утешает их в несчастье, и тут наука не может с ней соперничать. Правда, наука учит, как можно избежать определенных опасностей, успешно побороть некоторые страдания; было бы несправедливо оспаривать, что она сильная помощница людям, но во многих случаях она вынуждена предоставлять человека его страданию и может посоветовать ему лишь покорность. В своей третьей функции, давая предписания, провозглашая запреты и ограничения, она в наибольшей степени отдаляется от науки, поскольку наука довольствуется исследованиями и констатациями. Правда, из ее приложений выводятся правила и советы для поведения в жизни. Иногда они те же, что предлагает и религия, но только с другими обоснованиями.

Соединение этих трех функций религии не вполне очевидно. Что общего между объяснением возникновения мира и строгим внушением определенных этических предписаний? Обещания защиты и счастья более тесно связаны с этическими требованиями. Они являются платой за выполнение этих заповедей; только тот, кто им подчиняется, может рассчитывать на эти благодеяния, непослушных ждут наказания. Впрочем, и в науке есть нечто похожее. Кто не обращает внимания на ее предписания, полагает она, тот вредит себе.

Странное сочетание поучения, утешения и требования в религии можно понять только в том случае, если подвергнуть ее генетическому анализу. Его можно начать с самого яркого компонента этого ансамбля — с учения о возникновении мира, ибо почему же именно космогония всегда была постоянной составной частью религиозной системы? Учение таково: мир был создан существом, подобным человеку, но превосходящим его во всех отношениях — власти, мудрости, силы страстей, т. е. неким идеализированным сверхчеловеком. Животные как создатели мира указывают на влияние тотемизма, которого мы позднее коснемся хотя бы одним замечанием. Интересно, что этот создатель мира всегда только один, даже там, где верят во многих богов. Точно так же обычно это мужчина, хотя нет недостатка и в указаниях на женские божества, и в некоторых мифологиях сотворение мира начинается как раз с того, что бог-мужчина устраняет женское божество, которое низводится до чудовища. Здесь немало интереснейших частных проблем, но мы должны спешить. Дальнейший путь легко определяется тем, что этот бог-творец прямо называется отцом. Психоанализ заключает, что это действительно отец, такой грандиозный, каким он когда-то казался маленькому ребенку. Религиозный человек представляет себе сотворение мира так же, как свое собственное возникновение.

Далее легко понять, как утешительные заверения и строгие требования сочетаются с космогонией. Потому что то же самое лицо, которому ребенок обязан своим существованием,— отец (хотя правильнее —

состоящая из отца и матери родительская инстанция) оберегал и охранял слабого, беспомощного ребенка, предоставленного всем подстерегавшим его опасностям внешнего мира; под его защитой он чувствовал себя уверенно. И хотя, став взрослым, человек почувствовал в себе гораздо больше сил, его осознание опасностей жизни тоже возросло, и он по праву заключает, что в основе своей остался таким же беспомощным и беззащитным, как в детстве, что по отношению к миру он все еще ребенок. Так что он и теперь не хочет отказываться от защиты, которой пользовался в детстве. Но он давно уже понял, что в своей власти его отец является весьма ограниченным существом, обладающим далеко не всеми преимуществами. Поэтому он обращается к образу воспоминания об отце, которого так переоценивал в детстве, возвышая его до божества и включая в настоящее и в реальность. Аффективная сила этого образа-воспоминания и дальнейшая потребность в защите несут в себе его веру в бога.

И третий основной пункт религиозной программы, этическое требование, без труда вписывается в эту детскую ситуацию. Напомню вам здесь знаменитое изречение Канта, который соединяет усыпанное звездами небо и нравственный закон в нас. Как бы чуждо ни звучало это сопоставление,— ибо что может быть общего между небесными телами и вопросом, любит ли одно дитя человеческое другое или убивает? — оно все-таки отражает большую психологическую истину. Тот же отец (родительская инстанция), который дал ребенку жизнь и оберегал его от ее опасностей, учил его, что можно делать, а от чего он должен отказываться, указывал ему на необходимость определенных ограничений своих влечений, заставил узнать, каких отношений к родителям, к братьям и сестрам от него ждут, если он хочет стать терпимым и желанным членом семейного круга, а позднее и более широких союзов. С помощью системы поощрений любовью и наказаний у ребенка воспитывается знание его социальных обязанностей, его учат тому, что его безопасность в жизни зависит от того, что родители, а затем и другие любят его и могут верить в его любовь к ним. Все эти отношения человек переносит неизмененными в религию. Запреты и требования родителей продолжают жить в нем как моральная совесть; с помощью той же системы поощрений и наказаний бог управляет человеческим миром; от выполнения этических требований зависит, в какой мере защита и счастье достаются индивидууму; на любви к богу и на сознании быть любимым зиждется уверенность, которая служит оружием против опасностей как внешнего мира, так и человеческого окружения. Наконец, в молитве верующие оказывают прямое влияние на божественную волю, приобщаясь тем самым к божественному всемогуществу.

Я знаю, что, пока вы меня слушали, у вас возникли многочисленные вопросы, на которые вы хотели бы получить ответ. Здесь и сегодня я не могу этого сделать, но уверен, что ни одно из этих детальных исследований не поколебало бы нашего положения о том, что религиозное мировоззрение детерминировано ситуацией нашего детства. Тем более примечательно то, что, несмотря на свой инфантильный характер, оно все-таки

имеет предшественника. Без сомнения, было время без религии, без богов. Оно называется анимизмом. Мир и тогда был полон человекоподобными духовными существами (мы называем их демонами), все объекты внешнего мира населялись ими или, может быть, были идентичны им, но не было никакой сверхвласти, создавшей их всех и продолжавшей ими править, к которой можно было бы обратиться за защитой и помощью. Демоны анимизма были в большинстве своем враждебно настроены к человеку, но кажется, что тогда человек больше доверял себе, чем позднее. Он, конечно, постоянно страдал от сильнейшего страха перед этими злыми духами, но он защищался от них определенными действиями, которым приписывал способность изгонять их. И в других случаях он не был бессильным. Если он хотел дождя, то не молился богу погоды, а производил магическое действие, от которого ожидал прямого воздействия на природу, сам создавал что-то похожее на дождь. В борьбе с силами окружающего мира его первым оружием была *магия*, первая предшественница нашей нынешней техники. Мы предполагаем, что вера в магию берет начало в переоценке собственных интеллектуальных операций, в вере во «всемогущество мысли», которое мы, между прочим, вновь находим у наших невротиков, страдающих навязчивыми состояниями. Мы можем себе представить, что люди того времени особенно гордились своими языковыми достижениями, с которыми должно было быть сопряжено большое облегчение мышления. Они наделяли слово волшебной силой. Эта черта была позднее заимствована религией. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Впрочем, факт магических действий показывает, что анимистический человек не просто полагался на силу своих желаний. Он ожидал успеха от выполнения акта, которому природа должна была подражать. Если он хотел дождя, то сам лил воду; если хотел побудить землю к плодородию, то представлял на поле сцену полового сношения.

Вы знаете, с каким трудом исчезает то, что получило некогда психическое выражение. Поэтому вы не удивитесь, услышав, что многие проявления анимизма сохранились до сегодняшнего дня в большинстве своем как так называемые суеверия наряду с религией и за ней. Более того, вы вряд ли сможете отказать в правоте суждению, что наша философия сохранила существенные черты анимистического образа мышления, переоценку волшебной силы слова, веру в то, что реальные процессы в мире идут путями, которые им хочет указать наше мышление. Это, правда, скорее анимизм без магических действий. С другой стороны, мы можем ожидать, что в ту эпоху существовала уже какая-то этика, правила общения людей, но ничто не говорит за то, что они были теснее связаны с анимистической верой. Вероятно, они были непосредственным выражением соотношения сил и практических потребностей.

Было бы весьма интересно узнать, что обусловило переход от анимизма к религии, но вы можете себе представить, какая тьма и поныне окутывает эти древние времена в истории развития человеческого духа. По-видимому, является фактом то, что первой формой проявления религии был удивительный тотемизм, поклонение животным, сопровождав-

шееся первыми этическими заповедями, табу. В свое время в книге *Тотем и табу* (1912—1913) я выдвинул предположение, что это изменение является следствием переворота в отношениях человеческой семьи. Главное достижение религии по сравнению с анимизмом состоит в психическом преодолении страха перед демонами. Однако в качестве пережитка доисторического времени злой дух сохранил свое место и в системе религии[80].

Если это было предысторией религиозного мировоззрения, то теперь давайте обратимся к тому, что произошло с тех пор и поныне происходит на наших глазах. Научный образ мышления, окрепший в наблюдениях за природными процессами, начал с течением времени рассматривать религию как дело человека, подвергая ее критической проверке. Перед этим она не могла устоять. Сначала это были сообщения о чудесах, которые вызывали удивление и недоверие, поскольку противоречили всему, чему учило трезвое наблюдение, совершенно очевидно неся на себе влияние деятельности человеческой фантазии. Затем должно было быть отвергнуто ее учение, объяснявшее существующий мир, потому что оно свидетельствовало о незнании, которое несло на себе печать древних времен и которое научились преодолевать благодаря возросшему постижению законов природы. То, что мир возник благодаря актам зачатия или сотворения, аналогично возникновению отдельного человека, не казалось более самым близким к истине, само собой разумеющимся предположением, с тех пор как для мышления стало очевидным различие между живыми одушевленными существами и неживой природой, при котором стало невозможно придерживаться первоначального анимизма. Нельзя не заметить также влияния сравнительного изучения различных религиозных систем и их взаимного исключения и нетерпимости друг к другу.

Закаленный этими предварительными упражнениями, научный образ мышления приобрел наконец мужество решиться на проверку самых значительных и аффективно наиболее ценных частей религиозного мировоззрения. Всегда было очевидно, но только впоследствии решились высказать, что и религиозные постулаты, обещающие человеку защиту и счастье, если только он выполняет определенные этические требования, оказываются на поверку несостоятельными. Кажется, что на самом деле нет во вселенной силы, которая с родительской заботливостью охраняет благополучие отдельного человека, и во всем, что имеет к нему отношение, ведет к счастливому концу. Скорее всего, нельзя объяснять судьбы людей из гипотезы царящей в мире доброты или мировой справедливости, отчасти противоречащей ей. Землетрясения, бури, пожары не делают различия между добрым и благочестивым, с одной стороны, и злодеем или неверующим — с другой. Кроме того, там, где не имеется в виду неживая природа и судьба отдельного человека зависит от его отношений с другими людьми, не существует правила, согласно которому добродетель торжествует, а порок наказывается, и слишком часто насильник, хитрец, не считающийся ни с чем человек присваивает себе завидные блага мира, а благочестивый остается ни с чем. Темные, бесчувствен-

ные и лишенные любви силы определяют человеческую судьбу; система наград и наказаний, которая, согласно религии, господствует в мире, как бы и не существует. Это, в свою очередь, дает повод отказаться от части одушевленности, которая перешла в религию из анимизма.

Последний вклад в критику религиозного мировоззрения внес психоанализ, указав на происхождение религии из детской беспомощности и выводя ее содержание из оставшихся в зрелой жизни желаний и потребностей детства. Это отнюдь не означало опровержения религии, а было необходимым завершением ее познания и, по крайней мере, в одном пункте противоречило ей, поскольку она сама приписывает себе божественное происхождение. Правда, в этом она не так уж неправа, если принять наше толкование бога.

Обобщающее суждение науки о религиозном мировоззрении, таким образом, гласит: пока отдельные религии спорят друг с другом, какая из них владеет истиной, мы полагаем, что содержанием истины религии можно вообще пренебречь. Религия является попыткой преодолеть чувственный мир, в который мы поставлены, посредством мира желаний, который мы построили в себе вследствие биологической и психологической необходимости. Но она не может этого достичь. Ее учения несут на себе отпечаток тех времен, в которые они возникали, времен детского неведения человечества. Ее утешения не заслуживают доверия. Опыт учит нас: мир не детская комната. Этические требования, которым религия хочет придать силу, требуют совсем другого обоснования, потому что они неотделимы от человеческого общества, и опасно связывать следование им с религиозной набожностью. Если попытаться включить религию в процесс развития человечества, то она окажется не вечным достоянием, а аналогией неврозу, который каждый культурный человек должен был преодолеть на своем пути от детства к зрелости.

Вы, конечно, вольны критиковать это мое изложение; я при этом сам пойду вам навстречу. То, что я сказал о постепенном распаде религиозного мировоззрения, было, разумеется, из-за своей краткости неполно, последовательность отдельных процессов была дана не совсем правильно, взаимодействие отдельных сил при пробуждении научного образа мышления не было прослежено. Я также оставил без внимания те изменения, которые произошли в самом религиозном мировоззрении за время его неоспоримого господства и затем под влиянием пробуждающейся критики. Наконец, строго говоря, я ограничил свое обсуждение лишь одной религией, религией западных народов. Я создал, так сказать, фантом с целью ускоренной и наиболее впечатляющей демонстрации. Оставим в стороне вопрос о том, достаточно ли вообще было моих знаний для того, чтобы сделать это лучше и полнее. Я знаю, все, что я вам сказал, вы можете найти в других источниках в лучшем изложении, и ничто из этого не ново. Позвольте же мне высказать убеждение, что самая тщательная обработка материала по проблемам религии не поколебала бы наш результат.

Вы знаете, что борьба научного образа мышления против религиозного мировоззрения не закончилась, она продолжается на наших глазах

и в настоящее время. Как бы мало психоанализ ни пользовался полемическим оружием в других вопросах, мы не хотим отказываться занять в этом споре определенную позицию. При этом, быть может, мы добьемся дальнейшего разъяснения нашей позиции по отношению к мировоззрениям. Вы увидите, как легко можно опровергнуть некоторые из аргументов, приводимых сторонниками религии; другие же могут оставаться неопровергнутыми.

Первое возражение, которое доводится слышать, гласит: со стороны науки просто самонадеянно делать религию предметом своего изучения, потому что она является чем-то суверенным, лежащим за пределами человеческого разума, к чему нельзя приближаться с умничающей критикой. Другими словами, наука не компетентна судить о религии. Обычно она приемлема и ценна, коль скоро ограничивается своей областью, но религия не ее область, там ей нечего искать. Если не остановиться перед этим резким отпором, а спросить далее, на чем основывается это притязание на исключительное положение среди всех дел человеческих, то получишь ответ, если вообще будешь удостоен ответа, что религию нельзя мерить человеческими мерками, потому что она божественного происхождения, дается нам через откровение духа, который человеческий дух не в силах понять. Кажется, нет ничего легче, как опровергнуть этот аргумент, это ведь очевидное *petitio principii*, *begging the question* *, в немецком языке я не знаю никакого подходящего этому выражения. Ведь ставится под сомнение существование божественного духа и его откровения, и это, конечно, не ответ, когда говорят, что об этом нельзя спрашивать, поскольку нельзя ставить под сомнение божество. Здесь то же, что порой происходит при аналитической работе. Когда обычно разумный пациент отметает какое-то предположение с особенно глупым объяснением, эта логическая слабость свидетельствует о существовании особенно сильного мотива для противоречия, который может быть только аффективного характера, связанностью чувствами.

Можно получить и другой ответ, в котором открыто признается такой мотив: религию-де нельзя подвергать критической проверке, потому что она есть самое значительное, самое ценное и самое возвышенное, что произвел человеческий дух, потому что она дает выражение самым глубоким чувствам, потому что она делает мир сносным, а жизнь достойной человека. На это надо отвечать, не оспаривая оценку религии, а направляя внимание на другое обстоятельство. Подчеркивают, что речь идет не о вторжении научного образа мышления в область религии, а, наоборот, о вторжении религии в сферу научного мышления. Каковы бы ни были ценность и значение религии, она не имеет права каким бы то ни было образом ограничивать мышление, а также права исключать себя из сферы приложения мышления.

Научное мышление в своей сущности не отличается от обычной

---

* Предвосхищение основания, логическая ошибка в доказательстве, когда вывод делается из положения, которое само еще должно быть доказано (*лат., англ.*).— *Примеч. пер.*

мыслительной деятельности, которой все мы, верующие и неверующие, пользуемся для решения наших жизненных вопросов. Только в некоторых чертах оно организуется особо, оно интересуется также вещами, не имеющими непосредственно ощутимой пользы, всячески старается отстраниться от индивидуальных факторов и аффективных влияний, более строго проверяет надежность чувственных восприятий, основывая на них свои выводы, создает новые взгляды, которых нельзя достичь обыденными средствами, и выделяет условия этих новых знаний в намеренно варьируемых опытах. Его стремление — достичь согласованности с реальностью, т. е. с тем, что существует вне нас, независимо от нас и, как нас учит опыт, является решающим для исполнения или неисполнения наших желаний. Эту согласованность с реальным внешним миром мы называем истиной. Она остается целью научной работы, даже если мы упускаем ее практическую значимость. Итак, когда религия утверждает, что она может заменить науку, что она тоже истинна, потому что действует благотворно и возвышающе, то в действительности это вторжение, которому надо дать отпор из самых общих соображений. Это серьезное и несправедливое требование к человеку, научившемуся вести свои обычные дела по правилам опыта и с учетом реальности, которое заключается в том, что заботу именно о самых интимных своих интересах он должен передать инстанции, пользующейся как своей привилегией освобождением от предписаний рационального мышления. Что же касается защиты, которую религия обещает своим верующим, то я думаю, что никто из нас не хотел бы сесть в автомобиль, водитель которого заявляет, что он уверенно поедет по правилам уличного движения, руководствуясь лишь полетом своей фантазии.

Запрет на мышление, к которому прибегает религия в целях своего самосохранения, отнюдь не безопасен ни для отдельного человека, ни для человеческого общества. Аналитический опыт научил нас, что такой запрет, даже если он первоначально и ограничивался определенной областью, имеет склонность распространяться, становясь причиной тяжелых задержек (Hemmungen) в поведении личности. Это действие можно наблюдать и на примере женщин как следствие запрета заниматься хотя бы в помыслах своей сексуальностью. О вреде религиозных задержек [развития] мышления свидетельствуют жизнеописания почти всех выдающихся людей прошлых времен. С другой стороны, интеллект — или назовем его привычным нам именем: разум — относится к силам, от которых скорее всего можно ожидать объединяющего влияния на людей, людей, которых так трудно соединить вместе и которыми поэтому почти невозможно управлять. Представим себе, насколько невозможным было бы человеческое общество, если бы каждый имел свою собственную таблицу умножения и свою особую систему мер и весов. Нашей лучшей надеждой на будущее является то, что интеллект — научный образ мышления, разум — со временем завоюет неограниченную власть в человеческой душевной жизни. Сущность разума является порукой тому, что тогда он обязательно отведет достойное место человеческим чувствам и тому, что ими определяется. Но общая непреложность этого господства

разума окажется самой сильной объединяющей связью между людьми и проложит путь к дальнейшим объединениям. То, что противоречит такому развитию, подобно запрету на мышление со стороны религии, представляет собой опасность для будущего человечества.

Теперь можно спросить, почему религия не прекратит этот бесперспективный для нее спор, прямо заявив: «Действительно, я не могу дать вам того, что обычно называется истиной. В этом вы должны следовать науке. Но то, что даю я, несравненно прекраснее, утешительнее и возвышеннее, чем все, что вы можете получить от науки. И поэтому я говорю вам: это истинно в другом, более высоком смысле». Ответ находится легко.

Религия не может сделать такого признания, потому что тем самым она утратила бы всякое влияние на толпу. Простой человек знает только одну истину, в простейшем смысле слова. Что такое более высокая или высшая истина, он не может себе представить. Истина кажется ему так же мало способной к градации, как и смерть, и он не может совершить скачок от прекрасного к истинному. Возможно, так же как и я, вы подумаете, что в этом он прав.

Итак, борьба не окончена. Сторонники религиозного мировоззрения действуют по старому правилу: лучшая защита— нападение. Они спрашивают: что это за наука, которая дерзает обесценить нашу религию, дарившую миллионам людей исцеление и утешение в течение долгих тысячелетий? Чего она со своей стороны уже достигла? Чего мы можем ждать от нее в дальнейшем? Дать утешение и возвышенные чувства — на это она, по собственному признанию, не способна. Откажемся от этого, хотя это и не легкий отказ. А как обстоит дело с ее доктринами? Может ли она нам сказать, как произошел мир и какая судьба ему предстоит? Может ли она нарисовать нам хоть какую-то связную картину мира, показать, куда отнести необъяснимые феномены жизни, как могут духовные силы воздействовать на инертную материю? Если бы она это могла, мы не могли бы отказать ей в нашем уважении. Но ничего из этого, ни одной подобной проблемы она еще не решила. Она предоставляет нам обрывки предполагаемых знаний, которые не может согласовать друг с другом, собирает наблюдения за совпадениями в ходе событий, которые обозначает как «закон» и подвергает своим рискованным толкованиям. А какую малую степень достоверности имеют ее результаты! Все, чему она учит, преходяще; то, что сегодня считается высшей мудростью, завтра отбрасывается и лишь в виде предположения заменяется чем-то другим. Тогда последнее заблуждение объявляется истиной. И этой-то истине мы должны принести в жертву высшее благо!

Уважаемые дамы и господа! Я думаю, поскольку вы сами придерживаетесь научного мировоззрения, на которое нападают, то вы не слишком глубоко будете потрясены этой критикой. В кайзеровской Австрии были однажды сказаны слова, которые я хотел бы здесь напомнить. Старый господин крикнул однажды делегации неугодной ему партии: это уже не обычная оппозиция, это оппозиция бунтовщиков. Точно так же вы пойме-

те, что упреки в адрес науки за то, что она еще не решила мировых загадок, несправедливо и злобно раздуты, для этих великих достижений у нее до сих пор действительно было мало времени. Наука — очень молодая, поздно развившаяся человеческая деятельность. Давайте задержимся и вспомним лишь некоторые данные: прошло около 300 лет с тех пор, как Кеплер открыл законы движения планет, жизненный путь Ньютона, который разложил свет на цвета и выдвинул теорию силы притяжения, завершился в 1727 г., т. е. немногим более двухсот лет тому назад, незадолго до Французской революции Лавуазье обнаружил кислород. Жизнь человека очень коротка по сравнению с длительностью развития человечества, я сегодня очень старый человек, но все-таки уже жил на свете, когда Ч. Дарвин предложил общественности свой труд о возникновении видов. В этом же 1859 году родился Пьер Кюри, открывший радий.

А если вы пойдете еще дальше назад, к возникновению точного естествознания у греков, к Архимеду, Аристарху Самосскому (около 250 г. до н. э.), предшественнику Коперника, или к самому началу астрономии у вавилонян, то вы покроете этим лишь малую долю времени, которое антропология отводит для развития человека от его обезьяноподобной первоначальной формы и которое, безусловно, охватывает более чем одно стотысячелетие. Не забудем также, что последнее столетие принесло с собой такое обилие новых открытий, такое ускорение научного прогресса, что мы имеем все основания с уверенностью смотреть в будущее науки.

Другим упрекам мы должны в известной мере отдать справедливость. Именно таков путь науки, медленный, нащупывающий, трудный. Этого нельзя отрицать и изменить. Неудивительно, что господа, представляющие другую сторону, недовольны; они избалованы, с откровением им было легче. Прогресс в научной работе достигается так же, как и в анализе. В работу привносятся некоторые ожидания, но надо уметь их отбросить. Благодаря наблюдению то здесь, то там открывается что-то новое, сначала части не подходят друг другу. Высказываются предположения, строятся вспомогательные конструкции, от которых приходится отказываться, если они не подтверждаются, требуется много терпения, готовность к любым возможностям, к отказу от прежних убеждений, чтобы под их давлением не упустить новых, неожиданных моментов, и в конце концов все окупается, разрозненные находки складываются воедино. открывается картина целого этапа душевного процесса, задача решена, и чувствуешь себя готовым решить следующую. Только в анализе приходится обходиться без помощи, которую исследованию оказывает эксперимент.

В упомянутой критике науки есть и известная доля преувеличения. Неправда, что она бредет вслепую от одного эксперимента к другому, заменяя одно заблуждение другим. Как правило, она работает словно художник над моделью из глины, неустанно что-то меняя, добавляя и убирая в черновом варианте, пока не достигнет удовлетворяющей его степени подобия со зримым или воображаемым объектом. Сегодня, по

крайней мере, в более старых и более зрелых науках уже существует солидный фундамент, который только модифицируется и расширяется, но не упраздняется.

В науке все выглядит не так уж плохо.

И наконец, какую цель ставят перед собой эти страстные поношения в адрес науки? Несмотря на ее нынешнее несовершенство и присущие ей трудности, она остается необходимой для нас и ее нельзя заменить ничем иным. Она способна на невиданные совершенствования, на что религиозное мировоззрение не способно. Последнее завершено во всех своих основных частях; если оно было заблуждением, оно останется им навсегда. И никакое умаление [роли] науки не может поколебать тот факт, что она пытается воздать должное нашей зависимости от реального внешнего мира, в то время как религия является иллюзией, и ее сила состоит в том, что она идет навстречу нашим инстинктивным желаниям [81].

Я обязан напомнить еще и о других мировоззрениях, которые противоречат научному; но я делаю это неохотно, так как знаю, что я не столь компетентен, чтобы судить о них. Примите же в свете этого признания следующие замечания, и если у вас пробудится интерес, поищите лучшего наставления у другой стороны.

В первую очередь следовало бы назвать здесь различные философские системы, которые отважились нарисовать картину мира в том виде, как она отражалась в уме обычно отвернувшегося от мира мыслителя. Но я уже пытался дать общую характеристику философии и ее методов, судить же об отдельных системах я, пожалуй, гожусь менее, чем кто-либо другой. Так что обратитесь вместе со мной к двум другим явлениям, мимо которых как раз в наше время никак нельзя пройти.

Одно из этих мировоззрений является как бы аналогом политического анархизма, возможно, его эманацией. Такие интеллектуальные нигилисты, конечно, были и раньше, но в настоящее время, кажется, теория относительности современной физики ударила им в голову. Правда, они исходят из науки, но стараются при этом вынудить ее к самоуничтожению, к самоубийству, предписывают ей задачу убрать себя самое с дороги путем опровержения ее притязаний. Часто при этом возникает впечатление, что этот нигилизм лишь временная установка, нужная лишь при решении этой задачи. Устранение науки освобождает место для распространения какого-нибудь мистицизма или же вновь прежнего религиозного мировоззрения. Согласно анархистскому учению, вообще нет никакой истины, никакого надежного познания внешнего мира. То, что мы выдаем за научную истину, является всего лишь продуктом наших собственных потребностей в той форме, в какой они должны проявляться при меняющихся внешних условиях, т. е. опять-таки иллюзией. В сущности, мы находим только то, что нам нужно, видим только то, что хотим видеть. Мы не можем иначе. Поскольку критерий истины, согласованность с внешним миром отпадает, то совершенно безразлично, каких мнений мы придерживаемся. Все одинаково истинно и одинаково ложно. И никто не имеет права уличать другого в заблуждении.

Для ума теоретико-познавательного склада было бы заманчиво проследить, какими путями, какими софизмами анархистам удается приписать науке подобные конечные результаты. Это натолкнуло бы на ситуацию, сходную с ситуацией из известного примера: один житель Крита говорит: все жители Крита — лжецы и т. д. Но у меня нет желания и способности пускаться в более глубокие рассуждения. Могу лишь сказать, анархическое учение звучит так неопровержимо, пока дело касается мнений об абстрактных вещах; но оно отказывает при первом же шаге в практическую жизнь. Ведь действиями людей руководят их мнения, знания, и все тот же научный ум размышляет о строении атомов и о происхождении человека и проектирует конструкцию способного выдержать нагрузку моста. Если бы было действительно безразлично, что именно мы думаем, не было бы никаких знаний, которые, по нашему мнению, согласуются с действительностью, и мы могли бы с таким же успехом строить мосты из картона, как и из камня, вводить больному дециграмм морфина вместо сантиграмма, применять для наркоза слезоточивый газ вместо эфира. Но и интеллектуальные анархисты отказались бы от такого практического приложения своего учения [82].

Другого противника следует воспринимать гораздо более серьезно, и я и в этом случае живейшим образом сожалею о недостаточности своей ориентировки. Я предполагаю, что вы более меня сведущи в этом деле и давно выработали отношение за или против марксизма. Исследования К. Маркса об экономической структуре общества и влиянии различных экономических форм на все области человеческой жизни завоевали в наше время неоспоримый авторитет. Насколько они правильны или ошибочны в частностях, я, разумеется, не могу знать. Видимо, и другим, лучше осведомленным, тоже не легче. В теории Маркса мне чужды положения, согласно которым развитие общественных форм является естественноисторическим процессом или изменения в социальных слоях происходят в результате диалектического процесса. Я далеко не убежден, что правильно понимаю эти утверждения, они и звучат не «материалистично», а, скорее, отголоском той темной гегелевской философии, через которую прошел и Маркс. Не знаю, как мне освободиться от своего дилетантского мнения, привыкшего к тому, что образование классов в обществе объясняется борьбой, которая с начала истории разыгрывается между ордами людей, в чем-то отличавшихся друг от друга. Социальные различия были, как я полагал, первоначально племенными или расовыми различиями. Психологические факторы, такие, как мера конституционального стремления к агрессии, а также устойчивость организации внутри орды, и факторы материальные, как обладание лучшим оружием, определяли победу. В совместной жизни на общей земле победители становились господами, побежденные — рабами. При этом не нужно открывать никаких законов природы или изменения в понятиях, напротив, неоспоримо влияние, которое прогрессирующее овладение силами природы оказывает на социальные отношения людей, всегда ставя вновь приобретенные средства власти на службу агрессии и используя их друг против друга. Применение металла, бронзы, железа положи-

ло конец целым культурным эпохам и их социальным учреждениям. Я действительно думаю, что порох, огнестрельное оружие упразднили рыцарство и господство знати и что русский деспотизм был обречен еще до проигранной войны поскольку никакой инцухт внутри господствующих в Европе семей не мог произвести на свет род царей, способный противостоять взрывной силе динамита.

Да, возможно, современный экономический кризис, последовавший за мировой войной, есть лишь плата за последнюю грандиозную победу над природой, за завоевание воздушного пространства. Это звучит не очень убедительно, но во всяком случае первые звенья связи можно ясно распознать. Политика Англии определялась безопасностью, которую гарантировало ей омывающее ее берега море. В тот момент, когда Блерьо перелетел пролив Ла-Манш на аэроплане, эта защитная изоляция была нарушена, а в ту ночь, когда в мирное время с целью тренировки германский цеппелин кружил над Лондоном, война против Германии была, по-видимому, решенным делом *. При этом не следует забывать и об угрозе со стороны подводной лодки.

Мне почти стыдно затрагивать в беседе с вами столь важную и сложную тему в таких поверхностных замечаниях; сознаю также, что не сказал вам ничего нового. Я хочу лишь обратить ваше внимание на то, что отношение человека к овладению природой, у которой он берет оружие против себя подобных, неизбежно должно влиять и на его экономические учреждения. Мы, кажется, далеко отошли от проблем мировоззрения, но мы скоро вернемся к ним. Сила марксизма состоит, видимо, не в его понимании истории и основанном на нем предсказании будущего, а в проницательном доказательстве неизбежного влияния, которое оказывают экономические отношения людей на их интеллектуальные, этические и эстетические установки. Этим вскрыт целый ряд взаимосвязей и зависимостей, которые до сих пор почти совершенно не осознавались.

Но ведь нельзя предположить, что экономические мотивы являются единственными, определяющими поведение людей в обществе. Уже тот несомненный факт, что различные лица, расы, народы в одинаковых экономических условиях ведут себя по-разному, исключает единовластие экономических мотивов. Вообще непонятно, как можно обойти психологические факторы, когда речь идет о реакциях живых человеческих существ, ведь дело не только в том, что они уже участвовали в установлении этих экономических отношений, и при их господстве люди не могут не вводить в игру свои первоначальные влечения, свой инстинкт самосохранения, свое стремление к агрессии, свою потребность любви, свое желание получать удовольствие и избегать неудовольствия. В более раннем исследовании мы признали действительным значительное притязание Сверх-Я, которое представляет традиции и идеалы прошлого и какое-то время будет оказывать сопротивление побуждениям, происхо-

* Так мне сообщили об этом в первый год войны из достоверных источников.

дящим из новой экономической ситуации. Наконец, давайте не будем забывать, что и в человеческой массе, которая подчинена экономической необходимости, тоже происходит процесс культурного развития — цивилизации, как говорят другие,— который, безусловно, подвержен влиянию всех других факторов, но в своем происхождении, несомненно, независим от них, сравним с органическим процессом и, очень может быть, что он в состоянии, со своей стороны, воздействовать на другие факторы. Он смещает цели влечений и делает так, что люди восстают против того, что было для них до сих пор сносно; также, по-видимому, прогрессирующее укрепление научного образа мышления является его существенной частью.

Если бы кто-нибудь был в состоянии показать, в частности, как эти различные моменты, всеобщая человеческая инстинктивная предрасположенность, ее расовые различия и их культурные преобразования ведут себя в условиях социального подчинения, профессиональной деятельности и возможностей заработка, тормозят и стимулируют друг друга, если бы кто-нибудь мог это сделать, то тогда он довел бы марксизм до подлинного обществоведения. Потому что и социология, занимающаяся поведением людей в обществе, не может быть ничем иным, как прикладной психологией. Ведь, строго говоря, существуют только две науки: психология, чистая и прикладная, и естествознание.

С вновь приобретенным взглядом на далеко идущее значение экономических отношений появилось искушение предоставить их изменения не историческому развитию, а провести в жизнь путем революционного вмешательства. В своем осуществлении в русском большевизме теоретический марксизм нашел энергию, законченность и исключительность мировоззрения, но одновременно и зловещее подобие тому, против чего он борется. Будучи первоначально сам частью науки, опираясь в своем осуществлении на науку и технику, он создал, однако, запрет на мышление, который так же неумолим, как в свое время в религии. Критические исследования марксистской теории запрещены, сомнения в ее правильности караются так же, как когда-то еретичество каралось католической церковью. Произведения Маркса как источник откровения заняли место библии и корана, хотя они не менее свободны от противоречий и темных мест, чем эти более древние священные книги.

И хотя практический марксизм безжалостно покончил со всеми идеалистическими системами и иллюзиями, он сам развил иллюзии, которые не менее спорны и бездоказательны, чем прежние. Он надеется в течение жизни немногих поколений изменить человеческую природу так, что при новом общественном строе совместная жизнь людей почти не будет знать трений и что они без принуждения примут для себя задачи труда. Между тем неизбежные в обществе ограничения влечений он переносит на другие цели и направляет агрессивные наклонности, угрожающие любому человеческому сообществу, вовне, хватается за враждебность бедных против богатых, не имевших до сих пор власти против бывших власть имущих. Но такое изменение человеческой природы совершенно невероятно. Энтузиазм, с которым толпа следует в настоящее время

большевистскому призыву, пока новый строй не утвердился и ему грозит опасность извне, не дает никакой гарантии на будущее, в котором он укрепился бы и стал неуязвимым. Совершенно подобно религии большевизм должен вознаграждать своих верующих за страдания и лишения настоящей жизни обещанием лучшего потустороннего мира, в котором не останется ни одной неудовлетворенной потребности. Правда, этот рай должен быть по сю сторону, должен быть создан на земле и открыт в обозримое время. Но вспомним, что и евреи, религия которых ничего не знает о потусторонней жизни, ожидали пришествия мессии на землю и что христианское средневековье верило, что близится царство божие.

Нет сомнений в том, каков будет ответ большевизма на эти упреки. Он скажет: пока люди по своей природе еще не изменились, необходимо использовать средства, которые действуют на них сегодня. Нельзя обойтись без принуждения в их воспитании, без запрета на мышление, без применения насилия вплоть до кровопролития, а не пробудив в них тех иллюзий, нельзя будет привести их к тому, чтобы они подчинялись этому принуждению. И он мог бы вежливо попросить указать ему все-таки, как можно сделать это иначе. Этим мы были бы сражены. Я не мог бы дать никакого совета. Я бы признался, что условия этого эксперимента удерживают меня и мне подобных от его проведения, но мы не единственные, к кому это относится. Есть также люди дела, непоколебимые в своих убеждениях, не знающие сомнений, невосприимчивые к страданиям других, если те стоят на пути выполнения их намерений. Таким людям мы обязаны тем, что грандиозный эксперимент [по созданию] такого нового строя теперь действительно проводится в Россию. В то время как великие нации заявляют, что ждут спасения только в сохранении христианской религиозности, переворот в России, несмотря на все прискорбные отдельные черты, выглядит все же предвестником лучшего будущего.

К сожалению, ни в нашем сомнении, ни в фанатичной вере других нет намека на то, каков будет исход эксперимента. Быть может, будущее научит, оно покажет, что эксперимент был преждевременным, что коренное изменение социального строя имеет мало шансов на успех до тех пор, пока новые открытия не увеличат нашу власть над силами природы и тем самым не облегчат удовлетворение наших потребностей. Лишь тогда станет возможным то, что новый общественный строй не только покончит с материальной нуждой масс, но и услышит культурные притязания отдельного человека. С трудностями, которые доставляет необузданность человеческой природы любому виду социального общежития, мы, наверное, должны будем и тогда еще очень долго бороться.

Уважаемые дамы и господа! Позвольте мне в заключение подытожить то, что я смог сказать об отношении психоанализа к мировоззрению.

Я думаю, что психоанализ не способен создать свое особое мировоззрение. Ему и не нужно это, он является частью науки и может

примкнуть к научному мировоззрению. Но оно едва ли заслуживает столь громкого названия, потому что не все видит, слишком несовершенно, не претендует на законченность и систематичность. Научное мышление среди людей еще очень молодо, слишком многие из великих проблем еще не может решить. Мировоззрение, основанное на науке, кроме утверждения реального внешнего мира, имеет существенные черты отрицания, как-то: ограничение истиной, отказ от иллюзий. Кто из наших современников недоволен этим положением вещей, кто требует для своего успокоения на данный момент большего, пусть приобретает его, где найдет. Мы на него не обидимся, не сможем ему помочь, но не станем из-за него менять свой образ мыслей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Фрейд и проблемы психической регуляции поведения человека

Комментарии

Библиография

ФРЕЙД И ПРОБЛЕМЫ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

«Лекции по введению в психоанализ» — основная работа З. Фрейда, в которой систематизированно изложена его концепция. Первая и вторая части «Лекций» были подготовлены Фрейдом как курс, зачитанный врачам, а также неспециалистам в течение двух зимних семестров 1915/16 и 1916/17 гг. Третья часть («Продолжение лекций...») была написана в 1933 г. Если учесть, что эти 18 лет явились периодом особенно интенсивной работы Фрейда над теорией психоанализа, то легко понять значение этой книги.

Созданное Фрейдом в более позднем периоде носило отпечаток его прогрессировавшего ухода из области психопатологии в область социологии и философии и представляет меньший интерес.

1. О ТВОРЧЕСТВЕ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА

История жизни З. Фрейда имеет два разных аспекта. Один из них — это основные факты творческого пути Фрейда. Эти факты хорошо изучены и множество раз описывались. Другой аспект — это интеллектуальная среда, духовная атмосфера, под влиянием которой формировались идеи Фрейда, концепции, от которых он отталкивался как от исходных, и традиции, которые вдохновляли его на более поздних этапах его жизни. Здесь многое до сих пор остается еще недостаточно ясным и освещается в литературе разноречиво.

Зигмунд Фрейд родился в г. Фрейберге в Австро-Венгрии (ныне Пршибор, ЧССР) 6 мая 1856 г. В 1878 г. он поступил на медицинский факультет Венского университета. Изучая медицину, он выполнил под руководством Э. Брюкке несколько исследований, освещавших вопросы сравнительной анатомии, физиологии, гистологии. Получил ученую степень в университете Вены (1881), там же работал с 1885 г. приват-доцентом, а затем (с 1902) — профессором невропатологии. С 1882 г. стал работать в качестве врача, сначала в отделении внутренних болезней Венской общей клиники под руководством Г. Нотнагеля, позднее — в психиатрической клинике под руководством Т. Мейнерта. Затем он уехал в Париж для работы под руководством Ж. Шарко в клинике «Сальпетриер». В 1896 г. вернулся в Вену.

Большинство опубликованных им в этот период работ относятся к теории афазий, вопросам локализации мозговых функций, учению о детском параличе, нарушениям зрения. Эти исследования отличались, по отзывам ведущих неврологов того времени, оригинальностью замысла и указывали на высокую эрудированность и строгость мысли их автора.

Начиная с 1886 г. Фрейд стал интересоваться возможностью лечения истерических расстройств внушением, заимствуя на первом этапе опыт французских неврологов И. Бернгейма и К. Льебо. В 1891—1896 гг. он разрабатывает совместно с врачом И. Брейером особый метод гипнотерапии (так называемый катарсис). Это исследование было затем отражено им в книге «Очерки по истерии». Сразу после опубликования этой монографии Фрейдом был написан «Проект» (труд, опубликованный только в 1954 г., уже после смерти Фрейда), в котором представлена попытка истолковать закономерности работы мозга с позиций механистически трактуемой физиологии.

С 1895 г. главной задачей Фрейда становится систематическая разработка теории психоанализа. Им публикуется цикл монографий: «Толкование сновидений» (1900) (книга, которую Фрейд в дальнейшем неизменно считал своей главной работой), «Психопатология обыденной жизни» (1904), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905), «Три очерка по теории сексуальности» (1905) и некоторые другие. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, и особенно после войны Фрейд стал все более переключаться на разработку философских и социологических аспектов созданного им концептуального подхода. К этому времени относится появление таких его работ, как «Леонардо да Винчи, этюд по теории психосексуальности» (1910), «Тотем и табу» (1913), «По ту сторону принципа удовольствия», «Психология масс и анализ человеческого «Я»» (1921), «Я и Оно» (1923), «Цивилизация и недовольные ею» (1929) и ряд других исследований, в последнем из которых — «Моисей и единобожие» (1939) — он продолжил развитие своих культурно-исторических концепций.

После оккупации Австрии нацистами Фрейд был подвергнут преследованиям. Международный Союз психоаналитических обществ смог, однако, уплатив фашистским властям в виде выкупа значительную сумму денег, добиться выдачи Фрейду разрешения на выезд в Англию. Вскоре после переезда в Лондон Фрейд в возрасте 83 лет умер (23 сент. 1939 г.).

Таковы основные факты из биографии З. Фрейда — человека, труды которого оставили неоспоримо очень глубокий след в истории не только психологии, психиатрии, неврологии, но и всей *культуры нашего века*.

Чем же определяются значительность и влияние вклада Фрейда? Им были открыты проблемы, психические механизмы, феномены, факты, касающиеся того обширного пласта регуляции человеческого поведения, в котором представлена сложная и загадочная область бессознательной психики. До Фрейда в научных исследованиях поведения человека главное внимание уделялось либо физиологическим основам и факторам этого процесса, либо его зависимости от сознания. Сама психология, возникшая в качестве самостоятельной области знаний, отличной от философии и физиологии, понималась как наука о сознании, о тех явлениях внутреннего мира, которые индивидуальный субъект способен воспринять ясно и отчетливо и дать о них самоотчет. На таких самоотчетах субъекта базировалась экспериментальная психология. Предполагалось, что

никто не может установить психический факт с такой достоверностью, как тот, кто его непосредственно испытывает, кто сообщает о нем, направляя внутренний „взор“ на происходящее в собственном сознании. Фрейд, решительно преодолев такое понимание психики, выдвинул в качестве центрального для всех его концепций положение о том, что наряду с сознанием имеется глубинная область неосознаваемой психической активности, не изучив которую невозможно понять природу человека. Если до Фрейда и выдвигались различные представления о том, что психика не эквивалентна сознанию, то они носили умозрительный характер, далекий от реальных процессов поведения.

В тех случаях, когда исследователи, изучая эти процессы, затрагивали наряду с сознательной психикой неосознаваемую, они не выявляли ее специфику. Неосознаваемые представления, например, мыслились как идентичные тем, которые возникают в сознании, но оказываются в данный момент за его порогом. Не изучались сложные, противоречивые отношения между различными уровнями организации психики, между ее неосознаваемыми проявлениями и данными субъекту в самонаблюдении.

На проблеме бессознательного в его соотношении с сознанием и сосредоточилась мысль Фрейда. В раскрытии и тщательном изучении различных аспектов этой проблемы, во введении в научный оборот различных гипотез, моделей и понятий, охватывающих огромную неизведанную область человеческой жизни, и состоит неоспоримая историческая заслуга Фрейда. В своих исследованиях Фрейд разработал ряд понятий, запечатлевших реальное своеобразие психики и потому прочно вошедших в арсенал современного научного знания о ней. К ним относятся, в частности, понятия о защитных механизмах, фрустрации, идентификации, вытеснении, фиксации, регрессии, свободных ассоциациях, роли Я и др.

Особое место заняла в его исследованиях, тесно сопряженных с психотерапевтической практикой, категория мотивации, динамики побуждений, внутреннего строения личности. Погруженный в повседневный анализ причин заболеваний своих пациентов, страдавших от неврозов, Фрейд искал пути излечения в воздействии не на организм (хотя при неврозах наблюдаются органические симптомы), а на личность.

Из его работ следовало, что, игнорируя личностное начало в человеке, имеющее свою историю и многоплановый строй, невозможно выяснить, что же нарушено в организации аномального поведения, а не зная этого, невозможно возвратить его к норме. Многие темы, которые подсказала клиническая практика,— роль сексуальных переживаний и детских психических травм в формировании характера — дали толчок развитию новых направлений исследований, в частности сексологии.

Фрейд выдвинул на передний план жизненные вопросы, которые никогда не переставали волновать людей,— о сложности внутреннего мира человека, об испытываемых им душевных конфликтах, о последствиях неудовлетворенных влечений, о противоречиях между «желаемым» и «должным». Жизненность и практическая важность этих вопросов выгодно контрастировала с абстрактностью и сухостью академической, «университетской» психологии.

Это и обусловило тот большой резонанс, который получило учение Фрейда как в самой психологии, так и далеко за ее пределами. Вместе с тем на интерпретацию выдвинутых им проблем, моделей и понятий неизгладимую печать наложила социально-идеологическая атмосфера, в которой он творил. Наступала эпоха империализма, резко обострившая классовые противоречия. Нестабильность экономической и политической жизни порождала в мелкобуржуазной среде чувства беспокойства, подавленности, неуверенности в будущем. Популярность приобретали концепции, проповедующие иррационализм, мистику, учение о том, что перед голосом инстинктов бессилен слабый голос сознания. В искусстве появились разнообразные вариации на тему «судьбы человека как выражения его бессознательных влечений». Среди властителей дум западной интеллигенции большую популярность приобрели иррационалисты Шопенгауэр и Ницше. В этих социально-идеологических условиях развитие идей Фрейда пошло не столько по линии дальнейшего углубления клинико-психологического и тем более клинико-физиологического анализа тех важных фактов, которые обнажила его работа в качестве врача-психотерапевта, сколько в направлении построения общих философско-социологических и культурологических схем, базировавшихся на методологии, созвучной господствовавшему на Западе мировоззрению.

Ключевым для Фрейда становится представление о том, что поведением людей правят иррациональные психические силы, а не законы общественного развития, что интеллект — аппарат маскировки этих сил, а не средство активного отражения реальности, все более углубленного осмысления ее, что индивид и социальная среда находятся в состоянии извечной и тайной войны. Философская доктрина психоанализа тем самым резко деформировала его конкретно-научные факты, методы, схемы организации и регуляции психической деятельности.

Первоначально психоанализ ограничивался истолкованием происхождения и лечения функциональных заболеваний. Восприняв в юности от своих учителей (представителей физико-химической школы в физиологии) естественнонаучный взгляд на организм, Фрейд полностью признавал, что психическая активность — это функция мозга, но на основе исследования функциональных и органических клинических расстройств он пришел к убеждению, что опорных точек для их психологического анализа современная ему физиология дать не может. Отсюда последовал вывод, что психопатологии надлежит исходить только из психологических гипотез.

Сосредоточившись на проблеме истерии, Фрейд разработал метод лечения этого заболевания, основанный на гипотезе, по которой истерический симптом возникает как следствие подавления больным напряженного аффективно окрашенного влечения и символически замещает собою действие, не реализованное вследствие подавления аффекта в поведении. Излечение наступает, если в условиях гипнотического сна удается заставить больного вспомнить и вновь пережить подавленное влечение. Эта концепция так называемого «катарсиса» содержала уже многие из элементов, явившихся несколько позднее фундаментом психоанализа.

Представления о патогенезе истерических синдромов, с которых началась разработка теории психоанализа, стали в дальнейшем постепенно усложняться. Аффективное влечение стало рассматриваться как психологическое состояние, имеющее свой специфический «энергетический заряд» («катексис»). Будучи подавленным, влечение, согласно теории психоанализа, не уничтожается, а лишь переходит в особую психическую сферу («бессознательного»), где оно удерживается «антикатексическими» силами. Вытесненный аффект стремится, однако, вновь вернуться в сознание, и если он не может преодолеть сопротивление «антикатексиса», то он пытается добиться этой цели на обходных путях, используя сновидения, обмолвки, описки или провоцируя возникновение символически его замещающего клинического синдрома. Чтобы устранить расстройство, вызванное вытесненным аффектом, надо заставить больного этот аффект осознать. Методами обнаружения того, что было вытеснено (т. е. психоанализом в узком смысле), являются исследования свободных ассоциаций, раскрытие символически выраженного скрытого смысла сновидений и расшифровка так называемого трансфера (перенесения) — особого, постепенно создающегося в процессе психоаналитического лечения аффективно окрашенного отношения больного к лицу, проводящему психоанализ.

Главным видом вытесненных аффектов Фрейд объявил влечения эротические, подчеркивая, что процесс вытеснения наблюдается уже на первых этапах детства, когда формируются начальные представления о «недозволенном». Развитие этой идеи представлено в работах Фрейда, посвященных проблемам инфантильной «анальной эротики», «Эдипова комплекса» (враждебного чувства сына к отцу за то, что последний мешает безраздельно владеть матерью) и др. Энергия, питающая сексуальность ребенка и взрослого,— это «либидо», важнейший, по Фрейду, двигатель психической жизни, который определяет, с одной стороны, все богатство переживаний, а с другой — пытается сорвать запреты, налагаемые социальной средой и моральными установками; в случае же невозможности добиться такого срыва этот фактор ввергает субъекта в невроз и истерию.

В дальнейшем этой схеме был придан еще более сложный характер. Помимо самоутверждающихся либидозных влечений для бессознательного объявляется характерной и противоположная разрушительная, агрессивная тенденция, «инстинкт смерти». Вся психика превращается в своеобразное сочетание трех инстанций: бессознательного (вместилища вытесненных аффективных влечений), подсознательного (которое выполняет функцию «цензуры», избирательно пропускающей в сознание то, что для него более приемлемо) и самого сознания.

Следующий этап в развитии психоанализа связан с его постепенным превращением из теории преимущественно медицинской и психологической в концепцию философскую, претендующую на ведущую роль при рассмотрении общих вопросов социологии, истории, теории искусства, литературоведения и целого ряда других областей теоретического и прикладного знания.

Из представлений о подчиненности поведения примитивным неосознаваемым влечениям и о присущем якобы человеку «инстинкте смерти» Фрейд пришел к заключению о неотвратимости войн и общественного насилия; из того, что воспитание предполагает торможение инстинктивных стремлений (трактуемое Фрейдом как патогенное «вытеснение»), был сделан вывод о разрушительном влиянии, оказываемом на психическое здоровье цивилизацией, и были высказаны глубоко пессимистические мысли по поводу возможностей и ценности дальнейшего общественного прогресса; самое возникновение человеческого общества, культуры и нравственности было объяснено не трудовой деятельностью, не отношениями, в которые люди вступают в процессе общественного производства, а все теми же эротическими и агрессивными влечениями, которые являются, по Фрейду, важными двигателями душевной жизни и современных цивилизованных людей.

Эта общая тенденция интерпретировать самые различные общественные феномены действием «глубинных» психологических факторов привела Фрейда не только к рассмотрению всей духовной жизни человечества (искусства, науки, различных социальных институтов) как выражения преобразованной энергии либидо, но и к ряду настолько своеобразных построений, что даже у наиболее ортодоксальных его учеников эти построения далеко не всегда находили сочувствие (например, к теории возникновения религии из чувства вины за убийства патриархов рода, совершенные якобы по сексуальным мотивам в первобытном обществе; к теории так называемых унаследованных расовых воспоминаний; к теории, объясняющей преобладающую роль мужчины в современном обществе чувством неполноценности, которое испытывают молодые девушки в связи с отсутствием у них мужских половых признаков и т. п.). Несмотря на всю парадоксальность этого социологического аспекта психоаналитической теории и множество возражений, которые были выдвинуты против него в литературе, Фрейд уделял ему вплоть до последнего этапа своей деятельности очень много внимания.

2. О КНИГЕ З. ФРЕЙДА «ЛЕКЦИИ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ»

Книга З. Фрейда «Лекции по введению в психоанализ» занимает в ряду его литературных работ особое место. Это вытекает уже из времени написания этого произведения. Мы уже упоминали, что первые части «Лекций» были подготовлены в 1915—1917 гг. Появление же «Продолжения лекций» относится к 30-м годам. Поэтому первая часть содержит то, что можно рассматривать как ядро, как основу созданной Фрейдом концепции, как описание теоретических принципов и методов психоанализа, а также способов истолкования данных, получаемых в результате психоаналитического исследования. Вторая часть посвящена общим принципам психоаналитической теории неврозов. Третья же содержит то, что многими и критиками, и адептами фрейдизма трактуется как его развернутый окончательный вариант; как своего рода Рубикон, перейдя кото-

рый Фрейд постепенно превратился из клинициста в социолога и философа, в основателя мировоззрения, получившего исключительно большое влияние на Западе.

О своеобразии системы взглядов Фрейда говорит то, что в ней оказались представленными, с одной стороны, глубоко новаторская психологическая концепция — теория неосознаваемой психической деятельности, утверждающая, что в отвлечении от фактора бессознательного построение общей теории сознания человека принципиально невозможно; а с другой — такой ряд ошибочных положений и методологически неадекватных толкований, что выявление научно ценных элементов фрейдизма оказалось возможным только после споров, длившихся десятилетиями.

Какие же особенности фрейдизма обеспечили ему такое беспрецедентное распространение и влияние, несмотря на его многочисленные дефекты?

Приступая к чтению «Лекций», следует иметь в виду два общих положения. Первое из них позволяет четко провести границу между тем, что является сильной стороной фрейдизма, обусловившей его влияние на современную психологию, и тем, что наложило на конкретные построения психоанализа отпечаток ограниченности, своеобразного исторического и географического «провинциализма», обеднив общее значение всего научного наследия Фрейда.

Концепция, разработанная Фрейдом, заслуживает внимания прежде всего потому, что она постулирует существование бессознательного как в высшей степени важного компонента человеческого сознания. Односторонность же и «провинциализм» в раскрытии природы этого компонента выступили очень ярко (в частности, именно в «Лекциях») как сведение основной работы бессознательного к динамике переживаний, связанных преимущественно с областью секса, с развитием и феноменологией половой жизни не только взрослых, но и детей — от наиболее ранних фаз их онтогенетического развития. То, что было, по-видимому, характерно для нравов только определенных слоев (классовых групп) венского общества начала века, получило у Фрейда значение универсальной социальной характеристики. Именно это мы имеем в виду, говоря о «провинциализме» исходных построений Фрейда.

Основной чертой подхода Фрейда к анализу клинических проявлений, симптомов и синдромов болезни явилось рассмотрение многих из таких проявлений как имеющих *определенный скрытый смысл,* определенное зашифрованное значение для субъекта и устраняющих, когда этот смысл доводится в результате психоаналитических процедур и приемов до ясного сознания больного.

Обратимся непосредственно к содержанию «Лекций».

Первая лекция — это общее введение, 2—4 лекции посвящены так называемым ошибочным действиям (опискам, очиткам, оговоркам, забыванию вещей, дат, адресов и т. п.), в 5—15 лекциях рассматривается проблема сновидений.

Описывая ошибочные действия, Фрейд на многочисленных примерах подводит читателя к представлению о том, что каждое из таких действий

имеет свой смысл, свое определенное значение, и выдает существование неосознаваемой, но вполне реально имеющейся у субъекта тенденции, намерения, желания. В некоторых случаях ошибочные действия, носящие характер «забывания», являются выражением стремления сознания избавиться от чего-то для него неприятного, выражением вытеснения тягостного аффекта в область бессознательного.

Следует отметить, что эта часть общих представлений Фрейда изложена им в форме многих и разнообразных эпизодов и никогда не вызывала, даже у убежденных критиков психоанализа, особых возражений. Хотя научные «доказательства» (в формальном значении этого понятия) адекватности психоаналитической теории ошибочных действий в «Лекциях» отсутствует, оспаривать эти утверждения Фрейда охотников, как показали многие годы, истекшие со времени создания этой теории, не нашлось.

От рассмотрения ошибочных действий Фрейд переходит к детальному анализу сновидений,— этой, по его собственному выражению, «царственной дороги» в область бессознательного. Он прилагает большие усилия, чтобы возможно детальнее описать как структуру сновидений, так и скрытые закономерности их динамики.

Он подчеркивает определенное сходство, существующее между ошибочными действиями и сновидениями: подобно тому как в ошибочном действии существует та или другая форма его выражения в поведении, так в сновидении существует его «явная» (представленная сознанию спящего) форма, и скрытое (латентное) содержание, которое определяется бессознательным и может быть расшифровано только психоанализом. Фрейд описывает ряд механизмов, преобразующих, а точнее, маскирующих скрытое содержание сновидения, с превращением этого скрытого содержания в сновидение «явное». Общая функция сновидений, по Фрейду,— это устранение раздражений, мешающих полноценному сну, путем галлюцинаторного удовлетворения потребностей, возникающих у спящего.

Фрейд описывает разнообразные механизмы, мешающие понять скрытое содержание сновидений. Искажения этого скрытого содержания возникают прежде всего благодаря «цензуре», препятствующей проникновению в сознание неприемлемых для него элементов бессознательного. Однако здесь сказывается и особый — символический — характер отношений, устанавливающихся во сне между образом явного сновидения и его скрытым значением, особый характер отношения элементов бессознательного к структуре явного сновидения — появление в явном сновидении «части вместо целого», «сгущения» образов, «намеков», «олицетворения» и множества других.

А далее Фрейд совершает, как это показали долгие годы, истекшие после возникновения психоаналитической теории сновидений, одну из главных своих теоретических ошибок, постулируя наличие постоянных, *константных* отношений, существующих якобы между элементом явного сновидения и его скрытым значением. Он составляет особый «словарь» для переводов образов явного сновидения в скрытые за этими об-

разами смыслы («дом с гладкими стенами» — мужчина; «дом с выступами» — женщина; какое-то отношение к воде — роды; палки, зонтики, торчащие вверх, воздушные шары — эрекционные сны; шкатулка с драгоценностями — символ женских гениталий; выпадение зуба — кастрация в наказание за онанизм и т. д.). И одновременно он совершает другую ошибку, отдавая явное предпочтение при составлении этого словаря тематике, так или иначе связанной с сексуальными переживаниями.

Чем объясняются эти не могущие не вызвать удивления ошибки Фрейда?

Прежде всего его очень своеобразным взглядом на развитие сексуальности. В основу представлений о развитии сексуальной функции им было положено разграничение между функциями сексуальной и генитальной (половой). Последнюю он связал со способностью продолжения рода, а первую — со стремлением к своего рода «удовольствиям».

По существу Фрейд в своем объяснении эволюции половой функции возвратился к представлениям древнего гедонизма, в частности древнегреческой киренской школы («киренаиков»), объявлявшей стремление к удовольствию основным побудительным двигателем жизни. Во влечении ребенка к удовольствию Фрейд вычленил ряд последовательных стадий, не имеющих отношения к значительно более поздно развивающейся половой функции (оральную стадию, при которой «объектом любви» является материнская грудь, а формой проявления — сосание; анально-садистскую, связанную с приятными ощущениями, получаемыми ребенком при экскреторной деятельности толстой кишки и мочевого пузыря и др.). Гедонистический элемент, присущий этим проявлениям, заставил Фрейда рассматривать их как закономерные предстадии в созревании полового влечения. Над ними он утвердил как эмоциональную форму ранней сексуальности так называемый Эдипов комплекс (период обостренной привязанности сына к матери, сопровождаемый чувством враждебности к отцу), дополненный в дальнейшем «комплексом Электры» (периодом особой привязанности дочери к отцу), и целый ряд других своеобразных форм, через которые, по его мнению, проходит созревание инфантильно-сексуальных эмоций.

Все эти построения наложили глубокий отпечаток на антропологические и социологические воззрения Фрейда, лишив их — это надо сказать ясно — научной ценности. Они также сказались отрицательно на многих его клинических построениях.

В выведении сложнейших процессов антропогенеза из особенностей биологического развития человека ярко обнаружилась основная черта общей методологии Фрейда: полное, по существу, игнорирование социальных моментов, определяющих эволюцию культуры на ранних стадиях ее развития. Неудивительно поэтому, что когда были предприняты попытки объективно проверить существование Эдипова комплекса (такие исследования проводились на больших статистических контингентах еще в 50-х годах Фаррелом * и др.), то их результат оказался полностью от-

* *Farrel B.* The study of personality. N. Y., 1954.

рицательным. Зависимость эмоций типа Эдипова комплекса или комплекса Электры от семейного «климата», от разнообразных психологических установок, складывающихся в семейных коллективах, от общей обстановки, в которой происходит воспитание ребенка, от естественного тяготения ребенка к тому из родителей, с которым у него устанавливаются более тесные психологические контакты, полностью перекрывает влияние этих комплексов, даже если допускается гипотетически какое-то их исходное существование.

Еще более произвольным явилось постулированное Фрейдом представление о существовании константных значений, которые имеют являющиеся нам образы сновидений.

Лишена научных оснований постулируемая Фрейдом смена фаз инфантильной сексуальности. Его антиисторизм в причудливой форме проявился в представлении об определяемости содержаний бессознательного гипотетическим «праязыком», общим в своих основных элементах различным народностям, однотипно якобы выступающим в фольклоре и мифотворчестве различных этнических групп и отражающихся в бессознательной активности индивидов, принадлежащих этим группам.

За долгие годы, последовавшие после написания «Лекций», никаких фактов, подтверждающих такую трактовку, обнаружено не было. Можно уверенно сказать, что если Фрейд был трижды прав, обращая внимание на существующие в душе человека неосознаваемые влечения, то его допущение о бессознательном «знании общепринятого значения символов» осталось не более чем фантазией, не оказавшей в дальнейшем влияния на научную мысль даже среди тех, кто разделял и ревностно поддерживал разнообразные другие постулаты психоанализа.

В целом же классический психоанализ, как он изложен в «Лекциях», характеризуется тем, что главное внимание при нем обращается на субъективное содержание симптомов. Каждое слово больного, каждая его фантазия и сновидение подвергаются анализу с целью раскрытия их изначального смысла. Патогенные внешние причины приводят либо к регрессу, к бегству от реальной жизни в разнообразные фантазии, либо к выдвижению на авансцену вытесненных переживаний, инфантильных тенденций. Излечение же, по представлениям классического психоанализа, наступает, когда вытесненные переживания доводятся до их полного сознания. Устранение вытеснения — это, по Фрейду, главный шаг в устранении невроза.

К этому заключительному «аккорду» психоанализа мы еще вернемся.

Публикация «Лекций по введению в психоанализ» привлекла в свое время широкое внимание в связи с проблемой военных неврозов. В 1918 г. в Бухаресте собрался специальный конгресс, посвященный этой проблеме. Под впечатлением событий первой мировой войны, бессмысленно унесшей миллионы жизней, Фрейд, приобретший к тому времени мировую славу, публикует работу «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), в которой завершает изложение идей своей «метапсихологии» — так он назвал систему описания психической жизни с динамической (с точки зрения конфликтов влечений), топографической (уровни

бессознательного, предсознательного и сознания) и «экономической» (принцип удовольствия) точек зрения.

Изменения, внесенные Фрейдом в прежний вариант психоанализа, заключались в том, что к прежнему сведению всех влечений к сексуальному (либидо) присоединялся особый инстинкт, названный «инстинктом смерти» — Танатосом. Под ним понималось стремление организма к тому, чтобы возвратиться в безжизненное состояние, стать неодушевленной материей. Существование индивида — это компромисс между двумя главными инстинктами — Эросом и Танатосом, причем превалирует второй, получающий выражение в актах агрессии, которая может быть направлена как на других, так и на самого субъекта. Этот взгляд Фрейда был использован сторонниками версии о неизбежности войн, о том, что их причины кроются в самой биологической природе человека.

Другой шаг Фрейда на пути преобразования исходной схемы психоанализа запечатлела новая трактовка структуры человеческой личности. Эта новая трактовка, впервые представленная в книге «Я и Оно» (1923), изложена в 31-й лекции, где детализированы и конкретизированы основные положения указанной книги. Если прежде психоанализ исходил из трех уровней организации психической жизни — бессознательного, предсознательного и сознательного,— то теперь эта организация выступила в виде иной модели, имеющей своими компонентами различные психические инстанции, обозначенные терминами: Ид, Эго и Супер-эго. Под Ид (или Оно) понималась наиболее примитивная часть человеческой личности, которая охватывает все прирожденное, генетически первичное, подчиненное принципу удовольствия и ничего не знающее ни о реальности, ни об обществе. Эта инстанция не признает никаких конфликтов и противоречий. Она изначально иррациональна и аморальна. Ее требованиям вынуждена служить другая инстанция — Я (или Эго). Вместе с тем Эго следует принципу реальности и вырабатывает ряд механизмов, позволяющих адаптироваться к требованиям среды. Эго — посредник между стимулами, идущими как из этой среды, так и из глубин организма,— с одной стороны, ответными двигательными реакциями — с другой. К функциям Эго относится самосохранение организма, запечатление опыта внешних воздействий в памяти, избегание угрожающих влияний, контроль над требованиями инстинктов (исходящими от Ид).

Особое значение было придано Супер-эго, которое служит источником моральных и религиозных чувств, контролирующим и наказующим агентом. Если Ид вырастает из наследственного опыта, а Эго — индивидуального, то Супер-эго — продукт влияний, исходящих от других людей (родителей и окружающей социальной среды). Оно возникает в раннем детстве (связано, согласно Фрейду, с Эдиповым комплексом) и остается практически неизменным в последующие годы. Оно образуется благодаря механизму идентификации с отцом, который служит моделью для ребенка. Если Эго примет решение или совершит действие в угоду Ид, но в противовес Супер-эго, оно испытывает наказание в виде укоров совести, чувства вины. Поскольку Супер-эго черпает энергию у Ид, оно часто действует жестоко.

На этом новом этапе эволюции психоанализа Фрейд объяснял чувство вину у невротиков влиянием Супер-эго. Такой подход определил большое место в психоанализе, которое заняло объяснение феномена тревожности. Как видно из содержания «Продолжения лекций», различались три вида тревожности: наряду с вызванной реальностью выделялись тревоги, обусловленные давлением со стороны бессознательного Ид и со стороны Супер-эго. Соответственно задача психоаналитической процедуры усматривалась в том, чтобы освободить Эго от различных форм давления на него и увеличить его силу. От напряжений, испытываемых Эго под давлением различных сил, оно спасается с помощью «защитных механизмов» — вытеснения, регрессии, сублимации. Вытеснение означает активное, но не осознаваемое самим индивидом устранение из сознания чувств, мыслей и стремлений к действию. Перемещаясь в область бессознательного, они продолжают мотивировать поведение, оказывают на него давление, переживаются в патологических (невротических) симптомах и т. д. Регрессия — соскальзывание на более примитивный уровень поведения и мышления. Сублимация — один из механизмов, посредством которых запретная сексуальная энергия разряжается в форме деятельности, приемлемой для индивида и общества. Разновидностью сублимации является творчество.

Эта модель личности предполагала многоплановость мотивационных структур человеческого поведения, представленность в этих структурах биологического (Ид), индивидуально-личностного (Эго) и социального (Супер-эго) уровней организации. Однако все указанные компоненты выступали в мистифицированной форме — биологическое сводилось к энергии либидо, социальное — к сексуальной направленности ребенка, а «бедному Эго», как называл его Фрейд, оставалось лишь непрерывно согласовывать требования, властно предъявляемые с трех сторон: реальностью, бессознательным и Супер-эго.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что Фрейд в 20-х годах перешел к трактовке сознания как своего рода системы, стремящейся к самосохранению. Психоанализ отверг не только отождествление психики с сознанием, но и еще не утративший в тот период популярности взгляд на сознание как на поток мыслей и переживаний. Сознание живет, борется, противодействует несовместимым с «влечениями Я» силам. Доказывалось, что работа сознания не сводится к внутреннему восприятию содержаний, что она жизненно важна для сохранения человеческого Я, которое Фрейд в отличие от своих прежних воззрений представлял теперь в качестве особой инстанции (подсистемы личности), решающей собственные задачи.

Однако энергетический аспект психической деятельности получил у него неадекватную интерпретацию, поскольку главной мотивационной силой признавалась сфера бессознательного (инстинктов, Ид). Носитель знания о внешней среде — сознание, согласно Фрейду, само по себе бессильно. Вся его энергия черпается в конечном счете из глубин бессознательного. Реальные особенности мотивации существуют независимо от того, какое отображение в сознании они получают. Глубокой ошибкой

Фрейда являлось убеждение, будто проекция в сознании мотивационных стремлений личности носит иллюзорный характер. Но рациональный момент содержала идея о том, что для научного объяснения динамики мотивов недостаточно свидетельств самонаблюдения. Их недостаточно не только для раскрытия природы мотивов, не затрагивающих ядро личности, ее Я, но и для понимания этого Я как особой системы, для которой одни мотивы являются центральными, другие — периферийными.

Положение о неидентичности сознания и Я, сложившееся у Фрейда в 20-х годах, получило развитие в «Продолжении лекций», где изложен новый подход к проблеме строения человеческой личности, уровням ее организации и характеру отношений между этими уровнями. Невроз рассматривается как результат ослабления силы Эго из-за интенсивности давления на него со стороны Ид, рассеивание энергии на противодействие этому давлению («антикатексис»). Другой источник невроза — конфликт между Эго и Супер-эго (в ситуации, когда Я сопротивляется моральным запретам и требованиям).

3. ОБ ОЦЕНКЕ ИДЕЙ ФРЕЙДА НА ЗАПАДЕ: ПАРАДОКС КОНТРАСТОВ

Какое отношение вызвали к себе идеи З. Фрейда? Когда будущий историк культуры задумается над умственной жизнью нашего бурного века, он, безусловно, выделит концепцию психоанализа как явление особого порядка, понять существо и судьбу которого нелегко. Основанием для такой оценки явится для него прежде всего беспрецедентное расхождение мнений по вопросу об отношениях к психоанализу, проявившееся по разным поводам в разных странах. Можно уверенно сказать, что ни одно из больших умственных течений в области общей и клинической психологии, психотерапии, психиатрии не вызывало столь разных, взаимоисключающих суждений, не создавало такой разноголосицы в оценках, такой ожесточенности в спорах, как идеи, провозглашенные на заре нашего века Фрейдом.

С одной стороны, существуют в западноевропейской и американской печати многочисленные указания на то, что идеи Фрейда по глубине влияния, оказанного ими на психологию западного человека, могут быть приравнены к идеям Коперника, Дарвина, Эйнштейна; что большая часть создаваемых в наши дни на Западе произведений психологии, философии и искусства несет на себе в той или иной степени отпечаток фрейдизма (Д. Олдридж); что традиционные схемы психоанализа настолько проникли в «кровь» западной культуры, что ее представителям значительно легче мыслить ими, чем игнорировать их (С. Цвейг) и т. д.

С другой же стороны, остается фактом, что в самых разных странах ученые первого ранга резко порицали и порицают фрейдизм, подвергая критике, а иногда и полностью отвергая его социологические и медицинские основы.

Как же можно объяснить такое различие подходов, сопровождаемое к тому же необыкновенной страстностью вызываемых им споров?

Выше уже было указано на некоторые из обстоятельств, способствовавших широкому положительному отклику на идеи Фрейда. Одним из них явился, несомненно, очень своеобразный характер вопросов, поднятых Фрейдом, жизненность и практическая важность которых выгодно контрастировали со многими направлениями в исследованиях поведения и сознания.

Неоспоримо, что фрейдизм явился одной из первых концепций, настойчиво пытавшихся разобраться в проблеме скрытых мотивов поведения человека и в роли этого фактора в клинике. Им было привлечено внимание к сложности внутреннего мира человека, к последствиям неудовлетворенных влечений, к противоречиям между желаемым и должным. Он обратился в этой связи к жизни во всей ее реальности, к ее радостям и печалям, тревогам и стремлениям, обещая помощь в условиях душевного надлома и требуя для этого всего лишь наведения определенного «порядка» в душе. И долгое время его идеи воспринимались многими как единственно способные осветить все эти жизненные вопросы, которые никогда не переставали волновать людей. Фрейдизм шел тем самым, по крайней мере по видимости, навстречу глубоким душевным запросам многих. Следует ли удивляться, что положительный резонанс, который получили в определенных социальных кругах его идеи, оказался таким широким? И в то же время в идеях Фрейда содержались внутренние противоречия, которые очень осложнили отношение к теории психоанализа даже со стороны тех, кто выступал на ранних этапах формирования этой теории в качестве ее страстных адептов.

После второй мировой войны психоанализ в его новейших вариациях продолжает оставаться в западных странах одним из наиболее распространенных течений в психологии, психотерапии и философии. Он глубоко проникает в художественную литературу, в искусство, в кино, его влияние со все большей отчетливостью проявляется в так называемой психосоматической медицине. Фрейдизм постепенно добивается признания даже в католических религиозных кругах, это особенно ярко проявилось на совещании католических деятелей высшего ранга, происходившем в 1965 г. в Ватикане, в связи с попыткой епископа Р. П. Грегуара легализовать использование психоанализа в монастырях.

И в то же время неуклонно нарастает волна критического отношения к психоанализу. Эта критика выступает в разных формах. Иногда она носит ограниченный характер, призывая не столько к полному отклонению психоаналитического направления, сколько к компромиссу с ним, к принятию отдельных его положений (прежде всего его теории бессознательного). Иногда же ее проводят решительно и непримиримо, ставя акценты на научной несостоятельности психоанализа и на его терапевтической неэффективности.

Особый интерес представляют работы, в которых обсуждение вопроса о терапевтической ценности психоанализа производится на основе изучения относительно крупных клинических контингентов. Из этих работ вытекает, что благоприятные исходы, наблюдаемые при психоаналитическом лечении, связаны большей частью со спонтанным выздоровле-

нием, с последствиями изменения социальных условий, с незаметно вкрадывающимися в психоаналитическую процедуру элементами суггестии и с разнообразными другими факторами, чуждыми по своей природе этой процедуре. Связь же выздоровления с существом психоаналитического лечения остается во многих случаях недостаточно ясной.

Проверка показала, что объективных признаков существования Эдипова комплекса, играющего столь большую роль в системе воззрений Фрейда, а также других постулируемых фрейдизмом особенностей инфантильной сексуальности не удается обнаруживать у значительного количества детей даже при самом тщательном психологическом исследовании. Есть поэтому основания полагать, что в основу представления об Эдиповом комплексе как об обязательном компоненте инфантильной психики на определенном этапе онтогенеза Фрейдом были положены особенности детской сексуальности, скорее характерные для каких-то отдельных, своеобразных клинических случаев или, возможно, для нравов определенной социальной среды. А если это так, то невольно возникает мысль, как легко делал Фрейд широкие выводы из эксквизитных клинических фактов и насколько переоценивалось исходным психоаналитическим направлением значение априорно постулированных биологических факторов в ущерб влияниям, которые могут оказывать на сексуальное развитие ребенка случайные особенности окружающей обстановки и воспитания.

И вместе с тем наиболее типичной для западных исследователей в послевоенный период является позиция не огульного отклонения представлений психоанализа, а скорее их частичного принятия, позиция поиска различных форм компромисса с ними. Такое отношение было характерно для исследователей, которые, не приемля фрейдизм как законченную философско-психологическую систему, полагали вместе с тем, что в нем скрыто рациональное ядро и что его положительные элементы могут быть без противоречий связаны с другими теориями, освещающими работу мозга и сознания. Центральным аргументом, который выдвигался в пользу такого понимания, являлось обычно то, что метод Фрейда — это важный путь к раскрытию природы скрытых душевных движений, природы бессознательного и что поэтому, какими бы недостатками он ни обладал, к каким бы теоретическим трудностям ни приводил, его отвергать нельзя.

Таково мнение Н. Винера, выдающегося канадского нейрохирурга В. Пенфилда и др. Наряду с многочисленными работами психологического, клинического и кибернетического плана, где высказываются соображения о желательности компромисса между фрейдизмом и другими направлениями, на Западе звучат острокритические голоса. По мнению весьма авторитетного французского психиатра А. Барюка, «с медицинской точки зрения догматические установки некоторых психоаналитиков и психосоматиков могут представлять иногда подлинную опасность» *. Барюк признает, что идеи Фрейда наложили глубокий отпечаток на пси-

* *Baruk H.* Entretion de Bichat. P., 1965. P. 7.

хиатрию, медицину, философию и всю интеллектуальную жизнь современного общества. Но в чем это влияние прежде всего сказалось? Распространение идей Фрейда имело, по мнению Барюка, лишь отрицательные социальные последствия...

Барюк останавливается далее и на психологическом анализе самой психоаналитической процедуры. Больной чувствует себя в условиях этой процедуры пассивным, расслабленным, находящимся во власти чужой воли, насильственно проникающей в глубины его психики. А в результате продолжительного применения психоаналитических приемов лечения (длящихся иногда многие месяцы, если не годы) возникает риск постепенного понижения психологической сопротивляемости больного, его фиксированности на интимных переживаниях и его превращения в личность, малоспособную к активному преодолению трудностей жизни, терпящую фиаско при первом же соприкосновении со сколько-нибудь грубой действительностью. Слишком высокое аффективное напряжение, замечает Барюк, бесспорно может привести к неврозу, но не меньшие опасности таит в себе и чрезмерное аффективное расслабление, и неизвестно, какую из этих крайностей выгодно предпочесть.

Барюк видит отрицательные черты психоанализа и в том, что последний часто связывает генез невроза с особенностями семейной жизни больного и поэтому нередко на этой жизни отрицательно сказывается. В целом же психоаналитическая концепция — это, по Барюку, «скорее религия, чем наука», религия, имеющая свои догмы, свои ритуалы и свою оригинальную систему неконтролируемых истолкований.

Небезынтересно, что даже из уст той, которая на протяжении десятилетий была строжайшей блюстительницей психоаналитической ортодоксии,— дочери З. Фрейда, Анны Фрейд,— вырвалось характерное признание, подчеркивающее трудности, с которыми сталкивается в современных условиях распространение идей психоанализа: современная молодежь, говорила Анна Фрейд, «интересуется борьбой человека не с самим собой, а борьбой человека против общества».

О сомнениях самих приверженцев психоаналитической терапии в ее эффективности говорит высказывание одного из авторитетных современных французских психоаналитиков С. Видермана. «Среди самих психоаналитиков все больше проявляются признаки разлада — оговорки, оспариваемые положения, а в последнее десятилетие все более внятно звучат голоса, указывающие на прогрессирующую растерянность... Но в конце концов на фундаментальный вопрос нужно будет отвечать без уверток. Являются ли клинические симптомы эффектом вытеснения? Вполне вероятно. Становится ли устранение вытеснения невозможным или затрудненным вследствие контрсилы, называемой сопротивлением? Уверенный ответ здесь невозможен. Являются ли устранение вытеснения путем интерпретации (симптомов) и ликвидация (на этой основе) клинических нарушений твердо установленными достижениями психоанализа? Строго говоря, ответ должен быть отрицательным» *.

* *Viederman S.* Confrontation // Amer. J. of Psychol. 3. 1980. P. 24–26.

Для тех, кто знаком с представлениями о природе бессознательного, о роли вытеснения, о терапии, основанной на его осознании, и т. п., звучавшими в западной литературе последнего десятилетия, должно быть очевидно из приведенного отрывка, какой глубокий кризис переживает современная западная клиническая психология, затрагивая проблему бессознательного, и какой трудный процесс переоценки традиционных для нее толкований в ней происходит. Это, конечно, не может не укреплять уверенность в том, что перед совсем иным подходом к проблеме бессознательного, характерным для советской психологии, а прежде всего перед подходом, разрабатываемым на протяжении десятилетий в школе Д. Н. Узнадзе, открыты широкие и благоприятные перспективы дальнейшего развития.

4. О ЛИЧНОСТИ ФРЕЙДА И О ТРАГЕДИИ ФРЕЙДИЗМА

В западной литературе можно нередко встретить высказывания, по которым отклонение советскими исследователями общей позиции, представлений и установок психоаналитической школы объясняется различного рода поверхностными, ситуационными моментами или даже каким-то предвзятым отношением к ее основателю. Трудно представить себе более неправильную оценку.

Вряд ли может кто-либо сомневаться в том, что Фрейд был *выдающимся мыслителем, одним из крупнейших ученых своего времени, отличавшимся редкой наблюдательностью и блестящей клинической интуицией.* Он был также человеком принципиальным и глубоко преданным науке. Об этом говорит вся история его жизни и прежде всего та непреклонная решимость, с которой он отказался от уже завоеванной им к 90-м годам XIX в. репутации европейски известного невропатолога для того, чтобы посвятить себя каким-то странным, никому на первых порах не понятным изысканиям, работам, поднимавшим столь необычные, столь шокирующие вопросы, что даже его близкие друзья долгие годы не решались следовать за ним в эту новую область.

И однако, эта привлекательность личности, духовного облика Фрейда отнюдь не означает, что в такой же степени должна импонировать созданная им после многих лет настойчивого труда психологическая концепция. Хорошо известно, что расхождения, очень подчас резкие, между личностью создателя и характером созданного наблюдались в науке и литературе неоднократно. Биография и творчество Ф. Ницше, этого — в годы душевного здоровья — мягкого в личной жизни, застенчивого человека, создавшего тем не менее систему представлений, которая спустя десятилетия была превращена в основу варварского нацистского мировоззрения — яркий тому пример.

Трагедия Фрейда как мыслителя заключалась в том, что он значительно опередил свою эпоху, обратив внимание на клинические проявления, для раскрытия природы которых психология, нейрофизиология, психотерапия его времени были совершенно не подготовлены. После же

того, как эти проявления — активность бессознательного,— были им подмечены, перед ним возникла нелегкая альтернатива: либо пытаться объяснять выявленные им феномены на основе общей теории бессознательного, которую следовало, однако, еще только начинать создавать, либо объяснять их на основе предположений, создаваемых ad hoc, т. е. независимо от более общего концептуального подхода, способного осветить, помимо тех частных проявлений бессознательного, которые единственно приковывали внимание Фрейда, также гораздо более широкую роль этого фактора в системе сознания человека в целом.

Фрейд не мог пойти по первому пути хотя бы потому, что создание общей теории бессознательного немыслимо без опоры на экспериментальный метод в широком понимании, всегда остававшийся для него чуждым, без опоры на теоретические представления, вошедшие в психологию лишь десятилетия спустя (мы имеем в виду, в частности, понятие так называемой психологической установки, введенное в психологию Д. Н. Узнадзе и его школой). Идя же вторым путем, Фрейд не мог не придать в высшей степени сложным процессам участия бессознательного как в условиях нормальной психики, так и в формировании невротических расстройств истолкование упрощенное, сбивающееся на своеобразный антропоморфизм.

Можно, конечно, сказать, что вся эта антропоморфизация бессознательного была для Фрейда только своего рода изобразительным приемом. Но беда заключалась в том, что она имела свою логику развития, пленником которой Фрейд постепенно стал. Все более и более усложняясь, все более опираясь на метафоры, к которым Фрейд, как известно, очень широко прибегал, замещая ими отсутствующие у него строгие доказательства, эти антропоморфизирующие конструкции привели их автора к созданию множества причудливых и одновременно наивных мифов в работе мозга, к представлению о фатальной гегемонии бессознательного над сознанием; к идее *только* антагонистических отношений между бессознательным и сознанием; к учению о вытеснении, не сопровождающемуся, однако, разъяснением, во что же преобразуется как психологический феномен аффективное переживание после того, как оно подвергалось вытеснению. А тот, кто веру в эти мифы разделял, превращался — иногда даже без ясного сознания этого — в последователя мистифицированной системы социальной психологии, не оставляющей никакой надежды человеку на его конечное освобождение от власти господствующих якобы над ним биологически примитивных, иррациональных сил.

Таким рисуется своеобразный путь Фрейда в науке. Он был трагичным и притом в двойном смысле. Трагедия Фрейда заключалась не только в том, что подмеченные им факты — факты, *приоткрывавшие завесу над еще очень мало известной и очень важной* стороной психики человека,— были оставлены им без должного осмысления. Если бы дело исчерпывалось только этим, надлежало бы говорить лишь о личной трагедии Фрейда как исследователя. В действительности же трагическое имело здесь иной характер и иной масштаб.

Можно не во всем соглашаться с критикой идей Фрейда, звучащей

сегодня в западной литературе,— ее примеры мы приводили выше,— но довольно трудно отвергнуть указание на эффект, вызываемый признанием примитивных биологических влечений главным в конечном счете фактором, который направляет и определяет поведение человека,— в то время, как на долю сознания отводится лишь *иллюзия* управления деятельностью. А ведь именно так (в пользу этого может быть приведено значительное количество доказательств) прозвучала для очень и очень многих основная идея психоанализа. И это глубоко пессимистическое понимание широко утвердилось независимо от того, что, возможно, хотел, но не сумел достаточно отчетливо сказать Фрейд.

Все это в целом: отсутствие у теории психоанализа строго разработанной научной основы и специфический колорит, который придается психоанализом представлениям о духовной жизни человека, о том, что эту жизнь направляет и движет,— наполняет глубоким смыслом слова одного из крупнейших психологов современной Франции П. Фресса, решительно отказавшего фрейдизму в праве на статус науки: «Психоанализ — это вера, а чтобы верить, надо сначала „встать на колени“». С характерным галльским лаконизмом здесь коротко сказано многое.

Думается, что в свете такого общего понимания дефектов научного обоснования фрейдизма и своеобразия социальной роли идей психоанализа, отрицательное отношение к этому направлению, звучащее в советской литературе на протяжении уже многих десятилетий, становится более понятным.

5. О ПРИЧИНАХ ПАРАДОКСАЛЬНОЙ «ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ» ПСИХОАНАЛИЗА

И наконец, вопрос, которым мы хотели бы завершить настоящий очерк.

Какие обстоятельства придали психоанализу неоспоримую сопротивляемость, хотя ни одно, пожалуй, направление психологической мысли не подвергалось такой резкой и никогда не прекращавшейся критике, как со стороны тех, кто идеи этого направления в той или иной степени признавал, так и тем более со стороны тех, кто эти идеи отвергал. Пестрота мнений, которая поныне наблюдается в его рамках, делает нелегким ответ даже на такой, казалось бы, простой вопрос: является ли психоанализ, несмотря на все перипетии и парадоксы его истории, более или менее единой теоретической конструкцией или же, рассматривая его сегодня, мы оказываемся скорее лишь перед поверхностно объединенным конгломератом течений, лишенным специфического для него концептуального ядра?

Ответ на этот вопрос тем более затруднителен, что, с одной стороны, теоретические позиции, которые характеризуют различные направления современного психоанализа, никогда не были ранее так трудно совместимыми, а с другой — то, что, несмотря на эту свою внутреннюю разнородность и даже расщепленность, психоанализ продолжает оставаться в рамках западной культуры течением качественно особым, противостоящим

большинству других направлений, которые в той или иной степени символизируют или выражают эту культуру.

Сегодня можно уверенно сказать, что, завоевав с боями определенное место в западной культуре как течение, имевшее вначале психотерапевтическую, а затем также философскую и социологическую ориентацию, психоанализ стал постепенно наталкиваться в возрастающих масштабах на довольно резкое сопротивление его дальнейшей экспансии. При всей «модности» некоторых его понятий и призывов, их популярности на страницах невзыскательной массовой печати, он остается тем не менее в условиях современной культуры Запада скорее изолированной сферой мысли. Подлинного оплодотворения идеями психоанализа других концептуальных направлений, проникновения этих идей в иные философские или психологические течения (если не считать известного влияния на сартровский экзистенциализм, персонализм Э. Мунье и левистроссовскую антропологию) не произошло. И тем более, конечно, не приходится говорить о каком бы то ни было влиянии идей психоанализа (если отвлечься от уже полузабытой ситуации 20-х годов) на работы советских исследователей.

Такое положение вещей не может не заострить естественно возникающий вопрос: чем же обусловливается эта парадоксальная жизнеспособность системы, которая сама по себе, т. е. при ретроспективном взгляде на ее собственные внутренние противоречия, обрисовывается как крайне неустойчивая? Что позволяет этой системе сохранять определенную степень исторически выраженной стабильности при отнюдь не сочувственном принятии ее миром других идей, при явном наличии в ней сильных критических тенденций, направленных на переосмысление ее основных исходных положений?

Отвечая, следует прежде всего подчеркнуть, что своеобразие судьбы психоанализа объясняется *своеобразием спектра идей*, которые он пытается утвердить, существованием в этом спектре как важных идей, имеющих серьезное значение для дальнейшего развития наших знаний, так и идей малой и даже негативной научной ценности, идей-эфемеров, о которых перестают говорить и думать очень скоро после того, как они сформулированы. Если последние придают истории психоанализа облик динамичной мозаики, неустанной смены программ и декораций, то первые выступают как основа *неоспоримой сопротивляемости*, которую это течение оказывало на протяжении десятилетий самым разнообразным попыткам его критики.

Каковы же эти «стабилизирующие» психоанализ идеи? Ответ требует глубокого анализа, потому что они нелегко воспринимаемы: согласие с ними возможно лишь при отказе от трактовок, уже давно ставших традиционными, т. е. при условии нового взгляда на целый ряд психологических и клинических проблем.

Почти уже вековая история психоанализа убедительно говорит в пользу того, что, сколь бы ярко ни проявлялась изменчивость направлений психоаналитической мысли, все эти направления, начиная от созданных первыми «отступниками» А. Адлером и К. Юнгом и кончая наиболее из-

вестными современными теоретиками психоанализа Дж. Клайном и Ж. Лаканом, основываются так или иначе на *одной и той же общей для них идее* существования бессознательного, понимаемого как категория *принципиально психологическая.*

Если утверждается, что *неосознаваемая психическая деятельность обнаруживается в том или ином виде в структуре любой формы человеческого реагирования, в структуре любого поведенческого феномена*, то становится очевидной невозможность понять в отвлечении от этой идеи *ни одно, по существу, из проявлений целенаправленной активности человека.*

Именно эта опора на категорию бессознательного, которая объединяет самые различные направления психоаналитической мысли, позволила психоанализу уцелеть как специфическому концептуальному течению на протяжении почти уже целого века.

Ф. В. Бассин, М. Г. Ярошевский

КОММЕНТАРИИ *

[1] Скептическое отношение Фрейда к экспериментальной психологии могло быть обусловлено тем, что центральная для него проблема мотивации первоначально не подвергалась серьезному экспериментальному изучению. Лишь впоследствии в ряде исследований (в частности, у К. Левина и его школы) эта проблема становится областью применения экспериментальных методов.

[2] Фрейд постоянно подчеркивал, что психоанализ открыл область бессознательных душевных процессов, тогда как все остальные концепции идентифицируют психику и сознание. Рассматривая эту позицию в исторической перспективе, следует подчеркнуть, что Фрейд неадекватно оценивал общую ситуацию в психологической науке. Понятие бессознательной психики были введено Лейбницем, философскую концепцию которого Гербарт перевел на язык доступной эмпирическому анализу «статики и динамики представлений». Переход от умозрительных конструкций, включавших понятие о бессознательной психике (в частности, философии Шопенгауэра), к использованию в экспериментальной науке наметился в середине XIX в., когда изучение функций органов чувств и высших нервных центров побудило естествоиспытателей обратиться к указанному понятию с целью объяснения фактов, несовместимых со взглядом на психику как область явлений сознания. Гельмгольц выдвигает понятие о «бессознательных умозаключениях» как механизме построения сенсорного образа. Предположение о бессознательной психике лежало в основе психофизики Фехнера. Согласно Сеченову, «бессознательные ощущения» или чувствования служат регуляторами двигательной активности. Отождествление психики и сознания отвергали и многие другие исследователи. Действительная новизна концепции Фрейда связана с разработкой проблем неосознаваемой мотивации, изучением неосознаваемых компонентов в структуре личности и динамических отношений между ними.

[3] Психоанализ, как явствует из этих положений, не ограничивался притязанием на построение новой психологии и нового учения об этиологии нервных и психических заболеваний. Выйдя за границы этих направлений, он стал претендовать на объяснение движущих сил развития человеческого общества и отношений между личностью и культурой. Такое отношение трактовалось как изначально антагонистическое. Это следовало уже из исходных позиций Фрейда, согласно которым сексуальные влечения и агрессивные инстинкты, образуя глубинные, биологические по своей сущности основы личности, несовместимы с теми требованиями, которые навязывают ей социальная среда с ее нравственными нормами.

[4] Изучение ошибочных действий являлось одной из главных тем психологических исследований Фрейда. Этой теме специально посвящена его работа «Психопатология обыденной жизни» (1901).

[5] Проблема автоматизации действий выступила в психологии в связи с изучением навыков, т. е. системы движений, реализуемых без прямой сознательно-волевой регуляции. Положение о том, что многие психические функции осуществляются точнее, когда на них не направлено внимание, является в психологии общепринятым. Примеры того, как внимание мешает автоматическому процессу, который играет определенную роль в понимании острот, содержатся в книге Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905).

[6] Гельмгольц Г. (1821–1894) – выдающийся немецкий естествоиспытатель. Обосновал закон сохранения и превращения энергии. Один из создателей современной психофизиологии.

---

* Комментарии составлены М. Г. Ярошевским.

Дюбуа-Реймон Д. (1818–1896) – немецкий физиолог. Автор классических работ по электрофизиологии.

Гельмгольц и Дюбуа-Реймон являлись лидерами немецкой физико-химической школы в физиологии, идеи которой оказали большое влияние на молодого Фрейда.

[7] Ранк О. (1884–1939) – один из ведущих представителей психоанализа. Предпринял попытку модифицировать исходную концепцию Фрейда, выдвинув представление о «травме рождения». Утверждалось, что каждое человеческое существо страдает от самой главной травмы в своей жизни, нанесенной ему отделением от тела матери в момент рождения. Стремясь, хотя и напрасно, преодолеть эту травму, человек бессознательно стремится возвратиться в материнское чрево. Задача психоанализа усматривалась в том, чтобы избавить пациента от этой травмы. После некоторых колебаний Фрейд отверг концепцию Ранка.

[8] Лихтенберг Г. К. (1742–1799) – один из любимых писателей Фрейда. В работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905) Фрейд разбирает многие из его афоризмов.

[9] Эти положения относительно столкновения намерений как различных мотивационных векторов поведения ставили важную проблему психологического конфликта, получившую в дальнейшем разработку в психологии личности и социальной психологии (в том числе с помощью экспериментальных методов, значение которых Фрейд отрицал).

[10] Не отрицая установленных экспериментальной психологией зависимостей поведенческих актов от ассоциаций (т. е. связи психических явлений, возникшей благодаря их смежности в пространстве и времени), от направленности и сосредоточенности внимания, а также от возможного влияния психофизиологического состояния субъекта в данный момент, Фрейд считал все эти факты лишь «поверхностными» симптомами, за которыми скрыто мощное действие реальных мотивационных факторов. Именно последние служат той силой, которая придает ассоциациям, вниманию и другим феноменам сознания и поведения определенную направленность.

[11] Приведенное положение свидетельствует о том, что Фрейд пришел к оценке своей системы как динамической психологии. В дальнейшем термин «динамическая психология» стал широко применяться для обозначения не только учения Фрейда, но и других направлений, изучающих побудительные, аффективные аспекты психики в отличие от ее интеллектуальных проявлений. В частности, термин «динамическая психиатрия», нечетко отграничиваемый от понятия «динамическая психология», широко применяется в настоящее время известным западногерманским психотерапевтом Г. Аммоном и некоторыми американскими исследователями. Следует отметить, что динамическая психология сыграла позитивную роль своей критикой механистических концепций, игнорирующих значение внутренних психологических факторов в организации поведения.

[12] Зависимость памяти от установок субъекта выявилась уже в экспериментально-психологических исследованиях. Новизна подхода Фрейда заключалась в том, что он поставил вопрос о роли динамических (мотивационных) факторов в процессах памяти, обычно относимых к разряду познавательных, подчиненных законам ассоциации либо основанных на предметно-смысловых связях. Утверждение Фрейда, будто неприятные впечатления во всех случаях забываются, тесно связано с его концепциями вытеснения и психологической защиты.

[13] Проблема сновидений изначально служила отправной во всех построениях Фрейда. С ней связаны истоки психоаналитического движения (ей была посвящена первая крупная книга Фрейда «Толкование сновидений» (1900), которую принято считать основополагающей для психоанализа). Поскольку при сновидениях механизм сознательно-волевого контроля, регулирующий поведение при бодрствовании, выключен, эта область открывала простор для изучения неосознаваемых психических проявлений. Трактовка сновидения как симптома невроза отвергается современной наукой, хотя определенные нервно-психические и психосоматические расстройства влияют на характер сновидений. Это влияние, подмеченное психоанализом, дало повод для широких методологических и мировоззренческих выводов, выходящих далеко за пределы того, о чем реально свидетель-

ствует опыт изучения корреляций между содержанием сновидений и мотивационной сферой личности, какой она проявляется в этом содержании.

14 Тенденцию к неопределенности и лабильности реакций невротиков, испытывающих навязчивые состояния, Фрейд обсуждает в своей работе «Замечания об одном случае навязчивых состояний» (1909). Описание этой формы заболевания дается также в 17-й лекции (см. с. 163).

15 Утверждение Фрейда, будто состояние сна подобно тому, в коем индивид находился «в период утробного существования», отвергается современным научным знанием об активности мозга в этом состоянии, о фазах «быстрого сна», сопряженных с изменением картины биотоков мозга, движениями глазодвигательных мышц и др.

16 Фехнер Г. Т. (1801–1887) – создатель так называемой психофизики, под которой он понимал науку о закономерностях, которым подчинена связь между психическими и физическими явлениями. Конкретные исследования Фехнера привели к установлению закона, согласно которому интенсивность ощущения есть величина, пропорциональная логарифму физического раздражения. Фехнер выдвинул идею об особой психической энергии, которая стремится к равновесному состоянию и в случае разрядки вызывает у человека чувство удовольствия. Эта идея была воспринята Фрейдом.

17 Говоря о том, что психоанализ ничего не заимствует у оккультных наук, Фрейд имел в виду неприятие при толковании сновидений различных мистических представлений о зависимости этого феномена от особых таинственных сил, недоступных научному опыту и рациональному анализу. Вопрос об отношении психоанализа к оккультизму (в связи с вопросом о сновидениях) Фрейд детально рассматривает в «Продолжении лекций».

18 Обращаясь к процессам воображения в их различных формах, Фрейд игнорирует или, во всяком случае, не придает значения вопросу о соотношении между этими психическими процессами и воспроизводимыми в них (хотя и в трансформированном виде) связями реальных, независимых от сознания личности и его неосознаваемых установок объектов реального мира. В содержании и смысле продуктов деятельности фантазии он акцентирует лишь одну сторону – удовлетворение потребности или эротических желаний индивида. Это неизбежно ведет к односторонней и потому неадекватной интерпретации личностного смысла представлений воображения.

19 Подробное обсуждение Фрейдом фантазий и их отношения к творческому процессу художника содержится в его ранних работах «Поэт и фантазирование» (1908), «Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности» (1908). См. также 23-ю лекцию. Утверждение об эротической подкладке «снов наяву», ведущих к продуктам художественного творчества, выражает общую методологически неверную установку Фрейда на выведение поэтических созданий, имеющих объективную культурную ценность, из инстинктивных побуждений личности.

20 Неизменно подчеркивая, что он является сторонником строжайшего детерминизма применительно к течению психических процессов, Фрейд имел в виду причинную обусловленность этих процессов психическими же силами или факторами. Советская психология отвергает подобное понимание детерминизма. Она рассматривает факты сознательной и бессознательной психической жизни в их обусловленности физиологическими и социальными факторами, не отрицая вместе с тем активность психического и, стало быть, его особую (несводимую к физиологическим и социальным механизмам) роль в регуляции поведения.

21 Изучение ассоциаций являлось одной из первых тем психологии, приобретавшей облик экспериментальной науки. Испытуемый в этих опытах должен был отреагировать на предъявляемое ему слово-раздражитель первым пришедшим в голову другим словом, т. е. непосредственной вербальной реакцией. Связь между словом-раздражителем и словом-реакцией трактовалась с позиций ассоциативной концепции, предполагавшей, что эта связь детерминирована частотой предшествующих сочетаний этих слов, их смежностью и т. п. Дальнейшее изучение вербальных реакций на предъявляемый стимул выявило, что в ряде случаев наблюдается их необычность, задержка (торможение) реакции и т. п. Это дало основание предположить, что привычный поток ассоциаций нарушается под влиянием аффектив-

ной значимости того слова, на которое испытуемому было предложено отреагировать. Сам испытуемый не мог разъяснить, почему его реакция оказалась столь непривычной, странной. Первоначально факт влияния неосознаваемых аффектов на ассоциативное течение представлений был выявлен швейцарским психиатром Юнгом, сблизившимся с Фрейдом в первый период деятельности, но затем разошедшимся с ним. Данные Юнга стимулировали разработку понятия о комплексе – особом психическом образовании, в котором значимые для личности идеи бессознательно и прочно сливаются с аффектами. Понятие комплекса заняло в системе представлений Фрейда прочное место. Кроме индивидуальных комплексов он выделил общекультурные, которые выступают в качестве детерминанты психической деятельности всех людей, принадлежащих к данной культуре.

22 Обращение Фрейда к детским сновидениям было обусловлено его общей (заимствованной из эволюционной концепции) установкой о том, что в простейших психических формах, не осложненных последующим развитием личности, общие закономерности динамики неосознаваемых мотивов выступают в более резком типичном выражении.

Факты иллюзорной реализации потребностей в образах сновидений использовались Фрейдом для подкрепления своей общей теории, строящейся на противоположении влечений личности условиям ее существования в реальном мире.

23 Версия о том, что источник войн скрыт в психологическом устройстве человека, является совершенно несостоятельной. Она опровергается историческим опытом, указывающим на решающую роль социальных факторов в возникновении войн.

24 Выдвинутое Фрейдом толкование мифа, согласно современным научным представлениям, является совершенно неверным, игнорирующим своеобразие мифологического сознания как особой формы неадекватного осмысления действительности.

25 Идея о том, что в картинах сновидений имеется символическое содержание, требующее особого истолкования, сложилась в древнейшие времена. Обычно этому содержанию придавался прогностический смысл, хотя доступных логическому обоснованию и эмпирической проверке доказательств правомерности такого подхода не приводилось. Своеобразие позиции Фрейда, ставшей предметом острых дискуссий и побудившей многих сторонников признания важной роли бессознательных влечений отойти от того варианта психоанализа, который создал Фрейд, заключалось в том, что в качестве основного принципа объяснения содержания сновидений был выдвинут принцип сексуальной символики. Образы любых явлений, представляемых субъектом в сновидном состоянии, Фрейд сгруппировал в различные формы сексуальной символики.

26 Фрейд ошибочно утверждает, будто психоанализ впервые проложил мост между психологическим исследованием, с одной стороны, и исследованиями культуры – с другой. Программа разработки «психологии народов» (культурно-исторической психологии) возникла задолго до Фрейда, в 60-х годах прошлого века (Штейнталь, Лазарус и др.). В дальнейшем, в начале XX в., эту программу стремился реализовать В. Вундт в своей десятитомной «Психологии народов». За несколько лет до Вундта другой немецкий философ – В. Дильтей выступил с работой, в которой обосновывал необходимость наряду с естественнонаучной («объяснительной») психологией развивать культурно-историческую («описательную»), которая своим предметом имеет включенность духовной жизни личности в континуум культурно-смысловых связей.

Указанным концепциям был присущ психологизм – выведение социально-исторических явлений и продуктов из процессов и механизмов индивидуального сознания. Подмена общественных закономерностей динамикой бессознательных влечений является типичной особенностью психоанализа. За предложением Фрейда распространить понятия и объяснительные принципы психоанализа на науки о культуре скрывались неверные методологические установки, воспринятые в дальнейшем рядом исследователей культуры на Западе.

Вместе с тем, указав на своеобразие семейно-брачных отношений в различных культурах, Фрейд побудил этнографов заняться их специальным изучением.

27 В этих суждениях выступает коренной методологический изъян психоанализа Фрейда – подмена социальных факторов личностно-психологическими (в свою

очередь, сведенными к психосексуальным). Отношения, которые складываются в семье между ее членами, могут отражать личностно-психологические симпатии и антипатии (которые, в свою очередь, обусловлены историей внутрисемейных отношений, характерологическими свойствами членов семьи). Однако сама семья – продукт социальной истории. Социальное же принуждение не является продуктом половозрастных различий.

28 Эдипов комплекс – одно из главных объяснительных понятий фрейдизма. Подробно он обсуждается в одной из последующих лекций.

К представлению об Эдиповом комплексе Фрейд, по его утверждению, пришел, исходя из анализа взаимоотношений с собственным отцом. Фрейд неизменно придерживался версии об Эдиповом комплексе, отвергнутой прежними приверженцами ортодоксального психоанализа, в том числе Адлером и Юнгом, на которых и содержится намек в этой лекции.

29 Утверждение, будто человечеству присущ инстинкт сопротивления интеллектуальным новшествам, отражает общую ориентацию Фрейда на объяснение биологическими причинами явлений, имеющих социальную природу. Инстинкт – биологическая сила, врожденная реакция. Между тем отношение к новым идеям, их принятие или сопротивление им определяются не врожденными факторами, а социокультурным контекстом и ролью, которую играют в нем отдельные личности и их группы.

30 Приводимый пример может служить яркой характеристикой влияния на Фрейда как исследователя, сложившегося в буржуазном обществе, представлений, отражающих классовую специфику этого общества с его частнособственническими отношениями.

31 Термин «бессознательное», как явствует из приведенных рассуждений Фрейда, приобретал у него различное содержание. Первоначально он обозначал сферу влечений (побуждений, имеющих определенную, в основном, сексуальную направленность). В последующих работах Фрейд пересматривает свои взгляды на неосознаваемые уровни психической активности.

32 Психоанализ при изучении неврозов вступил в конфронтацию с психиатрией как разделом медицины. В психиатрии господствовала ориентация (обусловленная укорененностью ее понятий в естественнонаучном подходе к этиологии заболеваний) на выявление органических причин патологических процессов. Психоанализ же, исходя из принципа психической причинности, искал эти причины в сфере бессознательной психики безотносительно к физиологическим (нейрогуморальным) механизмам, которыми обусловлено ее функционирование. Конфронтация психоанализа с психиатрией продолжалась и после Фрейда. Некоторые современные концепции пытаются найти компромиссное решение, соединив психоаналитическую технику с использованием психофармакологических средств и других методов воздействия на деятельность головного мозга.

33 Отношение Фрейда к научной полемике как средству развития знаний, отрицание ее позитивной роли в этом развитии отражают бесчисленные конфликты внутри психоаналитического движения, критику его сторонниками друг друга, приведшую к распаду этого движения на множество школ и направлений.

Наиболее резкими оказались разногласия Фрейда с его ближайшими приверженцами: австрийским психологом Альфредом Адлером (1870–1937), развившим свою концепцию индивидуальной психологии, главным объяснительным понятием которой являлось понятие о комплексе неполноценности как причине неврозов, и швейцарским психологом Карлом Юнгом (1875–1961), основавшим так называемую аналитическую психологию.

34 Уоллес А. Р. (1823–1913) – английский натуралист. Независимо от Дарвина пришел к идее эволюционного развития путем естественного отбора.

35 В дальнейшем (см. «Продолжение лекций») источником сопротивления и причиной вытеснения Фрейд признал Супер-эго.

36 Основное произведение Фрейда по этой теме – «Три очерка по теории сексуальности» (1905), оно в дальнейшем неоднократно переиздавалось с большим количеством дополнений и исправлений. Материал этой и следующей лекций взят из этого произведения, вызвавшего ожесточенные дискуссии среди неврологов и

психиатров и оттолкнувшего от Фрейда многих из тех, кто прежде сочувственно относился к психоанализу.

37 Из изложения Фрейдом этого эпизода явствует, что отдельные немецкие врачи использовали фрейдовскую технику психоанализа (в том числе приемы выявления Эдипова комплекса) во время первой мировой войны; к тому же во фронтовых условиях запрет на ознакомление с идеями психоанализа со стороны одного военачальника Фрейд рассматривал как проявление формы «организации» науки. Очевидно, что речь в данном случае идет о препятствиях науке, чинимых людьми, не имеющими к ней отношения.

38 В этих положениях Фрейда выражена его установка на объяснение психоаналитической схемы культурно-исторических процессов. В предшествовавшей «Лекциям» работе «Тотем и табу» (1913) он, используя данные антропологии (в частности, известные исследования Дж. Фрезера «Золотая ветвь»), проводил параллели между психической жизнью невротиков и происхождением древних верований и обычаев.

39 Брюкке Э. (1819–1892) – крупный представитель физико-химической школы в физиологии. Учитель Фрейда. В его лаборатории Фрейд в молодости провел ряд ценных исследований по анатомии нервной системы.

40 Здесь имеются в виду отколовшиеся от школы Фрейда школы Юнга и Адлера.

41 Бине Альфред (1857–1911) – французский психолог. Основатель первого во Франции психологического журнала и психологической лаборатории.

42 При объяснении патогенного конфликта Фрейдом впервые вводится понятие о влечениях Я как мотивационном факторе, отличном от сексуального влечения (либидо).

43 Ференци Шандор (1873–1932) – венгерский психиатр. Один из главных представителей школы Фрейда.

44 Приведенный пример не имеет никаких научных оснований и лишь отражает классовую ориентацию мировоззрения Фрейда, считающего, что ребенок из бедной семьи отрицательно влияет на ребенка из зажиточной семьи.

45 Фрейд распространяет биогенетический закон Мюллера–Геккеля (см. выше) на отношение между психическим развитием индивида и всего человечества. Неправомерность такого подхода доказана последующими исследованиями развития психики в онтогенезе.

46 Ру Вильгельм (1850–1924) – один из основателей экспериментальной эмбриологии.

47 Юнгом было введено представление о двух основных психологических типах: интровертивном и экстравертивном. Они различались по направленности своего либидо (которое Юнг «десексуализировал», понимая под термином «либидо» не половую энергию, а психическое влечение).

Интроверта отличает направленность на собственный внутренний, мир, тогда как экстраверта – на внешний.

48 Здесь типичное для психоанализа объяснение творческого мышления и фантазии художника исключительно характером его либидо и полное игнорирование социальной природы искусства, определяющей динамику психических процессов при создании продуктов культуры, в том числе – художественных произведений.

49 Определение «актуальный» приписывается этой группе неврозов, потому что их причины кроются в обстоятельствах, непосредственно воздействующих на личность, а не в прошлых переживаниях пациента, как при психоневрозах.

50 В дальнейшем Фрейд решительно отвергает это предположение о двух сексуальных веществах.

51 О неправомерности притязаний психоанализа на объяснение историко-культурных феноменов и мифа см. «Послесловие».

52 Фрейд неоднократно пересматривал свои взгляды на невроз страха. Его окончательная позиция изложена в 32-й лекции.

53 Приведенный пример чувства страха не следует истолковывать принадлежностью «дикаря» к низшей расе, поскольку очевидно, что в данном случае чувство определяется уровнем рационального понимания вызывающих его явлений.

54 Согласно концепции Джемса–Ланге (по имени американского психолога У. Джемса и датского анатома К. Ланге), выдвинутой в 80-х годах прошлого века,

первичными являются изменения в организме, вторичными – состояния, которые переживаются субъектом в виде эмоций.

55 Значение отделения от матери как фактора, влияющего на возникновение страха, излагается в работе Фрейда «Торможение, симптом и страх» (1926).

56 Холл Стенли (1844–1924) – американский психолог. Представитель функционального направления. Распространил биогенетический закон (см. выше) на развитие детской психики. По инициативе Стенли Холла Фрейд был приглашен для чтения лекций в США, где его психоанализ впервые получил признание.

57 Здесь, как и в других лекциях, под «экономическим» понимается все то, что связано с количеством психической энергии.

58 Фрейд недооценивает роль социальных факторов в этиологии неврозов. Всему психоанализу присуща неверная ориентация на возможность избавления общества от социальных зол путем психотерапии.

59 О Бернгейме см. выше. Фрейд перевел две книги Бернгейма «О внушении и его применении в терапии» (1886) и «Гипноз, внушение и психотерапия» (1891).

60 Утверждение Фрейда о том, что «молодая наука» (психоанализ) отвоевала изучение сновидений «у суеверий и мистики», не может быть принято в том смысле, будто феномен сновидений получил последовательно научное объяснение. Этому препятствовал пансексуализм Фрейда. Вместе с тем вывод Фрейда о роли в сновидениях неосознанной мотивации способствовал научной разработке этой проблематики.

61 Утверждение Фрейда о неопровержимости выводов аналитика о скрытых мыслях сновидения не может быть признано правильным, поскольку эти выводы имеют в качестве предпосылки априорную версию о сексуальной символике.

62 Франц Александер (1891–1964) – американский психоаналитик. Один из директоров чикагского Института психоанализа.

63 На коррективах, внесенных Фрейдом в исходную схему толкования сновидений, сказался его новый подход к структуре личности, в частности введение понятия Супер-эго.

64 В данном случае под научным предубеждением следует понимать принципы исследования, установленные и проверенные общественно-исторической практикой и потому приобретшие аксиоматический характер.

65 Это положение не означает признания Фрейдом достоверности сведений, которые содержатся в оккультизме.

66 Имеются в виду взгляды Адлера, считавшего комплекс неполноценности главной движущей силой развития личности.

67 Попытка Фрейда распространить его представления о структуре личности на психологию масс привела его к ложной интерпретации общественных явлений, обусловленность которых классово-историческими условиями как первичными по отношению к проявлениям общественной психологии им отрицалась.

68 Это положение говорит о новом подходе Фрейда к проблеме неосознаваемой психики. Ее область, согласно излагаемому взгляду, охватывала, наряду со сферой бессознательных влечений, также (в известных масштабах) и другие компоненты личности, в том числе ее ядро – Я.

69 Приведенное сравнение носит сугубо внешний по отношению к рассматриваемой проблеме характер и потому ничего не разъясняет в структуре личности.

70 В данном случае взгляд Фрейда на познавательные функции Я близок к материалистическому.

71 О концепции О. Ранка см. выше.

72 Идея о том, что мышление предполагает торможение (задержку) внешнего движения, была впервые высказана Сеченовым в «Рефлексах головного мозга». Эта идея циркулировала в венских неврологических кругах и была воспринята Фрейдом, который рассматривал задерживающую функцию мышления как одну из главных функций Я.

73 Попытка Фрейда объяснить характер взаимоотношений людей, их позитивные и негативные чувства (любовь и ненависть, симпатии и антипатии) по образу и подобию притяжения и отталкивания в физическом мире является грубо механистической, полностью игнорирующей своеобразие и богатство эмоциональной сферы личности и ее отношений к другим людям.

Вводя, наряду с сексуальным влечением, в качестве основной побудительной силы поведения людей инстинкт агрессии, Фрейд пришел к ложным выводам о причинах личных и социальных конфликтов, об источниках войн, расовой ненависти и других антигуманных явлений, имеющих в действительности общественно-исторические причины.

Эти положения Фрейда свидетельствуют о его биологизаторском подходе к мотивации человеческого поведения, об игнорировании ее зависимости от усваиваемых личностью нравственных норм.

74 Имеется в виду 31-я лекция (которая является третьей в «Продолжении лекций»).

75 Обсуждая проблему своеобразия психологии женщин, Фрейд подходит к ней внеисторически, совершенно отвлекаясь от социальных причин, которыми и определяется в условиях антагонистического общества неравноценность их вклада в культуру.

76 Здесь Фрейд высказывает присущий буржуазному мировоззрению пренебрежительный взгляд на народные массы, их мнимую интеллектуальную ограниченность.

77 Если у истоков психоанализа Фрейд ограничивал его притязания клиникой неврозов, то в дальнейшем, абсолютизируя разработанные им на этом материале гипотезы и понятия, он распространил их на всю область человеческой культуры и в связи с этим полагал, что гуманитарные науки могут быть преобразованы на основе данных психоанализа. Экспансия последнего в эти науки повлекла за собой проникновение в них ошибочных представлений об определяющей роли бессознательной психики (главным образом сексуальных факторов) в развитии культуры и искусства.

78 Данные современной педагогики и психологии показали ограниченные возможности психоаналитической техники в плане ее использования в целях позитивного развития мотивационной сферы ребенка.

79 Последняя, 35-я лекция представляет особый интерес в том отношении, что она посвящена вопросам, затрагивающим область философии и религии, социологии и политики. Эта лекция выходит за пределы основных представлений Фрейда о концепциях психоанализа и технике истолкования на основе этих концепций детерминант и механизмов человеческого поведения. Фрейд сосредоточивается здесь на проблеме отношения психоанализа к религии, науке и, наконец, к мировоззрению, понятому как обобщающая интеллектуальная конструкция, исходя из единообразных принципов которой решаются основные проблемы бытия и познания.

Фрейд решительно утверждает, что психоанализ в качестве специальной науки не способен образовать особое мировоззрение, что он заимствует свои мировоззренческие принципы у науки. Между тем в действительности как ряд общих положений самого Фрейда, так и многие концепции его учеников не только имеют мировоззренческую направленность, что отчетливо выражено в их притязаниях на решение общих проблем, касающихся сознания человека, его отношения к природе и социальной среде, но и в объяснении генезиса и закономерностей развития культуры.

Считая свои теоретические построения строго научными, Фрейд подвергает острой критике религиозное мировоззрение, а также субъективно-идеалистическую философию. Будучи бескомпромиссным атеистом, считая религию несовместимой с опытом и разумом, Фрейд развивает в этой лекции взгляды, высказанные им в работе «Будущность одной иллюзии» (1927), где религия трактуется как форма массового невроза, имеющая в основе психосексуальные отношения и отражающая желания и потребности детства. При этом он оставляет без внимания общественно-исторические истоки и функции религии, своеобразную представленность в религиозном сознании ценностных ориентаций, порожденных жизнью людей в реальном, земном мире, особое понимание этими людьми своей зависимости от природных и социальных сил. Вместе с тем психоанализ дал импульс изучению сопряженных с религией личностных смыслов и переживаний, разработке проблем психологии религии. Решительно отграничивая религиозное мировоззрение от научного, Фрейд с полным основанием усматривает своеобразие научного мышления в том, что оно представляет собой деятельность

особого рода, которая в неустанном поиске истины дает подлинную, а не иллюзорную картину реальности.

Наконец, наряду с религиозным и научным мировоззрением Фрейд выделяет еще одну его форму – философию. Он подвергает острой критике приобретшую на Западе доминирующее влияние субъективно-идеалистическую философию, исповедующую интеллектуальный анархизм. Игнорируя принцип согласованности знания с внешним бытием, это направление, согласно Фрейду, несмотря на попытки найти поддержку в новейших достижениях естественных наук (в частности, теории относительности), обнажает свою несостоятельность при первом же соприкосновении с практикой. Затем Фрейд обращается к другому философскому направлению – марксизму, сразу же отмечая, что «живейшим образом сожалеет о своей недостаточной ориентированности в нем». Заслуживает внимания признание Фрейдом того, что исследования Маркса завоевали неоспоримый авторитет. Фрейд не касается вопроса о влиянии марксистских идей на психоаналитическое направление, связанное с его именем. Между тем именно в эту эпоху ряд приверженцев его концепции (в том числе и некоторые практикующие психоаналитики) обратились к марксистскому учению о влиянии социальных условий на формирование личности. Цель этих исследований – преодоление версии классического психоанализа о предопределенности поведения человека древними инстинктами. Возник неофрейдизм, опиравшийся в критике Фрейда на заимствования из социальных идей Маркса. Фрейд неоднократно оговаривается, что его мнение по поводу марксистской философии носит дилетантский характер. И это верно. Именно это обстоятельство побудило Фрейда свести марксизм к доктрине, ставящей все проявления человеческой жизни в фатальную зависимость от экономических форм. Соответственно свое рассмотрение этого учения Фрейд, по существу, ограничивает указанным тезисом. С одной стороны, Фрейду приходится признать, что события в сфере экономики, техники, производства действительно изменяют ход человеческой истории, что сила марксизма в «проницательном доказательстве неизбежного влияния, которое оказывают экономические отношения людей на их интеллектуальные, этические и эстетические установки». С другой стороны, Фрейд возражает против того, чтобы считать «экономические мотивы» единственными детерминантами поведения. Но марксизм, как известно (вопреки тому, каким представлял его Фрейд), объясняя своеобразие и многообразие духовной жизни личности, никогда не относил всю сложность мотивационной сферы людей за счет диктата экономики. Полагая, будто, согласно марксизму, этим диктатом аннигилируется роль психологических факторов, Фрейд неадекватно оценивал историко-материалистическое воззрение на активность сознания как фактора, не только отражающего, но и преобразующего в качестве регулятора практических действий социальный мир. Именно принцип историзма позволяет понять истинную природу человеческих потребностей, влечений, мотивов, которые, вопреки Фрейду, преобразуются в процессе созидания материальных и духовных ценностей, а не изначально предопределены биологической конституцией организма. Отрицание социокультурных законов, которым подчинено поведение людей, неизбежно привело Фрейда к психологическому редукционизму, к сведению движущих пружин человеческого бытия к «инстинктивной предрасположенности» в виде психоэнергетики и психодинамики. Видя преимущество марксизма в том, что он «безжалостно покончил со всеми идеалистическими системами и иллюзиями», Фрейд в то же время инкриминирует марксизму создание новых иллюзий, прежде всего стремление вселить веру в то, что за короткий срок удастся изменить человеческую сущность и создать общество всеобщего благоденствия. Между тем марксистская теория общественно-исторического развития, открыв общие законы этого развития, никогда не предрекала ни сроки перехода от одной стадии к другой, ни конкретные формы реализации этих законов. Если марксистская теория обращалась к развитию общества как целостной системы, изменяющейся по присущим ей законам, то Фрейд, как это явствует из его критических замечаний, принимал за основу самодвижения социальной системы изъятый из этой целостности компонент, а именно влечения человека. Поэтому и изменившая облик мира социальная революция в России трактуется Фрейдом не в контексте всемирно-исторического

развития человечества, а как «эффект перенесения агрессивных наклонностей бедных людей на богатых».

Неверно и мнение Фрейда, будто смысл социалистической революции в обещании создать такое общество, где «не будет ни одной неудовлетворенной потребности». За этим мнением Фрейда скрыта его трактовка потребностей как нескольких изначально заложенных в биологическом устройстве человека величин, тогда как марксизм исходит из положения, согласно которому сами потребности являются продуктом истории, изменяясь и обогащаясь с прогрессом культуры. Признавая критический дух марксизма и то, что для него опорой послужили принципы строгого научного знания, Фрейд в то же время усматривал в русском большевизме «зловещее подобие того, против чего марксизм борется», а именно «запрет на мышление», поскольку «критические исследования марксистской теории запрещены». Известно, с какой настойчивостью с первых же послереволюционных лет В. И. Ленин учил молодых марксистов мыслить самостоятельно, критически и всесторонне оценивать реальные социальные процессы, решительно перечеркивать свои прежние представления, когда они оказываются неадекватными новым запросам времени. Догматизм и «запрет на мышление» стали насаждаться во времена сталинщины, за которую исполненная критического духа философия Маркса ответственности не несет. Новый подход, адекватный принципам этой философии, утверждается ныне в советском обществе, где доминирующим становится новое, диалектическое мышление, которое не только не запрещает, но, напротив, требует самостоятельного, критического осмысления действительности, творческих инициатив, решительной борьбы с догматизмом. Размышляя о будущем человечества, Фрейд сопоставлял ситуацию в капиталистических странах («цивилизованных нациях») с «грандиозным экспериментом в России». Что касается первых, то они, писал Фрейд, ждут спасения в сохранении христианской религиозности. Но ведь религия, с его точки зрения, лишь иллюзия, невроз, «который каждый культурный человек должен был преодолеть на своем пути от детства к зрелости».

Что же касается «русского эксперимента», то он – по Фрейду – «выглядит все же предвестником лучшего будущего». Отступая от своей веры в неизменность человеческой природы, Фрейд завершал свою последнюю лекцию о психоанализе выражением надежды на то, что с увеличением власти человека над природой «новый общественный строй не только покончит с материальной нуждой масс, но и услышит культурные притязания отдельного человека». Сочетание справедливых социальных порядков с прогрессом науки и техники – таково условие расцвета личности, реализации ее притязаний как самого ценного и высшего творения культуры.

80 Об отношении Фрейда к религии. По вопросам, связанным с религией, Фрейд многократно высказывался в своих работах. Он посвятил этим вопросам некоторые специальные сочинения; отметим, в частности, изданные и на русском языке «Тотем и табу» и «Будущность одной иллюзии», а также исследование по вопросу о происхождении иудаизма *. Общее отношение Фрейда к религии может быть сформулировано следующим принадлежащим ему лаконичным тезисом: «Нет ничего, что могло бы долгое время сопротивляться разуму и опыту, а для всех очевидно, что религия им противоречит» **. Фрейд был атеистом и считал, что «религиозную иллюзию» ждет в ходе истории исчезновение. При этом он оставлял без внимания, как об этом сказано, общественно-исторические истоки религии, своеобразную представленность в религиозном сознании нравственных ориентаций, которые возникают у человека в его жизненных встречах с действительностью.

81 Правильно характеризуя присущие научному мышлению поиски истины как стремление достичь его согласия с реальностью, Фрейд относил к этому направлению также и психоанализ, отступая, однако, от этого постулата в практике собственных исследований, когда отдельные факты (почерпнутые большей частью

* *Фрейд З.* Тотем и табу. М.; Пг., 1923; *Он же.* Будущность одной иллюзии. М.; Л., 1930.

** *Фрейд З.* Будущность одной иллюзии. С. 57.

при анализе поведения невротиков) возводились в глобальные конструкции, охватывающие, по существу, как все стороны индивидуального поведения, так и многообразие феноменов культуры.

Затрагивая вопрос о философском мировоззрении (отграниченном от научного), Фрейд резко критиковал приобретший на Западе влияние релятивизм, искавший поддержку в новейших достижениях естественных наук (в частности, теории относительности).

82 *Об отношении Фрейда к субъективному идеализму (махизму)*. Среди мировоззрений, которые противоречат научному, Фрейд разбирает такое, «которое складывается в уме отвернувшегося от мира мыслителя». Называя таких мыслителей «интеллектуальными нигилистами», Фрейд характеризует их так: «...они исходят из науки, но стараются при этом вынудить ее к самоуничтожению, к самоубийству, что освобождает место для мистицизма или же религии». Согласно такому мировоззрению, по Фрейду, «нет никакой истины, никакого надежного познания внешнего мира».

* * *

Настоящее издание «Лекций» Фрейда предпринято и своим выходом многим обязано инициативе лауреата Ленинской и Нобелевской премий академика П. Л. Капицы, который в трудные времена настаивал на необходимости широкого ознакомления советской научной общественности с трудами выдающихся представителей науки о человеке. Нельзя забыть о проявленной заботе по выпуску книги академика Б. М. Кедрова, который, несмотря на тяжелую болезнь, внимательно следил за подготовкой монографии, ознакомился с подготовленным к печати переводом труда Фрейда и сделал ряд ценных замечаний и предложений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Перепечатана из немецкого издания книги в частичном сокращении. G. W.— Freud S. Gesammelte Werke. Bd. 1–17. L., 1940. Frankfurt a. M., 1968.
В области примечаний в квадратных скобках указан год публикации работы, а буквенный индекс при нем соответствует расположению публикации в полной библиографии Фрейда, помещенной в последнем томе английского издания (Standart Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud).

Abel K. Über den Gegensinn der Urworte. Leipzig, 1884.
Abraham K. Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox // Zentr.-Bl. Nervenheilk. N. F. 1908. Bd. 19. S. 521.
Abraham K. Untersuchungen über die früheste prägenitale Entwicklungsstufe der Libido // Intern. Ztschr. ärztl. Psychoanal. 1916. Bd. 4. S. 71.
Abraham K. Die Spinne als Traumsymbol // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1922. Bd. 8. S. 470.
Abraham K. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido. Leipzig etc., 1924.
Adler A. Der psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose // Fortschr. Med. 1910. Bd. 28. S. 486.
Adler A. Über den nervösen Charakter. Wiesbaden, 1912.
Alexander F. Über Traumpaare und Traumreihen // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1925. Bd. 11. S. 80.
Andreas-Salomé L. «Anal» und «Sexual» // Imago. 1916. Bd. 4. S. 249.
Betlheim S., Hartmann H. Über Fehlreaktionen des Gedächtnisses bei Korsakoffscher Psychose // Arch. Psychiat. und Nervenkr. 1924. Bd. 72. S. 278.
Binet A. Études de psychologie expériementale: Le fétichisme dans l'amour. P., 1888.
Binz C. Über den Traum. Bonn, 1878.
Bloch I. Beiträge zur Ätiologie der Psychopathia sexualis. Dresden, 1902–1903. 2 Bd.
Bölsche W. Das Liebesleben in der Natur. Jena, 1911–1913. 2 Bd.
Brill A. A. Psychoanalysis: Its theories and practical applications. Philadelphia; L., 1912.
Brunswick R. M. Die Analyse eines Eifersuchtswahnes // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1928. Bd. 14. S. 458.
Burlingham D. Kinderanalyse und Mutter // Psychoanal. Päd. 1932. Bd. 6. S. 269.
Deutsch H. Okkulte Vorgänge während der Psychoanalyse // Imago. 1926. Bd. 12. S. 418.
Deutsch H. Über die weibliche Homosexualität // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1932. Bd. 18. S. 219.
Du Prel C. Die Philosophie der Mystik. Leipzig, 1885.
Eisler M. J. Beiträge zur Traumdeutung // Intern. Ztschr. ärztl. Psychoanal. 1919 Bd 5. S. 295.
Eisler R. Weltenmantel und Himmelszelt. München, 1910. 2 Bd.
Fechner G. T. Elemente der Psychophysik. Leipzig, 1860.
Federn P. Über zwei typische Traumsensationen // Jb. Psychoanal. 1914. Bd. 6. S. 89.
Ferenczi S. Entwicklungsstufen des Wirklichkeitssinnes // Intern. Ztschr. ärztl. Psychoanal. 1913. Bd. 1. S. 124.
Ferenczi S. Die Symbolik der Brücke // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1921. Bd. 7. S. 211.
Ferenczi S. Die Brückensymbolik und die Don Juan-Legende // Ibid. 1922. Bd. 8. S. 77.
Ferenczi S. Zur Psychoanalyse von Sexualgewohnheiten // Ibid. 1925. Bd. 11. S. 6.
Fliess W. Der Ablauf des Lebens. Wien, 1906.
Freud S. Übersetzung mit Vorrede und Anmerkungen von H. Bernheims «De la suggestion et de ses applications a la thérapeutique» (Paris, 1886) unter dem Titel «Die Suggestion und ihre Heilwirkung». Wien, 1888–1889.

Freud S. Zur Auffassung der Aphasien. Wien, 1891.
Freud S. Übersetzung von H. Bernheims «Hypnotisme, suggestion et psychothérapie: études nouvelles» (Paris, 1891) unter dem Titel «Neue Studien über Hypnotismus, Suggestion und Psychotherapie». Wien, 1892.
Freud S. Inhaltsangaben der wissenschaftlichen Arbeiten des Privatdozenten Dr. Sigm. Freud (1887–1897). Wien, 1897.
Freud S. Die Traumdeutung. Wien, 1900.
Freud S. Zur Psychopathologie des Alltagslebens // G. W. Bd. 4. [1901b].
Freud S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten. Wien, 1905c.
Freud S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie. Wien, 1905.
Freud S. Bruchstück einer Hysterieanalyse // G. W. Bd. 5. S. 163. [1905e].
Freud S. Meine Ansichten über die Rolle der Sexualität in der Ätiologie der Neurosen // G. W. Bd. 5. S. 149. [1906a].
Freud S. Zwangshandlungen und Religionsübung // G. W. Bd. 7. S. 129. [1907b].
Freud S. Zur sexuellen Aufklärung der Kinder // G. W. Bd. 7. S. 19. [1907c].
Freud S. Hysterische Phantasien und ihre Beziehung zur Bisexualität // G. W. Bd. 7. S. 191. [1908a].
Freud S. Charakter und Analerotik // G. W. Bd. 7. S. 203. [1908b].
Freud S. Über infantile Sexualtheorien // G. W. Bd. 7. S. 171. [1908c].
Freud S. Die kulturelle Sexualmoral und die moderne Neurosität // G. W. Bd. 7. S. 143. [1908d].
Freud S. Der Dichter und das Phantasieren // G. W. Bd. 7. S. 213. [1908e].
Freud S. Allgemeines über den hysterischen Anfall // G. W. Bd. 7. S. 235. [1909a].
Freud S. Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben // G. W. Bd. 7. S. 243. [1909b].
Freud S. Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose // G. W. Bd. 7. S. 381. [1909d].
Freud S. Über Psychoanalyse. Wien, 1910.
Freud S. Über den Gegensinn der Urworte // G. W. Bd. S. 214. [1910e].
Freud S. Die psychogene Sehstörung in psychoanalytischer Auffassung // G. W. Bd. 8. S. 94. [1910i].
Freud S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) // G. W. Bd. 8. S. 240. [1911].
Freud S. Über neurotische Erkrankungstypen // G. W. Bd. 8. S. 322. [1912c].
Freud S. Totem und Tabu. Wien, 1913.
Freud S. Ein Traum als Beweismittel // G. W. Bd. 10. S. 12. [1913a].
Freud S. Die Disposition zur Zwangsneurose // G. W. Bd. 8. S. 442. [1913i].
Freud S. Zur Einführung des Narzißmus !/ G. W. Bd. 10. S. 138. [1914c].
Freud S. Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung // G. W. Bd. 10. S. 44. [1914d].
Freud S. Weitere Ratschläge zur Technik der Psychoanalyse. 2. Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten // G. W. Bd. 10. S. 126. [1914g].
Freud S. Triebe und Triebschicksale // G. W. Bd. 10. S. 210. [1915c].
Freud S. Die Verdrängung // G. W. Bd. 10. S. 248. [1915d].
Freud S. Das Unbewußte // G. W. Bd. 10. S. 26. [1915e].
Freud S. Mitteilung eines der psychoanalytischen Theorie widersprechenden Falles von Paranoia // G. W. Bd. 10. S. 234. [1915f].
Freud S. Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse. Wien, 1916–1917 [1915–1917].
Freud S. Über Triebumsetzungen, insbesondere der Analerotik // G. W. Bd. 10. S. 402. [1917c].
Freud S. Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre // G. W. Bd. 10. S. 412. [1917d].
Freud S. Trauer und Melancholie // G. W. Bd. 10. S. 428. [1917e].
Freud S. Aus der Geschichte einer infantilen Neurose // G. W. Bd. 12. S. 29. [1918b].
Freud S. Das Unheimliche // G. W. Bd. 12. S. 229. [1919h].
Freud S. Jenseits des Lustprinzips. Wien, 1920.
Freud S. Massenpsychologie und Ich-Analyse. Wien, 1921.
Freud S. Traum und Telepathie // G. W. Bd. 13. S. 165. [1922a].
Freud S. «Psychoanalyse» und «Libidotheorie» // G. W. Bd. 13. S. 211. [1923a].
Freud S. Das Ich und das Es. Wien, 1923b.

Freud S. Die infantile Genitalorganisation // G. W. Bd. 13. S. 293. [1923e].
Freud S. Das ökonomische Problem des Masochismus // G. W. Bd. 13. S. 371. [1924c].
Freud S. Der Untergang des Ödipuskomplexes // G. W. Bd. 13. S. 395. [1924d].
Freud S. Notiz über den «Wunderblock» // G. W. Bd. 13. S. 3. [1925a].
Freud S. Selbstdarstellung. Wien, 1934.
Freud S. Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds // G. W. Bd. 14. S. 19. [1925j].
Freud S. Hemmung, Symptom und Angst. Wien, 1926.
Freud S. Die Frage der Laienanalyse. Wien, 1926e.
Freud S. Nachwort zur Frage der Laienanalyse // G. W. Bd. 14. S. 287. [1927a].
Freud S. Die Zukunft einer Illusion. Wien, 1927.
Freud S. Fetischismus // G. W. Bd. 14. S. 311. [1927e].
Freud S. Das Unbehagen in der Kultur. Wien, 1930.
Freud S. Über die weibliche Sexualität // G. W. Bd. 14. S. 517. [1931b].
Freud S. Zur Gewinnung des Feuers // G. W. Bd. 16. S. 3. [1932a].
Freud S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse. Wien, 1933.
Freud S. Warum Krieg? Paris, 1933.
Freud S. Nachschrift 1935 zur Selbstdarstellung // G. W. Bd. 16. S. 31. [1935a].
Freud S. Der Mann Moses und die monotheistische Religion // G. W. Bd. 16. S. 103. [1939a].
Freud S. Abriß der Psychoanalyse // G. W. Bd. 17. S. 67. [1940a].
Freud S. Aus den Anfängen der Psychoanalyse. London; Frankfurt a. M., 1962.
Freud S. Briefe 1873—1939 / Hrsg. E. L. Freud. Frankfurt. a. M., 1960.
Freud S. Vorwort // Freud S., Bullit W. S. Thomas Woodrow Wilson, Twenty-eighth President of the United States: A psychological Study. Boston; L., 1967.
Freud S., Breuer J. Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene: Vorläufige Mitteilung // G. W. Bd. 1. S. 81. [1893a].
Freud S., Breuer J. Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene [revidiertes Stenogramm von Vortr.] // Wien. Med. Presse. 1893. Bd. 34, N 4. Kol. 121; N 5. Kol. 165.
Freud S., Breuer J. Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als «Angstneurose» abzutrennen // G. W. Bd. 1. S. 315. [1895b].
Freud S., Breuer J. Studie über Hysterien. Wien, 1895d.
Groddeck G. Das Buch von Es. Wien, 1923.
Hall G. S. A synthetic genetic study of fear // Amer. J. Psychol. 1914. Vol. 24. P. 149.
Hildebrandt F. W. Der Traum und seine Verwerthung für's Leben. Leipzig, 1875.
Hitschmann E. Freuds Neurosenlehre. 2. Aufl. Wien, 1913.
Hug-Hellmuth H. von. Ein Traum, der sich selbst deutet // Intern. Ztschr. ärztl. Psychoanal. 1915. Bd. 3. S. 33.
Janet P. Psycho-analysis: Rapport par M. le Dr. Pierre Janet // Intern. Congr. Med. 1913. Vol. 17. P. 13.
Jodl F. Lehrbuch der Psychologie. Stuttgart, 1896.
Jones E. The psychopathology of everyday life // Amer. J. Psychol. 1911. Vol. 22. P. 477.
Jones E. Der Alptraum in seiner Beziehung zu gewissen Formen des mittelalterlichen Aberglaubens / Übers. H. Sachs. Leipzig; Wien, 1912.
Jung C. Y. Über die Psychologie der Dementia praecox. Halle, 1907.
Kaplan L. Grundzüge der Psychoanalyse. Wien, 1914.
Lampl-de-Groot J. Zur Entwicklungsgeschichte des Ödipuskomplexes der Frau // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1927. Bd. 13. S. 269.
Leuret F. Fragments psychologiques sur la folie. P., 1834.
Levy L. Die Sexualsymbolik der Bibel und Talmuds // Ztschr. Sexwiss. 1914. Bd. 1. S. 274, 318.
Lichtenberg G. C. von. Witzige und satirische Einfälle. Göttingen, 1853. Bd. 2.
Lindner S. Das Saugen an den Fingern, Lippen etc. bei den Kindern (Ludeln) // Jb. Kinderheilk. N. F. 1879. Bd. 14. S. 68.
Maeder A. Contributions à la psychopathologie de la vie quotidienne // Arch. psychol. 1906. Vol. 6. P. 148.

Maeder A. Nouvelles contributions à la psychopathologie de la vie quotidienne // Ibid. 1908. Vol. 7. P. 283.
Maeder A. Über die Funktion des Traumes // Jb. psychoanal. und psychopathol. Forsch. 1912. Bd. 4. S. 692.
Maury L. F. A. Le sommeil et les rêves. P., 1861.
Meijer A. F. De Behandeling van Zenuwzieken door Psycho-Analyse. Amsterdam, 1915.
Meringer R., Mayer C. Versprechen und Verlesen: eine psychologisch-linguistische Studie. Wien, 1885.
Näcke P. Kritisches zum Kapitel der normalen und pathologischen Sexualität // Arch. Psychiat. und Nervenk. 1899. Bd. 32. S. 356.
Nordenskjöld O. et al. Antarctic: Zwei Jahre in Schnee und Eis am Südpol. B., 1904. 2 Bd.
Pfister O. Die psychoanalytische Methode. Leipzig; B., 1913.
Rank O. Der Mythus von der Geburt des Helden. Leipzig; Wien, 1909.
Rank O. Ein Beispiel von poetischer Verwertung des Versprechens // Zentr.-Bl. Psychoanal. 1910a. Bd. 1. S. 109.
Rank O. Ein Traum, der sich selbst deutet // Jb. psychoanal. und psychopathol. Forsch. 1910b. Bd. 2. S. 465.
Rank O. Aktuelle Sexualregungen als Traumanlässe // Zentr.-Bl. Psychoanal. 1912a. Bd. 2. S. 596.
Rank O. Das Inzest-Notiv in Dichtung und Sage. Leipzig; Wien, 1912b.
Rank O. Das Trauma der Geburt. Wien, 1924.
Régis E., Hesnard A. La psychoanalyse des névroses et des psychoses. P., 1914.
Reik Th. Die Pubertätsriten der Wilden // Imago. 1915–1916. Bd. 4. S. 125, 189.
Reik Th. Völkerpsychologische Parallelen zum Traumsymbol des Mantels // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1920. Bd. 6. S. 350.
Sachs H. Traumdeutung und Menschenkenntnis // Jb. psychoanal. und psychopathol. Forsch. 1912. Bd. 3. S. 568.
Schernen K. A. Das Leben des Traumes. B., 1861.
Schrötter K. Experimentelle Traume // Zentr.-Bl. Psychoanal. 1912. Bd. 2. S. 638.
Schubert G. H. von. Die Symbolik des Traumes. Bamberg, 1814.
Sigmund Freud / Oskar Pfister: Briefe 1909 bis 1939 / Hrsg. E. L. Freud und H. Meng. Frankfurt a. M., 1963a.
Sigmund Freud / Karl Abraham: Briefe 1907 bis 1926 / Hrsg. von H. C. Abraham und E. L. Freud. Frankfurt a. M., 1965a.
Sigmung Freud / Lou Andreas-Salomé Brifwechsel / Hrsg. E. Pfeiffer. Frankfurt a. M., 1966a.
Sigmund Freud / Arnold Zweig. Briefwechsel / Hrsg. E. L. Freud. Frankfurt a. M., 1968a.
Silberer H. Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Halluzinations-Erscheinungen hervorzurufen und zu beobachten // Jb. psychoanal. und psychopathol. Forsch. 1909. Bd. 1. S. 513.
Silberer H. Symbolik des Erwachens und Schwellensymbolik überhaupt // Ibid. 1912. Bd. 3. S. 621.
Silberer H. Probleme der Mystik und ihrer Symbolik. Wien, 1914.
Sperber H. Über den Einfluß sexueller Momente auf Entstehung und Entwicklung der Sprache // Imago. 1912. Bd. 1. S. 405.
Stärcke J. Aus dem Alltagsleben // Intern. Ztschr. ärztl. Psychoanal. 1916. Bd. 4. S. 21, 98.
Stekel W. Die Sprache des Traumes. Wiesbaden, 1911.
Strümpell L. Die Natur und Entstehung der Träume. Leipzig, 1877.
Toulouse E. Émile Zola: enquête médico-psychologique. P., 1896.
Vold J. M. Über den Traum. Leipzig, 1910–1912. 2 Bd.
Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig, 1874.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОШИБОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Первая лекция. Введение 7
Вторая лекция. Ошибочные действия 13
Третья лекция. Ошибочные действия (продолжение) . . 22
Четвертая лекция. Ошибочные действия (окончание) . 35

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СНОВИДЕНИЯ

Пятая лекция. Трудности и первые попытки понимания 50
Шестая лекция. Предположения и техника толкования 61
Седьмая лекция. Явное содержание сновидения и скрытые его мысли 69
Восьмая лекция. Детские сновидения 77
Девятая лекция. Цензура сновидения 84
Десятая лекция. Символика сновидения. 92
Одиннадцатая лекция. Работа сновидения 106
Двенадцатая лекция. Анализ отдельных сновидений . . 115
Тринадцатая лекция. Архаические черты и инфантилизм сновидения 125
Четырнадцатая лекция. Исполнение желания 134
Пятнадцатая лекция. Сомнения и критика 144

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НЕВРОЗОВ

Шестнадцатая лекция. Психоанализ и психиатрия . . 154
Семнадцатая лекция. Смысл симптомов 163
Восемнадцатая лекция. Фиксация на травме, бессознательное 173
Девятнадцатая лекция. Сопротивление и вытеснение . . 182
Двадцатая лекция. Сексуальная жизнь человека . . . 192
Двадцать первая лекция. Развитие либидо и сексуальная организация 203
Двадцать вторая лекция. Представление о развитии и регрессии. Этиология 216

Двадцать третья лекция. Пути образования симптомов . 228
Двадцать четвертая лекция. Обычная нервозность . . . 241
Двадцать пятая лекция. Страх 250
Двадцать шестая лекция. Теория либидо и нарциссизм . 263
Двадцать седьмая лекция. Перенесение 275
Двадцать восьмая лекция. Аналитическая терапия . . 287

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕКЦИЙ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ

Предисловие 300
Двадцать девятая лекция. Пересмотр теории сновидений 301
Тридцатая лекция. Сновидения и оккультизм 317
Тридцать первая лекция. Разделение психической личности 334
Тридцать вторая лекция. Страх и жизнь влечений . . . 349
Тридцать третья лекция. Женственность 369
Тридцать четвертая лекция. Объяснения, приложения, ориентации 385
Тридцать пятая лекция. О мировоззрении 399

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ф. В. Бассин, М. Г. Ярошевский. Фрейд и проблемы психической регуляции поведения человека 418

Комментарии. *М. Г. Ярошевский* 439

Библиография 450

Научное издание

ФРЕЙД ЗИГМУНД

Введение в психоанализ

Лекции

●

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Классики науки»

Заведующая редакцией
Г. И. ЧЕРТОВА
Редактор
В. Д. ПЕТРОСЯН

Художник
Ф. Н. БУДАНОВ

Художественный редактор
И. Д. БОГАЧЕВ

Технический редактор
Л. И. КУПРИЯНОВА

Корректоры
В. А. БОБРОВ, Ф. Г. СУРОВА

ИБ № 39220

Сдано в набор 10.01.89. Подписано к печати 24.04.89. Формат 70×90 1/16
Бумага офсетная № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,45. Усл. кр. отт. 34,62. Уч.-изд. л. 35,7. Доп. тиража 100 000 экз. Тип. зак. 1290
Цена 15 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ПИН

ЗИГМУНД ФРЕЙД

НАУКА

ЗИГМУНД ФРЕЙД

Введение в психоанализ

•

Лекции